ВОЛОГОДСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ И РЕГИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ В ЗЕРКАЛЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИЗМЕРЕНИЙ

МАТЕРИАЛЫ X МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ ИНТЕРНЕТ-КОНФЕРЕНЦИИ

24 – 28 марта 2025 года

ВОЛОГДА • 2025

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук»

ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ И РЕГИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ В ЗЕРКАЛЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИЗМЕРЕНИЙ

Материалы X Международной научно-практической интернет-конференции
(г. Вологда, 24–28 марта 2025 г.)

Вологда
2025

УДК 316.1:316.43
ББК 60.524:60.59
Г52

Публикуется по решению
Ученого совета ВолНЦ РАН

Редакционная коллегия:

А.А. Шабунова – д.э.н., директор ФГБУН ВолНЦ РАН,
О.Н. Калачикова – к.э.н., зам. директора по научной работе ФГБУН ВолНЦ РАН,
М.А. Груздева – к.э.н., ведущий научный сотрудник, зав. центром социально-демографических исследований ФГБУН ВолНЦ РАН,
К.Е. Косыгина – к.э.н., ведущий научный сотрудник, зав. центром социокультурных и политических исследований ФГБУН ВолНЦ РАН,
О.В. Третьякова – к.ф.н., зав. отделом ФГБУН ВолНЦ РАН

Г52 **Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений**: материалы X Междунар. науч.-практ. интернет-конф. (г. Вологда, 24–28 марта 2025 г.). – Вологда: ФГБУН ВолНЦ РАН, 2025. – 438 с.: ил., табл. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). – Текст: электронный.

ISBN 978-5-93299-637-9

В сборнике представлены статьи, опубликованные по итогам X Международной научно-практической интернет-конференции «Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений», проходившей на площадке Вологодского научного центра РАН с 24 по 28 марта 2025 года.

В конференции приняли участие представители научных учреждений и вузов регионов России и стран ближнего зарубежья.

Обсуждение проходило в пяти тематических секциях конференции: «Демографическое развитие территорий в контексте глобальных вызовов», «Социальное благополучие и качество жизни населения: от измерения к управлению», «Рынок труда в эпоху перемен: актуальные тенденции и практические решения», «Результаты и перспективы социокультурной трансформации российского общества», «Развитие экономики и территорий в условиях турбулентности и неопределенности».

Материалы конференции будут полезны для научных работников, социологов, экономистов, преподавателей вузов, специалистов в области государственного управления, представителей общественности, СМИ и всех интересующихся вопросами социально-экономического развития России.

Тексты докладов приводятся в авторской редакции. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов докладов. Ответственность за содержание докладов несут авторы.

УДК 316.1:316.43
ББК 60.524:60.59

ISBN 978-5-93299-637-9

© ФГБУН ВолНЦ РАН, 2025

Содержание

Предисловие 8

Пленарное заседание

Волков А.Д. Границы благосостояния населения арктических регионов: территориальная дифференциация и пространственные зависимости 10

Медведева Е.И., Крошилин С.В. Запросы на непрерывное образование медиков будущего 15

Соколова Т.И. Некоторые аспекты реализации национального проекта «культура» (на примере музеев Вологодской области) 21

Алферова Е.С. Состояние и новые черты малого и среднего предпринимательства в России 26

СЕКЦИЯ № 1. Демографическое развитие территорий в контексте глобальных вызовов

Бельский А.М. Социологическое сопровождение демографической ситуации: анализ репродуктивных установок белорусов 30

Боброва А.Г. Риски и угрозы демографической безопасности Республики Беларусь 34

Егорова Н.Ю. Репродуктивные установки нижегородских студентов: есть ли потенциал роста рождаемости? 38

Короленко А.В. Личные расходы на здоровье в контексте заботы о нем (на материалах социологического опроса населения) 42

Мартищенкова Е.В., *Щурок Э.М.* Миграционные установки населения пострадавших от аварии на ЧАЭС территорий Беларуси 48

Моховикова Д.А. Здоровьесберегающие практики молодежи современных российских мегаполисов 53

Нацун Л.Н. Здоровье пожилого населения Вологодской области: гендерные особенности 58

Пасовец Ю.М. Ключевые поведенческие факторы здоровья россиян: представления и реальность 64

Разварина И.Н. Влияние здоровья будущего отца на здоровье ребенка 67

Реутов Е.В. Среднесрочные тренды демографического воспроизводства регионов центрального черноземья 70

Романова К.А., *Савина А.А.*, *Евграфова А.А.*, *Кузнецова Е.А.* Отношение молодежи к технологии прерывания беременности 75

Шарыпова С.Ю., *Корнилицына М.Д.* Иллюзия неуязвимости: как самооценка здоровья провоцирует рискогенное поведение 80

Эркоян А.С., *Мурадян М.А.* Пути совершенствования миграционной политики (пример Армении) 85

СЕКЦИЯ № 2. Социальное благополучие и качество жизни населения: от измерения к управлению

Белехова Г.В. Субъективное благополучие населения в контексте доходных возможностей: кейс Вологодской области 90

Беляева А.А. Проблемы и вызовы в сфере социально-культурной деятельности в контексте качества жизни уязвимых групп населения 96

Галанзовский А.С. Основные стратегии изучения социальной политики 101

Григорова Д.А., *Давыденко В.А*. Восприятие турецких сериалов зрителями онлайн-платформ 106

Джиджян А.Р. Некоторые аспекты социальной защиты уязвимых, в частности малообеспеченных групп населения на постсоветском пространстве 110

Дружинина Д.Д., *Давыденко В.А*. Цифровые следы университета в социальных сетях 117

Ильина И.В., *Хлопунова П.И*. Социальный оптимизм и пессимизм в самочувствии молодежи 121

Калашников К.Н. Структура потребления продуктов питания населением России 126

Липова П.А. Обращения граждан в общественную палату Самарской области 129

Маврина И.Н., *Хисамутдинова Р.Ф*. Влияние колебаний процентных ставок на доступность ипотеки для молодежи в России:анализ и рекомендации 134

Морев М.В. Социальное здоровье как индикатор качества жизни: методика измерения и оценки 139

Мурашко О.Ю., *Кот У.В*. Гендерные стереотипы в распределении домашних обязанностей в современной белорусской семье 145

Нятина Н.В., *Лось М.А*. К вопросу о группировке триггеров сетевой коммуникации в условиях социально-политической мобилизации 150

Платонова А.П. Семейно-бытовое насилие в российской семейной политике: современные вызовы 154

Ромашкина Г.Ф., З*анчук М.Р*. Динамика потребительских расходов в кризисный период 158

Сирковская Т.В. Продовольственное благополучие в мегаполисах (на примере оценки структуры питания жителей г. Перми) 162

Сойко А.Д. Влияние цифровизации и технологических изменений на государственную политику в сфере образования 168

Соловьева Т.С. Заработная плата в России и СЗФО: отраслевой и квалификационный аспекты 171

Тихомирова В.В. Объективные и комплексные индикаторы измерения качества жизни населения (на примере северных регионов) 175

Толстова А.Е., Комарова А.А. Оценка экологической ситуации в Тамбовской области: проблемы и возможности их решения 181

Тупик Е.С. Предпочтения старшеклассников городских и сельских школ тверского региона в выборе будущей профессии 187

Шматова Ю.Е. Восприятие благополучия жизни старшим поколением в зависимости от их психоэмоционального состояния 191

Яковлева Н.И. Система социальной защиты в современной Беларуси 198

СЕКЦИЯ № 3. Рынок труда в эпоху перемен: актуальные тенденции и практические решения

Азатян Л.С. Основные проблемы занятости в аграрном секторе республики Армения 203

Гайфуллин А.Ю. Профессиональные ориентиры школьников, проживающих в муниципальных районах субъектов Российской Федерации (на примере республики Башкортостан) 207

Запащиков С.П. Корпоративная культура вахтовых организаций как фактор устойчивости труда в условиях социальной изоляции и экстремальных условий 212

Милаева Т.В. Социально-профессиональная мобильность молодежи как фактор повышения благополучия 216

Мороз *О.В.* Адаптивное образование: университет и рынок труда 222

Погосян Ш.П. Рынок труда и новые тенденции в области искусственного интеллекта 225

Попов А.В. Качество трудовой жизни в пространственном измерении: центр-периферийные различия в Вологодской области 230

Решетникова К.В. Практики использования форм организации труда в российских компаниях (по итогам российской части международного исследования cranet, 2021 год) 236

Рушева А.В., *Китаев Н.С.* Трудности и стратегии найма молодых специалистов поколения z на рынке труда 242

Сатанова Е.А. Проблемные вопросы регулирования труда лиц, работающих в районах крайнего севера и приравненных к ним местностях 245

Фетюков А.В. Компетенции молодых специалистов в ракурсе трансформации рынка труда (на данных регионального мониторинга) 250

Шаленкова Е.В. Современные тренды на рынке в розничном сегменте фармацевтического рынка труда: национальный, региональный и отраслевой уровни и их влияние на качество работы аптечных сетей 259

Шатунова Т.Е., *Васильцова С.А.* Стратегии обеспечения баланса между продуктивностью и благополучием smm-специалистов 264

СЕКЦИЯ № 4. Результаты и перспективы социокультурной трансформации российского общества

Аверкина К.Е., *Степанова А.С.*, *Бельман В.В.* Технократизм как культурная доминанта в эпоху перемен 270

Агафонова Д.Ю. Социальный капитал общественного участия: кейс Тюменской области 274

Акулич М.М., *Лаврухина Н.Н.* Роль креативных индустрий в устойчивом развитии регионов России 278

Воробьева И.Н., *Мехова А.А.* Традиционные семейные ценности как фактор территориальной идентичности 283

Захарова А.А., *Тагнабердиева Л.А.*, *Тенсина А.Д.* Эволюция образа женщин в отечественном кинематографе 288

Кислицын И.А., *Ромашкина Г.Ф.* Угрозы цифровой среды для институционального доверия 294

Корзина А.А. Трансформация единого портала государственных и муниципальных услуг (на примере Вологодской области) 298

Марина И.П., *Мосин В.И.* Роль женщин в социокультурном развитии Тульской области 303

Митрофанова С.Ю., *Кузнецов В.А.* Причины участия и неучастия молодежи в студенческих объединениях 307

Омельченко Д.А., *Максимова С.Г.*, *Пурэвсурэн Ц.* Укорененность религиозности населения в религиозном ландшафте и локальных сетевых взаимодействиях в российско-монгольском трансграничном пространстве 312

Пакштайте В.В., *Реут В.Г.* Особенности педагогического взаимодействия с гетерогенными группами студентов как ресурс устойчивого развития общества 317

Сагидуллина Е.А. Развитие исследовательской компетентности обучающихся в процессе проектно-исследовательской деятельности (на примере научно-образовательного центра вологодского научного центра российской академии наук) 323

Шабунин Д.М. Самарская область в программе «проблемы социокультурной эволюции россии и ее регионов» 328

Шевцова А.Е. Аниме как фактор восприятия японской культуры 333

Шляпина А.С. Восприятие феномена «катастрофы» в понимании студенческой молодежи 336

Ясников Н.Н. Социальный капитал молодежи Вологодской области 340

СЕКЦИЯ № 5. Развитие экономики и территорий в условиях турбулентности и неопределенности

Вахорина М.В. Поддержка малого и среднего бизнеса тульского региона: эффективность программ и новые инициативы 345

Верецкая А.И., *Довейко А.Б.* Научно-исследовательские практики воронежских студентов 349

Горохова Н.В., *Макарова А.А.* Политика импортозамещения в Российской Федерации: от вынужденной меры к стратегическому приоритету 354

Горст Т.А. Роль государственных программ в обеспечении экономической безопасности региона 358

Гусев С.А. Импортозамещение в российской автомобильной промышленности: проблемы и перспективы 363

Захарян А.Г. Инновационный интеллект как фактор развития научно-технического потенциала общества 366

Киселенко А.Н., *Сундуков Е.Ю.* Функционирование речного транспорта европейского и приуральского севера России на примере пассажирских перевозок 371

Колечков Д.В. Оценка развития экономики республики коми в условиях неопределенности 378

Леонов С.Н. Подходы к оценке адаптивных способностей регионов в условиях турбулентности 388

Микрюков В.О. Стратегическое планирование развития городских агломераций как фактор обеспечения устойчивости территорий в условиях турбулентности 393

Михалко Н.Н. Инициативное бюджетирование в Российской Федерации на региональном и местном уровне власти (на примере Вологодской области) 398

Незбудей В.А. Индикаторы оценки экономической безопасности организаций нефтедобывающей отрасли 403

Суслова А.П. Подход к улучшению качества жизни населения через формирование и развитие комфортной городской среды на примере г. Тулы 409

Тевлюкова В.Д. Роль внеоборотных активов в обеспечении экономической безопасности организации 414

Терешкина Н.Е. Особенности стратегии импортозамещения программного обеспечения в России 419

Чапаргина А.Н., *Шарабашева А.О.* Инвестиционная деятельность арктических регионов Российской Федерации: современное состояние и перспективы развития 423

Шабер Е.А. Представление о профессиональной деятельности специалистов по закупкам в условиях цифровой трансформации и импортозамещения 428

Широкова Е.Ю. Роль обрабатывающей промышленности в региональной экономике 433

Предисловие

В рамках мероприятий, посвященных 35-летию ВолНЦ РАН с 24 по 28 марта 2025 года на базе Вологодского научного центра РАН состоялась X Юбилейная Международная научно-практическая интернет-конференция «Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений». Организаторами мероприятия выступили Вологодский научный центр РАН, отделение общественных наук Российской академии наук, Институт социологии НАН Беларуси. В уже традиционном и зарекомендовавшем себя формате онлайн-дискуссии приняли участие молодые ученые и уже состоявшиеся специалисты из 29 регионов России, а также Республик Армении и Беларуси, Монголии. Цель конференции – обсуждение актуальных проблем развития стран и регионов в условиях глобальных мировых вызовов в общем кругу исследователей и практиков в области социологии, экономики, обществознания, представляющих государственные исследовательские и научные институты, массмедиа, общественные и коммерческие организации.

Работа интернет-конференции была организована по 5 научным секциям:

1. «Демографическое развитие территорий в контексте глобальных вызовов».
2. «Социальное благополучие и качество жизни населения: от измерения к управлению».
3. «Рынок труда в эпоху перемен: актуальные тенденции и практические решения».
4. «Результаты и перспективы социокультурной трансформации российского общества».
5. «Развитие экономики и территорий в условиях турбулентности и неопределенности».

В ходе мероприятия было представлено 127 докладов; участниками конференции стали 165 исследователей, среди которых 55 кандидатов наук и 15 докторов наук. На интернет-форум конференции поступило более 650 сообщений. Следует отметить, что сохраняется широкая география участников, высокий уровень докладов и их обсуждения.

28 марта 2025 года состоялось пленарное заседание, организованное в дистанционном формате. Мероприятие объединило ведущих экспертов из разных регионов России, представивших результаты своих исследований в области экономики, здравоохранения, культуры и предпринимательства. Доклады в режиме онлайн представили исследователи из Вологды, Москвы, Петрозаводска, Иваново. Волков Александр Дмитриевич, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник КарНЦ РАН, представил исследование «Границы благосостояния населения арктических регионов: территориальная дифференциация и пространственные зависимости». Медведева Елена Ильинична, доктор экономических наук, и Крошилин Сергей Викторович, кандидат технических наук (НИИ организации здравоохранения и медицинского менеджмента Москвы), выступили с совместным докладом «Запросы на непрерывное образование “медиков будущего”», осветив современные тренды в подготовке медицинских кадров. Соколова Татьяна Игоревна, кандидат филологических наук, ученый секретарь ВолНЦ РАН, поделилась результатами исследования по реализации нацпроекта «Культура» на примере музеев Вологодской области, выделив тенденции и перспективные направления развития музейной сферы. Алферова Евгения Сергеевна, аспирант Ивановского государственного университета и исполнительный директор ООО «Технологии развития», представила доклад «Состояние и новые черты малого и среднего предпринимательства в России», обозначив ключевые вызовы и возможности для бизнеса.

Традиционно по итогам проведения интернет-конференции были подведены итоги работы секций, участникам отправлены именные сертификаты, лучшие доклады отмечены дипломами I, II, и III степени.

Настоящим и будущим участникам наших конференций мы желаем столь же активного и вдохновляющего диалога, плодотворных дискуссий и смелых научных идей. До новых встреч на мероприятиях Вологодского научного центра РАН!

Директор ФГБУН «Вологодский научный центр РАН»
д.э.н. А.А. Шабунова

Пленарное заседание

УДК 332.1 / ББК 65.04

Волков А.Д.

ГРАНИЦЫ БЛАГОСОСТОЯНИЯ НАСЕЛЕНИЯ АРКТИЧЕСКИХ РЕГИОНОВ: ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ И ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ЗАВИСИМОСТИ

Аннотация. *В докладе представлены данные о дифференциации границ воспринимаемого благосостояния населения (разделение на 5 групп) в разрезе 5 регионов и 32 муниципальных образований европейской части АЗРФ. Фактологическую основу составляют результаты опроса населения (общая n = 4871).*

Ключевые слова*: арктические территории, региональное пространство, территориальные зависимости, благосостояние населения, индекс Морана, доходы.*

Благодарность

Исследование проведено в рамках проекта РНФ № 23-78-10192 «Формирование этнометрического базиса институционального проектирования Российской Арктики: взаимовлияние культуры, экономического пространства и социального отбора в макросистемах» (https://rscf.ru/project/23-78-10192/)

Актуальность изучения аспектов благосостояния населения России, а также бедности и ее границ увеличивается в период социально-экономической нестабильности и кризисов. Особое значение данные вопросы имеют для арктических регионов, испытывающих выраженный отток населения в последние десятилетия. Если в период активного освоения Арктики миграционный приток населения на указанные территории обеспечивался в первую очередь высокими заработками и социальными гарантиями для местного населения, то в настоящее время данный фактор привлекательности арктических территорий во многом сошел на нет [1]. Специфика транспортной доступности, существующих издержек ведения хозяйственной деятельности, а также потребления и спроса обуславливает территориальную дифференциацию цен на отдельные группы товаров. В свою очередь локальные особенности экономики определяют уровень доходов проживающего населения. Данные факторы формируют объективные предпосылки территориальной дифференциации благосостояния населения Российской Арктики и ее границ: уровня доходов, достаточного для обеспечения расширенного воспроизводства человеческого капитала на одной территории, может быть недостаточно для реализации аналогичной модели воспроизводства в других территориальных условиях. Целью представленного исследования является определение границ благосостояния населения регионов Российской Арктики. В рамках данной работы мы оперируем данными о субъективных оценках респондентами доходов домохозяйств и благосостояния, выражающегося в возможности обеспечить потребности семьи в товарах и услугах.

В контексте тематики исследования следует сказать несколько слов о субъективной бедности и субъективном благосостоянии населения. А.А. Шабунова и соавторы связывают понятие материального благосостояния населения с понятием уровня жизни, в рамках которого оно выступает ключевой составляющей и понимается как обеспеченность населения необходимыми для жизни материальными, социальными и культурными благами. Исследователи выделяют четыре подхода в исследовании благосостояния населения: подход с точки зрения производства, подход с точки зрения потребления, подход «от доходов населения», подход с точки зрения стоимости жизни [2]. При этом субъективные оценки благосостояния позволяют связать стоимость благ на определенной территории с уровнем дохода населения. Как отмечают П.В. Белопашенцева и соавторы в проведенном исследовании аспектов бедности в российских регионах, «субъективная бедность представляет собой концепцию, вырастающую из проблематики субъективного социального благополучия» [3, с. 37]. При этом коллективом

авторов из Института социологии ФНИСЦ РАН отмечается общее расхождение динамики и масштабов объективной бедности по данным, полученным в рамках выборочных опросов, и данным статистики. Данное наблюдение сделано на основе серии исследований 2003, 2013 и 2023 гг. [3].

Источником данных в представленном исследовании стали результаты опроса населения арктических территорий европейской части России, административно относимых к Республике Карелия, Мурманской области, Архангельской области, Ненецкому автономному округу и Республике Коми. Анализировались данные для 32 муниципальных образований европейской части АЗРФ (кроме ЗАТО Александровск, Видяево, Заозерск, Островной, Североморск). Применялся квотный тип формирования выборки. В разрезе регионов выборка распределена следующим образом: арктические территории Архангельской области, n = 1145 чел.; Мурманская область, n = 1258 чел.; арктические территории Республики Карелия, n = 1042 чел.; арктические территории Республики Коми, n = 825 чел., Ненецкий АО, n = 601 чел.

Респонденты отбирались случайным образом, путем поквартирного обхода. Опрос проводился в форме прямого интервьюирования, в ряде случаев анкета оставлялась для самостоятельного заполнения респондентом (с сопутствующим инструктажем и контролем заполнения). Проведение социологического опроса реализовывалось силами самого исследовательского коллектива на ряде территорий, совместно со специалистами Института экономических проблем имени Лузина РАН, Мурманского арктического университета, Северного арктического федерального университета, социологической службы «Общественное мнение Республики Коми».

Результаты исследования показывают, что 46% домохозяйств на исследованных территориях при существующем уровне доходов, цене товаров и состоянии сферы услуг могут удовлетворять как текущие потребности, так и приобретать товары длительного потребления. 48% населения не выходит за рамки текущего потребления (из них 10% могут позволить себе только текущие затраты на еду, а 1% не может в полной мере обеспечить себя продуктами питания) *(рис. 1).*

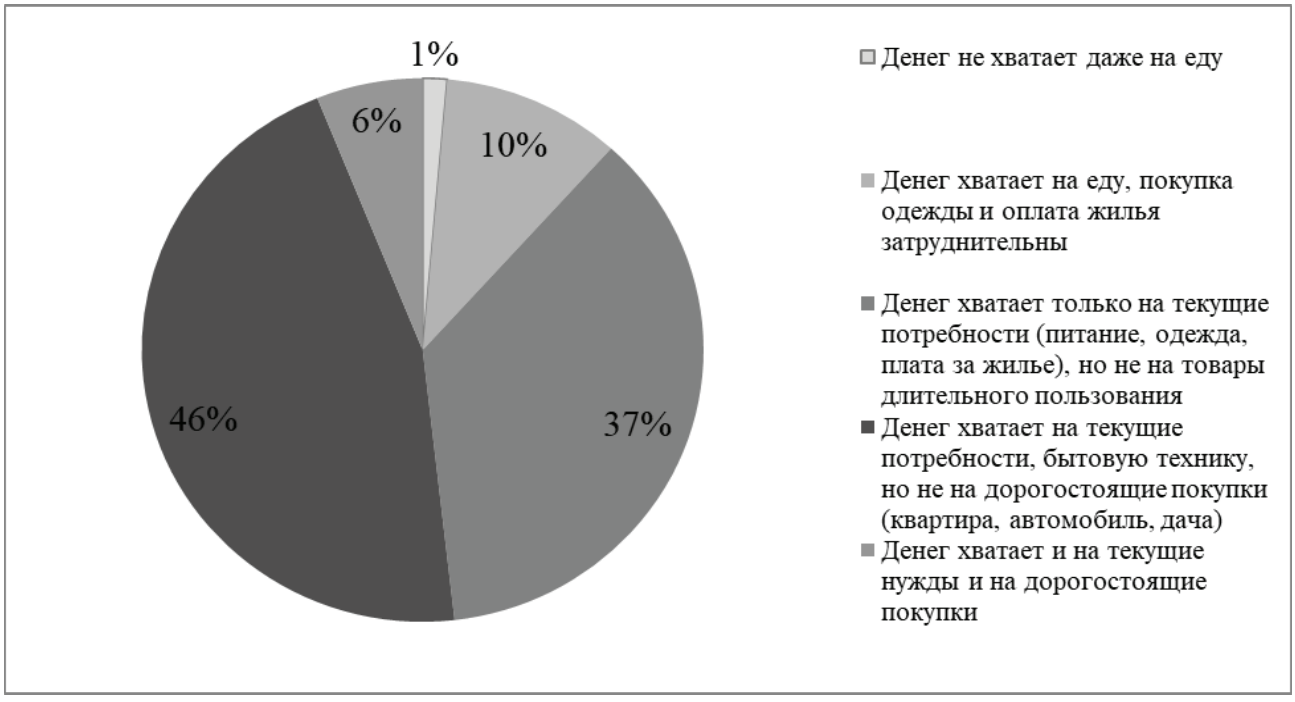

Рисунок 1. **Распределение домохозяйств исследованных регионов по уровню благосостояния**

В рамках рассмотрения территориальных особенностей границ материального благосостояния населения европейской части Российской Арктики целесообразно сопоставить уровень субъективного благосостояния и доходов домохозяйств, а также доходов на одного члена семьи *(табл. 1, табл. 2).*

Первый аспект сопоставления представлен в *табл. 1*. Мы видим, что смещение границ уровней благосостояния в разрезе регионов имеет неравномерный характер. Например, наименьший средний уровень дохода семьи для обеспечения потребностей семьи в продуктах питания зафиксирован на арктических территориях Республики Карелия, а наименьший средний уровень дохода семьи для обеспечения потребностей семьи в полном спектре материальных благ (денег хватает и на текущие нужды, и на дорогостоящие покупки) – на арктических территориях Архангельской области *(табл. 1).*

Таблица 1. **Соответствие доходов домохозяйств и уровня субъективного благосостояния населения по регионам европейской части Российской Арктики, тыс. руб.**

Регион	Денег не хватает даже на еду	Денег хватает на еду, покупка одежды и оплата жилья затруднительны	Денег хватает только на текущие потребности (питание, одежда, плата за жилье), но не на товары длительного пользования	Денег хватает на текущие потребности, бытовую технику, но не на дорогостоящие покупки (квартира, автомобиль, дача)	Денег хватает на текущие нужды и на дорогостоящие покупки	Среднее по региону
АЗ Архангельская область	54,2	67,9	78,2	121,8	163,6	103,7
Мурманская область	55,0	68,6	88,3	126,7	175,0	110,0
Ненецкий АО	55,4	54,5	91,8	130,6	261,9	114,8
АЗ Республика Карелия	48,7	52,1	74,2	104,2	178,1	89,2
АЗ Республика Коми	47,5	58,0	84,8	130,2	176,8	106,0
Общий итог	52,4	59,8	82,6	122,1	185,3	103,8
Источник: составлено автором по материалам полевого исследования						

В то же время более точные оценки могут быть даны при учете доходов на одного члена домохозяйства, представленных в *табл. 2*.

Таблица 2. **Соответствие доходов на одного члена семьи и уровня субъективного благосостояния населения по регионам европейской части Российской Арктики**

Регион	Денег не хватает даже на еду	Денег хватает на еду, покупка одежды и оплата жилья затруднительны	Денег хватает только на текущие потребности (питание, одежда, плата за жилье), но не на товары длительного пользования	Денег хватает на текущие потребности, бытовую технику, но не на дорогостоящие покупки (квартира, автомобиль, дача)	Денег хватает на текущие нужды и на дорогостоящие покупки	Среднее по региону
АЗ Архангельская область	19,3	25,3	31,4	44,1	51,8	38,6
Мурманская область	15,7	23,7	30,3	44,3	60,6	38,0
Ненецкий АО	21,6	26,2	33,4	40,0	80,6	39,3
АЗ Республика Карелия	14,3	19,1	27,2	36,8	53,1	31,6
АЗ Республика Коми	19,0	26,8	35,4	47,7	63,8	41,8
Общий итог	17,0	23,2	31,0	42,7	59,7	37,4
Источник: составлено автором по материалам полевого исследования						

В целом, мы видим сохранение пропорций в территориальной дифференциации границ материального благосостояния населения при переходе от одной группы благосостояния к другой. Однако есть и ряд исключений. На примере Ненецкого АО мы наблюдаем значимые отличия в дистанции перехода от одной группы благосостояния к другой.

Следующим этапом является выявление территориальной специфики границ благосостояния на муниципальном уровне. Применение пространственных матриц с использованием глобального и локального индекса Морана позволят выявить зависимости границ воспринимаемого благосостояния между территориями. Соответствующие результаты будут представлены в рамках доклада и отдельной работы.

Библиографический список

1. Фаузер В.В., Смирнов А.В. (2020). Миграции населения Российской Арктики: модели, маршруты, результаты // Арктика: экология и экономика. № 4(40). С. 4–18.
2. Шабунова А.А., Россошанский А.И., Белехова Г.В. (2014). Благосостояние населения: тенденции и перспективы. Вологда: Институт социально-экономического развития территорий РАН. 124 с.
3. Белопашенцева П.В., Слободенюк Е.Д., Мареева С.В. (2024). Объективная и субъективная бедность в России: что принесли последние 20 лет // Вестник Института социологии. Т. 15. № 4. С. 34–59.

Информация об авторе

Волков Александр Дмитриевич – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Отдел комплексных научных исследований КарНЦ РАН (Российская Федерация, 185910, г. Петрозаводск, ул. Пушкинская, д. 11; e-mail: kov8vol@gmail.com).

Volkov A.D.

WELFARE BOUNDARIES OF ARCTIC REGIONS: TERRITORIAL DIFFERENTIATION AND SPATIAL DEPENDENCIES

Abstract. *The report presents data on the differentiation of the boundaries of the perceived well-being of the population (division into 5 groups) in the context of 5 regions and 32 municipalities of the European part of the Arctic Zone of the Russian Federation. The factual basis is the results of a population survey (total n = 4871).*

Keywords: *Arctic territories, regional space, territorial dependencies, population welfare, Moran's index, income.*

About the author

Alexander D. Volkov – PhD in Economics, Senior Researcher, Department of Complex Scientific Research, Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences (11, Pushkinskaya Street, 185910, Petrozavodsk, Russian Federation; e-mail: kov8vol@gmail.com).

References

1. Fauzer V.V., Smirnov A.V. (2020). Migration of the Russian Arctic population: models, routes, results. Arctic: Ecology and Economy, 4(40), pp. 4–18.
2. Shabunova A.A., Rossoshanskii A.I., Belekhova G.V. (2014). Population's Welfare: Trends and Prospects: monograph. Vologda: ISERT RAN. 124 p.
3. Belopashentseva P.V., Slobodenyuk E.D., Mareeva S.V. (2024). Objective and Subjective Poverty in Russia: What the Last 20 Years Have Brought. Vestnik instituta sotziologii, 15(4), pp. 34–59.

УДК 614.23; 331.1 / ББК 65.291.66

Медведева Е.И., Крошилин С.В.

ЗАПРОСЫ НА НЕПРЕРЫВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ МЕДИКОВ БУДУЩЕГО

Аннотация. *В медицине происходят трансформации, связанные с переоснащением и цифровизацией. В статье будут представлены результаты опроса отношения медицинских работников к системе аккредитации и самообразования в аспекте соответствия медиков будущего.*

Ключевые слова: *медицинский работник, медик будущего, переподготовка, непрерывное медицинское образование, управление персоналом, менеджмент в здравоохранении, социально-экономические трансформации.*

Благодарность

Данная статья подготовлена автором в рамках НИР «Научно-методическое обеспечение организационных аспектов повышения доступности и качества медицинской помощи в государственной системе здравоохранения города Москвы» (№ по ЕГИСУ: № 123032100063-3).

Современная медицина – это высокотехнологичная сфера деятельности, которая сейчас в нашей стране активно модернизируется и цифровизируется [1]. Во всех медицинских организациях (МО) страны происходит переоснащение и пересмотр форматов обслуживания пациентов. Активно внедряются информационно-коммуникационные технологии и технологии искусственного интеллекта. Общение с чат-ботами при коммуникации с МО становится некой нормой [2], а телемедицинские технологии [3] уже являются неотъемлемым звеном в оказании медицинских услуг по всей стране. Новые форматы обслуживания пациентов воспринимаются по-разному как со стороны медицинского персонала, так и населения. Однако, уже сейчас очевидно, что большинство новаций вошли в новые стандарты оказания медицинской помощи и диагностики. Такие изменения требуют пересмотра и в системе подготовки медицинских кадров. Цифровые компетенции становятся неотъемлемой частью знаний медиков будущего (в том числе ИТ-врачей [4, 5]). Это предопределяет пересмотр и системы подготовки будущих специалистов, и переподготовки тех, кто уже работает в МО.

Достаточно прогрессивная система повышения квалификации и переподготовки медиков выстроена Департаментом здравоохранения Москвы (ДЗМ). Существующие платформы предоставляют возможность получения всех необходимых знаний с использованием новейших образовательных технологий и форматов обучения. Это позволяет повышать свои компетенции и знания даже без отрыва от производства (на рабочем месте). Также предоставляется возможность прохождения аккредитации, в том числе на звание «Московский врач» или «Московская медицинская сестра». Кроме того, согласно Приказу ДЗМ (№ 522[1] от 17 июня 2024 г.), в прошлом году было возобновлено требование по проведению предварительной оценки (при приеме на работу) претендентов на должность медицинских работников в московские МО. Такая система позволяет на начальном этапе «фильтровать» претендентов и осуществлять отбор специалистов надлежащего уровня, а также обеспечивать профессиональный рост и развитие интеллектуального потенциала медицинских работников и МО, что особенно важно в настоящее время [6]. Такой подход в значительной мере повышает уровень и качество оказания медицинской помощи, а подобный опыт планируется применять во всех медицинских организациях страны.

[1] Приказ Департамента здравоохранения г. Москвы от 17 июня 2024 г. № 522 «О проведении профессиональной оценки квалификации кандидатов при трудоустройстве на должности врачей медицинских организаций государственной системы здравоохранения города Москвы и о внесении изменений в приказы Департамента здравоохранения города Москвы от 26 октября 2021 г. № 1050 и от 5 мая 2023 г. № 493» // Портал ГАРАНТ.РУ. URL: https://www.garant.ru/hotlaw/moscow/1726944/

Для создания эффективной системы подготовки и переподготовки медиков будущего (т. е. медиков, которые смогут соответствовать всем современным и перспективным требованиям и форматам оказания медицинской помощи), необходимо понимать, каким образом возможно грамотно выстроить систему повышения квалификации, где основой будет личностная мотивация медицинских работников на постоянное освоение новых компетенций и получение знаний. Это возможно посредством внедрения современной концепции обучения LLL[2] (для выстраивания непрерывного медицинского образования (НМО)).

Научный коллектив НИИОЗММ ДЗМ (в рамках НИР «Научно-методическое обеспечение организационных аспектов повышения доступности и качества медицинской помощи в государственной системе здравоохранения города Москвы», № по ЕГИСУ: № 123032100063-3) на протяжении нескольких лет изучает возможности реализации эффективной кадровой политики и повышения эффективности работы, включая анализ специфики непрерывного образования в МО. В 2023 году в рамках квазилонгитюдного исследования был реализован очередной этап по изучению квалификационно-образовательного и трудового потенциала, поведения, мобильности, а также условий труда в МО подведомственных ДЗМ (охват МО составил более 200 и почти 1,5 тыс. медицинских работников). На основе полученных результатов в РОСПАТЕНТе была зарегистрирована база данных «МТПМР-2023»[3]. Сбор информации осуществлялся на основе технологии CAWI через цифровую платформу сайта ГБУ «НИИОЗММ ДЗМ». Для статистического анализа полученных данных использовался табличный процессор Microsoft Excel (надстройки «Анализ данных» и «Поиск решения»), а также статистический пакет SPSS (с необходимой конвертацией выборочных данных). Часть инструментария была адаптирована под задачи оценки существующих запросов персонала на непрерывное образование, а также с точки зрения изучения потребности и отношения к существующей системе переподготовки и аккредитации в московских МО.

Следует подчеркнуть, что почти 67% медицинских работников ДЗМ, считают, что их квалификация «примерно соответствует» выполняемой работе; 16% сказали, что у них больше знаний, нежели необходимо (был выбран вариант ответа «квалификация выше выполняемой работы»); 2% достаточно скромно оценили свои способности и выбрали ответ «квалификация ниже выполняемой работы»; 15% затруднились с ответом *(рис. 1)*.

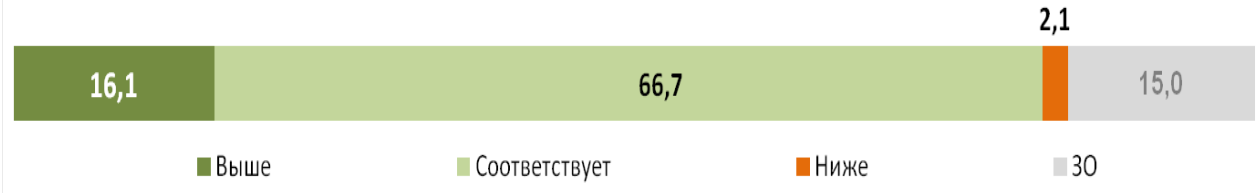

Рисунок. 1. **Результаты ответов медиков на вопрос «Соответствует ли ваша квалификация выполняемой вами работе?», %**
Источник: Исследования НИИОЗММ ДЗМ (База данных «МТПМР-2023»).

По мнению респондентов, современный медицинский работник и медик будущего должен обладать определенными личными качествами, которые способствуют эффективной и качественной работе *(рис. 2)*. Необходимо подчеркнуть, что в тройку лидеров попали такие качества, как «добросовестность» (75%), «дисциплинированность» (64,3%) и «надлежащий уровень квалификации» (61,7%). Заметим, что вариант «стремление постоянно повышать квалификацию» выбрали почти 42% опрошенных медицинских работников.

[2] Концепция “Life Long Learning” (LLL) – Обучение на протяжении всей жизни.
[3] Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2024622664 Российская Федерация. Мониторинг трудового потенциала медицинских работников 2023 (МТПМР-2023): № 2024622154: заявл. 28.05.2024: опубл. 19.06.2024 / С. В. Крошилин, Е. И. Медведева, О. А. Александрова, В. А. Мартынов; заявитель Государственное бюджетное учреждение города Москвы «Научно-исследовательский институт организации здравоохранения и медицинского менеджмента Департамента здравоохранения города Москвы».

Рисунок. 2. **Результаты ответов медиков на вопрос «Какие личные качества необходимы для качественного выполнения работы?», %**
Источник: Исследования НИИОЗММ ДЗМ (База данных «МТПМР-2023»).

Отдельно изучался вопрос относительно удовлетворенности существующей системой аккредитации. Приведем некоторые результаты: почти 35% респондентов положительно оценили выстроенную систему аккредитации, треть респондентов поставили оценку «удовлетворительно», а 13,3% – «неудовлетворительно». При этом пятая часть затруднилась с оценкой данной системы *(рис. 3)*.

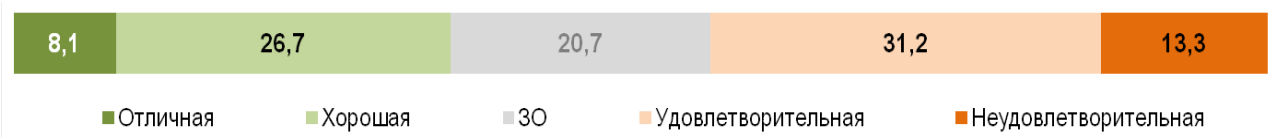

Рисунок 3. **Результаты ответов медиков на вопрос «Как бы вы оценили систему аккредитации в целом?», %**
Источник: Исследования НИИОЗММ ДЗМ (База данных «МТПМР-2023»).

Результаты ответов респондентов на вопрос «Соответствовала ли полученная в последний год подготовка в системе НМО вашим запросам?» приведены на *рис. 4*. Почти треть (31,3%) медицинских работников полностью удовлетворены выстроенной системой, 44% дали ответ «в основном соответствовала».

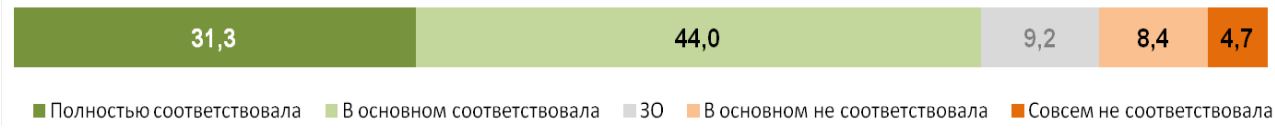

Рисунок 4. **Результаты ответов медиков на вопрос «Соответствовала ли полученная в последний год подготовка в системе НМО запросам (помимо самообразования)?», %**
Источник: Исследования НИИОЗММ ДЗМ (База данных «МТПМР-2023»).

Однако 13,1% не в полной мере смогли удовлетворить свои потребности через систему НМО. В каких знаниях / компетенциях имеется потребность у работников МО отражено на *рис. 5.* 54,5% дали ответ «сфера своей специальности». Это очевидно, так как в настоящее

время происходят значительные и быстрые изменения практически во всех направлениях в медицине. В свою очередь это требует от медперсонала постоянного обновления профессиональных знаний. Треть опрошенных нуждается в изучении современных трендов в правоприменительных практиках в здравоохранении и законодательстве. Только 8,2% из работников МО ДЗМ дали ответ, что не нуждаются в дополнительных знаниях вообще (следует подчеркнуть, что в опросе участвовали все категории медицинского персонала).

Рисунок 5. **Результаты ответов медиков на вопрос «В какой сфере есть потребность в дополнительных знаниях?», %**
Источник: Исследования НИИОЗММ ДЗМ (База данных «МТПМР-2023»).

Современная сфера ИТ, освоение новых компьютерных программ и систем – 24,2 и 23,9% желают получить необходимые компетенции по смежным (другим) специальностям, 17,1% – научится пользоваться новым оборудованием в рамках своих обязанностей. Почти пятая часть (20,8%) хотят получать больше практических навыков (умений) для более эффективной работы и освоения новых методик лечения.

Таким образом, очевидно, что современные тренды, внедряемые в отечественную медицину, подталкивают медицинский персонал (даже в московских МО) более активно заниматься самообразованием и реализовывать НМО в своей профессиональной деятельности. Такие запросы есть у специалистов, которые сейчас работают в здравоохранении, и, учитывая современное развитие данной сферы, очевидно, что данный тренд будет наблюдаться в дальнейшем и, несомненно, затронет интерес медиков будущего. Это требует уже сейчас выстраивания современной, прогрессивной, эффективной и востребованной у медицинских работников системы повышения квалификации, системы аккредитации и практической реализации концепции LLL в здравоохранении РФ.

Библиографический список

1. Аксенова Е.И., Медведева Е.И., Крошилин С.В. (2024). Использование цифровых технологий в деятельности медицинских организаций. Здравоохранение Российской Федерации. № 68(5). С. 356–363. DOI: 10.47470/0044-197X-2024-68-5-356-363
2. Аксенова Е.И., Крошилин С.В., Медведева Е.И. (2023). Чат-боты – современная реальность консультирования в медицине. Здравоохранение Российской Федерации. № 67(5). С. 403–410. DOI: 10.47470/0044-197X-2023-67-5-403-410
3. Крошилин С.В., Медведева Е.И. (2023). Новые медицинские технологии: гендерные различия восприятия телемедицины. Бюллетень Национального научно-исследовательского

института общественного здоровья имени Н.А. Семашко. № 3. С. 79–86. DOI: 10.25742/NRIPH.2023.03.013
4. Дудин М. Н., Голышко П. В., Вашаломидзе Е. В., Гурцкой Д.А., Гурцкой Л.Д. (2022). Развитие цифровых компетенций медицинских работников в контексте всеобщей цифровизации российского здравоохранения // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. Т. 30. № 5. С. 843–852. DOI: 10.32687/0869-866X-2022-30-5-843-852
5. Медведева Е.И., С. В. Крошилин. (2024). Современные IT-специалисты в медицине: необходимость получения ИКТ-компетенций в вузах // Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений: материалы IX Международной научно-практической интернет-конференции (г. Вологда, 25–29 марта 2024 г.). Вологда: Вологодский научный центр РАН. С. 30–37.
6. Крошилин С.В., Медведева Е.И., Авачева Т.Г., Медведева О.В. (2024). «Скрытые» возможности развития медицинских организаций: как оценить и измерить интеллектуальный потенциал // Современные проблемы здравоохранения и медицинской статистики № 5. С. 76 1-781. DOI: 10.24412/2312-2935-2024-5-761-781

Информация об авторах

Медведева Елена Ильинична – доктор экономических наук, доцент, научный сотрудник Отдела лидерства в здравоохранении Научно-исследовательского института организации здравоохранения и медицинского менеджмента Департамента здравоохранения города Москвы (Российская Федерация, 115184, г. Москва, Большая Татарская улица, д. 30; e-mail: e_lenam@mail.ru).

Крошилин Сергей Викторович – кандидат технических наук, доцент, научный сотрудник Отдела лидерства в здравоохранении Научно-исследовательского института организации здравоохранения и медицинского менеджмента Департамента здравоохранения города Москвы (Российская Федерация, 115184, г. Москва, Большая Татарская улица, д. 30; e-mail: krosh_sergey@mail.ru).

Medvedeva E.I., Kroshilin S.V.

REQUESTS FOR CONTINUING EDUCATION OF THE DOCTORS OF THE FUTURE

Abstract. *Transformations related to retrofitting and digitalization are taking place in medicine. The article will present the results of a survey of the attitude of medical professionals to the accreditation system and self-education in terms of compliance with the doctors of the future*.

Keywords: *medical worker, future medic, retraining, continuing medical education, personnel management, healthcare management, socio-economic transformations.*

About the authors

Elena I. Medvedeva – Doctor of Economics, Associate Professor, Researcher at the Department of Leadership in Healthcare at the Scientific Research Institute of Healthcare Organization and Medical Management of the Moscow Department of Health (30, Bolshaya Tatarskaya Street, Moscow, 115184, Russian Federation; e-mail: e_lenam@mail.ru).

Sergey V. Kroshilin – Candidate of Technical Sciences, Associate Professor, Researcher at the Department of Leadership in Healthcare at the Scientific Research Institute of Healthcare Organization and Medical Management of the Moscow Department of Health (30, Bolshaya Tatarskaya Street, Moscow, 115184, Russian Federation; e-mail: krosh_sergey@mail.ru).

References

1. Aksenova E.I., Medvedeva E.I., Kroshilin S.V. (2024). The use of digital technologies in the activities of medical organizations. Healthcare of the Russian Federation, 68(5), pp. 356–363. DOI: 10.47470/0044-197X-2024-68-5-356-363
2. Aksenova E.I., Kroshilin S.V., Medvedeva E.I. (2023). Chatbots – the modern reality of consulting in medicine. Healthcare of the Russian Federation, 67(5), pp. 403–410. DOI: 10.47470/0044-197X-2023-67-5-403-410
3. Kroshilin S.V., Medvedeva E.I. (2023). New medical technologies: gender differences in the perception of telemedicine. Bulletin of the National Scientific Research Institute of Public Health named after N.A. Semashko, 3, pp. 79–86. DOI: 10.25742/NRIPH.2023.03.013
4. Dudin M.N., Golyshko P.V., Vashalomidze E.V. (2022). Development of digital competencies of medical workers in the context of universal digitalization of Russian healthcare. Problems of social hygiene, healthcare and the history of medicine, 30(5), pp. 843–852. DOI: 10.32687/0869-866X-2022-30-5-843-852
5. Medvedeva E.I., Kroshilin S.V. (2024). Modern IT specialists in medicine: the need to obtain ICT competencies in universities. Global challenges and regional development in the mirror of sociological dimensions: Proceedings of the IX International Scientific and practical Internet Conference (Vologda, March 25–29, 2024). Vologda: Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, pp. 30–37.
6. Kroshilin S.V., Medvedeva E.I., Avacheva T.G., Medvedeva O.V. (2024). “Hidden” development opportunities for medical organizations: how to evaluate and measure intellectual potential. Modern problems of healthcare and medical statistics, 5, pp. 761–781. DOI: 10.24412/2312-2935-2024-5-761-781

УДК 332.1 / ББК 65.49

Соколова Т.И.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОГО ПРОЕКТА «КУЛЬТУРА» (НА ПРИМЕРЕ МУЗЕЕВ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ)

Аннотация. *В работе представлен анализ реализации НП «Культура» на примере музеев региона. Акцент сделан на ключевом индикаторе – посещаемости учреждений культуры. В качестве периода для исследования выбраны 2018–2023 гг. Отмечена положительная динамика посещаемости музеев региона, что свидетельствует о популярности классических учреждений культуры, а также о достижении заявленных показателей.*

Ключевые слова: *регион, культура, национальный проект, сфера культуры, музеи, посещаемость.*

В последнее время внимание к вопросам культуры, понимание ее значимости для социально-экономического и общественного развития страны, становится все более острым, что отражается в активном обсуждении данной темы на уровне научного и политического дискурса. Культура признается одним из важнейших факторов общественного развития [6], а для России подчеркивается ее роль как государствообразующей ценности [1]. Кроме того, культурное наследие в целом значимо в историческом, образовательном, эстетическом, научном и социальном аспектах [4]. Более ощутимой становится государственная поддержка как на уровне страны, так и региона. Одним из первых ключевых проектов в этой сфере стал национальный проект «Культура», реализация которого началась в 2018 году и направлена на развитие посещаемости учреждений культуры, совершенствование условий для творческой реализации и усиление цифровых ресурсов[1]. Оценка реализации нацпроекта рассматривалась ранее и в научной литературе [2, 3].

В рамках данной работы оценка реализации нацпроекта «Культура» осуществляется на примере деятельности музеев Вологодской области. Целью исследования стало изучение посещаемости музеев региона как главного индикатора указанного проекта.

Частота посещений учреждений сферы культуры свидетельствует о процессах культурной активности населения и влияет на финансовые возможности учреждений, поскольку с ростом числа посетителей увеличиваются поступления от оказания услуг на платной основе.

Главной источниковой базой послужили сведения из автоматизированной информационной системы «Статистическая отчетность отрасли»[2], которая содержит обширную информацию по ключевым показателям деятельности организаций культуры, статистические данные по всем видам учреждений культуры, искусства и образования. Дополнительно привлекались данные из Единой межведомственной информационно-статистической системы (ЕМИСС), а также сведения из экспертного целевого опроса «О развитии деятельности музейных учреждений региона», который был проведен в октябре 2024 года по разработанному авторскому инструментарию и охватил музеи городов Вологды и Череповца, Кириллова, Вытегры, Устюжны, Харовска, а также сел Шуйское и Тарногский Городок.

Сбор о посещаемости культурных мероприятий по Российской Федерации в целом осуществляется в ЕМИСС с 2022 года,[3] при этом в число посещений входят и сведения о цифровых посещениях интернет-ресурсов учреждений культуры. Так, согласно данным системы, число посетивших культурные мероприятия в 2024 году по стране увеличилось в 8 раз, по сравнению с 2022 годом и составило 19 398,8 млн чел.

[1] Паспорт национального проекта «Культура». URL: http://static.government.ru/media/files/KwygvgPq1PWAajAmsABFTSPUvVtEjHrO.pdf

[2] АИС «Статистическая отчетность отрасли». URL: https://givc.ru/solution/information-system/ais/

[3] Паспорт показателя. URL: https://fedstat.ru/indicator/62124

На основе сведений из АИС «Статистическая отчетность отрасли» более пристально были рассмотрены значения посещаемости музеев в общем по стране, Северо-Западному федеральному округу и Вологодской области за период 2018–2023 гг. *(табл. 5).*

Таблица 5. **Число посещений музеев всего, тыс. чел**.

Год	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2023 к 2018 темпы роста, %	2023 к 2019 темпы роста, %
РФ	148953,0	149748,6	66348,2	108616,0	141065,8	153502,1	103,1	102,5
СЗФО	34918,6	38030,7	15166,5	26316,7	34369,8	39851,3	114,1	104,8
ВО	1415,1	1411,8	755,6	1171,9	1369,4	1513,1	106,9	107,2
Источник: данные АИС «Статистическая отчетность отрасли». URL: https://stat.mkrf.ru/indicators/								

В целом, на протяжении всего рассматриваемого периода отмечается положительная динамика на всех уровнях. Так, темпы роста по отношению к значениям 2018 года по Российской Федерации составили 103,1%, по СЗФО – 114,1%, по региону – 106,9%. Это подтверждают и результаты экспертного опроса музеев Вологодской области: 85% респондентов отмечают увеличение потока посетителей за последние 5 лет. Оценивая популярность музеев в стране, 95% экспертов заявляют о положительных тенденциях[4]. Примечательно, что рост числа посещений наблюдался до 2020 года, затем мы видим существенное снижение. Это показывают и темпы роста 2020–2019 гг.: 44,3, 39,9 и 53,5, соответственно. Данная ситуация объясняется отрицательным влиянием ограничений пандемии COVID-19, которые сказались и на сфере культуры в целом [5]. При этом с 2021 года начинается стремительный рост: посещаемость увеличивается в среднем в 1,6 раза. Показатели практически стабилизируются к 2022 году, но вернуться к допандемийным значениям тогда не удалось. 2023 год стал переломным моментом, когда допандемийные показатели были вновь достигнуты и даже превышены, что свидетельствует о постепенном росте популярности музеев.

Способствует повышению посещаемости музейных учреждений и инициатива государства, направленная на предоставление льгот на посещение. Например, новой мерой стало введение в 2021 году Постановлением Правительства РФ от 8 сентября 2021 г. № 1521 «О социальной поддержке молодежи в возрасте от 14 до 22 лет для повышения доступности организаций культуры» программы «Пушкинская карта», позволяющей молодежи бесплатно посещать мероприятия, проводимые организациями культуры, в том числе музеями[5].

Информация о числе посетителей музеев, имеющих льготы, представлена в *табл. 6.*

Таблица 6. **Число посетителей музеев, имеющих льготы, тыс. чел.**

Год	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2023 г. к 2018 г., темпы роста, %
РФ	43932,7	49427,6	24935,9	39938,4	50314,7	53387,7	121,5
СЗФО	10202,9	11763,8	5558,6	8771,8	12387,2	12356,0	121,1
ВО	461,9	528,6	372,8	586,9	580,9	543,6	117,7
Рассчитано по данным: АИС «Статистическая отчетность отрасли». URL: https://stat.mkrf.ru/indicators/							

[4] Данные экспертного целевого опроса «О развитии деятельности музейных учреждений региона», октябрь 2024 года.
[5] Постановление Правительства РФ от 8 сентября 2021 г. № 1521. URL: https://base.garant.ru/402777404/#friends

Число посетителей музеев, имеющих льготы, на протяжении всего периода растет, темпы роста составили 121,5% по стране в целом, 121,1% – по СЗФО, 117,7% – по Вологодской области. Таким образом, предоставление льгот определенным категориям граждан страны также положительно влияет на посещаемость музейных учреждений.

АИС «Статистическая отчетность отрасли» позволяет получить данные о посещаемости в разрезе типов мероприятий, проводимых музеями. Выделяются индивидуальные и экскурсионные посещения, массовые мероприятия и культурно-образовательные программы *(табл. 7).*

Таблица 7. **Посещаемость по типам мероприятий, тыс. чел.**

Год	Число индивидуальных посещений	Число экскурсионных посещений	Численность участников массовых мероприятий	Численность участников культурно-образовательных программ	Разница числа индивидуальных и экскурсионных посещений	Разница числа массовых и культурно-образовательных мероприятий
2018	645,7	572,3	107,7	89,4	+73,4	+18,3
2019	661,5	576,4	95,3	78,6	+85,1	+16,7
2020	460,2	226,9	40,1	28,4	+233,3	+11,7
2021	726,7	394	20,5	30,7	+332,7	-10,2
2022	782,1	459	85,9	42,4	+323,1	+43,5
2023	846,6	498,5	116,6	51,4	+348,1	+65,2
Источник: данные АИС «Статистическая отчетность отрасли». URL: https://stat.mkrf.ru/indicators/						

Показательно, что число индивидуальных посещений значительно выше на всех уровнях. По всей видимости, это связано с более высокой стоимостью экскурсионного обслуживания. На протяжении всего рассматриваемого периода число индивидуальных посещений превышает экскурсионные в среднем в 1,6 раза. При этом пик значений приходится на 2020 год – в 2 раза, что вероятно, также связано с отрицательными последствиями пандемии COVID-19. Анализируя численность участников массовых мероприятий и культурно-образовательных программ, можно прийти к выводу о большей популярности массовых мероприятий: число их посетителей в среднем выше в 1,5 раза. Для увеличения посещаемости, от которой зависит конкурентоспособность и финансовое положение, целесообразно развивать именно это направление деятельности музеев, однако при этом необходимо тщательно продумывать тематическую нагрузку таких мероприятий с тем, чтобы они имели не только развлекательный характер, но и соответствовали современным задачам развития страны, таким как развитие патриотизма, интереса к истории и культуре.

В работе рассмотрен один из главных индикаторов нацпроекта «Культура» – посещаемость учреждений культуры. Анализ проведен на примере музеев Вологодской области. Отмечена положительная динамика посещаемости музеев страны, округа и региона, в том числе и за счет граждан льготных категорий, что свидетельствует о популярности классических учреждений культуры, а также возможности достижения заявленных в нацпроекте показателей. Наблюдается приоритетность индивидуальных посещений над экскурсионными, а также преобладание числа посетителей массовых мероприятий над числом участников культурно-образовательных программ. Увеличение числа массовых мероприятий с целенаправленной работой над их культурно-исторической и патриотической тематикой позволят усилить рост

посещений музейных учреждений, а также способствовать развитию ценностных ориентиров граждан страны.

Библиографический список

1. Горшков М.К. (2022). Историческое сознание россиян: оценки прошлого, память, символы (опыт социологического измерения) / под ред. М.К. Горшкова. Москва: Весь Мир. 248 с.
2. Груздева М.А., Ипатова С.С. (2019). Развитие региональной сферы культуры в контексте целей национального проекта «Культура» // Социальное пространство. № 5(22). С. 1–11. DOI: 10.15838/sa.2019.5.22.11
3. Кондакова Н.А. (2023). Региональная составляющая реализации национального проекта «Культура» // Вопросы территориального развития. Т. 11. № 1. С. 1–17. DOI: 10.15838/tdi.2023.1.63.3
4. Музычук В.Ю. (2022). Экономика культурного наследия в России: особенности и противоречия // Вестник Института экономики Российской академии наук. № 6. С. 7–33. DOI: 10.52180/2073-6487_2022_6_7_33
5. Музычук В.Ю. (2021). Культура в условиях COVID-19: оценка последствий и меры поддержки // Журнал НЭА. № 1(49). С. 217–222.
6. Харрисон Л., Хантингтон С. (2002). Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу. Антология. Москва: Московская школа полит. исследований. 316 с.

Информация об авторе

Соколова Татьяна Игоревна – кандидат филологических наук, ученый секретарь, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: tisokolova1983@mail.ru).

Sokolova T.I.

SOME ASPECTS OF THE IMPLEMENTATION OF THE NATIONAL PROJECT “CULTURE” (ON THE EXAMPLE OF MUSEUMS OF THE VOLOGDA REGION)

Abstract. *The paper presents an analysis of the implementation of the NP “Culture” using the example of regional museums. The emphasis is on the key indicator – attendance of cultural institutions. The period 2018–2023 was chosen for the study. Positive dynamics of attendance of regional museums is noted, which indicates the popularity of classical cultural institutions, as well as the achievement of the stated indicators.*

Keywords: *region, culture, national project, cultural sphere, museums, attendance.*

About the author

Tatiana I. Sokolova – Candidate of Sciences (Philology), Academic Secretary, Federal State Budgetary Institution of Science Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (VolRC RAS) (56a, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: tisokolova1983@mail.ru).

References

1. Gorshkov M.K. (2022). Historical Consciousness of Russians: Assessments of the Past, Memory, Symbols (Experience of Sociological Measurement). Moscow: Ves’ Mir. 248 p.
2. Gruzdeva M.A., Ipatova S.S. (2019). Development of the Region’s Cultural Sector in the Context of the Objectives of the National Project “Culture”. Social area, 5(22), pp. 1–11. DOI: 10.15838/sa.2019.5.22.11

3. Kondakova N.A. (2023). Regional component of implementing national project “Culture” (case study of the Vologda oblast). Issues of territorial development, 11(1), pp. 1–17. DOI: 10.15838/tdi.2023.1.63.3
4. Muzychuk V.Y. (2022). Economics of Cultural Heritage in Russia: Features and Contradictions. Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, 6, pp. 7–33. DOI: 10.52180/2073-6487_2022_6_7_33
5. Muzychuk V.Y. (2021). Culture in the context of COVID-19: assessment of consequences and support measures. NEA Journal, 1(49), pp. 217–222.
6. Harrison L., Huntington S. (2002). Culture Matters. How Values Contribute to Social Progress. Anthology. Moscow: Moscow School of Political Studies. 316 p.

УДК 316 / ББК 65.29

Алферова Е.С.

СОСТОЯНИЕ И НОВЫЕ ЧЕРТЫ МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РОССИИ

Аннотация. *В статье рассматривается текущее состояние малого и среднего предпринимательства в России, изменения и анализ причин их возникновения. Раскрывается связь между произошедшими изменениями, понимание которых играет важную роль для устойчивого развития экономики.*

Ключевые слова: *малые и средние предприятия, предпринимательство, субъекты МСП, текущее состояние, изменения.*

Малые и средние предприятия – неотъемлемая часть экономики нашей страны. Именно они способствуют выполнению таких значимых социальных и экономических функций, как благополучие населения, обеспечение рабочих мест, повышение устойчивости экономики в кризисных ситуациях и поддержание конструктивной конкурентной деловой среды.

Какое текущее состояние малого и среднего предпринимательства в России и как оно изменилось за последние 8 лет? В марте 2025 года по данным статистики ФНС РФ в нашей стране числится 6,66 млн субъектов малого и среднего предпринимательства (далее – МСП), общее количество работников на предприятиях составляет 15,02 млн чел. В пять наиболее часто используемых видов деятельности по данным ФНС входят: торговля розничная по почте или сети Интернет; деятельность автомобильного грузового транспорта; строительство жилых и нежилых зданий; аренда и управление собственным или арендованным недвижимым имуществом; торговля розничная преимущественно пищевыми продуктами (включая напитки) и табачными изделиями в неспециализированных магазинах. Распределение субъектов МСП по федеральным округам неравномерное: треть от общего количества находится в центральном федеральном округе (2,1 млн), из которых более половины в Москве (922 тыс.) и Московской области (463 тыс.) [4]. По доходу, полученному от предпринимательской деятельности, предприятия делятся на три категории: микропредприятия (доход до 120 млн руб. в год), малые (до 800 млн руб.) и средние (до 2 млрд руб.) [6]. Существенную долю занимают микро (6,41 млн) и малые предприятия (225 тыс.), средних предприятий более, чем в 10 раз меньше, чем малых предприятий (20 тыс.). Одновременно с этим меньшее количество средних предприятий (по сравнению с микро и малыми) обеспечивает более 2 млн рабочих мест – это в среднем 97 сотрудников на одно предприятие.

Анализируя динамику по количеству действующих субъектов МСП в России за последние 8 лет, видим отрицательную динамику в 2020 и 2021 гг., когда количество закрытых российских предприятий составляло чуть более 370 тыс. *(рис. 1)*.

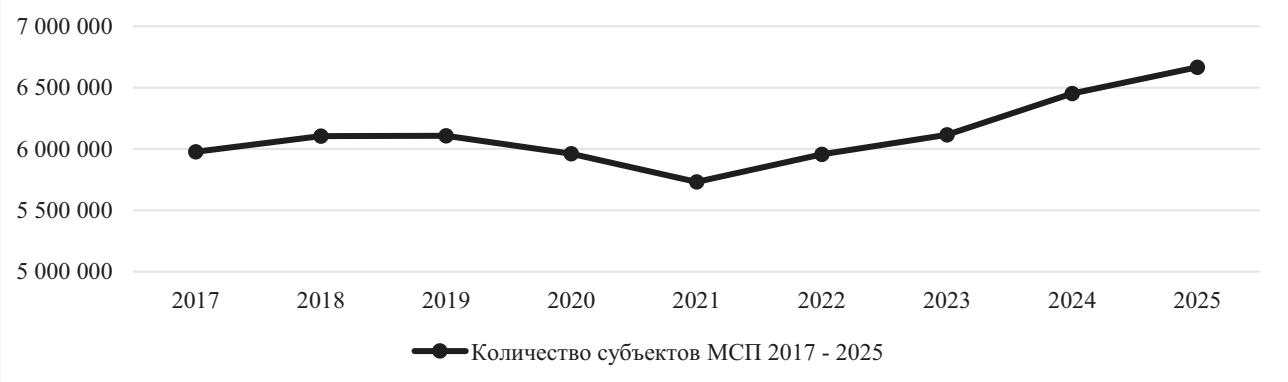

Рисунок 1. **График изменения количества субъектов МСП с марта 2017 по март 2025 гг.** Составлено автором на основании Единого реестра субъектов МСП [4]

Причинами такого спада можно назвать период адаптации к работе предприятий в новых условиях (Covid-19, самоизоляция, перестройка бизнеса), падение реальных доходов населения и экономические санкции против России [1, с. 395]. В 2022 году происходит возвращение показателя на уровень 2017 года, в первую очередь, за счет своевременных мер государственной поддержки [5, с. 2–47], а именно: финансовых мер поддержки (более 5 млн субъектов МСП), консультационных (3,3 млн), образовательных (2,3 млн), имущественных, инновационных и информационных (470 тыс.). В докладе Министерства экономического развития Российской Федерации «О состоянии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации и мерах по его развитию за 2019–2023 гг.» только за 2020 и 2021 гг. было рекордное количество получателей поддержки – 1,6 млн и 999 тыс. соответственно [3, с. 17]. Положительная динамика по приросту количества действующих субъектов МСП наблюдается с 2022 года в пределах от 150 тыс. до 330 тыс. ежегодно.

Необходимость работы в новых условиях и поиск альтернативных способов управления для владельцев и руководителей предприятий помогли принять и ускорить изменения, которые сейчас отражаются во многих современных компаниях микро, малого и среднего уровней.

Какие же изменения наблюдаются в российских компаниях? Во-первых, стремительное приближение «невидимой экономики» по Тоффлеру, которое вынуждает владельцев учитывать скорость изменения потребительского поведения: «…Граница между потребителем и производителем все больше стирается, все большее значение приобретает “производитель для себя”» [7, с. 186]. Мы ощущаем на себе, как потребители, увеличение тенденции самообслуживания: «…Следует обратить внимание не только на услуги, но и на товары. Мы обнаружим, что и здесь потребитель все глубже втягивается в процесс производства. Итак, сегодня рвущиеся вперед изготовители привлекают покупателей – и даже платят им – к участию в разработке того или иного изделия. Это относится не только к производству товаров, которые непосредственно продаются людям, т. е. к производству продуктов питания, туалетных принадлежностей и т. д., но прежде всего к передовым отраслям, таким, как электроника, где демассификация проходит особенно быстро» [7, с. 190].

Во-вторых, переход на онлайн-форматы работы (гибкий график, удаленный формат работы, возможность заменить часть команды с помощью ресурсов внешних компаний или аутсорса), практически в каждой сфере бизнеса [1, с. 395]. С одной стороны, это позволяет оптимизировать процессы, сократить издержки, сфокусироваться на ключевых процессах и ускорить цифровую трансформацию компаний. С другой стороны, появление таких форматов несет с собой сложности в работе с коллективом и в отдельных моментах слабую управляемость производственными процессами.

В-третьих, появилась тенденция на изменение способов и характера создания новых предприятий, и увеличение роли бизнес-сообществ. На смену отношениям, основанным на родстве и дружбе, пришли отношения, основанные на репутации и общих ценностях. Важным фактором становится доверие российских предпринимателей к тем из своих коллег, с которыми они лично не знакомы, но состоят в тех же бизнес-сообществах. Такой уровень доверия по данным исследования Сколково «Доверие в российском бизнесе» превышает 90%. [2, с. 24–38].

Таким образом, для сохранения устойчивой динамики развития предприятий как одной из важных движущих сил экономики необходимо учитывать постоянно меняющийся контекст возникающих новых черт и новых тенденций в предпринимательстве.

Библиографический список

1. Власенкова Т.А., Морозова С.Н., Цыпин А.П. (2021). Влияние кризиса пандемии вируса Covid-19 на малый и средний бизнес // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. Т. 21. Вып 4. С. 392–397. DOI: 10.18500/1994-2540-2021-21-4-392-397

2. Доверие в российском бизнесе. URL: https://inp.ru/.files/436/0_backup.pdf

3. Доклад Министерства экономического развития Российской Федерации о состоянии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации и мерах по его развитию за

2019–2023 гг. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/f1c2180f1319ea2480ac174fa780a37b/doklad_o_sostoyanii_msp_v_rf_i_merah_po_ego_razvitiyu_za_2019_2023_gg.pdf
4. Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства. URL: https://ofd.nalog.ru/statistics.html
5. Паспорт национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы». URL: http://static .government.ru/media/files/qH8voRLuhAVWSJhIS8XYbZBsAvcs8A5t.pdf
6. Постановление Правительства Российской Федерации от 4 апреля 2016 г. № 265 «О предельных значениях дохода, полученного от осуществления предпринимательской деятельности, для каждой категории субъектов малого и среднего предпринимательства». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LA W_196415/#dst100005
7. Тоффлер Э. (2004). Третья волна. М.: Издательство АСТ. 261 с.

Информация об авторе

Алферова Евгения Сергеевна – аспирант ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет», исполнительный директор ООО «Технологии развития» (Российская Федерация, 153000, г. Иваново, ул. Бубнова, д. 40А; e-mail: e_alferova@develop-pro.ru).

Alferova E.S.

THE STATE AND NEW FEATURES OF SMALL AND MEDIUM-SIZED ENTREPRENEURSHIP IN RUSSIA

Abstract. *The article considers the current state of minor and medium entrepreneurship in Russia, changes and an analysis of the reasons for their occurrence. The connection between the changes that have occurred is revealed, the understanding of which plays a decisive role in the development of the economy.*

Keywords: *small and medium-sized enterprises, entrepreneurship, SMEs, current state, changes.*

About the author

Evgeniya S. Alferova – Postgraduate Ivanovo State University, Executive Director Technologies for Development LLC (40A, Bubnova Street, Ivanovo, 153000, Russian Federation; e-mail: e_alferova@develop-pro.ru).

References

1. Vlasenkova T.A., Morozova S.N., Tsypin A.P. (2021). Impact of the Covid-19 pandemic crisis on small and medium-sized businesses. Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law, 21(4), pp. 392-397. DOI:10.18500/19942540-2021-21-4-392-397
2. Trust in Russian business. Available at: https://inp.ru/.files/436/0_backup.pdf
3. Report on the state of small and medium-sized enterprises in the Russian Federation and measures for its development for 2019-2023. Available at: https://www.economy.gov.ru/material/file/f1c2180f1319ea2480ac174fa780a37b/doklad_o_sostoyanii_msp_v_rf_i_merah_po_ego_razvitiyu_za_2019_2023_gg.pdf
4. Unified Register of small and medium-sized businesses. URL: https://ofd.nalog.ru/statistics.html
5. Passport of the national project “Small and medium-sized entrepreneurship and Support for individual entrepreneurial initiative”. Available at: http://static.government.ru/media/files/qH 8voRL uhAVWSJhIS8XYbZBsAvcs8A5t.pdf
6. Resolution of the Government of the Russian Federation on the limits of income received from entrepreneurial activity for each category of small and medium-sized businesses dated April 4, 2016 № 265.
7. Toffler A. (2004). The Third Wave. Moscow: ACT Publishing House. 261 p.

СЕКЦИЯ № 1. Демографическое развитие территорий в контексте глобальных вызовов

УДК 316.644:316.362.4(476) / ББК 60.561.51(4Беи)

Бельский А.М.

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ: АНАЛИЗ РЕПРОДУКТИВНЫХ УСТАНОВОК БЕЛОРУСОВ

Аннотация. *Анализ репродуктивных установок отражает репродуктивные намерения родительской семьи. Оценивается динамика репродуктивных намерений. Также анализируется общественное мнение о причинах отказа от многодетности.*

Ключевые слова: *деторождение, родительство, родительская семья, репродуктивные намерения, репродуктивные установки, семейные ценности, демография.*

Социологическое сопровождение демографической ситуации – это комплексный подход, направленный на изучение социальных факторов, влияющих на рождаемость, смертность и миграцию населения, а также на разработку и оценку эффективности мер государственной политики, направленных на изменение демографических показателей [2]. Такое сопровождение не ограничивается простым сбором статистики, а включает в себя глубокий анализ социальных процессов, лежащих в основе демографических трендов [1].

В рамках социологического сопровождения проводятся исследования, охватывающие широкий круг вопросов. К примеру, анализ репродуктивного поведения, т. е. мотивации к рождению детей, факторов, влияющих на принятие решения о деторождении (экономические, социальные, культурные), анализ распространенности различных форм семейных отношений и их влияние на рождаемость [3].

В первом квартале 2024 года Институт социологии НАН Беларуси провел социологическое исследование, посвященное месту родительства в структуре ценностей населения. Опрос проводился во всех областных центрах и городе Минске, отдельных районных городах и сельских населенных пунктах. Объем выборочной совокупности составил 1855 респондентов. Ошибка выборки ±2,3%.

Согласно полученным данным, 75,8% респондентов имеют детей (в том числе 39,0% воспитывают несовершеннолетних). Среди них практически половина является родителями двоих детей (49,3%), чуть более трети (34,8%) имеют одного ребенка, 11,9% – троих детей, 1,0% – четверых и более детей.

В вопросах планирования семьи значительную роль играют жизненные обстоятельства, включающие в себя жилищные условия, наличие работы и карьерных перспектив, доверие к партнеру, поддержку родственников и др. С учетом реальных жизненных обстоятельств более половины четко определившихся опрошенных[1] считают для себя оптимальным иметь двоих детей – 55,5%, одного ребенка – 27,4%, наличие троих детей оптимальным для семьи считают 13,5 %, четверых и более – 3,6%.

Изменение материальных и иных условий в лучшую сторону становится существенным стимулом для появления третьего ребенка – доля респондентов, выразивших готовность стать многодетными родителями, если их жизненные условия улучшатся, увеличивается практически на 10 процентных пунктов и составляет 22,8%. Также вдвое увеличивается и доля тех, кто готов на четверых и более детей – 7,5%. Установка на двухдетность остается стабильной вне зависимости от обстоятельств (52,5%). Закономерно снижается число респондентов, которые с улучшением жизненных обстоятельств готовы стать родителями одного ребенка (17,2 %), т. е. их число на 10,2% меньше, чем в актуальных жизненных условиях. Фиксируется существование вероятности перетекания данной доли респондентов в категорию многодетных родителей (3 и более детей), учитывая соразмерное их изменение в реальных и идеальных условиях деторождения. Обозначенное актуализирует четкие меры поддержки семьи и материнства.

[1] За исключением респондентов, которые затруднились ответить на данный вопрос.

Аналогичный вопрос об идеальном в представлениях респондентов количестве детей в семье изучался в ходе исследования, реализованного в декабре 2014 года. Опрос проводился во всех областных центрах и г. Минске, отдельных районных городах и сельских населенных пунктах. Объем выборочной совокупности составил: 2101 респондент. Ошибка выборки ±2,1%.

Обращает на себя внимание то, что 10 лет назад доля респондентов, считающих, что в идеальных условиях в семье должен быть всего один ребенок, была еще ниже (17,2% в 2024 году и 7,2% в 2014 году). Соответственно, несколько выше число участников опроса готовых на двоих детей (52,5% в 2024 году и 57,8% в 2014 году). Количество потенциальных семей с тремя детьми составило почти треть опрошенных (22,8 % в 2024 году и 31,2% в 2014 году), тогда как с четырьмя и более детьми – 3,8% (7,5% в 2024 году).

Полученные данные подтверждают, что для Беларуси характерен мировой тренд на сокращение расширенного воспроизводства, который проявляет себя в ответах респондентов об их установках на деторождение как в реальных, так и идеальных жизненных обстоятельствах. Среднее желаемое количество детей в семье, по результатам опроса 2024 года, в реальных жизненных обстоятельствах составило 1,93, тогда как в идеальных жизненных обстоятельствах – 2,21 (для сравнения, среднее количество детей в семье в идеальных жизненных обстоятельствах в 2014 году – 2,32). Стоит отметить, что реализация данных установок на практике может быть иная.

Зачастую люди склонны к воспроизводству той модели семьи, в которой они выросли, что подтверждается данными проведенного в 2024 году исследования. Если установка на двухдетность является доминирующей среди всех респондентов, то крайние позиции (однодетность – многодетность) зависят от той семьи, в которой воспитывались респонденты. Так, среди опрошенных, которые выросли в однодетных семьях, установка на одного ребенка в качестве идеальной модели проявляется чаще, чем среди респондентов, выросших в семьях с большим количеством детей. В идеальных условиях те, кто вырос в многодетных семьях чаще настроены на рождение троих, четверых и более детей, чем те, кто вырос в однодетных и двухдетных семьях (*табл. 1*).

Таблица 1. **Установки на число детей в зависимости от типа родительской семьи, %**

	Выходцы из однодетных семей	Выходцы из двухдетных семей	Выходцы из трехдетных семей	Выходцы из семей с четырьмя и более детьми
Установка на однодетность	28,7	15,4	11,4	5,7
Установка на двухдетность	36,0	49,4	47,7	41,8
Установка на трехдетность	15,2	17,5	24,3	23,7
Установка на четверых и более детей	2,4	5,1	5,4	15,2
Установка на бездетность	3,5	2,5	1,2	0,6
Затрудняюсь ответить	14,2	10,0	10,0	13,0
Источник: по материалам исследования Института социологии НАН Беларуси.				

В целом респонденты относятся к родительству позитивно: 45,0% убеждены, что рождение ребенка укрепляет семью; 42,0% считают детей источником положительных эмоций; 36,1% видят в них помощников в различных делах и опору в старости; 34,1 % считают родительство важным аспектом для самореализации. 16,3% участников опроса придерживаются мнения, что если в семье несколько детей, то их легче правильно воспитать. Каждый десятый (11,5%) отмечает, что быть родителем – это престижно.

В качестве основных причин, препятствующих появлению желаемого количества детей, респонденты выделили: страх, что ребенка не удастся обеспечить всем необходимым (50,2%); финансовые трудности (42,9%), а также отсутствие жилья или возможности его приобретения (42,8%); желание пожить для себя (36,3%); состояние здоровья (27,8%); отсутствие уверенности в завтрашнем дне (23,6%); осознанное нежелание становиться родителями (22,6%). Реже респонденты указывали на невозможность воспитывать (растить) ребенка и одновременно заниматься профессиональной деятельностью (16,1%), отсутствие подходящего партнера или сложные отношения с нынешним супругом / супругой (14,8% и 8,9% соответственно), а также сложности в принятии решения взять на себя ответственность за жизнь ребенка (14,6%).

Несмотря на то, что материальные факторы лидируют в вопросах планирования семьи, установка на жизнь для себя и иные аспекты социальной плоскости также остаются существенными при принятии решения отложить рождение детей.

Готовность к родительству, отношение к браку и воспитанию детей во многом зависит от ценностей, доминирующих в обществе. Среди белорусов лидирующие позиции традиционно занимают: здоровье (80,9%), дети (69,4%), семья (63,8%), а также родные и близкие (60,8%). Значительная часть опрошенных отмечает значимость душевного комфорта (43,8%) и материального достатка (42,5%). Примечательно, что при такой высокой значимости семейных уз лишь 31,3% отмечают для себя ценность дружбы и 22,1% – ценность любви, которые во многом и являются базисом гармоничных семейных отношений и успешного родительства.

Некоторые противоречия, зафиксированные в ответах населения, связаны со сложным комплексным строением ценностно-нормативных установок, что предполагает изменчивость в определении выбора жизненной стратегии, особенно в таком деликатном вопросе как создание семьи, рождение и воспитание детей.

Таким образом, социологическое сопровождение демографической ситуации необходимо для формирования эффективной и адекватной демографической политики, основанной на глубоком понимании социальных процессов и потребностей населения. Только комплексный подход, объединяющий статистические данные и социологические исследования, может обеспечить адекватную оценку ситуации и разработку действенных мер.

Библиографический список

1. Бельский А.М. (2019). Демографическая безопасность региона: основные проблемы, пути решения и научное сопровождение (кейс Могилевской области Республики Беларусь) // Стратегии и инструменты управления экономикой: отраслевой и региональный аспект: материалы VIII Международной научно-практической конференции, г. Санкт-Петербург, 23 мая 2019 г. / под общ. ред. В.Л Василенка. СПб: Издательство ООО «НПО ПБ АС». С. 122–128.
2. Бельский А.М. (2022). Демографическая безопасность: теоретико-методологический аспект // Социология в постглобальном мире: материалы Всероссийской конференции XVI Ковалевские чтения, г. Санкт-Петербург, 17–19 ноября 2022 г. / отв. ред. Н.Г. Скворцов, Ю.В. Асочаков. СПб.: Издательство Скифия-принт. С. 123–126.
3. Бельский А.М. (2019). Региональный анализ демографической ситуации: текущее состояние и направления обеспечения демографической безопасности (кейс Могилевской области Беларуси 1990–2018 гг.) // Современные проблемы социально-гуманитарных и юридических наук: теория, методология, практика: материалы V Международной научно-практической конференции / под ред. Е.В. Королюк. Краснодар: Издательство Краснодарский ЦНТИ. С. 39–51.

Информация об авторе

Бельский Александр Михайлович – заведующий Центром оперативных исследований, государственное научное учреждение «Институт социологии Национальной академии наук Беларуси» (Республика Беларусь, 220072, г. Минск, ул. Сурганова, д. 1, корп. 2; e-mail: ksander_mogilev@mail.ru).

SOCIOLOGICAL MONITORING OF THE DEMOGRAPHIC SITUATION: ANALYSIS OF REPRODUCTIVE ATTITUDES OF BELARUSIANS

Abstract. *Using the example of the analysis of reproductive attitudes, the influence on the reproductive intentions of the parental family is reflected. The dynamics of reproductive intentions is assessed. It characterizes public opinion about the reasons for the rejection of extended childbearing and what children bring to life when they appear in it.*

Keywords: *childbearing, parenthood, parental family, reproductive intentions, reproductive attitudes, family values, demography.*

About the author

Alexander M. Belski – Head of the Center of Operational Research, State Scientific Institution "Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus" (1, Surganova Street, building 2, Minsk, 220072, Republic of Belarus; e-mail: ksander_mogilev@mail.ru).

References

1. Belski A.M. (2019). Demographic security of the region: main problems, solutions and scientific support (case of the Mogilev region of the Republic of Belarus). Strategies and tools of economic management: industry and regional aspect: materials of the VIII International. scientific and practical. conf., St Petersburg, May 23, 2019; ed. by V.L. Vasilenka. St Petersburg: Publishing house of OOO "NPO PB AS", pp. 122–128.
2. Belski A.M. (2022). Demographic security: theoretical and methodological aspect. Sociology in the post-global world. Proceedings of the All-Russian conference XVI Kovalev readings, St Petersburg, November 17–19, 2022; responsible editors N.G. Skvortsov, Y.V. Asochakov. St. Petersburg: Skifiya-print Publishing House, pp. 123–126.
3. Belski A.M. (2019). Regional analysis of the demographic situation: current state and directions of ensuring demographic security (case of the Mogilev region of Belarus 1990–2018). Modern problems of social, humanitarian and legal sciences: theory, methodology, practice: Proceedings of the V international scientific and practical conference; ed. by E.V. Korolyuk. Krasnodar: Publisher Krasnodar Scientific and Technical Information Center, pp. 39–51.

УДК 314 / ББК 60.7

Боброва А.Г.

РИСКИ И УГРОЗЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Аннотация. *В настоящем исследовании представлены особенности и тенденции демографического развития Республики Беларусь. Выявлены риски и угрозы обеспечения демографической безопасности. Представлены потенциальные возможности для трансформации общества и экономики, учитывающие необратимые демографические тенденции.*

Ключевые слова: *демографическое развитие, демографическая безопасность, риски.*

Устойчивый рост численности белорусской нации на основе последовательного повышения рождаемости, увеличения ожидаемой продолжительности жизни и снижения смертности населения выступает одним из ключевых национальных приоритетов в демографической сфере.

Однако в настоящее время население страны сокращается. При этом определяющим фактором данной тенденции продолжает оставаться низкий уровень рождаемости населения. Уровни смертности и продолжительности жизни взрослого населения значительно отстают от развитых стран мира. Положительные тенденции, наметившиеся в 2016–2019 гг. в демографическом развитии, связанные с ростом качества жизни населения, не удалось закрепить вследствие влияния пандемии и экономической нестабильности [1].

Демографическая ситуация в Беларуси характеризуется продолжающейся депопуляцией с 1994 года. В период с 2014 по 2024 гг. доля молодежи (16–30 лет) значительно сократилась (21,2% в 2014 году и 15,4% в 2024 году), при этом в городах этот показатель выше (16,3%), чем в селах (12,3%) (*рис. 1*).

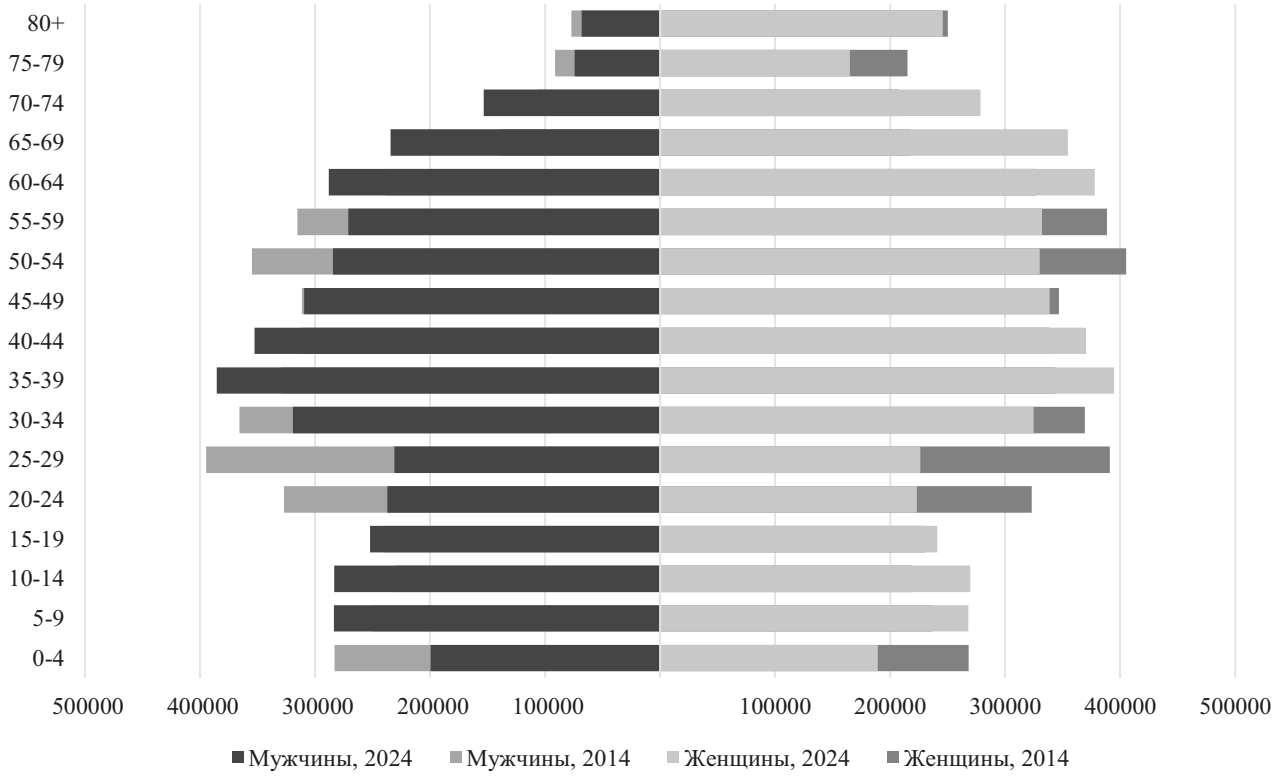

Рисунок 1. **Изменение численности населения Республики Беларусь в 2024 году по сравнению с 2014 годом**

За десять лет численность населения сократилась на 3,0% (288 тыс. чел.), при этом в сельской местности население сократилось на 13%, в то время как в городской местности численность населения немного увеличилась (0,1 %) [2, 3].

В 2021–2024 гг. был реализован ряд мер, направленных на сохранение здоровья населения, укрепление семейных ценностей, повышение престижа семей с детьми, популяризацию здорового образа жизни, повышение качества услуг здравоохранения, распространение гендерного равноправия в семье и обществе, оптимизацию миграционных потоков. Однако, несмотря на предпринятые усилия, тенденции последних лет указывают на сохраняющиеся демографические риски в Республике Беларусь и в ее регионах, что ставит под сомнение возможность преодоления депопуляции в ближайшей перспективе *(табл. 1).*

Таблица 1. **Перечень демографических рисков и угроз для демографической безопасности Республики Беларусь**

Демографические риски	Демографические угрозы
Депопуляция	❖ замедление экономического развития; ❖ нерациональная структура населения; ❖ старение популяции; ❖ сокращение лиц трудоспособного возраста; ❖ диспропорциональность полового состава населения; ❖ негативные изменения брачно-семейного состава жителей
Диспропорции территориального размещения жителей	❖ численность жителей, не соответствующая стратегическим целям социально-экономического развития региона (страны); ❖ нежелаемое изменение удельного веса жителей региона в численности населения страны; ❖ низкая или высокая плотность населения; ❖ затухание и вымирание сельской популяции и др.
Трансформация института семьи	❖ неэффективное воспроизводство населения; ❖ суженное замещение поколений популяции; ❖ низкая рождаемость населения; ❖ отрицательный естественный прирост (убыль) населения
Низкое самосохранительное поведение	❖ сверхсмертность населения (высокая смертность населения при развитой системе здравоохранения); ❖ низкая продолжительность жизни мужчин; ❖ сокращение репродуктивного потенциала
Нерациональное миграционное движение населения	❖ отток численности жителей в другие регионы или за пределы страны; ❖ нерегулируемая миграция; ❖ отрицательный миграционный прирост (убыль) населения; ❖ внутренние миграционные потоки несоответствующие стратегическим целям социально-экономического развития региона (страны)

Демографические угрозы, такие как депопуляция, старение населения, миграционные диспропорции и трансформация института семьи, создают серьезные риски для экономического и социального развития [1]. Однако кризисные явления могут открывать новые возможности для трансформации общества и экономики *(табл. 2).* В условиях необратимости негативных тенденций демографического развития в краткосрочной перспективе целесообразно проанализировать потенциальные возможности, которые могут возникнуть при реализации демографических рисков. При грамотной адаптации экономической и социальной политики эти факторы могут стать инструментами укрепления национальной безопасности и устойчивого развития.

Таблица 2. **Потенциальные возможности, которые могут возникнуть при реализации демографических рисков**

Демографические риски	Возможности, которые они могут дать
Депопуляция	❖ Рост спроса на инновационные технологии и автоматизацию. Сокращение числа работников вынуждает предприятия инвестировать в роботизацию, искусственный интеллект и цифровые технологии, что делает экономику более эффективной
	❖ Развитие «серебряной экономики». Увеличение доли пожилых людей стимулирует создание новых рынков – медицинских услуг, товаров для активного долголетия, оздоровительных программ, специальных туристических направлений и сервисов для пожилых
	❖ Снижение уровня безработицы. С уменьшением численности населения сокращается конкуренция за рабочие места, что может повысить уровень занятости среди молодых специалистов
	❖ Пересмотр моделей занятости. Введение гибких рабочих режимов, расширение возможностей удаленной работы, расширение программ переквалификации и повышения квалификации работников
Диспропорциональность территориального размещения населения	❖ Оптимизация системы расселения. Концентрация населения в более перспективных регионах может привести к более эффективному использованию инфраструктуры, снижению затрат на содержание малонаселенных территорий
	❖ Развитие смарт-городов и цифровой урбанистики. Создание современных городских агломераций с экологичным транспортом, зелеными технологиями, улучшенной социальной средой
	❖ Программы возрождения сельских территорий. Вложение средств в развитие сельского хозяйства, экотуризма, агропромышленных кластеров, что может привлечь население обратно в регионы
Трансформация института семьи	❖ Формирование новой модели социальной поддержки. Снижение рождаемости может привести к перераспределению социальных расходов в пользу адресной поддержки семей, что повысит ее эффективность
	❖ Рост гендерного равенства и экономической самостоятельности женщин. Уменьшение традиционных семейных обязанностей может способствовать более активному участию женщин в экономике, бизнесе, науке
	❖ Снижение нагрузки на экологические ресурсы. Меньшее количество населения снижает антропогенное давление на природу, что может способствовать экологически устойчивому развитию
	❖ Рост рынка услуг и товаров для малодетных семей. Новые модели потребления открывают потенциал для развития индустрии развлечений, путешествий, хобби и самореализации
Низкое самосохранительное поведение	❖ Стимулирование реформ в здравоохранении. Государство и бизнес вынуждены активнее инвестировать в профилактику заболеваний, развитие медицинских технологий и персонализированную медицину
	❖ Расширение рынка биотехнологий. Повышенный спрос на продление жизни стимулирует развитие инноваций в медицине, генной инженерии, фармакологии
	❖ Популяризация здорового образа жизни. Рост смертности может стать стимулом для активного продвижения спорта, правильного питания, отказа от вредных привычек
Нерациональная миграция и отток населения	❖ Привлечение квалифицированных мигрантов. Уменьшение населения заставляет страны создавать благоприятные условия для приезжих специалистов, что может способствовать обмену знаниями и технологиями
	❖ Оптимизация внутренней миграции. Перераспределение населения в перспективные регионы ведет к развитию новых экономических центров и снижению затрат на неэффективные территории
	❖ Развитие дистанционной работы. Если население уезжает, но остается в экономике страны через удаленный формат занятости, это позволяет сохранять уровень потребления и налоговые поступления

Таким образом, демографические риски создают серьезные вызовы, но при правильном управлении они могут стать катализатором социальных и экономических преобразований. Кризисные тенденции способны стимулировать технологический прорыв, развитие новых рынков, повышение качества жизни населения и модернизацию государственных институтов. Ключевая задача – адаптация государственной политики и экономической стратегии к новым демографическим условиям с акцентом на эффективность, адресность социальной поддержки и развитие интеллектуального потенциала. Вместо борьбы с неизбежными демографическими изменениями необходимо искать пути и возможности для их адаптации и трансформации, направленные на укрепление устойчивого развития общества и экономики.

Библиографический список

1. Боброва А.Г. (2023). Историко-социологические этапы трансформации белорусской семьи // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. № 3. С. 104–111.
2. Демографический и трудовой потенциал сельской местности Республики Беларусь (2021) / А.Г. Боброва [и др.] Минск: Белорусская наука. 217 с.
3. Демографическое, социальное и экологическое развитие в Беларуси и мире (2024) / А.Г. Боброва [и др.]; науч. ред. А.Г. Боброва. Минск: Белорусская наука. 308 с.

Информация об авторе

Боброва Анастасия Григорьевна – руководитель центра человеческого развития и демографии ГНУ «Институт экономики НАН Беларуси» (Республика Беларусь, 220072, г. Минск, ул. Сурганова, д. 1, корп. 2; e-mail: nastassiabobrova@mail.ru).

Bobrova A.G.

RISKS AND THREATS TO DEMOGRAPHIC SECURITY IN THE REPUBLIC OF BELARUS

Abstract. *This study presents the peculiarities and trends of demographic development of the Republic of Belarus. The risks and threats to demographic security are revealed. Potential opportunities for transformation of society and economy, taking into account irreversible demographic trends, are presented.*

Keywords: *demographic development, demographic security, risks.*

About the author

Anastasia G. Bobrova – Head of the Centre for Human Development and Demography, Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus (1, Surganova Street, bldg. 2, Minsk, 220072, Republic of Belarus; e-mail: nastassiabobrova@mail.ru).

References

1. Bobrova A.G. (2023). Historical and sociological stages of transformation of the Belarusian family. Journal of the Belarusian State University. Sociology, 3, pp. 104–111.
2. Demographic and labour potential of rural areas of the Republic of Belarus (2021); A.G. Bobrova [et al.] Minsk: Belarusian Science. 217 p.
3. Demographic, social and environmental development in Belarus and the world (2024); A.G. Bobrova [et al.] Minsk: Belarusian Science. 308 p.

УДК 31 / ББК 60.5

Егорова Н.Ю.

РЕПРОДУКТИВНЫЕ УСТАНОВКИ НИЖЕГОРОДСКИХ СТУДЕНТОВ: ЕСТЬ ЛИ ПОТЕНЦИАЛ РОСТА РОЖДАЕМОСТИ?

Аннотация. *На данных демографической статистики региона, результатах опроса студенчества в 2020 и 2024 гг. анализируются перспективы роста рождаемости. Показан невысокий демографический ресурс области, устойчивая ориентация молодых на малодетность, при сохраняющейся значимости семейных ценностей.*

Ключевые слова: *факторы рождаемости, репродуктивные установки, малодетность, многодетность.*

Демографические проблемы небезосновательно считаются сегодня одними из самых серьезных и важных. Сохранение населения рассматривается как приоритетная задача государства, обеспечивающая национальную безопасность в текущих условиях. Численность населения страны, округа, региона как резюмирующий показатель остроты существующих проблем – результат действия нескольких демографических процессов, главным из которых является естественное воспроизводство населения.

Абсолютные и относительные показатели рождаемости в последние годы, к сожалению, не внушают оптимизма. Несмотря на разнонаправленность динамики коэффициентов в небольшой временной перспективе, общий тренд на снижение наблюдается во всех, даже максимально традиционных, округах и регионах[1]. Не исключением стала и Нижегородская область, где суммарный коэффициент рождаемости на протяжении нескольких лет остается одним из самых низких в округе [1, с. 250–251] и в среднем по России (*рис. 1*).

Рисунок 1. **Динамика суммарного коэффициента рождаемости в России и Нижегородской области за 1990–2023 гг**.[2]

Факторов, виляющих на рождаемость, много, а, следовательно, ее снижение – процесс сложно регулируемый. Тем не менее, корректировать его, с нашей точки зрения, можно и нужно. Другое дело, что прогнозы, цели и меры семейной демографической политики должны опираться исключительно на исследовательские, научно обоснованные данные.

Первое, на чем хотелось бы остановиться, это оценка потенциала территории. Здесь, с нашей точки зрения, важны ее демографические характеристики: половозрастная структура населения, баланс / дисбаланс полов в основных фертильных группах; численность женщин в

[1] Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. Статистика // Официальная статистика / Население / Демография. Суммарный коэффициент рождаемости. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/12781

[2] Составлено по: Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. Статистика / Официальная статистика / Население / Демография. Суммарный коэффициент рождаемости. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/12781

активном репродуктивном возрасте; средний возраст создания семьи (регистрации) и рождения ребенка, их динамика.

Анализ демографических данных по Нижегородской области позволяет сделать выводы о невысоком потенциале региона. С одной стороны, пока мы не наблюдаем серьезного дисбаланса полов в фертильных группах. Относительный перевес в возрастном диапазоне 15–44 года не превышает 3%: до 30-ти лет – в пользу мужчин, после – женщин. По мере перехода к старшим возрастным группам, он становится более значимым. Среди 45–49-летних, например, на начало 2024 года, разница в относительной численности полов составила уже 6,3%[3]. С другой – численность женщин в фертильных возрастах низкая – 41% от общей численности женского населения на 1 января 2024 года, а, значит, даже при высоких коэффициентах рождаемости, поддерживать текущую численность населения сложно. Доля женщин наиболее перспективных с точки зрения рождения детей (15–29 лет) в 2024 году была почти в два раза меньше (31% против 55%) доли тех, кто уже фактически реализовал свой репродуктивный потенциал (35–49-летних)[4]. Немного больше оптимизма внушает ситуация, связанная с брачной структурой, которая, как минимум, в последнее десятилетие остается относительно стабильной, что может позволить делать более точные прогнозы. В то же время в Нижегородской области фиксируются все процессы, которые характерны для сферы семейно-брачных отношений: откладывание создания семьи и рождения детей, высокие показатели разводов, распространение сожительства, что, как показывают исследования, отрицательно сказывается на рождаемости [2]. Модальным для вступления в брак (без учета очередности) в 2023 году остается возраст 24–35 лет как для юношей, так и для девушек[5]; средний возраст рождения первого ребенка в 2021 году остановился на отметке 26 лет [1, с. 253], доля незарегистрированных союзов, согласно данным последней переписи населения, составила 8% [1, с. 258].

Помимо демографических факторов возможности и ограничения естественного воспроизводства населения территории определяются и другими, социальными факторами. Причем значимость влияния первых и вторых сложно различима, кроме того, последние очень разнообразны.

В данной статье далее пойдет речь об установках студенческой молодежи относительно вопросов создания семьи, рождения детей, что позволит оценить готовность самой молодой части общества (области) иметь 2–3 детей. Для анализа использованы данные двух исследований, проведенных кафедрой общей социологии и социальной работы факультета социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского в Нижнем Новгороде в 2020 и 2024 гг. Объектом исследований стала студенческая молодежь в возрасте от 18 лет: в первом случае – учащиеся вузов города (N = 362), во втором – вузов и СПО (N = 1033), выборка квотная с учетом пола респондентов, направления подготовки, уровня образования.

Как четыре года назад, так и сегодня иерархия основных жизненных целей студенчества выглядит неизменной. Для студентов одинаково важны ценности, которые можно считать гедонистическими («получать удовольствие от жизни, путешествовать»), и стабильные супружеские отношения *(табл. 1).* Таким образом, семья, по крайней мере, формирование устойчивых / длительных отношений с партнером рассматриваются в числе важных задач. С нашей точки зрения невысокие показатели потребности иметь детей не стоит однозначно интерпретировать как нежелание стать родителем. Скорее всего, в силу возраста и статуса, приоритетным для студентов является желание найти близкого человека и реализовать профессиональные навыки.

Кроме того, не выглядит удивительной и разница между статусами студента вуза и студента СПО. В то же время нельзя не отметить, что для родительства появляются серьезные препятствия: работа и желание жить в свое удовольствие.

---

[3] Рассчитано по: Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики // Данные на 1 января 2024 г. URL: https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13284

[4] Там же.

[5] Рассчитано по: Статистический ежегодник. Нижегородская область (2024). URL: https://52.rosstat.gov.ru/publication_collection/document/41619

Таблица 1. **Степень значимости отдельных жизненных сфер, среднее (степень значимости жизненных целей оценивалась по 10-балльной шкале, где 1 – совсем не важно, 10 – максимально важно)**

Сферы	2020		2024			
	юноши	девушки	юноши	девушки	ВУЗ	СПО
Возможность жить интересно, получать удовольствие от жизни, путешествовать	8,7	9,0	9,0*	9,5*	9,3	9,3
Стабильные отношения с супругом(ой), партнером(шей)	8,6	9,0	9,1*	9,4*	9,3	9,2
Успех в профессиональной деятельности	8,2	8,2	8,8	8,8	9,0*	8,7*
Наличие работы (даже если нет материальной необходимости)	6,6	7,1	7,7*	7,2*	7,6	7,3
Рождение детей	6,7*	7,4*	7,3*	6,7*	7,3*	6,6*

*разница статистически значима с использованием t-критерия

В пользу сохранения семейных ценностей как базовых говорят и данные о числе детей, которых хотели бы иметь студенты в своей семье. Доля тех, кто не хочет становиться родителями в целом не изменилась *(табл. 2)*, и в 2020 году, и в 2024 году она фиксируется в среднем на уровне 10%. Подавляющее большинство студентов ориентированы на 1–2-х детей. Многодетная семья привлекает в среднем лишь каждого 6-го студента. Стоит отметить, что разница в репродуктивных установках юношей и девушек, заметная в 2020 году, в 2024 году сгладилась, но, к сожалению, в сторону малодетности – серьезно выросла доля тех, кто хочет иметь в семье только одного ребенка. Для студентов СПО более желанна модель семьи, обеспечивающая простой уровень воспроизводства – как минимум двое детей.

Таблица 2. **Репродуктивные установки студентов, %**

Число детей	2020*		2024			
			ВУЗ		СПО*	
	юноши	девушки	юноши	девушки	юноши	девушки
Ни одного	15	5	10	13	8	11
Один	11	19	26	31	16	26
Двое	59	56	54	48	60	51
Трое и более	15	20	10	8	16	12

*разница статистически значима с использованием критерия chi-квадрат

Оптимальный возраст для рождения первого ребенка как для юношей, так и для девушек остался неизменным. По мнению респондентов, лучше стать родителями в возрасте от 20 до 30-ти лет: юношам – во второй половине десятилетия, девушкам – в первой или второй. В этом все группы опрошенных солидарны между собой.

Анализ показывает, что, с одной стороны, демографический ресурс региона не велик, а с другой – репродуктивные установки среди студентов не дают оснований для оптимизма. Студенты не стремятся иметь 3-х детей, несмотря на, то, что ценность семьи и детей как таковая среди них сохраняется. К сожалению, рассчитывать на изменение тенденций, связанных с

естественным воспроизводством, вряд ли стоит: ни абсолютные, ни относительные показатели рождаемости в ближайшее будущее, скорее всего, останутся на прежнем уровне. В то же время мы не включили в наше исследование работающую молодежь, приоритеты которой могут отличаться, хотя по численности эта группа меньше. Тем не менее, необходимо более пристальное внимание обращать на группу: во-первых, малодетных семей, чтобы понять причины их нежелания иметь больше детей, а, во-вторых, на группу потенциально ориентированных на двоих детей и даже многодетность, чтобы они могли себя в этом реализовать.

Библиографический список

1. Демографическое самочувствие регионов России. Национальный демографический доклад – 2023 (2024) / отв. ред. Т.К. Ростовская, А.А. Шабунова. Вологда: Вологодский научный центр. 336 с.
2. Егорова Н.Ю., Ситникова И.В. (2024). «Демографический» фактор рождаемости: оценка потенциала территории на примере Нижегородской области // Вопросы управления. Т. 89. № 4. С. 25–40.

Информация об авторе

Егорова Надежда Юрьевна – доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры общей социологии и социальной работы факультета социальных наук Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (Российская Федерация, 603000, г. Нижний Новгород, Университетский пер., д. 7; e-mail: nadegorova@yandex.ru).

Egorova N.Y.

REPRODUCTIVE ATTITUDES NIZHNY NOVGOROD STUDENTS: IS THERE A POTENTIAL FOR FERTILITY GROWTH?

Abstract. *Based on the data of demographic statistics of the region, the results of a survey of students in 2020 and 2024, the prospects of fertility growth are analyzed. It shows the low "demographic" resource of the region, the stable orientation of young people towards low childbearing, with the continuing importance of family values.*

Keywords: *fertility factors, reproductive attitudes, small number of children, large number of children.*

About the author

Nadezhda Y. Egorova – Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of General Sociology and Social Work of the Faculty of Social Sciences Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod – National Research University (7, Universitetsky lane, Nizhny Novgorod, 603000, Russian Federation; e-mail: nadegorova@yandex.ru).

References

1. Demographic well-being of Russian regions. National demographic report – 2023 (2024); ed. by T.K. Rostovskaya, A.A. Shabunova. Vologda: Vologda Scientific Center. 336 p.
2. Egorova N.Y., Sitnikova I.V. (2024). "Demographic" factor of fertility: assessing territorial potential on the example of the Nizhny Novgorod region. Management Issues, 89(4), pp. 25–40.

УДК 304.3:330.567.22 / ББК 60.561.6:51.204.0

Короленко А.В.

ЛИЧНЫЕ РАСХОДЫ НА ЗДОРОВЬЕ В КОНТЕКСТЕ ЗАБОТЫ О НЕМ (НА МАТЕРИАЛАХ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОПРОСА НАСЕЛЕНИЯ)

Аннотация. *В исследовании проведен анализ различий в расходах населения на собственное здоровье и их структуре в зависимости от отношения к нему, в частности от степени заботы о здоровье. Информационной базой стали данные социологического мониторинга физического здоровья населения Вологодской области за 2024 год.*

Ключевые слова: *расходы на здоровье, забота о здоровье, социологический опрос.*

Благодарность

Работа выполнена в рамках темы государственного задания № FMGZ-2025-0014 «Человеческий потенциал современной России: факторы и механизмы воспроизводства».

Для структуры потребления домохозяйств в России характерна стабильно высокая доля расходов на продовольствие, не меняющаяся даже в условиях роста среднедушевого ВВП. Исследователи отмечают, что консервативная структура потребления негативно влияет на качество жизни населения, не позволяя в должной мере увеличивать вложения на развитие человеческого капитала, в частности на образование, здравоохранение и качественный досуг [4, с. 23], в том числе и на здоровье. В свою очередь одной из особенностей российской структуры расходов на здравоохранение является высокая доля частных расходов, складывающихся из взносов населения и работодателей, уплачиваемых в систему добровольного медицинского страхования, а также личных средств населения (35% по сравнению с 27% в среднем по странам ЕС) [2, с. 45]. По данным опроса НИУ ВШЭ в 2023 году 63% взрослых граждан прибегали к услугам платной медицины, в основном из-за недоступности бесплатных услуг [1, с. 30].

Помимо оплаты медицинских услуг к расходам на здоровье также можно отнести затраты на поддержание и укрепление состояния здоровья, а именно на здоровое питание и спорт. Кроме того, обратным показателем затрат на здоровье являются расходы на вредные привычки (курение и употребление алкоголя), выступающие факторами риска нездоровья. Так, по данным ВЦИОМ, 52% россиян употребляют алкоголь[1], а по результатам выборочного наблюдения состояния здоровья Росстата – 22% населения страны курят[2].

В основном расходы населения на собственное здоровье, в том числе на медицинские услуги, рассматриваются исследователями в контексте уровня платежеспособности и доходов [3, 5]. Однако представляется актуальным изучение данного вопроса во взаимосвязи с отношением граждан к здоровью и приверженностью здоровому образу жизни. Так, согласно данным выборочного наблюдения Росстата, доля россиян с высокой приверженностью ЗОЖ в 2024 году составила лишь 9,7%, с удовлетворительной – 52,0%[3]. Таким образом, 38% населения страны ведет нездоровый образ жизни. Разные модели отношения населения к собственному здоровью и заботе о нем могут обусловливать различия в потреблении, в том числе в расходах на поддержание и укрепление состояния здоровья.

Цель данного исследования заключается в выявлении различий в расходах населения на собственное здоровье и их структуре в зависимости от отношения к нему, в частности от степени заботы о здоровье. Гипотезой исследования стало предположение о том, что население, заботящееся о собственном здоровье, чаще расходует денежные средства на его поддержание и укрепление, в то время как население, мало заботящееся или не заботящееся о здоровье,

[1] Новая эпоха трезвости // ВЦИОМ. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/novaja-ehpokha-trezvosti

[2] Итоги Выборочного наблюдения состояния здоровья населения в 2024 г. // Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/zdor24/PublishSite_2024/index.html

[3] Итоги Выборочного наблюдения состояния здоровья населения в 2024 г. // Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/zdor24/PublishSite_2024/index.html

склонно расходовать деньги на лечение уже приобретенных заболеваний, а также на вредные привычки.

Информационной базой исследования выступили результаты этапа социологического мониторинга физического здоровья населения Вологодской области, проведенного в 2024 году[4]. В анкету были добавлены новые вопросы, посвященные расходам населения на собственное здоровье, в частности на лечение (*«Если вы расходовали средства на лечение, то на что именно и какую сумму (в среднем за год)?»*) и на различные виды товаров и услуг (позитивно или негативно влияющих на здоровье) – на посещение спортзала, фитнес-центра, на покупку спортинвентаря, спортивного питания, витаминов, на приобретение алкоголя, табачных изделий (*«Если вы за последние полгода расходовали средства на перечисленные виды товаров и услуг, то на что именно и какую сумму (в среднем за месяц)?»*).

Для распределения населения на группы по степени заботы о здоровье респондентам был задан вопрос *«В какой мере вы заботитесь о своем здоровье?»*. В результате выделены две группы населения: заботящиеся о здоровье (варианты ответа «очень забочусь», «в основном забочусь») и мало заботящиеся или не заботящиеся о здоровье (варианты ответа «мало забочусь», «совсем не забочусь»)[5].

Согласно данным опроса большинство жителей Вологодской области расходовали денежные средства на приобретение лекарств для лечения (61,4%; *табл. 1*). Реже респонденты тратили денежные средства на диагностические обследования (19,3%), оплату операций и лечебных процедур (17,5%), консультацию врача-специалиста (17,1%) и анализы (16,5%). Наибольшие годовые расходы отмечаются в части оплаты операций и лечебных процедур, в том числе лечения у стоматолога (в среднем 28028 руб. в год). На втором месте по величине расходов оказались траты на приобретение лекарств (7797 руб.), на третьем – расходы на диагностические обследования (5789 руб.).

Таблица 1. **Распределение ответов на вопрос: «Если вы расходовали средства на лечение, то на что именно и какую сумму (в среднем за год)?», %*, сумма в руб.**

Вид расходов на лечение	Доля расходовавших средства	Примерная сумма, руб.
На приобретение лекарств для лечения	**61,4**	*7797*
На диагностические обследования (УЗИ, эндоскопия, флюорография, рентген, МРТ и пр.)	19,3	*5789*
На оплату операций и лечебных процедур (в том числе лечения у стоматолога)	17,5	***28028***
На консультацию врача-специалиста (кардиолога, окулиста, невролога и т. д.)	17,1	*3515*
На анализы	16,5	*4457*
На уход за больным в палате	0,3	*2195*
Находился(ась) в платной палате стационара	0,3	*4800*
	В среднем за год	*16736*

*Сумма ответов не равна 100%, так как вопрос предполагал выбор нескольких вариантов ответа.
Источник: мониторинг физического здоровья населения Вологодской области, 2024 год.

[4] Социологический опрос проводился на территории г. Вологды, г. Череповца и 8 районов / округов Вологодской области (Бабаевского, Великоустюгского, Вожегодского, Грязовецкого, Кирилловского, Никольского, Тарногского, Шекснинского). Метод опроса – раздаточное анкетирование. Объем выборки – 1500 респондентов. Выборка целенаправленная, квотная. Репрезентативность выборки обеспечена соблюдением пропорций между городским и сельским населением, между жителями населенных пунктов различных типов (сельские поселения, малые и средние города), пропорции половозрастной структуры взрослого населения области. Ошибка выборки не превышает 5%. Техническая обработка информации произведена в программах SPSS и Excel.

[5] Заботящиеся о здоровье (N = 911), мало заботящиеся или не заботящиеся о здоровье (N = 496).

Примечательно, что среди заботящихся о своем здоровье граждан по сравнению с мало заботящимися или не заботящимися о нем оказалась выше доля тех, кто в течение года тратил денежные средства на диагностические обследования (21,5 против 15,1%) и консультации врачей-специалистов (19,8 против 12,5%; *табл. 2*). Вероятно, это связано с большей выраженностью профилактического мотива у данной категории населения. Так, например, среди ее представителей, по сравнению с мало заботящимися и не заботящимися о здоровье, больше доля тех, кто в течение года обращался за медицинской помощью с профилактической целью (24,3 против 11,7%), а также при прохождении диспансеризации (31,9 против 15,7%).

Вместе с тем представители первой группы респондентов больше тратили только на оплату операций и лечебных процедур (28146 руб.). В то же время те, кто мало заботится или не заботится о здоровье, больше потратили на анализы (4843 руб.) и консультации врачей (4605 руб.). В остальном различия в расходах представителей двух групп населения не существенны.

Таблица 2. **Расходы на лечение в зависимости от степени заботы респондентов о здоровье, %*, сумма в руб.**

Вид расходов на лечение	Заботятся о здоровье		Мало заботятся или не заботятся о здоровье	
	Доля расходовавших средства	Примерная сумма, руб.	Доля расходовавших средства	Примерная сумма, руб.
На приобретение лекарств для лечения	62,0	*7564*	60,7	*7003*
На диагностические обследования (УЗИ, эндоскопия, флюорография, рентген, МРТ и пр.)	21,5	*5060*	15,1	*5000*
На оплату операций и лечебных процедур (в том числе лечения у стоматолога)	18,4	*28146*	15,1	*22564*
На консультацию врача-специалиста (кардиолога, окулиста, невролога и т. д.)	19,8	*3075*	12,5	*4605*
На анализы	17,2	*3410*	14,5	*4843*
На уход за больным в палате	0,2	*1988*	0,6	*2333*
Находился(ась) в платной палате стационара	0,2	*5000*	0,4	*6000*
В среднем за год		*17199*		*16692*

* Сумма ответов не равна 100%, так как вопрос предполагал выбор нескольких вариантов ответа.
Источник: мониторинг физического здоровья населения Вологодской области, 2024 год.

Согласно данным опроса, 40,9% респондентов в среднем за месяц тратили денежные средства на вредные привычки, тогда как доля тех, чьи расходы были направлены на поддержание здоровья, составила лишь 25% (*табл. 3*). В структуре расходов на товары и услуги, связанные со здоровьем (негативно или позитивно), лидируют расходы на покупку алкогольных напитков (37,3%). На втором месте находятся расходы на покупку табачных изделий, электронных сигарет или их перезарядку (19,5%) и лишь на третьем – расходы на витамины, БАДы, диетические продукты (14,2%). Несмотря на то, что на поддержание здоровья респонденты направили меньшую часть расходов, они все равно оказались выше в сравнении с расходами на вредные привычки (в среднем 5394 руб. против 3886 руб.). Наибольшие среднемесячные расходы наблюдаются по статьям «оплата посещения спортзала, фитнес-центра, спортивной секции, в том числе работы тренера, инструктора» (3774 руб.) и «покупка спортивного инвентаря и одежды» (3566 руб.). Примечателен тот факт, что расходы на покупку алкогольных напитков оказались самыми низкими (2736 руб.).

Таблица 3. **Распределение ответов на вопрос: «Если вы за последние полгода расходовали средства на перечисленные виды товаров и услуг, то на что именно и какую сумму (в среднем за месяц)?», %, сумма в руб.**

Вид расходов на товары и услуги	Доля расходовавших средства	Примерная сумма, руб.
На оплату посещения спортзала, фитнес-центра, спортивной секции, в том числе работы тренера, инструктора	12,3	***3774***
На покупку спортивного инвентаря и одежды	10,2	***3566***
На спортивное питание	3,5	*3284*
На витамины, БАДы, диетические продукты	14,2	*3019*
На покупку алкогольных напитков	***37,3***	*2736*
На покупку табачных изделий, электронных сигарет (или их перезарядку)	19,5	*3236*
Итог: Расходы на здоровье (спорт и витамины)	*25,0*	***5394***
Итог: Расходы на вредные привычки (алкоголь, курение)	***40,9***	*3886*
Источник: мониторинг физического здоровья населения Вологодской области, 2024 год.		

Таблица 4. **Расходы на товары и услуги в зависимости от степени заботы респондентов о здоровье, %*, сумма в руб.**

Вид расходов на товары и услуги	Заботятся о здоровье		Мало заботятся или не заботятся о здоровье	
	Доля расходовавших средства	Примерная сумма, руб.	Доля расходовавших средства	Примерная сумма, руб.
На оплату посещения спортзала, фитнес-центра, спортивной секции, в том числе работы тренера, инструктора	16,1	*3879**	5,8	*4038**
На покупку спортивного инвентаря и одежды	11,7	*3607*	6,9	*3165*
На спортивное питание	4,9	*2900*	1,2	*2877*
На витамины, БАДы, диетические продукты	17,5	*2697*	8,5	*2787*
На покупку алкогольных напитков	28,8	*2061*	53,2	*3234*
На покупку табачных изделий, электронных сигарет (или их перезарядку)	11,9	*1992***	33,5	*3660***
Итог: Расходы на здоровье (спорт и витамины)	29,9	*5773*	16,1	*4575*
Итог: Расходы на вредные привычки (алкоголь, курение)	32,2	*3087*	56,9	*4769*
*результаты с ограничениями (максимум 15000 руб.). **результаты с ограничениями (максимум 8000 руб., без учета респондентов, которые мало курят, но расходуют больше средств). Источник: мониторинг физического здоровья населения Вологодской области, 2024 год.				

Среди заботящихся о здоровье, по сравнению с противоположной группой, оказалась больше доля тех, кто в течение полугода тратил денежные средства на спорт и спортивное питание (29,9 против 16,1%), в частности на витамины, БАДы, диетические продукты (17,5 против 8,5%), оплату посещения спортзала, фитнес-центра, спортивной секции (16,1 против 5,8%), покупку спортивного инвентаря и одежды (11,7 против 6,9%). В свою очередь респонденты, мало заботящиеся или не заботящиеся о здоровье, чаще тратят деньги на вредные привычки (56,9 против 32,2%), а именно на покупку алкогольных напитков (53,2 против 28,8%), приобретение табачных изделий, электронных сигарет (33,5 против 11,9%).

Стоит отметить, что расходы на здоровое питание и спорт у заботящихся о здоровье респондентов оказались выше (в среднем 5773 руб. против 4575 руб. у второй группы). В то время как мало заботящиеся или не заботящиеся о здоровье респонденты большие суммы тратят на вредные привычки (4769 руб. против 3087 руб. у первой группы), особенно на покупку табачных изделий, электронных сигарет (3660 руб. против 1992 руб.).

Таким образом, среди населения вне зависимости от отношения к собственному здоровью наиболее распространенными тратами были покупка лекарственных препаратов, оплата операций и лечебных процедур (при этом на две последние позиции пришлась большая часть расходов). Кроме того, респонденты независимо от степени приверженности ЗОЖ тратят деньги на вредные привычки, главным образом, на покупку алкогольных напитков, в то время как самые высокие расходы приходятся на поддержание здоровья, в частности на оплату спортивных занятий и покупку инвентаря.

В ходе исследования была подтверждена гипотеза: обнаружены различия в величине и структуре расходов населения на собственное здоровье в зависимости от степени заботы о нем. Так, заботящиеся о здоровье респонденты, чаще тратят денежные средства на диагностические медицинские услуги, консультации врачей, а также на меры поддержания и укрепления здоровья (спорт, БАДы, витамины), что, вероятно, связано с их более выраженной ориентацией на профилактику заболеваний. В то же время данная категория населения расходует значительные суммы на оплату операций и лечебных процедур. Среди мало заботящихся или не заботящихся о здоровье респондентов оказался выше размер затрат на консультации врачей и анализы. Также они чаще расходуют денежные средства на вредные привычки, главным образом, на покупку алкогольных напитков, табачных изделий и электронных сигарет.

Тем не менее, стоит подчеркнуть, что даже среди заботящихся о здоровье граждан доля расходов на вредные привычки превышает расходы на здоровье. Как было отмечено выше, вредные привычки обходятся населению дешевле по сравнению с мероприятиями по поддержанию здоровья (оплатой спортивных занятий, покупкой спортинвентаря, витаминов и БАДов). Данный факт свидетельствует о неадекватности соотношения ценообразования на «здоровые» и «нездоровые» товары, а, следовательно, о необходимости совершенствования системы регулирования цен, особенно на алкогольную и табачную продукцию. Актуальными в этом направлении представляются вопросы повышения акцизов и минимальной розничной цены на алкоголь, табак и электронные сигареты. Для стимулирования расходов населения на здоровое питание и спорт представляются востребованными компенсационные меры (например, возмещение государством и/или работодателем расходов на занятия физкультурой и спортом).

Библиографический список

1. Российское здравоохранение: перспективы развития. Доклад НИУ ВШЭ (2024) / С.В. Шишкин, И.М. Шейман [и др.]; под ред. С.В. Шишкина. М.: Изд. дом ВШЭ. 60 с.
2. Улумбекова Г.Э., Альвианская Н.В. (2021). Финансирование системы здравоохранения РФ: динамика, прогнозы, сравнение с развитыми странами // ОРГЗДРАВ: новости, мнения, обучение. Вестник ВШОУЗ. Т. 7. № 3. С. 36–47. DOI: 10.33029/2411-8621-2021-7-3-36-47
3. Чубарова Т.В. (2020). Доходы и потребление медицинских услуг: опыт анализа с позиции теории опекаемых благ // Журнал новой экономической ассоциации. № 3(47). С. 190–196. DOI: 10.31737/2221-2264-2020-47-3-10
4. Широв А.А., Потапенко В.В. (2020). Парадокс российского потребления // ЭКО. № 6. С. 8–25. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-20206-8-25
5. Шишкин С.В., Потапчик Е.Г., Селезнева Е.В. (2014). Оплата пациентами медицинской помощи в российской системе здравоохранения: препринт WP8/2014/03. М.: Изд. дом Высшей школы экономики. 48 с.

Информация об авторе

Короленко Александра Владимировна (Россия, Вологда) − научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук» (160014, Россия, г. Вологда, ул. Гоголя д. 53а; coretra@yandex.ru).

PERSONAL EXPENSES FOR HEALTH IN THE CONTEXT OF SELF-CARE FOR IT (BASED ON THE MATERIALS OF A SOCIOLOGICAL SURVEY OF THE POPULATION)

Abstract. *The study analyzes the differences in the population's expenses on their own health and its structure, depending on attitude towards it, in particular, the degree of self-care for health. The information base was the data from the sociological monitoring of the physical health of the population in the Vologda Oblast in 2024.*

Keywords: *health expenses, self-care for health, sociological survey.*

About the author

Korolenko Aleksandra Vladimirovna (Russia, Vologda) – research assistant, Federal State Budgetary Institution of Sciences "Vologda research center of Russian academy of sciences" (160014, Russia, Vologda, Gogol' Street, 56A; coretra@yandex.ru).

References

1. Russian healthcare system: development prospects. Report of the Higher School of Economics (2024); S.V. Shishkin, I.M. Sheiman [et al].; ed. by S.V. Shishkin. Moscow: Higher School of Economics Publishing House. 60 p.
2. Ulumbekova G.E., Alvianskaya N.V. (2021). Health care system financing in the Russian Federation: dynamics, prognoses, comparison with developed countries. HEALTHCARE MANAGEMENT: News, Views, Education. Bulletin of VSHOUZ, 7(3), pp. 36–47. DOI: 10.33029/2411-8621-2021-7-3-36-47
3. Chubarova T.V. (2020). Income and consumption of medical care through the lens of protected goods' approach. The Journal of the New Economic Association, 47(3), pp. 190–196. DOI: 10.31737/2221-2264-2020-47-3-10
4. Shirov A.A., Potapenko V.V. (2020). The Russian Consumption Paradox. ECO, 6, pp. 8–25. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-20206-8-25
5. Shishkin S., Potapchik E., Selezneva E. (2014). Out-of-pocket payments in the Russian health care system: Working paper WP8/2014/03. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics. 48 p.

УДК 316.4+314.7(476.2) / ББК 60.56

Мартищенкова Е.В., Щурок Э.М.

МИГРАЦИОННЫЕ УСТАНОВКИ НАСЕЛЕНИЯ ПОСТРАДАВШИХ ОТ АВАРИИ НА ЧАЭС ТЕРРИТОРИЙ БЕЛАРУСИ

Аннотация. *В статье представлена динамика миграционных намерений населения районов, пострадавших от аварии на ЧАЭС. Рассмотрены различия миграционных намерений в возрастных категориях, мотивы смены места жительства и условия отказа от переезда.*

Ключевые слова: *миграционные установки, экологическая обстановка, загрязнение окружающей среды, социально-демографические категории, авария на ЧАЭС.*

Миграционные процессы имеют решающее значение для формирования демографической ситуации, сохранения целостности региона и развития демографического потенциала как отдельных территорий, так и страны в целом. Одной из ключевых проблем демографического развития Беларуси в современной ситуации остается проблема преодоления последствий процесса депопуляции. Это наиболее актуально для районов, пострадавших от аварии на ЧАЭС, причем более всего для сельских территорий, где процесс депопуляции несет определенные угрозы, связанные со старением населения, сокращением трудового потенциала и потерей качества трудоспособного населения. В этой связи становится актуальной разработка новых подходов в социологических исследованиях, которые бы позволили осуществить глубокий анализ масштабов, направлений, качественного состава миграционных потоков, а также факторов, определяющих мотивы смены места жительства.

Государственное научное учреждение «Институт социологии Национальной академии наук Беларуси» за период 2021–2024 гг., в рамках выполнения мероприятий по мониторингу общественного мнения, касающегося проблем и перспектив социально-экономического развития пострадавших от аварии на ЧАЭС территорий, в рамках государственной программы по преодолению последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС за 2021–2025 годы, провел ряд репрезентативных социологических исследований, позволивших определить уровень миграционных настроений населения, пострадавших от аварии на ЧАЭС районов Беларуси.

Состояние экологической обстановки непосредственного места проживания человека не может не оказывать влияния на его эмоциональное отношение к данной территории. С целью изучения мнений респондентов об их отношении к месту своего проживания в целом, а также последующей оценки степени восприятия проблем, с которыми сталкиваются жители опрошенных районов из-за произошедшей аварии на ЧАЭС, респондентам задавался вопрос об их отношении к своим населенным пунктам. Результаты опросов демонстрируют, что в целом все опрошенные, проживающие на загрязненных территориях, в большинстве своем выражают лояльность к месту своего проживания, причем динамика оценок в данном контексте положительная (*табл. 1*).

Таблица 1. **Распределение ответов респондентов об их отношении к своему населенному пункту, 2021–2024 гг., в % от числа опрошенных**

Варианты ответа	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.
Мне очень нравится здесь жить	27,1	43,4	41,8	48,6
Мне скорее нравится здесь жить	48,5	39,2	42,1	39,0
Положительные оценки		***82,6***	***83,9***	***87,6***
Мне скорее не нравится здесь жить	12,1	7,9	6,9	5,5
Мне очень не нравится здесь жить	3,0	2,2	1,0	0,9
Отрицательные оценки	***15,1***	***10,1***	***7,9***	***6,4***
Затрудняюсь ответить	9,4	7,3	8,1	6,0

При анализе ответов среди различных возрастных групп сохраняется выявленная в 2013–2020 гг. тенденция: чем старше возрастная группа, тем больше в ней положительно настроенных к населенному пункту своего проживания респондентов, и наоборот, наибольшее количество отрицательно ответивших на вопрос об отношении к своему населенному пункту по-прежнему сохраняется среди респондентов в возрасте 16–29 лет. Также следует отметить, что за период 2021–2024 гг. доля респондентов, выражающих положительное эмоциональное отношение к своему пункту проживания увеличилась во всех возрастных группах: 60 лет и старше с 79,1 до 92,5%, 30–44 лет – с 74,0 до 86,5%, 45–59 лет – с 78,6 до 91,6%, 16–29 лет – с 70,3 до 75,9%.

При этом, несмотря на то, что большинство участников опроса имеют положительное эмоциональное отношение к своим населенным пунктам, у определенной части из них формируются намерения, связанные со сменой места жительства. Причем доля респондентов, настроенных на переезд, по своему значению сопоставима с долей участников опроса, которые отмечали, что им не нравится жить в своем населенном пункте, и это характерно практически для всех рассматриваемых категорий. Также отмечается некоторое увеличение доли респондентов, затруднившихся с ответом. Об этом свидетельствует распределение ответов респондентов на вопрос: «Планируете ли вы и дальше жить в данном населенном пункте?», представленное в *табл. 2*.

Таблица 2. **Распределение ответов респондентов об их миграционных настроениях, 2021–2024 гг., в % от числа опрошенных**

Варианты ответа	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.
Да	46,3	59,1	64,1	63,7
Скорее да	27,2	18,1	15,7	14,8
Намерены остаться	***73,5***	***77,2***	***79,8***	***78,5***
Скорее нет	6,7	7,0	3,3	2,8
Нет	7,2	4,9	3,5	3,2
Настроены на переезд	***13,9***	***11,9***	***6,8***	***6,0***
Пока не задумывался(лась) об этом	12,6	10,9	13,4	15,4

Следует констатировать и сохраняющийся высокий уровень миграционных настроений в исследуемых районах среди опрошенной молодежи в возрасте 16–29 лет: 2021 год – 28,4%, 2022 год – 21,7%, 2023 год – 19,7%, 2024 год – 17,2% при среднем значении по выборочной совокупности от 13,9% в 2021 году, до 6,0% в 2024 году.

В ходе исследования респондентам, которые отмечали, что не планируют жить в своем населенном пункте было предложено ответить еще на несколько вопросов – о предполагаемом направлении переезда, его целях и причинах, а также связи этих причин с радиационными аспектами. Далее фокус нашего внимания при анализе полученных в ходе исследования данных будет обращен только на эту категорию респондентов, т. е. мы будем учитывать ответы только тех респондентов, которые отвечали, что не планируют и дальше жить в своих населенных пунктах. В 2021 году около 10% опрошенных данной категории планировали серьезные перемены – хотели не просто сменить населенный пункт проживания, а даже сменить страну. Так, 1,6% из тех, кто отвечал, что желает поменять место жительства были нацелены на переезд в одну из стран СНГ (в основном называли Украину и Россию), а 9,3% выражали желание переехать в страну дальнего зарубежья (США и Германия). Чаще других отмечали, что хотят переехать жить в другую страну респонденты из г. Гомеля (26,1%), молодежь в возрасте 16–29 лет (13,8%) и те, кто имеет только общее среднее образование (13,7%). Существенных различий в планах на отъезд зарубеж между мужчинами и женщинами не было выявлено.

В 2024 году ситуация существенно изменилась – только 4,9% опрошенных данной категории планировали серьезные перемены, связанные не просто со сменой населенного пункта, а даже с намерением эмигрировать: из них 2,7% были нацелены на переезд в одну из

стран СНГ, а 2,2% – в какую-либо страну дальнего зарубежья. Рассматривая перемещения внутри Беларуси, большая доля потенциальных мигрантов планируют переехать в столицу или областной центр – 56,6% респондентов. В крупный город хотели бы переехать 21,2% потенциальных мигрантов, а для 15,3% потенциальных мигрантов привлекательными для смены места жительства оказались небольшой город или городской поселок.

Учитывая совсем небольшую долю утвердительно ответивших на вопрос о миграционных планах в 2024 году (6,0% в целом по выборочной совокупности), подробно описывать различия относительно планируемых направлений миграции, ее причинах и т. п. среди представителей всех обозначенных социально-демографических категорий нет смысла. Считаем целесообразным провести дальнейший анализ данных только по группе респондентов в возрасте 16–29 лет, в которой выявлено больше всего планирующих сменить место жительства – 17,2% опрошенных данной категории. Далее анализ полученных в ходе опроса данных будет сконцентрирован только на этой категории респондентов, т. е. из этой подгруппы выделим новую подвыборку, которую при анализе будем принимать за 100%.

Интерес представляют и данные о том, на какой период времени респонденты планируют уехать из своих населенных пунктов (*рис. 1*).

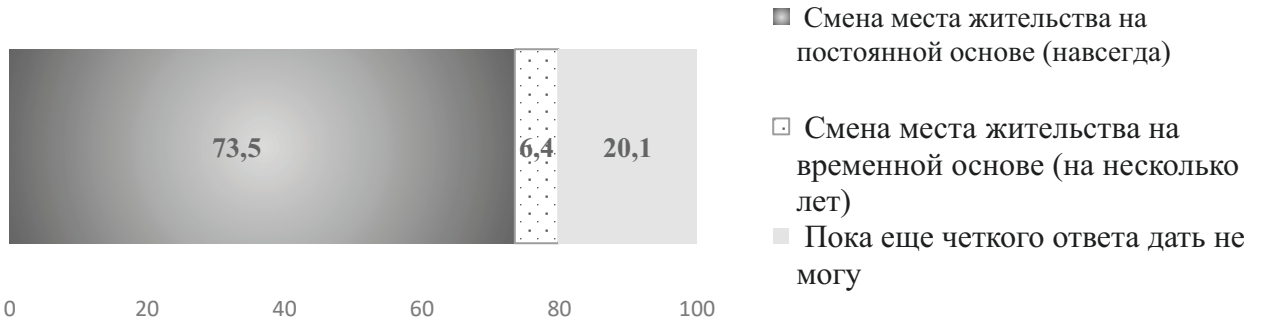

Рисунок 1. **Планируемый период миграции, %**

Большинство респондентов данной категории планируют сменить место жительства навсегда (73,5%) и только 6,4% заявляли о временном переезде из своего населенного пункта. Основными мотивами тех, кто планирует уехать только на время, являются надежды на улучшение материального положения, повышение профессиональной квалификации и реализации творческого потенциала.

Что касается тех, кто думает о смене места жительства навсегда, то их мотивы несколько иные (*рис. 2*). Сумма количества ответов превышает 100%, поскольку респонденты могли выбрать сразу несколько вариантов ответа.

Рисунок 2. **Мотивы респондентов, планирующих изменить место жительства навсегда, %**

На первом месте среди мотивов планируемого переезда – стремление к значительному улучшению материального положения (72,5% опрошенных данной категории). На втором месте по частоте упоминания – желание обеспечить будущее детям, дать им хорошее образование (58,3%), на третьем – возможность посмотреть мир, пожить в других странах (29,0%). В данном контексте важно отметить, что у респондентов данной категории не вызывает беспокойства политическая ситуация в стране и никто не чувствует угрозы социального конфликта, хотя в 2023 году данный вариант выбирали 6,3% опрошенных 16–29 лет, планирующих сменить место жительства навсегда.

Неблагополучная экологическая ситуация вынуждает местное население жить не просто в условиях загрязненной окружающей среды, но в среде, воспринимаемой в качестве источника опасности для жизни и здоровья. Ключевую роль в воздействии экологического неблагополучия на отношение населения к месту своего проживания играет восприятие экологической угрозы, степени ее опасности. Для описания данного состояния в научной литературе используется понятие «экологический стресс». Экологический стресс является психологической реакцией как на непосредственно воспринимаемые признаки загрязнения окружающей среды, так и на информацию об угрожающих здоровью факторах [2, с. 141–142].

С учетом специфики изучаемых территорий и с целью выяснения восприятия населением экологической обстановки в анкету был включен вопрос: «Скажите, ваше решение о переезде связано с желанием жить на «чистых» (незагрязненных радиацией) территориях?». Распределение ответов респондентов рассматриваемой категории представлено на *рис. 3*.

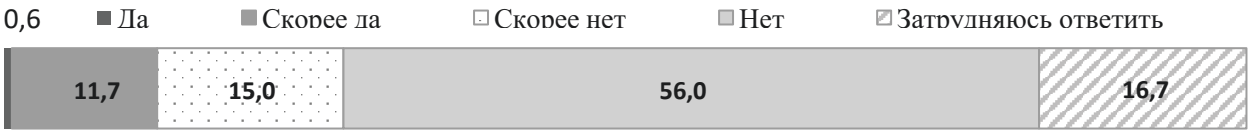

Рисунок 3. **Распределение ответов респондентов 16–29 лет на вопрос: «Скажите, ваше решение о переезде связано с желанием жить на «чистых» (незагрязненных радиацией) территориях?», % от числа ответивших**

Как видим на *рис. 3*, для большинства опрошенных радиационный фон в их населенных пунктах не является причиной намерения сменить место жительства – 71,0% опрошенных при ответе на данный вопрос выбирали варианты «нет» и «скорее нет» и только 12,3% респондентов (варианты ответа «да» + «скорее да») связывают свои планы на переезд с желанием жить на экологически чистых территориях.

Данные опросов населения, проживающего в пострадавших от аварии на ЧАЭС районах, проведенных в 2021–2024 гг., свидетельствуют о том, что за рассматриваемый период прослеживается устойчивая тенденция ежегодного сокращения показателей миграционной активности населения данных регионов Беларуси. Следует отметить, что данный процесс происходит на фоне общего снижения уровня миграционной активности населения Беларуси в целом, что подтверждается результатами мониторинговых исследований Института социологии НАН Беларуси. Также белорусские социологи отмечают и значимость таких факторов, как обострение геополитической обстановки, продолжающийся военный конфликт в Украине и санкционная политика в отношении Беларуси, которые ставят трудовую миграцию в зону повышенного риска, что приводит к сокращению числа трудовых мигрантов [1, с. 178]. Таким образом, среди лиц, имеющих миграционные намерения, происходит переориентация миграционных установок не в пользу выезда за рубеж, а исключительно на перемещения внутри страны.

В этой связи изучение основных социологических показателей миграционного потенциала регионов, имеющих негативные последствия из-за экологических катастроф, и социально-экономических факторов формирования миграционного поведения населения пострадавших территорий приобретает первостепенную значимость для корректировки мероприятий в рамках существующих региональных миграционных программ, внедрения новых подходов и

последующей успешной реализации региональной миграционной политики с целью разработки предложений по минимизации негативных последствий миграционных процессов, включая и внутреннюю миграцию населения для сохранения стабильности и демографической безопасности отдельных регионов.

Библиографический список

1. Артюхин М.И., Пушкевич С.А. (2023). Динамика внешней трудовой миграции в Беларуси за период 2014–2021 гг. (по данным МВД Республики Беларусь) // Социологический альманах: сборник научных трудов. Вып. 14. С. 167–179.
2. Долгова В.И., Василенко Е.А. (2016). Экологический стресс и отношение к месту своего проживания у старшеклассников в экологически неблагополучных местах // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. № 10. С. 141–142.

Информация об авторах

Мартищенкова Елена Владимировна (Республика Беларусь, Минск) – научный сотрудник Института социологии НАН Беларуси (220072, Республика Беларусь, г. Минск, ул. Сурганова, д. 1, корп. 2; marti.74@mail.ru).

Щурок Элла Михайловна (Республика Беларусь, Минск) – научный сотрудник Института социологии НАН Беларуси (220072, Республика Беларусь, г. Минск, ул. Сурганова, д. 1, корп. 2; ellaschurok@gmail.com).

Martyshchankava A.V., Shchurok E.M.

MIGRATION INSTALLS OF THE POPULATION OF THE CHERNOBYL ACCIDENT IN THE TERRITORIES OF BELARUS

Abstract. *The article presents the dynamics of migration intentions of the population of the regions affected by the Chernobyl accident. The differences in migration intentions in age categories, motives for changing place of residence and conditions for refusing to move are considered.*

Keywords: *migration attitudes, ecological situation, environmental pollution, socio-demographic categories, Chernobyl accident.*

About the authors

Martyshchankava Alena Vladimirovna (Republic of Belarus, Minsk) – researcher of the Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus (220072, Republic of Belarus, Minsk, Surganova st. 1/2; marti.74@mail.ru).

Ella Mikhailovna Shchurok (Republic of Belarus, Minsk) – researcher of the Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus (220072, Republic of Belarus, Minsk, Surganova st. 1/2; ellaschurok@gmail.com).

References

1. Artyukhin M.I., Pushkevich S.A. (2023). Dynamics of external labor migration in Belarus for the period 2014–2021 (according to the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus). Sociological alm.: collection of scientific papers. Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, 14, pp. 167–179.
2. Dolgova V.I., Vasilenko E.A. (2016). Environmental stress and attitude towards their place of residence among high school students in ecologically disadvantaged areas. Bulletin of the Chelyabinsk State Pedagogical University, 10, pp. 141–142.

УДК 316.3 / ББК 542.15

Моховикова Д.А.

ЗДОРОВЬЕСБЕРЕГАЮЩИЕ ПРАКТИКИ МОЛОДЕЖИ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ МЕГАПОЛИСОВ

Аннотация. *В статье рассматриваются здоровьесберегающие практики среди российской молодежи, проживающей в мегаполисах. Приводится определение понятия, на основе вторичного анализа федеральных исследований описываются особенности практик. Выделяются проблемы здоровьесбережения и приводятся возможные пути их решения.*

Ключевые слова: *здоровьесберегающее поведение, здоровьесберегающие практики, молодежь, мегаполис, физическая активность, городская среда.*

Здоровьесберегающее поведение обозначается как важная для развития любой личности система. В контексте современных глобальных вызовов оно претерпевает изменения, влияющие на социальные группы и формирующие новые характеристики соответствующих практик. Изучение здоровьесберегающего поведения приобретает актуальность из-за стремления адаптироваться к происходящим изменениям. Вопросы здоровьесберегающих практик среди молодежи приобретают общественную значимость, поскольку молодежь как социальная группа относится к одному из основных субъектов, влияющих на преобразование российского общества и формирование его политики. В современных мегаполисах существуют возможности для реализации здоровьесберегающих практик, однако глобальные изменения российского общества формируют некоторые проблемные аспекты.

Здоровьесберегающее поведение – это результат действий личности, направленный не только на сохранение определенного уровня здоровья, но и на его улучшение. В качестве элементов при этом выделяются социальная среда, субъект, цель, средства и результаты поведения. Необходимо отметить, что здоровьесберегающее поведение может быть позитивным (значительное применение потенциала и ресурсов для нового уровня здоровья) или смешанным (личность в большей степени воспринимает информацию и на ее основе пытается совершать здоровьесберегающие действия) [4, с. 278]. В свою очередь, под здоровьесберегающими практиками понимается совокупность устойчивых и воспроизводимых действий, ориентированных на улучшение здоровья. Они реализуются по определенным правилам в рамках принципов общества и являются конструкциями форм действий [3, с. 78]. Значение приобретают оценки здоровьесберегающих практик, содействие распространению положительных моделей здоровьесбережения, популяризация здорового образа жизни.

Особенно важно предоставлять информацию о принципах здоровьесбережения в молодежной среде, а также формировать условия для их достижения на стадиях социализации личности. Здоровьесберегающие практики осваиваются в основном коллективно через передачу информации, в результате чего у молодых людей развиваются соответствующие умения и навыки [3, с. 81]. Кроме того, воздействие оказывают и существующие внешние вызовы. Так, например, после введения ограничительных мер в период распространения коронавирусной инфекции многие значительно уменьшили свою физическую активность, а другие, наоборот, пересмотрели отношение к своему здоровью и стали применять те практики здоровьесбережения, которые увеличили их активность [2, с. 58].

Современной российской молодежи, проживающей в мегаполисах, как правило, не составляет труда соблюдать режим дня и придерживаться правильного питания. Молодым людям почти всегда удается (26,1%) или часто удается (20,2%) полноценно выспаться после прошедшего дня. Правильного питания придерживаются 28,1%, при этом 23,8% опрошенных придерживаются его только время от времени.

Однако при наличии проблем со здоровьем они в первую очередь обратятся к врачу, когда не смогут снять симптомы самостоятельно (27%) или когда поймут, что визит к врачу больше нельзя откладывать (24,4%). Только 16,3% молодежи, проживающей в современных

мегаполисах, обращаются к врачу регулярно и для профилактики. 11,6% опрошенных вообще не обращаются к врачам. К врачу обращаются чаще девушки, чем юноши (коэффициент Спирмена = -0,252, p <= 0,05)[1].

Взаимосвязь между этими характеристиками поведения слабая, но присутствует. Таким образом, если молодому человеку соблюдать режим дня и придерживаться правильного питания, то обращается к врачам регулярно (*табл. 1*).

Таблица 1. **Взаимосвязь между проявлениями характеристик здоровьесберегающего поведения российской молодежи, проживающей в мегаполисах (коэффициент Спирмена, p <= 0.05)**

	Частота полноценного сна, отдыха и восстановления	Частота стремления придерживаться правильного питания	Частота обращения к врачам
Частота полноценного сна, отдыха и восстановления	0	0,236	0,26
Частота стремления придерживаться правильного питания	0,236	0	0,255
Частота обращения к врачам	0,26	0,255	0
Источник: база данных ВЦИОМ «Здоровый образ жизни и как его придерживаться», 2022 год.			

Состояние своего здоровья современная российская молодежь, проживающая в мегаполисах, оценивает преимущественно как удовлетворительное (43,5%) или хорошее (35%). Очень хорошим его считают 14,7% опрошенных, а слабым или очень слабым – 4,6 и 2,2% соответственно. Оценка состояния здоровья при этом не зависит от пола, но зависит от возраста: чем старше, тем ниже молодежь оценивает состояние своего здоровья (коэффициент Гамма = 0,232, p <= 0,05).

Почти всегда здорового образа жизни придерживаются 55,6% представителей молодежи, проживающей в мегаполисах. Иногда его придерживаются 34,9%; 8,8% вовсе не придерживаются здорового образа жизни. Стремление поддерживать здоровый образ жизни не зависит ни от пола, ни от возраста. Однако, чем лучше оценивается состояние здоровья, тем чаще представитель молодежи придерживается его принципов (коэффициент Гамма = 0,285, p <= 0,05)[2].

Отдельными показателями для описания особенностей здоровьесберегающих практик являются параметры физической активности. Так, преобладающая часть молодежи оценивает собственную физическую активность как умеренную (39,5%). Высокой ее называют 24,8%, 23% – скорее высокой и лишь 12,7% считают, что их физическая активность находится на низком уровне.

Оценка уровня физической активности не зависит от пола и возраста. При этом, если представитель российской молодежи мегаполисов постоянно придерживается правильного питания, тем выше он оценивает уровень своей физической активности (коэффициент Спирмена = 0,26, p <= 0,05)[3].

[1] ВЦИОМ. Новости: Здоровый образ жизни и как его придерживаться. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zdorovyi-obraz-zhizni-i-kak-ego-priderzhivatsja (дата обращения: 17.03.2025)

[2] ВЦИОМ. Новости: Здоровый образ жизни: мониторинг. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zdorovyi-obraz-zhizni-monitoring (дата обращения: 17.03.2025).

[3] ВЦИОМ. Новости: Здоровый образ жизни и как его придерживаться. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zdorovyi-obraz-zhizni-i-kak-ego-priderzhivatsja (дата обращения: 17.03.2025).

Российская молодежь, проживающая в мегаполисах, преимущественно занимается спортом 2–3 раза в неделю (35,3%). Ежедневно или почти ежедневно им занимаются 15,1% молодежи, аналогичное число и тех, кто занимается 1 раз в неделю. 11,8% опрошенных занимаются спортом только 1–3 раза в месяц, а 16% молодежи российских мегаполисов не занимается спортом вообще или занимается, но очень редко. Больший интерес к занятиям проявляют юноши, чем девушки (коэффициент Спирмена = 0,249, p <= 0,05), но возраст не оказывает влияния на частоту занятий[4].

Те, кто не занимается или почти никогда не занимается спортом объясняют это нехваткой времени. Многим молодым людям не хватает силы воли, нет потребности в занятиях (*табл. 2*).

Таблица 2. **Причины отсутствия занятий физической активностью российской молодежи, проживающей в мегаполисах, в % от числа опрошенных; открытый вопрос, до 3 вариантов ответа**

Причина	%
Не чувствую потребности в этом, мне это не нужно	24
Не хватает силы воли, не могу себя заставить	36
Нет времени	56
Плохое состояние здоровья	20
Нет денег	12
Нет спортивных сооружений, площадок рядом с домом	12
Не знаю, как правильно заниматься, а пользоваться услугами инструкторов и тренеров нет возможности	12
Нет заметных результатов от занятий	8
Источник: база данных ВЦИОМ «Спорт для всех», 2023 год.	

Важно отметить, что причину отсутствия времени для занятий спортом (коэффициент Пирсона = 0,185, p <= 0,05) чаще всего называют девушки, как и причину незнания и отсутствие возможностей для занятий (коэффициент Пирсона = 0,199, p <= 0,05). Остальные причины не имеют связи ни с полом, ни с возрастом.

Заметна сильная взаимосвязь между отсутствием силы воли и площадок (коэффициент Пирсона = 0,562, p <= 0,05). Также выделяются умеренные взаимосвязи между силой воли и результатами от занятий (коэффициент Пирсона = 0,457, p <= 0,05), нехваткой времени, незнанием и отсутствием возможностей (коэффициент Пирсона = 0,44, p <= 0,05).

Среди российской молодежи, проживающей в мегаполисах, больше тех, кто занимается спортом самостоятельно на площадках, стадионах и иных инфраструктурных объектах (52,2%); 31,1% занимается дома; 18,9% – в секциях под руководством тренеров; 16,7% – в фитнес-клубах также под руководством тренеров.

Самостоятельно занимаются спортом на объектах городской среды больше юноши (коэффициент Пирсона = -0,301, p <= 0,05). Иные способы занятий не имеют взаимосвязи ни с полом, ни с возрастом, ни с частотой занятий. При этом если молодой человек занимается в фитнес-клубах, то он реже будет заниматься самостоятельно на объектах городской среды (коэффициент Пирсона = -0,203, p <= 0,05)[5].

Исследования здоровьесберегающих практик молодежи, проживающей в мегаполисах, затрагивают изменения в период пандемии. Отмечается, что происходит переход от стереотипных моделей здоровьесберегающего поведения к режиму функциональности в условиях новой нормальности. Здоровье становится инструментальной ценностью для молодежи [1, с. 61]. При этом, с одной стороны, молодежь стремится сохранять здоровье в новых условиях, но, с другой

[4] ВЦИОМ. Новости: Спорт для всех. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/sport-dlja-vsekh (дата обращения: 17.03.2025).
[5] ВЦИОМ. Новости: Спорт для всех. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/sport-dlja-vsekh (дата обращения: 17.03.2025).

стороны, присутствует и некоторое пренебрежение к нему. Кроме того, выделяют три группы практик здоровьесбережения: активные, пассивно участвующие, равнодушные [5, с. 50].

Исходя из результатов вторичного анализа баз данных здоровьесбережения к активной группе практик можно отнести стремление молодежи придерживаться правильного питания и соблюдать режим дня, вести здоровый образ жизни и не менее раза в неделю заниматься спортом. Хотя заниматься можно разными способами и здесь существуют отличия в зависимости от пола, тем не менее, молодежь, проживающая в мегаполисах, не пренебрегает этими возможностями для поддержания здоровья.

Пассивно участвующими практиками считаются обращение за помощью к врачу лишь в случае проблем или невозможности справиться с симптомами самостоятельно, занятия спортом только под руководством инструкторов, а также отсутствие времени и силы воли. К группе равнодушных практик относятся такие действия, которые проявляются в виде отказа обращаться к врачам и придерживаться правильного режима сна и отдыха, вести здоровый образ жизни и заниматься спортом из-за отсутствия потребности, нехватки денег или знаний, при этом более равнодушно к здоровьесберегающим практикам относятся девушки.

Когда общество адаптировалось к изменениям после пандемии коронавируса появились аспекты, на которые необходимо обратить внимание при возможных будущих преобразованиях параметров здоровьесбережения. Прежде всего, необходимо мотивировать девушек к повышению уровня физической активности и формированию практик здоровьесбережения. Возможно, здесь будет полезной рекомендация по соблюдению режима дня, поскольку основной трудностью при формировании привычки к здоровьесбережению и регулярной физической активности опрошенные называли отсутствие свободного времени. Немаловажно популяризировать правильное питание, поскольку оно значительно влияет на уровень физической активности.

Кроме того, не стоит забывать о развитии и преобразовании городской инфраструктуры, поскольку многие молодые люди особо выделяют проблему отсутствия соответствующих объектов для занятий спортом, остальные предпочитают заниматься в фитнес-клубах. Иными словами, вопрос поддержания и формирования здоровьесберегающих практик требует определенных усилий как на индивидуальном, так и на общественном уровне.

Библиографический список

1. Антонова Н.Л., Мальцева А.П. (2022). Здоровьесберегающие практики молодежи в условиях пандемии: пилотное исследование // Acta biomedica scientifica. Т. 7. № 3. С. 57–63.
2. Зарбалиев В.З. (2021). Современное российское общество в условиях пандемии // Гуманитарий Юга России. Т. 10. № 3. С. 55–63.
3. Зарбалиев В.З. (2021). Социологическая интерпретация понятия «социальные практики здоровьесбережения» // Гуманитарий Юга России. Т. 10. № 1. С. 74–82.
4. Зарбалиев В.З. (2020). Социологическое осмысление здоровье-сберегающего поведения // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. № 2. С. 276–281.
5. Проказина Н.В., Бобылева Н.Ю. (2022). Социальные представления и практики здоровьесберегающего поведения молодежи в условиях пандемии COVID-19 // Среднерусский вестник общественных наук. Т. 17. № 1. С. 37–53.

Информация об авторе

Моховикова Дарья Александровна (Россия, Пермь) – аспирант кафедры социологии, Пермский государственный национальный исследовательский университет (Россия, г. Пермь, 614068, ул. Букирева, д. 15; darya-mohovikova@mail.ru).

Mohovikova D.A.

HEALTH-SAVING PRACTICES OF YOUNG PEOPLE IN MODERN RUSSIAN MEGACITIES

Abstract. *The article examines health-saving practices of Russian young people in megacities. A theoretical definition of the concept is given, and features of the practices are described based on a secondary analysis of federal studies. Health-saving problems are highlighted and possible solutions are given.*

Keywords: *health-saving behavior, health-saving practices, young people, megalopolis, physical activity, urban environment.*

About the author

Mohovikova Darya Aleksandrovna (Russia, Perm) – postgraduate student of the Department of sociology, Perm state national research university (Russia, Perm, 614068, Bukireva Str., 15; e-mail: darya-mohovikova@mail.ru).

References

1. Antonova N.L., Maltseva A.P. (2022). Health-saving practices of young people during a pandemic: a pilot study. Acta biomedica scientifica, 7(3), pp. 57–63.
2. Zarbaliyev V.Z. (2021). Modern Russian society in the context of a pandemic. Humanitarian of the South of Russia, 10(3), pp. 55–63.
3. Zarbaliyev V.Z. (2021). Sociological Interpretation of the concept of “Health-Saving Social Practices”. Humanitarian of the South of Russia, 10(1), pp. 74–82.
4. Zarbaliyev V.Z. (2020). Sociological understanding of health-saving behavior. State and municipal administration. Scientific notes, 2, pp. 276–281.
5. Prokazina N.V., Bobyleva N.Y. (2022). Social ideas and practices of health-preserving behavior of young people in the context of the COVID-19 pandemic. Central Russian bulletin of social sciences, 17(1), pp. 37–53.

УДК 314.44 / ББК 51.14

Нацун Л.Н.

ЗДОРОВЬЕ ПОЖИЛОГО НАСЕЛЕНИЯ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ: ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

Аннотация. *В пожилом возрасте возрастают риски ухудшения здоровья, часть из которых имеет гендерную специфику. На основе репрезентативного социологического опроса выявлены гендерные различия в распространенности заболеваний, которые могут ограничивать жизнедеятельность в старшем возрасте.*

Ключевые слова: *здоровье старшего поколения, ограничения в повседневной деятельности, гендерная специфика нарушений здоровья.*

Благодарность

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-78-10128. URL: https://rscf.ru/project/23-78-10128/

Благополучная старость рассматривается как сложная категория, охватывающая различные сферы жизни человека: от состояния здоровья до социального участия. Здоровье при этом служит базой для формирования остальных компонентов объективного благополучия, поскольку именно его состояние в пожилом возрасте во многом определяет возможности участия в трудовой деятельности, круг и частоту социальных взаимодействий. Также здоровье влияет на эмоциональное состояние, от которого, в свою очередь, зависит уровень субъективного благополучия.

В пожилом возрасте увеличиваются риски нарушений здоровья, связанные с особенностями метаболизма [2], прогрессированием хронических неинфекционных заболеваний и побочными эффектами от назначенной лекарственной терапии [9; 10], а также риски угрожающих здоровью бытовых травм, обусловленные ухудшением способности к координации движений и ориентированию в пространстве [6]. Часть этих рисков имеет гендерную специфику. Например, действие факторов риска заболеваемости и смертности от болезней системы кровообращения имеет подтвержденные гендерные особенности [1; 3; 4; 7; 8]. Доказано, что для пожилых женщин полезны регулярные длительные прогулки в качестве профилактики падений и переломов [11].

Ухудшение здоровья в пожилом возрасте может приводить к потребности в постоянном постороннем уходе. Однако оплата квалифицированного долговременного ухода на дому может быть непосильной, особенно для одиноких пожилых людей. Перспективным решением является привлечение к этой деятельности некоммерческих организаций, а также развитие программ страхования ухода в старости [5].

На основе данных репрезентативного социологического опроса населения Вологодской области рассматриваются особенности самооценок и состояния здоровья пожилых женщин и мужчин. Опрос населения в возрасте 18 лет и старше проводился на территории Вологодской области в феврале 2025 года. Объем выборки составил 1500 чел., из которых 44% – мужчины, 56% – женщины, 78% респондентов проживают в городской, а 22% – в сельской местности. Число опрошенных в возрасте 55 лет и старше составило 590 чел., из которых 37,3% – мужчины, на лиц в возрасте 55–64 лет приходилось 46%, в возрасте 65–74 лет – 38,3%, 75 лет и старше – 15,8%. Во всех трех рассмотренных возрастных группах пожилых преобладали женщины: 57% – среди лиц 55–64 лет, 64% – среди лиц 65–74 лет и 76% – среди лиц 75 лет и старше.

Основой для анализа послужили ответы респондентов на следующие вопросы:

1) Как вы оцениваете состояние своего здоровья в настоящее время?

2) Имеются ли у вас длительно протекающие (хронические) заболевания или состояния? Если да, напишите, какие.

3) Как часто и как тяжело вы болеете?

4) С какими из перечисленных проблем вы регулярно сталкивались в вашей повседневной жизни в последние 30 дней?

Среди мужчин в возрасте 55–64 лет наиболее высокой, по сравнению с более старшими группами мужчин, была доля тех, кто оценил собственное здоровье как «хорошее» или «очень хорошее» – 32%, тогда как среди женщин в возрасте 55–64 лет доля позитивных оценок составила 26%. Среди лиц более старшего возраста поступательно снижалась доля тех, кто оценивал собственное здоровье позитивно, и, напротив, возрастала доля негативных самооценок. Так, среди мужчин в возрасте 65–74 лет, доля позитивных оценок составляла 17,1%, среди женщин – 21,3%. В возрастной категории 75 лет и старше только 4,5% мужчин и 9,9% женщин оценили свое здоровье как «хорошее» или «очень хорошее». При этом в данной возрастной группе доля негативных оценок достигала 18,2% среди мужчин и 36,6% среди женщин (*табл. 1*).

Таблица 1. **Распределение самооценок здоровья среди пожилых мужчин и женщин (в % от числа опрошенных)**

Самооценка здоровья	Мужчины			Женщины		
	55–64 года	65–74 года	75+ лет	55–64 года	65–74 года	75+ лет
Очень хорошее и хорошее	31,9	17,1	4,5	25,8	21,3	9,9
Удовлетворительное	56,0	61,0	77,3	65,2	66,7	53,5
Плохое и очень плохое	12,1	22,0	18,2	9,0	12,0	36,6

*Источник: Данные опроса «Благополучие населения». Опрос проведен методом письменного анкетирования респондентов по месту проживания.

Наиболее распространенными заболеваниями и среди мужчин, и среди женщин всех рассмотренных возрастных групп были болезни системы кровообращения, а в частности гипертония. К числу наиболее распространенных также относились болезни костно-мышечной системы и соединительной ткани, сахарный диабет и болезни органов пищеварения (*табл. 2*). В самой старшей возрастной группе присутствовали те, кто среди имеющихся хронических заболеваний указали новообразования: 6,7% среди мужчин и 2,1% среди женщин.

Таблица 2. **Распределение частоты встречаемости хронических заболеваний среди респондентов, в % от числа опрошенных ***

Хронические заболевания (в соответствии с кодами МКБ-10)	Мужчины			Женщины		
	55–64 лет	65–74 лет	75+ лет	55–64 лет	65–74 лет	75+ лет
Болезни системы кровообращения, в том числе:	42,9	52,3	33,3	50,0	45,8	50,0
гипертония	34,3	45,5	20,0	42,6	44,6	33,3
болезни сердца	5,7	11,4	13,3	5,9	1,2	8,3
Болезни костно-мышечной системы и соединительной ткани	25,7	20,5	26,7	19,1	21,7	10,4
Болезни органов пищеварения, в том числе:	17,1	0,0	26,7	14,7	6,0	14,6
болезни пищевода, желудка и 12-перстной кишки	11,4	0,0	20,0	8,8	1,2	4,2
Болезни эндокринной системы, расстройства питания, нарушения обмена веществ, в том числе:	20,0	9,1	13,3	10,3	18,1	25,0
сахарный диабет	20,0	9,1	13,3	10,3	16,9	25,0

*Распределение ответов на открытый вопрос с возможностью перечисления: «Имеются ли у вас длительно протекающие (хронические) заболевания или состояния? Если да, напишите, какие». Приведены варианты ответов с наибольшей частотой встречаемости в выборке.

Источник: Данные опроса «Благополучие населения». Опрос проведен методом письменного анкетирования респондентов по месту проживания.

Распределение ответов на вопрос о тяжести и частоте возникновения недомоганий свидетельствует о том, что в самой старшей возрастной группе заметно повышается частота возникновения серьезных недомоганий, существенно ограничивающих повседневную активность, и заболеваний, вызывающих необходимость в стационарном лечении. Так, среди лиц в возрасте 55–64 лет, 25% мужчин и 12,4% женщин сообщили о возникновении несколько раз в течение года недомоганий, которые лишают их возможности заниматься самообслуживанием, делать домашние дела. В возрасте 75 лет и старше этот вариант ответа выбрали 50% мужчин и 36,6% женщин. О том, что несколько раз в течение года нуждались в лечении в условиях круглосуточного стационара, сообщили 6,9% мужчин и 4,6% женщин в возрасте 55–64 лет. Среди лиц в возрасте 75 лет и старше этот вариант ответа выбрали 13,6% мужчин и 23,9% женщин.

В число основных проблем со здоровьем, с которыми пожилые мужчины и женщины всех рассмотренных возрастных групп сталкивались наиболее часто, вошли плохой сон, боль в суставах, мышцах, не связанная с физическими нагрузками, а также снижение зрения (*табл. 3*). Нарушения сна в пожилом возрасте могут быть связаны с приемом определенных лекарственных препаратов. Широкая распространенность данной проблемы среди пожилых свидетельствует о необходимости более тщательного контроля побочных эффектов назначаемых им лекарств, особенно в случае длительной терапии.

Ранжирование частоты встречаемости проблем со здоровьем позволило выявить ее специфику для половозрастных групп пожилых. Так среди мужчин в возрасте 55–64 лет четвертой по распространенности проблемой было ощущение усталости, упадка сил, а пятой – метеочувствительность. В возрастных группах мужчин 65–74 лет и 75 лет и старше, двум названным проблемам в рейтинге предшествовала медикаментозная зависимость (33 и 54,5% респондентов отметили необходимость постоянно принимать некоторые лекарства). Мужчины самой старшей возрастной группы указывали на проблемы с памятью так же часто, как на усталость, и чаще, чем на метеочувствительность. Среди пожилых женщин рейтинг встречаемости проблем со здоровьем обнаруживал возрастную дифференциацию уже со второй ранговой позиции. В группе женщин 55–64 лет – это проблема снижения зрения, а в более старших группах – боль в суставах и мышцах. В самой старшей возрастной группе женщин к числу наиболее распространенных проблем также относились снижение зрения, плохая память, метеочувствительность и необходимость постоянного приема лекарств. Среди женщин 65–74 лет третье место по распространенности занимала метеочувствительность, четвертое – снижение зрения, пятое место между собой делили упадок сил и необходимость постоянно принимать лекарства. Говоря об имеющихся у них проблемах со здоровьем, 24% женщин в возрасте 75 лет и старше отметили, что с трудом переносят даже легкие физические нагрузки, 24% отметили, что им тяжело самостоятельно одеваться, 19,7% указали, что им не хватает сил на выполнение обычных бытовых действий. В данной возрастной группе присутствовали 14% женщин, которые пользовались вспомогательными средствами при передвижении (*табл. 3*).

Таблица 3. **Распределение ответов респондентов на вопрос: «С какими из перечисленных проблем вы регулярно сталкивались в вашей повседневной жизни в последние 30 дней?», в % от числа опрошенных каждой половозрастной группы**

№	Проблемы в повседневной жизни, связанные со здоровьем	Мужчины			Женщины		
		55–64 лет	65–74 лет	75+ лет	55–64 лет	65–74 лет	75+ лет
1	Плохой сон (часто просыпаюсь, долго не могу заснуть)	50,9	57,3	59,1	47,7	60,4	66,2
2	Испытываю боль в суставах, мышцах, не связанную с физическими нагрузками	31,9	51,2	45,5	35,5	39,6	60,6
3	Плохо вижу без очков или контактных линз	31,0	50,0	50,0	36,1	33,3	47,9
4	Ощущаю усталость, упадок сил	26,7	30,5	36,4	24,5	30,6	23,9
5	Самочувствие сильно зависит от погоды (метеочувствительность)	24,1	30,5	27,3	34,8	36,1	36,6
6	Постоянно что-нибудь забываю (плохая память)	20,7	24,4	36,4	19,4	22,9	38,0
7	Вынужден(а) принимать некоторые лекарства на постоянной основе	16,4	32,9	54,5	26,5	30,6	33,8
8	С трудом переношу легкие физические нагрузки (подъем веса до 5 кг, подъем по лестнице, ходьба более 30 мин.)	10,3	15,9	13,6	11,0	10,4	23,9
9	Плохо слышу без слухового аппарата	8,6	7,3	13,6	9,0	9,7	14,1
10	Тяжело одеваться самостоятельно	7,8	13,4	4,5	12,3	13,2	23,9
11	Трудно передвигаться без вспомогательных средств (трость, костыли, кресло-коляска и т. п.)	6,9	14,6	9,1	5,8	9,0	14,1
12	Не хватает сил на выполнение бытовых действий (уборка, приготовление пищи)	6,0	14,6	9,1	8,4	9,0	19,7
13	Не могу разборчиво писать от руки, выполнять кропотливую работу (дрожь в руках)	2,6	3,7	0,0	1,9	4,9	5,6

*Источник: Данные опроса «Благополучие населения». Опрос проведен методом письменного анкетирования респондентов по месту проживания.

Таким образом, можно выделить следующие гендерно-специфичные характеристики здоровья пожилого населения:

1) различия в структуре наиболее распространенных хронических заболеваний среди пожилых женщин и мужчин;

2) более частое возникновение в течение года потребности в стационарном лечении среди женщин в возрасте 75 лет и старше, чем среди мужчин того же возраста;

3) половозрастные различия в распространенности проблем со здоровьем, которые могут ограничивать жизнедеятельность.

Проведенное исследование позволило уточнить данные о состоянии здоровья пожилого населения Вологодской области и выявить некоторые гендерные различия в его нарушениях. Выявленные проблемы в повседневной жизнедеятельности пожилых мужчин и женщин актуализируют вопросы совершенствования алгоритмов ведения пожилых пациентов в системе здравоохранения, а также системы долговременного ухода, развития гериатрического направления в медицине. Полученные результаты будут использованы на последующих этапах проведения исследования для комплексной оценки благополучия населения старших возрастных групп.

Библиографический список

1. Балтабаева А.М. (2020). Особенности факторов кардиоваскулярного риска у мужчин моложе 60 лет с инфарктом миокарда и рецидивирующими ишемическими поражениями // Известия Российской военно-медицинской академии. Т. 39. № S1-1. С. 13–15.
2. Бахолдина В.Ю., Кощавка С.В. (2021). Антропометрические индексы как показатели риска артериальной гипертензии в группе женщин зрелого и пожилого возраста города Белгорода // Успехи геронтологии. Т. 34. № 1. С. 71–75. DOI: 10.34922/AE.2021.34.1.009
3. Имаева А.Э., Баланова Ю.А., Капустина А.В., Шальнова С.А., Школьников В.М. (2020). Влияние артериального давления на смертность мужчин и женщин среднего и пожилого возраста: когортное исследование // Экология человека. № 9. С. 49–56. DOI: 10.33396/1728-0869-2020-9-49-56
4. Кочергина А.М., Леонова В.О., Каретникова В.Н., Барбараш О.Л. (2017). Распространенность факторов кардиоваскулярного риска среди мужчин разного возраста (по данным ЭССЕ РФ) // Комплексные проблемы сердечно-сосудистых заболеваний. Т. 6. № S4. С. 28.
5. Куропатенкова И.Н., Зеновчик Ю.М. (2023). Программы страхования ухода в старости – инструмент повышения комфортности жизни пожилых людей // Вестник Белорусского государственного экономического университета. № 4(159). С. 39–45.
6. Ларина В.Н., Кудина Е.В., Халатова Е.А. [и др.] (2019). Профилактика последствий и рисков падений в пожилом возрасте // Прикладные информационные аспекты медицины. Т. 22. № 1. С. 106–110.
7. Максимова М.Ю., Сазонова В.Ю. (2023). Ишемический инсульт в артериях вертебробазилярной системы: факторы риска у мужчин и женщин среднего и пожилого возраста // Кремлевская медицина. Клинический вестник. № 2. С. 27–31. DOI: 10.48612/cgma/hgbk-ef5m-khuu
8. Нургалиева Г.К., Аймаханова Г.Т., Насырова Н.Б. [и др.] (2023). Факторы риска инфаркта миокарда у мужчин среднего и пожилого возраста // Universum: медицина и фармакология. № 4-5(98). С. 8–17.
9. Остроумова О.Д., Исаев Р.И., Переверзев А.П. (2019). Лекарственно-индуцированная инсомния у пациентов пожилого и старческого возраста // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. Т. 119. № 8. С. 142–152. DOI: 10.17116/jnevro2019119081142
10. Переверзев А. П., Остроумова О.Д., Исаев Р.И., Ткачева О.Н., Котовская Ю.В. (2019). Лекарственно-индуцированный делирий у пациентов пожилого и старческого возраста // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. Т. 119. № 7. С. 120–127. DOI: 10.17116/jnevro2019119071120
11. Шмелева С.В. (2009). Риск развития остеопении и остеопороза у пожилых женщин // Паллиативная медицина и реабилитация. № 1. С. 39–41.

Информация об авторе

Нацун Лейла Натиговна (Россия, Вологда) – старший научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук» (Россия, г. Вологда, 160014, ул. Горького, 56а; leyla.natsun@yandex.ru).

Natsun L.N.

THE HEALTH OF THE ELDERLY POPULATION OF THE VOLOGDA OBLAST: GENDER SPECIFICITY

Abstract. *In old age, the risks of health disorders increase, some of which are gender-specific. Based on a representative sociological survey, gender differences in the prevalence of diseases and health problems that may limit life activity in old age have been identified.*

Keywords: *the health of the older generation, limitations in daily activities, gender-specific health disorders.*

About the author

Natsun Leila Natigovna (Russia, Vologda) – senior researcher, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (Russia, Vologda, 160014, 56A, Gorky st.; leyla.natsun@yandex.ru).

References

1. Baltabayeva A.M. (2020). Peculiarities of cardiovascular risk factors in men under 60 years old with myocardial infarction and recidivating ischemic episodes. Russian Military Medical Academy Reports, 39, S1-1, pp. 13–15.
2. Bakholdina V.Y., Koshchavka S.V. (2021). Anthropometric indices as the indicators of arterial hypertension risk in a group of elderly women of the city of Belgorod. Advances in Gerontology, 34(1), pp.71–75. DOI: 10.34922/A E.2021.34.1.009
3. Imaeva A.E., Balanova Y.A., Kapustina A.V., Shalnova S.A., Shkolnikov V.M. (2020). Associaitons between blood pressure and mortality among middle-aged and elderly men and women: a cohort study. Human Ecology, 9, pp. 49–56. DOI: 10.33396/1728-0869-2020-9-49-56
4. Kochergina A.M., Leonova V.O., Karetnikova V.N., Barbarash O.L. (2017). Prevalence of cardiovascular risk factors among men of different ages (according to the ECD of the Russian Federation). Complex Issues of Cardiovascular Diseases, 6, S4, P. 28.
5. Kuropatenkova I.N., Zenovchik J.M. (2023). Old age care insurance programs as a tool to improve the comfort of life of seniors. Vestnik Belorusskogo gosudarstvennogo jekonomicheskogo universiteta, 4 (159), pp. 39–45.
6. Larina V.N., Kudina E.V., Halatova E.A. [et al.] (2019). Prevention of consequences and risks of falls in old age. Prikladnye informacionnye aspekty mediciny, 22(1), pp. 106–110.
7. Maksimova M.Ju., Sazonova V.Ju. (2023). Risk factors for the vertebrobasilar stroke in middle-aged and senior men and women. Kremlin Medicine Journal, 2, pp. 27–31. DOI: 10.48612/cgma/hgbk-ef5m-khuu
8. Nurgalieva G.K., Aymahanova G.T., Nasyrova N.B. [et al.] (2023). Risk factors for middle and elderly age men myocardial infarction. Universum: medicina i farmakologija, 4-5(98), pp. 8–17.
9. Ostroumova O.D., Isaev R.I., Pereverzev A.P. (2019). Drug-induced insomnia in old and very old patients. S.S. Korsakov Journal of Neurology and Psychiatry, 119(8), pp. 142–152. DOI: 10.17116/jnevro2019119081142
10. Pereverzev A.P., Ostroumova O.D., Isaev R.I., Tkacheva O.N., Kotovskaya Yu.V. (2019). Drug-induced delirium in elderly and senile patients. S.S. Korsakov Journal of Neurology and Psychiatry, 119(7), pp. 120-127. DOI: 10.17116/jnevro201911 9071120
11. Shmeleva S.V. (2009). The risk of osteopenia and osteoporosis in elderly women. Palliativnaja medicina i reabilitacija, 1, pp. 39–41.

УДК 316.4: 314 / ББК 60.56

Пасовец Ю.М.

КЛЮЧЕВЫЕ ПОВЕДЕНЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ЗДОРОВЬЯ РОССИЯН: ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И РЕАЛЬНОСТЬ

Аннотация. *В работе обозначается необходимость изучения поведенческих факторов общественного здоровья. На основе анализа эмпирических данных выявляются представления россиян о приоритетных поведенческих практиках для поддержания здоровья и степень их распространенности в современном российском обществе.*

Ключевые слова: *общественное здоровье, поведенческие факторы, здоровьесберегающее поведение, занятия физической культурой и спортом, правильное питание, российское общество.*

В условиях современного российского общества возрастает актуальность изучения вклада поведенческих факторов в поддержание индивидуального и общественного здоровья, а именно выявления представлений населения о роли отдельных поведенческих практик в здоровом образе жизни и степени их распространенности.

Информационной базой настоящей работы стали данные Федеральной службы государственной статистики (Росстата)[1] и результаты всероссийских опросов населения, проведенных Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) [1; 3; 4].

Акцентируя внимание на вкладе поведенческих факторов в индивидуальное и общественное здоровье, можно говорить о том, что здоровый образ жизни предстает как стратегия приверженности индивида / социальной общности здоровьесберегающим поведенческим практикам и контролю над неблагоприятными для здоровья поведенческими факторами.

Анализ научной литературы показывает, что в экспертном сообществе, несмотря на некоторые различия в подходах к структуре здорового образа жизни, его основными составляющими принято считать отсутствие вредных привычек, физическую активность, медицинскую профилактику и своевременное лечение, правильное питание, сбалансированный режим труда и отдыха, управление стрессом [2; 5; 6; 7; 8].

Как показывают результаты всероссийских опросов, проведенных ВЦИОМ, в общественном сознании россиян доминирует положительное отношение к здоровому образу жизни (88% респондентов считают себя сторонниками ЗОЖ по данным на 2024 год; 90% – по данным на 2022 год) и сформирована своеобразная «иерархия» его компонентов, где первое место занимает физическая активность (94%), второе – правильное и умеренное питание (49%), третье – отказ от вредных привычек и умеренность (47%), четвертое – общение и психологическое благополучие (20%), пятое – соблюдение режима дня (труда и отдыха) (13%), шестое место – медицинская профилактика и лечение (10%) [3].

Тем самым ключевой вклад физической активности, включающей регулярные и умеренные физические нагрузки, физический труд, прогулки на свежем воздухе и т. п., здорового питания и отсутствия вредных привычек в сохранение и укрепление здоровья оказывается признанным как экспертами, так и большинством россиян.

По данным государственной статистики, за последние пять лет в России постепенно увеличивается доля населения, систематически занимающегося физической культурой и спортом. Так, с 2020 по 2024 гг. этот показатель вырос с 45,4% до 60,3%, т. е. на 14,9%. При этом, судя по статистическим данным, на положительную динамику этого показателя не оказала существенного влияния пандемия COVID-19. В 2021 году он составил 49,4%, в 2022 году – 52,9%,

[1] Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС) // Росстат. URL: https://fedstat.ru/ (дата обращения: 21.03.2025).

в 2023 году – 56,8%[2]. Вместе с тем доля лиц, не включенных в такие физические нагрузки, оказывается существенной.

Результаты опросов ВЦИОМ отражают постепенное сокращение доли россиян, которые не следят за своим питанием или не могут обеспечить себе правильное питание. Если в 2018 году совокупная доля респондентов, отмечающих отсутствие каких-либо ограничений в своем питании (15%) и не имеющих возможностей думать о качестве своего питания (32%), составляла 47%, то в 2023 году она приблизилась к 42% (19 и 23% соответственно) [1]. Однако эта категория россиян остается достаточно многочисленной.

Наряду с этим, статистические данные за последние несколько лет показывают некоторое снижение доли лиц (в возрасте 15 лет и старше), употребляющих табак каждый день: в 2018 году она составила 22% от общей численности населения этого возраста, в 2020 году – 21,9%, в 2022 году – 20,13%[3]. Тем не менее, исходя из этих данных, пятая часть населения в возрасте 15 лет и старше страдает табакокурением.

Таким образом, к настоящему времени мнение большинства россиян о здоровом образе жизни характеризуется доминированием позитивных оценок и представлений о ключевой роли физической активности, здорового питания и отказа от вредных привычек в процессе поддержания и укрепления здоровья. Однако, несмотря на благоприятные тенденции в области здорового образа жизни, наметившиеся в последние годы в российском обществе, сохраняются проблемы достаточно широкой распространенности среди населения деструктивных поведенческих практик.

Библиографический список

1. Большая жратва – 2023: аналитический обзор от 23.09.2023 г. // ВЦИОМ. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/bolshaja-zhratva-2023 (дата обращения: 09.03.2025).
2. Груздева М.А., Короленко А.В. (2018). Поведенческие факторы сохранения здоровья молодежи // Анализ риска здоровью. № 2. С. 41–51. DOI: 10.21668/health.risk/2018.2.05
3. Здоровый образ жизни: мониторинг: аналитический обзор от 22.05.2024 г. // ВЦИОМ. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zdorovyi-obraz-zhizni-monitoring (дата обращения: 09.03.2025).
4. Здоровый образ жизни и как его придерживаться: аналитический обзор от 24.05.2022 г. // ВЦИОМ. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zdorovyi-obraz-zhizni-i-kak-ego-priderzhivatsja (дата обращения: 09.03.2025).
5. Пасовец Ю.М. (2024). Поведенческие факторы сохранения здоровья детей в современном российском обществе // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. № 3. С. 102–107.
6. Пасовец Ю.М. (2008). Потенциал здоровья населения региона // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. № 1(5). С. 151–155.
7. Шабунова А.А. (2022). Здоровьесбережение: баланс ответственности государства и личности // Оздоровление городской среды. М.: Фонд «Московский центр урбанистики “Город”». С. 96–101. DOI: 10.58633/9785990703926_2022_96
8. Шабунова А.А., Короленко А.В., Нацун Л.Н., Разварина И.Н. (2021). Сохранение здоровья детей: поиск путей решения актуальных проблем // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 14. № 2. С. 125–144. DOI: 10.15838/esc.2021.2.74.8

[2] Доля граждан, систематически занимающихся физической культурой и спортом (Р5) // Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС). Росстат. URL: https://www.fedstat.ru/indicator/61635 (дата обращения: 21.03.2025).
[3] Стандартизованная по возрасту распространенность употребления табака лицами в возрасте от 15 лет (3.а.1) // Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС). Росстат. URL: https://www.fedstat.ru/indicator/59168 (дата обращения: 21.03.2025).

Информация об авторе

Пасовец Юлия Михайловна (Россия, Курск) – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Курский государственный университет» (Россия, 305000, г. Курск, ул. Радищева, д. 33; yulia_pasovets@mail.ru).

Pasovets Y.M.

KEY BEHAVIORAL HEALTH FACTORS OF RUSSIANS: PERCEPTIONS AND REALITY

Abstract. *The paper highlights the need to research behavioral factors of public health. It is based on the analysis of empirical data and reveals Russians' perceptions of priority behavioral practices for maintaining health and their prevalence in contemporary Russian society.*

Keywords: *public health, behavioral factors, health-saving behavior, physical education and sports, healthy nutrition, Russian society.*

About the Author

Pasovets Yuliya Mikhailovna (Russian Federation, Kursk) – Ph.D. in Sociology, Associate Professor, Department of Sociology, Federal State-Financed Educational Institution of Higher Education “Kursk State University” (Russia, Kursk, 305000, Radishchev st., 33; yulia_pasovets@mail.ru).

References

1. Big Grub – 2023: An Analytical Review Dated 23.09.2023. Russian Public Opinion Research Center (JSC VCIOM). Available at: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/bolshaja-zhratva-2023 (accessed: 03.09.2025).
2. Gruzdeva M.A., Korolenko A.V. (2018). Behavioral Factors Which Can Influence Preservation of Young People's Health. Health Risk Analysis, 2, pp. 41–51. DOI: 10.21668/health.risk/2018.2.05
3. Healthy Lifestyle: Monitoring: Analytical Review Dated 22.05.2024. Russian Public Opinion Research Center (JSC VCIOM). Available at: https://wciom.ru/analyticalreviews/analiticheskii-obzor/zdorovyiobrazzhiznimonitoring (accessed: 09.03.2025).
4. Healthy Lifestyle and How to Adhere to It: Analytical Review Dated 25.05.2022. Russian Public Opinion Research Center (JSC VCIOM). Available at: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zdorovyi-obraz-zhizni-i-kak-ego-priderzhivatsja (accessed: 09.03.2025).
5. Pasovets Y.M. (2024). Behavioral Factors of Saving Children's Health in Contemporary Russian Society. Proceedings of Voronezh State University. Series: History. Political science. Sociology, 3, pp. 102–107.
6. Pasovets Y.M. (2008). Health Potential of The Region's Population. Scientific notes. Electronic Scientific Journal of Kursk State University, 1(5), pp. 151–155.
7. Shabunova A.A. (2022). Health Care: Balancing the Responsibilities of The State and The Individual. Improving The Urban Environment. Moscow: The Moscow Urban Studies Center Gorod Foundation, pp. 96–101. DOI: 10.58633/9785990703926_2022_96
8. Shabunova A.A., Korolenko A.V., Natsun L.N., Razvarina I.N. (2021). Preserving Children’s Health: Search for The Ways of Solving Relevant Issues. Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast, 14(2), pp. 125–144. DOI: 10.15838/esc.2021. 2.74.8

УДК 314.1;613.95/ ББК 57.33

Разварина И.Н.

ВЛИЯНИЕ ЗДОРОВЬЯ БУДУЩЕГО ОТЦА НА ЗДОРОВЬЕ РЕБЕНКА

Аннотация. *Проведена оценка медико-биологических факторов риска, влияющих на здоровье ребенка дошкольного возраста со стороны отца в рамках мониторинга детского здоровья в Вологодской области за 1998–2020 гг. Результаты могут использоваться для разработки программ здоровьесбережения муниципального и регионального уровня.*

Ключевые слова: *мониторинг, здоровье, родители, отец, факторы риска.*

Благодарность

Работа выполнена в рамках темы государственного задания № FMGZ-2025-0014 «Человеческий потенциал современной России: факторы и механизмы воспроизводства».

Информационную базу составили выборочные результаты за 1998, 2001, 2004, 2014 и 2020 гг., а также данные пяти волн когортных исследований [3]. Из общего массива данных (N = 1464) были отобраны ответы респондентов, которые приняли участие хотя бы на одном из этапов исследования до достижения ребенком возраста 7 лет (N = 1037).

Для изучения факторов риска здоровью ребенка был использован показатель относительного риска (ОР), (relative risk). Обработка и анализ исходной информации осуществлялись с помощью программного обеспечения Microsoft Office Excel и IBM SPSS Statistics (ver.22.0).

Согласно нашим расчетам, возраст мужчин до 30 лет становится защитным фактором, предотвращающим развитие анемии у ребенка еще до его рождения, (ОР = 0,70), патологических состояний, врожденных пороков у новорожденного (ОР = 0,71). Если мужчине больше 40 лет, то у ребенка увеличивается вероятность развития врожденных отклонений со стороны сердечно-сосудистой системы, например, риск развития порока сердца увеличивается в три раза (ОР = 3,05).

У детей, родившихся от отцов в возрасте старше 40 лет, на 12% повышается риск снижения показателей здоровья (III–IV группа) в младенческом возрасте.

У детей молодых мужчин (до 20 лет) втрое увеличен риск развития к возрасту 2 лет заболеваний ЖКТ и на 18–20% – риск снижения группы здоровья в 3–4 года и преддошкольном возрасте. У отцов моложе 30 лет на 40% возрастает риск отставания физического и НПР ребенка уже в младенчестве, вдвое – риск нарушений системы пищеварения к 2 годам и на 80% – кардиологических заболеваний к 3–4 годам.

Вредные условия труда за год до рождения ребенка также являются фактором риска для его здоровья [5]. Так, если отец за год до рождения ребенка работает в условиях загазованности, это втрое увеличивает риск асфиксии при родах (ОР = 2,99); при работе в условиях биологической опасности (микроорганизмы, больные люди, животные, растения) на 18% чаще происходит снижение группы здоровья детей к 3–4 годам (ОР = 1,18).

Наиболее опасно для здоровья ребенка контактирование будущего отца с химическими и токсическими веществами. Как следствие, у детей на 75% чаще диагностируются поражения центральной нервной системы в 1-й год жизни, в 2 и более раз – аллергические реакции и заболевания ЖКТ, начиная с 3-летнего возраста. Если мужчина работает в условиях повышенной влажности, то у ребенка более чем в 5 раз увеличивается вероятность развития к преддошкольному возрасту бронхиальной астмы. Дети 6–7 лет, чьи отцы за год до их рождения трудились в условиях биологической опасности, в 5–7 раз чаще страдают нарушением обмена веществ – ожирением.

Перенесенные отцом заболевания также могут негативно сказываться на здоровье ребенка еще до его рождения [1;5].

Сахарный диабет в среднем в 8 раз увеличивает риск задержки внутриутробного развития плода и асфиксии во время родов, эндокринная патология и туберкулез – более чем в 4–5 раз, по причине чего врачам приходится прибегать к оперативному родоразрешению. В 2 раза

повышен риск рождения ребенка с низкой оценкой по шкале Апгар у отцов, которые перенесли венерические и мочеполовые заболевания, а также туберкулез.

Исследование позволило выявить негативное воздействие осложненного анамнеза отца на состояние здоровья новорожденных детей. Так, заболевания кожи и подкожной клетчатки в 4 раза повышают риск развития желтухи у новорожденных, в 11 раз – дисплазии тазобедренных суставов, вальгусной стопы, косолапости. Заболевания пищеварительной системы почти в 4 раза повышают риск развития у младенца врожденного порока сердца. Проблемы мочеполовой системы становятся следствием развития гипоспадии, крипторхизма у новорожденных мальчиков.

Прослеживается систематичность влияния хронических заболеваний в анамнезе мужчины на здоровье его детей в разные возрастные периоды в будущем, ухудшая такие общие показатели, как группа здоровья, кратность заболеваний и диспансерный учет. Так, наличие в анамнезе отца сахарного диабета, туберкулеза или венерических заболеваний повышает частоту заболеваний детей в младенчестве, постановку на диспансерный учет и ухудшение группы здоровья до II и ниже, т. е. на 15% (ОР = 1,16); к 3–4 годам риски возрастают до 19% (ОР = 1,19%), а к 6–7 годам – на четверть (ОР = 1,25%). Врожденные пороки развития отца также увеличивают частоту заболеваемости ребенка к 1–2 годам на треть (ОР = 1,33%) и снижение группы здоровья на 22% (ОР = 1,22%). Если отцу был поставлен диагноз, связанный с заболеваниями мочеполовой, эндокринной, нервной системы, органов дыхания, а также почек, то у его детей повышается риск снижения группы здоровья к 3–4 и 6–7 годам в среднем на 18–20%. К тому же нарушения обмена веществ и деятельности мочеполовой системы у мужчин повышают частоту заболеваемости ребенка к преддошкольному возрасту на четверть (ОР = 1,25%).

Неврологические расстройства повышают риск развития у детей заболеваний ЖКТ к 3–4 годам в 5 раз, к 6–7 годам в 6,5 раз. Наличие проблем с пищеварительной системой не связано с аналогичными заболеваниями у детей в дошкольном возрасте, но вдвое повышает риск отставания в нервно-психическом развитии ребенка в 3–4 года. Анамнез отца, осложненный болезнями почек, втрое чаще провоцирует развитие неврологических заболеваний у его ребенка к 3–4 годам. Венерические болезни, перенесенные мужчиной ранее, в 4,8 раз увеличивают вероятность желудочно-кишечных болезней у его детей к преддошкольному возрасту. Болезни кожи и подкожной клетчатки более, чем в 2,5 раза повышают риск развития у детей кардиологических заболеваний, начиная с 1 года.

Таким образом, анализируя полученные данные резюмируем, что молодой возраст отца становится защитным механизмом в период внутриутробного развития ребенка, но является риском развития ряда заболеваний: желудочно-кишечного тракта, сердечно-сосудистой, нервной системы в будущие возрастные периоды. Более зрелый возраст мужчины повышает риск врожденных патологий сердечно-сосудистой системы, но в дальнейшем его негативное влияние нивелируется. Возможно, это связано с более высоким уровнем медицинской грамотности, материальной обеспеченности и расширенными возможностями возрастных родителей [4].

Вредные условия труда повышают риск развития целого ряда заболеваний, которые проявляются преимущественно в дошкольном возрасте [2].

Осложненный хроническими заболеваниями анамнез будущего отца негативно влияет на внутриутробное развитие плода, повышает частоту применения оперативного родоразрешения, провоцирует развитие врожденных патологий и приводит к низкой оценке состояния новорожденного по шкале Апгар и здоровья ребенка в будущем.

Научная новизна заключается в возможности расширить знания, касающиеся влияния здоровья отца на здоровье ребенка в период от зачатия и на протяжении дошкольного возраста в динамике от 0 до 7 лет.

Полученные результаты могут быть использованы при информировании будущих родителей о факторах риска до зачатия, а значит и мотивировать их вести здоровый образ жизни при планировании ребенка, повысить уровень медицинской активности, воспитательного потенциала.

В дальнейшем планируется изучить факторы риска, которые могут повлиять на здоровье ребенка не только в дошкольном, но и более старшем возрасте. Дополнительные данные помогут прояснить сложное взаимодействие как материнской, так и отцовской эпигенетики. Они могут быть использованы в медицинской, социальной, педагогической деятельности для улучшения качества жизни детского населения области, региона, страны.

Библиографический список

1. Баклушина Е.К., Бобошко И.Е., Балакирева А.В. (2014). Влияние перинатальных факторов риска на развитие плода и здоровье новорожденного // Вестник Ивановской медицинской академии. № 19(1). С. 48–51.
2. Карельская Л.П. (2016). Репродуктивное здоровье мужчин как медико-социальная проблема. Медико-социальные и психологические аспекты безопасности промышленных агломераций: материалы международной научно-практической конференции, г. Екатеринбург, 16–17 февраля 2016 г. Екатеринбург: УрФУ. С. 21–27.
3. Качество молодого поколения в контексте модернизации России: монография (2017) / под общей редакцией А.А. Шабуновой. Вологда: ФГБУН ВолНЦ РАН. 235 с.
4. Рогозин Д.С., Миронов В.Н., Сергийко С.В., Рогозина А.А., Площанская О.Г. (2019). Клиническое значение «старшего отцовского возраста» в контексте мужского бесплодия и вспомогательных репродуктивных технологий // Экспериментальная и клиническая урология. № 4. С. 60–66.
5. World Health Organization (2009). Global health risks: Mortality and burden of disease attributable to selected major risks. Geneva: World Health Organization. URL: https://www.who.int/healthinfo/global_burden_disease/GlobalHealthRisks_report_full.pdf

Информация об авторе

Разварина Ирина Николаевна (Россия, Вологда) – научный сотрудник ФГБУН Вологодский научный центр Российской Академии наук (Россия, г. Вологда, 160014, ул. Горького, д. 56А; irina.razvarina@mail.ru).

Razvarina I.N.

RISK FACTORS FOR THE CHILD'S HEALTH ON THE FATHER'S SIDE

Abstract. *The assessment of biomedical risk factors for the health of a preschool child by the father was carried out as part of the monitoring of child health in the Vologda Oblast in 1998–2020. The results can be used to develop health-saving programs at the municipal and regional levels.*

Keywords: *monitoring, health, parents, father, risk factors.*

About the author

Razvarina Irina N. (Russia, Vologda) – Federal State Budgetary Institution of Sciences “Vologda research center of Russian academy of sciences” (Russia, 160014, Vologda, Gogol’ st., 56A; irina.razvarina@mail.ru).

References

1. Baklushina E.K., Boboshko I.E., Balakireva A.V. (2014). The influence of perinatal risk factors on fetal development and newborn health. Bulletin of the Ivanovo Medical Academy, 19(1), pp. 48–51.
2. Karelskaya L.P. (2016). Male reproductive health as a medical and social problem. Medical, social and psychological aspects of the safety of industrial agglomerations: proceedings of the International Scientific and Practical Conference, Yekaterinburg, February 16–17, 2016. Yekaterinburg: UrFU, pp. 21–27.
3. The quality of the young generation in the context of modernization of Russia: monograph (2017); ed. by A.A. Shabunova. Vologda: FGBUN VolSC RAS. 235 p.
4. Rogozin D.S., Mironov V.N., Sergiyko S.V., Rogozina A.A., Ploshchanskaya O.G. (2019). The clinical significance of “older paternal age” in the context of male infertility and assisted reproductive technologies. Experimental and Clinical Urology, 4, pp. 60–66.
5. World Health Organization (2009). Global health risks: Mortality and bur-den of disease attributable to selected major risks. Geneva: World Health Organization.

УДК 314.88 / ББК 60.74(2)

Реутов Е.В.

СРЕДНЕСРОЧНЫЕ ТРЕНДЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ВОСПРОИЗВОДСТВА РЕГИОНОВ ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ

Аннотация. *В 2019–2024 гг. для всех регионов Центрального Черноземья было характерно отрицательное демографическое воспроизводство (единственное исключение – Белгородская область в 2019 году). Наиболее ощутимыми (относительно численности населения) демографические потери были у Белгородской области, утратившей в период СВО статус демографического «флагмана», и у Тамбовской области – из-за устойчивого сочетания миграционного оттока и естественной убыли. В Курской области негативное воздействие факторов депопуляции геополитического характера еще не проявило себя полностью.*

Ключевые слова: *Центрально-Черноземный макрорегион, естественная убыль, миграционный прирост, миграционный отток.*

Благодарность

Исследование выполнено в рамках проекта Государственного задания FZWG-2023-0006 «Регулирование демографического поведения населения сельских территорий Центрально-Черноземного экономического района как основной механизм социального воспроизводства в условиях депопуляции».

Центрально-Черноземный макрорегион, включающий пять областей – Белгородскую, Воронежскую, Курскую, Липецкую и Тамбовскую – характеризуется определенной природно-климатической, экономико-производственной и геополитической спецификой, в совокупности своей определяющей ряд векторов социально-экономического и демографического развития. Поскольку ряд регионов Центрального Черноземья граничит с Украиной что, соответственно, определяет их близость к зоне специальной военной операции, это стало определяющим фактором в жизни региональных сообществ.

Новые источники социальных рисков существенно отразились на демографическом поведении населения приграничных территорий – прежде всего, подталкивая его к временной или постоянной миграции в более безопасные муниципалитеты и регионы, а также корректируя репродуктивные планы. Структурная перестройка региональных экономик, связанная с СВО, с одной стороны, во многом усилила отдельные регионы и территории, а, с другой, ослабила их. Так, экономическими бенефициарами СВО стали регионы Центрального Черноземья с сильной обрабатывающей промышленностью, со значительной долей оборонно-промышленного комплекса, наиболее удаленные от зоны СВО (Воронежская, Липецкая и Тамбовская области), в зоне экономического риска оказались регионы с аграрным и иным производством, сосредоточенным на приграничных территориях (Белгородская и Курская области). Естественно, экономическая стагнация усилила неблагоприятные демографические тенденции.

О.Л. Рыбаковский, проанализировав данные Росстата за 1992–2024 гг., отнес Тамбовскую область к «самым демографически неблагополучным в воспроизводственном плане» регионам, Воронежскую, Курскую и Липецкую – к «демографически неблагополучным», а Белгородскую – к регионам «в меньшей степени демографически неблагополучным» [2]. Однако эти характеристики были даны на основе усредненных (за все годы) значений естественного прироста населения, суммарного коэффициента рождаемости и других показателей и, очевидно, не учитывали демографические тенденции последнего периода, связанные с особым геополитическим и экономическим статусом ряда регионов Центрального Черноземья.

Целью данной статьи является установление ключевых тенденций естественного и миграционного движения населения регионов Центрального Черноземья в среднесрочной (2019–2024 гг.) ретроспективе и определение возможных перспектив их социально-демографического развития. В одной из прошлых работ отмечались, во-первых, незавершенность демографических трендов, связанных с СВО, и, во-вторых, их неравномерность и отчасти поляризацию по регионам [1].

Эмпирическая основа статьи – данные Росстата, отражающие демографическую ситуацию в регионах Центрального Черноземья в 2019–2024 гг., а также результаты экспертного опроса, проведенного в августе–сентябре 2024 года (N = 32) в рамках выполнения государственного задания «Регулирование демографического поведения населения сельских территорий

Центрально-Черноземного экономического района как основной механизм социального воспроизводства в условиях депопуляции» (под руководством С.А. Вангородской).

В 2019–2024 гг. для всех регионов Центрального Черноземья был характерен процесс снижения рождаемости – как результирующая нескольких факторов: базового – снижения численности женщин в репродуктивном возрасте и ситуативных шоков, способствующих откладыванию репродуктивных планов (пандемия COVID-19 и отчасти – мобилизация мужчин на СВО). Наиболее резкий спад рождаемости приходится на 2022 год, и особенно заметно его проявление в Белгородской области (видимо, в этом году начал сказываться и фактор СВО). В дальнейшем Белгородская область в силу своего геополитического статуса сохранила наиболее высокие по сравнению с другими регионами темпы снижения рождаемости (*табл. 1*).

Таблица 1. **Рождаемость в регионах Центрального Черноземья**[1]

Регионы	Количество родившихся (абс.)					
	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Белгородская область	13198	12352	12223	10885	10024	9179
Воронежская область	19643	19161	18593	17272	16424	15725
Курская область	9324	9111	8806	8019	7551	7252
Липецкая область	9829	9389	8993	8147	7922	7402
Тамбовская область	7724	7433	7218	6586	6315	5854

В отличие от рождаемости динамика смертности в регионах Центрального Черноземья не была линейной. Ее рост во всех регионах с достижением пиковых значений в 2021 году был обусловлен пандемией COVID-19. К 2023 году уровень смертности стабилизировался приблизительно на допандемийном уровне. Сильнее всего смертность в 2021 году выросла в Курской области, более благополучная ситуация сложилась в Белгородской области. В 2024 году во всех регионах Центрального Черноземья вновь наблюдается рост смертности – особенно заметный в Белгородской области (*табл. 2*).

Таблица 2. **Смертность в регионах Центрального Черноземья**

Регионы	Количество умерших (абс.)					
	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.
Белгородская область	20743	23908	28040	21754	20163	20937
Воронежская область	32907	38161	46495	35366	32584	33419
Курская область	16576	19004	23344	17717	15415	15848
Липецкая область	16322	20081	23637	17243	16141	16247
Тамбовская область	15221	17789	20724	16358	14789	15095

В результате устойчивого доминирования смертности над рождаемостью все регионы Центрального Черноземья получили в 2019–2024 гг. нелинейно усиливающийся процесс естественной убыли населения, наиболее заметный в Белгородской области как регионе с наибольшим объемом геополитических и социально-экономических рисков (*табл. 3*). Следует также отметить, что в Курской области данные риски еще не реализовались (в параметрах статистического учета) в полном объеме, и показатели 2025 года могут оказаться для региона крайне неблагоприятными.

[1] Здесь и далее данные приводятся и рассчитываются по: Социально-экономическое положение России. Январь 2021 года / Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/compendium/document/50801 (дата обращения: 02.03.2025);

Таблица 3. **Естественный прирост / убыль в регионах Центрального Черноземья**

Регионы	Естественный прирост / убыль (абс.)					
	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.
Белгородская область	-7545	-11556	-15817	-10869	-10139	-11758
Воронежская область	-13264	-19000	-27902	-18094	-16160	-17694
Курская область	-7252	-9893	-14538	-9698	-7864	-8596
Липецкая область	-6493	-10692	-14644	-9096	-8219	-8845
Тамбовская область	-7497	-10356	-13506	-9772	-8474	-9241

Миграционный поток компенсирует естественную убыль населения в большинстве регионов Центрального Черноземья (кроме Тамбовской области), что становится существенным ресурсом для социально-экономического развития. Особенно благоприятными показателями миграционного прироста населения отличалась в 2000–2010-е гг. Белгородская область. С начала СВО наблюдается обвал миграционного прироста во всех регионах Центрального Черноземья, наиболее выраженный в Белгородской области. В дальнейшем она прочно закрепила статус региона с отрицательным миграционным приростом. В Курской области данный процесс временно стабилизировался в 2023 году, но резко усилился в 2024 году в связи с вторжением ВСУ. Относительным бенефициаром ситуации в данном случае является Воронежская область, в которой чистый миграционный приток в 2023–2024 гг. остается стабильным (*табл. 4*).

Таблица 4. **Миграционный прирост / убыль в регионах Центрального Черноземья**

Регионы	Миграционный прирост / убыль (абс.)					
	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.
Белгородская область	9188	4229	6436	-11965	-3649	-6926
Воронежская область	9677	866	10062	625	4421	4320
Курская область	4277	2930	1698	-2275	1185	-2403
Липецкая область	1834	-339	258	-2739	-1741	842
Тамбовская область	-1791	-1803	-9	-3207	-1381	-418

В результате можно констатировать, что в последние шесть лет все регионы Центрального Черноземья являлись территориями с отрицательным демографическим воспроизводством (единственное исключение – Белгородская область в 2019 году). За данный период Белгородская область потеряла 70371 чел., Воронежская – 82140 чел., Курская – 52429 чел., Липецкая – 59874 чел., Тамбовская – 67455 чел. (*табл. 5*). Если в Тамбовской области процесс депопуляции носил устойчивый характер, а его темпы (за исключением пандемийного 2021 года) были относительно сглаженными, то депопуляция Белгородской области приобрела наиболее выраженный характер с 2022 года из-за снижения рождаемости и массовой миграции за пределы региона. Воронежская и Липецкая области выглядят относительно благополучными на фоне других регионов за счет компенсирующей миграции. В Курской области ситуация находится в зоне неопределенности, но, вероятно, негативное воздействие факторов депопуляции геополитического характера еще не реализовано в ней полностью.

Таблица 5. **Общий прирост / убыль населения в регионах Центрального Черноземья**

Регионы	Общий прирост/убыль (абс.)					
	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.
Белгородская область	1643	-7327	-9381	-22834	-13788	-18684
Воронежская область	-3587	-18134	-17840	-17469	-11736	-13374
Курская область	-2975	-6963	-12840	-11973	-6679	-10999
Липецкая область	-4659	-11031	-14386	-11835	-9960	-8003
Тамбовская область	-9288	-12159	-13515	-12979	-9855	-9659

Значительная (37,5%) часть опрошенных нами экспертов рассматривает сокращение рождаемости в регионах Центрального Черноземья как наиболее вероятную среднесрочную перспективу. Чуть более половины (53,1%) экспертов считают, что рождаемость сохранится на нынешнем уровне, и никто пока не решается прогнозировать ее рост. В долгосрочной перспективе экспертные оценки более благоприятны, но и здесь их модальное значение находится на уровне простого воспроизводства: 21,9% считают, что рождаемость будет снижаться, 21,9% – оставаться на нынешнем уровне, 25,0% – расти.

В представлениях о динамике смертности также заметны алармистские мотивы в среднесрочной перспективе с переходом к консервативным оценкам в долгосрочной перспективе. Так, 37,5% экспертов ожидают роста смертности в регионах Центрального Черноземья в среднесрочной перспективе, 53,1% считают, что она сохранится на текущем уровне, снижения смертности эксперты не прогнозируют. В ближайшие 10 лет роста смертности ожидают 15,6% экспертов, сохранения ее на текущем уровне – 34,4%, снижения – 21,9%.

В отношении миграционной ситуации характерен нейтрально-негативный консенсус на среднесрочную перспективу, предполагающий конкуренцию между чистым миграционным оттоком и миграционным балансом, с переходом – в долгосрочной перспективе – к сбалансированной миграции. Так, в ближайшие 5 лет 46,9% экспертов ожидают оттока населения из регионов Центрального Черноземья, 37,5% – сбалансированной миграции, и лишь 9,4% – миграционного прироста населения. На 10-летнюю перспективу миграционный отток прогнозируют 18,8% экспертов, сбалансированность миграционных потоков – 34,4%, миграционный прирост – 18,8%. Доля неопределенности при долгосрочном прогнозировании вырастает до 28,1%.

Таким образом, в 2019–2024 гг. все регионы Центрального Черноземья являлись территориями с отрицательным демографическим воспроизводством (единственное исключение – Белгородская область в 2019 году). На данный период имеют место два «демографических шока» – первый, затронувший все регионы и связанный с пандемией COVID-19, и второй – отразивший угрозы и риски СВО и сказавшийся, прежде всего, на приграничных регионах. Наиболее ощутимыми (относительно численности населения) демографические потери были в Белгородской области, утратившей в период СВО статус демографического «флагмана», и в Тамбовской области – из-за устойчивого сочетания миграционного оттока и естественной убыли. Воронежская и Липецкая области являются относительно благополучными на фоне других регионов за счет компенсирующей миграции. В Курской области ситуация находится в зоне неопределенности, но, вероятно, негативное воздействие факторов депопуляции геополитического характера еще не реализовано в ней полностью. Проявление негативных демографических трендов наиболее очевидно в среднесрочной перспективе. В долгосрочной перспективе возможно уравновешивание популяционных и депопуляционных факторов, но с одновременным ростом неопределенности в прогнозах.

Библиографический список

1. Реутов Е.В. (2024). Основные демографические тренды в регионах Центрального Черноземья в 2021–2023 гг. // Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений: материалы IX Международной научно-практической интернет-конференции, г. Вологда, 25–29 марта 2024 г. Вологда: ФГБУН ВолНЦ РАН. С. 128–133.

2. Рыбаковский О.Л. (2024). Воспроизводство населения регионов России в 1992–2024 гг.: итоги, компоненты, факторы // Народонаселение. Т. 27. № 4 С. 4–17.

Информация об авторе

Реутов Евгений Викторович (Россия, Белгород) – кандидат социологических наук, доцент, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (308015, Россия, г. Белгород, ул. Победы, д. 85; reutovevg@mail.ru).

Reutov E.V.

MEDIUM-TERM TRENDS OF DEMOGRAPHIC REPRODUCTION OF THE REGIONS OF THE CENTRAL BLACK REGION

Abstract. *In 2019–2024 all regions of the Central Black Earth Region were characterized by negative demographic reproduction (the only exception – the Belgorod region in 2019). The most tangible (relatively population) were demographic losses in the Belgorod region, which lost the status of a demographic "flagship" in the SMO period, and in the Tambov region – due to a sustainable combination of migration outflow and natural loss. In the Kursk region, the negative impact of depopulation of a geopolitical nature has not yet been fully realized.*

Keywords: *Central Black Earth macroregion, natural decline, migration growth, migration outflow.*

About the author

Reutov Evgeniy Viktorovich (Russia, Belgorod) – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Belgorod State National Research University (308015, Russia, Belgorod, Pobedy St., 85; reutovevg@mail.ru).

References

1. Reutov E.V. (2024). Main demographic trends in the regions of the Central Black Earth Region in 2021–2023. Global challenges and regional development in the mirror of sociological dimensions: proceedings of the IX International Scientific and Practical Internet Conference, Vologda, March 25–29, 2024. Vologda: VolRC RAS, pp. 128–133.
2. Rybakovsky O.L. (2024). Population reproduction of Russian regions in 1992–2024: results, components, factors. Population, 4, pp. 4–17.

УДК 316.61 / ББК 65.42

Романова К.А., Савина А.А., Евграфова А.А., Кузнецова Е.А.[1]

ОТНОШЕНИЕ МОЛОДЕЖИ К ТЕХНОЛОГИИ ПРЕРЫВАНИЯ БЕРЕМЕННОСТИ

Аннотация. *Исследование посвящено анализу отношения молодежи к абортам, включая их взгляды на жизнь, допустимость процедуры и ситуации, при которых она может быть оправдана. Мнения опрошенных отражают разнообразие подходов, отражающих противоречия между личными правами, общественными нормами и моралью.*

Ключевые слова: *прерывание беременности, аборт, молодежь, ценности, духовность, телоцентризм, демография.*

Для обеспечения экономического и социального развития нашей страны, Президент РФ В.В. Путин своим Указом[2] одним из основных целевых показателей устанавливает «повышение суммарного коэффициента рождаемости до 1,6 к 2030 году и до 1,8 к 2036 году, в том числе ежегодный рост суммарного коэффициента рождаемости третьих и последующих детей». Данная инициатива вызвана демографическими проблемами в России, в значительной степени детерминированная сложившимися в обществе моделями репродуктивного поведения [1]. Проблема низкой репродуктивной активности актуальна и для Вологодской области, где в 2024 году рождаемость снизилась на 18% в сравнении с 2023 годом[3].

Для решения демографических задач глава региона Г.Ю. Филимонов принимает программу «Семья – оплот Русского Севера»[4], направленную на популяризацию здорового образа жизни. Кроме актуальных мероприятий поддержки молодой семьи с детьми, предлагается профилактика абортов, реализуемая через широкое общественное обсуждение необходимости отказа от абортов. В результате прогнозируется повышение индекса рождаемости и воспроизводства населения на территории Вологодской области от 1,5 до 2 раз.

Однако в обществе наблюдается конфликт традиционных ценностей с либеральными взглядами молодежи. Для того, чтобы подтвердить или опровергнуть данное утверждение мы провели опрос среди студенческой молодежи об их отношении к вопросу прерывания беременности.

Цель – изучение отношения молодежи к технологии прерывания беременности.

Материалы и методы исследования. Эмпирической базой нашего исследования послужили данные, полученные в ходе пилотного опроса молодежи, проведенного авторами в ноябре–декабре 2024 года, с использованием онлайн-платформы. В качестве инструмента исследования использовался опросник, разработанный на основе методики, предложенной сотрудниками кафедры биомедицинской этики РГМУ (г. Москва) Л.Б. Ляуш, В.И. Сабуровой, И В. Силуяновой,
Н.А. Сушковым [2]. В исследовании приняли участие 112 респондентов в возрасте от 18 до 35 лет.

Более половины (67%) студентов считают, что жизнь человека начинается с момента рождения, а каждый пятый (22%) – с зачатия. В пределах статистической погрешности студенты считают началом жизни 12 (5%) или 22 (5%) неделю беременности (*рис. 1*). Затруднились с ответом на вопрос 2%.

---

[1] Работа выполнена под научным руководством Смирновой Елены Алексеевны, к.с.н., доцента кафедры социологии и социальных технологий ЧГУ.

[2] Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // Российская газета. – № 100. – 11.05.2024.

[3] ТАСС: информационное агентство России. В Вологодской области рассчитывают на повышение рождаемости в 1,5-2 раза // Электрон. б-ка. 2025. URL: https://tass.ru/obschestvo/23085535 (дата обращения 16.03.2025).

[4] Официальный портал Правительства Вологодской области. Программа «Семья – оплот Русского Севера» // Электрон. б-ка. 2025. URL: https://vologda-oblast.ru/strategiya-2-0/semya-oplot-russkogo-severa/ (дата обращения 16.03.2025).

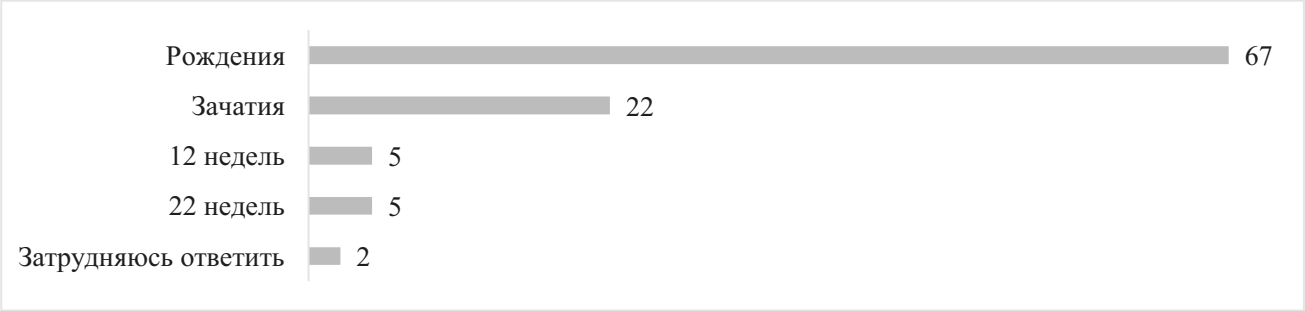

Рисунок 1. **Распределение ответов на вопрос «Я думаю, что жизнь человека начинается с момента...», в %**

Результаты опроса показывают, что подавляющее большинство молодых людей (81%) придерживаются ситуативного подхода к вопросу абортов. Однозначную поддержку абортов выразили 16% опрошенных. В то же время лишь 3% респондентов высказались против абортов (*рис. 2*).

Рисунок 2. **Распределение ответов на вопрос «Как вы относитесь к абортам?», %**

На вопрос о допустимости абортов были получены следующие результаты. Большинство опрошенных (78%) считают, что женщина должна иметь право самостоятельно решать, делать аборт или нет. Чуть больше половины (52%) считают аборт допустимым только в случаях, когда беременность угрожает жизни или здоровью матери. 38% респондентов допускают аборт в ситуациях, когда плод развивается неправильно. Четверть опрошенных (25%) считают аборт допустимым только на самых ранних сроках беременности. Наименьшая доля опрошенных (4%) придерживается категорической позиции, считая аборт недопустимым в силу его греховности *(рис. 3*).

Рисунок 3. **Распределение ответов на вопрос «Выделите не более трех положений, которые соответствуют вашему мнению относительно абортов?», в %**

Наиболее популярное мнение респондентов о том, что жизнь начинается с момента рождения, может быть связано с распространенным представлением о том, что ребенок является личностью и приобретает права только после появления на свет. Напротив, менее популярная точка зрения о том, что жизнь человека начинается с момента зачатия, чаще связана с религиозными или консервативными взглядами, где жизнь рассматривается как ценность с самого начала биологического существования. Мнение медицинских работников и священнослужителей совпадает: «человек целиком сформирован уже на стадии оплодотворенной яйцеклетки. Это «начальное состояние» линейно связывается с конечными состояниями (фенотипическими признаками)» [3]. Иными словами, в эмбрионе уже заложены многие признаки взрослого организма. Недаром сейчас развивается генная инженерия, когда с помощью редактирования генома эмбриона можно получить детей, которые будут наделены определенными качествами.

Самый распространенный подход (ситуативный) среди опрошенных отражает гибкость и осознанность в восприятии сложных этических дилемм, что характерно для современной молодежи, склонной к взвешенным и многогранным оценкам, избегающей категоричных суждений. Мнение сторонников абортов может быть связано с их приверженностью принципам автономии личности и права женщины на самостоятельное принятие решения. Эта позиция основывается на идеях личной свободы и репродуктивных прав, которые занимают важное место в современном общественном дискурсе. Недаром Г.Л. Тульчинский [4] для обозначения приоритета телесности и сексуальности в человеке над его духовным миром вводит в оборот такой термин как «телоцентризм». Напротив, позиция противников искусственного прерывания беременности обусловлена их моральными, этическими и религиозными убеждениями. Для этой группы аборт может восприниматься как прекращение жизни, что делает данный вопрос не только медицинским, но и глубоко духовным, требующим учета этических и религиозных норм.

Мнения респондентов о начале жизни и допустимости абортов демонстрируют разнообразие подходов, обусловленных как современными либеральными ценностями, так и традиционными религиозными или консервативными взглядами. Большинство опрошенных склоняются к идее личной свободы и права женщины на самостоятельное принятие решений, что отражает общую тенденцию к поддержке репродуктивных прав в современном обществе. При этом значительная часть респондентов учитывает медицинские и этические аспекты, такие как угроза жизни матери или качество жизни будущего ребенка, что подчеркивает стремление к балансу между индивидуальными правами и моральными принципами. Меньшая часть, выступающая против абортов, руководствуется глубокими духовными и религиозными убеждениями, что делает этот вопрос не только медицинским, но и этически сложным. Таким образом, результаты опроса свидетельствуют о снижении религиозности и духовности современного

общества, в котором распространение получили потребление и распространение гедонистических ценностей. Полученные результаты могут лечь в основу мероприятий по формированию ценностного отношения к жизни, традиционной семьи и материнства. Программы можно реализовать в следующих областях социальной политики: образования и воспитания, работы с молодежью, культуры, науки и религии, СМИ.

Библиографический список

1. Вангородская С.А., Реутов Е.В. (2024). Репродуктивное поведение жителей сельских территорий регионов Центрального Черноземья // NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право. Т. 49. № 4. С. 652–668. DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-4-652-668
2. Ляуш Л.Б., Сабурова В.И., Силуянова И.В., Сушко Н.А. (2002). Мировоззрение и биоэтические представления российских студентов-медиков // Медицинское право и этика. № 2. С. 67–82.
3. Тищенко П.Д. (2022). Человек должен принадлежать самому себе (интервью с П.Д. Тищенко) // Идеи и идеалы. № 4-1. DOI: 10.17212/207508622022-14.4.1-236-256
4. Тульчинский Г.Л. (1999). Слово и тело постмодернизма. От феноменологии невменяемости к метафизике свободы // Вопросы философии. № 10. С. 35–53.

Информация об авторах

Савина Александра Александровна (Россия, Череповец) – студентка 4-го курса специальности «Социология» Череповецкого государственного университета (162600, Россия, г. Череповец, пр-т Луначарского, д. 5; savinaalexandra@icloud.com).

Романова Карина Андреевна (Россия, Череповец) – студентка 4-го курса специальности «Социология» Череповецкого государственного университета (162600, Россия, г. Череповец, пр-т Луначарского, д. 5; romanovakarina23@mail.ru).

Евграфова Анастасия Алексеевна (Россия, Череповец) – студентка 2-го курса специальности «Социология» Череповецкого государственного университета (162600, Россия, г. Череповец, пр-т Луначарского, д. 5; evgrafovanasta2005@gmail.com).

Кузнецова Елена Алексеевна (Россия, Череповец) – студентка 2-го курса специальности «Социология» Череповецкого государственного университета (162600, Россия, г. Череповец, пр-т Луначарского, д. 5; l.kuzn3tzova@yandex.ru).

Romanova K.A., Savina A.A., Evgrafova A.A., Kuznetsova E.A.[5]

THE ATTITUDE OF YOUNG PEOPLE TO THE TECHNOLOGY OF TERMINATION OF PREGNANCY

Abstract. *The study analyzes the attitudes of young people towards abortion, including their views on the beginning of life, the permissibility of the procedure and the situations in which it can be justified. The opinions of the respondents reflect a variety of approaches reflecting contradictions between personal rights, social norms and morality.*

Keywords: *termination of pregnancy, abortion, youth, values, spirituality, telocentrism, demography.*

About the authors

Savina Alexandra Alexandrovna (Russia, Cherepovets) is a 4th-year student specializing in Sociology at Cherepovets State University (5 Lunacharsky Ave., Cherepovets, 162600, Russia; savinaalexandra@icloud.com).

[5] Scientific supervisor: Smirnova Elena Alekseevna, Candidate of Agricultural Sciences, Associate Professor of the Department of Sociology and Social Technologies of CSU.

Romanova Karina Andreevna (Cherepovets, Russia) is a 4th-year student specializing in Sociology at Cherepovets State University (5 Lunacharsky Ave., Cherepovets, 162600, Russia; romanova-karina23@mail.ru).

Evgrafova Anastasia Alekseevna (Russia, Cherepovets) is a 4th-year student specializing in Sociology at Cherepovets State University (5 Lunacharsky Ave., Cherepovets, 162600, Russia; evgrafovanasta2005@gmail.com).

Kuznetsova Elena Alekseevna (Russia, Cherepovets**)** is a 4th–year student specializing in Sociology at Cherepovets State University (5 Lunacharsky Ave., Cherepovets, 162600, Russia; l.kuzn3tzova@yandex.ru).

References

1. Vangorodskaya S.A., Reutov E.V. (2024). Reproductive behavior of residents of rural areas of the Central Chernozem region. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Right, 49(4), pp. 652–668. DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-4-652-668
2. Lyaush L.B., Saburova V.I., Siluyanova I.V., Sushko N.A. (2002). The worldview and bioethical ideas of Russian medical students. Medical Law and Ethics, 2, pp. 67–82.
3. Tishchenko P.D. (2022). A man must belong to himself (interview with P.D. Tishchenko). Ideas and ideals, 4-1. DOI: 10.17212/2075-0862-2022-14.4.1-236-256
4. Tulchinsky G.L. (1999). The word and the body of postmodernism. From the phenomenology of insanity to the metaphysics of freedom. Questions of Philosophy, 10, pp. 35–53.

УДК 316.334 (614) / ББК 60.56

Шарыпова С.Ю., Корнилицына М.Д.

ИЛЛЮЗИЯ НЕУЯЗВИМОСТИ: КАК САМООЦЕНКА ЗДОРОВЬЯ ПРОВОЦИРУЕТ РИСКОГЕННОЕ ПОВЕДЕНИЕ

Аннотация. *Актуализирована взаимосвязь субъективной оценки здоровья и рискогенного поведения среди россиян. На основе анализа данных RLMS-HSE (n = 9600) выявлено, что высокая самооценка здоровья коррелирует с повышенной склонностью к риску в сфере здоровья, безопасности труда и вождения, опосредованной иллюзией неуязвимости. Результаты подчеркивают необходимость мер по коррекции иллюзорных установок через диагностику, образование и цифровые технологии для снижения рисков.*

Ключевые слова: *самооценка здоровья, рискогенное поведение, склонность к риску, иллюзия неуязвимости*

Благодарность

Исследование выполнено за счет гранта РНФ № 23-18-00480 «Самосохранительные стратегии россиян в условиях новой нормальности».

Субъективная оценка здоровья является значимым индикатором благополучия населения [2, с. 130], подчеркивая пересечение естественнонаучного и социокультурного знания [10]. Восприятие собственного самочувствия тесно связано с поведением индивида в сфере здоровья. Теория, названная «иллюзией неуязвимости» [9], указывает, что высокая самооценка здоровья может создавать ложное чувство безопасности, снижать страх перед негативными последствиями и увеличивать веру в собственные силы, что повышает склонность к рискогенному поведению [3]. Существующие зарубежные исследования показывают, что индивиды с высокой самооценкой здоровья реже соблюдают рекомендации по вакцинации, ссылаясь на избыточную уверенность в неуязвимости своего организма [6] или чаще идут на риск, поскольку убеждены в своей способности управлять внешними угрозами, даже при отсутствии объективных оснований [11]. Цель настоящего исследования – проверить связь высокой самооценки здоровья и склонности к рискогенному поведению в сфере здоровья, в частности безопасности труда и вождения.

Для достижения цели были проанализированы данные мониторинга социально-экономического положения и состояния здоровья населения РФ (RLMS-HSE) за 2023 год[1]. Выборочная совокупность составила 9600 чел. в возрасте от 18 лет и старше, среди них 3890 мужчин (41%) и 5710 женщин (59%). Для измерения самооценки здоровья задавался вопрос: «Как вы оцениваете ваше здоровье. Оно у вас?» (очень хорошее, хорошее, среднее, плохое, совсем плохое). Склонность к рискогенному поведению в сфере здоровья оценивалась с помощью вопросов: «Насколько вы готовы рисковать в вопросах, касающихся вашего здоровья?»; «Насколько вы готовы рисковать в вопросах безопасности труда?»; «Насколько вы готовы рисковать, когда ведете машину?»; «Одни люди всегда готовы рисковать, другие никогда не рискуют. Куда бы на шкале от 0 до 10 вы поместили бы себя?» (для каждого вопроса была предложена шкала от 0 до 10, где 0 – совсем не готов рисковать, 10 – всегда готов рисковать). Анализ количественных данных проводился с помощью программного пакета SPSS Statistics.

Данные исследования показали, что основная доля опрошенных (51%) оценивает свое здоровье как «среднее, не хорошее, но и не плохое», 37% считают себя здоровым человеком (варианты ответа – «хорошее» и «очень хорошее»), а 12% оценивают свое здоровье на низком уровне (варианты ответа – «плохое» и «очень плохое»). Субъективная оценка здоровья во многом зависит от возраста (ρ-Спирмена = 0,553 при $p<0,001$). В группе, кто оценивает свое

[1] «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS HSE)», проводимый Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (Сайты: http://www.hse.ru/rlms и https://rlms-hse.cpc.unc.edu).

здоровье как «плохое», примерно 80% россиян в возрасте 60 лет и старше, а группу с «очень хорошим» здоровьем в основном (77%) составляют лица в возрасте 18–44 лет.

Таблица 1. **Готовность к рискогенному поведению в зависимости от половозрастных характеристик, $\bar{x}$**

Степень готовности к риску	Всего	Мужчины	Женщины	18–44 лет	45–59 лет	60–74 лет	75 лет и старше
1. Готовность рисковать всегда	3,05	3,67	2,64	3,94	3,22	2,28	1,53
2. Готовность рисковать во время управления автомобилем	2,19	2,39	1,75	2,56	2,11	1,61	1,28
3. Готовность рисковать в вопросах безопасности труда	1,62	1,97	1,38	2,09	1,70	1,21	0,78
4. Готовность рисковать в иных вопросах, касающихся здоровья	1,82	2,18	1,57	2,25	1,90	1,46	1,03

Что касается склонности к рискогенному поведению, то население России демонстрирует в этом отношении невысокий уровень. Среднее значение готовности рисковать в различных сферах жизнедеятельности, связанных со здоровьем и безопасностью, не превышает 4 при максимальном значении 10. Примечательно, что в меньшей степени россияне склонны к риску в вопросах безопасности труда ($\bar{x}$ = 1,62 из 10). Рискогенное поведение имеет статистически значимые половозрастные различия (связь готовности рисковать всегда с полом: r-Пирсона = -0,186 при $p<0,001$; с возрастом: r-Пирсона = -0,316 при $p<0,001$). По данным *табл. 1* можно отметить, что в большей степени склонны к риску мужчины до 45 лет.

Таблица 2. **Влияние самооценки здоровья на склонность к рискогенному поведению, данные коэффициента ρ-Спирмена при $p<0,001$**

Склонность к рискогенному поведению	Готовность рисковать всегда	Готовность рисковать во время управления автомобилем	Готовность рисковать в вопросах безопасности труда	Готовность рисковать в иных вопросах, касающихся здоровья
самооценка здоровья	-0,250	-0,096	-0,144	-0,127

В результате корреляционного анализа (*табл. 2*) установлено, что высокая самооценка здоровья является предиктором рискогенного поведения (зависимая и независимая переменные определены с помощью коэффициента Somers' D при $p<0,001$). Отрицательная корреляция означает, что чем выше индивид оценивает состояние своего здоровья, тем больше склонен к риску в сфере здоровья. Ярким примером может служить зависимость количества посещений врача в течение года от самооценки здоровья (Somers' D = -0,323 при $p<0,001$, зависимая – количество посещений врача). Данную связь можно трактовать неоднозначно: с одной стороны, россияне, считающие себя здоровыми, могут не посещать врача, поскольку их ничего не беспокоит, с другой стороны, редкое обращение к медицинским специалистам может быть показателем игнорирования возможных рисков для здоровья.

Таким образом, исследование подтвердило гипотезу о том, что высокая самооценка здоровья положительно коррелирует со склонностью к рискогенному поведению, что требует комплексного подхода, направленного на формирование адекватной самооценки здоровья россиян

и их осознанного отношения к рискам [7]. Рекомендации для преодоления иллюзорных установок относительно здоровья должны включать:

1) приближение к объективизации оценки рисков [13] через регулярную диагностику здоровья, минимизирующую диссонанс между субъективными ощущениями и реальным состоянием организма [5];

2) образовательные кампании, направленные на деструкцию мифов о врожденной неуязвимости, с акцентом на примерах последствий рискогенного поведения, борьба с фейковыми новостями в сфере общественного здоровья [4];

3) формирование социальной среды, поддерживающей адекватную самооценку здоровья через информирование о взаимосвязи профилактики и качества жизни, а также вовлечение институтов здравоохранения и СМИ [1].

Особое внимание следует уделить использованию цифровых технологий, таких как мобильные приложения для мониторинга здоровья и онлайн-платформы для обучения, которые могут способствовать повышению осведомленности населения [8]. Важно учитывать культурные особенности восприятия здоровья и риска, так как они могут значительно влиять на эффективность внедряемых мер [12].

Библиографический список

1. Валеева Э.Р., Степанова Н.В., Абдуллин Д.Д., Басыйров А.М. (2022). Современные информационные технологии в формировании здорового образа жизни населения (программное обеспечение “Valeo Life”) // Медико-фармацевтический журнал «Пульс». № 2. С. 73–80. DOI: 10.26787/nydha2686838-2022-24-2-73-80
2. Гареева И.А., Степанова А.П. (2019). Социальное самочувствие как интегральный показатель субъективной оценки благополучия населения // Власть и управление на Востоке России. № 4(89). С. 130–139. DOI: 10.22394/1818-4049-2019-89-4-130-139
3. Герри К.Д., Байдин В.М. (2017). Источники искажений в самооценке здоровья // Фармаэкономика. Современная фармакоэкономика и фармакоэпидемиология. № 10(4). С. 31–36. DOI: 10.17749/2070-4909.2017.10.4.031-036
4. Носова Т., Анцибор Л. (2022). Влияние фейковых новостей на общественное и личностное здоровье // European integration through the strengthening of education, research, innovations in Eastern Partnership Countries. № 2. С. 178–185.
5. Папанова Е.К. (2020). Факторы различий в самооценке здоровья между населением Москвы и остальных регионов России. Социальные аспекты здоровья населения. № 66(1). DOI: 10.21045/2071-5021- 2020-66-1-11
6. Brewer N.T., Chapman G.B., Rothman A.J., Leask J., Kempe A. (2017). Increasing Vaccination: Putting Psychological Science into Action. Psychological Science in the Public Interest, 18(3), pp. 149–207. DOI: 10.1177/1529100618760521. PMID: 29611455
7. Ferrer R., Klein W.M. (2015). Risk perceptions and health behavior. Current Opinion in Psychology, 5, pp. 85–89. DOI: 10.1016/j.copsyc.2015.03.012
8. Free C., Phillips G., Galli L. [et al]. (2013). The effectiveness of mobile-health technology-based health behaviour change or disease management interventions for health care consumers: a systematic review. PLoS Medicine, 10(1). DOI: 10.1371/journal.pmed.1001362
9. Harris A.J., Hahn U. (2011). Unrealistic optimism about future life events: a cautionary note. Psychological Review, 118(1), 135–154. DOI: 10.1037/a0020997
10. Jylhä M. (2009). What is self-rated health and why does it predict mortality? Towards a unified conceptual model. Social science & medicine, 69(3), pp. 307–316.
11. Sharot T. (2011). The optimism bias. Current Biology, 21(23), pp. 941–945. DOI: 10.1016/j.cub.2011.10.030
12. Trifiletti E., Shamloo S.E., Faccini M., Zaka A. (2022). Psychological predictors of protective behaviours during the Covid-19 pandemic: Theory of planned behaviour and risk perception. The Journal of Community & Applied Social Psychology, 32(3), pp. 382–397. DOI: 10.1002/casp.2509
13. Weinstein N.D. (1982). Unrealistic optimism about susceptibility to health problems. Health Psychology, 5(4), pp. 441–460. DOI: 10.1007/BF00845372

Информация об авторах

Шарыпова Софья Юрьевна (Россия, Пермь) – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии, Пермский государственный национальный исследовательский университет (Россия, г. Пермь, 614068, ул. Букирева, д. 15; Sonia.eliseeva@bk.ru).

Корнилицына Мария Дмитриевна (Россия, Пермь) – аспирант кафедры социологии, Пермский государственный национальный исследовательский университет (Россия, г. Пермь, 614068, ул. Букирева, д. 15; maruromanova27@gmail.com).

Sharypova S.Y., Kornilitsyna M.D.

THE ILLUSION OF INVULNERABILITY: HOW SELF-ASSESSMENT OF HEALTH PROVOKES RISKY BEHAVIOR

Abstract. *The interrelation of subjective assessment of health and risk-taking behavior among Russians is updated. Based on the analysis of RLMS-HSE data (n = 9600), it was revealed that high self-esteem of health correlates with an increased propensity to risk in the field of health, occupational safety and driving, mediated by the illusion of invulnerability. The results highlight the need for measures to correct illusory attitudes through diagnostics, education, and digital technologies to reduce risks.*

Keywords: *self-assessment of health, risky behavior, risk-taking, the illusion of invulnerability*

About the authors

Sofya Yuryevna Sharypova (Russia, Perm) – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Department of Sociology, Perm State National Research University (Russia, Perm, 614068, Bukireva st., 15; Sonia.eliseeva@bk.ru).

Mariya Dmitrievna Kornilitsyna (Russia, Perm) – PhD Student, Department of Sociology, Perm State National Research University (Russia, Perm, 614068, Bukireva st., 15; maruromanova27@gmail.com).

References

1. Valeeva E.R., Stepanova N.V., Abdullin D.D., Basyyrov A.M. (2022). Modern information technologies in forming a healthy lifestyle of the population (software “Valeo Life”). Medical & pharmaceutical journal “Pulse”, 24, pp. 73–80. (In Russian). DOI: http://dx.doi.org/10.26787/nydha-2686-6838-2022-24- 2-73-80
2. Gareeva I.A., Stepanova A.P. (2019). Social well-being as an integral indicator of subjective assessment of well-being of the population. Power and Administration in the East of Russia, 4(89), pp. 130–139. (In Russian) DOI: 10.22394/1818-4049-2019-89-4-130-139
3. Gerry K.D., Baydin V.M. (2017). Sources of BIAS in self-assessed health. Farmaekonomika. Modern pharmacoeconomics and pharmacoepidemiology, 10(4), pp. 31–36. (In Russian). DOI: 10.17749/2070-4909.2017.10.4.031-036
4. Nosova T., Antsibor L. (2022). The impact of fake news on public and personal health. European integration through the strengthening of education, research, innovations in Eastern Partnership Countries, 2, pp. 178–185. (In Russian).
5. Papanova E.K. (2020). Determinants of differences in self-rated health between Moscow and the rest of Russia. Social'nye aspekty zdorov'a naselenia. Social aspects of population health, 66(1). (In Russian). DOI: 10.21045/2071-5021- 2020-66-1-11
6. Brewer N.T., Chapman G.B., Rothman A.J. [et al.] (2017). Increasing Vaccination: Putting Psychological Science into action. Psychological Science in the Public Interest, 18(3), pp. 149–207. DOI: 10.1177/1529100618760521. PMID: 29611455
7. Ferrer R., Klein W.M. (2015). Risk perceptions and health behavior. Current Opinion in Psychology, 5, pp. 85–89. DOI: 10.1016/j.copsyc.2015.03.012

8. Free C., Phillips G., Galli L. [et al.] (2013). The effectiveness of mobile-health technology-based health behaviour change or disease management interventions for health care consumers: a systematic review. PLoS Medicine, 10(1). DOI: 10.1371/journal.pmed.1001362
9. Harris A.J., Hahn U. (2011). Unrealistic optimism about future life events: a cautionary note. Psychological Review, 118(1), pp. 135–154. DOI: 10.1037/a0020997
10. Jylhä M. (2009). What is self-rated health and why does it predict mortality? Towards a unified conceptual model. Social science & medicine, 69(3), pp. 307–316. DOI: 10.1016/j.socscimed.2009.05.013
11. Sharot T. (2011). The optimism bias. Current Biology, 21(23), pp. 941–945. DOI: 10.1016/j.cub.2011.10.030
12. Trifiletti E., Shamloo S.E., Faccini M., Zaka A. (2022). Psychological predictors of protective behaviours during the Covid-19 pandemic: Theory of planned behaviour and risk perception. The Journal of Community & Applied Social Psychology, 32(3), pp. 382–397. DOI: 10.1002/casp.2509
13. Weinstein N.D. (1982). Unrealistic optimism about susceptibility to health problems. Health Psychology, 5(4), pp. 441–460. DOI: 10.1007/BF00845372

УДК 314.745 / ББК 60.7

Эркоян А.С., Мурадян М.А.

ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ (ПРИМЕР АРМЕНИИ)

Аннотация. *В статье рассматриваются основные вызовы, связанные с высоким уровнем эмиграции, утечкой мозгов и недостаточной интеграцией иммигрантов. Проведен анализ текущей миграционной ситуации, а также изучены международные практики регулирования миграции, которые могут быть адаптированы для Армении.*

Ключевые слова: *миграционная политика, эмиграция, демографические тенденции, рынок труда, Армения.*

Миграционная политика – многомерная концепция, охватывающая различные экономические, социальные и политические факторы. Тенденции миграции в Армении широко изучались особенно в связи с экономическим переходом страны и демографическими проблемами. С начала 1990-х гг. Армения пережила значительную эмиграцию из-за экономической нестабильности после распада Советского Союза. По данным Национальной статистической службы, с 1991 года из Республики Армения эмигрировало около 1,1 млн армян, а ежегодный уровень эмиграции в последние годы достигал около 30 000 чел. Основными странами для эмиграции из Армении являются Россия, США, Франция, Грузия и Германия. В дополнение к этому фокусу в исследованиях должны также сосредоточиться на укреплении двусторонних соглашений для решения таких вопросов, как защита армянских мигрантов за рубежом. При разработке этих подходов мы также можем изучать международный передовой опыт в качестве успешных примеров. Ирландия и Израиль, которые успешно реализовали опыт превращения своих диаспорных общин в рычаги национального развития, могут служить такими примерами [1, с. 50].

Эта быстрая миграция привела к утечке мозгов, особенно затронувшей секторы здравоохранения, образования и ИТ. Исследование показывает, что с 2010 года около 15% работников здравоохранения Армении эмигрировали, что усугубило нехватку квалифицированных кадров в стране [2, с. 93].

Миграционная политика является одним из важнейших аспектов социально-экономического развития Армении, особенно в контексте демографических тенденций, динамики рынка труда и геополитической ситуации. За последнее десятилетие Армения пережила значительные миграционные потоки, как эмиграцию, так и иммиграцию, которые оказали глубокое влияние на экономику, рабочую силу и социальную структуру страны. Например, среднегодовой показатель чистой миграции населения в Республике Армения в 2024 году, по данным статистической аналитической платформы MacroMitigations, составил –1,683 на 1000 жителей, что ничем не отличается от показателя 2023 года, и увеличился на 0,003 по сравнению с показателем 2022 года[1] (данные Национальной статистической службы Республики Армения за 2023 и 2024 гг. пока не опубликованы), что свидетельствует о значительной убыли населения, которая, по прогнозам ООН, останется отрицательной до 2100 года[2].

Эта тенденция подчеркивает настоятельную необходимость переоценки и улучшения существующей миграционной политики, чтобы гарантировать, что она соответствует текущим и будущим потребностям страны. Поэтому исследовательским институтам Республики Армения необходимо стремиться к выявлению и предложению эффективных стратегий для улучшения миграционной политики. Анализируя текущую политику, миграционные тенденции и передовой международный опыт, необходимо предоставить всеобъемлющий набор рекомендаций, которые могут помочь выработать более надежную миграционную структуру.

[1] Чистая миграция в Армении (1960–2024). URL: https://www.macrotrends.net/global-metrics/countries/ARM/armenia/net-migration#:~:text=The%20current%20net%20migration%20rate,a%200.18%25%20decline%20from%202021

[2] Прогнозы ООН на 2100 год. URL: https://www.un.org/en/global-issues/migration

Очень важно опираться на всеобъемлющие и надежные данные в ходе исследований по таким темам. Источниками данных могут быть:

• Национальная статистическая служба Армении (НСС РА), которая представляет официальную статистику миграции, включая данные об эмиграции, иммиграции и лицах, ищущих убежища, и тенденциях в этой области.

• Всемирный банк, который предоставляет данные о денежных переводах, инвестициях в ВВП и экономическом влиянии миграции.

• Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ ООН), которое предоставляет информацию о притоке беженцев и ходатайствах о предоставлении убежища в Армении.

• Евростат, который включает данные о миграционных потоках между Арменией и Европейским союзом.

• Международная организация по миграции (МОМ), которая предоставляет глобальные миграционные данные, включая понимание тенденций трудовой миграции и перемещения населения.

Помимо представленных источников данных, важен также процесс анализа выбранных документов. Помимо статистических данных, необходимо также изучить текущие документы миграционной политики Армении, которые включают законы, решения правительства, международные договоры и другие документы. Изучая имеющиеся данные, необходимо сопоставить их и выявить существующие проблемы в миграционной политике Республики Армения, а также предложить пакеты мер, которые позволят улучшить и усовершенствовать миграционную политику.

Экономические, политические и демографические факторы оказали существенное влияние на миграционные тенденции Армении. По данным Национальной статистической службы, общий уровень эмиграции остается относительно высоким: в период с 2015 по 2022 гг. страну ежегодно покидали около 30 000 чел. Большинство эмигрантов – молодые специалисты, особенно из сферы ИТ и здравоохранения, что привело к значительной утечке мозгов. Одним из важнейших показателей являются денежные переводы, которые получают жители Армении. Данные Всемирного банка за 2023 год показывают, что денежные переводы стали важнейшим компонентом экономики Армении, составляя около 12% ВВП, при этом крупнейшим источником притока денежных переводов является Россия[3].

В последние годы эмиграция остается одной из самых острых проблем, особенно из-за ее влияния на рынок труда и демографическую структуру страны. По данным Национальной статистической службы, более 1,1 млн армян эмигрировали с момента обретения страной независимости в 1991 году. Эмиграция в основном обусловлена экономическими трудностями, безработицей и отсутствием возможностей для молодых специалистов. Например, по состоянию на 2022 год уровень безработицы в Армении составил 14,5%[4], что значительно выше среднего мирового показателя. Высокий уровень безработицы, особенно среди молодежи, был определен как основной движущий фактор эмиграции.

Обращаясь к текущей миграционной политике Республики Армения, следует отметить, что исследования показывают несколько заметных пробелов. Выделим их с предпосылкой найти более эффективные пути их решения.

Ограниченное внимание к обратной миграции. В отличие от таких стран, как Ирландия или Израиль, Армения пока не разработала комплексную политику поощрения возвращения своей диаспоры, особенно высококвалифицированных специалистов. Раньше в Армении функционировало Министерство диаспоры, но теперь эти обязанности выполняет другой институт

[3] Данные Всемирного банка. URL: https://data.worldbank.org/indicator/NY.TRF.NCTR.CD?cid=ECR_GA_worldbank_EN_EXTP_search&gad_source=1&locations=AM&s_kwcid=AL%2118468%213%2170463242724 3%21b%21%21g%21%21world+bank+projects

[4] Национальный статистический комитет Республики Армения // Отчет по безработице за 2022 год. URL: https://www.armstat.am/ru/?nid=12&id=08010&submit=Поиск

– Управление главного комиссара по делам диаспоры, однако работа этих институтов пока не имела существенных практических проявлений.

Недостаточная поддержка иммигрантов. Политика Армении по интеграции иммигрантов и беженцев остается недостаточно развитой. Как уже упоминалось ранее, небольшое, но растущее число иммигрантов из зон конфликтов требует более структурированной стратегии интеграции. Армения не имела четко выработанной политики для таких ситуаций до того, как столкнулась с большими потоками иммигрантов из зон конфликтов. В этом случае временной период между возникновением процесса и разработкой механизмов его регулирования создает многочисленные проблемы как для страны, так и для иммигрантов, что, естественно, будет препятствовать въезду лиц в Республику Армения в будущем.

Отсутствие двусторонних соглашений. В настоящее время у Армении отсутствуют двусторонние трудовые соглашения с основными странами назначения, которые могли бы помочь отрегулировать поток эмигрантов и обеспечить лучшую защиту армянских работников за рубежом. В данном случае исключением являются отношения со странами-участницами ЕАЭС, но они также не узаконены в рамках отдельного двустороннего соглашения, а прописаны в документах, в которых регулируются эти отношения, поэтому в данном случае у Армении нет рычагов влияния.

На основании проведенного исследования можно представить ряд предложений, направленных на совершенствование миграционной политики Республики Армения:

• Разработать комплексную политику обратной миграции. Одним из серьезных пробелов в нынешней миграционной политике Армении является неэффективность или слабая направленность на возвратную миграцию. Правительству необходимо разработать программы, которые будут поощрять возвращение высококвалифицированных специалистов, предлагая финансовые стимулы, возможности карьерного роста и поддержку реинтеграции. Партнерство с частным сектором может помочь создать рабочие места для возвращающихся мигрантов, особенно в секторах, где наблюдается нехватка кадров.

• Укреплять взаимодействие с диаспорой. Армения имеет большую и влиятельную диаспору, и важно расширять с ней связи для экономического и социального развития. Такие инициативы, как программы наставничества для местных предпринимателей и целевые инвестиционные возможности, могут помочь использовать навыки и финансовые ресурсы диаспоры. Кроме того, предложение двойного гражданства или гибких вариантов резидентства способно еще больше побудить членов диаспоры инвестировать в экономику Армении.

• Расширить двусторонние трудовые соглашения. Для защиты прав армянских рабочих за рубежом и обеспечения более стабильного притока денежных переводов Армения должна отдать приоритет подписанию двусторонних трудовых соглашений с ключевыми странами назначения. Эти соглашения обеспечат правовую защиту армянских рабочих, снизят риски эксплуатации и предоставят лучшие условия труда и возможности управления сектором.

• Улучшить политику интеграции иммигрантов**.** С ростом числа иммигрантов и беженцев, прибывших в Армению за последние три года, необходима более структурированная политика интеграции. Она должна включать языковую подготовку, программы трудоустройства и юридическую поддержку для иммигрантов и беженцев. Разрабатывая структурную интеграционную структуру, Армения может лучше управлять притоком иммигрантов и способствовать социальной сплоченности.

Библиографический список

1. Коэн С. (2020). Участие диаспоры и национальное развитие: уроки Израиля. Журнал миграционных исследований. № 12(3). С. 45–67.
2. Петросян Т. (2021). Влияние эмиграции на сектор здравоохранения Армении // Обзор экономики здравоохранения. № 11(3). С. 89–104.

Информация об авторах

Эркоян Арсен Славикович (Армения, Ереван) – кандидат экономических наук, научный сотрудник, Институт экономики имени М. Котаняна НАН РА (Армения, г. Ереван, 0015, ул. Григор Лусаворич 15; arsen.erkoyan@gmail.com).

Мурадян Мери Амбарцумовна (Армения, Ереван) – научный сотрудник, Институт экономики имени М. Котаняна НАН РА, (Армения, г. Ереван, 0015, ул. Григор Лусаворич 15; merymuradyan1@gmail.com).

Erkoyan A.S., Muradyan M.H.

WAYS TO IMPROVE MIGRATION POLICY (CASE STUDY OF ARMENIA)

Abstract. *The article examines the main challenges associated with high levels of emigration, brain drain and insufficient integration of immigrants. It analyzes the current migration situation and examines international migration regulation practices that can be adapted for Armenia.*

Keywords: *migration policy, emigration, demographic trends, labor market, Armenia.*

About the authors

Erkoyan Arsen Slavikovich (Armenia, Yerevan) – CES, research fellow, Institute of Economics named after M. Kotanyan NAS RA (Armenia, Yerevan, 0015, Grigor Lusavorich st.,15; arsen.erkoyan@gmail.com).

Muradyan Meri Ambartsumovna (Armenia, Yerevan) – research fellow, Institute of Economics named after M. Kotanyan NAS RA (Armenia, Yerevan, 0015, Grigor Lusavorich st., 15; merymuradyan1@gmail.com).

References

1. Petrosyan T. (2021). The Impact of Emigration on the Health Sector of Armenia. Health Economics Review, 11(3), pp. 89–104. (In Russian).
2. Cohen S. (2020). Diaspora Engagement and National Development: Lessons from Israel. Journal of Migration Studies, 12(3), pp. 45–67. (In Russian).

СЕКЦИЯ № 2. Социальное благополучие и качество жизни населения: от измерения к управлению

УДК 330.59; 316.658 / ББК 65.9(2Рос)-94

Белехова Г.В.

СУБЪЕКТИВНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ НАСЕЛЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ДОХОДНЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ: КЕЙС ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация. *В статье рассматривается один из аспектов проблематики качества жизни населения – субъективное благополучие. На основе данных социологического опроса 2025 года выявлены различия в оценке благополучия среди групп с различными оценками доходных (покупательных) возможностей.*

Ключевые слова: *субъективное благополучие, доход, покупательные возможности*.

Благодарность

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 23-78-10128, https://rscf.ru/project/23-78-10128/).

Проблема субъективного благополучия занимает одно из центральных мест в современных исследованиях качества жизни населения. Его изучение позволяет оценить не только индивидуальное качество жизни, но и эффективность социально-экономической политики. Общепринятого определения категории субъективного благополучия в академическом мире на сегодняшний день не сложилось [2]. Родоначальник категории Э. Динер в своих поздних работах трактовал субъективное благополучие как «когнитивную и эмоциональную оценку человеком своей жизни» [7]. В наиболее распространенном понимании субъективное благополучие населения представляет собой комплексную категорию, включающую такие аспекты, как удовлетворенность жизнью, эмоциональный комфорт и ощущение счастья.

В методологическом плане проблема оценки субъективного благополучия заключается в неопределенности предмета оценки, что проявляется в вариабельности его наполнения для индивидов и исследователей, в воздействии на получаемые оценки факторов различной этиологии (настроение, ситуация на работе, политический фон и пр.). В социологических и социоэкономических исследованиях для измерения субъективного благополучия населения широко используются Шкала удовлетворенности жизнью (SWLS [6]) и Оксфордский опросник счастья [5]. В российских работах также можно найти примеры многокомпонентной оценки, например через восприятие «комплекса значимых аспектов повседневной жизни, связанных как с ее базовыми составляющими, так и с теми, которые характеризуют возможности индивида в сфере социальных связей, профессиональной самореализации, управления собственной жизнью и ценностного самовыражения» [4]. При этом в исследовательской среде существует мнение, что один вопрос (об удовлетворенности жизнью, уровне счастья, самоощущении благополучия и т. п.) может оценивать субъективное благополучие населения не хуже, чем комплексные формулировки [1].

Субъективное благополучие человека зависит от целого ряда характеристик (социальные связи, здоровье, труд, самореализация и др.). При этом одним из ключевых факторов, оказывающих значительное влияние на формирование субъективного благополучия, являются доходные возможности, т. е. имеющиеся у людей денежные ресурсы, обеспечивающие удовлетворение разнообразных потребностей. Взаимосвязь между уровнем доходов и ощущением счастья, удовлетворенностью жизнью и благополучием не является линейной. Исследования показывают, что повышение доходов способствует росту субъективного благополучия до определенного порога, после которого увеличение материального достатка уже не оказывает столь заметного влияния на чувство удовлетворенности жизнью (например, «парадокс Истерлина» [8]). Иными словами, пока базовые потребности не удовлетворены, для субъективного благополучия человека ключевыми являются материальные потребности, но при достижении определенного уровня субъективного благополучия увеличивается значение постматериалистических ценностей [3]. Соответственно, важную роль играет субъективная оценка покупательных возможностей – то, как человек воспринимает достаточность своих ресурсов

для удовлетворения текущих и будущих потребностей. Таким образом, изучение субъективного благополучия в контексте доходных возможностей представляет собой важную научную и социальную проблему, позволяющую глубже понять механизмы формирования восприятия человеком собственного состояния и выявить факторы, способствующие повышению качества жизни независимо от материальных условий.

Цель проведенного исследования – анализ восприятия благополучия населением в зависимости от самооценки доходных (покупательных) возможностей. Эмпирическую базу исследования составили результаты опроса общественного мнения «Благополучие населения», проведенного ВолНЦ РАН в январе–феврале 2025 года на территории Вологодской области. Всего было опрошено 1500 чел. методом раздаточного анкетирования по выборке, репрезентирующей население региона по половозрастному составу и структуре расселения.

Согласно результатам проведенного опроса, большинство жителей региона (67,7%) оценивают свою жизнь как «благополучную», причем 12,2% респондентов называют ее «безусловно благополучной», тогда как 55,5% склоняются к варианту «скорее благополучная». Характеризуя свои покупательные возможности, чуть более половины участников (52%) относят себя к категории средней обеспеченности, отмечая, что денежных средств достаточно лишь для приобретения основных товаров, тогда как крупные покупки требуют накопления. Меньше трети опрошенных (28,6%) попадают в группу малообеспеченных, сообщая, что средства ограничены покупкой продовольствия. Примерно пятая часть респондентов (19,4%) оценивает свои доходные возможности как высокие. Дополнительный анализ показывает, что среди малообеспеченного населения преобладают респонденты (70%) с доходом 18–25 тыс. руб. (что эквивалентно 1–1,5 ПМ), тогда как в среднеобеспеченной группе большинство (70%) имеет доход от 18 до 40 тыс. руб., а в наиболее обеспеченной группе основная доля (42%) располагает средствами свыше 40 тыс. руб. (средний доход в данной группе – 43 607 руб.). Можно отметить, что наблюдается формальное соответствие между оценкой покупательных возможностей и фактическим уровнем дохода, т. е. чем выше доход, тем шире возможности потребления. Тем не менее, доходы в диапазоне 40–50 тыс. руб., хоть и воспринимаются респондентами как относительно высокие, не позволяют свободно приобретать широкий спектр товаров и услуг.

Вполне закономерно, что респонденты с высокими доходными возможностями склонны давать более позитивные оценки своему уровню благополучия (*табл. 1*).

Таблица 1. **Распределение ответов на вопрос: «Скажите, пожалуйста, как вы оцениваете свою жизнь?», в разрезе самооценки доходных возможностей***

Варианты ответов	Группы по самооценке доходных возможностей			Средние значения
	Высоко-обеспеченные	Среднеобеспеченные	Малообеспеченные	
Безусловно благополучная	30,3	9,7	4,5	12,2
Скорее благополучная	54,4	63,0	42,6	55,5
Скорее неблагополучная	6,6	11,3	30,6	16,0
Безусловно неблагополучная	0,7	0,5	2,1	1,0
Затрудняюсь ответить	8,0	15,5	20,2	15,3
Объединенные варианты:				
Безусловно благополучная + Скорее благополучная	84,7	72,7	47,1	67,7
Безусловно неблагополучная + Скорее неблагополучная	7,3	11,8	32,7	17,0

*Высокообеспеченные = Денег вполне достаточно, чтобы ни в чем себе не отказывать + Покупка большинства товаров длительного пользования не вызывает трудностей, однако покупка автомашины сейчас недоступна; Среднеобеспеченные = Денег достаточно для приобретения необходимых продуктов и одежды, однако более крупные покупки приходится откладывать на потом; Малообеспеченные = Денег хватает только на приобретение продуктов питания + Денег не хватает даже на приобретение продуктов питания, приходится брать в долг.

В частности, в группе высокообеспеченных преобладающая доля опрошенных (85%) оценивает свою жизнь как благополучную. Аналогичная тенденция прослеживается и среди среднеобеспеченного населения, где также доминируют положительные оценки (73%). Некоторое снижение доли позитивных ответов может отражать возрастающую роль относительных факторов благополучия для данной группы, например, сравнение с более успешными референтными группами или осознание ограниченности имеющихся ресурсов для долгосрочного планирования. В группе малообеспеченных ситуация кардинально меняется: лишь около половины опрошенных (47%) считают свою жизнь благополучной в той или иной степени, при этом значительная доля (20%) затруднились с ответом, что может свидетельствовать о латентном переживании негативной жизненной ситуации и нежелании открыто обсуждать свое положение. Отказ от четких оценок в низкодоходной группе, вероятно, связан с когнитивным диссонансом между социально одобряемым нарративом о благополучии и реальным опытом финансовой уязвимости. Фиксируемый разрыв в оценках субъективного благополучия между группами с разной самооценкой доходных возможностей подчеркивает важность учета не только фактического уровня дохода, но и психологической составляющей, связанной с восприятием собственной обеспеченности. Такие результаты ставят вопрос о необходимости разработки стратегий поддержки уязвимых категорий населения, направленных не только на улучшение материального положения, но и на снижение тревожности и стресса, вызванных ощущением недостаточности финансовых средств.

С содержательной точки зрения благополучие воспринимается населением преимущественно через призму счастливой семьи, крепкого здоровья и материального достатка, что отражают более 70% ответов респондентов по каждой позиции (*табл. 2*). Значительное число опрошенных (42%) также включают в понятие благополучия социальный капитал, выраженный в наличии близких друзей. Менее важными оказываются социально-досуговые и трудовые компоненты – душевное спокойствие, уверенность в будущем, досуг, интересная работа.

При рассмотрении групп по доходным возможностям наблюдаются интересные различия (*табл. 2*). Несмотря на универсальность «столпов» благополучия (семья, здоровье, деньги), их субъективная значимость варьируется. В малообеспеченной группе акцент на материальном достатке менее выражен (58 против 68–77%), вероятно, ввиду осознания реальных ограничений в доходах и психологической минимизации значимости недоступных благ. Кроме того, в этой группе снижена значимость для благополучия семейных и дружеских отношений, возможно, из-за большей сосредоточенности на удовлетворении насущных нужд и некоторой стигматизации своего невысокого материального статуса, которая может провоцировать социальную самоизоляцию. Однако, среди малообеспеченных выше ценятся стабильность и уверенность в завтрашнем дне и развитость инфраструктуры мест проживания, что подчеркивает для них важность базовых потребностей в безопасности и физическом выживании.

В группе высокообеспеченных респондентов акцент смещен в сторону профессиональной самореализации и наличия интересной работы (29 против 18–20% в других группах), что подчеркивает их стремление к активной социальной позиции и достижению карьерных успехов. Эти данные иллюстрируют, насколько восприятие благополучия зависит от социального контекста и индивидуальных жизненных обстоятельств, открывая перспективы для дальнейших исследований в области межгрупповых различий в ценностных ориентациях.

Таблица 2. **Распределение ответов на вопрос: «Что лично для вас означает «благополучие?», «благополучная жизнь?», в разрезе самооценки доходных возможностей***

Варианты ответов	Группы по самооценке доходных возможностей			Средние значения
	Высоко обеспеченные	Среднеобеспеченные	Малообеспеченные	
Счастливая семья	74,9	79,3	66,6	74,7
Крепкое здоровье	65,2	73,2	68,9	70,3
Материальный достаток	67,6	76,5	58,1	69,3
Наличие близких друзей	41,1	45,8	36,0	42,0
Душевное равновесие и спокойствие	32,8	33,1	27,3	31,3
Полноценный отдых и досуг	26,8	22,0	29,9	25,3
Стабильность, уверенность в завтрашнем дне	15,7	21,1	35,3	24,0
Интересная работа, профессиональная самореализация	28,9	19,8	17,6	20,9
Социальная защищенность	18,5	17,1	20,5	18,5
Самореализация и уверенность в себе	16,0	16,3	21,9	17,9
Развитая инфраструктура в месте проживания (доступная медицина и образование, качественное городское благоустройство и т. д.)	14,3	11,8	20,9	15,1
*Ранжировано по средним значениям. Указаны только те варианты, которые отметили более 20% респондентов.				

Таким образом, исследование показало, что субъективное благополучие населения Вологодской области тесно связано с доходными возможностями. Большинство жителей оценивают свою жизнь как благополучную, однако эта оценка сильно варьируется в зависимости от уровня доходов. Высокие доходные возможности соответствуют более позитивным и определенным оценкам, в то время как малообеспеченные жители чаще говорят о неблагополучии и испытывают трудности с его однозначной идентификацией. Субъективное благополучие формируется не только за счет абсолютного дохода, но и за счет контроля над экономическими рисками, что особенно актуально в условиях российской действительности с ее высокой волатильностью рынка труда и инфляционным давлением. Это проявляется в том, что для высокодоходных групп важными аспектами благополучия являются возможность профессиональной реализации и тесные социальные связи (семья, друзья), тогда как для низкодоходных категорий значимым оказывается базовый уровень стабильности. Проведенный анализ подчеркивает важность разработки дифференцированных управленческих стратегий, сочетающих меры по повышению доходов с укреплением субъективной финансовой устойчивости.

Библиографический список

1. Зеликова Ю.А. (2014). Субъективное благополучие пожилых людей (кросс-национальный анализ) // Социологические исследования. № 11. С. 60–69.
2. Латова Н.В. (2024). Удовлетворенность россиян разными аспектами жизни: десятилетний тренд на фоне социально-экономических кризисов // Социологические исследования. № 9. С. 17-29. DOI:10.31857/S0132162524090029

3. Немировская А.В., Соболева Н.Э. (2020). Детерминанты субъективного благополучия в России: региональная перспектива // Вестник Института социологии. Т. 11. № 2. С. 54–81. DOI: 10.19181/vis.2020.11
4. Сушко П.Е. (2023). Динамика показателей субъективного социального благополучия россиян (2003–2023) // Социологические исследования. № 12. С. 59–71. DOI: 10.31857/S013216250029337-3
5. Argyle M., Martin M., Crossland J. (1989). Happiness as a function of personality and social encounters. Recent advances in social psychology: An international perspective; ed. by J.P. Forgas, J.M. Innes. North-Holland: Elsevier Science Publishers B.V., pp. 189–247.
6. Diener E., Emmons R.A., Larsen R.J., Griffin S. (1985). The satisfaction with life scale. Journal of Personality Assessment, 49(1), pp. 71–75.
7. Diener E., Lucas R.E., Shigehiro O. (2002). Subjective well-being: The science of happiness and life satisfaction. Handbook of positive psychology; ed. by C.R. Snyder, S.J. Lopez. Oxford: Oxford University Press, pp. 63–73.
8. Easterlin R.A. (1974). Does economic growth improve the human lot? Some empirical evidence. Nations and Households in Economic Growth: Essays in Honor of Moses Abramovitz; ed. by R. David, R. Reder. New York: Academic Press, pp. 89–125.

Информация об авторе

Белехова Галина Вадимовна (Россия, г. Вологда) – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Вологодский научный центр РАН (Россия, г. Вологда, 160014, ул. Горького, д. 56а); belek-galina@yandex.ru).

Belekhova G.V.

SUBJECTIVE WELL-BEING OF THE POPULATION IN THE CONTEXT OF INCOME OPPORTUNITIES: THE CASE OF THE VOLOGDA REGION

Abstract. *The article examines one of the aspects of the population's quality of life issues – subjective well-being. Based on the data of a 2025 sociological survey, differences in well-being assessments were revealed among groups with different assessments of income (purchasing) opportunities.*

Keywords: *subjective well-being, income, purchasing power.*

About the author

Belekhova Galina Vadimovna (Russia, Vologda) – Candidate of Economics, Senior Researcher, Federal State Budgetary Institution of Science “Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences” (Russia, Vologda, 160014, Gorky st. 56a; belek-galina@yandex.ru).

References

1. Zelikova Y.A. (2014). Successful ageing or when age is joy. Subjective well-being of seniors: a crossnational analysis. Sociological Studies,11, pp. 60–69.
2. Latova N.V. (2024). Satisfaction of Russians with Different Aspects of Life: Ten- Year Trend Against the Background of Socio- Economic Crises. Sociological Studies, 9, pp. 17–29. DOI: 10.31857/S0132162524090029
3. Nemirovskaya A.V., Soboleva N.E. (2020). Subjective well-being determinants in Russia: a regional perspective. Bulletin of the Institute of Sociology, 11(2), pp. 54–81. DOI: 10.19181/vis.2020.
4. Sushko P.E. (2023). Dynamics of Indicators of Subjective Social Well-being of Russians (2003–2023). Sociological Studies, 12, pp. 59–71. DOI: 10.31857/S0 13216250029337-3

5. Argyle M., Martin M., Crossland J. (1989). Happiness as a function of personality and social encounters. Recent advances in social psychology: An international perspective; ed. by J.P. Forgas, J.M. Innes. North-Holland: Elsevier Science Publishers B.V., pp. 189–247.
6. Diener E., Emmons R.A., Larsen R.J., Griffin S. (1985). The satisfaction with life scale. Journal of Personality Assessment, 49(1), pp. 71–75. (In Russian).
7. Diener E., Lucas R.E., Shigehiro O. (2002). Subjective well-being: The science of happiness and life satisfaction. Handbook of positive psychology; ed. by C.R. Snyder, S.J. Lopez. Oxford: Oxford University Press, pp. 63–73.
8. Easterlin R.A. (1974). Does economic growth improve the human lot? Some empirical evidence. Nations and Households in Economic Growth: Essays in Honor of Moses Abramovitz; ed. by R. David, R. Reder. New York: Academic Press, pp. 89–125.

УДК 316.34 / ББК 60.524

Беляева А.А.

ПРОБЛЕМЫ И ВЫЗОВЫ В СФЕРЕ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В КОНТЕКСТЕ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ УЯЗВИМЫХ ГРУПП НАСЕЛЕНИЯ

Аннотация. *В данной статье рассматриваются проблемы и вызовы, с которыми сталкиваются уязвимые группы населения в сфере социально-культурной деятельности, а также их влияние на качество жизни. Уязвимые группы, включающие пожилых людей, мигрантов и лиц с ограниченными возможностями, часто сталкиваются с барьерами в доступе к культурным ресурсам и мероприятиям, что ведет к социальной изоляции и снижению уровня удовлетворенности жизнью. Статья анализирует специфику работы с этими группами, подчеркивая необходимость индивидуального подхода, программ культурной адаптации и вовлечения в эту работу социальных работников и волонтеров.*

Ключевые слова: *уязвимые группы, социальная деятельность, качество жизни, культура, образование, инвалиды, пенсионеры, красный крест.*

Человек – социальное существо, стремящееся к взаимодействию и коммуникации с другими людьми, что обуславливает его потребности в создании отношений, общении и сообществе. Взаимодействие с окружающими играет ключевую роль в формировании личностной идентичности, самооценки и общего качества жизни. Социальные связи и культурные практики не только способствуют эмоциональному благополучию, но и создают условия для развития коллективного сознания и культурного наследия, способствуя гармоничному существованию в обществе. Одной из основных потребностей человека является безопасность, и, когда человек лишается этого условия существования, он автоматически входит в число уязвимых групп населения. Согласно определению, данному ВОЗ, «уязвимые группы населения – это какая-либо группа или часть общества с более высоким по сравнению с другими группами или остальным обществом риском подвергнуться мерам дискриминационного характера, насилию, стать жертвами природных катастроф или экономических кризисов» [5]. Люди, входящие в данную категорию, часто не чувствуют себя даже в относительной безопасности, их качество жизни значительно ниже, поэтому они нуждаются в особой опеке. К уязвимым группам населения относят: пожилых людей, детей и младенцев, лиц с хроническими заболеваниями, лиц более уязвимых в силу своего социально-экономического статуса, мигрантов. Один из докладов ООН имеет сноску: «*Бедняки – главные жертвы землетрясений, наводнений и других стихийных бедствий, связанных с изменением климата. Следует с горечью отметить, что бедняки, наиболее уязвимые группы, в том числе дети и инвалиды, подвержены наибольшему риску, связанному с последствиями изменений климата. Как правило, первые жертвы – это люди, на которых не распространяются достижения социально-экономического прогресса*», – заявил Генеральный секретарь ООН в предисловии к докладу, который был представлен на пресс-конференции в Нью-Йорке [8].

В списке ООН, позиций, относящих людей к «уязвимым группам», перечислено гораздо больше, включая запрещенные в РФ категории меньшинств [7]. Принадлежность к уязвимой группе автоматически подразумевает некоторые ограничения, с которыми могут столкнуться люди в виду своего положения. В данной статье мы рассмотрим конкретное ограничение – доступ к социально-культурной деятельности.

Удовлетворение высших потребностей приводит к истинному счастью, наполняет внутренний мир человека и способствует его духовному развитию и росту. Согласно пирамиде Маслоу, наивысшим уровнем потребностей для человека является потребность в самосовершенствовании, творческое самопроявление и самореализация. Общество и культура необходимы человеку, чтобы закрывать верхушку пирамиды и жить в полном достатке. Качество жизни человека также напрямую связано с его самоощущением, и, что немало важно, оно

связано не только с каждым индивидом в частности, но и с эмоционально-психологическим климатом в стране в целом.

Качество жизни – это совокупность показателей общего благосостояния людей, характеризующих уровень материального потребления, а также потребление непосредственно не оплачиваемых благ [3]. В настоящее время реализуются различные инициативы, направленные на улучшение самочувствия людей и создание благоприятных условий для их психологического благополучия. Данная проблема все еще не имеет окончательного решения, и продолжаются поиски действенных методов для ее урегулирования. Тем не менее, многие авторы отмечают, что духовные ценности – это не шаблон или конкретный алгоритм действий, а усвоенный в процессе жизнедеятельности и постоянной общественной коммуникации личностный навык, который в дальнейшем и побуждает человека к самосовершенствованию и определению собственных жизненных принципов.

Социально-культурная деятельность непосредственно связана с развитием человеческого капитала, улучшением качества жизни людей, обеспечением условий для их самореализации, а также для воспитания и обучения. Однако уязвимые группы часто сталкиваются с архитектурными, финансовыми и социальными барьерами, которые ограничивают возможности их участия в общественной жизни. К примеру, люди с ограниченными возможностями нередко не могут попасть в культурные учреждения из-за отсутствия необходимых условий, таких как пандусы или специальное оборудование.

Существует множество примеров, когда пространство адаптируется и модернизируется для людей с ограниченными возможностями. В московском метро на станциях установлены лифты, лестницы оборудованы пандусами, а также на станциях дежурят специально обученные сотрудники, которые могут помочь маломобильным пассажирам на протяжении всего их маршрута. Однако проблемы все еще сохраняются. Людям с ограниченными возможностями по-прежнему приходится преодолевать разбитые тротуары, просить окружающих о помощи, чтобы добраться до пандусов. Модернизация и техническое оснащение иногда проводятся недостаточно вдумчиво, и складывается ощущение, что цель заключается не в реальной помощи инвалидам, а в выполнении формальных требований. Среди наиболее благоприятных стран для проживания инвалидов чаще всего выделяют Германию, США, Австралию, Великобританию, Швецию, Италию, Францию, Испанию и Чехию [9].

Еще одной важной проблемой является низкий уровень культурной осведомленности и доступности образования. В ряде случаев уязвимые группы населения не имеют возможности получать качественное образование и возможностей для культурного обогащения, что в долгосрочной перспективе сказывается на их качестве жизни. Особенно это касается молодежи из неблагополучных семей, у которой нет доступа к дополнительным образовательным программам и культурным мероприятиям. Как правило, доступ к качественному образованию включает в себя множество аспектов: наличие образовательных учреждений, качество преподавания, уровень подготовки педагогов, а также финансовые возможности семей. В ряде случаев уязвимые группы населения сталкиваются с ограниченным доступом к образовательным учреждениям, особенно в удаленных или экономически неблагополучных регионах. Это может быть связано с физической удаленностью школ, отсутствием транспортных связей или невозможностью покрыть финансовые расходы на обучение, включая оплату за учебники и дополнительные занятия.

Например, молодежь из неблагополучных семей может не иметь возможности продолжить обучение после школы из-за финансовых трудностей, отсутствия поддержки со стороны родителей или недоступности информации о доступных образовательных программах. В результате качество их образования оказывается низким, что ведет к ограниченным карьерным перспективам и социальной исключенности.

Отсутствие доступа к качественному образованию и недостаток культурной осведомленности могут иметь долгосрочные негативные последствия для их жизни. Низкий уровень образования приводит к ограниченным трудовым перспективам и низкому уровню доходов, что усугубляет экономические трудности. Это, в свою очередь, ставит под угрозу здоровье и благополучие таких людей, создавая порочный круг, из которого трудно выбраться.

Культурная изоляция и недостаток возможностей для самовыражения также могут привести к чувству безнадежности, упадку духа и даже к социальным конфликтам. Люди, не имеющие доступа к культурным ценностям и образовательным ресурсам, могут чувствовать себя оторванными от общества, что увеличивает риск социальной маргинализации и депрессии.

Еще одной социально уязвимой группой можно назвать пенсионеров. Одной из главных их сложностей является недостаток мобильности: многие пожилые люди имеют проблемы со здоровьем, что затрудняет их физическое передвижение и доступ к культурным мероприятиям. Отсутствие доступа к театрам, музеям и другим социокультурным учреждениям негативно сказывается на их эмоциональном здоровье и уровне жизни. Существует довольно мало программ, активно работающих на уровне сообществ, для оказания поддержки пожилым людям. Эти усилия могут включать создание центров для общения, досуга и обучения, что позволит пенсионерам не только провести время с пользой, но и наладить социальные связи. Однако многие такие инициативы либо отсутствуют, либо недостаточно финансируются.

Одной из известных организаций, безвозмездно действующей на благо уязвимым группам населения, а также активно функционирующей в России, является Красный Крест[1]. Они предоставляют поддержку самым уязвимым категориям населения: многодетным и малообеспеченным семьям, одиноким пожилым людям, людям с ограниченными возможностями здоровья, детям с различными заболеваниями, мигрантам, а также тем, кто пострадал в результате стихийных бедствий и чрезвычайных ситуаций. В разных регионах действуют программы по интеграции людей пожилого возраста в культурную и социальную жизнь города или района.

Российский Красный Крест организовывает консультации специалистов, уроки здорового образа жизни, вечера досуга, кружки по интересам, совместно с органами соцзащиты обеспечивают продуктовыми наборами одиноких пожилых людей, проводят кампании по обеспечению лекарственными препаратами и гигиеническими наборами и выполняют многие другие разноплановые вспомогательные функции. Однако во всем этом есть недостаток: Красный Крест – добровольческая волонтерская организация, а значит – существует только за счет пожертвований. Это плохо по двум причинам:

1) в любой момент средства с пожертвований могут закончиться, либо поступать в крайне ограниченных количествах, и это всегда риск;

2) не многие люди готовы работать на бесплатной основе (чтобы самим не стать частью социально уязвимого общества).

Кроме того, сказывается недостаточная осведомленность о деятельности Красного Креста и его значении в обществе. Многие люди просто не знают о том, какую помощь и поддержку организация предоставляет, или не знают, как они могут внести свой вклад. Это приводит к тому, что потенциальные волонтеры «остаются в тени», что также негативно сказывается на уровне финансирования.

Низкий уровень культурной осведомленности, образования, здоровья, а также трудности в передвижении – это поправимые проблемы, но для их решения требуется скоординированное участие государства, образовательных учреждений, культурных организаций и общества в целом.

Важно создать системы поддержки, которые обеспечат доступ к качественному образованию и культурным ресурсам для уязвимых групп населения, что, безусловно, будет способствовать их интеграции в общество и улучшению качества жизни в долгосрочной перспективе. Необходимо внедрять программы, направленные на устранение барьеров, а также обеспечивать широкое распространение информации о возможностях, доступных для людей из уязвимых категорий. Только через совместные усилия мы сможем построить более инклюзивное и справедливое общество, в котором у каждого человека будет возможность реализовать свой потенциал.

[1] Российский Красный Крест – общественная организация, которая является участником международного движения Красного Креста и Красного Полумесяца.

Библиографический список

1. Андреева К.Э., Николаева А.А. (2022). Жизнь людей с ограниченными возможностями: мировой опыт и тенденции развития в России // Вестник университета. № 10. С. 215–222.
2. Панова Н.Г. (2021). Социально-культурная деятельность как фактор повышения качества жизни населения // Мир науки, культуры, образования. № 1(86). С. 175–177. DOI: 10.24412/1991-5497-2021-186-175-177
3. Фахрутдинова Е.В. (2009). Качество жизни населения: теоретический аспект // Экономические науки. № 59. С. 130–133.
4. Шишкин С.В. (2005). Доступность высшего образования для населения России: что показывают результаты исследований // Университетское управление: практика и анализ. № 1. С. 80–88.
5. Официальный сайт Российского Красного Кре-
ста. URL: https://donation.red cross.ru/ (дата обращения: 22.02.2025).
6. ООН. Уязвимые группы. URL: https://www.un.org/ru/fightracism/vulnerable-groups (дата обращения: 21.02.2025).
7. Центр Новостей ООН. URL: https://www.un.org/ru/desa/wess-2016 (дата обращения: 21.02.2025).
8. World Health Organization. World report on disability (2011). URL: https://apps.who.int/iris/handle/10665/44575 (дата обращения: 22.02.2025).
9. Wisner B., Adams J. (2002). Environmental health in emergencies and disasters. A Practical Guide. Malta: World Health Organization. 252 p.

Информация об авторе

Беляева Алена Александровна (Россия, Пермь) – студент, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Пермский государственный национальный исследовательский университет» (Россия, г. Пермь, 614068, ул. Букирева, 15; alena_bel.2004-2004@mail.ru).

Belyaeva A.A.

PROBLEMS AND CHALLENGES IN THE FIELD OF SOCIO-CULTURAL ACTIVITY IN THE CONTEXT OF THE QUALITY OF LIFE OF VULNERABLE POPULATION GROUPS

Abstract. *This article examines the problems and challenges faced by vulnerable groups in the field of socio-cultural activities, as well as their impact on the quality of life. Vulnerable groups, including older people, migrants and people with disabilities, often face barriers to accessing cultural resources and activities, leading to social isolation and reduced life satisfaction. The article analyzes the specifics of working with these groups, emphasizing the need for an individual approach, cultural adaptation programs and the involvement of social workers and volunteers.*

Keywords: *vulnerable groups, social activities, quality of life, culture, education, disabled people, pensioners, red cross.*

About the author

Belyaeva Alyona Alexandrovna (Russia, Perm) – student, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education “Perm State National Research University” (Russia, Perm, 614068, Bukireva st., 15; alena_bel.2004-2004@mail.ru).

References

1. Andreeva K.E., Nikolaeva A.A. (2022). Life of People with Disabilities: Global Experience and Development Trends in Russia. University Bulletin, 10, pp. 215–222.
2. Panova N.G. (2021). Socio-Cultural Activity as a Factor in Improving the Quality of Life of the Population. World of Science, Culture, Education, 1(86), pp. 175–177. DOI:10.24412/1991-5497-2021-186-175-177
3. Fakhrutdinova E.V. (2009). Quality of Life of the Population: Theoretical Aspect. Economic sciences, 59, pp. 130–133.
4. Shishkin S.V. (2005). Accessibility of Higher Education for the Population of Russia: What Research Results Show. University Management: Practice and Analysis, 1, pp. 80–88.
5. Wisner B., Adams J. (2005). Environmental Health in Emergencies and Disasters. A Practical Guide. Malta: World Health Organization. 252 p.
6. Official Website of the Russian Red Cross. Available at: https://donation.redcross.ru/ (accessed: 22.02.2025).
7. UN. Vulnerable Groups. Available at: https://www.un.org/ru/fight-racism/vulnerable-groups (accessed: 21.02.2025).
8. UN News Center. Available at: https://www.un.org/ru/desa/wess-2016 (accessed: 21.02.2025).
9. World Health Organization. World Report on Disability. 2011. Available at: https://apps.who.int/iris/handle/10665/44575 (accessed: 22.02.2025).

УДК 316.3 / ББК 60.526

Галанзовский А.С.

ОСНОВНЫЕ СТРАТЕГИИ ИЗУЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Аннотация. *В статье проведен анализ основных социологических стратегий в изучении понятия социальной политики, а также описание преимуществ и недостатков каждой из названных моделей.*

Ключевые слова: *социальная политика, солидарность, модель, стабильность.*

Общество, с одной стороны, обладает достаточно неоднородной структурой, которая строится на разнообразии потребностей различных групп населения, но, с другой стороны, оно одновременно и единообразно, что проявляется в наличии основополагающих потребностей, связанных с социальной защитой. Это проявляется в обеспокоенности социальным статусом, гарантии приобретения и сохранения благ и определяет необходимость социальной поддержки со стороны государства. Одним из определяющих концептов, который также входит в основные принципы ряда моделей социальной политики, является солидарность.

Эмиль Дюркгейм в своей работе «О разделении общественного труда» пишет о том, что «сколь сложно обнаружить моральный феномен – состояние солидарности. Только внешние показатели (а именно право) позволяют судить о том невидимом, что представляет собой мораль как таковая. Но оборотная сторона невидимости социального – необходимость его визуализации» [1, с. 48]. В этом замечании содержится определяющий для социальной политики закон, говорящий нам о том, что солидарность (как феномен) возможна лишь в материальном восприятии законного преобразования, что прослеживается на протяжении всей трудовой истории человечества. Для более четкого понимания термина «социальная политика» приведем ряд его трактовок, а также известные нам модели социальной политики.

Социальную политику можно определить:

1. Как комплекс мер, созданных для удовлетворения потребностей населения, а также направленных на его поддержку, что определяет системность социальных гарантий.

2. Как ряд мероприятий, проводимых государственными структурами, которые направлены на улучшение благосостояния и качества жизни населения.

Таким образом, социальная политика в своей основе представляет собой систему мер и программ, которые помогают людям удовлетворить те социальные, экономические, образовательные и медицинские потребности, которые являются фундаментальными для поддержки стабильности в обществе, предотвращают социальные конфликты и угрозы здоровью и жизни человека.

Обращаясь к современным подходам в изучении социальной политики, мы встречаем бинарную структуру двух всеобщих конструктов, характерных для каждой из ее моделей:

1. Патернализм – определяет государство как основание, что позволяет регулировать все возможные социальные отношения. Финансовое обеспечение производится из налоговых отчислений, поступающих в государственный бюджет. Каждый гражданин имеет право на ряд бесплатных общественных и культурных благ, таких как бесплатное образование, медицинское обслуживание, а также на прочее социальное обеспечение без необходимости прибегать к альтернативным страховым видам отношений.

Главным достоинством данного подхода является гарантированность, а в свою очередь и уверенность населения в предоставляемых социальных гарантиях, что понижает социальную напряженность.

Недостатки данного подхода исходят из его главного преимущества: уверенность в выплатах делает население менее самостоятельным, а значит и понижает стимул к труду, как и личную ответственность за свое социальное положение. Все это приводит к понижению социальной мобильности и укреплению ее горизонтальной (в рамках одного социального уровня,

например, рабочего), а не вертикальной мобильности (как существенное изменение статуса человека).

Анализируя патерналистские формы осуществления социальной политики, П. Сорокин приходит к очень точному и на первый взгляд абсурдному выводу, что прогресса не существует; он полагает что социальная динамика являет себя лишь в динамически изменяемых структурах, что трудновообразимо в рамках патернализма [2, с. 71].

2. Либерализм основывается на принципе разделения труда, т. е. население можно разделить на экономически состоятельных и несостоятельных, сильных и слабых. Предполагая таким образом, что экономически состоявшаяся часть населения способна самостоятельно заботиться о своем социальном положении, в отличии от экономически слабых, которые нуждаются в постоянном социальном страховании. Цель либерального подхода в том, чтобы позволить сильным участникам раскрыть свой экономический потенциал, а государство в свою очередь призвано создать предпосылки и условия для более эффективной и благоприятной деятельности.

Основное достоинство подобного подхода заключается в ориентации на раскрытие способностей людей в интересах роста уровня их комфорта, повышении качества потребления и самореализации, что позволяет экономить бюджетные средства и перераспределять ресурсы в интересах социальной поддержки нуждающихся.

Недостатки в свою очередь также определяются, исходя из преимуществ. Подобная программа поощряет все большую социальную разобщенность, вызванную существенными различиями в уровнях потребления между экономически состоявшимися и экономически несостоявшимися слоями населения.

При этом следует отметить, что сокращение роли государства в жизни общества, а также понижение расходов на проведение социальной политики, перепоручение данных функций частному сектору в долгосрочной перспективе будет способствовать не только повышению социального расслоения, но и лишит население общей уверенности в своей социальной безопасности. Г. Зиммель в своем эссе «Ручка. Эстетический опыт» ставит вопрос о форме и содержании, исходя из аристотелевского различения формы и содержания высказывания.

Г. Зиммель пишет: «Например, индивидуум, принадлежа закрытому кругу семьи, общины, одновременно является точкой проникновения в эти круги притязаний внешнего рода: требований государства, профессии. Государство окружает семью подобно тому, как практическая среда окружает сосуд, и каждый из ее членов уподобляется ручке, при помощи которой государство манипулирует ею для своих целей. И так же, как ручка своей готовностью к выполнению практических задач не должна нарушать единство формы вазы, так и искусство жизни требует от индивидуума, чтобы он, сохраняя свою роль в органической замкнутости одного круга, одновременно служил целям другой, более широкой общности и посредством этого служения помогал включению более узкого круга в круг его превосходящий. Возможно, это и составляет богатство жизни людей и вещей, покоящееся на многообразии их взаимопринадлежности, на одновременности внешнего и внутреннего, на связи и слиянии с одной стороной, которые в то же время являются и расторжением, так как им противостоят связь и слияние с другой» [3, с. 46].

Только при грамотном сочетании обоих подходов общество может быть в достаточной степени состоятельным в условиях как частного, так и государственного влияния.

Вместе с тем необходимо принимать во внимание и исторически сложившиеся закономерности и особенности организации социального обеспечения, которые характерны для конкретной страны или целого региона в тот или иной период времени, основанием всякой модели социальной политики является распределительный базис ряда капиталов, от культурного до экономического.

Сами принципы подобного распределения можно представить в следующем виде:

1) либеральный принцип, базирующийся по большей части на идеи индивидуальности с максимально возможной минимизацией государственного влияния;

2) социально-демократический принцип, который допускает роль государства в перераспределении ресурсов между различными группами населения, при учете конкретных потребностей уязвимых социальных групп;

3) советский принцип, который определяется исключительной централизацией как в производстве ресурсов, так и в их распределении между группами населения.

4) ситуационистский принцип, при котором вся социальная политика государства акцентуализируется на разрешении проблем в зависимости от доступных ресурсов и состояния экономики государства.

При этом, указав на историческое различие, системы социальной защиты в каждой из стран определялись единообразно и имели общие тенденции к развитию.

Анализируя различные национальные модели построения социальной политики, можно свести их к следующей систематике: континентальная, американо-британская, скандинавская, южноевропейская.

1. Континентальная модель применяется во Франции, Германии, Бельгии и Австрии. Характеризуется крепкой связью между продолжительностью профессиональной деятельности и степенью социальных гарантий, базируется на принципе социального страхования, что включает в себя как обязательное, так и частное страхование. Данная модель представляет собой концепт того, что государство, как правило, несет ответственность только за выдачу социальных пособий (социальное обеспечение), но не предоставляет социальные услуги как таковые. Бюджетные отчисления и страховые взносы работника и работодателя на социальные мероприятия примерно равны, и основными каналами перераспределения являются как государственные, так и частные, но регулируемые государством, страховые фонды.

Континентальная модель характеризируется неоднородностью и обособленностью страховых организаций. Основополагающим источником системы финансирования социального страхования являются взносы, которые выплачиваются в равной мере как работником, так и работодателем. Страхование от несчастных случаев в свою очередь обеспечивается только за счет взносов работодателя. В случаях финансовой несостоятельности организации социального страхования гарантом исполнения ее обязательств становится государство.

2. Американо-британская модель применяется в США, Англии, Ирландии. Особенность данной модели заключается в отсутствии специализированных институций, которые бы обеспечивали страхование конкретных видов страховых случаев, таких как болезни или отсутствие постоянной работы. Все программы данной модели социального страхования образуют единую модель, а значительную роль в предоставлении услуг играют государственные учреждения, в свою очередь связанные с частными страховыми программами.

Подобная модель характеризуется минимальным влиянием государства на социальную сферу. Финансовую основу реализации социальных программ составляют в первую очередь частные сбережения и частное страхование, а не средства из государственного бюджета. Государство берет на себя ответственность только за сохранение минимальных доходов граждан и за благополучие слабых и обездоленных слоев населения. Однако государство максимально стимулирует создание и развитие различных форм негосударственного социального страхования и социальной поддержки, а также способов, с помощью которых граждане могут повысить свои доходы.

3. Скандинавская модель применяется в Дании, Швеции, Финляндии. Характерной ее чертой является то, что социальные услуги приравниваются к гражданским правам, и все граждане имеют право на равное и финансируемое за счет налогов социальное обеспечение. Таким образом, социальная защита воспринимается в качестве законного права гражданина. Только страхование по безработице является добровольным и исключено из общей системы государственной социальной помощи.

Важной чертой подобной модели является обширный список различных страховых случаев, которые требуют поддержки со стороны государства, социальные выплаты гарантированы всем, без учета наличия или отсутствия занятости, а также уплаты страхового взноса. Подобный высокий уровень социальной защиты осуществляется за счет активной

перераспределительной политики, что выравнивает доходы населения. Финансовое обеспечение социальной сферы осуществляется за счет средств общего налогообложения.

4. Южноевропейская модель представлена в Испании, Италии, Португалии и Греции. Данную модель можно интерпретировать как развивающуюся, переходную, а потому не имеющую четкой организации. Именно поэтому «рудиментарность» модели отмечается как основная ее особенность. Как правило, уровень социального обеспечения данной модели относительно низок, а функцию социальной защиты выполняют родственники и семья. Поэтому семья как институт гражданского общества играет в этих странах не последнюю роль.

Рассмотрев ряд моделей социальной политики и социальной защиты, мы приходим к выводу о том, что никакая из определяющих моделей не может быть универсальной. Все они в той или иной степени представляют собой набор как положительных черт (вроде повсеместной помощи населению), так и негативных (перераспределение доходов без учета вклада для общества того или иного гражданина). Благодаря изучению опыта построения социальной политики в ряде стран, мы можем говорить об эффективности решений, учитывая региональные особенности и историю становления тех или иных моделей.

Обращаясь к опыту построения социальной политики в Беларуси, следует обратиться к ряду приоритетных направлений:

- всестороннее гармоничное развитие человека;
- формирование эффективной системы здравоохранения;
- внедрение прогрессивных и современных форм образования;
- развитие малых и средних городов;
- обеспеченность жильем;
- охрана и улучшение окружающей среды.

Все известные нам страны стремятся к благополучию и стабильному существованию, но в процессе этого приобретают отличительные особенности. Белорусская модель социальной политики соединяет в себе традиции и историю страны, отражая тем самым менталитет граждан страны, для которого характерен приоритет коллективизма над индивидуализмом.

Для социально-экономического развития Беларуси характерны:

- централизованная власть, которая обеспечивает устойчивое развитие государства;
- либерализация экономики, что повышает конкуренцию среди экономически активных граждан, а также формирует ответственность у населения за свое экономическое поведение;
- сильная социальная политика, направленная на различные виды общественной и экономической жизни;
- равенство форм собственности, в основе которого лежит эффективное ведение хозяйства;
- поддержка предприятий.

Стоит отметить, что главная цель развития страны на 2021–2025 гг. – обеспечение стабильности в обществе и рост благосостояния граждан за счет модернизации экономики, наращивания социального капитала, создания комфортных условий для их жизни, работы и самореализации [4]. Это позволяет сохранить основные приоритеты развития, наиболее востребованные среди населения с учетом предыдущих пятилеток, что позволяет обеспечивать адресную поддержку.

Рассматривая особенности социальной политики в Республике Беларусь, в сравнении с зарубежными моделями, мы приходим к выводу о том, что на современном этапе ее социальная сфера нуждается в переходе от патерналистской, успевшей доказать свою эффективность, к более расширенной модели, когда ответственность за ее реализацию распределяется между государством и гражданами. Это представляет собой сочетание патернализма и либерализма.

Преимущество такой модели заключается в том, что, с одной стороны, экономически активные слои населения создадут новые рабочие места, а значит обеспечат достойной зарплатой трудоспособное население, сократят нагрузку на государственный бюджет, а, с другой стороны, нуждающимся гражданам будут предоставлены социальная защита и гарантии.

Библиографический список

1. Дюркгейм Э. (1996). О разделении общественного труда. Москва: Канон. 432 с.
2. Сорокин П. (1992). Человек. Цивилизация. Общество. Москва: Политиздат. 543 с.
3. Зиммель Г. (1996). Избранное. Т. 2. Созерцание жизни. Москва: Юрист. 607 с.
4. Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. URL: http://www.pravo.by (дата обращения: 24.10.2024).

Информация об авторе

Галанзовский Алексей Сергеевич (Беларусь, Минск) – младший научный сотрудник Института социологии Национальной академии наук Беларуси (Беларусь, г. Минск, 220072, ул Сурганова, 1, корп. 2; halanzovskiy@gmail.com).

Galanzovsky A.S.

MAIN STRATEGIES OF SOCIAL POLICY RESEARCH

Abstract. *The article analyzes the main sociological strategies in the study of the concept of social policy, as well as the description of advantages and disadvantages of each of the named models of its implementation.*

Keywords: *social policy, solidarity, model, stability.*

About the author

Aleksey Sergeevich Galanzovsky (Belarus, Minsk) – junior researcher at the Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus (, Belarus, Minsk, 220072, Surganova st. 1, bldg. 2; halanzovskiy@gmail.com).

References

1. Durkheim E. (1996). On the division of social labor. Moscow: Kanon. 432 p.
2. Sorokin P. (1992). Man. Civilization. Society. Moscow: Politizdat. 543 p.
3. Simmel G. (1996). Selected. Vol. 2. Contemplation of Life. Moscow: Yurist. 607 p.
4. National Legal Internet Portal of the Republic of Belarus. Available at: http://www.pravo.by (accessed: 24.10.2024).

УДК 316.4 / ББК 60.524

Григорова Д.А., Давыденко В.А.

ВОСПРИЯТИЕ ТУРЕЦКИХ СЕРИАЛОВ ЗРИТЕЛЯМИ ОНЛАЙН-ПЛАТФОРМ

Аннотация. *В статье рассматривается восприятие турецких сериалов российскими зрителями, на примере онлайн-платформы «Иви». Исследуется как трансляция сериалов в прямом эфире и формирование фанатского сообщества способствуют популяризации жанра. Анализ комментариев и рецензий к сериалу «Лейла» выявил ключевые темы сериала – месть, социальное неравенство, эмоциональная выразительность. Особое внимание уделяется нарративам, отражающим культурные ценности и социальные реалии, близкие российской аудитории. Турецкие сериалы не только выполняют развлекательную функцию, но и формируют определенные взгляды на общественные отношения.*

Ключевые слова: *социальное восприятие, сериал, онлайн, зрители, массовая культура.*

В настоящее время сериалы и онлайн-платформы играют значимую роль в повседневной жизни, становясь важной частью культуры XXI века. Исследование восприятия сериалов актуально, поскольку позволяет выявить социокультурные тенденции. Расширение аудитории иностранных сериалов способствует изменению восприятия культуры других стран, возможно, даже трансформации ценностных ориентаций в наиболее вовлеченной части социума. Одним из наиболее значимых культурных феноменов современности является быстрое распространение онлайн-платформ с предлагаемыми на них турецкими сериалами, как пример иностранных фильмов. В рамках данной статьи мы не можем однозначно сказать, оказывают ли турецкие сериалы влияние на российского зрителя.

Сегодня сложно встретить человека, который бы не слышал о подобных сериалах. На российских онлайн-платформах существует термин «турдизи», обозначающий турецкие сериалы [7]. За последние несколько лет турецкие сериалы не только прочно вошли на внутренний рынок, но и трансформировались в основной негосударственный инструмент мягкой силы [3].

Целью данной статьи стало исследование восприятия турецких сериалов российскими зрителями на примере онлайн-платформы «Иви»[1].

Исследование феномена популярности турецких сериалов представлено в российском научном дискурсе. Например, А.И. Зубкова подчеркивает важность массовой культуры и ее роли в формировании имиджа страны, что может служить основой для анализа того, как онлайн-платформы способствуют расширению аудитории и трансляции культурных ценностей [3]. Л.С. Кислова анализирует телесериалы как социальные проекты, что помогает понять, как они формируют образы, идентичность и культурные нормы в разных странах, включая Турцию [4]. Телесериалы создают свою реальность и влияют на массовую культуру, формируя образы и стереотипы, что особенно актуально для анализа турецких сериалов, которые способствуют изменению представлений о турецкой культуре в России. Я.А. Пархоменко уточняет, что турецкие сериалы можно рассматривать не только как «развлекательный продукт», но и как средство передачи культурных кодов и ценностей [7]. Г. К. Кончита, обсуждая работу Х. Ортеги-и-Гассета, подчеркивает влияние массового сознания на вкусы и ожидания аудитории [5]. Е.В., Андрианова и В.А. Давыденко в своем исследовании анализируют зрительские практики потребления кино через призму нарративного подхода, что может быть адаптировано для изучения предпочтений российской аудитории [1]. М.С. Борисова в своей работе рассматривает феномен глобальной популярности турецких сериалов. Автор статьи анализирует подходы и методики, применяемые кинематографистами, которые способствуют более тесному взаимодействию с целевой аудиторией [2].

Основой данной статьи стала теория массового искусства. Турецкие сериалы представляют собой продукт, который можно отнести к массовой культуре – явлению, о котором писал

[1] «Иви» - российский онлайн-кинотеатр. URL: https://www.ivi.ru/ (дата обращения: 15.03.2025).

испанский философ Хосе Ортега-и-Гассет. По его мнению, в современном обществе «массы» перестали следовать за элитой, вместо этого они формируют собственные ценности и взгляды, часто вытесняя при этом традиционные культурные ориентации [6, с. 19]. Можно говорить о том, что турецкие сериалы представляют собой продукт массовой культуры нового типа: реципиент перестает быть равнодушным и безучастным потребителем. Напротив, такой культурный продукт обретает жизнь и объем, будучи вплетенным в социальный контекст, переосмысленным и интерпретированным [3, с. 59].

Информационно-эмпирической базой исследования послужила онлайн-платформа «Иви». Данная платформа выбрана по причине того, что именно она помогает выстроить «культурный мост» между пользователями онлайн-платформ и контентом «турдизи». Например, одна из стратегий онлайн-кинотеатра «Иви» заключается в привлечении пользователей за счет прямых трансляций турецких сериалов, что создает уникальный пользовательский опыт.

Дополнительно платформа развивает фанатское сообщество, создавая тематические группы в социальных сетях, таких, например, как «ВКонтакте». В группе публикуются анонсы эпизодов, обсуждается сюжет, и таким образом пользователи активно взаимодействуют друг с другом.

Агентство TelecomDaily[2] подвело итоги популярности онлайн-кинотеатров за 2024 год. «Иви» занимает 2 место среди российских онлайн-кинотеатров по количеству зрителей (10 млн, +18%). Для того, чтобы определить уровень популярности турецких сериалов необходимо для примера проанализировать один из продуктов «турдизи». Несмотря на наличие платной подписки (от 199 рублей), пользователи продолжают выбирать платформу «Иви». Это связано с удобством потребления контента – благодаря наличию собственного мобильного приложения и поддержке различных устройств (смартфонов, планшетов, телевизоров и др.), платформа обеспечивает доступ к сериалам в любом месте и в любое время, что повышает ее привлекательность для аудитории.

Для примера мы взяли сериал «Лейла» (рейтинг 8,0), представленный на онлайн-платформе «Иви» с сентября 2024 года. Всего на платформе было оставлено 48 комментариев и написано 5 рецензий к сериалу. Самые часто встречающиеся слова в комментариях: интересный, Лейла, лучший, Альперен, Нур, «Проспект Бразилии», игра, эмоции. Большее количество комментариев положительные; зрители восхищаются актерской игрой. Для выражения своих эмоций зрители используют такие фразы как «лучший сериал» и «нет слов, одни эмоции».

Также мы проанализировали рецензии к сериалу. Наиболее часто повторяющиеся слова и выражения: Лейла, месть, отомстить, актриса, актеры, Джемре Байсел, Алперен Дуймаз, Нур, «Проспект Бразилии», эмоции, эмоциональный, история, сюжет, красиво, красота.

Рецензенты отмечали, что сериал строится на стремлении главной героини Лейлы отомстить мачехе Нур. Это один из основных мотивов, который вызывает интерес и эмоциональное напряжение. В рецензиях зрители высоко оценили исполнителей главных ролей. Джемре Байсел (Лейла) называют сильной актрисой, особенно в образе роковой женщины. Алперена Дуймаза (Джавана) считают обаятельным, но один из рецензентов охарактеризовал его как слишком пассивного персонажа. Гонджа Вуслатери (Нур) – сильная антагонистка, вызывающая страх и ненависть. Делается акцент преимущественно на эмоциональной подаче. В рецензиях отмечают насыщенность сериала гипертрофированными эмоциями, герои «стонут, рыдают, вопят», что является традиционной чертой турецких драм. Некоторые моменты в сюжете зрителям показались нелогичными (например, Лейла выросла в трущобах, но при этом стала элитным шеф-поваром, что в жизни вряд ли возможно). Некоторые зрители посчитали, что сериал изобилует флешбэками, которые замедляют развитие сюжета.

Рецензии в целом положительные и, в отличие от комментариев зрителей, они глубже анализируют сюжет и игру актеров. Основные темы рецензий – это эмоции, актерское мастерство, сюжет, актеры. Несмотря на критику некоторых сюжетных ходов, турецкие сериалы вызывают большой интерес, а визуальная эстетика и сильная актерская работа считаются ключевыми факторами успеха. Турецкая индустрия резко меняет нарративную стратегию, она обнаруживает возможность наполнить имплицитным глубоким драматизмом выхолощенную

[2] «TelecomDaily» информационно-аналитическое агентство. URL: https://telecomdaily.ru/ (дата обращения: 15.03.2025).

матрицу сентиментальной мелодрамы, что дает сериалам колоссальный импульс к развитию жанрового разнообразия [7, с. 142]. Основным нарративом в сериале «Лейла» является социальное неравенство. Сериал затрагивает тему, в которой главная героиня живет на «социальном дне» и сталкивается с различными трудностями, связанными с бедностью. Главная героиня не получает никакой поддержки и может надеяться только на себя. Еще одним распространенным нарративом является месть. Весь сюжет в данном сериале построен на том, что главная героиня мстит женщине, испортившей ей жизнь. Помимо эксплицитных нарративов в «Лейле» представленные скрытые нарративы, которые несут более глубокий смысл.

На первый взгляд, история главной героини – это сложный путь к тому, чтобы стать сильной. Однако главная героиня в погоне за местью становится похожа на ту, кого она ненавидит. Турецкие сериалы не только выполняют развлекательную функцию, но и могут формировать определенные взгляды на социальные отношения. Между турецким и российским менталитетами, казалось бы, нет ничего общего, но некоторое сходство между ними тем не менее прослеживается [4, с. 94]. Многие нарративы находят отклик у российского зрителя, поскольку Турция и Россия имеют схожие социокультурные особенности, такие как патриархальные ценности и социальное неравенство. Как и Турция, Россия остается страной с сильными традиционными ценностями. Лейла, будучи сильной героиней, все равно оказывается зависимой от мужчин (отца, возлюбленного, врагов). Это перекликается с российским обществом, где женщины могут быть успешными, но продолжают сталкиваться с ограничениями в карьере, доходах и семейных ожиданиях.

При этом любовь в сериале показана как путь к спасению, что перекликается с российской популярной культурой, где отношения часто идеализируются, а личное счастье воспринимается как более важное, чем социальное или экономическое благополучие. Важнейшей темой турецких сериалов оказывается проблема социального неравенства. Чаще всего она раскрывается с помощью любовной линии, завязка которой будет звучать как «они не могут быть вместе». При этом, на наш взгляд, эта проблема не приобретает крайних форм, т. е. даже если герои живут небогато, они сохраняют чувство собственного достоинства [2, с. 63].

Исследование выявило несколько важных аспектов восприятия турецких сериалов российскими зрителями онлайн-платформ. Во-первых, сериалы затрагивают темы социального неравенства и патриархальных ценностей, вызывая у зрителей эмоциональный отклик. Контент-анализ комментариев показал, что зрители сопереживают героям, что свидетельствует о схожих социокультурных проблемах в России и Турции. Во-вторых, онлайн-платформы активно формируют фанатские сообщества, влияя на восприятие контента. Взаимодействие через соцсети усиливает вовлеченность аудитории. Телевизионные сериалы создают динамичные, сложные и пересекающиеся сюжетные линии персонажей, предоставляя больше времени и повествовательного пространства для эмоционального взаимодействия с актерами [1, с. 830]. Изучение влияния турецких сериалов остается перспективным направлением, поскольку дальнейшие исследования могут пролить свет на механизмы формирования социокультурных взглядов российских зрителей.

Библиографический список

1. Андрианова Е.В., Давыденко В.А. (2024). Социология кино: нарративные оценки зрительских практик // Вестник РУДН. Серия: Социология. Т. 24. № 3. С. 824–839.
2. Борисова М.С. (2024). Феномен турецких сериалов // Сериалы в системе современных медиа: материалы IV Всероссийской молодежной научно-практической конференции, г. Москва, 23–25 марта 2023 г. Москва: Всероссийский государственный институт кинематографии им. С.А. Герасимова, С. 62–67.
3. Зубкова А. И. (2015). Мягкая сила Турции: феномен “soap power” как инструмент культурной дипломатии // Вестник РУДН. Серия: Политология. № 2. С. 52–62.
4. Кислова Л.С., М.А. Ветошкина. (2021). Телесериал как социальный проект в современном массовом дискурсе: национальная специфика // Вестник Тюменского государственного

университета. Гуманитарные исследования. Т. 7. № 1(25). С. 80–105. DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-1-80-105
5. Кончита Г.К. (2022). «Восстание масс» Х. Ортеги-и-Гассета как лингвокультурологический феномен современности // Вестник культурологии. № 3. С. 30–40. DOI: 10.31249/hoc/2022.03.00
6. Ортега-и-Гассет Х. (2001). Восстание Масс. Москва: АСТ. 509 с.
7. Пархоменко Я.А. (2021). Современный телесериал: нарративные и жанровые метаморфозы // Вестник ВГИК. Т. 13. № 2(48). С. 132–147. DOI: 10.17816/VGIK71067

Информация об авторах

Григорова Даурия Алексеевна (Россия, Тюмень) – магистрант, Тюменский государственный университет (Россия, г. Тюмень, 625003, ул. Володарского, д. 6; dauriiia@mail.ru).

Давыденко Владимир Александрович (Россия, Тюмень) – доктор социологических наук, профессор, начальник Научно-исследовательского центра, Тюменский государственный университет (Россия, г. Тюмень, 625003, ул. Володарского, д. 6; vlad_davidenko@mail.ru).

Grigorova D.A., Davydenko V.A.

PERCEPTION OF TURKISH TV SERIES BY ONLINE PLATFORM VIEWERS

Abstract. *This article explores the socio-cultural perception of Turkish TV series by Russian viewers of online platforms, using the example of IVI. The study examines how live broadcasting, and the formation of fan communities contribute to the genre's growing popularity. An analysis of comments and reviews on the series Leyla reveals its central themes – revenge, social inequality, and emotional expressiveness. Special attention is given to narrative elements reflecting cultural values and social realities that resonate with Russian audiences. Turkish TV series not only serve as entertainment but also shape specific perspectives on social relations.*

Keywords: *socio-cultural perception, Turkish TV series, online platforms, viewers, mass culture.*

About the authors

Grigorova Dauria Alekseevna (Russia, Tyumen) – Master's student, Tyumen State University (Russia, Tyumen, 625003, Volodarskogo st., 6; dauriiia@mail.ru).

Davydenko Vladimir Alexandrovich (Russia, Tyumen) – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Research Center, Tyumen State University (Russia, Tyumen, 625003, Volodarskogo st., 6; vlad_davidenko@mail.ru).

References

1. Andrianova E.V., Davydenko V.A. (2024). The sociology of cinema: narrative assessments of spectator practices. Vestnik of the RUDN. University. Series: Sociology, 24(3), pp. 824–839.
2. Borisova M.S. (2024). The Phenomenon of Turkish TV Series. TV Series in the System of Modern Media: Materials of the IV All-Russian Youth Scientific and Practical Conference, Moscow, 23–25 March 2023. Moscow: S.A. Gerasimov All-Russian State Institute of Cinematography, pp. 62–67.
3. Zubkova A.I. (2015). Turkey's Soft Power: The "Soap Power" Phenomenon as a Tool of Cultural Diplomacy. Vestnik of the RUDN. University. Series: Political Science, 2, pp. 52–62.
4. Kislova L.S., Vetoshkina M.A. (2021). The TV Series as a Social Project in Modern Mass Discourse: National Specificity. Vestnik of Tyumen State University. Humanities Research, 7, 1(25), pp. 80–105. DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-1-80-105
5. Konchita G.K. (2022). The "Revolt of the Masses" by J. Ortega y Gasset as a Linguocultural Phenomenon of Modernity. Vestnik Kulturologii, 3, pp. 30–40.
6. Ortega y Gasset H. (2001). The Uprising of the Masses. Moscow: AST. 509 p.
7. Parkhomenko Ya.A. (2021). Contemporary TV Series: Narrative and Genre Metamorphoses. Vestnik VGIK, 13, 2(48), pp. 132–147. DOI: 10.17816/VGIK71067

УДК 316.332

Джиджян А.Р.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ УЯЗВИМЫХ, В ЧАСТНОСТИ МАЛООБЕСПЕЧЕННЫХ ГРУПП НАСЕЛЕНИЯ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Аннотация. *Изменения, произошедшие в экономической, политической и социальной жизни на постсоветском пространстве, привели к коренному краху социальной предсказуемости в социальном сознании. Осознание возникающих проблем как в вопросах организации своего быта и условий существования, так и в намерениях действиях по их разрешению привело к несовпадению действия и ожидаемого результата. В наиболее нестабильном положении оказались традиционные социально уязвимые группы населения, а также те индивиды, семьи, группы и сообщества, которые не смогли адаптироваться и адекватно отреагировать на произошедшие изменения. Система государственной социальной защиты является важным инструментом предотвращения и сокращения масштабов бедности, неравенства, социальной изолированности и социальной незащищенности, инструментом стимулирования занятости и личностного роста.*

Ключевые слова: *бедность, уровень бедности, социальная политика, система социальной защиты, минимальная потребительская корзина, социальное пособие.*

За последние несколько лет в мире произошли значимые изменения, повлекшие за собой резкое увеличение уязвимых групп населения. Мигранты и беженцы, участники военных действий и члены их семей, гражданские лица пострадавшие от военных действий, экологических катастроф, стихийных бедствий находятся в трудной жизненной ситуации, и от государственной системы социальной защиты требуется создание и реализация новых технологий для решения возникающих проблем, при этом следует активно вовлекать в этот процесс самих членов уязвимых групп.

Несмотря на то, что в конституциях постсоветских республик особо указывался их статус социальных государств, проблемы социальной защиты рассматривались по остаточному принципу. Государство проявляло избирательность в вопросах социальной защиты населения как с количественной, так и с качественной точки зрения, и оказывало необходимую помощь не по принципу адекватности возникающим проблемам или нуждам, а в той мере, в какой это определялось «экономической целесообразностью». Действующая система социальной защиты населения в условиях экономической, политической, военной напряженности часто неспособна справиться с обеднением широких слоев населения и по-прежнему не обеспечивает адекватную защиту малоимущих и социально уязвимых граждан.

Исследования организации социального обеспечения населения выделились в отдельную область в рамках целого ряда наук – экономики, социологии, демографии и др. Проблемы бедности, депривaций, их причин и последствий, путей их преодоления рассматривались на основе сравнительного анализа всероссийских социологических исследований 1993, 2003, 2013 гг., проведенных ИС РАН, «Бедность и неравенства в современной России: 10 лет спустя» (2013), в работах С.В Дохолян [2]. К. Муздыбаева [6], Н.Е. Тихоновой [10], И.С Шилкина [11], С. Ярошенко [12] и др.

В малообеспеченных семьях на продукты питания тратится больше половины дохода. Чем ниже уровень жизни семьи, тем меньше они тратят на «развивающие» непродовольственные затраты: поддержание здоровья членов семьи, образование, культурно-досуговые мероприятия, отдых. В таких семьях доля больных детей больше, чем здоровых, и увеличение количества детей в семье лишь усугубляет эту тенденцию [5]. Превышение расходов на продукты питания по сравнению с непродовольственными тратами свидетельствует также о снижении благосостояния населения. При этом многие граждане предпочитают экономить, чем

искать дополнительный заработок. Для значительной части населения становится недоступным полноценное лечение, качественное профессиональное образование, программы личностного и профессионального роста, физический и психологический отдых.

Не является исключением и Армения. Первые годы независимости были особенно тяжелыми для это страны – изменение экономических основ организации общества; рыночные отношения и восприятие последних как чего-то самоконтролирующегося, саморазвивающегося, не нуждающегося в государственном регулировании; военное положение; экономическая блокада; отказ от советской системы социального обеспечения; неконтролируемая миграция; отсутствие элементарных коммунальных благ (горячего водоснабжения, газоснабжения и электричества на всей территории республики); применение курса «кризисной терапии») – все это привело к резкому обнищанию населения.

Первые годы независимости правительство Армении не имело четко рассчитанных и опубликованных сведений о потребительской корзине и прожиточном минимуме в стране. Политики и ученые устанавливают стандарт потребления, уровень существования или образа жизни, на основе которого рассчитывается необходимая величина дохода (прожиточный минимум или черта бедности), позволяющая удовлетворить базовые потребности индивида. В связи с этим прожиточный минимум можно считать той чертой для измерения бедности, оказавшись за которой человек не может удовлетворить даже самые свои насущные потребности, необходимые для сохранения здоровья и своей жизнедеятельности.

По стоимостной оценке, минимальную потребность в тот или иной период в потребительских благах и услугах можно определить как стоимость материального обеспечения групп населения, которые располагают наименьшими доходами. Расчет прожиточного минимума является необходимой составляющей для оценки уровня жизни населения, при разработке и реализации социальной политики и социальных программ, обосновании устанавливаемых государством минимального размера оплаты труда и минимального размера пенсии по старости.

Прожиточный минимум чаще всего рассматривался как социально-экономическая категория рыночных отношений, которая характеризовалась минимумом средств, необходимых для поддержания физической жизнедеятельности трудящегося и его семьи, для восстановления затраченной рабочей силы и продолжения рода и т. д. Понятие «прожиточный минимум» было официально введено в 1970-х гг. В научной литературе прожиточный минимум трактуется как стоимостная оценка минимальных наборов продуктов питания и непродовольственных товаров и услуг, необходимых для сохранения здоровья человека и обеспечения его жизнедеятельности [7], а в некоторых странах также, как оценка обязательных платежей и сборов (например, закон Республики Армения № ЗР-231 «О социальной поддержке» от 30 декабря 2014 г.; закон РФ № 134-ФЗ «О прожиточном минимуме в Российской Федерации» от 24 октября 1997 г.; закон Республики Казахстан № 175-VIII «Социальный кодекс Республики Казахстан» от 18 марта 2025 г.).

Прожиточный минимум выступает неким государственным гарантом того, что человек получит минимальный денежный доход, а также ему гарантируются и другие меры социальной защиты. Расчет прожиточного минимума осуществляется ежеквартально на основании потребительской корзины, а также данных по обязательным сборам и платежам.

В Армении в качестве аналога понятия «прожиточный минимум» используется понятие «граница бедности населения». Бедность принимает различные формы и затрагивает многие аспекты человеческой жизнедеятельности: потребление, продовольственную безопасность, здоровье, образование, человеческие права, в том числе право голоса, безопасности, право на достойную работу и т. д. Начиная с 2019 года официальным подходом к измерению бедности в Армении является абсолютная бедность, полученная по методологии агрегированного потребления. Для оценки уровня благосостояния используется совокупный индекс потребления,

считается, что такой подход дает более точную информацию об уровне благосостояния, чем доход [5]. Люди, чей ежемесячный доход не превышает 26500 драмов, считаются крайне бедными или бедными, когда необходимо купить продукты. В случае средней бедности доход составляет 48145 драмов, а верхняя граница бедности – 57744 драмов [1].

Допуская различия в показателях неудовлетворенных основных потребностей, бедность, как правило, считается мерой лишения человека, домохозяйства или общины базового уровня жизни. Лишение может измеряться с точки зрения нехватки ресурсов (например, доходов, активов), возможностей (например, навыки, знания, технологии) или и того, и другого. Для сравнения представим уровень бедности в странах постсоветского пространства по данным некоторых национальных государственных статистических учреждений.

[1] Статистический ежегодник Республики Армения. 2024. Уровень жизни населения. URL: https://armstat.am/file/doc/99552493.pdf

Таблица 1. **Уровень бедности и социальные пособия в странах постсоветского пространства за 2023-2024 год**

Страна	Минимальная потребительская корзина в национальной / международной валюте	Продуктовая составляющая, %	Официальный уровень бедности, %	Число граждан, получающих государственное семейное и социальное пособие	Средний размер пособия / на семью / на человека, ежемесячно	% от прожиточного минимума
Армения	77 065 драм / 196$	54	23.5	141 090	32328 драм на семью	46
Россия	15 тыс. 679 рублей / 186,77$	50	9,4	12 400000	от 8 800 / 15 тыс. 679 рублей на чел.	50 – 100
Казахстан	43 407 тенге / 85,40$	55	5,2	317 000	20 000 тенге на чел.	70
Беларусь	562 белорусских рубля / 171,79$	48,6	3.5	–	–	–
Кыргызстан	7963 сомов / 92,7$	50	33.2	388 800	1 392 сома на чел.	17,5
Таджикистан	435 сомони / 65 $	Данные отсутствуют	22.5	300 000	42,7 сомони на чел.	10
Молдова	2004 лей / 113,72 $	Данные отсутствуют	31.6		1363 лей на чел.	47
Грузия	230,1 лари / 82$▫	100	15,6	230,1 лари / 82$▫	От 30 до 150 лари на чел.	13 – 65

Источники: Армстат. URL: https://armstat.am; Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru; Бюро национальной статистики Агенства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. URL: https://stat.gov.kz/ru/; Республика Беларусь. Статистический ежегодник (2024). Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь. URL: https://www.belstat.gov.by/upload/iblock/66e/7l0tc5n78wkj4ulk6er8jxshk1m1k740.pdf; Министерство по социальной защите и труду Приднестровской Молдавской Республики. URL: https://minsoctrud.gospmr.org/potrebitelskaya_korzina_i_projitochnyiy_minimum/

В 2022 году Всемирный Банк установил новые пороги для оценки бедности в развитых и развивающихся странах. Порог крайней бедности повышен с $3,20 до $3,65 в день, а порог умеренной бедности – с $5.5 до $6,85. При таком расчете уровень бедности в странах вновь вырастет. Изменения уровня международной черты бедности свидетельствуют об изменениях покупательной способности национальных валют. Необходимо также учитывать, что набор продуктовой корзины, установленный в разных государствах, также сильно разнится: в Грузии он составляет 40 наименований продуктов питания (при этом не учитываются расходы на непродовольственные товары и услуги), в России и Казахстане – более 30 наименований, в Армении и Таджикистане – 11.

Генеральная ассамблея ООН еще в сентябре 2015 года приняла Резолюцию 70/1 «Преобразование мира. Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года», в которой были сформулированы 17 целей устойчивого развития (ЦУР) и 169 задач, направленных на повсеместную ликвидацию нищеты и голода, сокращение неравенства внутри стран и между ними, обеспечение здорового образа жизни и качественного образования, гендерного равенства, производительной занятости и достойной работы для всех, экологической устойчивости и других важнейших сфер, касающихся улучшения качества жизни людей [9].

Система государственной социальной защиты является важным инструментом предотвращения и сокращения масштабов бедности, неравенства, социальной изолированности и незащищенности, инструментом стимулирования занятости. Целью социальной защиты являются «инвестиции в человеческий капитал», направленные на адаптацию людей к изменениям в экономике и на рынке труда, это так называемые «автоматические социальные и экономические стабилизаторы». В докладе МОТ, посвященному социальной защите в мире (2020–2022 гг.), социальная защита определяется как «все меры по предоставлению льгот и пособий в натуральной или денежной форме, направленные на гарантию обеспечения защиты граждан» [2].

Пассивная модель социальной политики малоимущим семьям включает в себя пособия и льготы, которые отличаются в разных странах как в стоимостном отношении (поскольку в основе расчета лежит прожиточный минимум, установленный в данном государстве), так и в их перечне. В обобщенном виде можно представить следующие пособия и льготы: ежемесячное пособие по бедности, единовременные социальные пособия, пособие по уходу за ребенком, единовременные выплаты (в случае стихийных бедствий, катастроф, потерь от военных действий, при рождении ребенка), скидки на оплату ЖКУ, льготный проезд на общественном транспорте, бесплатные обеды в школе, натуральная помощь (продукты питания, средства гигиены, лекарства) и др.

В последние годы система социальной защиты и социальная политика в странах СНГ все больше меняют свою направленность и переходят от пассивной модели, ограничивающейся адресной помощью уязвимым группам населения, к активной ее форме, в рамках которой работоспособным членам уязвимых групп предоставляется возможность за счет государственных программ и проектов получить новую специальность, ре-социализироваться, заняться социальным предпринимательством.

Таким образом, представленный анализ сложившихся в последние десятилетия некоторых аспектов социальной защиты уязвимых, в частности, малообеспеченных групп населения демонстрирует общность принципов их построения и их содержательную согласованность. Ключевым является определение пассивных и активных моделей, развивающих социальную защиту не только как технологию адаптации населения к неблагоприятным жизненным ситуациям, но и как активизацию личных ресурсов по их преодолению.

Библиографический список

1. Бычков Д., Феоктистова О., Андреева Е. (2017). Социальная защита и статистика: сопоставительный анализ российской международной практики учета в попытке оценить эффективность бюджетных мер в сфере социальной защиты населения // Бухгалтерский учет в бюджетных и некоммерческих организациях. № 13. С. 37–51.

2. Доклад о социальной защите в мире в 2020–2022 годах. Международная организация труда 2021. URL: https://www.ilo.org/sites/default/files/wcmsp5/groups/ public/@europe/@rogeneva/@sro-moscow/documents/publication/wcms_831487.pdf
3. Дохолян С.В. (2024). Бедность в России: причины, последствия и пути снижения // Научное обозрение. Серия 2: Гуманитарные науки. № 4. С. 169–179.
4. Лазуренко С.Б., Мазурова Н.В., Намазова-Баранова Л.С. (2012). Многодетная семья: медико-психолого-педагогический аспект изучения // Российский педиатрический журнал. № 2. С. 51–57.
5. Методика оценки бедности в Армении. URL: https://armstat.am/file/article/ poverty_2020_a__6.pdf
6. Муздыбаев К. (2015). Экономическая депривация, стратегия ее преодоления и поиск социальной поддержки: монография. М: Директ-медиа. 42 с.
7. Панасовская Н.Г. (2024). Совершенствование системы управления социальной защитой населения за рубежом // Научный лидер. № 3 (153). С. 82–85.
8. Преобразование мира. Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 25 сентября 2015 года. URL: https://sdgs.un.org/ru/2030agenda
9. Тихонова Н.Е. (2014). Феномен бедности в современной России // Социологические исследования. № 1. С. 7–19.
10. Шилкина И.С. (2019). Социальное неравенство и бедность в России в свете глобальных трансформаций: обзор. М.: РАН ИНИОН. 50 с.
11. Ярошенко С. (2010). «Новая бедность» в России после социализма // Laboratorium. № 2. С. 221–251.

Информация об авторе

Джиджян Анаит Робертовна (Ереван, Республика Армения) – кандидат философских наук, доцент, старший научный сотрудник Института философии, социологии и права Национальной академии наук Республики Армения (Республика Армения, Ереван, 0019, пр. Баграмяна, 24/6); доцент кафедры Социологии и социальной работы Армянского государственного педагогического университета им. Х. Абовяна (Республика Армения, Ереван, 0019, пр. Тигран Мецам, 17).

Jijyan A.R.

SOME ASPECTS OF SOCIAL PROTECTION FOR VULNERABLE GROUPS, PARTICULARLY LOW-INCOME POPULATIONS IN THE POST-SOVIET SPACE

Abstract. *The changes that occurred in the economic, political, and social life in the post-Soviet space led to a fundamental collapse of social predictability in social consciousness. Awareness of emerging problems, both in organizing daily life and living conditions, as well as in intentions and actions to resolve them, led to a mismatch between actions and expected results. Traditional socially vulnerable population groups found themselves in the most unstable position, along with those individuals, families, groups, and communities that were unable to adapt and adequately respond to the changes that occurred. The system of state social protection is an important tool for preventing and reducing poverty, inequality, social isolation, and social insecurity, as well as a tool for stimulating employment and personal growth.*

Keywords: *poverty, poverty level, social policy, social protection system, minimum consumer basket, social assistance payments.*

About the author

Jijyan Anahit Robertovna (Yerevan, Republic of Armenia) – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Senior Researcher in Institute of Philosophy, Sociology and Law National Academy of Science of the Republic of Armenia (Republic of Armenia, Yerevan, 0019, Baghramyan ave. 24/6); Associate Professor of the Department of Sociology and Social Work, Armenian State Pedagogical University named after Kh. Abovyan (Republic of Armenia, Yerevan, 0019, Tigran Metsam ave. 17).

References

1. Bychkov D., Feoktistova O., Andreeva E. (2017). Social Protection and Statistics: A Comparative Analysis of Russian and International Accounting Practices in an Attempt to Assess the Effectiveness of Budget Measures in the Field of Social Protection of the Population. Accounting in Budgetary and Non-Profit Organizations, 13, pp. 37–51.
2. World Social Protection Report 2020–2022. International Labour Organization 2021. URL: https://www.ilo.org/sites/default/files/wcmsp5/groups/public/@europe/@ro-geneva/@sro-moscow/documents/publication/wcms_831487.pdf
3. Dokholyan S.V. (2024). Poverty in Russia: Causes, Consequences and Ways to Reduce It. Scientific Review. Series 2: Humanities, 4, pp. 169–179.
4. Lazurenko S.B., Mazurova N.V., Namazova-Baranova L.S. (2012). Large Family: Medical, Psychological and Pedagogical Aspect of Study. Russian Pediatric Journal, 2, pp. 51–57.
5. Methodology for Poverty Assessment in Armenia. URL: https://armstat.am/file /article/poverty_2020_a__6.pdf
6. Muzdybaev K. (2015). Economic Deprivation, Strategy for Overcoming It and the Search for Social Support: monograph. Moscow: Direct-Media. 42 p.
7. Panasovskaya N.G. (2024). Improving the Management System of Social Protection of the Population Abroad. Scientific Leader, 3 (153). pp. 82–85.
8. Transforming Our World: The 2030 Agenda for Sustainable Development. Resolution adopted by the General Assembly on September 25, 2015. URL: https://sdgs.un.org/ru/2030agenda
9. Tikhonova N.E. The Phenomenon of Poverty in Modern Russia. URL: https://publications.hse.ru/pubs/share/folder/3ggw75731e/144329716.pdf
10. Shilkina I.S. (2019). Social Inequality and Poverty in Russia in the Light of Global Transformations: An Overview. Moscow: RAN INION. 50 p.
11. Yaroshenko S. (2010). “New Poverty” in Russia after Socialism. Laboratorium, 2, pp. 221–251.

УДК 316.4 / ББК 60.5

Дружинина Д.Д., Давыденко В.А.

ЦИФРОВЫЕ СЛЕДЫ УНИВЕРСИТЕТА В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

Аннотация. *Статья исследует роль цифровых следов университетов в социальных сетях в формировании их имиджа среди потенциальных студентов. Публикации, комментарии и взаимодействия пользователей существенно влияют на онлайн-присутствие учебных заведений. Подчеркивается важность целенаправленной коммуникационной стратегии, учитывающей интересы молодежи для создания положительного образа университета и привлечения абитуриентов.*

Ключевые слова: *цифровые следы, имидж университета, социальные сети, репутация.*

В современном мире социальные сети стали важным инструментом коммуникации и взаимодействия, влияя на различные аспекты личной и профессиональной жизни. В контексте высшего образования они играют ключевую роль в создании и поддержании имиджа учебных заведений. Университеты активно используют социальные медиа для продвижения своих достижений, привлечения новых студентов и укрепления связей с выпускниками. Таким образом, изучение цифровых следов университетов в социальных сетях является важным и актуальным направлением исследований.

Цель данной статьи заключается в анализе влияния цифровых следов университетов, которые формируются в социальных сетях, на создание и поддержание их имиджа среди потенциальных студентов. В исследовании мы стремимся показать, как различные взаимодействия, такие как публикации и комментарии, формируют онлайн-присутствие учебных заведений, а также выявляем важность взаимодействия с аудиторией для успешного привлечения абитуриентов.

В данной статье использованы ключевые определения цифровых следов из работ В.В. Мантуленко и А.С. Деева. В.В. Мантуленко описывает цифровой след как массив информации, оставляемой субъектами образовательного процесса (студентами и преподавателями) в глобальной сети, который можно анализировать для повышения качества образования [5]. А.С. Деев подчеркивает, что растущее количество доступной пользовательской информации делает анализ цифровых следов университета важным инструментом для оценки его имиджа [3]. Он отмечает, что взаимодействие пользователей с контентом в социальных сетях существенно влияет на восприятие образовательного учреждения, и управление этими следами позволяет университетам улучшать репутацию и адаптировать стратегии коммуникации, что в свою очередь способствует привлечению новых студентов.

С.Ю. Двинина также рассматривает проблему формирования и управления цифровым имиджем университетов, отмечая его значимость в условиях активного использования социальных сетей. Цифровой имидж становится ключевым фактором, влияющим на репутацию учебного заведения и его привлекательность для абитуриентов [2].

В рамках теории цифрового присутствия образовательных учреждений рассматриваются все аспекты их проявления в цифровом пространстве, включая официальные учетные записи в социальных сетях, упоминания в публикациях пользователей, хештеги и другие маркеры. Цифровые следы, созданные университетами, формируют их виртуальный образ, который становится важным фактором в восприятии учреждения общественностью. Более того, данное цифровое присутствие существенно влияет на репутацию университета, его привлекательность для абитуриентов и партнеров, а также на степень вовлеченности студентов.

Рассматривая структуру этих цифровых следов более детально, можно отметить, что они представляют собой совокупность данных, оставляемых пользователями в процессе их активности в Интернете, включая социальные сети. Эти следы могут включать в себя публикации, комментарии, лайки, а также более сложные формы взаимодействия, такие как участие в онлайн-опросах или просмотр видеоконтента. В образовательном контексте цифровые следы университетов формируют их онлайн-присутствие, что в свою очередь влияет на восприятие учебного

заведения. Согласно исследованию Pew Research Center (2018), 88% подростков в США признались, что они увидели информацию о школах и университетах в социальных сетях, которая повлияла на их восприятие учебных заведений. Это демонстрирует, насколько значимыми могут быть цифровые следы для формирования мнения о вузах среди потенциальных студентов.

Целевая аудитория университетов в социальных сетях включает в себя разнообразные группы с уникальными характеристиками и потребностями. Основной фокус университетов направлен на молодых людей в возрасте от 18 до 29 лет. Согласно исследованию Pew Research Center, проведенному в 2021 году, более 70% представителей этой возрастной группы активно используют социальные сети, что делает их ключевыми абитуриентами. Тем не менее, внутри этой возрастной категории существуют подгруппы с различными интересами и предпочтениями, влияющими на восприятие информации и принятие решений. Как отмечает Е.Р. Попова, «реклама в социальных сетях играет значительную роль в формировании предпочтений и потребностей молодежи» [6]. Это подчеркивает необходимость целенаправленного подхода в коммуникации университетов с потенциальными студентами, учитывающего разнообразие интересов и потребностей молодежи.

Имидж университета представляет собой совокупность устойчивых представлений, мнений и ассоциаций, формирующихся у различных групп общества по отношению к учебному заведению. Этот имидж складывается на основе множества факторов, включая академические достижения, культурные и спортивные успехи, а также взаимодействие с внешней средой. Исследование QS World University Rankings 2025, в котором представлен мировой рейтинг университетов, отражает, что 87% студентов считают репутацию университета важным фактором при выборе учебного заведения. Это подчеркивает значимость положительного имиджа для привлечения студентов и делает его формирование одним из приоритетных направлений деятельности университетов.

В современном информационном обществе социальные сети стали ключевым инструментом коммуникации между образовательными учреждениями и потенциальными абитуриентами. Разработка эффективного контента для социальных медиа университета требует комплексного подхода, учитывающего психологические особенности целевой аудитории. Исследования показывают, что абитуриенты и их родители отдают предпочтение контенту, который демонстрирует не только академические достижения вуза, но и студенческую жизнь, возможности для самореализации и трудоустройства выпускников [7]. Важно создавать разнообразный контент, включающий информационные, развлекательные и образовательные материалы, что позволяет охватить различные сегменты целевой аудитории и удовлетворить их информационные потребности.

Цифровой след университета в социальных сетях играет определяющую роль в формировании его имиджа и репутации. Согласно исследованию А.В. Кандрашовой (2023), более 78% абитуриентов изучают социальные сети вузов перед подачей документов, а 65% родителей считают активность университета в социальных медиа показателем его современности и открытости [4]. Регулярные публикации, отражающие научные достижения, международное сотрудничество, студенческие инициативы и культурные мероприятия, формируют у потенциальных абитуриентов целостное представление о вузе. Особенно ценится аутентичный контент, создаваемый с участием студентов и преподавателей, который воспринимается как более достоверный и вызывающий доверие.

В данной статье рассматривается эффективность контент-стратегии университета в социальных сетях, основанная на методологии включенного наблюдения. В процессе исследования установлено, что успешность контент-стратегии напрямую зависит от понимания особенностей различных платформ и адаптации контента под их специфику.

Наблюдения показывают, что визуальный контент, размещаемый на таких платформах, как Telegram (Телеграм), привлекает внимание абитуриентов, в то время как родители чаще обращаются к более информативным ресурсам, таким как «ВКонтакте» и «Одноклассники». Важным аспектом, способствующим повышению вовлеченности аудитории, является интерактивность контента, включая опросы, конкурсы, прямые эфиры и возможность задать

вопросы представителям вуза. Эти элементы не только увеличивают интерес к университету, но и формируют положительное отношение к нему.

Лица, принимающие решения в университете (ЛПР), играют ключевую роль в формировании контента, который учитывает интересы и потребности целевой аудитории. Персонализированный подход к созданию контента позволяет выстраивать долгосрочные отношения с потенциальными абитуриентами, что является важным фактором в условиях высокой конкуренции на рынке образовательных услуг.

Цифровой имидж университета, формируемый через социальные сети, становится важным аспектом его конкурентоспособности. Университеты, которые активно и качественно представлены в социальных медиа, показывают значительно более высокие показатели приема абитуриентов по сравнению с учреждениями, уделяющими этому аспекту коммуникации меньше внимания. Социальные сети позволяют эффективно транслировать ценности, миссию и видение университета, что способствует привлечению абитуриентов, разделяющих эти ценности.

Кроме того, как отмечает А.Г. Бермус (2022), положительный образ вуза в социальных медиа влияет на лояльность не только абитуриентов, но и выпускников [1]. Это, в свою очередь, способствует развитию эндаумент-фондов и укреплению позиций университета в образовательном пространстве, что подчеркивает важность стратегического подхода к управлению цифровым имиджем.

В ходе исследования была рассмотрена роль цифровых следов университетов в социальных сетях и их влияние на формирование их имиджа. Были проанализированы теоретические основы понятия цифровых следов, стратегии продвижения в социальных медиа и методы взаимодействия с аудиторией. Данные аспекты позволили выявить, что активное и продуманное присутствие университетов в социальных сетях способствует улучшению их репутации, привлечению студентов и укреплению доверия среди целевой аудитории.

На основании проведенного анализа можно рекомендовать университетам уделять больше внимания разработке стратегий присутствия в социальных медиа, ориентированных на вовлеченность аудитории. Использование мультимедийного контента, регулярный анализ эффективности публикаций и адаптация к современным трендам помогут университетам оставаться конкурентоспособными. В перспективе дальнейшее изучение влияния цифровых технологий на образовательный процесс и репутацию учебных заведений может способствовать разработке более эффективных подходов к взаимодействию с аудиторией.

Библиографический список

1. Бермус А.Г. (2022). Цифровая трансформация высшего образования с позиций междисциплинарного подхода: обзор гуманитарных исследований // Kant. № 1(42). С. 7–16. DOI: 10.24923/2222-243X.2022-42.1
2. Двинина С.Ю. (2021). Цифровой имидж вуза в социальных сетях: постановка проблемы // Знак: проблемное поле медиаобразования. № 3(41). С. 7–12. DOI: 10.47475/2070-0695-2021- 10301
3. Деев С.А. (2022). Цифровые следы и их защита // Исследования молодых ученых: материалы XLVIII Международной научной конференции, г. Казань, 20–23 ноября 2022 г. Казань: Молодой ученый. С. 1–6.
4. Кондрашова А.В., Попова Е.В. (2023). Социальная сеть как ресурс формирования имиджа вуза // Тенденции развития науки и образования. № 101-1. С. 43–47. DOI: 10.18411/trnio-09-2023-13
5. Мантуленко В.В. (2020). Перспективы использования цифрового следа в высшем образовании // Преподаватель XXI век. № 3-1. С. 32–42. DOI: 10.31862//2073-9613-2020-3-32-42
6. Попова Е.Р., В. В. Волосатова. (2024). Влияние рекламы в социальных сетях на молодежь // Научная деятельность в условиях цифровизации: теоретический и практический аспекты: сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции, г. Волгоград, 27 января 2024 г. Стерлитамак: ООО «Агентство международных исследований». С. 67–72.
7. Шевченко Д.А. (2018). Цифровой маркетинг в сфере образования // Практический маркетинг. № 1(251). С. 3–11.

Информация об авторах

Дружинина Дарья Дмитриевна (Россия, Тюмень) – магистрант, Тюменский государственный университет (Россия, г. Тюмень, 625003, ул. Володарского, д. 6; darya.druzhinina.02@bk.ru).

Давыденко Владимир Александрович (Россия, Тюмень) – доктор социологических наук, профессор, начальник научно-исследовательского центра, Тюменский государственный университет (Россия, г. Тюмень, 625003, ул. Володарского, д. 6; vlad_davidenko@mail.ru).

Druzhinina D.D., Davydenko V.A.

DIGITAL FOOTPRINTS OF UNIVERSITIES IN SOCIAL MEDIA

Abstract. *The article examines the role of universities' digital footprints in social media in shaping their image among potential students. Posts, comments, and user interactions significantly influence the online presence of educational institutions. The importance of a targeted communication strategy that takes into account the interests of young people in creating a positive image of the university and attracting applicants is emphasized.*

Keywords: *digital footprints, university image, social media, reputation.*

About the authors

Druzhinina Daria Dmitrievna (Russia, Tyumen) – Master's, Tyumen State University (Russia, Tyumen, 625003, Volodarskogo str., 6; darya.druzhinina.02@bk.ru).

Vladimir Alexandrovich Davydenko (Russia, Tyumen) – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Research Center, Tyumen State University (Russia, Tyumen, 625003, Volodarskogo st., 6; vlad_davidenko@mail.ru).

References

1. Bermus A.G. (2022). Digital transformation of higher education from the standpoint of an interdisciplinary approach: a review of humanitarian research. Kant, 1(42), pp. 7–16. DOI: 10.24923/2222-243X.2022-42.1
2. Dvinina S.Y. (2021). Digital image of a university in social networks: problem statement. Sign: problematic field of media education, 3(41), pp. 7–12. DOI: 10.47475/2070-0695-2021- 10301
3. Deev S.A. (2022). Digital traces and their protection. Research by Young Scientists: Proceedings of the XLVIII International Scientific Conference, Kazan, 20–23 November 2022. Kazan: Young scientist, pp. 1–6.
4. Kondrashova A.V., Popova E.V. (2023). Social network as a resource for forming the image of the university. Trends in the development of science and education, 101-1, pp. 43–47. DOI: 10.18411/trnio-09-2023-13
5. Mantulenko V.V. (2020). Prospects for Using a Digital Footprint in Higher Education. of the XXI Century, 3-1, pp. 32–42. DOI: 10.31862//2073-9613-2020-332-42
6. Popova E.R., Volosatova V.V. (2024). The Impact of Advertising in Social Networks on Young People. Scientific Activity in the Context of Digitalization: Theoretical and Practical Aspects: Collection of Articles Based on the Results of the International Scientific and Practical Conference, Volgograd, January 27, 2024. Sterlitamak: OOO "Agency for International Research", pp. 67–72.
7. Shevchenko D.A. (2018). Digital Marketing in the Sphere of Education. Practical Marketing, 1(251), pp. 3–11.

УДК 304.2 / ББК 60.52

Ильина И.В., Хлопунова П.И.

СОЦИАЛЬНЫЙ ОПТИМИЗМ И ПЕССИМИЗМ В САМОЧУВСТВИИ МОЛОДЕЖИ

Аннотация. *В настоящем исследовании рассмотрено понятие социального самочувствия и представлены особенности социального оптимизма и пессимизма как части социального самочувствия молодежи, сделаны выводы о соотношении социального оптимизма и пессимизма в социальном самочувствии молодежи.*

Ключевые слова: *социальное благополучие, социальное самочувствие, социальный оптимизм, социальный пессимизм, молодежь.*

Ряд политических и социально-экономических изменений, произошедших в России за последние несколько лет, оказал значительное влияние на социальное самочувствие молодежи. В силу возрастных особенностей, молодым людям свойственны такие черты, как максимализм, поиск себя, неустойчивость, сомнения по поводу будущего, а поскольку данная группа представляет собой активную часть общества – социальное самочувствие оказывает на будущее прямое влияние.

Социальное самочувствие служит индикатором трансформаций. Состояние конкретного общества или возрастной группы позволяют характеризовать направленность социальных ожиданий, соотношение оптимизма и пессимизма, а также оценку людьми своего состояния и благополучия, что говорит о влиянии общественных изменений на жизнедеятельность индивида. Его изучение началось в работах классиков социологии, которые рассматривали смежные понятия. Например, О. Конт изучал моральные условия жизни, безопасность и удовлетворенность. Г. Спенсер, в свою очередь, при рассмотрении социального самочувствия, делал акцент на объяснении общественных отношений, нравственности, морали и удовольствии. К. Маркс изучал социальное благополучие человека на работе, в свободное время, а также его образ жизни.

Социальное самочувствие является достаточно сложной и комплексной категорией в социологии. В ней выделяются субъективные и объективные аспекты. Субъективная сторона служит отражением степени удовлетворенности или неудовлетворенности индивидом аспектами своей жизнедеятельности, такими как материальный достаток, место работы, возраст, семья, государство, образование, социальный статус и личные желания индивида [8, с. 97]. Объективное основание выражается в оценке системы социальных взаимоотношений и измеряется через достаточность или недостаточность условий для воплощения собственных целей.

Мы рассматриваем социальное самочувствие как оценочную характеристику индивида, условий его жизнедеятельности и уровень удовлетворенности ей, формирующийся на основе проявления социального оптимизма и пессимизма. Факторы, непосредственно влияющие на социальное самочувствие, представлены в *табл. 1*.

Таблица 1. **Критерии и индикаторы социального самочувствия**

Критерии		Индикаторы
Объективные (внешние)	Материальное благополучие	Уровень удовлетворенности доходом и жилищными условиями; качество жизни; наличие собственности
	Безопасность	Уровень удовлетворенности социальными отношениями, медицинской помощью, состоянием окружающей среды и социальной защиты
	Трудовая и профессиональная активность	Гарантии занятости, наличие конкурентности, стратегии на рынке труда, профессиональное самоопределение
Субъективные (внутренние)	Идентичность	Социальный статус, самооценка и самосовершенствование, адаптивность и представления о будущем.
	Общение	Наличие социальных связей, доверие и солидарность, гражданская ответственность.
	Эмоционально-психологическое состояние	Уровень комфорта, социальный оптимизм / пессимизм, здоровье, отдых и досуг, уверенность в себе, стремление к созданию семьи

Согласно мониторингу социального самочувствия Всероссийского центра измерения общественного мнения ВЦИОМ, проведенному в 2024 году, уровень удовлетворенности россиян своей жизнью весьма высокий – его интервал составляет 53–61% (*табл. 2*) [1].

Таблица 2. **В какой мере вас устраивает жизнь, которую вы сейчас ведете? (закрытый вопрос, один ответ), % от всех опрошенных, индекс в пунктах**

Вариант ответа	Все опрошенные	18–24 лет	25–34 лет	35–44 лет	45–59 лет	60 лет и старше
Вполне устраивает	30	47	26	29	28	31
По большей части устраивает	30	37	34	31	26	29
Отчасти устраивает, отчасти нет	23	11	25	27	25	20
По большей части не устраивает	11	5	11	8	13	12
Совершенно не устраивает	5	0	3	4	7	6
Затрудняюсь ответить	1	0	1	1	1	2
Индекс удовлетворенности жизнью	67	89	71	75	59	62
Источник: Данные мониторинга общественного мнения ВЦИОМ. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analitich-eskii-obzor/socialnoe-samochuvstvie-monitoring-20032024						

Поскольку в рамках исследования нас интересует молодежь, стоит обратить внимание на возрастные группы 18–24 и 25–34 лет. Возрастная группа 18–24 лет демонстрирует самый высокий показатель удовлетворенности жизнью и имеет минимальное количество ответов в вариантах с низкой удовлетворенностью, в то время как в группе 25–34 лет также прослеживаются весьма положительные оценки, хотя уже значительно меньше тех, кто выбрал вариант «вполне устраивает», а не «по большей части устраивает», что также говорит о достаточно оптимистичных взглядах молодых людей на будущее и настоящее. Основным фактором, влияющим на удовлетворенность жизнью, стало материальное благополучие. 85% россиян, отметивших высокую и очень высокую удовлетворенность своим финансовым положением, довольны своей жизнью, в то время как по мере снижения уровня дохода прослеживается снижение удовлетворенности жизнью.[1]

[1] Мониторинг социального самочувствия проводиться ежегодно по всей России. Метод опроса – телефонное интервью по стратифицированной случайной выборке, извлеченной из полного списка сотовых телефонных номеров, задействованных на

Положительная оценка своей жизни в социальном самочувствии может свидетельствовать о высоком уровне социального оптимизма. Т.Н. Духина определяет социальный оптимизм как благоприятный прогноз для осуществления человеком своих потребностей в рамках социума, ориентированный на преобразование социальной действительности и реализацию социальной активности [8, с. 124]. Социальный оптимизм проявляется через стабильность, рост качества жизни людей и их уверенность в завтрашнем дне.

Для определения уровня социального оптимизма индивида можно рассматривать такие показатели, как: положительное мировоззрение, вера в собственные силы, благополучное удовлетворение индивидом своих потребностей, удовлетворенность жизненными аспектами (доход, социальный статус, семейное положение), вера в прогрессивное развитие общества, эмоциональный настрой, причастность к общественной жизни региона (гражданская активность, социальное предпринимательство), удовлетворенность властью (вера в эффективность и способность положительно преобразовать жизнь), уверенность в завтрашнем дне, позитивное отношение к переменам (готовность к изменениям в разных сферах), удовлетворенность социальной инфраструктурой (уровень комфорта окружающей среды), удовлетворенность социальным окружением [2, с. 116].

Совокупность перечисленных факторов формирует у индивида положительное восприятие происходящих в жизни событий и способствуют преодолению трудностей.

Социальный пессимизм можно рассматривать как разновидность социальной аномии, являющейся частью деструктивного общественного сознания [3, с. 13]. Можно обратиться к концепции Э. Дюркгейма, который понимает под аномией проявление расплывчатости, неустойчивости и противоречивости ценностно-нормативных предписаний [4, с 520]. Так, социальный пессимизм представляем собой часть жизненного восприятия индивида, отражает особенности поведения и возможности достижения целей. Социальный пессимизм индивида проявляется как в оценке благополучия своей жизни, так и в негативной реакции на происходящие политические, экономические, общественные и социальные процессы.

Факторы возникновения социального пессимизма можно поделить на внешние и внутренние. К внутренним относятся кризис социальной и личной идентичности, отсутствие принятия и понимания ценностей и правил социума, дезинтеграция восприятия жизни; отстранение индивидов друг от друга и от правительственных структур; кризис идентичности; индивидуализация; тревожность субъектов. Внешними же выступают нестабильность социальных систем; избыток информации и негативный информационный фон, экономическая нестабильность, безработица. Перечисленные факторы приводят к формированию негативной реакции и, как следствие, снижению удовлетворенности.

На основе рассмотрения особенностей социального оптимизма и пессимизма можно выделить следующие показатели, обобщающие реакцию индивидов на происходящие события и жизненную обстановку (*табл. 3*).

территории РФ. Ошибка выборки не превышает 2,5%. Объем выборочной совокупности – 1600 чел. В возрасте 18 лет и старше.

Таблица 3. **Индикаторы социального оптимизма и пессимизма**

Индикатор	Социальный оптимизм	Социальный пессимизм
Удовлетворенность	Высокий уровень удовлетворенности жизненными аспектами (работа, семья, доход, жилищные условия и т. д.)	Низкий уровень удовлетворенности жизненными аспектами (работа, семья, доход, жилищные условия и т. д.)
Уверенность / ожидания	Позитивные ожидание по поводу будущего, уверенность в завтрашнем дне и повышении уровня жизни	Негативные ожидания по поводу будущего, отсутствие уверенности в завтрашнем дне, страх снижения уровня жизни
Социальная активность / пассивность	Высокий уровень социальной активности, вовлеченность в общественные мероприятия	Социальная пассивность, низкий уровень вовлеченности в общественные мероприятия, ощущение отчужденности
Реакция на текущие события	Положительная реакция на происходящие события, доминирование оптимистичных эмоций	Негативная реакция на происходящие события, доминирование пессимистичных эмоций
Уровень доверия к социальным институтам	Высокий уровень доверия к социальным институтам	Низкий уровень доверия к социальным институтам
Источник: Составлено автором.		

Соотношение социального оптимизма и пессимизма оказывает существенное влияние на социальное самочувствие молодежи. Положительный настрой формирует высокую социальную активность, мотивацию для достижения целей и укрепляет психическое здоровье, в то время как негативный настрой способствует социальной апатии, снижению социальной активности, а также росту девиантных проявлений. Для благополучия молодежи разрабатываются меры социальной политики, направленные на создание условий для самореализации, роста доверия к социальным институтам и формирование позитивного информационного фона.

Таким образом, социальный оптимизм и пессимизм являются не просто отображением субъективных настроений, но и важным индикатором состояния общества и его благополучия, что подтверждает необходимость мониторинга и проведения исследований на данную тематику, а также создания условий для укрепления веры молодежи в будущее.

Библиографический список

1. ВЦИОМ. Социальное самочувствие: мониторинг. 2024. URL: https://wci om.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnoe-samochuvstvie-monitoring-20032024
2. Горбачева Е.И., Губина Н.К., Натробина О.В. (2018). Источники социального оптимизма: опыт межпоколенческого анализа // Современные исследования социальных проблем. Т. 9. № 7. С. 116–132.
3. Дитятев А.Ю. (2011). Методологический потенциал концепции социального настроения в изучении феноменов оптимизма и пессимизма в современном обществе // Теория и практика общественного развития. № 5. С. 13–16.
4. Дюркгейм Э. (2018). Самоубийство. М.: Изд-во Аст. 520 с.
5. Кобозева Н.Н. (2007). Социальное самочувствие как социологическая категория // Вестник Ставропольского государственного университета. № 50. С. 117–122.
6. Михеева Е.Н. (2005). Деструктивное трудовое поведение на региональных предприятиях в новых условиях хозяйствования: на примере г. Волгограда и Волгоградской области: дис. ... канд. социол. наук. Волгоград. 183 с.
7. Рогозин Д.М. (2007). Тестирование вопросов о социальном самочувствии // Социальная реальность. № 2. С. 97–113.
8. Фролова Н.А., Николаева А.А. (2010). Социальная активность современной российской молодежи: монография. Орел: ОрелГТУ. 124 с.

Информация об авторах

Ильина Илона Валерьевна (Россия, Тюмень) – старший преподаватель кафедры общей и экономической социологии, Тюменский государственный университет (Россия, Тюмень, 625003, ул. Володарского, 6; i.v.ilina@utmn.ru).

Хлопунова Полина Игоревна (Россия, Тюмень) – студент бакалавриата направления «Социология», Тюменский государственный университет (Россия, Тюмень, 625008, ул. Володарского, 6; stud0000261041@utmn.ru).

Ilyina I.V., Khlopunova P.I.

SOCIAL OPTIMISM AND PESSIMISM IN THE WELL-BEING OF YOUNG PEOPLE

Abstract. *This article examines the concept of social well-being and presents the features of social optimism and pessimism as part of the social well-being of young people. Based on theoretical and empirical data, conclusions have been drawn about the social optimism and pessimism in social well-being, and recommendations have been developed to improve the standard of living of the population.*

Keywords: *social well-being, social optimism, social pessimism, youth.*

About the authors

Ilyina Ilona Valerievna (Russia, Tyumen) – Senior Lecturer, Department of General and Economic Sociology, Tyumen State University (Russia, Tyumen, 625003, Volodarsky st., 6; i.v.ilina@utmn.ru).

Khlopunova Polina Igorevna (Russia, Tyumen) – undergraduate student in the field of Sociology, Tyumen State University (Russia, Tyumen, 625008, Volodarsky st., 6; stud0000261041@utmn.ru).

References

1. VTSIOM. Social well being: monitoring. 2024. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnoe-samochuvstvie-monitoring-20032024
2. Gorbacheva E.I., Gubina N.K., Natrobina O.V. (2018). Sources of social optimism: the experience of intergenerational analysis. Modern research on social problems, 9(7), pp. 116–132.
3. Dityatev A.Y. (2011). Methodological potential of the concept of social mood in the study of the phenomena of optimism and pessimism in modern society. Theory and practice of social development, 5, pp. 13–16.
4. Durkheim E. (2018). Suicide. M.: AST. 520 p.
5. Kobozeva N.N. (2007). Social well-being as a sociological category. Vestnik Stavropol State University, 50, pp. 117–122.
6. Mikheeva E.N. (2005). Destructive labor behavior at regional enterprises in the new economic conditions: on the example of Volgograd and the Volgograd region: dis. ... kand. social sciences. Volgograd. 183 p.
7. Rogozin D.M. (2007). Testing questions about social well-being. Social reality, 2, pp. 97–113.
8. Frolova N.A., Nikolaeva A.A. (2010). Social activity of modern Russian youth. Orel: OrelGTU. 124 p.

УДК 366.02 /ББК 65.04

Калашников К.Н.

СТРУКТУРА ПОТРЕБЛЕНИЯ ПРОДУКТОВ ПИТАНИЯ НАСЕЛЕНИЕМ РОССИИ

Аннотация. *На основе данных статистической отчетности и социологического опроса жителей СЗФО (в частности, Вологодской области) анализируется структура потребления продуктов питания населением современной России. Выявляются основные проблемы и дисбалансы в структуре потребления.*

Ключевые слова: *структура потребления, продукты питания, норма потребления, РФ.*

Пища, ее продуктовый состав, режим и характер потребления представляют собой как фактор индивидуального и общественного здоровья, так и культуры, отражающий социокультурный облик жителей стран и регионов [1; 2]. В этой статье поднимается вопрос о типе питания, характерном для жителей современной России. Для обеспечения объективной картины анализ данных официальной статистики, позволяющий оценить масштабы потребления основных, жизненно важных продуктов питания населением страны, дополняется и уточняется данными социологического опроса, проведенного на территории Вологодской области.

В качестве критерия оценки достаточности потребление жителями страны тех или иных категорий продуктов разумно использовать рациональные нормы потребления, которые разрабатываются Минздравом РФ и предлагаются в качестве не столько нормативных, сколько ориентировочных. Эти показатели могут пересматриваться в зависимости от текущих социально-экономических и эпидемиологических условий. На основе данных за 2022 год выявлены масштабы отклонений фактических показателей подушевого потребления продуктов питания от рекомендованных. Превышение рациональных норм потребления хлебных продуктов, сахара и растительного масла и, напротив, низкий уровень потребления рыбопродуктов, овощей и фруктов является свидетельством того, что структура питания населения России недостаточно сбалансирована (*рис. 1*).

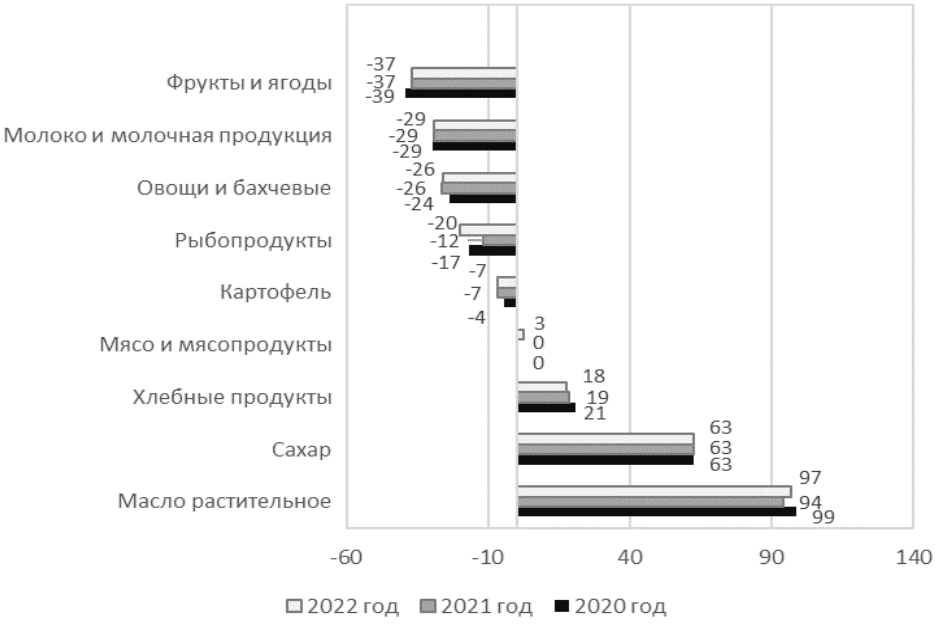

Рисунок 1. **Отклонение фактических объемов потребления основных продуктов питания населением России от рациональной нормы Минздрава РФ, в %**

Источник: рассчитано автором по данным Росстата и Минздрава РФ.

Оценка частоты потребления продуктов питания жителями Вологодской области позволяет составить общее представление о том, какая пища составляет их рацион. Частоту потребления того или иного продукта позволяет определить расчет индекса, отражающего разрыв между ответами, фиксирующими частое и, напротив, редкое употребление продукта в течение недели (*рис. 2*).

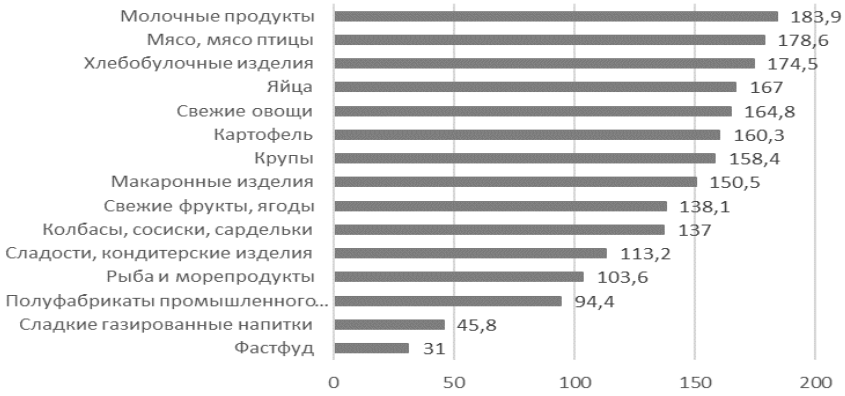

Рисунок 2. **Частота потребления* основных продуктов питания населением Вологодской области по данным социологического опроса (2024 год)**

*Индекс показывает разницу между удельными весами групп респондентов, с одной стороны, употребляющих продукты данной категории всегда и часто (2–3 раза в неделю) и, с другой стороны, редко (один раз в неделю) и никогда.
Источник: рассчитано автором по данным социологических опросов ФГБУН ВолНЦ РАН.

Особенно часто население Вологодской области употребляет в пищу молочные продукты (индекс частоты употребления в 2024 году составил 184), мясопродукты, включая белое мясо (179), хлебобулочные изделия (175). Свежие овощи по частоте употребления опережают картофель и макаронные изделия, что оценивается как позитивный момент. Положительно рацион населения области характеризует достаточно умеренное потребление вредных для здоровья продуктов таких, как сладкие газированные напитки (46), фастфуд (31) и даже полуфабрикаты (94). Вместе с тем рыба и морепродукты присутствуют в рационе жителей области крайне ограниченно (104).

Таким образом, превышение рациональных норм потребления хлебных продуктов, сахара и растительного масла и, напротив, низкий уровень потребления рыбопродуктов, овощей и фруктов является свидетельством того, что структура питания населения России недостаточно сбалансирована. Органы власти предпринимают попытки изменить характер потребления ряда пищевых товаров, например, рыбы, но их реализация ограничивается территориальными различиями, необходимостью несения дополнительных затрат на транспортировку продукции.

Библиографический список

1. Крылатых Э.Н., Мазлоев В.З. (2014). Национальная экономика: обеспечение продовольственной безопасности в условиях интеграции и глобализации: монография. М.: ИНФРА-М. 240 с.
2. Шагайда Н.И., Узун В.Я. (2015). Продовольственная безопасность: проблемы оценки // Вопросы экономики. № 5. С. 63–78.

Информация об авторе

Калашников Константин Николаевич (Россия, Вологда) – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (Россия, г. Вологда, 160014, ул. Горького, д. 56а; konstantino-84@mail.ru).

THE STRUCTURE OF FOOD CONSUMPTION THE POPULATION OF RUSSIA

Abstract. *The article analyzes the structure of food consumption by the population of modern Russia. The main problems and imbalances in the consumption structure are identified.*

Keywords: *consumption structure, food products, consumption rate.*

About the author

Kalashnikov Konstantin Nikolaevich (Russia, Vologda) – senior reseacher, Federal State Budgetary Institution of Science Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (VolSC RAS) (Russia, Vologda, 160014, Gorky st., 56a; konstantino-84@mail.ru).

References

1. Krylatyh J.N., Mazloev V.Z. (2014). Nacional'naja jekonomika: obespechenie prodovol'stvennoj bezopasnosti v uslovijah integracii i globalizacii: monografija. M.: INFRA-M. 240 p.
2. Shagajda N.I., Uzun V.J. (2015). Prodovol'stvennaja bezopasnost': problemy ocenki. Voprosy jekonomiki, 5, pp. 63–78.

УДК 342.736 / ББК 60.5

Липова П.А.

ОБРАЩЕНИЯ ГРАЖДАН В ОБЩЕСТВЕННУЮ ПАЛАТУ САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация. *В настоящем исследовании проанализированы обращения граждан, поступившие в Общественную палату Самарской области, выявлены основные проблемы и потребности населения, а также уровень удовлетворенности граждан работой Общественной палаты.*

Ключевые слова: *обращение, Общественная палата, общество, право, порядок рассмотрения, органы власти.*

Обращения граждан в Общественную палату Самарской области представляют собой важный индикатор состояния общественного мнения и уровня доверия к институтам власти. Разнообразие тем, поднимаемых в обращениях, может указывать на наличие системных проблем в социальной, экономической или политической сферах.

Однако существует мнение, что обращения граждан не всегда рассматриваются должным образом, что может вызывать недовольство и разочарование среди населения. Необходимо исследовать, какие социальные, экономические и культурные факторы влияют на количество и содержание обращений граждан и выяснить, насколько быстро и качественно Общественная палата реагирует на обращения.

Актуальность темы исследования обусловлена высокой степенью значимости институтов гражданского общества в России в настоящее время. Общественная палата Самарской области играет важную роль в обеспечении взаимодействия между гражданами и органами власти. Исследование обращений граждан в Общественную палату позволит выявить основные проблемы и потребности населения, а также оценить эффективность ее работы.

Оценка удовлетворенности граждан работой Общественной палаты поможет понять, насколько эффективно она выполняет свои функции и какие аспекты требуют улучшения. На основе полученных данных важно разработать рекомендации, которые помогут улучшить ее работу и повысить эффективность в решении социальных проблем.

Согласно ст. 4 Федерального закона № 59-ФЗ от 2 мая 2006 г. «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации», обращение – это «направленные в государственный орган, орган местного самоуправления или должностному лицу в письменной форме или в форме электронного документа, в том числе с использованием федеральной государственной информационной системы “Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)”, предложение, заявление или жалоба, а также устное обращение гражданина в государственный орган, орган местного самоуправления» [1].

Обращения можно разделить на категории в зависимости от того, какой орган государственной власти и соответствующее должностное лицо являются их получателями. Выделяют обращения в органы исполнительной, законодательной и судебной власти.

Кроме того, обращения можно классифицировать в зависимости от уровня органа власти, в который направлено обращение. Выделяют обращения в федеральные органы власти и обращения в органы власти субъектов Российской Федерации.

В зависимости от предмета рассматриваемых вопросов обращения граждан можно разделить на две группы: к первой группе относятся обращения, которые затрагивают вопросы общего характера, а ко второй – обращения, касающиеся узкоспециализированных вопросов [2].

Общественная палата – постоянно действующий консультативный коллегиальный совещательный орган в субъектах РФ и муниципальных образований Российской Федерации, осуществляющий свою деятельность на общественных началах на основе добровольного участия в ее деятельности граждан Российской Федерации, регулируемый федеральным законом № 183-ФЗ от 23 июня 2016 г. «Об общих принципах организации и деятельности

общественных палат субъектов Российской Федерации» и федеральным законом от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» [3].

Цель данного социологического исследования заключается в анализе обращений граждан, поступивших в Общественную палату Самарской области, а также в оценке качества работы Общественной палаты с обращениями.

Для достижения обозначенной цели были сформулированы следующие задачи:

1. Определить ключевые проблемы, затрагиваемые в обращениях граждан в Общественную палату Самарской области.

2. Определить изменения в количестве и содержании обращений граждан в Общественную палату Самарской области за последние 5 лет, а также выяснить причины этих изменений.

3. Оценить уровень удовлетворенности граждан работой Общественной палаты с обращениями.

4. Выявить предложения и рекомендации по улучшению качества работы Общественной палаты Самарской области с обращениями граждан.

Исходя из поставленной цели и выдвинутых задач, в рамках данного эмпирического исследования была выбрана качественная методология, поскольку качественные методы исследования позволяют глубже понять контекст и мотивацию обращений граждан.

Информационно-эмпирическая база исследования включает в себя официальные данные, представленные на сайте Общественной палаты Самарской области [4], а также в Ежегодном докладе Общественной палаты Самарской области [5].

Согласно информационно-аналитическому обзору о деятельности Общественной палаты Самарской области в 2024 году, общее количество обращений граждан, рассмотренных Общественной палатой в 2024 году, составило 41.

Граждане чаще всего (20, или 48,7%) обращались в Общественную палату Самарской области по вопросам жилищно-коммунального хозяйства, благоустройства территории, качества уборки и содержания дворовых территорий, проблем с водоснабжением и водоотведением, состоянием дорожной инфраструктуры, необходимости капремонта многоквартирных домов, строительства новых объектов.

Эти темы подчеркивают актуальность вопросов, касающихся повседневной жизни граждан и их непосредственного окружения. Благодаря таким обращениям Общественной палате Самарской области удается более четко определять приоритетные направления для последующей работы с органами власти и улучшения качества жизни в регионе.

На втором месте по количеству обращений (8, или 19,5%) находятся обращения, которые касаются нарушений прав и свобод граждан, неправомерных действий органов власти на федеральном, региональном и местном уровнях, личных конфликтов, а также резонансных событий в обществе и субъективных оценок общественно-политической ситуации в стране. Данные обращения являются важным индикатором состояния прав человека в обществе и требуют тщательного анализа и реагирования.

Не менее значимыми для населения (6, или 14,6%) являются вопросы охраны окружающей среды. Комиссией Общественной палаты Самарской области по экологии, природопользованию и охране окружающей среды ведется активная работа по рассмотрению обращений граждан, связанных с загрязнением окружающей среды (несанкционированными свалками и другими источниками загрязнения), незаконной вырубкой лесов и браконьерством, застройкой зеленых зон и несоответствием проектной документации нормам защиты окружающей среды.

Эти обращения служат основой для разработки рекомендаций по улучшению экологической политики и принятия мер по защите окружающей среды и здоровья граждан. Комиссия активно анализирует такие обращения и предоставляет соответствующие предложения властям и общественности.

На четвертом месте (4, или 9,8%) – обращения, касающиеся социальной сферы жизни общества. Комиссиями Общественной палаты Самарской области по демографической, семейной и социальной политике и по здравоохранению, здоровому образу жизни, физической

культуре и спорту рассматриваются различные вопросы, касающиеся демографической, социальной или семейной сферы. Деятельность указанных комиссий направлена на улучшение качества жизни граждан, оздоровление населения, защиту их прав и интересов.

Кроме того, в Общественную палату Самарской области поступают обращения, затрагивающие вопросы образования, сохранения культурного наследия региона или вопросы сохранения духовно-нравственных ценностей населения. Например, граждане выражают обеспокоенность состоянием образовательных учреждений и необходимостью модернизации учебных программ, сообщают о необходимости строительства или реконструкции объектов культурного наследия региона, а также поступают жалобы на нарушение общественных слушаний или на отсутствие консультаций с местным населением перед началом строительства культурных объектов.

В некоторых обращениях поднимаются вопросы, связанные с конфликтами или недопониманием между различными национальными группами и религиозными конфессиями, включая случаи дискриминации или насилия на этой почве. Общественная палата стремится оперативно реагировать на такие обращения и активно реализует программы, направленные на укрепление семейных ценностей, воспитание толерантности и патриотизма, повышение роли религиозных организаций в воспитательном процессе.

Разрешение данных вопросов является важным для обеспечения гармоничного сосуществования различных культур и для содействия развитию культурной инфраструктуры, что, в свою очередь, вносит вклад в укрепление социальной сплоченности и улучшение качества жизни граждан.

Стоит отметить, что за последние пять лет наблюдаются значительные изменения в количестве и содержании обращений граждан в Общественную палату Самарской области. Общее число обращений увеличилось, что свидетельствует о возрастании активности граждан Самарской области.

Наиболее заметным стало увеличение числа запросов по вопросам образования, здравоохранения и благоустройства городских территорий. Граждане стали более активно поднимать вопросы качества образовательных услуг и доступности медицинской помощи, что связано с общественным интересом к этим темам в условиях пандемии и реформ в данных сферах.

Кроме того, наблюдается рост обращений, связанных с охраной культурного наследия или затрагивающих экологические проблемы. Это связано с активным формированием и развитием экологической культуры среди населения, ростом патриотических настроений и стремлением сохранить региональную идентичность.

Стоит также отметить, что большое количество обращений за последние пять лет поступило от участников специальной военной операции или членов их семей.

Согласно полученным результатам исследования, уровень удовлетворенности граждан работой Общественной палаты Самарской области в части обращения с их запросами значительно изменился. Согласно проведенному опросу, 75% респондентов выразили удовлетворение процессом рассмотрения их обращений в 2024 году, что на 10% выше показателей 2023 года.

При этом лишь 5% опрошенных выразили явное недовольство рассмотрением их обращений, что на 5% меньше по сравнению с 2023 годом.

Таким образом, можно отметить положительную динамику в оценке удовлетворенности граждан работой Общественной палаты Самарской области.

Совершенствование процессов обработки заявлений, создание прозрачных механизмов ответов и обратной связи, а также внедрение современных цифровых технологий могут значительно повысить уровень удовлетворенности граждан.

Кроме того, по мнению большинства опрошенных регулярное обучение сотрудников, работающих с обращениями, и анализ поступающих запросов помогут выявлять основные проблемы, с которыми сталкивается население, и оперативно реагировать на них. Важно также активно привлекать граждан к участию в обсуждениях и разработке инициатив, что позволит создать более открытый и доверительный диалог между органами власти и обществом.

В результате таких усилий можно ожидать улучшения качества оказания услуг и повышения доверия граждан к государственным институтам.

Проведенное исследование показало, что существует тесная связь между активным вовлечением граждан в процесс принятия решений и уровнем их удовлетворенности работой государственных органов. Установлено, что эффективные коммуникационные стратегии, прозрачность в работе и предоставление качественной обратной связи способствуют укреплению доверия к власти и повышению общественной активности.

Анализ обращений граждан, особенно в рамках институтов гражданского общества, таких как Общественная палата, представляет собой важный инструмент для понимания общественных настроений и проблем. Стоит отметить, что обращения граждан не только выражают личные переживания и потребности, но и отражают более широкие социальные тенденции. Исследование обращений граждан позволяет выявить ключевые проблемы, беспокоящие население, и оценить ответные меры со стороны органов власти.

Библиографический список

1. Федеральный закон № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации». От 2 мая 2006 г. URL: https://www.consultant.ru /document/cons_doc_LAW_59999/ 042892bc7cad38ff425fa2ceb5b42aad04e5002a/ (дата обращения: 10.03.2025).
2. Юдин Д.В. (2020). Обращения граждан: понятие и классификация // Юридический факт. № 115. С. 38–41.
3. Федеральный закон № 183-ФЗ «Об общих принципах организации и деятельности общественных палат субъектов Российской Федерации» от 23 июня 2016 г. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_199983/ (дата обращения: 10.03.2025).
4. Общественная палата Самарской области. URL: https://op63.ru/ (дата обращения: 12.03.2025).
5. Информационно-аналитический обзор о работе Общественной палаты Самарской области в 2024 году // Общественная палата Самарской области. URL: https://op63.ru/idex.php?o-tion=com_co-tent&view=art-cle&id=6277:2020&catid=22:2010-01-29-05-53-26&Itemid=100016 (дата обращения: 12.03.2025).

Информация об авторе

Липова Полина Алексеевна (Россия, Самара) – студентка, ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева» (Россия, г. Самара, 443086, Московское шоссе, д. 34; polinalipova@yandex.ru).

Lipova P.A.

CITIZENS' APPEALS TO THE PUBLIC CHAMBER OF THE SAMARA REGION

Abstract. *This study analyzes citizens' appeals received by the Public Chamber of the Samara Region, identifies the main problems and needs of the population, as well as the level of satisfaction of citizens with the work of the Public Chamber of the Samara Region with appeals.*

Keywords: *appeal, public chamber, society, law, review procedure, authorities.*

About the author

Lipova Polina Alekseevna (Russia, Samara) – student, Samara National Research University named after Academician S.P. Korolev (Russia, Samara, 443086, Moscow highway, 34; polinalipova@yandex.ru).

References

1. Federal Law No. 59-FZ “On the Procedure for Considering Appeals of Citizens of the Russian Federation” of 2 May 2006. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_ 59999/042892bc7cad38ff425fa2ceb5b42aad04e5002a/ (accessed: 10.03.2025).
2. Yudin D.V. (2020). Citizens' Appeals: Concept and Classification. Legal Fact, 115, pp. 38–41.
3. Federal Law No. 183-FZ “On the General Principles of Organization and Activities of Public Chambers of Constituent Entities of the Russian Federation” of 23 June 2016. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_ 199983/ (accessed: 10.03.2025).
4. Public Chamber of the Samara Region. Available at: https://op63.ru/ (accessed: 12.03.2025).
5. Information and analytical review of the work of the Public Chamber of the Samara Region in 2024. Public Chamber of the Samara Region. Availble at: https://op63.ru/idex.php?o-tion=com_ ctent&view=artcle&id=6277:2020&catid=22:2010-01-2 9-05-53-26&Itemid=100016 (accessed: 12.03.2025).

УДК 365.2 / ББК 65.5

Маврина И.Н., Хисамутдинова Р.Ф.

ВЛИЯНИЕ КОЛЕБАНИЙ ПРОЦЕНТНЫХ СТАВОК НА ДОСТУПНОСТЬ ИПОТЕКИ ДЛЯ МОЛОДЕЖИ В РОССИИ: АНАЛИЗ И РЕКОМЕНДАЦИИ

Аннотация. *Анализируется влияние доступности ипотечного кредитования для молодежи в России с 18–35 лет в связи с колебанием процентных ставок. Рассмотрены основные факторы, определяющие повышение процентных ставок, тенденции изменения ключевой ставки Центрального Банка (ЦБ), макроэкономическая ситуация и уровень инфляции. Проведен анализ темпов изменения процентных ставок по ипотеке за последние 10 лет, отдельно выделены их периодизация и влияние на спрос ипотечного кредитования среди анализируемого населения.*

Ключевые слова: *ипотечное кредитование, изменения процентных ставок, ипотечное кредитование для молодежи.*

Доступность ипотечного кредитования для граждан в возрасте от 18 до 35 лет (группа «молодежь») в настоящее время представляет собой острую и наиболее актуальную социально-экономическую проблему. Молодые люди, которые хотят улучшить свои жилищные условия, сталкиваются с рядом препятствий, например, постоянно растущими процентными ставками по ипотечным кредитам, тенденции к снижению которых в ближайшей перспективе не предвидится; также рост первоначального взноса с 10 до 20% приводит к дополнительным расходам на первом этапе приобретения жилья. Эти факторы существенно влияют на получение ипотеки для значительной части молодежи, особенно в регионах с низким уровнем экономического развития.

Колебания процентных ставок, которые напрямую зависят от ключевой ставки Центрального банка (ЦБ), высокой инфляции и общей нестабильной экономической ситуации, оказывают непосредственное влияние на доступность ипотеки. В периоды снижения ставок кредитования повышается рост спроса на ипотечные кредиты, а в периоды повышения ключевой ставки ЦБ – их сокращение. Для молодежи, чьи доходы часто существенно ограничены, такие колебания становятся непреодолимым барьером к приобретению собственного жилья.

Цель данной статьи – проанализировать, как изменения процентных ставок влияют на доступность ипотеки для молодежи в России, и предложить рекомендации по повышению спроса на приобретение собственного жилья.

Задачи исследования включают:

- изучение динамики изменения процентных ставок по ипотечному кредитованию в Российской Федерации (РФ);
- анализ факторов, обуславливающих доступность ипотеки для молодежи;
- разработку рекомендательных мер, направленных на повышение доступности ипотечного кредитования для молодых людей.

Актуальность темы заключается в том, что доступное жилье является важным условием для улучшения качества жизни молодежи, способствует повышению уровня ее благосостояния и, непосредственно, экономическому росту. Решение вышеописанной проблемы требует комплексного подхода, включающего меры со стороны государства, банков и самих заемщиков.

Процентная ставка по ипотеке – это стоимость заемных средств, которую заемщик выплачивает банку за пользование кредитом. Она формируется на основе нескольких факторов:

1. Ключевая ставка – основной инструмент денежно-кредитной политики Банка России. Регулятор принимает решения об уровне ключевой ставки для достижения цели денежно-кредитной политики – сохранения годовой инфляции около 4% [1].

2. Инфляция – это устойчивое повышение общего уровня цен на товары и услуги в экономике [1]. Высокая инфляция приводит к увеличению ключевой ставки – этот механизм

помогает охладить спрос и уравновесить денежную массу в условиях ускоренного обесценивания средств.

3. Риски кредитования – чем выше риск невозврата кредита, тем выше ставка.

4. Конкуренция – в условиях достаточно высокой конкуренции банки могут предлагать более низкие ставки или иные специальные условия для привлечения клиентов.

Для молодежи процентная ставка является одним из главных сдерживающих факторов при получении ипотеки, так как ее доходы часто ограничены, а кредитная история отсутствует или недостаточно развита.

Доступность ипотеки для молодежи определяется не только процентными ставками, но и другими факторами:

1. Уровень доходов – молодые люди часто располагают низкими доходами, поскольку их карьера началась относительно недавно, и поэтому их возможности по обслуживанию кредита будут располагаться в узком диапазоне.

2. Первоначальный взнос – усредненный показатель равен 20–30% от стоимости жилья, а накопление этой суммы затягивается из-за растущей инфляции.

3. Кредитная история – отсутствие подробной кредитной истории или ее негативный характер могут привести к отказу в выдаче ипотеки или банковское предложение будет касаться отдельных условий для клиентов с высоким риском кредитования.

4. Льготные программы – по госпрограммам, таким как «Семейная ипотека» или «Молодая семья» процентные ставки могут быть снижены и уменьшено количество требований к заемщикам, но их доступность ограничена.

За последние 11 лет в России процентные ставки по ипотеке постоянно менялись. Подобные колебания обусловлены макроэкономической ситуацией и государственными мерами поддержки:

- 2013–2014 гг.: в 2013 году ключевая ставка была на уровне 5,50 %, а средние ставки по ипотеке составляли 10–12% годовых. Экономическая ситуация в РФ была достаточно стабильной, но в 2014 году на фоне изменения геополитической ситуации и девальвации рубля ключевая ставка ЦБ была повышена до 17%, что привело к росту ипотечных ставок от 14,95% до 25%;
- 2015–2017 гг.: в условиях высокой инфляции и экономического кризиса ставки по ипотеке достигли 14–15% годовых. Однако уже в 2017 году, благодаря снижению ключевой ставки ЦБ до 7,75%, ипотечные ставки начали постепенно снижаться и достигли отметки в 9,79% в среднем;
- 2018–2020 гг.: в данный период происходили значительные снижения ключевой ставки, а впоследствии и ипотечной ставки. На фоне пандемии COVID-19, в 2020 году, ключевая ставка ЦБ РФ была снижена до исторического минимума – 4,25%. Это позволило снизить ставки по ипотечному кредитованию до уровня 6–7% годовых. Благодаря этому спрос на ипотеку резко вырос, в том числе среди молодежи.
- 2021–2024 гг.: в 2021 году ставки начали постепенно расти, а в 2022 году на фоне геополитической напряженности и роста инфляции ключевая ставка ЦБ была повышена до 16%. Это привело к увеличению ипотечных ставок до 20 % годовых. В 2023 году ситуация оставалась напряженной, что сделало ипотеку менее доступной для большинства заемщиков, включая молодежь. В 2024 году произошел ряд изменений в программах господдержки, и на фоне продолжающих расти ипотечных ставок, спрос на ипотеку продолжил тенденцию к снижению.

Ключевая ставка ЦБ является основным и главным фактором, определяющим уровень ипотечных ставок. Например, в 2020 году снижение ключевой ставки до 4,25% привело к снижению ипотечных ставок до 6–7%. Уже в 2022 году резкое повышение ключевой ставки до 16% вызвало рост ипотечных ставок до 20% (*рис.1*). Такие колебания ставок делают ипотеку практически недоступной, особенно для молодежи, чьи доходы ниже, чем у граждан среднего возраста.

	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Ключевая ставка на 20.01	5,50%	5,50%	17%	11%	10%	7,75%	7,75%	6,25%	4,25%	8,50%	7,50%	16%
Ключевая ставка на 20.12	5,50%	17%	11%	10%	7,75%	7,75%	6,25%	4,25%	8,50%	7,50%	16%	21%

Рисунок 1. **Изменение ключевых ставок в период с 2013 по 2024 гг.**

В 2023 году средняя процентная ставка по ипотеке для граждан в категории «молодежь» составила 13%, что превысило уровень 2020 года, где переплата по ипотеке держались на уровне 6–7%. Льготные программы, такие как «Семейная ипотека», предлагают ставки от 6%, но их доступность существенно ограничена требованиями для заемщиков: наличие детей или статуса молодой семьи.

В России действуют несколько государственных программ, направленных на поддержку молодежи для приобретения жилья (*табл. 1*).

Таблица 1. **Анализ действующих программ ипотечного кредитования для молодежи**

Название	«Семейная ипотека»	«Молодая семья»
Льгота	Ставка: от 6%	Социальная выплата: 30% от стоимости жилья – для супругов без детей, 35% от стоимости жилья – для семьи или родителя с детьми
Условия	Наличие детей, возраст заемщиков до 35 лет	Возраст обоих супругов до 35 лет, наличие детей не обязательно. Также под эту программу попадают неполные семьи, состоящие из 1 родителя и детей
Ограничение	Лимит стоимости жилья (в среднем 6–12 млн руб. в зависимости от региона)	–

Однако, несмотря на существующие программы, их доступность остается ограниченной из-за высоких требований к заемщикам и существующих ограничений по выдаче льготной ипотеки в различных регионах. Авторы выделяют основные факторы, сдерживающие спрос на ипотеку среди молодежи:

1. Высокие процентные ставки: даже льготные программы не всегда доступны из-за существующих ограничений по числу участников и высоких требований программ.

2. Высокая сумма для первоначального взноса: требуется 20–30% от стоимости жилья.

3. Низкий уровень доходов: средний доход молодых людей часто не позволяет вносить ежемесячный платеж по ипотечному кредиту, а в условиях высоких ставок выплата может превышать половину дохода.

4. Ограниченный выбор: льготные программы часто устанавливают лимиты на стоимость жилья, что делает их малоэффективными в крупных городах, где цены на недвижимость значительно выше существующего лимита.

Доступность ипотеки для молодежи варьируется в зависимости от региона: в крупных городах России (Москва, Санкт-Петербург) высокие цены на жилье делают льготную ипотеку бесполезной из-за установленного лимита стоимости и высоких платежей даже при льготных

ставках; в регионах РФ с низкими доходами (например, Северный Кавказ, Костромская область и другие области центральной России) льготные программы становятся недоступными из-за низких доходов населения, а платежи по ипотеке даже в условиях сниженных ставок являются слишком высокими.

В 2020 году, благодаря снижению ставок до 6–7%, доля молодежи среди заемщиков выросла с 15 до 25%. В 2023 году на фоне роста ставок до 20% спрос на ипотеку среди молодежи сократился на 30%. Таким образом, текущая ситуация с доступностью ипотеки для молодежи в России остается острой и требующей изменений. Высокие процентные ставки, недостаток средств для первоначального взноса и низкие доходы являются основными факторами, ограничивающими возможность приобретения собственного жилья. Льготные программы помогают гражданам в возрасте 18–35 лет приобретать жилье, но их доступность ограничена, особенно в регионах с низким уровнем экономического развития.

Для улучшения сложившейся ситуации необходимо принимать следующие меры, способные на взгляд авторов, повысить доступность ипотеки.

1. Со стороны государства: расширить действие льготных программ, снизив требования к заемщикам, увеличить размер субсидий на первоначальный взнос для молодежи, создать региональные программы поддержки, учитывающие различия в доходах и стоимости жилья.

2. Со стороны банков: разработать специальные ипотечные продукты для молодежи с гибкими условиями (например, отсрочка платежей на первые несколько лет, особенно если жилье находится в стадии строительства), упростить процедуру одобрения кредита для заемщиков с ограниченной кредитной историей, недостаточной для оформления ипотеки.

Обобщая вышесказанное, следует отметить, что колебания процентных ставок имеют значительное влияние на доступность ипотеки для молодежи в Российской Федерации. В периоды снижения ставок наблюдается рост спроса на ипотечное кредитование, а в периоды повышения – его сокращение. Для обеспечения устойчивого доступа и стабильного спроса на ипотеку, необходимо сочетание мер государственной поддержки и специализированных условий банков. Только комплексный подход позволит решить проблему доступности собственного жилья для молодых людей и способствовать социально-экономическому развитию страны, а также поможет решить проблему демографического кризиса за счет достижения стабильности.

Библиографический список

1. Центральный банк Российской Федерации. (2023). Статистика по ипотечному кредитованию. URL: https://www.cbr.ru/
2. Государственная дума Российской Федерации. URL: http://duma.gov.ru/
3. НИУ ВШЭ. (2022). Влияние процентных ставок на доступность ипотеки для различных социальных групп. URL: https://www.hse.ru/

Информация об авторах

Маврина Ирина Николаевна (Россия, Екатеринбург) – старший преподаватель кафедры Ценообразование в строительстве и промышленности Института Строительства и Архитектуры Уральского Федерального университета им. Б.Н. Ельцина (Россия, г. Екатеринбург, 620002, ул. Мира 17; i.n.mavrina@urfu.ru).

Хисамутдинова Регина Фанилевна (Россия, Екатеринбург) – магистрант Института Строительства и Архитектуры Уральского Федерального университета им. Б.Н. Ельцина (Россия, г. Екатеринбург, 620002, ул. Мира 17; hisamutdinova_01@mail.ru).

THE IMPACT OF INTEREST RATE FLUCTUATIONS ON THE AVAILABILITY OF MORTGAGES FOR YOUNG PEOPLE IN RUSSIA: ANALYSIS AND RECOMMENDATIONS

Abstract. *The impact of the availability of mortgage loans for young people in Russia from 18–35 years of age due to fluctuations in interest rates is analyzed, the main factors determining the increase in interest rates, trends in the key rate of the Central Bank (CB), the macroeconomic situation and the inflation rate are considered. The analysis of the rate of change in mortgage interest rates over the past 10 years is carried out, their periodization and impact on the demand for mortgage loans among the analyzed population are highlighted separately.*

Keywords: *mortgage lending, interest rate changes, mortgage lending for young people.*

About the authors

Mavrina Irina Nikolaevna (Russia, Yekaterinburg) – senior lecturer at the Department of Pricing in Construction and Industry at the Institute of Construction and Architecture of the Ural Federal University named after B.N. Yeltsin (Russia, Yekaterinburg, 620002 17 Mira st.; i.n.mavrina@urfu.ru).

Khisamutdinova Regina Fanilevna (Russia, Yekaterinburg) – Master's student at the Institute of Construction and Architecture of the Ural Federal University named after B.N. Yeltsin (Russia, Yekaterinburg, 620002, 17 Mira st.; hisamutdinova_01@mail.ru).

References

1. The Central Bank of the Russian Federation. (2023). Mortgage lending statistics. URL: https://www.cbr.ru/
2. The State Duma of the Russian Federation. Available at: http://duma.gov.ru/
3. Higher School of Economics. (2022). The impact of interest rates on mortgage availability for various social groups. Available at: https://www.hse.ru/

УДК 304.3, 316.4 / ББК 60.527

Морев М.В.

СОЦИАЛЬНОЕ ЗДОРОВЬЕ КАК ИНДИКАТОР КАЧЕСТВА ЖИЗНИ: МЕТОДИКА ИЗМЕРЕНИЯ И ОЦЕНКИ

Аннотация. *В материалах представлено продолжение исследования социального здоровья российского общества, реализуемое в Вологодском научном центра РАН с 2010 года. Акцент сделан на разработке и апробации методического подхода к эмпирическому измерению и оценке тенденций социального здоровья.*

Ключевые слова: *социальное здоровье, качество жизни, социология, методика, общественное мнение.*

Социальное здоровье – понятие сложное и многогранное, насчитывающее сотни определений и используемое в самых разных направлениях общественных наук. Несмотря на то, что социальное здоровье имеет прямое отношение к демографической проблематике (классическими показателями социального здоровья выступают социальные патологии: уровень смертности от убийств, самоубийств, от причин, связанных с употреблением алкоголя и т. д.), подход, используемый для изучения социального здоровья в Вологодском научном центре РАН (ВолНЦ РАН) опирается, скорее, на социологические теории, такие как: концепция нормы и патологии («социальной аномии») Э. Дюркгейма – Р. Мертона, концепция субъективного фактора У. Томаса – Ф. Знанецкого; концепция Й. Шумпетера о «созидательном разрушении», учение Л. фон Штейна о социальном государстве; из более современных – динамическая концепция формирования и функционирования общественного мнения М.К. Горшкова, антропосоциетальный подход Н.И. Лапина, концепция «травмы» и антиномичности общественного сознания Ж.Т. Тощенко и др.

Ранее в научных статьях мы раскрывали особенности теоретико-методологического подхода к изучению социального здоровья, используемого в ВолНЦ РАН [7]. В том числе мы доказывали важность рассмотрения данной категории именно с социологической (а не демографической) точки зрения [3]. Поэтому в данном материале мы решили сконцентрироваться на более практическом аспекте – разработке (точнее, адаптации) конкретной методики, позволяющей эмпирически зафиксировать уровень социального здоровья / нездоровья, что имеет практическое значение, как минимум, в научной сфере деятельности – для сравнительного анализа состояния предмета исследования на отдельных территориях, в течение определенного периода времени и т. д.

Мы придерживаемся определения, согласно которому: социальное здоровье – это такое состояние общества, которое характеризуется наиболее одобряемыми духовно-нравственными ценностями, позитивными тенденциями психологического самочувствия и степенью социальной сплоченности граждан, а также уровнем распространения социальных патологий. В нем, по сути, отражены ключевые компоненты социального здоровья: психологическое самочувствие, морально-нравственные ценности; общественная активность; уровень распространения в обществе социальных патологий.

В своих исследованиях мы придерживаемся точки зрения о том, что социальное здоровье недостаточно изучать исключительно по статистическим показателям динамики социальных болезней (убийств, самоубийств, алкогольных отравлений, ряда психических заболеваний и т. д.), что часто встречается среди исследователей [4, 5]. Социальное здоровье характеризуется также динамикой морально-нравственного и психологического состояния населения, а также спецификой социального взаимодействия людей – их готовностью к консолидации, степенью участия в общественной жизни. Полагаем, что исходя из этих показателей (а также конкретных индикаторов, о которых пойдет речь далее), в целом, вполне понятно, почему мы относим социальное здоровье в том числе (и даже, прежде всего) к разряду тех категорий, которые способны отразить динамику социального благополучия и качества жизни.

Также отметим вкратце специфику методологического подхода к изучению социального здоровья, используемого в ВолНЦ РАН. Мы анализируем тенденции социального здоровья на двух уровнях, которые условно можно назвать «видимый» и «латентный». Суть в том, что первый уровень отражается в официально зарегистрированных показателях распространения социальных патологий (как писал американский социолог Самуэль Смит в 1911 году,

«патология в социальной науке определенным образом параллельна патологии в медицине» [8]). Второй уровень – это проявления социального нездоровья на уровне восприятия, мотивации, отношения, поведения. Соответственно первый уровень рассматривается на основе статистических данных, второй – при помощи социологического инструментария.

По-другому данные уровни проявления социального здоровья / нездоровья можно охарактеризовать как «популяционный» и «индивидуальный», поскольку первый отражает распространенность в обществе социальных патологий, а второй – индивидуальные характеристики самых глубинных пластов общественного сознания: духовно-нравственные ценности, мотивацию поведения, отношение к окружающим людям и т. д.

При этом надо отметить, что конкретных показателей и индикаторов социального здоровья великое множество и учесть их все в одном исследовании практически невозможно. Как отмечал В.А. Ядов «эмпирическая интерпретация понятия по необходимости частична. Операциональное определение раскрывает лишь некоторое содержание термина и предлагает частичное пояснение его значения…содержание научного и вообще достаточно абстрактного термина (термин «социальное здоровье», безусловно, является именно таким) никогда не переводится в конечное число проявлений его сущности, сохраняется какой-то невыразимый в эмпирических показателях остаток…» [6].

Тем не менее, мы выделяем и учитываем показатели наиболее распространенные, наиболее релевантные и наиболее представленные в информационных источниках, опираясь при этом на три принципа [2]: содержательная репрезентация ключевых понятий (требование необходимости и достаточности индикаторов для эмпирического описания проблемы исследования); обеспеченность индикаторов потенциальными источниками информации (документы, факты, предметы и поведение, доступное внешнему наблюдению; вербальная информация, получаемая методом опроса); возможности методического обеспечения источников.

Итак, множество показателей и индикаторов социального здоровья диктует необходимость их агрегирования с целью расширения возможностей дальнейшего практического применения. Поэтому мы предприняли попытку разработать Индекс социального здоровья (ИСЗ), для чего была использована соответствующая методика, разработанная учеными Гарвардского университета в далеком 1913 году [1, с. 316] (надо отметить, что впоследствии данная методика успешно применялась в зарубежной практике на протяжении не одного десятилетия [1, с. 317]).

Согласно данной методике, Индекс социального здоровья рассчитывается по формуле:

$$I = \frac{\sum 0{,}1 \cdot (MA_i - X_i) / MA_i - MI_i}{10n} \cdot 100,$$

где I – расчетный индекс в баллах;

Xi – значение социального индикатора за один год;

MAi – макс. значение Xi в интервале рассчитываемого периода модели;

MIi – мин. значение Xi в интервале рассчитываемого периода модели;

n – число переменных.

Для стандартизации показателей социального здоровья была сконструирована шкала от 0 до 10 для каждого показателя с уровнями худшего (0) и лучшего (10) значений.

Мы дополнили и углубили данную методику за счет, во-первых, увеличения числа показателей (с 5 до 14); во-вторых, за счет включения в нее показателей не только статистических, но и социологических (согласно используемому нами методологическому подходу); и, в-третьих, за счет показателей, более релевантно отражающих состояние социального здоровья именно в современных (в том числе, российских) условиях (*табл. 1*).

В итоге от «классической» методики Гарвардского университета остался только уровень смертности от убийств. «Гибель на дорогах из-за алкоголя» мы заменили на «заболеваемость алкоголизмом и алкогольными психозами» (на наш взгляд, этот показатель более репрезентативно отражает проблему алкоголизма). «Талоны на питание», «доступность жилья», «дифференциация между бедными и богатыми» – все это мы рассматриваем как показатели не самого социального здоровья, а условий, в которых оно формируется. Отметим также, что Индекс социального здоровья рассчитывался нами отдельно на каждом из двух уровней («видимый» и «латентный»).

Таблица 1. **Показатели, используемые для расчета Индекса социального здоровья (ИСЗ) на «видимом» (ИСЗ 1) и «латентном» (ИСЗ 2) уровне**

Методика Гарвардского университета*	Авторская методика			
	«Видимый» уровень (ИСЗ 1)	«Латентный» уровень (ИСЗ 2)		
		Психологическое состояние	Морально-нравственный уровень*	Общественная активность
1. Убийства	1. Уровень смертности от самоубийств *(на 100 тыс. нас.)*	1. Доля людей, испытывающих «напряжение, раздражение, страх, тоску»	1. Доля людей, для которых «не важны» различные положительные морально-нравственные качества	1. Доля людей, считающих, что «сегодня нельзя доверять никому»
2. Гибель на дорогах из-за алкоголя	2. Уровень смертности от убийств *(на 100 тыс. нас.)*	2. Доля людей, проявляющих симптомы тревоги, депрессии, невроза	2. Доля людей, считающих «допустимыми, вполне приемлемыми» различные негативные морально-нравственные поступки	2 Доля людей, характеризующих свое участие в общественной и политической жизни как «пассивное»
3. Талоны на питание	3. Уровень заболеваемости психическими расстройствами и расстройствами поведения *(взято под наблюдение пациентов с диагнозом, установленным впервые в жизни на 100 тыс. нас.)*	3. Доля людей, испытывающих неуверенность в будущем	3. Доля людей, «не испытывающих угрызения совести» в случае совершения негативных морально-нравственных поступков	3. Доля людей, «не готовых объединяться с другими людьми» для совместных действий»
4. Доступность жилья	4. Уровень заболеваемости алкоголизмом и алкогольными психозами *(взяты под наблюдение пациенты с диагнозом, установленным впервые в жизни на 100 тыс. нас.).*	–	–	–
5. Дифференциация между бедными и богатыми	5. Число зарегистрированных преступлений *(на 100 тыс. нас.)*	–	–	–

Результаты расчетов, проведенных на «видимом» уровне проявления социального здоровья (ИСЗ 1), ожидаемо показали, что и сам Индекс, и его динамика в среднем по 77 субъектам РФ[1], а также на территории Вологодской области, практически идентичны и имеют устойчивую позитивную тенденцию с 2006 года (*рис. 1*).

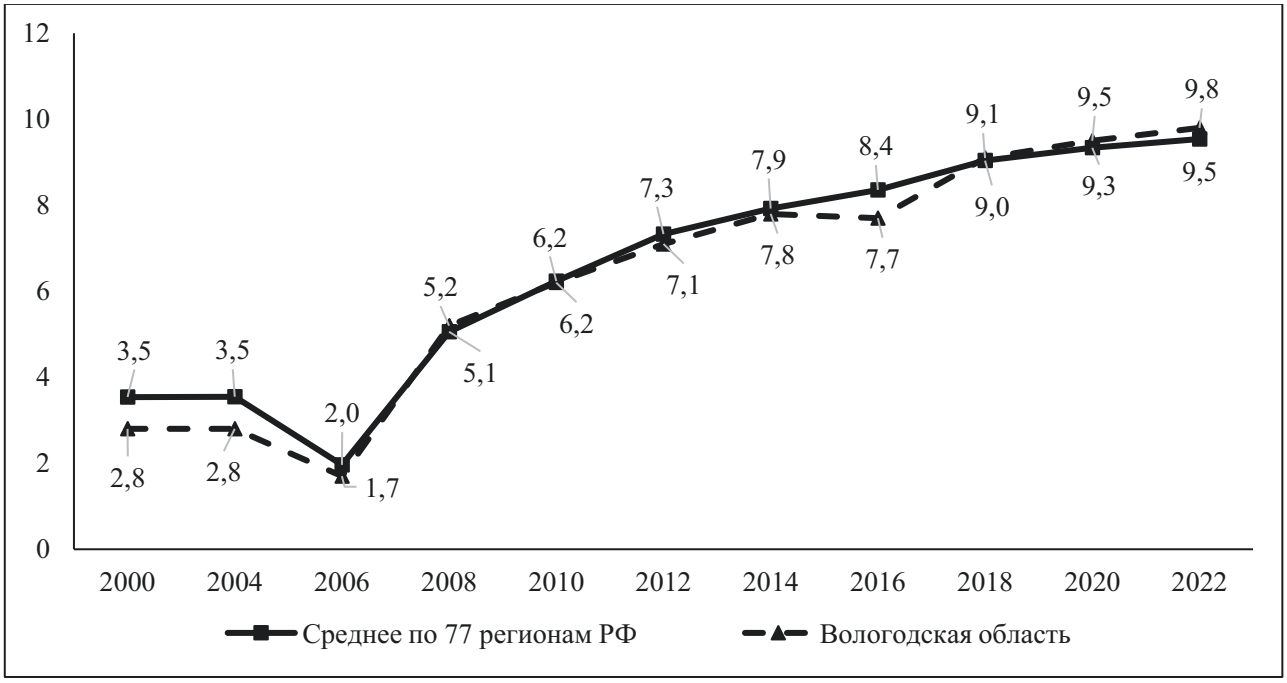

Рисунок 1. **Динамика Индекса социального здоровья на «видимом» уровне (ИСЗ 1, в баллах)**

Источник: рассчитано автором по данным Федеральной службы государственной статистики

Однако, несмотря на устойчивое снижение социальных патологий, исследование показало, что наблюдается постепенная концентрация проблемы на уровне «латентном» (ИСЗ 2; *рис. 2*).

[1] Ограничения по годам и количеству регионов, по которым производились расчеты (ИСЗ 1), обусловлены недостатками статистической информации. В частности:

1. Анализировался период с 2000 по 2022 гг., при этом брались данные по четным годам (2004, 2006, 2008 гг. и т.д.), а также не учитывались данные за 2002 год (все эти ограничения были обусловлены периодичностью публикации сборника «Здравоохранение в России»). 2. Анализировались все субъекты РФ без учета автономных округов, Республики Ингушетия (за 2000 год), Чеченской Республики (за 2000, 2004 гг.), Забайкальского края (за 2000, 2004, 2006 гг.), а также новых субъектов, вошедших в состав РФ в 2014 году (Республика Крым, г. Севастополь). Итого – 77 субъектов РФ. 3. С 2014 года в источниках Росстата данные по заболеваемости психическими расстройствами, а также алкоголизмом и алкогольными психозами представлены в абсолютных значениях (чел.). Для получения относительных показателей (на 100 тыс. нас.) нами были произведены расчеты с использованием данных по численности населения соответствующих регионов на 1 января следующего года. 4. С 2012 года в источниках Росстата отсутствуют данные об общем числе зарегистрированных преступлений, поэтому использовался другой источник – данные генеральной прокуратуры РФ. 5. В связи с отсутствием данных по некоторым территориям (см. п. 2) за общероссийский уровень принимался средний уровень по тем субъектам, по которым производился расчет данных.

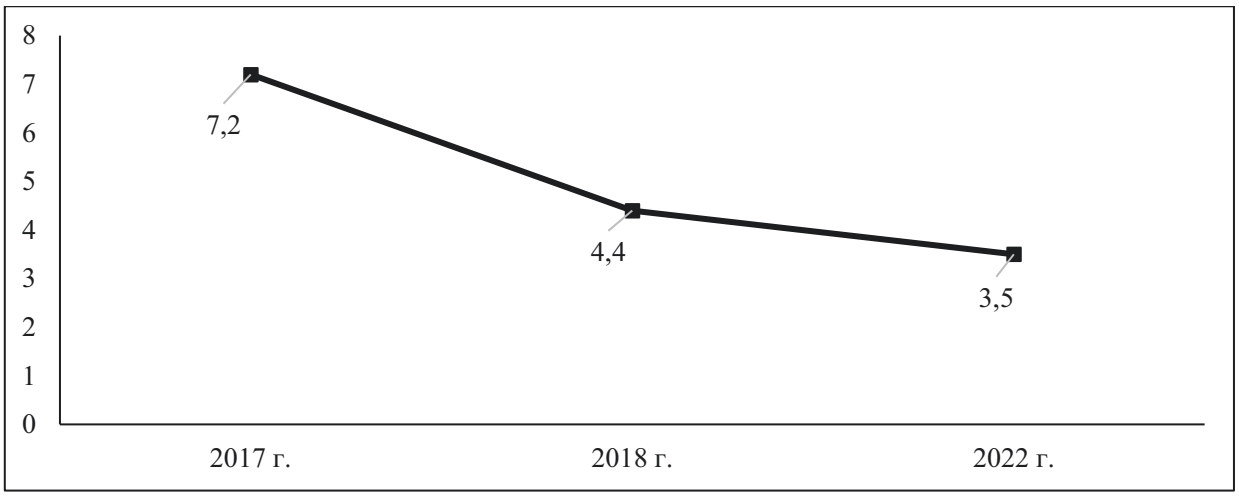

Рисунок 2. **Динамика Индекса социального здоровья на «латентном» уровне (ИСЗ 2, в баллах)**

Источник: рассчитано автором по данным мониторингов общественного мнения ВолнЦ РАН[2], проводимых на территории Вологодской области.

На наш взгляд, это во многом обусловлено двумя причинами:

• во-первых, на «видимом» уровне социальное здоровье имеет четкую систему статистических показателей. Мы можем его фиксировать, анализировать динамику и, как следствие, принимать управленческие меры воздействия. Для «латентного» уровня такой четкой системы показателей нет и поэтому оценить реальные масштабы проблемы, «управлять» ею гораздо сложнее;

• во-вторых, различные меры, принимаемые государством для поддержки широких слоев населения, а также накапливаемый личный опыт граждан в преодолении трудных жизненных ситуаций, способствуют адаптации к тем или иным негативным условиям жизни. Поэтому проявления социального нездоровья «не выходят» на уровень социальных патологий (люди не хватаются за бутылку и не ищут способы покончить жизнь самоубийством), но это не означает, что проблемы нет. Она просто уходит вглубь общественного сознания и становится частью повседневной действительности, выражаясь в определенном отношении людей к жизни, к себе, к окружающим и т. д.

Так или иначе, концентрация проблемы социального нездоровья именно на «латентном» уровне представляет собой серьезную опасность, которую, на наш взгляд, нельзя недооценивать, поскольку она может привести к вполне реальным и комплексным негативным последствиям: психологическим, социальным, экономическим, демографическим... В Вологодском научном центре уже много лет проводится работа по изучению именно последствий социального нездоровья общества, но эта тема достаточно глубокая и требует отдельного анализа, который мы представим в одной из будущих публикаций.

Библиографический список

1. Демографическая энциклопедия (2017) / редкол.: Ткаченко А.А., Аношкин А.В., М.Б. Денисенко [и др.] М.: Издательство «Энциклопедия». 944 с.

2. Добреньков В.И., Кравченко А.И. (2009). Методы социологического исследования: учебник. Москва: Инфра-М. 767 с.

[2] Опросы проводятся 6 раз в год в Вологде, Череповце, а также в 8 муниципальных районах и округах Вологодской области. Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Объем выборочной совокупности – 1500 чел. в возрасте 18 лет и старше. Выборка целенаправленная, квотная. Репрезентативность выборки обеспечена соблюдением пропорций между городским и сельским населением, пропорций между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города), половозрастной структуры взрослого населения области. Ошибка выборки не превышает 3%.

В 2020 году было проведено четыре «волны» мониторинга, поскольку в апреле и июне 2020 года опросы не проводились в связи с карантинными ограничениями в период распространения вируса Covid-19.

3. Морев М.В. (2022). Социальное здоровье как категория социологии // Siberian Socium. Т. 6. № 2(20). С. 65–80. DOI: 10.21684/2587-8484-2022-6-2-65-80
4. Римашевская Н.М. (1999). Русский крест // Природа. № 6. С. 3–10.
5. Социально-демографический потенциал России: состояние и перспективы: монография, посвященная 95-летию со дня рождения академика РАМН В.П. Казначеева (2019) / под редакцией С.В. Рязанцева [и др.]. Москва: Экон-Информ. 359 с.
6. Шабунова А.А., Морев М.В. Разработка методологического подхода к изучению социального здоровья как индикатора общественного развития (2015) // Социологический альманах. Вып. 6. С. 473–489.
7. Ядов В.А. Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности (2007). Москва: Омега-Л. 567 с.
8. Smith S.G. (1911). Social pathology. New York: Macmillan. 380 p.

Информация об авторе

Морев Михаил Владимирович (Россия, Вологда) – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук» (Россия, Вологда, 160014, ул. Горького, д. 56а; 379post@mail.ru).

Morev M.V.

SOCIAL HEALTH AS AN INDICATOR OF QUALITY OF LIFE: METHODS OF MEASUREMENT AND ASSESSMENT

Abstract. *The materials present a continuation of the study of social health of Russian society, implemented in the Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences since 2010. The emphasis is on the development and testing of a methodological approach to the empirical measurement and assessment of social health trends.*

Keywords: *social health, quality of life, sociology, methodology, public opinion.*

About the author

Morev Mikhail Vladimirovich (Russia, Vologda) – candidate of economic sciences, leading researcher, Federal State Budgetary Institution of Science “Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences” (Russia, Vologda, 160014, Gorky st. 56a; e-mail: 379post@mail.ru).

References

1. Demographic Encyclopedia (2017); ed. by Tkachenko A.A., Anoshkin A.V., Denisenko M.B. [et al.] M.: Izdatelstvo “Encyclopedia”. 944 p.
2. Dobrenkov V.I., Kravchenko A.I. Methods of Sociological Research. Methods of sociological research: textbook. Moscow: Infra-M. 767 p.
3. Morev M.V. (2022). Social Health as a Category of Sociology. Siberian Socium, 6, 2(20), pp. 65–80.
4. Rimashevskaya N.M. (1999). Russian Cross. Nature, 6, pp. 3–10.
5. Socio-demographic potential of Russia: state and prospects: a monograph dedicated to the 95th anniversary of the birth of Academician of the Russian Academy of Medical Sciences V.P. Kaznacheev (2019); ed. by S.V. Ryazantsev [et al.] Moscow: Econ-Inform. 359 p.
6. Shabunova A.A., Morev M.V. (2015). Development of a methodological approach to the study of social health as an indicator of social development. Sociological almanac, 6, pp. 473–489.
7. Yadov V.A. (2007). Strategy of sociological research. Description, explanation, understanding of social reality. Moscow: Omega-L. 567 p.
8. Smith S.G. (1911). Social pathology. New York: Macmillan. 380 p.

УДК 314.6 / ББК 60.561.5

Мурашко О.Ю., Кот У.В.

ГЕНДЕРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ В РАСПРЕДЕЛЕНИИ ДОМАШНИХ ОБЯЗАННОСТЕЙ В СОВРЕМЕННОЙ БЕЛОРУССКОЙ СЕМЬЕ

Аннотация. *Статья посвящена исследованию гендерных стереотипов в распределении домашних обязанностей в современных белорусских семьях. На основе данных социологического исследования «Поколение и гендер»[1] анализируется разделение труда между мужчинами и женщинами, а также степень их удовлетворенности таким распределением.*

Ключевые слова: *гендерные стереотипы, домашние обязанности, семья, Республика Беларусь, гендерное равенство.*

Тема семьи относится к числу социально-демографических вопросов, которые сохраняют свою актуальность с течением времени. В условиях депопуляции семья привлекает особое внимание как со стороны государства, так и общества. При этом основная проблема малодетности связана с ролью женщины в семье, ее отношением к деторождению, а также к обязанностям мужа и жены. Исследования гендерных ролей в современной семье представлены в работах Ю.С. Задворновой [5], где анализируются трансформации семейных моделей, выделяются неопатриархальная (спонсорская), бикарьерная, эгалитарная и советская модели, а также рассматривается гендерная асимметрия в распределении домашних обязанностей. В этих работах также формулируются рекомендации по утверждению гендерного равноправия в семье. Гендерные аспекты с точки зрения идентификации и анализа родительского труда исследуются в работах А.П. Багировой и О.М. Шубат [1, 2]. Методологические основы исследований включают социологические методы, такие как массовые опросы и интервью. В данной работе применяется аналогичный подход к изучению гендерных стереотипов в современной семье в Беларуси.

Распределение домашней нагрузки остается наиболее консервативной областью семейных отношений. Несмотря на профессиональную занятость женщин, материальный вклад в семейный бюджет, женщины по-прежнему уделяют гораздо больше времени домашним делам, чем мужчины. В соответствии с гендерными стереотипами о дифференциации семейных ролей домашняя работа воспринимается как неотъемлемая часть женской идентичности и расценивается как менее значимая, чем профессиональная занятость в публичной сфере. Гендерные стереотипы в разделении труда отводят мужчине доминирующую роль в политической и экономической сферах, профессиональной деятельности, а в качестве основной гендерной роли для женщины утверждают работу в семье.

Согласно Глобальному докладу о гендерном разрыве за 2024 год Всемирного экономического форума, Беларусь занимает 55-е место в мире (со значением индекса 0,733) среди 146 стран в Индексе гендерного разрыва и является одним из лидеров в обеспечении равноправного экономического участия и карьерных возможностей, а также по уровню здоровья и

[1] В данной статье используются данные второй волны (2023 г.) национального обследования «Формирование семьи, стабильных семейных отношений и рождаемость в меняющихся социально-экономических условиях жизни белорусов» с использованием методологии международной программы «Поколения и гендер». Обследование проводилось в рамках проекта международной технической помощи «Укрепление научного и образовательного потенциала Республики Беларусь в области сбора, анализа и использования демографических данных для достижения Целей устойчивого развития»

продолжительности жизни мужчин и женщин среди стран Восточной Европы и Центральной Азии [4].

Согласно Докладу о человеческом развитии 2023–2024 гг., Беларусь входит в группу стран с высоким уровнем равенства в достижениях по индексу человеческого развития между мужчинами и женщинами (индекс гендерного развития – 1,003). По индексу гендерного неравенства Республика Беларусь находится на 29-й позиции (со значением индекса 0,096) из 193 стран (в 2016 году – 32-е место (0,144) [3,6].

Высокие позиции в международных рейтингах обусловлены постоянно улучшающимся состоянием здоровья женщин, включая репродуктивное здоровье, высоким уровнем их образования, участия в принятии решений, положением на рынке труда [6].

Несмотря на высокие позиции Беларуси в международных рейтингах по достижению гендерного равенства в сферах образования и занятости, гендерные стереотипы все еще оказывают значительное влияние на развитие отношений в семье, создавая экономическую зависимость женщины от мужчины и определенный дисбаланс в принятии решений внутри семьи.

Результаты исследования «Формирование семьи, стабильных семейных отношений и рождаемость в меняющихся социально-экономических условиях жизни белорусов» с использованием методологии международной программы «Поколения и гендер», проведенного в Республике Беларусь в 2023 году, показали, что чаще всего женщины берут на себя обязательства по приготовлению еды, стирке, уборке дома (*рис. 1*).

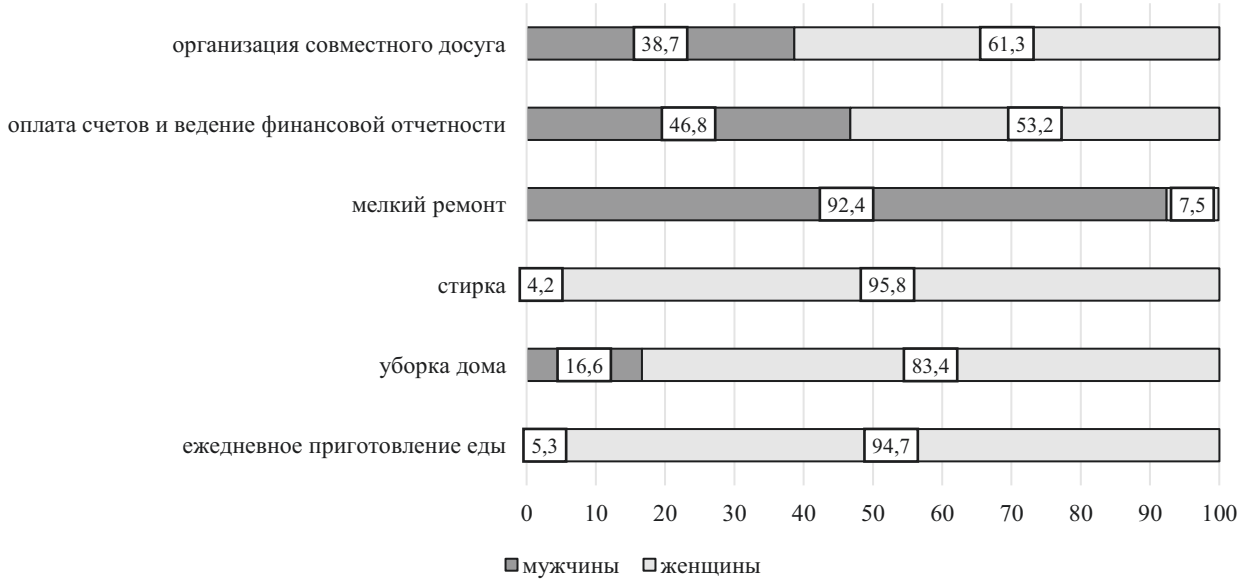

Рисунок 1. **Распределение ответов (всегда я, обычно я) на вопрос о выполнении домашних обязанностей среди мужчин и женщин, %**

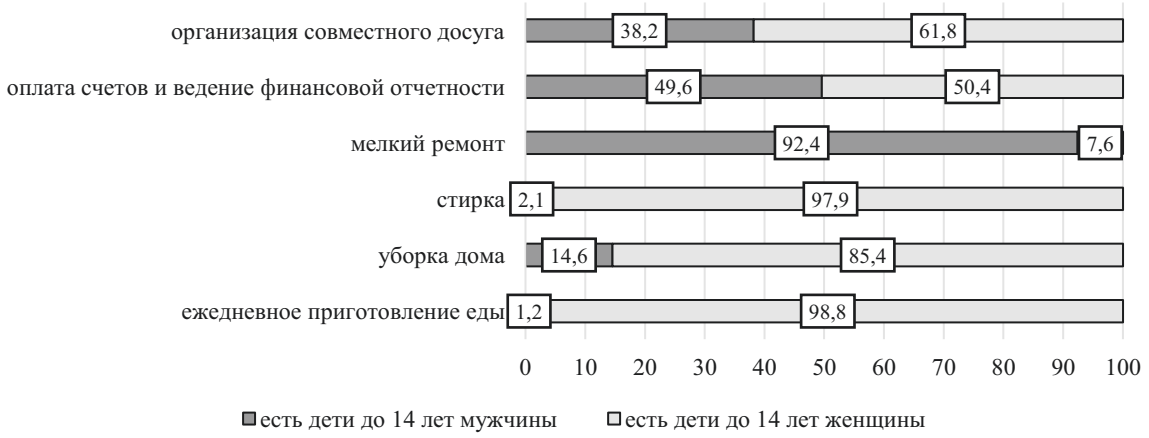
Источник: составлено авторами на основе данных исследования «Поколение и гендер» (Республика Беларусь, 2023 год).

Мелкий ремонт по дому обычно выполняет мужчина. Такие виды деятельности, как оплата счетов и организация досуга в равной степени разделены между мужчинами и женщинами (*табл. 1*). Стоит отметить, что многие респонденты отметили (порядка 200–300 мужчин и женщин), что совместно выполняют практически все домашние обязанности.

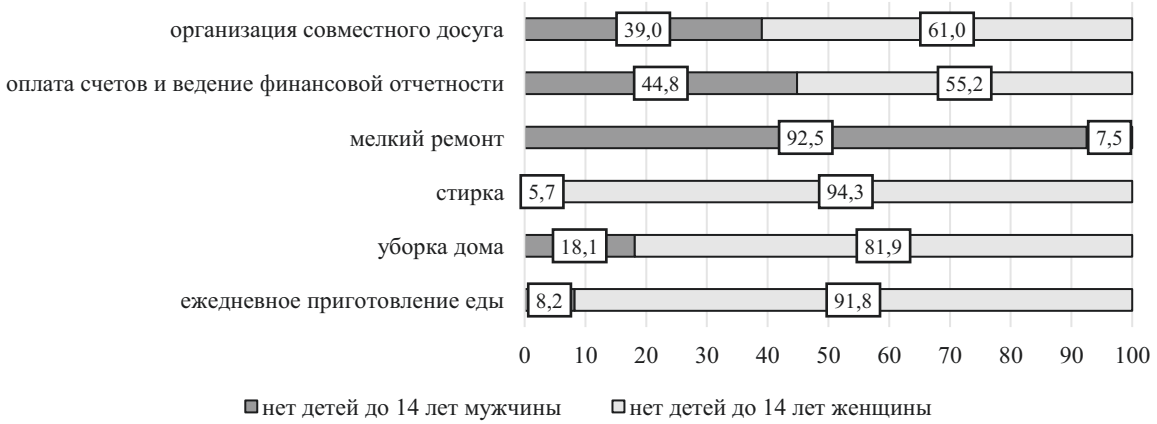
Таблица 1. **Распределение домашних обязанностей между мужчинами и женщинами (количество ответов 1592–1596)**

Вид домашних обязанностей	Ответы женщин (всегда я, обычно я)	Ответы мужчин (всегда я, обычно я)	Совместно
Ежедневное приготовление еды	559	31	456
Уборка дома пылесосом	411	82	542
Стирка	641	28	294
Мелкий ремонт	53	656	198
Оплата счетов и ведение финансовой отчетности	328	288	564
Организация совместного досуга	156	98	1156
Источник: составлено авторами на основе данных исследования «Поколение и гендер» (Республика Беларусь, 2023 год).			

Необходимо отметить, что наличие детей в возрасте до 14 лет не влияет на распределение ответов на вопросы о выполнении домашних обязанностей среди мужчин и женщин (*рис. 2*).

а) есть дети до 14 лет

б) нет детей до 14 лет

Рисунок 2. **Распределение ответов (всегда я, обычно я) на вопрос о выполнении домашних обязанностей среди мужчин и женщин, указавших наличие / отсутствие детей до 14 лет, %**

Источник: составлено авторами на основе данных исследования «Поколение и гендер» (Республика Беларусь, 2023 год).

Стоит отметить, что мужчин в большей степени удовлетворяет подобное распределение домашних обязанностей, нежели женщин. Так, средний балл удовлетворенности распределением домашних обязанностей для мужчин составил 8,8 балла, а для женщин – 8,1 балла[2]. Среди женщин, несмотря на преобладание высоких оценок степени удовлетворенности распределением домашних обязанностей по таким видам деятельности, как ежедневное приготовление еды, уборка дома, стирка, оплата счетов и ведение финансовой отчетности, значительная часть (порядка 100–170 ответов) имеют среднюю степень удовлетворенности (*табл. 2*).

Таблица 2. **Количество ответов «обычно я» и «всегда я» среди мужчин и женщин на вопрос: «Насколько вы удовлетворены распределением домашних обязанностей между вами и вашим партнером?»**

Домашние обязанности	Пол респондента	Степень удовлетворенности распределением домашних обязанностей		
		низкая (0–3)	средняя (4–7)	высокая (8–10)
Ежедневное приготовление еды	Мужчины	0	11	21
	Женщины	22	164	361
Уборка дома	Мужчины	0	12	68
	Женщины	20	131	250
Стирка	Мужчины	0	7	21
	Женщины	22	176	432
Мелкий ремонт	Мужчины	4	82	561
	Женщины	11	16	23
Оплата счетов и ведение финансовой отчетности	Мужчины	3	25	257
	Женщины	17	104	201
Организация совместного досуга	Мужчины	0	8	88
	Женщины	15	55	76
Источник: составлено авторами на основе данных исследования «Поколение и гендер» (Республика Беларусь, 2023 год).				

Таким образом, проведенное исследование подтверждает, что, несмотря на прогресс в достижении гендерного равенства в различных сферах жизнедеятельности, в белорусских семьях сохраняются традиционные гендерные роли. Женщины по-прежнему берут на себя большую часть домашних обязанностей, что приводит к их меньшей удовлетворенности по сравнению с мужчинами. Для достижения баланса в семейных отношениях необходимо продолжать работу по преодолению гендерных стереотипов и продвижению равного распределения обязанностей между партнерами. Это требует как изменения общественного сознания, так и поддержки со стороны государства через образовательные и социальные программы.

Библиографический список

1. Багирова А.П., Шубат О.М. (2011). Концетуальные подходы к анализу качества родительского труда // Экономический анализ: теория и практика. № 31(238). С. 2–6.
2. Багирова А.П., Шубат О.М., Пшеничникова М.М. (2011). Методические принципы анализа родительского труда // Экономический анализ: теория и практика. № 46(253). С. 9–16.

[2] Для расчета среднего балла удовлетворенности распределением домашних обязанностей для мужчин и женщин была применена формула среднего арифметического взвешенного. Средний балл рассчитывался как сумма произведений каждого балла удовлетворенности на количество ответов, соответствующих этому баллу, деленная на общее количество ответов.

3. Доклад о человеческом развитии за 2023–2024 гг. URL: https://hdr.undp.org/system/files/documents/global-report-document/hdr2023-24reportru.pdf (дата обращения: 18.03.2025).
4. Глобальный доклад о гендерном разрыве (2024). URL:https://www3.weforum.org/docs/WEF_GGGR_2024.pdf (дата обращения: 18.03.2025).
5. Задворнова Ю.С. (2014). Дифференциация домашнего труда в Российской семье: гендерные стереотипы и современные тенденции // Женщина в российском обществе. № 1. С. 51–58.
6. Постановление Совета Министров Республики Беларусь № 793 от 30 декабря 2020 г. «О Национальном плане действий по обеспечению гендерного равенства в Республике Беларусь на 2021-2025 годы». URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=C22000793 (дата обращения: 18.03.2025).

Информация об авторах

Мурашко Ольга Юрьевна (Беларусь, Минск) – научный сотрудник, Институт экономики НАН Беларуси (, Беларусь, г. Минск, 220072, ул. Сурганова, д. 1, к.2; olga-rebenok@mail.ru).

Кот Ульяна Владимировна (Беларусь, Минск) – младший научный сотрудник, Институт экономики НАН Беларуси (Беларусь, г. Минск, 220072, ул. Сурганова, д. 1, к.; ulyankot@gmail.com).

Murashko O.Y., Kot U.V.

GENDER STEREOTYPES IN THE DISTRIBUTION OF HOUSEHOLD RESPONSIBILITIES IN THE MODERN BELARUSIAN FAMILY

Abstract. *The article is devoted to the study of gender stereotypes in the distribution of household responsibilities in modern Belarusian families. Based on data from the sociological study "Generations and Gender Survey", the division of labor between men and women is analyzed, as well as their level of satisfaction with this distribution.*

Keywords: *gender stereotypes, household duties, family, Republic of Belarus, gender equality.*

About the author

Murashko Olga Yuryevna (Belarus, Minsk) – Researcher, Institute of Economics of the NAS of Belarus (Belarus, Minsk, 220072, Surganova str., 1/2; olga-rebenok@mail.ru).

Kot Ulyana Vladimirovna (Belarus, Minsk) – Junior Researcher, Institute of Economics of the NAS of Belarus (Belarus, Minsk, 220072, Surganova str., ½; ulyankot@gmail.com).

References

1. Bagirova A.P., Shubat O.M. (2011). Conceptual approaches to analyzing the quality of parental labor. Economic Analysis: Theory and Practice, 31(238), pp. 2–6.
2. Bagirova A.P., Shubat O.M., Pshenichnikova M.M. (2011). Methodological principles of analyzing parental labor. Economic Analysis: Theory and Practice, 46(253), pp. 9–16.
3. Human Development Report 2023 – 2024. Available at: https://hdr.undp.org/system/files/documents/global-report-document/hdr2023-24reportru.pdf (accessed: 18.03.2025).
4. Global Gender Gap Report (2024). Available at: https://www3.wefrum.org/doc s/WEF_GGGR_2024.pdf (accessed: 18.03.2025).
5. Zadvornova Y.S. (2014). Differentiation of domestic labor in the Russian family: Gender stereotypes and modern trends. Woman in Russian Society, 1, pp. 51–58.
6. Decree of the Council of Ministers of the Republic of Belarus No. 793 of 30 December 2020 "On the National Action Plan for Gender Equality in the Republic of Belarus for 2021–2025". Available at: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=C22000793

УДК 316.772.3:159.99

Нятина Н.В., Лось М.А.

К ВОПРОСУ О ГРУППИРОВКЕ ТРИГГЕРОВ СЕТЕВОЙ КОММУНИКАЦИИ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОБИЛИЗАЦИИ

Аннотация. *В настоящее время с развитием информационных технологий интенсификация и диверсификация триггеров в сетевом пространстве возрастает. Их сбор, диагностика и типологизация становятся актуальной междисциплинарной исследовательской задачей. В статье рассматривается проблема сетевой коммуникации в условиях сетевой коммуникации с акцентом на социально-психологическую природу триггеров и их специфику проявления в виртуальной среде.*

Ключевые слова: *сетевая коммуникация, триггеры, группировка, сетевой анализ, социально-политическая мобилизация.*\

Благодарность

Печатается в рамках реализации Гранта РНФ «Социальная и политическая мобилизация конструктивного и деструктивного типа в условиях множества сетевых миров сибирских регионов ресурсного развития: возможности применения инструментов data-mining», № 24-28-01230.

Сетевая коммуникация в современном обществе является неотъемлемой частью социально-политического взаимодействия. Скорость передачи информации, интенсивность обновления потока, возможность ранжирования контента в зависимости от собственных интересов и запросов, формирует обновленное инфополе, которое субъективно скорректировано, одновременно отражает актуальную повестку, но и является усеченной версией сетевых стимулов и реакций. Триггерность обратной реакции в процессе коммуникации необходимо рассматривать с точки зрения междисциплинарного подхода. Само слово «триггер» означает «спусковой крючок» и пришло в гуманитарное знание из технических наук. Если переносить значение данного термина в область социально-психологического понимания, то его можно рассматривать как определенный раздражитель, который запускает ответную реакцию пользователей на инфоповод (событие, ситуацию и др.).

Триггерность коммуникации является предметом изучения бихевиоризма. Так, в классической традиции данного направления отмечается, что успешная социальная адаптация, конструктивные реакции, деструктивные поступки – вся эта деятельная активность, которая является отражением, сочетанием реакций на триггерность в социальной действительности. Каждая реальность устанавливает определенные ожидаемые «раздражители», которые характеризуют общественное настроение и готовность к деятельности в различных условиях, в том числе при социально-политической мобилизации [6]. Так, если поставить личность «лицом к лицу с какой-нибудь ситуацией» (природного или социального характера), то она будет вынуждена определенным образом реагировать, «даже если и не сдвинется с места или если упадет в обморок». Научное же знание призвано диагностировать и распознавать определенные вероятные ситуации или стимулы, которые влияют на обратную связь, и по ней предсказывать вероятную реакцию для того, чтобы предвидеть риски и угрозы. С точки зрения отечественной субъективной школы в социологии, «раздражители» социального поведения многообразны, но напрямую обусловлены личностными характеристиками и стремлениями. Так, если личность понимает особенности общественного развития, тенденции и тренды актуальных социальных реформ, ее деятельная активность может развиваться в трех основных направлениях: «говорения», «режима невидимой политической силы» или целенаправленного прогрессивного воздействия на социальные изменения [4].

Однако, когда триггеры сетевых коммуникаций появляются в фокусе исследовательского поля, необходимо учитывать 4 ключевых измерения:

1) синхронность присутствия пользователей и возможность одновременной реакции нескольких субъектов, но при этом обратная связь может быть разнонаправленной, исходя из жизненного опыта, личностных диспозиций и ключевых жизненных ориентиров;
2) «короткая» социальная дистанция в процессе коммуникации.
3) обмен виртуальными знаками внимания (лайками, эмотиконами, «подмигиваниями») как способ «постучаться» и предложить начало актуального виртуального контакта [3].
4) тональность коммуникации (конструктивная, деструктивная, нейтральная).

Именно данное качественное измерение и его соответствующая диагностика направлено на решение прикладных исследовательских задач в условиях турбулентности и неопределенности. В современном потоке символов и знаков такая идентификация требует разработок в области нейросетевого программирования с привлечением возможностей искусственного интеллекта.

Так, разработка специализированного словаря для определения тональности текстов в контексте социально-политической мобилизации представляет собой сложную задачу, требующую комплексного подхода и учета множества лингвистических и технических аспектов. В отличие от традиционных словарей, которые классифицируют слова по шкале «положительный – нейтральный – отрицательный», разрабатываемый словарь должен учитывать категориальное различие между конструктивной и деструктивной риторикой. Конструктивные элементы предполагают диалог, направленный на рациональное обсуждение, поиск оптимальных решений, поддержку конструктивного взаимодействия и развитие социальной активности. Деструктивные элементы, наоборот, связаны с провокацией, манипуляцией, разжиганием конфликта, распространением недостоверной информации или радикализацией взглядов.

Для формирования словаря необходимо предварительно собрать корпус текстов, содержащих релевантную лексику. Однако язык сетевого общения в условиях социально-политической мобилизации существенно отличается от литературных норм и официального стиля речи. Такой вид общения зачастую содержит неформальную лексику, метафоры, сленг, а также различные формы иронии, сарказма и эмоционально окрашенной речи. Одной из важных особенностей является необходимость сбора и систематизации корпуса текстов, содержащих релевантную лексику. Эти особенности усложняют автоматизированную обработку, поскольку стандартные инструменты обработки естественного языка, предназначенные для анализа литературных текстов (например, SentiWordNet, NRC Emotion Lexicon) [1], могут неправильно интерпретировать смысл высказываний. Дополнительной сложностью является необходимость различения многозначных слов и выражений. Например, слово «баррикады» может использоваться как в историческом контексте («баррикады Парижа 1871 года»), так и в метафорическом смысле («выйти на баррикады», как призыв к протесту). Прямое включение таких слов в категорию конструктивных или деструктивных без учета контекста может привести к неверным выводам. В связи с этим, при составлении словаря целесообразно применять методы контекстного анализа, такие как технологии векторного представления слов (word embeddings), модели трансформеров (BERT, RuBERT) и тематическое моделирование (LDA) [2, 5].

Рассматривая предыдущий пример, можно сделать вывод, что слова и выражения могут менять свою тональность в зависимости от контекста употребления. Например, одно и то же может восприниматься как положительный или отрицательный термин в зависимости от политической позиции автора. Еще более сложной задачей является обработка метафор, эвфемизмов и сарказма. Традиционные методы анализа тональности, такие как определение тональности на основе фиксированного списка слов, оказываются недостаточными для их интерпретации. В таком случае актуальным является использование предобученных языковых моделей, позволяющих учитывать контекст употребления слов. Дополнительно требуется предварительная разметка корпуса, которая включает в себя аннотацию текстов по уровням конструктивности и деструктивности. Это требует участия экспертов, что делает процесс длительным и трудоемким.

Также нужно учитывать, что лексика, используемая в интернет-пространстве, подвергается быстрым изменениям. Новые слова, выражения, интернет-мемы и сленговые фразы появляются и исчезают в течение нескольких месяцев или даже недель. Эти особенности требуют регулярного обновления словаря, в противном случае его эффективность будет снижаться. Автоматизированное обновление возможно с помощью мониторинга текстов с использованием методов машинного обучения, таких как скрытые марковские модели и нейросетевые классификаторы. Однако качество данных при автоматическом обновлении остается проблемой, поскольку без ручной проверки могут быть включены нерелевантные или

ошибочно классифицированные термины. Для наглядности, процесс обновления словаря можно описать с помощью следующих ключевых этапов:

1) сбор исходных данных из интернет-источников, таких как социальные сети, форумы, новостные сайты и т. п.

2) обработка собранных корпусов текстов, включающая удаление стоп-слов и нормализацию слов для возможности их загрузки и повышения качества работы модели определения тональности текста;

3) распределение слов из корпусов по заранее выбранным категориям;

4) обновление словаря, заключающееся в добавлении новых терминов и слов, а также удалении устаревших данных.

Другой немаловажной проблемой является необходимость баланса между общностью и спецификой словаря. Узкий словарь может не учитывать все возможные языковые конструкции, что может привести к снижению точности модели. Слишком широкий словарь, напротив, может увеличить количество ошибок и снизить эффективность анализа. Оптимальным решением является кластеризация слов и выражений, при которой термины группируются по смыслу. Например, слова «диалог», «компромисс» и «переговоры» можно объединить в группу «конструктивная коммуникация», а слова «провокация», «угроза» и «раскол» – в группу «деструктивная риторика». Такой подход позволит повысить точность классификации и снизить вероятность ошибок.

Таким образом, создание специализированного словаря для определения конструктивных и деструктивных элементов в текстах, связанных с социально-политической мобилизацией, требует комплексного подхода. Необходимо учитывать специфику сетевой коммуникации, динамики изменений языка, а также разработку методов контекстной интерпретации значений слов. Наиболее эффективными решениями данной проблемы являются применение предобученных моделей NLP, автоматизированный сбор данных и кластеризация терминов на основе семантических признаков [7]. Однако при этом важно сохранять баланс между автоматизированными и экспертными методами, чтобы избежать искажения смысла и снижения качества анализа.

Библиографический список

1. Быльева Д.С. (2022). Слово в техногенном многомерном пространстве // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. № 1(21). С. 18–33. DOI: 10.17726/philIT.2022.1.2
2. Глухов А.П., Кужелева-Саган И.П., Окушова Г.А. (2017). Методология и концептуальная рамка исследования: новое фреймирование коммуникаций и их конвергенция // Социальные сети как инфраструктура межличностного общения цифрового поколения: трансформация фреймов коммуникации: коллективная монография / науч. ред. И.П. Кужелева-Саган. Томск: Издательский Дом Томского государственного университета. С. 7–51.
3. Лавров П.Л. (1934). Избранные сочинения на социально-политические темы в 8 т. М.: Всес. общество политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1934–1935. 4 т. (Классики революционной мысли домарксистского периода II). Т 1. 1857–1871. 518 с.
4. Минаев В.А., Симонов В.А. (2022). Сравнение моделей-трансформеров BERT при выявлении деструктивного контента в социальных медиа. Информация и безопасность. Т. 25. № 3. С. 341-348. DOI: 10.36622/VSTU.2022.25.3.003
5. Основные направления психологии в классических трудах. Бихевиоризм. Э. Торндайк. Принципы обучения, основанные на психологии. Д. Б. Уотсон. Психология как наука о поведении (1998). М.: Издательство АСТ-ЛТД. 704 с.
6. Патисов Р.О., Калитин Н.С. (2023). Основные подходы к исследованию текста в компьютерной лингвистике 21 века // Физико-математические, естественно-научные и социальные аспекты современного развития науки, техники и общества: материалы III Региональной со всероссийским участием молодежной научной конференции, г. Казань, 26 мая 2023 года. Казань: ИП Сагиев А.Р. С. 80–85.
7. Simay Akar S.A., Ya S.K., Yang S.K., Mi J.N., Mi J. N. (2024). Sentiment Analysis on 'HelloTalk' App Reviews Using NRC Emotion Lexicon and GoEmotions Dataset. Korean Institute of Smart Media,13(6), pp. 35–43. DOI: 10.30693/smj. 2024.13.6.35

Информация об авторах

Нятина Наталья Владимировна (Россия, Кемерово) – кандидат социологических наук, доцент, Кемеровский государственный университет (Россия, Кемерово, 650000, ул. Красная, 6; kozeeva_n@mail.ru).

Лось Михаил Александрович (Россия, Кемерово) – ассистент кафедры цифровых технологий, Кемеровский государственный университет (Россия, Кемерово, 650000, ул. Красная, 6, mihail.los124@gmail.com).

Nyatina N.V., Los M.A.

ON THE ISSUE OF GROUPING NETWORK COMMUNICATION TRIGGERS IN THE CONTEXT OF SOCIO-POLITICAL MOBILIZATION

Abstract. *Currently, with the development of information technology, the intensification and diversification of triggers in the network space is increasing. Their collection, diagnosis and typologization are becoming an urgent interdisciplinary research task. The article discusses the problem of network communication in the context of network communication with an emphasis on the socio-psychological nature of triggers and their specific manifestations in a virtual environment.*

Keywords: *network communication, triggers, grouping, network analysis, socio-political mobilization.*

About the authors

Nyatina Natalya Vladimirovna (Russia, Kemerovo) – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Kemerovo State University (Russia, Kemerovo, 650000, Krasnaya str., 6; kozeeva_n@mail.ru).

Los Mikhail Aleksandrovich (Russia, Kemerovo) – assistant of the department of digital technologies, Kemerovo State University (Russia, Kemerovo, 650000, Krasnaya str., 6; mihail.los124@gmail.com).

References

1. Bylyeva D.S. (2022). The word in a technogenic multidimensional space. Philosophical problems of information technology and cyberspace, 1(21), pp. 18–33. DOI: 10.17726/philIT.2022.1.2
2. Glukhov A.P., Kuzheleva-Sagan I.P., Okushova G.A. (2017). Methodology and conceptual framework of research: new framing of communications and their convergence. Social networks as an infrastructure of interpersonal communication of the digital generation: transformation of communication frames: a collective monograph; ed. by I.P. Kuzheleva-Sagan. Tomsk: Publishing House of Tomsk State University, pp. 7–51.
3. Lavrov P.L. (1934). Selected essays on socio-political topics in 8 vol. Moscow: Vses. Society of Political Prisoners and exiled Settlers, 1934–1935. 4 vol. (Classics of the Revolution. thoughts of the pre-Marxist period. II). Vol. 1. 1857–1871. 518 p.
4. Minaev V.A., Simonov V.A. (2022). Comparison of BERT transformer models in identifying destructive content in social media. Information and Security, 25(3), pp. 341–348. DOI: 10.36622/VSTU.2022.25.3.003
5. The main directions of psychology in classical works. Behaviorism by E. Thorndike. Principles of learning based on psychology. D.B. Watson. Psychology as a science of behavior (1998). Moscow: AST-LTD Publishing House. 704 p.
6. Patisov R.O., Kalitin N.S. (2023). Basic approaches to text research in computational linguistics of the 21st century. Physico-mathematical, natural science and social aspects of the modern development of science, technology and society: Proceedings of the III Regional Youth Scientific Conference with All-Russian participation, Kazan, May 26, 2023. Kazan: IP Sagiev A.R., pp. 80–85.
7. Simay Akar S.A., Ya S.K. Yang S.K., Mi J.N., Mi J. N. (2024). Sentiment Analysis on 'HelloTalk' App Reviews Using NRC Emotion Lexicon and GoEmotions Dataset. Korean Institute of Smart Media, 13(6), pp. 35–43. DOI: 10.30693/smj.2024. 13.6.35

УДК 314.15 / ББК 74.95

Платонова А.П.

СЕМЕЙНО-БЫТОВОЕ НАСИЛИЕ В РОССИЙСКОЙ СЕМЕЙНОЙ ПОЛИТИКЕ: СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ

Аннотация. *Рассматривается проблема семейно-бытового насилия в контексте современных тенденций семейной политики. Обсуждаются возможные решения, направленные на улучшение ситуации. Подчеркивается важность принятия Законопроекта «О профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации».*

Ключевые слова: *семейная политика, семейно-бытовое насилие, общественное мнение, законодательство о домашнем насилии.*

Государственная семейная политика включает вопросы создания безопасной и здоровой среды для жизни и воспитания детей, формирования ценностей здоровых семейных отношений. Принимая во внимание современные вызовы, она играет ключевую роль в обеспечении стабильности и защите семейных ценностей, безопасности семьи. Эти подходы подробно раскрыты в законодательстве. В соответствии с Распоряжением Правительства РФ от 25 августа 2014 года № 1618-р «Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года» основными задачами государственной семейной политики в России на современном этапе стали: развитие экономической самостоятельности семей и создание условий для решения ими своих социальных задач; создание системы государственной поддержки для семей, включая помощь при рождении и воспитании детей; разработка механизмов поддержки семей, нуждающихся в улучшении жилищных условий; укрепление жизнеохранительной функции семьи и обеспечение здоровья ее членов; повышение ценности семейного образа жизни, сохранение духовных и нравственных традиций в семейных отношениях и воспитании; содействие в реализации воспитательного и культурно-образовательного потенциала семьи; обеспечение социальной защиты семейств и детей, нуждающихся в особом внимании со стороны государства; профилактика семейного неблагополучия, детской безнадзорности и беспризорности; повышение эффективности системы социальной защиты семей с несовершеннолетними детьми, вовлеченными в гражданское, административное и уголовное судопроизводство [4].

В этом контексте домашнее насилие является одной из самых острых социальных проблем, затрагивающих жизни многих семей. В условиях современного общества, где ценности равенства и защиты прав человека становятся все более актуальными, роль государства в предотвращении этого явления не может быть недооценена. Тем не менее, существует значительное несоответствие между заявленной политикой и реальными действиями властей, что особенно заметно в области законодательства и социальных программ.

Проблема семейно-бытового насилия в нашей стране актуальна. На это указывают данные опросов населения. Сравнение социологических замеров состояния домашнего насилия, отношения к нему, которые проводились в 2019 и 2024 гг. показало: на вопрос о том, подвергались ли респонденты за последний год насилию со стороны членов семьи, в 2019 году положительно ответили 44 респондента (2,8%), а в 2024 году – 59 чел. (3,7%) из 1600 опрошенных [5].

Доля респондентов, в отношении которых со стороны других членов семьи в течение последнего года применялось физическое или сексуальное насилие, в 2024 году практически не изменилась по сравнению с 2019 годом (изменение в пределах статистической погрешности). В сумме по этим видам насилия за год подвергается около 1,5% взрослого населения. В то же время в 2024 году существенно (по сравнению с 2019 годом) возросло число лиц, подвергавшихся психологическому (+83%) и экономическому насилию (+200%). Последние две цифры свидетельствуют, по меньшей мере, о том, что стало больше тех, кто готов признать, что в отношении них применяется нефизическое насилие.

На вопрос о том, что относится к домашнему насилию (можно было назвать несколько видов насилия), в 2024 году (в 2019 году вопрос не задавался) получены следующие ответы: 95,5% респондентов признают, что домашнее насилие может быть физическим; 88% считают, что оно может быть сексуальным; 87% – домашнее насилие может быть психологическим, например, в виде оскорблений, унижения; 61,3% допускают, что домашнее насилие может быть экономическим [5].

С одной стороны, результаты опросов показывают, что распространенность случаев домашнего насилия за последние пять лет осталась на том же уровне. С другой стороны, можно сделать вывод о том, что большинство случаев семейного насилия остаются в плоскости регулирования «близкого круга».

Проблема домашнего насилия актуальна для всех слоев нашего общества. Мы полагаем, что она вносит свой вклад в проблему снижения рождаемости – одну из острых современных проблем [1]. Это дает основание утверждать, что в обществе назрела острая необходимость незамедлительного принятия законопроекта о профилактике бытового насилия в стране, учитывая все рекомендации и коррективы международных стандартов, обеспечивающие реальную защиту населения [2].

Дискуссия о необходимости принятия закона о домашнем насилии в России ведется уже много лет. В сентябре 2016 года в Госдуму был представлен проект закона «О профилактике семейно-бытового насилия». Однако в октябре того же года комитет Госдумы по вопросам семьи, женщин и детей решил вернуть законопроект авторам, поскольку не было получено заключение правительства. В 2017 году создана рабочая группа из депутатов и сенаторов для доработки законопроекта. К ноябрю 2019 года законопроект опубликован на сайте Совета Федерации для общественного обсуждения, в ходе которого получено более 11 тыс. отзывов.

Тем не менее законопроект так и не был внесен в Госдуму. В.И. Матвиенко отмечала наличие «радикальных мнений» по данному закону. В декабре 2021 года Г.Н. Карелова, в то время вице-спикер Совета Федерации, сообщила, что «текущая версия законопроекта о профилактике семейно-бытового насилия не получила одобрения всех обсуждающих», и он не будет внесен в текущую сессию.

Данный вопрос периодически поднимается в СМИ. Эту проблему мы рассматривали в своей статье [3]. В ней на материалах анализа публикаций газеты «Известия» показано, что заметно изменилось соотношение новостных и аналитических материалов по данной теме, где доля аналитических материалов выросла, новостных – сократилась. Это может свидетельствовать о том, что обсуждение данной темы углубляется. В то же время наблюдается снижение доли положительных упоминаний о законопроекте, что говорит об определенных сдвигах в восприятии этой проблематики в процессе ее осмысления в сторону более критического отношения к ней [5].

Заслуживает внимания недавнее интервью директора Центра мониторинга законодательства и правоприменения Университета им. О.Е. Кутафина Олега Гриня[1]: «Надо не говорить о совершенствовании Уголовного Кодекса и Кодекса об административных правонарушениях относительно домашнего насилия. Закон о домашнем насилии про другое. Он должен быть посвящен системе мер профилактики семейно-бытового насилия. Главное не работать с последствиями, главное устранить причину».

Принятие закона о профилактике семейно-бытового насилия – это не только необходимость, но и обязанность каждого современного государства. Защита прав людей, страдающих от насилия в семье, должна быть приоритетом для общества. Создание эффективного законодательства в этой области позволит не только сократить количество случаев насилия, но и гарантировать пострадавшим доступ к необходимой помощи и поддержке.

[1] Программа «Утро России». Телеканал Россия. Эфир от 13 марта 2025 года. URL:https: //smotrim.ru/video/2945409

Библиографический список

1. Власти оценили динамику рождаемости в России до 2026 года // РБК. Экономика. 03.10.2023. URL: https://www.rbc.ru/economics/03/10/2023/651a95509a7947addf136c31
2. Платонова А.П., Гоголева С.Д. (2020). Семейно-бытовое насилие в общественном мнении (по результатам вторичного анализа социологических опросов) // Социология и общество: традиции и инновации в социальном развитии регионов: сборник докладов VI Всероссийского социологического конгресса, г. Тюмень, 14–16 октября 2020 г. / отв. редактор В.А. Мансуров. Тюмень: Российское общество социологов. С. 4555–4559. DOI: 10.19181/kongress.2020.536
3. Платонова А.П., Гоголева С.Д. (2022). Законопроект о семейно-бытовом насилии и отношения к нему отечественного медийного пространства: на примере публикаций газеты «Известия» // Коммуникология: электронный научный журнал. Т. 7. № 4. С. 73–80.
4. Распоряжение Правительства РФ от 25 августа 2014 г. № 1618-р «Об утверждении Концепции государственной семейной политики в РФ на период до 2025 г. // Собрание законодательства Российской Федерации от 1 сентября 2014 г. № 35. Ст. 4811. URL: http:// www.jurizdat.ru/editions/official/lcrf/archive/2014/35.htm
5. Щепельков В.Ф., Савин С.Д., Тимоши Е.М. (2024). Домашнее насилие в Российской Федерации (состояние, проблемы криминологической оценки) // Всероссийский криминологический журнал. Т. 18. № 3. С. 232–244.

Информация об авторе

Платонова Антонина Петровна (Россия, Москва) – кандидат социологических наук, доцент, Институт государственной службы и управления, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», (Россия, Москва, 119571, пр-кт. Вернадского, д. 82, стр. 1; app.06@mail.ru).

Platonova A.P.

DOMESTIC VIOLENCE IN RUSSIAN FAMILY POLICY: MODERN CHALLENGES

Abstract. *The article considers the problem of domestic violence in the context of modern trends in family policy. Possible solutions aimed at improving the situation are being discussed. The importance of the adoption of the Draft Law "On the prevention of domestic violence in the Russian Federation" is emphasized.*

Keywords: *family policy, domestic violence, public opinion, legislation on domestic violence.*

About the author

Platonova Antonina Petrovna (Russia, Moscow**)** – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Institute of Public Administration and Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia, Moscow, 119571, ave. Vernadsky, 82, building 1; app.06@mail.ru).

References

1. The authorities estimated the dynamics of the birth rate in Russia until 2026. RBC. Economy. 03.10.2023. Available at: https://www.rbc.ru/economics / 03/10/2023/651a95509a7947ad df136c31
2. Platonova A.P., Gogoleva S.D. (2020). Domestic violence in public opinion (based on the results of a secondary analysis of sociological surveys). Sociology and society: traditions and innovations in the social development of regions: Collection of reports of the VI All-Russian Sociological Congress, Tyumen, October 14–16, 2020; ed. by V.A. Mansurov. Tyumen: Russian Society of Sociologists, pp. 4555–4559. DOI: 10.19181/kongress.2020.536

3. Platonova A.P., Gogoleva S.D. (2022). The draft law on domestic violence and attitudes towards it in the domestic media space: on the example of publications of the newspaper Izvestia. Kommunikologiya: electronic scientific journal, 7 (4), pp. 73–80.
4. Decree of the Government of the Russian Federation dated August 25, 2014. No. 1618-r "On Approval of the Concept of State Family Policy in the Russian Federation for the period up to 2025. Collection of Legislation of the Russian Federation dated September 1, 2014. No. 35. V. 4811. URL: http://www.jurizdat.ru/editions/official/lcrf/archive/2014/35.htm
5. Shchepelkov V.F., Savin S.D., Timoshina E.M. (2024). Domestic violence in the Russian Federation (state, problems of criminological assessment). Russian Journal of Criminology, 18(3), pp. 232–244.

УДК 338.14

Ромашкина Г.Ф., Занчук М.Р.

ДИНАМИКА ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ РАСХОДОВ В КРИЗИСНЫЙ ПЕРИОД

Аннотация. *В данной работе раскрывается характеристика кризисных периодов и изменение на их фоне потребительского поведения, отмечен пробел в современных исследованиях потребления. Представлен анализ динамики показателей макроэкономического развития и потребительских расходов и сформулированы предположительные закономерности, наблюдаемые в период прохождения кризисов.*

Ключевые слова: *кризисные периоды, макроэкономическое развитие, потребительские расходы, потребительское поведение, уровень и качество жизни.*

На постсоветском этапе развития российской экономики население сталкивалось с периодами крайней нестабильности. Последствия кризисных явлений отражались на основных параметрах экономической системы. Потребление, которое является конечным этапом воспроизводства экономики, также подвергалось существенным изменениям. Это выражалось в постоянном процессе адаптации потребительских расходов к новым экономическим условиям. Снижение доходов, высокий уровень инфляции, безработица и иные негативные явления, наблюдаемые в кризисные периоды, вынуждало население постоянной менять стандарты потребления.

Каждый кризисный период и изменение параметров потребления широко освещены в литературе. Например, процесс структурного перехода, во время которого на место плановой экономики пришла рыночная система, сопровождался повышением инфляции и дефицитом товаров, который запустил процесс трансформации потребительского поведения. Повсеместное распространение получила потребительская модель выживания, в рамках которой потребительские расходы направлены, в первую очередь, на приобретение минимального набора жизненно необходимых благ. Постепенная стабилизация рыночных механизмов и наполнение рынков товарами отечественного и иностранного производства позволило разнообразить потребительскую корзину и расширить возможности для потребительских расходов [5].

Во время экономического восстановления 2008 года происходит повышение основных параметров уровня жизни населения. Благодаря повышению доходов и снижению бедности наблюдалось постепенное усложнение потребительской структуры, так как снижалась доля расходов на питание увеличивалось потребление услуг и непродовольственных товаров. В этот период формируется потребительская модель развития, при которой расширяется потребление товаров и услуг, предназначенных для повышения человеческого потенциала [6].

Финансовый кризис 2008 года и исчерпание возможностей развития в рамках экспортно-ориентированной модели определили дальнейшее замедление темпов экономического роста и стагнацию в сфере потребительских расходов [3]. Обострение геополитической ситуации и введение санкций в 2014 году ухудшили состояние основных макроэкономических параметров и развернули обратный тренд в сторону распространения потребительской модели выживания. Падение уровня жизни определило переход в сторону режима экономии. По мере посткризисного восстановления население переходило на затратную модель потребления, наращивая потребление за счет кредитования и использования сбережений [2]. Пандемия коронавируса, вызвавшая введение ограничительных мер, ограничила возможности для экономического роста и потребительской активности. Данный кризис вызывал, с одной стороны, сокращение потребления товаров и услуг и, с другой стороны, простимулировал спрос на потребление некоторых продуктов питания [1, 4]. Дальнейшее ухудшение международных отношений и усиление санкционного давления изменили основные параметры функционирования экономики, на фоне которых продолжился тренд примитивизации структуры потребления [7].

Таким образом, развитие российской экономики находилось под постоянным воздействием внутренних и внешних факторов, которые приводили к трансформации потребительских практик и значительным колебаниям потребительских расходов.

Однако исследования, посвященные динамике потребительских расходов, не рассматривают основные закономерности потребления, которые свойственны каждому кризисному периоду. В основном, исследователи представляли эмпирическое описание изменения потребления или потребительских настроений, которые касаются только конкретного кризиса. Такой подход не позволяет выявить повторяющиеся явления в области потребления, которые происходили под давлением кризисов, и предсказать модель потребительского поведения, которое выберет население в момент следующего нестабильного периода.

Для заполнения указанного пробела необходимо проведение исследования влияния различных кризисный явлений на динамику потребительских расходов. Предполагается, что существуют общие закономерности и специфические особенности в сфере динамики потребительских расходов, которые проявляются в момент прохождения кризисных периодов. Ясно, что для подтверждения данной гипотезы необходим всесторонний анализ целой системы показателей, отражающих макроэкономические и потребительские параметры экономики. Однако примерное представление о наличии данных закономерностей раскрывается с помощью сопоставления двух показателей, к которым относится индекс физического ВРП и доля покупки продуктов питания в структуре потребления. Индекс физического ВРП является основным макроэкономическим показателем, который отражает состояние экономической системы. Показатель доли продуктов питания в структуре потребления позволяет оценить текущий уровень жизни населения и сделать выводы о модели потребления, которую использует населения в конкретных период. Индекс физического ВРП позволит выделить кризисные ситуации, которые происходили на общем фоне экономического развития, а показатель доли продуктов питания раскроет реакцию потребителей, которая наблюдалась в периоды нестабильности.

Динамика показателей показывает наличие определенной связи между макроэкономическим развитием и динамикой потребления в период прохождения кризисов (*рис. 1*).

Рисунок 1. **Индекс физического объема ВРП и доля продовольствия в структуре потребления, 2000–2023 гг.**

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204 (дата обращения: 08.03.2025).

Реакцией на мировой финансовый кризис 2008 года является существенное падение темпов производства и увеличение продуктов питания в структуре потребления. Кризис 2014–2015 гг. сократил темпы экономического роста, а доля продуктов питания в структуре потребления достигла значения 2005 года. Постепенный восстановительный рост и плавная положительная тенденция в потреблении остановились с началом пандемии коронавируса 2020 года, что привело к международной нестабильности 2022 года, во время этих процессов происходило падение макроэкономического параметра и перераспределение расходов в сторону приобретения продуктов питания. Таким образом, каждый кризисный период, который обуславливался падением темпов экономического развития, приводил к увеличению доли продовольствия в структуре потребления.

Динамика доли продовольствия в структуре потребления за рассматриваемый период позволяет сформулировать ряд предположительных выводов о потреблении в целом, поскольку данный показатель позволяет оценивать не только потребление продовольствия, но и потребление непродовольственных товаров и услуг, а также предполагать возможные изменения в области качества и уровня жизни. Кризисный период вынуждал население увеличивать долю продовольствия в структуре потребления. Из этого следует, что население видоизменяло структуру потребления в сторону примитивизации. Это касается как продовольственных, так и непродовольственных товаров. Под давлением кризиса население отказывается от потребления некоторой части высококалорийных продуктов питания и концентрируется на потреблении продовольственных товаров из более дешевого сегмента.

Рост расходов на продовольствие в структуре потребления означает сокращение остальных статей затрат. Скорее всего, кризисный период вынуждает население сокращать расходы на непродовольственные товары, так как их потребление не является необходимым для поддержания жизнедеятельности. Перераспределение средств в сторону продовольствия сужает возможности населения приобретать услуги в области культуры, медицины и образования. Отказ от потребления данных услуг не позволяет населению воспроизводить человеческий потенциал в прежнем объеме, сокращает продолжительность жизни и снижает производительность труда. Таким образом, статистические данные позволяют предположить, что общей закономерностью для потребления в кризисные периоды является увеличение доли расходов на продовольствие и снижение доли расходов на непродовольственные товары и услуги в структуре потребления, что вызывает сокращение уровня и качества жизни.

Библиографический список

1. Бурдяк А.Я. (2021). Потребление товаров и услуг в 2020 г.: пандемическая модель // Экономическое развитие России. № 2.URL: https://cyberleninka.ru/article/n /potreblenie-tovarov-i-uslug-v-2020-g-pandemicheskaya-model (дата обращения:19.01.2025).
2. Григорьев Л.М., Павлюшина В.А., Бриллиантова В.В., Бондаренко К.А. (2018). Региональная динамика доходов и потребительского спроса населения в России // Пространственная экономика. № 3. URL: https://cyberleninka.ru/article /n/regionalnaya-dinamika-dohodov-i-potrebitelskogo-sprosa-naseleniya-v-rossii (дата обращения: 02.12.2024).
3. Зубаревич Н.В., Сафронов С.Г. (2019). Доля продуктов питания в структуре расходов населения регионов России как индикатор уровня жизни и модернизации потребления // Вестник Московского университета. Серия 5. География. № 2. С. 61–68.
4. Михеева Н.Н. (2022). Доходы и потребление домашних хозяйств в регионах в условиях пандемии // Регион: экономика и социология. № 3(115). С. 81–104.
5. Овчарова Л.Н., Бирюкова С.С., Тер-Акопов С.А. [и др.] (2014). Что изменилось в доходах, расходах и потреблении российского населения? Вып. 2. М.: НИУ ВШЭ. 42 с.
6. Россинская Г.М. (2016). Факторы и закономерности потребительского поведения домохозяйств в условиях трансформационной российской экономики // Уровень жизни населения регионов России. № 3(201). URL: https://cyber leninka.ru/article/n/faktory-i-zakonomernosti-potrebitelskogo-povedeniya-domohozyaystv-v-usloviyah-transformatsionnoy-rossiyskoy-ekonomiki

7. Широв А.А. (2023). Развитие российской экономики в среднесрочной перспективе: риски и возможности // Проблемы прогнозирования. № 2(197). С. 6–17. DOI: 10.47711/0868-6351-197-6-17

Информация об авторах

Ромашкина Гульнара Фатыховна (Россия, Тюмень) – доктор социологических наук, профессор Тюменский государственный университет (Россия, г. Тюмень, 625000, ул. Володарского, д. 6; gr136@mail.ru).

Занчук Максим Русланович (Россия, Тюмень) – аспирант, Тюменский государственный университет (Россия, г. Тюмень, 625000, ул. Володарского, д. 6; zanchuk2001@mail.ru).

Romashkina G.F., Zanchuk M.R.

DYNAMICS OF CONSUMER SPENDING IN THE CRISIS PERIOD

Abstract. *This paper reveals the characteristics of crisis periods and changes in consumer behavior against their background, and highlights a gap in modern consumer research. The analysis of the dynamics of indicators of macroeconomic development and consumer spending is presented and the proposed patterns observed during the passage of crises are formulated.*

Keywords: *crisis periods, macroeconomic development, consumer spending, consumer behavior, standard and quality of life.*

About the authors

Romashkina Gulnara Fatykhovna (Russia, Tyumen) – Doctor of Sociological Sciences, Professor Tyumen State University (Russia, Tyumen, 625000, 6 Volodarskogo str.; gr136@mail.ru).

Zanchuk Maxim Ruslanovich (Russia, Tyumen) – Postgraduate student, Tyumen State University (Russia, Tyumen, 625000, 6 Volodarskogo str.; zanchuk2001@mail.ru).

References

1. Burdyak A.Y. (2021). Consumption of goods and services in 2020: a pandemic model. Economic development of Russia, 2. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/potreblenie-tovarov-i-uslug-v-2020-g-pandemicheskaya-model (accessed: 19.01.2025).
2. Grigoriev L.M., Pavlushina V.A., Brilliantova V.V., Bondarenko K.A. (2018). Regional dynamics of income and consumer demand of the population in Russia. Spatial economics, 3. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/regionalnaya-dinamika-dohodov-i-potrebitelskogo-sprosa-naseleniya-v-rossii (accessed: 02.12.2024).
3. Mikheeva N.N. (2022). Household income and consumption in the regions in the context of a pandemic. Region. Economics and Sociology, 3(115), pp. 81–104.
4. Ovcharova L.N., Biryukova S.S., Ter-Akopov S.A. [et al.] (2014). What has changed in income, expenses and consumption of the Russian population? No. 2. M.: HSE. 42 p.
5. Rossinskaya G.M. (2016). Factors and patterns of consumer behavior of households in the conditions of the transformational Russian economy. The standard of living of the population of the Russian regions, 3(201). Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/faktory-i-zakonomernosti-potrebitelskogo-povedeniya-domohozy aystv-v-usloviyah-transformatsionnoy-rossiyskoy-ekonomiki (accessed: 01.11.2025).
6. Shirov A.A. (2023). Development of the Russian economy in the medium term: risks and opportunities. Problems of forecasting, 2(197), pp. 6–17. DOI: 10.47711/0868-6351-197-6-17
7. Zubarevich N.V., Safronov S.G. (2019). The share of food products in the structure of expenditures of the population of Russian regions as an indicator of living standards and modernization of consumption. Bulletin of the Moscow University. Series 5. Geography, 2, pp. 61–68.

УДК 330.16:613.2 / ББК 51.23

Сирковская Т.В.

ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ В МЕГАПОЛИСАХ (НА ПРИМЕРЕ ОЦЕНКИ СТРУКТУРЫ ПИТАНИЯ ЖИТЕЛЕЙ Г. ПЕРМИ)

Аннотация. *В работе описана структура питания жителей г. Перми в контексте продовольственного благополучия. Выявлены особенности потребления различных продуктовых категорий на основе гендерных и возрастных различий. Оценивается удовлетворенность качеством и безопасностью приобретаемой продукции.*

Ключевые слова: *продовольственное благополучие, структура питания, качество пищевой продукции, безопасность пищевой продукции, потребительское восприятие*.

В условиях динамично развивающихся социально-экономических реалий продовольственное благополучие населения, особенно в крупных городских центрах, приобретает первостепенное значение. Продовольственное благополучие, как комплексная характеристика, охватывает не только физическую и экономическую доступность продуктов питания, но и их качество, безопасность и соответствие потребностям населения в здоровом питании [2, с. 112]. Особую актуальность данная проблематика приобретает в контексте здоровьесберегающих стратегий, направленных на повышение качества жизни и увеличение продолжительности активного долголетия.

Нормативно-правовая база Российской Федерации уделяет пристальное внимание вопросам продовольственного благополучия. Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации, являясь основополагающим документом в данной сфере, определяет стратегические цели и задачи государства по обеспечению населения безопасной, качественной и доступной пищевой продукцией[1]. Доктрина акцентирует внимание на необходимости повышения самообеспеченности страны основными видами продовольствия, развития инфраструктуры хранения и переработки сельскохозяйственной продукции, а также на формировании у населения культуры здорового питания. Федеральные законы, технические регламенты и другие нормативные акты устанавливают требования к качеству и безопасности пищевой продукции, а также регламентируют механизмы контроля за их соблюдением.

Структура питания населения является одним из ключевых элементов продовольственного благополучия [4, с. 15]. Сбалансированный рацион, обеспечивающий организм необходимыми макро- и микроэлементами, витаминами и другими биологически активными веществами, играет определяющую роль в поддержании здоровья и профилактике различных заболеваний. Нерациональное питание, характеризующееся избыточным потреблением жиров, сахара, соли и недостаточным потреблением овощей, фруктов и цельнозерновых продуктов, является фактором риска развития ожирения, сердечно-сосудистых заболеваний, диабета и других хронических неинфекционных заболеваний [1, с. 61]. В связи с вышеизложенным, оценка структуры питания населения и выявление факторов, влияющих на пищевые предпочтения и выбор продуктов питания, является важной задачей для разработки эффективных мер по улучшению продовольственного благополучия и укреплению здоровья населения.

В рамках настоящего исследования предпринята попытка оценить структуру питания жителей г. Перми и их восприятие качества и безопасности пищевой продукции. Исследование проводилось на основе анализа данных опроса, включавшего вопросы о частоте потребления различных категорий продуктов питания, оценке уровня цен на продукты, а также об удовлетворенности качеством и безопасностью пищевой продукции. Полученные результаты позволяют выявить особенности структуры питания населения г. Перми, оценить доступность и качество продуктов питания.

[1] Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 30 января 2010 года № 120 // Совет Безопасности Российской Федерации. URL: http://www.scrf.gov.ru/security/economic/document108/ (дата обращения: 15.03.2025).

Представляется целесообразным акцентировать внимание на существующей проблемной ситуации в регионе, связанной с безопасностью и качеством плодоовощной продукции. Согласно данным, предоставленным контролирующими органами, в 2024 году в Пермском крае было изъято свыше 34 тонн плодоовощной продукции, не соответствующей установленным требованиям безопасности либо реализуемой с нарушениями маркировки [3], что свидетельствует о серьезных недостатках в системе контроля качества пищевой продукции, поступающей на потребительский рынок. Кроме того, в ходе проверок выявлен ряд нарушений, касающихся условий хранения и реализации испорченных товаров.

Эмпирической базой данного исследования выступили результаты формализованного онлайн-опроса населения г. Перми в возрасте 18 лет и старше, организованного и проведенного в период с 6 октября по 6 ноября 2024 года. Сбор данных осуществлялся посредством формализованного онлайн-опроса. Структурированная анкета включала закрытые вопросы, направленные на выявление потребительских предпочтений при выборе мест приобретения продуктов питания, степени удовлетворенности продукцией и оценки текущего уровня цен.

Для каждой категории продуктов питания (всего 13) был выделен отдельный блок вопросов, который пропускался, если респондент не употребляет данную категорию, вопросом-фильтром в этом случае выступал: «Сколько раз в неделю вы едите продукты питания каждой из представленных категорий?». Оценка надежности шкал проводилась с использованием коэффициента альфа Кронбаха, который составил 0,984, что свидетельствует о высокой внутренней согласованности исследовательского инструментария.

Общий объем выборочной совокупности составил 239 респондентов. В гендерной структуре выборки преобладают женщины, составляющие 62,7% от общего числа респондентов. Доля мужчин в выборке составляет 37,3%. Возрастная структура выборки включает три основные группы: 18–35 лет (31,1%), 36–59 лет (50,3%) и 60 лет и старше (18,6%). Преобладание лиц в возрасте 36–59 лет обеспечивает возможность анализа пищевого поведения и предпочтений наиболее активной части населения. Анализ образовательного уровня респондентов выявил значительную представленность лиц со средним профессиональным и высшим образованием. Так, 40% опрошенных имеют среднее профессиональное образование (техникум, колледж), а 37,9% – высшее и послевузовское образование.

Важным аспектом анализа структуры питания является оценка частоты потребления различных групп продуктов (*табл. 1*). Данные, полученные в ходе исследования, позволяют выявить наиболее и наименее часто употребляемые категории, что дает возможность судить о сбалансированности рациона жителей г. Перми. Анализ частоты потребления хлебобулочных изделий выявил, что данная категория продуктов занимает лидирующую позицию в рационе пермяков. Более половины респондентов (53,3%) употребляют хлебобулочные изделия ежедневно. Значительная доля (17,6%) потребляет их 4–6 раз в неделю, а почти каждый пятый (18,3%) – 2–3 раза в неделю.

Таблица 1. **Частота потребления различных категорий продуктов питания жителями г. Перми, % опрошенных**

Частота	Фрукты	Овощи	Хлебобулочные изделия	Кондитерские изделия	Мясо	Мясные изделия	Птица	Яйца	Молоко	Молочные продукты	Крупы	Алкогольные напитки	Безалкогольные напитки
Каждый день	21,1	34,3	53,3	26,4	35,6	24,3	18,4	17,4	28,7	21,1	20,6	1,1	18,4
4–6 раз в неделю	28,6	30,2	17,6	24,0	22,5	23,0	29,6	15,8	14,9	18,5	26,7	1,4	9,0
2–3 раза в неделю	25,5	20,1	18,3	21,0	20,8	29,8	25,1	34,0	18,7	29,6	26,3	8,2	17,8
1 раз в неделю	12,0	9,1	1,3	11,2	11,1	8,0	9,5	15,4	8,3	12,6	14,6	14,7	17,0
Реже 1 раза в неделю	8,7	2,9	2,4	8,3	4,9	8,8	9,5	12,5	12,4	9,1	7,3	38,0	16,7
Не употребляют данные продукты	4,2	3,4	7,1	9,2	5,1	6,0	7,9	4,9	17,0	9,1	4,5	36,6	21,0
Источник: составлено автором на основании полученных в ходе исследования результатов.													

Похожая тенденция наблюдается и в отношении употребления мяса. Ежедневно мясо едят 35,6% респондентов, 22,5% – 4–6 раз в неделю, а 20,8% – 2–3 раза в неделю. Доля респондентов, которые совсем не едят мясо, составляет 5,1%. Мясные изделия употребляет в пищу ежедневно четверть опрошенных (24,3%), а 23% – 4–6 раз в неделю, и 29,8% – 2–3 раза в неделю. Овощи также занимают важное место в рационе жителей города. Ежедневное потребление овощей отметили 34,3% респондентов, 30,2% – 4–6 раз в неделю. Потребление фруктов несколько ниже. Ежедневно фрукты употребляют 21,1% респондентов, 28,6% – 4–6 раз в неделю. Анализ потребления молочных продуктов показал, что молоко ежедневно употребляют 28,7% респондентов, 14,9% – 4–6 раз в неделю. Значительная часть опрошенных (18,7%) употребляет молоко 2–3 раза в неделю. Таким образом, молочные продукты употребляет ежедневно каждый пятый (21,1%). Кондитерские изделия ежедневно употребляют в пищу 26,4% респондентов, 24% – 4–6 раз в неделю. Около 21% опрошенных употребляют кондитерские изделия 2–3 раза в неделю.

Потребление алкогольных и безалкогольных напитков демонстрирует значительные различия. Алкогольные напитки ежедневно употребляют лишь 1,1% респондентов, а 1,4% – 4–6 раз в неделю. Большая часть опрошенных употребляет алкогольные напитки реже 1 раза в неделю (38%) или не употребляет их совсем (36,6%). Безалкогольные напитки ежедневно употребляют 18,4% респондентов, 9% – 4–6 раз в неделю. Значительная часть опрошенных употребляет безалкогольные напитки 2–3 раза в неделю (17,8%), 1 раз в неделю (17%) или реже 1 раза в неделю (16,7%). Доля респондентов, не употребляющих безалкогольные напитки совсем, составляет 21%.

Анализ структуры питания жителей г. Перми выявил гендерные и возрастные особенности в выборе пищевых продуктов. В частности, женщины, принявшие участие в исследовании, продемонстрировали большую склонность к потреблению кондитерских изделий[1]. Мужчины, напротив, чаще включают в свой рацион мясо, птицу и яйца, что свидетельствует о более высоком потреблении белка и большем удовлетворении энергетических потребностей. Помимо этого, мужчины чаще употребляют алкогольные и безалкогольные напитки. С возрастом наблюдались изменения в структуре питания: респонденты старшего поколения чаще включали в свой рацион фрукты, что может быть связано с осознанным выбором в пользу более здорового питания. При этом потребление безалкогольных напитков среди этой группы было снижено.

Полученные данные демонстрируют определенную сопоставимость с результатами более раннего исследования, проведенного в 2022 году. В нем приняли участие 405 респондентов в возрасте от 18 до 25 лет. Выборка формировалась на основе стихийного отбора. Результаты показали, что в среднем жители Перми (как мужчины, так и женщины) питаются трижды в день и дважды перекусывают между основными приемами пищи. Однако было выявлено статистически значимое различие между количеством приемов пищи в день в группах, сформированных по половому признаку. Женщины чаще отмечали, что питаются 1–2 раза в день, тогда как мужчины – четыре и более раз.

Анализ конкретных категорий пищевых продуктов показал, что в среднем жители Перми около 5 раз в неделю употребляют хлебобулочные изделия, овощи, мясо и птицу; 4 раза в неделю – фрукты и ягоды, а также молочные продукты; 3 раза в неделю – колбасные изделия, кондитерские изделия и крупы; 2 раза в неделю – макароны и макаронные изделия; и всего 1 раз в неделю – рыбу. Низкое потребление рыбы может быть обусловлено географическими особенностями региона и высокими ценами на эту категорию продуктов.

Если сравнивать рацион питания среднего пермяка и пермячки, то представительницы слабого пола реже включали в него макаронные и мясные изделия (колбасы), всего 2 раза в неделю по сравнению с мужчинами (3 раза). Женщины чаще едят хлебобулочные изделия, фрукты и ягоды. Хлеб и хлебобулочные изделия женщины, в среднем, потребляют

[1] Применялся корреляционный анализ (с помощью коэффициента ранговой корреляции Спирмена (ρ)). Описывались корреляции, статистически значимые на уровне $p \leq 0,05$.

практически ежедневно (мужчины только 5 раз в неделю), фрукты или ягоды – 4 раза в неделю (мужчины – 3 раза в неделю).

В рамках исследования структуры питания жителей г. Перми в 2024 году был проведен и анализ уровня удовлетворенности качеством приобретаемых продуктов питания. Респондентам предлагалось оценить качество различных категорий продуктов по 7-балльной шкале, где 1 соответствовала полной неудовлетворенности, а 7 – полному удовлетворению. Медианные значения оценок для большинства категорий (овощи, хлебобулочные изделия, кондитерские изделия, мясо, птица, яйца, молоко, молочные продукты, крупы, безалкогольные напитки) находятся в диапазоне 6–7, что свидетельствует об относительно высокой общей удовлетворенности качеством данных продуктов. Для фруктов и мясных изделий медиана составила 5. Наименьшую удовлетворенность, согласно медианной оценке, демонстрируют и алкогольные напитки (медиана – 5).

Респондентам предлагалось оценить соответствие продуктов их представлениям о «небезопасных для здоровья», используя шкалу от 1 до 7, где 1 – полное несоответствие, а 7 – полное соответствие. Анализ полученных данных выявил, что наибольшую обеспокоенность у населения вызывает безопасность алкогольных напитков, где 7,1% респондентов оценили их как «абсолютно не соответствующие» представлениям о безопасной продукции. В то же время крупы получили наиболее высокие оценки безопасности, что отражает доверие потребителей к данной категории продуктов.

Последний аспект исследования включал анализ восприятия ценовой доступности и качества различных групп продуктов. Медианные значения указывают на то, что большинство респондентов оценивают цены на фрукты, овощи, хлебобулочные и кондитерские изделия, мясо, птицу, яйца, молоко и молочные продукты, а также крупы как средние, при этом качество товаров в основном удовлетворительное. Примечательно, что цены на алкогольные напитки были оценены как низкие, но качество этих товаров при этом довольно низкое. Наибольшая доля респондентов (более 40%) отметила соответствие цены и качества для овощей, хлебобулочных изделий, кондитерских изделий, молока и молочных продуктов. Для мяса и птицы значительная часть опрошенных посчитала цены скорее высокими, не вполне соответствующими качеству.

В рамках исследования структуры питания жителей г. Перми была проведена оценка частоты потребления различных групп продуктов. Анализ выявил, что хлебобулочные изделия и мясо являются одними из наиболее часто употребляемых категорий. Овощи и фрукты занимают важное место в рационе, хотя потребление фруктов несколько ниже, чем овощей. Выявлены гендерные различия: женщины чаще употребляют кондитерские изделия, мужчины – мясо и алкогольные напитки. С возрастом опрашиваемых наблюдается тенденция к увеличению потребления фруктов и снижению потребления безалкогольных напитков. Оценка удовлетворенности качеством продуктов показала, что большинство категорий (овощи, хлебобулочные изделия, молочные продукты и др.) получили высокие оценки, за исключением алкогольных напитков. Большинство респондентов оценивают цены на продукты как средние, а качество – удовлетворительное.

На основании выявленной структуры питания жителей Перми можно сделать вывод о достаточном, но не оптимальном уровне продовольственного благополучия. Необходимы меры по стимулированию потребления фруктов и повышению осведомленности о рисках, связанных с чрезмерным употреблением мяса и алкоголя, для улучшения здоровья и долголетия населения.

Библиографический список

1. Алексенцева А.В., Осипова И.В., Репкина Т.В. (2021). Факторы риска сердечно-сосудистых заболеваний сельских жителей Алтайского края (по результатам исследования ЭССЕ-РФ) // Российский кардиологический журнал. № 26(5). С. 60–66. DOI: 10.15829/1560-4071-2021-4374

2. Дементьева И.Н. (2023). Продовольственное благополучие жителей региона в контексте обеспечения продовольственной безопасности. Society and Security Insights. Т. 6, № 2. С. 99–115. DOI: 10.14258/ssi(2023)2-07
3. За год в Пермском крае изъято более 34 тонн опасных овощей и фруктов. 27 февраля 2025 // Новости Перми и Пермского края Properm. URL: https://properm.ru/news/2025-02-27/za-god-v-permskom-krae-iz-yato-bolee-34-tonn-opasnyh-ovoschey-i-fruktov-5333590
4. Томкович А.В. (2022). Продовольственная безопасность как элемент устойчивого развития // Балтийский экономический журнал. № 4(40). С. 11–21. DOI: 10.46845/2073-3364-2022-0-4-11-21

Информация об авторе

Сирковская Татьяна Владимировна (Россия, Пермь) – ассистент кафедры социологии, ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет» (Россия, г. Пермь, 614068, ул. Букирева, д. 15; tsirk@psu.ru).

Sirkovskaya T.V.

FOOD WELL-BEING IN MEGAPOLIS (ON THE EXAMPLE OF ASSESSING THE NUTRITION STRUCTURE OF PERM RESIDENTS)

Abstract. *The paper describes the nutrition structure of Perm residents in the context of food well-being. The characteristics of consumption of various food categories, gender and age differences are revealed. Satisfaction with the quality and safety of purchased products is assessed.*

Keywords: *food well-being, dietary structure, food quality, food safety, consumer perception.*

About the author

Sirkovskaya Tatyana Vladimirovna (Russia, Perm) – Assistant of the Department of Sociology, Perm State University (Russia, Perm, 614068, Bukireva str., 15; tsirk@psu.ru).

References

1. Aleksentseva A.V., Osipova I.V., Repkina T.V. (2021). Risk factors for cardiovascular diseases in rural residents of the Altai Krai: data from the ESSE-RF study. Russian Journal of Cardiology, 26(5), pp. 60–66. (In Russian) DOI: 10.15829/1560- 4071-2021-4374
2. Dementieva I.N. (2023). Food Welfare of Regional Residents in the Context of Food Security. Society and Security Insights, 6(2), pp. 99–115. (In Russian). DOI: 10.14258/ssi(2023)2-07
3. Over 34 tons of dangerous vegetables and fruits have been confiscated in Perm Krai in a year. February 27, 2025. Available at: https://properm.ru/news/2025-02-27/za-god-v-permskom-krae-iz-yato-bolee-34-tonn-opasnyh-ovoschey-i-fruktov-5333590
4. Tomkovich A.V. (2022). Food security as an element of sustainable development. Regional and sectoral economy, 4(40), pp. 11–22. (In Russian). DOI: 10.46845/2073-3364-2022-0-4-11-21

УДК 316.4

Сойко А.Д.

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ И ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ НА ГОСУДАРСТВЕННУЮ ПОЛИТИКУ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Аннотация. *В статье рассматриваются проблемы современной системы образования в условиях цифровизации и технологических изменений на примере Республики Беларусь. Раскрывается роль социологии в развитии государственной политики в сфере образования. Нами анализируется актуальное социологическое исследование, проведенное с целью выявления уровня удовлетворенности педагогических работников качеством образования. Выявлены основные преимущества и недостатки использования искусственного интеллекта в образовательном процессе.*

Ключевые слова: *цифровизация, искусственный интеллект, государственное управление, качество образования, информационно-коммуникационные технологии.*

Изучение перспектив использования новых технологий в системе государственного управления образованием ставит перед собой цель понять, каким образом эти технологии могут улучшить качество, эффективность и доступность образовательных услуг. Современная ситуация в области научно-технического прогресса ставит перед обществом новые вызовы. Появление и развитие компьютерных технологий – Искусственного Интеллекта (далее – ИИ) затронуло все сферы жизни общества, и образование в этом контексте не исключение. Наряду со всеми преимуществами и возможностями, которые открылись перед людьми с их появлением, возникли и значимые морально-этические, методологические, правовые и другие противоречия.

В настоящее время глобальные экономические и социальные изменения ставят перед Республикой Беларусь новые задачи, среди которых повышение национальной конкурентоспособности, придание большей устойчивости государству в условиях экономических и социальных трансформаций. Эти задачи не могут быть решены без новых технологий и новых знаний, без создания инновационной экономики, важнейшим институтом развития которой является система образования. Ключевым моментом государственной политики в сфере образования является поиск направлений и разработка моделей взаимодействия государственных органов власти с субъектами системы образования в условиях социально-экономической и цифровой трансформации белорусского общества. Подобные действия неосуществимы без вмешательства науки, ее методов и подходов. Социология в Беларуси занимается изучением ценностных ориентаций и профессиональной мотивации педагогических работников на всех ступенях образования; выявлением ключевых факторов, влияющих на ценностные ориентации педагогов; выявлением затруднений, с которыми сталкиваются педагоги в процессе профессиональной деятельности; определением уровня удовлетворенности педагогических работников качеством образования, в частности: инновационным потенциалом учреждения образования, научно-методическим обеспечением образовательного процесса, информационно-коммуникационным сопровождением образовательного процесса, морально-психологическим климатом в педагогическом коллективе; установлением уровня профессиональной компетенции педагогических работников и др.

Актуальные социологические исследования показывают готовность и открытость к применению новейших научно-технических достижений в образовательном процессе не только среди педагогов, но и среди администрации школ и высших учебных заведений. Так, по данным исследования, проведенным Академией образования в 2024 году, большинство педагогов общего среднего образования выше всего оценило личную готовность к организации самостоятельной работы учащихся с использованием информационно-коммуникативных технологий (55%) [1]. В ходе исследования педагогические работники также оценивали собственную эффективность в области реализации в образовательном процессе современных технологий и методов обучения.

Большинство респондентов высоко оценили уровень эффективности реализации игровых технологий (46%) и технологий визуализации учебной информации (43%); выше среднего – собственную эффективность в области реализации технологий развития критического мышления (48%), информационно-коммуникационных технологий (45%), метода исследовательского обучения (45%), метода активной оценки (43%).

На средний балл большинство респондентов оценило свою эффективность в реализации метода перевернутого обучения (50%) и метода кооперативного обучения (43%). Технологии дополненной реальности 15% респондентов оценили на уровне «ниже среднего» и 6% – на низком уровне. Исходя из результатов исследования, педагогические работники редко сталкиваются с затруднениями в своей профессиональной деятельности, однако иногда именно в области применения ИКТ некоторые затруднения все же возникают. Так, большинство респондентов отмечали затруднения в организации самостоятельной работы учащихся с использованием ИКТ (43%), применением ИКТ в образовательном процессе (42%) [1].

Результаты опроса показали, что только у 32% педагогических работников в учреждениях общего среднего образования имеется рабочее место, оборудованное компьютером / ноутбуком с доступом в Интернет, 66% респондентов указали, что такое место у них отсутствует.

В связи с этим, педагогические работники отвечали на вопрос, касающийся уровня владения навыками работы в цифровой образовательной среде. Анализ результатов показал, что высоко большинство респондентов оценивают только навыки работы в электронной информационно-образовательной среде (например, электронный журнал, электронный дневник) – данный вариант выбрали 40% педагогов. Выше среднего педагогические работники оценивают собственные навыки работы с открытыми информационными ресурсами, базами данных (41%), навыки работы в формате онлайн-обучения (37%). Навыки разработки онлайн-уроков большинство респондентов оценивают на среднем уровне [1].

Еще одним значимым моментом является стремительное развитие технологий ИИ. Искусственный интеллект действительно на данный момент активно применяется в сфере образования, начиная от ведения и проверки экзаменов, заканчивая автоматическим подбором материала, чтобы студенты могли изучать те темы, в которых они испытывают трудности. Данный процесс имеет свои преимущества и недостатки. Говоря о преимуществах, можно выделить следующие:

- в первую очередь ИИ выступает помощником для педагога. Он значительно упрощает и во многом автоматизирует работу преподавателя, например, в оценивании работ, выставлении оценок и т. д. Также ИИ широко применяется преподавателями для подготовки к занятиям, в составлении планов урока, в подборе структуры для выполнения определенных заданий. Благодаря этому у преподавателя освобождается время для исследовательской работы, в том числе совместной работы со студентами.
- ИИ способен анализировать огромные объемы данных об успеваемости учащихся и предсказывать их будущие успехи. Это помогает исследователям выявлять проблемные зоны и разрабатывать стратегии для их преодоления.
- цифровизация образования в целом позволяет студентам изучать материалы лекционных курсов, разрабатываемые преподавателями университетов разных стран, а также приобретать знания дистанционно, что открывает возможности для всех слоев населения [2].

Несмотря на значительные преимущества, технология применения искусственного интеллекта в образовательных целях имеет свои недостатки. К основным можно отнести следующие: высокая стоимость внедрения, сложность поддержания функционирования данной системы [3]. Также ограничено количество специалистов, способных развивать внедрение искусственного интеллекта в образовательные процессы. Немаловажно отметить, что со временем студент, постоянно прибегающий к помощи искусственного интеллекта, рискует утратить креативное мышление (при написании учебных работ с помощью искусственного интеллекта). Человек перестает думать самостоятельно, доверяя и поручая работу технологиям ИИ.

Таким образом, на сегодняшний день сфера образования сталкивается с множеством изменений, касающихся образовательного процесса. Педагоги не успевают овладеть актуальными технологиями, как они сталкиваются с их усовершенствованными моделями. Подобная ситуация

требует от современного педагога высокой профессиональной квалификации. Для эффективного использования цифровых технологий в сфере государственного управления образованием необходимо учитывать все возможные риски внедрения новых технологий в образовательный процесс и опираться на данные социологических исследований, изучающих не только инновационный потенциал педагогических работников, но и их удовлетворенность качеством образования в целом.

Библиографический список:

1. Дзюба И.А., Реут В. Г., Сойко А. Д. (2024). Исследование профессиональных компетенций и образовательных запросов педагогических работников: монография. Минск: АПО. 137 с.
2. Немытых С.Л., Дьячкова А.В. (2023). Искусственный интеллект в образовании: вызовы, возможности, перспективы // Российские регионы в фокусе перемен: сборник докладов XVIII Международной конференции, г. Екатеринбург, 16–18 ноября 2023 г. Екатеринбург: Издательский Дом «Ажур». С. 433–435.
3. Таран В.Н., Курлов Д.А., Потапович Н. И. (2022). Преимущества и недостатки использования искусственного интеллекта в образовании // Дистанционные образовательные технологии: материалы VII Международной научно-практической конференции, г. Ялта, 20–22 сентября 2022 г. Симферополь: Издательство Типография «Ариал». С. 98–100.

Информация об авторе

Сойко Анастасия Денисовна (Беларусь, Минск) – младший научный сотрудник отдела социологии государственного управления Института социологии НАН Беларуси. (Республика Беларусь, г. Минск, 220004, пр-т Победителей, 7).

Soyko A.D.

THE IMPACT OF DIGITALIZATION AND TECHNOLOGICAL CHANGES ON STATE POLICY IN EDUCATION

Abstract. *The article examines the problems of the modern education system in the context of digitalization and technological changes using the example of the Republic of Belarus. The role of sociology in the development of state policy in education is revealed. The author analyzes a current sociological study conducted to identify the level of satisfaction of teaching staff with the quality of education. The main advantages and disadvantages of using artificial intelligence in the educational process are identified.*

Keywords: *digitalization, artificial intelligence, public administration, quality of education, information and communication technologies.*

About the author

Soiko Anastasia Denisovna (Belarus, Minsk) – Junior Researcher, Department of Sociology of Public Administration, Institute of Sociology, National Academy of Sciences of Belarus (Belarus, Minsk, 220004, 7 Pobediteley ave.).

References

1. Dzyuba I.A., Reut V.G., Soyko A.D. (2024). Study of professional competencies and educational requests of teaching staff: monograph. Minsk: APO. 137 p.
2. Nemytykh S.L., Dyachkova A.V. Artificial intelligence in education: challenges, opportunities, prospects. Russian regions in the focus of change: collection of reports of the XVIII International Conference, Yekaterinburg, November 16–18, 2023. Yekaterinburg: Azhur Publishing House, pp. 433–435.
3. Taran V.N., Kurlov D.A., Potapovich N.I. (2022). Advantages and disadvantages of using artificial intelligence in education. Distance educational technologies: materials of the VII International scientific and practical conference, Yalta, September 20–22, 2022. Simferopol: Publishing House Printing House “Arial”, pp. 98–100.

УДК 331.215/ ББК 65.9(2Рос)-94

Соловьева Т.С.

ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА В РОССИИ И СЗФО: ОТРАСЛЕВОЙ И КВАЛИФИКАЦИОННЫЙ АСПЕКТЫ

Аннотация. *Статья посвящена одному из актуальных вопросов, во многом определяющему качество жизни населения – уровню заработной платы. Рассматриваются основные тенденции и различия в заработной плате в отраслевом и квалификационном ракурсе на общероссийском и макрорегиональном уровне.*

Ключевые слова: *заработная плата, отрасли экономической деятельности, группы занятий, Российская Федерация, Северо-Западный федеральный округ.*

Занятость выступает одним из определяющих факторов жизнедеятельности любого индивида. В частности, характер и качество занятости напрямую влияют как на качество трудовой жизни [1], так и на благосостояние, уровень и качество жизни населения в целом [2]. Трансформации в отраслевой и профессиональной структуре занятости населения вносят значительный вклад в дифференциацию заработной платы и неравенство доходов, а также в изменение объемов и структуры потребления [3, с. 10–13]. При этом отраслевые различия в заработной плате в значительной степени обусловлены сегментацией рынка труда по критерию «хороших» и «плохих» рабочих мест [4, с. 99]. К последним традиционно относится большая часть таковых в сельском хозяйстве. Занятость в этой сфере увеличивает риски попасть в группу населения с низкой оплатой труда по сравнению с работой в промышленности и строительстве на 26 п. п., в рыночных и нерыночных услугах – на 21 и 10 п. п. соответственно [5, с. 509].

Рассмотрим ключевые тенденции и различия в заработной плате в отраслевом и квалификационном аспекте на общероссийском и макрорегиональном уровне (на примере Северо-Западного федерального округа). Период исследования брался максимально возможный с учетом пересчета данных в связи с изменением ОКВЭД. Для оценки изменений были использованы данные Росстата в ценах 2022 года. В целом в 2010–2022 гг. в России наблюдается рост среднемесячной заработной платы во всех отраслях народного хозяйства[1]. Однако его темпы в разрезе видов деятельности значительно варьируются. Так, лидером прироста в силу эффекта низкой базы является сельское хозяйство (88%). Также существенный подъем наблюдается в IT-отрасли (79%), культуре и спорте (67%) и здравоохранении (56%). В первом случае это связано с ростом спроса на ИТ-специалистов, а в остальных – с выполнением майских указов Президента[2]. Менее всего увеличение заработных плат коснулось работников госуправления и обеспечения электроэнергией (13 и 14% соответственно), однако в данных сферах изначально уровень оплаты труда был одним из самых высоких.

Наиболее высокооплачиваемыми секторами на протяжении всего периода выступают добыча полезных ископаемых, финансовая, профессиональная и научная деятельность. В последнее десятилетие к ним присоединилась и занятость в области информации и связи. Соответственно, среди наименее оплачиваемых отраслей, помимо сельского хозяйства, остается деятельность гостиниц и предприятий общественного питания, водоснабжение и водоотведение, административная деятельность и образование. При этом превышение среднероссийского уровня заработной платы отмечается только в пяти сферах (кроме вышеуказанных самых высокооплачиваемых – в обеспечении электроэнергией, транспортировке и хранении). Также необходимо подчеркнуть, что самые высокооплачиваемые рабочие места сконцентрированы в секторах с невысокой численностью занятых[3], что говорит о том, что большая часть

[1] Данные Росстата. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13210.

[2] О мероприятиях по реализации государственной социальной политики: указ Президента Российской Федерации от 07.05.2012 № 597. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/35261.

[3] Данные Росстата. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13210.

работников не участвуют в формировании основной массы ВВП. Наиболее высокооплачиваемые сектора аналогичны таковым в целом по стране (добыча полезных ископаемых, финансовая, профессиональная и научная деятельность, IT-сфера). К наименее доходным, например, сельское хозяйство уже не относится, и в целом семь отраслей имеют показатели выше среднероссийского уровня.

На уровне Северо-Западного макрорегиона ситуация несколько отличается[4]. Наибольшие темпы прироста демонстрировали добыча полезных ископаемых (78%) и сельское и лесное хозяйство (66%), в меньшей степени – обрабатывающие производства (28%) и строительство (27%). В отличие от общероссийских показателей, в «минус» ушли финансовая деятельность и гостиничная отрасль (на 33 и 6% соответственно). Почти не изменилась оплата труда в государственном управлении и прочих услугах.

С точки зрения профессиональной структуры занятости заработная плата в РФ также имеет значительную дифференциацию[5]. Так, разрыв между оплатой труда руководителей и неквалифицированных рабочих составляет почти четыре раза и является устойчивым во времени. Специалисты высшей квалификации по данному показателю превосходят неквалифицированных рабочих более чем в два раза. Однако эти показатели во многом соотносятся с установленными ФГБУ «ВНИИ труда» Минтруда России нормативными коэффициентами для тарифных сеток по ключевым профессиональным группам [4, с. 118]. Оплата труда квалифицированных рабочих сопоставима с таковой среди операторов производственных машин. Также стоит отметить, что только у двух первых квалификационных категорий размер заработной платы превышает общероссийский (в 1,9 и 1,1 раза соответственно).

В рамках Северо-Западного федерального округа прирост значений среднемесячной заработной платы происходил более высокими темпами, чем по России в целом[6]. Это касается абсолютно всех групп работников. При этом активнее всего оплата труда увеличивалась у специалистов средней квалификации (81%) и неквалифицированных рабочих (78%). Соотношение же заработка полярных категорий занятых аналогично общероссийскому, и составляет почти 4 раза. При этом за период 2015–2023 гг. разрывы в заработных платах существенно не изменились. Только у первых трех групп их значения превышают средний показатель по округу.

Уровень заработной платы дифференцирован и в зависимости от принадлежности к той или иной группе занятий и виду экономической деятельности[7]. Так, руководители в образовании и здравоохранении в среднем получают соответственно в 3 и 2,9 раза меньше, чем в IT-сфере. Заработная плата высококвалифицированных специалистов в отраслях культуры, спорта и образования в 2,5 раза ниже, чем в добывающей промышленности. Среди работников, имеющих среднюю квалификацию, самыми высокооплачиваемыми являются также занятые в добыче полезных ископаемых, чей трудовой доход в три раза превосходит таковой в образовании. В принципе, кроме руководящих должностей, добывающая промышленность является лидером по оплате труда, которая даже для работников средней квалификации и квалифицированных рабочих сопоставима с заработком руководителей и специалистов высшей квалификации в ряде бюджетных отраслей соответственно.

Самыми прибыльными являются руководящие посты в IT-сфере, а менее выгодно с рассматриваемой точки зрения заниматься неквалифицированным трудом в сфере культуры, спорта, организации досуга и развлечений, которая в 2,5 раза ниже общероссийского уровня. Кроме того, соотношение среднемесячной заработной платы по отношению к среднему значению по стране внутри групп занятий тоже имеет свою дифференциацию, и характерно для всех категорий работников. Например, в сфере информации и связи среди руководителей данное соотношение составляло 3,5 раза, у специалистов высшей и средней квалификации – 1,8 и 1,1 раза соответственно, у квалифицированных работников сельского хозяйства и неквалифицированных рабочих – порядка 0,3–0,5 раз, в остальных группах – около 0,7–0,8 раза.

[4] Там же.
[5] Там же.
[6] Там же.
[7] Там же.

Таким образом, анализ показал, что хотя на макрорегиональном и общероссийском уровне и имеются некоторые различия в уровне и динамике заработных плат в секторальном и квалификационном разрезе, многие тенденции являются общими. Более яркие отличия проявляются на региональном уровне, что обусловлено структурой экономики, разрывами в развитости экономической базы и уровне стоимости жизни. Однако и они во многом определяются отраслевыми различиями, связанными с концентрацией производственной деятельности на той или иной территории. В целом в исследуемый период среди наиболее высокооплачиваемых отраслей экономики выделяются добыча полезных ископаемых, финансовая, профессиональная и научная деятельность, а также информация и связь, т. е. сектора с невысокой численностью занятых, что свидетельствует о том, что значительная часть работников не участвуют в формировании основной массы валового внутреннего продукта.

В свою очередь, наименее оплачиваемой является деятельность в сельском хозяйстве, гостиничном бизнесе и на предприятиях общественного питания, в водоснабжении и водоотведении, образовании. В плане профессиональной структуры занятости сохраняется значимый разрыв между оплатой труда руководителей и неквалифицированных рабочих, специалистов высшей квалификации и неквалифицированных рабочих, которые являются достаточно устойчивыми. Причем остаются существенные различия в уровне заработных плат между работниками одинаковой квалификации в разных секторах экономики, что говорит от том, что имеет место проблема недооценки квалифицированного труда.

В данном контексте необходимо осуществление мероприятий по совершенствованию политики в области рынка труда в плане снижения количества низкооплачиваемых рабочих мест и дифференциации в оплате труда, что окажет позитивное влияние на уровень его производительности [3, с. 18]. Для этого представляется важным дальнейшее развитие взаимодействия субъектов рынка труда на основе механизмов социального партнерства.

Библиографический список

1. Бобков В.Н., Черных Е.А. (2023). Взаимосвязь качества занятости и качества трудовой жизни: обзор исследований и контуры их развития // Уровень жизни населения регионов России. Т. 19. № 3. С. 361–384. DOI: https://doi.org/ 10.52180/1999-9836_2023_19_3_5_361_384
2. Меленькина С.А., Ужегов А.О. (2024). Структурные сдвиги в занятости индустриального региона: к вопросу о повышении уровня жизни населения // Вестник Пермского университета. Серия: Экономика. Т. 19. № 2. С. 164–185. DOI: 10.17072/19949960-2024-2-164-185
3. Единак Е.А., Широв А.А. (2021). Оценка взаимосвязи квалификационной структуры занятости и потребления домашних хозяйств с использованием таблиц «затраты-выпуск» // Проблемы прогнозирования. № 6(189). С. 6–19. DOI: 10.47711/0868-6351-189-6-19
4. Токсанбаева М.С. (2020). Дифференциация заработной платы в отраслях с высоким уровнем занятости квалифицированным трудом // Экономика и бизнес: теория и практика. № 4-3(62). С. 98–104. DOI: 10.24411/2411-0450-2020-10344
5. Гимпельсон В.Е., Капелюшников Р.И., Шарунина А.В. (2018). Низкооплачиваемые рабочие места на российском рынке труда: есть ли выход и куда он ведет? // Экономический журнал ВШЭ. Т. 22. № 4. С. 489–530. DOI: 10.17323/1813-8691-2018-22-4-489-530

Информация об авторе

Соловьева Татьяна Сергеевна (Россия, г. Вологда) – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Вологодский научный центр РАН (Россия, г. Вологда, 160014, ул. Горького, д. 56а; solo_86@list.ru).

WAGES IN RUSSIA AND THE NORTH-WESTERN FEDERAL DISTRICT: SECTORAL AND QUALIFICATION-RELATED ASPECTS

Abstract. *The article is devoted to one of the topical issues that largely determines the quality of life of the population – the level of wages. The main trends and differences in wages in the sectoral and qualification perspective at the national and macro-regional levels are considered.*

Keywords: *wages, branches of economic activity, groups of occupations, Russian Federation, North-Western Federal District.*

About the author

Soloveva Tatiana Sergeevna (Russia, Vologda) – Candidate of Economics, Senior Researcher, Federal State Budgetary Institution of Science "Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences" (Russia, Vologda, 160014, Gorky st. 56a; solo_86@list.ru).

References

1. Bobkov V.N., Chernykh E.A. (2023). The Relationship of the Quality of Employment and the Quality of Work Life: A Review of Research and the Out-lines of Their Development. Living Standards of the Population in the Regions of Russia, 19 (3), pp. 361–384. DOI: 10.52180/1999-9836_2023_19_3_5_361_384
2. Melenkina S.A., Uzhegov A.O. (2024). Structural employment shifts in an industrial region: About improved living standards of population. Perm University Herald. Economy, 19(2), pp. 164–185. DOI: 10.17072/ 1994-9960-2024-2-164-185
3. Edinak E.A., Shirov A.A. (2021). Assessment of the Relationship between the Qualification Structure of Employment and Household Consumption Using Input-Output Tables. Studies on Russian Economic Development, 32 (6), pp. 593–602. DOI: 10.1134/S1075700721060046
4. Toksanbaeva M.S. (2020). Wage differentiation in industries with high level of employment of skilled labor. Journal of Economy and Business, 4-3 (62), pp. 98–104. DOI: 10.24411/2411-0450-2020-10344
5. Gimpelson V., Kapeliushnikov R., Sharunina A. (2018). Low Paid Jobs in the Russian Labour Market: Does Exit Exist and Where Does It Lead to? HSE Economic Journal, 22(4), pp. 489–530. DOI: 10.17323/1813-8691-2018-22-4-489-530

УДК 316 / ББК 60.526.1

Тихомирова В.В.

ОБЪЕКТИВНЫЕ И КОМПЛЕКСНЫЕ ИНДИКАТОРЫ ИЗМЕРЕНИЯ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ СЕВЕРНЫХ РЕГИОНОВ)

Аннотация. *Проведен анализ показателей, характеризующих капитал торговых предприятий северных регионов и их влияние на качество жизни населения. Выявлена большая доля полностью изношенных основных фондов торгового рынка. Определены ключевые факторы, влияющие на динамику износа основных фондов. Отмечено, что районы Крайнего Севера характеризуются дефицитом торговых площадей.*

Ключевые слова: *регионы севера, качество жизни, основные фонды, торговые площади.*

В современных условиях человеческий капитал является главной ценностью общества и главным фактором экономического роста. В некоторых работах придерживаются той точки зрения, что человеческий капитал, а не институциональная среда, в большей степени важен для экономики и для вывода ее на траекторию устойчивого роста. Именно задачу достижения роста экономики преследовали как зарубежные, так и российские ученые, развившие целую концепцию человеческого капитала [1].

Одним из параметров качества жизни человеческого капитала является продовольственная безопасность населения. Под «качеством жизни» в широком толковании понимается удовлетворенность населения своей жизнью с точки зрения различных потребностей и интересов. Это понятие охватывает характеристики и индикаторы уровня жизни как экономической категории. В соответствии со ст. 5 Конвенции МОТ № 117 «Об основных целях и нормах социальной политики» человек имеет право на жизненный уровень, который включает в себя пищу, как один из основных показателей [2].

Данный показатель был взят за основу, так как охватывает сферу человеческих потребностей, которые удовлетворяются через сеть торговых организаций. С целью определения мер продовольственной безопасности населения северных регионов, нами были рассмотрены такие показатели, как удельный вес полностью изношенных основных фондов сектора торговых услуг и наличие торговых площадей.

Удельный вес полностью изношенных основных фондов (*табл. 1*) как в целом по Российской Федерации (+13,0%), так и в ее северных регионах увеличивался на протяжении всего исследуемого периода (2017–2021 гг.). Исключение составили Республика Саха (-24,1%). За анализируемый отрезок времени самое значительное повышение износа было зафиксировано в Ханты-Мансийском АО (+34,8%), Камчатском крае (+21,2%) и Ямало-Ненецком АО (+18,3%).

Таблица 1. **Удельный вес полностью изношенных основных фондов на конец года (торговля оптовая и розничная, ремонт автотранспортных средств)**

Регионы	2017	2018	2019	2020	2021
Российская Федерация	27,4	29,8	30,6	35,1	41,2
Республика Карелия	6,2	7,5	7,5	10,9	11,7
Республика Коми	21,5	21,3	21,6	22,3	23,7
Архангельская область	22,1	22,8	22,7	23,3	24,3
Ненецкий АО	13,3	15,3	13,3	22,3	24,3
Мурманская область	0,7	1,1	1,4	1,6	1,7
Ханты-Мансийский АО	32,0	37,1	46,1	55,2	66,8
Ямало-Ненецкий АО	26,1	27,7	28,7	38,4	44,4
Республика Саха	25,1	22,2	1,3	1,0	1,0
Камчатский край	5,0	4,2	4,3	4,8	26,2
Магаданская область	2,5	4,1	2,8	5,5	5,9
Сахалинская область	23,5	28,0	23,7	28,2	26,9
Чукотский АО	0,3	30,6	29,6	15,6	2,3

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели: статистический сборник (2022) // Росстат. М. 1122 с.

В результате экономических и социальных последствий кризисных факторов 2020 года, произошло значительное увеличение степени роста изношенности ОФ по сравнению с предыдущим годом в Ненецком (с 13,3 до 22,3%), Ханты-Мансийском (с 46,1 до 55,2%) и Ямало-Ненецком АО (с 28,7 до 38,4%). Значительно улучшил свои показатели Чукотский АО (-14%). Это объясняется тем, что в нем 45,2% инвестиций в основной капитал принадлежит иностранной собственности.

Следует отметить, что прирост основных фондов и производственных мощностей достигается благодаря строительству, реконструкции и расширению действующих предприятий. Одним из критериев эффективности товаропроводящей системы является *количество торговых площадей*. В России около 5% населения севера не имеют доступа к торговым объектам, вследствие чего для розничных компаний нецелесообразно с экономической точки зрения открывать магазины на территориях с невысоким платежеспособным спросом и с недостаточно развитой инфраструктурой. Особенно характерна подобная ситуация для районов Крайнего Севера, которые характеризуются дефицитом и даже полным отсутствием торговых площадей, что ведет к сокращению обеспеченности жителей товарами первой необходимости. Государственное нормирование розничной торговой сети в России осуществляется путем установления органами власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления нормативов минимальной обеспеченности населения площадью торговых объектов по методике, утвержденной Правительством Российской Федерации [3].

Территории, расположенные в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях с учетом социально-экономических и демографических факторов вправе устанавливать иные значения коэффициентов [4]. С учетом факторов инфляции и изменения численности населения на территориях, а также для большей корректности, нами был введен показатель, торговая площадь, $м^2$ / 1 чел. *(табл. 2*).

Таблица 2. **Фактическая обеспеченность населения северных регионов торговыми площадями объектов розничной торговли по продаже продовольственных товаров, м², значение показателя за год**

Год	2020			2021			2022		
Значение показателя	Торговая площадь, м²	Численность населения, тыс.	Торговая площадь, м² / 1 чел.	Торговая площадь, м²	Численность населения, тыс.	Торговая площадь, м² / 1 чел.	Торговая площадь, м²	Численность населения, тыс.	Торговая площадь, м² / 1 чел.
Российская Федерация	459,9	146748, 6	0,46	478,5	147182,1	0,48	464,9	146980,0	0,46
Республика Карелия	363,4	614,0	0,36	376,5	609,0	0,38	470,1	532,3	0,47
Республика Коми	342,8	820,4	0,34	354,3	813,5	0,35	432,1	734,3	0,43
Архангельская область	709,7	1 092,4	0,71	755,8	1 082,6	0,76	800,9	1016,0	0,80
Ненецкий АО	374,0	44,1	0,37	420,0	44,3	0,42	450,7	41,4	0,45
Мурманская область	341,9	741,4	0,34	371,9	732,8	0,37	398,2	665,2	0,40
Ханты-Мансийский АО	707,5	1 674,6	0,71	750,3	1 687,6	0,75	732,3	1 713,7	0,73
Ямало-Ненецкий АО	411	544,4	0,41	368,7	547,0	0,37	426,2	511,2	0,43
Республика Саха	341,4	971,9	0,34	430,3	981,9	0,43	351,4	997,8	0,35
Камчатский край	401,8	313,0	0,40	415,9	311,6	0,42	455,2	292,5	0,46
Магаданская область	302,9	140,1	0,30	281,5	139,0	0,28	275,4	135,9	0,28
Сахалинская область	407,7	488,2	0,41	502,3	485,6	0,50	542,7	466,0	0,54
Чукотский АО	381,2	50,2	0,38	392,5	49,5	0,39	416,7	47,9	0,42

Составлено и рассчитано автором.

Источники: Регионы России. Социально-экономические показатели: сборник (2021) // Росстат. М. 1112 с.; Регионы России. Социально-экономические показатели: статистический сборник (2022) // Росстат. М. 1122 с.; Регионы России. Социально-экономические показатели: статистический сборник (2023) // Росстат. М. 1126 с.

Фактическая обеспеченность населения северных регионов торговыми площадями объектов розничной торговли показала, что в 2022 году значительно выше среднероссийского уровня (0,46 м^2 / 1 чел.) она была в Архангельской области (0,80 м^2 / 1 чел.), Ханты-Мансийском АО (0,73 м^2 / 1 чел.) и в Сахалинской области (0,54 м^2 / 1 чел.). На протяжении исследуемого периода (2020–2022 гг.) в этих регионах данный показатель возрастал каждый год. Незначительные отклонения от общих показателей по РФ наблюдались в Республике Коми, Ненецком, Ямало-Ненецком и Чукотском АО. Низкое количество объектов торговли зафиксировано в Республике Саха (0,35 м^2 / 1 чел.) и в Магаданской области (0,28 м^2 / 1 чел.).

В сегменте основных продуктов питания многие регионы не в состоянии обеспечить свое население за счет собственных мощностей. Это особенно актуально для территорий, где особенности климатических условий не позволяют выращивать многие сельскохозяйственные культуры. Например, в Чукотском автономном округе и республике Саха (Якутия) доля ввозимых продуктов может достигать 90% и более [5].

Для комплексного понимания данных обстоятельств нам необходимо не только анализировать статистическую информацию, а также учитывать мнения ученых, изучающих данную проблему, исследователей, экспертов и предпринимателей. Многие специалисты, изучающие данную проблему, отмечают, что на динамику износа основных фондов торговых предприятий и количество торговых площадей оказывает влияние не только объем привлекаемых инвестиций, но и другие факторы, такие как:

- слабость финансовых рынков и банковской системы, высокий банковский процент, большая кредиторская задолженность, инфляция [6; 7; 8];
- нехватка инвестиционных ресурсов, финансирование инвестиций за счет собственных средств предприятий [7; 9; 10];
- снижение инвестиционной активности, загрузки производственных мощностей и низкий процент ввода в действие приобретенных основных средств [11];
- большой удельный вес физически и морально изношенной техники, содержание на балансе неиспользуемого оборудования, нехватка оборотных средств, технологическая отсталость [12; 13; 14];
- инвестиции в стареющие технологии [15];
- недостаточная государственная поддержка, большой удельный вес убыточных предприятий [16];
- низкие объемы ликвидации устаревших основных фондов [12].

Данная тенденция была продиктована геополитической обстановкой, закрытием и приостановкой деятельности ряда предприятий в связи с пандемией COVID-19, многочисленными санкциями, логистическим кризисом, инфляцией, ростом цен на потребительские товары, изменением размера реальных денежных доходов населения и сокращением покупательной способности, вследствие чего сокращались продажи торговых предприятий по причине снижения совокупного спроса потребителей. Такое количество депривaций отрицательно повлияли как на рынок торговли, так и на качество жизни населения регионов севера.

Библиографический список

1. Астахов Н., Махалкин И., Буткевич В. (2000). Амортизационный ресурс. Что тормозит обновление производственной базы // Экономика и жизнь. № 12. С. 2–3.
2. Бурдякова М.В. (2010). Проблемы и перспективы совершенствования амортизационной политики // Вестник Таганрогского института управления и экономики. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-i-perspektivy-sovershenstvovaniya-amortizatsionnoy-politiki/viewer
3. Бюллетень о текущих тенденциях российской экономики. Замедление роста инвестиций в основной капитал (2019). № 55. URL: https://ac.gov.ru/files/publ ication/a/26179.pdf
4. Институт комплексных стратегических исследований. Износ основных фондов и кредитование в регионах. URL: https://icss.ru/vokrug-statistiki/iznos-osnovnykh-fondov-i-kreditovanie-v-regionakh

5. Каращук О.С. (2018). Совершенствование государственного нормирования розничной торговой сети России // Вестник РЭУ им. Г.В. Плеханова. № 6(102). С. 152–163. DOI: 10.21686/2413-2829-2018-6-152-163
6. Конвенция МОТ № 117 «Об основных целях и нормах социальной политики». Ст. 5. (Женева, 22 июня 1962 г.). URL: https://base.garant.ru/2541280/
7. Котельникова Н.В. Причины несвоевременного обновления основных фондов промышленных предприятий г. Владивосток. С. 40–46. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/prichiny-nesvoevremennogo-obnovleniya-osnovnyh-fondov-promyshlennyh-predpriyatiy-g-vladivostok
8. Наумов И.В., Никулина Н.Л. (2022). Сценарное моделирование и прогнозирование степени износа основных фондов предприятий обрабатывающей промышленности в регионах России // № 4. С. 155–171. DOI: 10.15838/esc.2022. 4.82.10
9. Нижегородцев Р. М. (2008). Инновационные стратегии инвесторов и задачи экономической политики // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. № 4. С. 75–85.
10. Остапенко В., Мешков В. (2003). Собственные источники инвестиций предприятий // Экономист. № 8. С. 28–36.
11. Постановление Правительства РФ от 5 мая 2023 г. № 704 «Об утверждении Правил установления субъектами Российской Федерации нормативов минимальной обеспеченности населения площадью торговых объектов и методики расчета нормативов минимальной обеспеченности населения площадью торговых объектов». URL: http://government.ru/docs/all/147416/
12. Приказ Минпромторга России от 31 марта 2011 г. № 422 Об утверждении Стратегии развития торговли в Российской Федерации на 2011-2015 годы и период до 2020 года». URL: https://normativ.kontur.ru/docu ment?moduleId=1&documentId=176630
13. Селезнева Е.Ю. (2011). Розничная торговля: проблемы, тенденции и перспективы развития // Вестник РГГУ. Серия: Экономика. Управление. Право. № 10 (72). С. 254–260.
14. Тихомирова В.В. (2024). Инвестиции в основной капитал рынка торговых услуг северных регионов // Вестник Алтайской академии экономики и права. № 4. С. 300–307.
15. Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/regl /b09_04/isswww.exe/stg/d10/3-fond.htm
16. Becker G.S. (1993). Human capital: A theoretical and Empirical Analysis, with Special Reference to Education. The University of Chicago Press. 412 p.

Информация об авторе

Тихомирова Валентина Валентиновна (Россия, Сыктывкар) – старший научный сотрудник, кандидат экономических наук, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения Российской Академии наук (ИСЭ и ЭПС Коми НЦ УрО РАН) (Россия, Республика Коми, г. Сыктывкар, 167000, Коммунистическая, 26; tikhomirova@iespn.komisc.ru).

Tikhomirova V.V.

OBJECTIVE AND COMPLEX INDICATORS MEASURING THE QUALITY OF LIFE OF THE POPULATION (USING THE EXAMPLE OF NORTHERN REGIONS)

Abstract. *The analysis of indicators characterizing the capital of trade enterprises of the northern regions and their impact on the quality of life of the population is carried out. A large share of completely worn-out fixed assets of the trade market is revealed. Key factors influencing the dynamics of depreciation of fixed assets are determined. It is noted that the regions of the Far North are characterized by a deficit of retail space.*

Keywords: *northern regions, quality of life, fixed assets, retail space.*

About the author

Tikhomirova Valentina Valentinovna (Russia, Syktyvkar) – Senior Researcher, PhD in Economics, Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North, Komi Scientific Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (ISE and EPS Komi SC UB RAS) (Russia, Komi Republic, Syktyvkar, 167000, Kommunisticheskaya; tikhomirova@iespn.komisc.ru).

References

1. Becker G.S. (1993). Human capital: A theoretical and Empirical Analysis, with Special Reference to Education. The University of Chicago Press. 412 p.
2. ILO Convention No. 117 "On the Basic Aims and Standards of Social Policy". Art. 5. (Geneva, 22 June 1962). Available at: https://base.garant.ru/2541280/
3. Resolution of the Government of the Russian Federation of May 5, 2023. No. 704 "On approval of the Rules for establishing by the constituent entities of the Russian Federation standards for the minimum provision of the population with the area of retail facilities and the methodology for calculating the standards for the minimum provision of the population with the area of retail facilities". Available at: http://government.ru/docs/all/147416/
4. Karashchuk O.S. (2018). Improvement of state standardization of the retail trade network of Russia. Bulletin of the Plekhanov Russian University of Economics, 6(102), pp. 152–163. DOI: 10.21686/2413-2829-2018-6-152-163
5. Order of the Ministry of Industry and Trade of Russia dated March 31, 2011 No. 422 "On approval of the Strategy for the development of trade in the Russian Federation for 2011–2015 and the period up to 2020". Available at: https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=176630
6. Institute for Comprehensive Strategic Studies. Depreciation of Fixed Assets and Lending in the Regions. Available at: https://icss.ru/vokrug-statistiki/iznos-osnovnykh-fondov-i-kreditovanie-v-regionakh
7. Bulletin on Current Trends of the Russian Economy. Slowdownin Investment rowth in Fixed Assets. (2019). № 55. Available at: https://ac.gov.ru/files/publication/a/26179.pdf
8. Burdyakova M.V. (2010). Problems and Prospects for Improving Depreciation Policy. Bulletin of the Taganrog Institute of Management and Economics, 2. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-i-perspektivy-sovershenstvovaniya-amortizatsionnoy-politiki
9. Tikhomirova V.V. (2024). Investments in fixed capital of the trade services market of the northern regions. Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law, 4, 300–307. Available at: https://vaael.ru/ru/article/view?id=3398
10. Ostapenko V., Meshkov V. (2003). Own sources of investment of enterprises. Economist, 8, pp. 28–36.
11. Kotelnikova N.V. Reasons for untimely renewal of fixed assets of industrial enterprises in Vladivostok. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/prichiny-nesvoevremennogo-obnovleniya-osnovnyh-fondov-promyshlennyh-predpriyatiy-g-vladivostok
12. Federal State Statistics Service. Available at: https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b09_04/isswww.exe /stg/d10/3-fond.html
13. Astakhov N., Makhalkin I., Butkevich V. (2000). Depreciation resource. What slows down the renewal of the production base. Economy and Life, 12, pp. 2–3.
14. Selezneva E.Y. (2011). Retail trade: problems, trends and development prospects. Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series: Economy. Management. Law, 10 (72), pp. 254–260.
15. Nizhegorodtsev R.M. (2008). Innovative strategies of investors and tasks of economic policy. Bulletin of the Russian Humanitarian Scientific Foundation, 4, pp. 75–85.
16. Naumov I.V., Nikulina N.L. (2022). Scenario modeling and forecasting the degree of depreciation of fixed assets of manufacturing enterprises in the regions of Russia. 15(4), 155–171. DOI: 10.15838/esc.2022.4.82.10

УДК 332.142.6 / ББК 65.04

Толстова А.Е., Комарова А.А.

ОЦЕНКА ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В ТАМБОВСКОЙ ОБЛАСТИ: ПРОБЛЕМЫ И ВОЗМОЖНОСТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Аннотация. *В Тамбовской области, как и в других регионах России, имеется ряд экологических проблем, которые оказывают негативное влияние на качество жизни и окружающую среду. Целью данной работы является разработка подходов для решения экологических проблем, которые будут способствовать устойчивому развитию Тамбовского региона. В данном исследовании изучены экологические проблемы Тамбовской области, а именно загрязнение воздуха, воды и почвы. В результате исследования предложены пути решения данных экологических проблем.*

Ключевые слова: *экологические проблемы, регион, Тамбовская область, загрязнение окружающей среды, экологические правонарушения, пути решения экологических проблем.*

В Российской Федерации действуют программы, которые направлены на сохранение и защиту окружающей среды для того, чтобы не допустить развитие глобальных экологических проблем, как для нашей страны, так и для всего человечества [3]. В нашем исследовании рассмотрим экологическую обстановку в Тамбовском регионе. Также предложим варианты, как ее можно улучшить, чтобы обеспечить устойчивое экологическое развитие области.

Для анализа мы использовали системный подход методологии исследования экологических проблем. Он основан на изучении объекта как единого целого. К принципам данного подхода относят: целостность, структурность, взаимодействие системы и среды, иерархичность. Другими словами, если страдает хотя бы один из элементов окружающей среды, влияние оказывается на окружающую среду в целом.

Для начала проанализируем Тамбовскую область – один из регионов Центрального федерального округа (ЦФО). Она располагается в Южной части Восточноевропейской равнины. Площадь территории Тамбовской области составляет 34462 км^2. Ведущими секторами экономики региона являются отрасли агропромышленного комплекса (АПК), в частности сельское хозяйство [6]. В состав Тамбовской области входит 30 муниципальных образований, из которых 7 – городские округа и 23 муниципальных округа. К основным отраслям промышленности Тамбовской области относят пищевую промышленность (59,4%), машиностроение и металлообработку (22,6%), химическую промышленность (7,0%) и легкую промышленность (3,4%). Данные отрасли промышленности негативно влияют на окружающую среду, так как в процессе производства выделяются ядовитые вещества, происходят выбросы в атмосферу, воду и почву. Несмотря на большое количество крупных промышленных предприятий в регионе, Тамбовская область с 2011 года является лидером национального экологического рейтинга. Вместе с тем следует рассмотреть, какие экологические проблемы существуют в Тамбовской области, и попытаться найти пути для их решения [2].

Загрязнение воздуха. Тамбовскую область пересекает основная Федеральная автомобильная магистраль М6 Каспий, которая проходит вблизи города Мичуринска и Тамбова. Помимо этого, по территории региона проходят и другие федеральные трассы, железные дороги, авиалинии. Так, согласно данным Росстата, в Тамбовской области каждый третий житель имеет свой автомобиль. В связи с этим Тамбовский регион вошел в топ-15 городов России по обеспеченности личным транспортом. Кроме того, увеличивается объем погрузки на всей сети РЖД. Так, на сегодняшний день через Тамбовскую область проходят 58 поездов дальнего следования в 13 направлениях. Увеличивается количество авиаперелетов.

В регионе функционируют достаточно крупные промышленные предприятия. Крупные предприятия располагаются в самом городе и в его муниципальных округах. Они играют большую роль как для самого региона, так и для Центрального федерального округа России. Стоит

также отметить, что некоторые виды продукции промышленности Тамбовского региона поставляются за рубеж. Рассмотрим изменения показателей выбросов загрязняющих веществ, которые отходят от стационарных источников Тамбовской области (*рис. 1*).

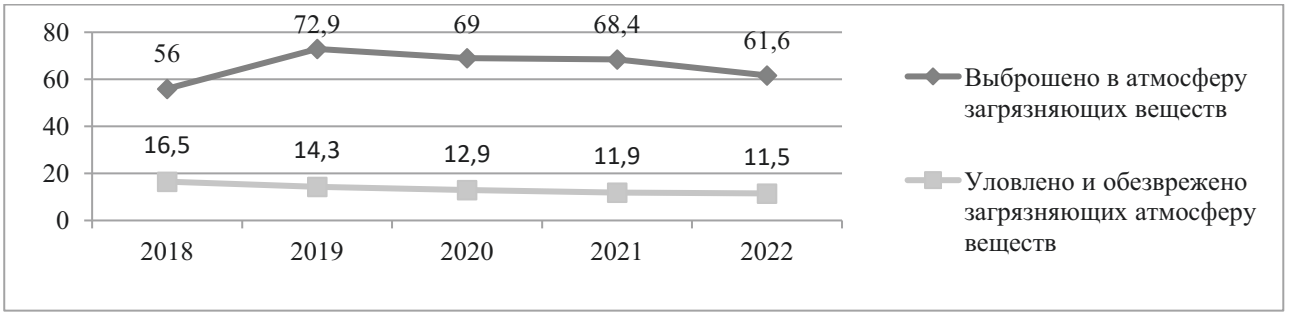

Рисунок 1. **Выбросы и улавливание загрязняющих веществ, отходящих от стационарных источников Тамбовской области за период с 2018 по 2022 гг., тыс. т.**

Данные показывают, что максимальный объем выбросов загрязняющих веществ в атмосферу был зафиксирован в 2019 году и составил 72,9 тыс. т. При этом процент уловленных и обезвреженных загрязняющих атмосферу веществ составляет в среднем 5% от выброшенных в атмосферу веществ. Темп роста по первому показателю по отношению к 2018 году составляет 10%. Значения второго показателя сократились по сравнению с 2018 годом на 30% [1]. Большую роль в загрязнении атмосферы Тамбовской области играет транспорт (около 50% всех выбросов). Рассмотрим динамику выбросов от передвижных источников (*рис. 2*).

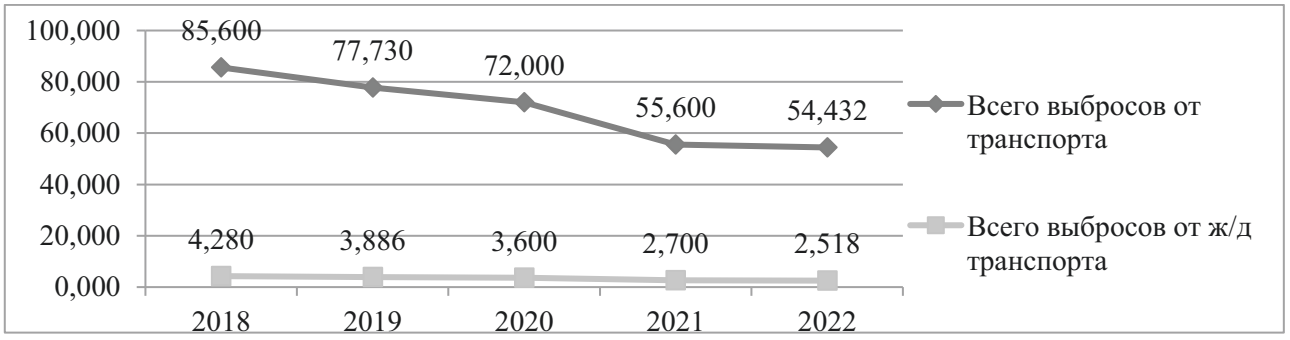

Рисунок 2. **Выбросы от передвижных источников загрязнения в Тамбовской области за 2018–2022 гг., тыс. т.**

На *рис. 2* отражено, что объем выбросов от транспорта в указанном периоде уменьшается. Наибольший объем выбросов был зафиксирован в 2018 году и составил 85,600 тыс. т. За период с 2018 по 2022 гг. объем выбросов от транспорта сократился на 36,4%. Доля выбросов от железнодорожного транспорта составляет около 5% от общего количества выбросов. Значение второго показателя за указанный период сократилось почти в 2 раза, а именно на 41% [1].

Загрязнение рек. Загрязнение рек в Тамбовской области также происходит из-за промышленных предприятий, которые сбрасывают в них отходы своего производства. Для определения чистоты воды используются следующие классы качества воды: 1 класс – условно чистая вода; 2 класс – слабо загрязненная вода; 3 класс – загрязненная вода; 4 класс – грязная вода; 5 класс – экстремально грязная вода [3].

Так, на *рис. 3* качество воды городских очистных сооружений реки Цна относится к 4 классу загрязнения, которое в гидрологии зовется просто грязной водой. Рассмотрим более подробно показатели качества воды в реках Тамбовской области (*рис. 3*).

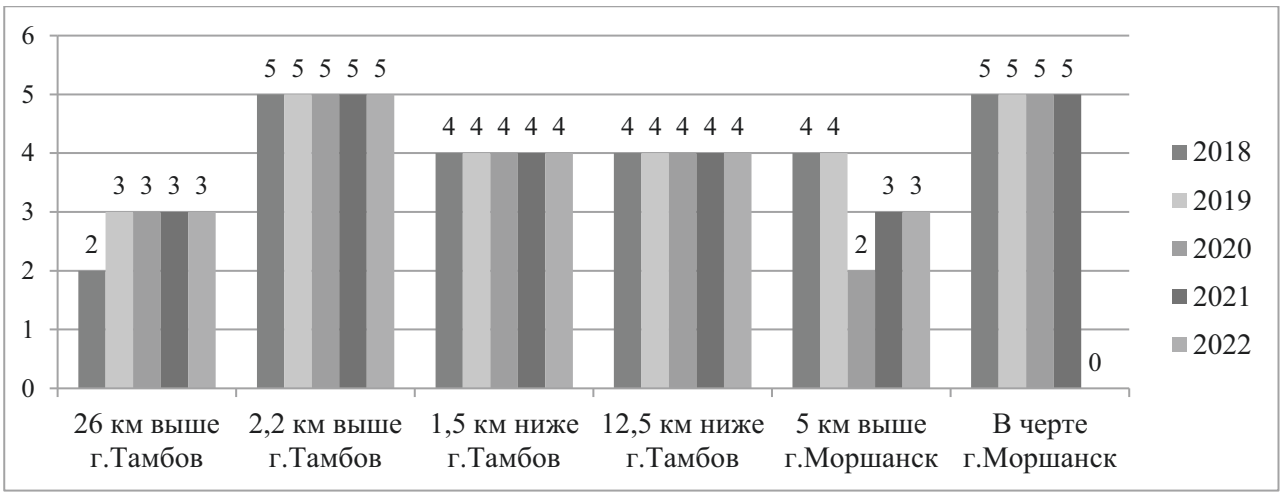

Рисунок 3. **Динамика изменения качества воды в контролируемых створах Тамбовской области в р. Цна по разряду качества за 2018–2022 гг.**

Из *рис. 3* видно, что категория «очень загрязненная вода» преобладает в большинстве пунктов наблюдения в черте города. Наиболее грязной вода является на участках выше и ниже города Тамбов. В двух районах вода относится к 5 классу качества воды, т. е. является экстремально грязной. В целом качество воды на указанных участках остается неизменным на протяжении всего рассматриваемого периода. Очень загрязненная вода преобладает в большинстве пунктов наблюдения, что свидетельствует о необходимости принятия мер по улучшению качества воды в регионе. Следует также рассмотреть гигиеническую характеристику водоемов Тамбовской области *(рис. 4*).

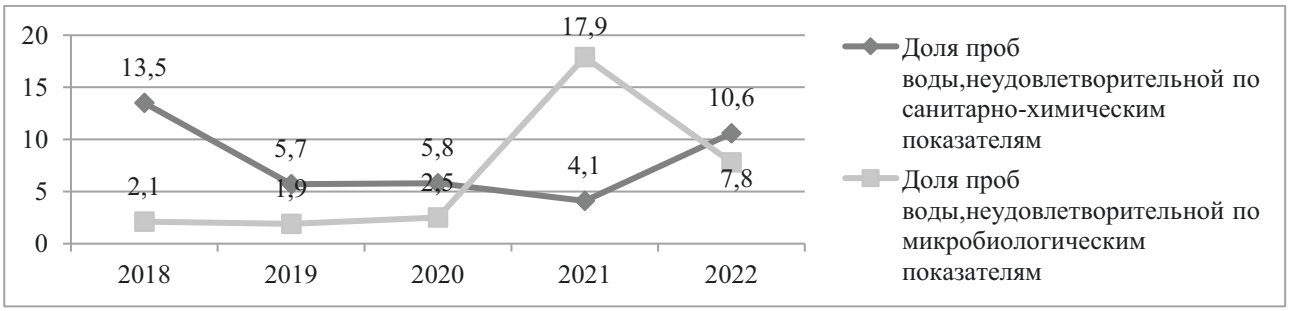

Рисунок 4. **Гигиеническая характеристика водоемов Тамбовской области за 2018–2022 гг., %**

Так, за 2018–2022 гг. происходит улучшение проб воды по санитарно-химическим показателям, но при этом ухудшаются показатели проб воды по микробиологическим показателям. Так, за указанный период первый показатель улучшился на 21%, а второй показатель ухудшился на 271%. Данные показатели свидетельствуют о том, что необходимо продолжать мониторинг водоемов Тамбовской области для принятия эффективных мер по улучшению качества воды в регионе [1].

Загрязнение почвы. Основной экологической проблемой Тамбовской области является загрязнение почв. В настоящее время в регионе для сельскохозяйственных нужд обрабатывают лишь 60% земель. Заметна тенденция сокращения числа фермерских и личных подсобных хозяйств. От промышленных предприятий также происходят выбросы, которые попадают в почву. Это негативно сказывается на урожайности, так как вредные вещества, попадая в почву, делают ее менее плодородной [4].

Согласно официальным статистическим данным, качество почвы в Тамбовской области имеет тенденцию к улучшению по санитарно-химическим показателям. По микробиологическим и паразитологическим показателям в исследуемом периоде наблюдается колебание. Так, качество почвы по микробиологическим показателям за 2018–2022 гг. улучшилось на 29%. По сравнению с 2018 годом в 2022 году качество почвы по паразитологическим показателям ухудшилось и составило 1,2%. Радиоактивные вещества в почве не были обнаружены на протяжении всего исследуемого периода [1].

Значительное влияние на качество почвы оказывают несанкционированные свалки. Тамбовская область не является исключением. Рассмотрим статистику возникновения несанкционированных свалок за период с 2018 по 2022 гг. (*табл. 1*).

Таблица 1. **Количество несанкционированных свалок в Тамбовской области за 2018–2022 гг., шт.**

Показатель	2018	2019	2020	2021	2022
Количество несанкционированных свалок	24	50	36	23	36
Источник: Андреев А.В. Доклад о состоянии и охране окружающей среды Тамбовской области в 2021 году. (2022). Тамбов: Администрация Тамбовской области. 184 с.					

Исходя из данных *табл. 1* можно сделать вывод, что за исследуемый период происходит увеличение количества несанкционированных свалок в Тамбовской области. Данный показатель вырос на 50%.

Для их устранения на территории Тамбовской области реализуется национальный проект «Экология», совершенствуются системы обращения с твердыми коммунальными отходами (ТКО). В рамках проекта «Сохранение лесов» формируется запас лесных семян для лесовосстановления, увеличиваются площади лесовосстановления, увеличивается оснащение лесопожарной техникой и оборудованием для охраны лесов [5]. Рассмотрим подробнее, как реализуется данный проект в Тамбовской области. Так, для организации налаженной работы по сбору, вывозу и утилизации отходов Приказом Минприроды России от 7 декабря 2020 года № 1021 были утверждены указания по разработке проекта нормативов образования отходов и лимит на их размещение для предприятий. При этом для предприятий разных отраслей установлены разные лимиты [1]. Кроме того, в Тамбовской области существует ряд нормативно-правовых актов, которые регулируют деятельность в сфере охраны окружающей среды и природопользования. Представим некоторые из них на *рис. 5*.

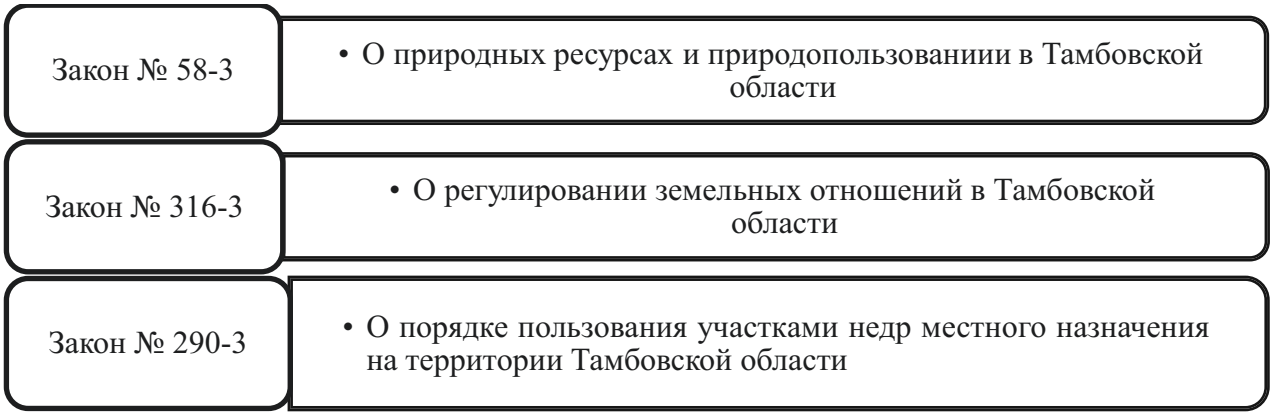

Рисунок 5. **Нормативно-правовые акты, составляющие основу регионального природоохранного законодательства Тамбовской области**

К тому же в Тамбовской области осуществляется государственный экологический надзор, который включает надзор за земельными, водными, воздушными ресурсами, лесной надзор и надзор в области обращения с отходами, как бытовыми, так и производственными [1].

Данные природоохранные структуры выявляют административные нарушения, связанные с экологическими вопросами, которые прописаны в статье 8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. За соответствующие нарушения назначаются штрафные санкции. Рассмотрим количество таких нарушений на *рис. 6*.

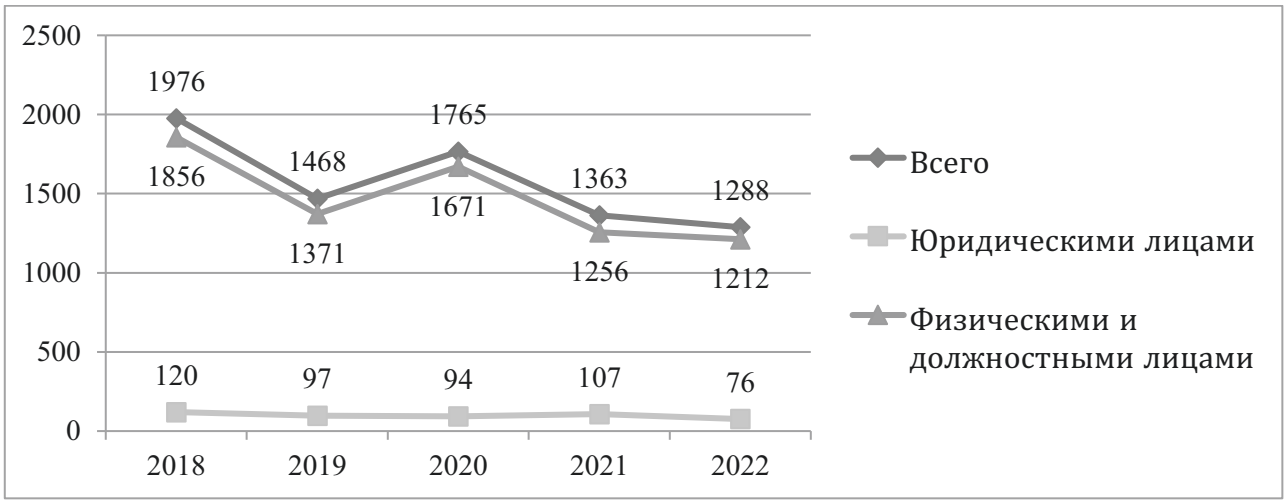

Рисунок 6. **Административные правонарушения в Тамбовском регионе в области охраны окружающей среды и природопользования за 2018–2022 гг., шт.**

Из *рис. 6* видно, что количество экологических преступлений за указанный период сокращается. Так, уменьшение произошло на 34,7%. Как видим, большую часть правонарушений совершают физические лица. Их доля в общей структуре равна в среднем 93,6%. Доля экологических правонарушений, которые совершают юридические лица, в среднем составляет 6,4%. Такие нарушения сократились на 36,7%.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что мероприятия по борьбе с экологическими правонарушениями являются действенными, так как происходит сокращение количества правонарушений [5]. Помимо действующих мероприятий, для того, чтобы решить указанные проблемы, необходимо: заниматься озеленением улиц; благоустраивать парки и скверы; осуществлять контроль за ядовитыми выбросами и следить за качественным состоянием очистных сооружений на предприятиях; заниматься экологическим просвещением и воспитанием жителей области; призывать жителей участвовать в субботниках, с детства воспитывать экологическую грамотность; вводить штрафы за несанкционированный выброс мусора в неположенных для этого местах; внедрять экологически чистый транспорт на биотопливе.

Библиографический список

1. Андреев А.В. (2022). Доклад о состоянии и охране окружающей среды Тамбовской области в 2021 году. Тамбов: Администрация Тамбовской области. 184 с.
2. Вигдорович М.В., Завершинский А.Н. (1998). Некоторые вопросы экологической ситуации в Тамбовской области // Вестник российских университетов. Математика. № 2. С. 182–185.
3. Дудник Н.И. (1996). Геоэкологические проблемы Тамбовской области // Вестник российских университетов. Математика. № 1. С. 65–70.
4. Дудник Н.И., Рыжов И.Н. (2001). Экологические проблемы г. Тамбова // Вестник российских университетов. Математика. № 3. С. 354–355.
5. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Тамбовской области. URL: https://68.rosstat.gov.ru/?ysclid=m23kki3scl949149118

6. Чистяков А.В., Черемисин В.В., Томилин В.Ф. (2017). Оценка экологической ситуации в Тамбове сегодня и пути ее решения в будущем // Социально-экономические явления и процессы. № 5. С. 198–204.

Информация об авторах

Толстова Анна Евгеньевна (Россия, г. Тамбов) – студентка 3 курса «Экономическая безопасность», ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина» (Россия, г. Тамбов, 392036, ул. Интернациональная, 33; post@tsutmb.ru).

Комарова Анастасия Агаммедовна (Россия, г. Тамбов**)** – студентка 5 курса «Экономическая безопасность», ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина» (Россия, г. Тамбов, 392036, ул. Интернациональная, 33; post@tsutmb.ru).

Tolstova A.E., Komarova A.A.

ASSESSMENT OF THE ENVIRONMENTAL SITUATION IN THE TAMBOV REGION: PROBLEMS AND POSSIBILITIES OF THEIR SOLUTION

Abstract. *The Tambov Region, like other regions of Russia, has a number of environmental problems that have a negative impact on the quality of life and the environment. The purpose of this work is to develop approaches for solving environmental problems that will contribute to the sustainable development of the Tambov region. This study examines the environmental problems of the Tambov region, namely air, water and soil pollution. As a result of the research, ways to solve these environmental problems are proposed.*

Keywords: *environmental problems, region, Tambov region, environmental pollution, environmental violations, ways to solve environmental problems.*

About the authors

Tolstova Anna Evgenievna (Russia, Tambov) – 3rd year student of Economic Security, G.R. Derzhavin Tambov State University (Russia, Tambov, 392036, 33 Internatsionalnaya str.; post@tsutmb.ru).

Komarova Anastasia Agammedovna (Russia, Tambov) – 5th year student of “Economic Security”, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, position, name of the organization (Russia, Tambov, 392036, 33 Internatsionalnaya str.; post@tsutmb.ru).

References

1. Andreev A.V. (2022). Report on the state and protection of the environment of the Tambov region in 2021. Tambov: Administration of the Tambov Region. 184 p.
2. Vigdorovich M.V., Zachatinsky A.N. (1998). Some issues of the environmental situation in the Tambov region. Bulletin of Russian Universities. Mathematics, 2, pp. 182–185.
3. Dudnik N.I. (1996). Geoecological problems of the Tambov region. Bulletin of Russian Universities. Mathematics, 1, pp. 65–70.
4. Dudnik N.I., Ryzhov I.N. (2001). Environmental problems of Tambov. Bulletin of Russian Universities. Mathematics, 3, pp. 354–355.
5. Chistyakov A.V., Cheremisin V.V., Tomilin V.F. (2017). Assessment of the environmental situation in Tambov today and ways to solve it in the future. Socio-economic phenomena and processes, 5, pp. 198–204.
6. Territorial body of the Federal State Statistics Service for the Tambov Region. URL: https://68.rosstat.gov.ru/?ysclid=m23kki3scl949149118

УДК 316.442/ ББК 60.59

Тупик Е.С.

ПРЕДПОЧТЕНИЯ СТАРШЕКЛАССНИКОВ ГОРОДСКИХ И СЕЛЬСКИХ ШКОЛ ТВЕРСКОГО РЕГИОНА В ВЫБОРЕ БУДУЩЕЙ ПРОФЕССИИ

Аннотация. *На основе социологического исследования изучены предпочтения старшеклассников Тверского региона в выборе будущей профессии. Выявлены профессии, интересующие старшеклассников. Определены факторы, влияющие на выбор профессии и уровень осведомленности о профессиях, востребованных на рынке труда.*

Ключевые слова: *старшеклассники, профессиональные предпочтения, профессия, профориентация, социологическое исследование.*

Изучение предпочтений старшеклассников при выборе будущей профессии позволяет решить ряд задач, ориентированных на формирование будущего как самих учащихся, так и общества в целом. Анализ предпочтений старшеклассников в выборе профессии создает понимание степени соизмеримости намерений молодежи в отношении профессионального обучения с требованиями и спросом рынка труда. Выявление причинно-следственной связи при изучении данного феномена скорректирует направления профориентационной работы со старшеклассниками, позволит оптимизировать образовательные программы, осуществить поддержку личностного развития подростков, способствовать предотвращению социальных проблем и т. д.

Изучение предпочтений старшеклассников городских и сельских школ Тверского региона в выборе будущей профессии проводилось на основе конкретно-социологического исследования. Анализ полученных данных осуществлялся с учетом материалов и данных исследований Тверского областного института усовершенствования учителей, Министерства образования Тверской области, Центра занятости населения Тверской области.

В ходе анкетного опроса применялась случайная выборка старшеклассников (10–11 классы) из городских и сельских школ Тверского региона, с учетом половозрастного состава, типа школы и населенного пункта.

Исследовательская процедура позволила комплексно подойти к изучению предпочтений старшеклассников через выявление их интересов, мотивов, оценок профессий, уровня информированности о них, причин выбора, планов старшеклассников на будущее.

В рамках данного исследования были поставлены и решены следующие задачи:

1. Выявить основные профессии, интересующие старшеклассников в городских и сельских школах.

2. Определить факторы, влияющие на выбор профессии (семейные традиции, доступность информации, влияние друзей и учителей).

3. Сравнить уровень осведомленности о профессиях, востребованных на рынке труда.

При выявлении профессий, интересующих старшеклассников, оценке подвергались следующие позиции: определение популярности профессии, ее престижности, сложности, перспектив трудоустройства, а также степени соответствия потенциально выбираемой профессии личным интересам и способностям учащихся.

В рамках определения предпочтительности профессии с точки зрения старшеклассников учитывался уровень зарплаты, карьерного роста, социальной значимости, престижности, сложности обучения. При этом в определении уровня предпочтительности будущей профессии среди старшеклассников городских и сельских школ выявлена неоднозначность. Учащиеся городских школ ориентируются на престиж профессии и размер оплаты труда. В то время как старшеклассники из сельских школ обращают внимание на сложность обучения и социальную значимость будущей профессии. Сложность обучения для них определяется продолжительностью получения профессии, стоимостью образования, конкурсом при поступлении.

Критерий карьерного роста является одинаково мало учитываемым при определении будущей профессии школьниками старших классов как городских, так и сельских школ.

Важную роль при оценке предпочтительности будущей профессии занимают перспективы относительно совмещения потенциального места работы и желаемого места жительства. При оценке перспектив трудоустройства были выявлены следующие позиции:

1. Оценка возможностей трудоустройства в Тверской области при условии изменения места жительства (как правило характерна для старшеклассников сельских школ).

2. Желание остаться в родном населенном пункте и освоить востребованную профессию (как правило такая позиция характерна для старшеклассников из областного центра и наиболее развитых и комфортных для проживания областных городов: Тверь, Осташков, Конаково, Красный Холм, Кимры, Удомля, Кашин, Лихославль, Старица, Ржев).

3. Готовность к переезду в другие регионы или страны (такая позиция характерна для городских старшеклассников).

При выборе будущей профессии старшеклассниками из городских и сельских школ особое внимание (97%) уделяется оценке соответствия их профессионального выбора с их личными интересами и способностями. При этом существенных различий в позициях ответов среди опрашиваемых по данному параметру не выявлено. Как городские, так и сельские школьники при профессиональном определении учитывают свои интересы, склонности, уровень знаний и умений, а также имеющийся опыт внеучебной деятельности.

Процентное распределение предпочтений старшеклассников Тверского региона по профессиям выглядит следующим образом (с учетом 5 наиболее часто встречающихся профессий в ответах опрашиваемых).

Городские школы: IT и технологии – 35%, медицина – 25%, бизнес и экономика – 20%, инженерия – 10%, гуманитарные науки – 10%.

Сельские школы: сельское хозяйство – 30%, педагогика – 25%, медицина – 15%, торговля и услуги – 15%, инженерия – 15%.

Процентное соотношение позиций старшеклассников в отношении факторов, влияющих на выбор профессии, выглядит следующим образом:

Городские школы:

- Доступ к информации: 70% старшеклассников указывают на наличие доступа к Интернету и специализированным ресурсам.
- Семейные традиции: 40% опрошенных отмечают влияние родителей на выбор профессии.
- Влияние друзей и учителей: 60% считают мнение окружения важным.

Сельские школы:

- Доступ к информации: 40% старшеклассников имеют ограниченный доступ к информации о профессиях.
- Семейные традиции: 60% опрошенных указывают на сильное влияние семейных традиций.
- Влияние друзей и учителей: 50% считают мнение окружения важным.

Результаты исследования показывают разность в уровне осведомленности о востребованных профессиях среди старшеклассников городских и сельских школ.

- Городские старшеклассники: 80% уверены в своей осведомленности о востребованных профессиях.
- Сельские старшеклассники: 50% имеют четкое представление о востребованных профессиях.

Низкий уровень осведомленности старшеклассников сельских школ напрямую может быть связан с недостаточной профориентационной работой в сельской местности Тверского региона.

В обобщенном виде сравнительный анализ позиций по определению старшеклассников Тверского региона в будущей профессии представлен в *табл. 1.*

Таблица 1. **Определение старшеклассников Тверского региона в выборе будущей профессии**

Характеристика	Городские школьники	Сельские школьники
Популярные профессии	IT-специалисты, программисты, дизайнеры, маркетологи, врачи, юристы, экономисты, менеджеры, инженеры (широкий спектр)	Агрономы, ветеринары, механизаторы, педагоги, врачи (более узкий спектр, тяготеющий к потребностям села), инженеры, связанные с сельскохозяйственной техникой, IT-специалисты (если есть понимание перспектив)
Престиж	Высокий престиж профессий, связанных с финансами, IT, управлением, креативными индустриями. Более важен социальный статус и публичность	Более важны полезность профессии для общества, стабильность, возможность работать рядом с домом
Фактор заработной платы	Заработная плата играет значительную роль при выборе профессии. Готовы к переезду ради более высокой оплаты	Зарплата важна, но не является единственным определяющим фактором. Готовы к меньшей зарплате, если работа стабильная и рядом с домом
Влияние семьи	Влияние семьи присутствует, но в меньшей степени, чем в сельской местности. Большее влияние оказывают сверстники, СМИ, блогеры	Влияние семьи, особенно родителей, играет значительную роль. Часто выбирают профессию, схожую с профессией родителей
Доступ к информации	Широкий доступ к информации о профессиях (Интернет, мероприятия, встречи с профессионалами)	Ограниченный доступ к информации о профессиях. Чаще ищут информацию в Интернете, но она может быть не всегда актуальной и релевантной
Планирование образования	Ориентированы на получение высшего образования в престижных вузах	Ориентированы на получение среднего профессионального или высшего образования в местных учебных заведениях
Карьерные амбиции	Стремятся к карьерному росту, лидерству, достижению успеха в выбранной области	Стремятся к стабильной работе, возможности развиваться в выбранной области, но без высоких карьерных амбиций
Миграционные намерения	Готовы к переезду в другие города и страны для получения образования и трудоустройства	Менее склонны к переезду, предпочитают оставаться в родном регионе
Предпринимательство	Интересуются предпринимательством, стартапами, созданием собственного бизнеса	Менее интересуются предпринимательством, предпочитают работу по найму

С учетом региональных особенностей определены дополнительные факторы, влияющие на предпочтения старшеклассников в отношении выбора будущей профессии:

1. Уровень развития инфраструктуры. В городах больше возможностей для самореализации, развития, карьерного роста. В сельской местности инфраструктура развита слабее, поэтому выбор профессий ограничен.

2. Экономическая ситуация в регионе. В Тверской области преобладают сельское хозяйство, промышленность, туризм. Выбор профессий соответствует потребностям регионального рынка труда.

3. Образовательные возможности. В городах больше выбор учебных заведений, программ обучения, курсов подготовки. В сельской местности образовательные возможности ограничены.

4. Традиции и культура. В сельской местности сильны традиции, связанные с сельским хозяйством, семьей, преемственностью поколений.

Таким образом, предпочтения старшеклассников в выборе будущей профессии зависят от множества факторов, включая место проживания, социально-экономическую ситуацию, личные интересы и ценности. Данная информация является основополагающей для разработки программы профориентационной работы со старшеклассниками городских и сельских школ, что будет содействовать успешному профессиональному самоопределению молодежи. В соответствии с этим представляется возможность оптимизировать образовательные программы, осуществить поддержку личностного развития подростков в наиболее востребованных обществом и регионом направлениях. В конечном счете, реализация подобных мероприятий, позволит предотвратить ряд социальных проблем.

Профориентация является жизненно важным инструментом для старшеклассника. Она помогает сделать осознанный выбор профессии, адаптироваться к меняющемуся рынку труда, повысить конкурентоспособность и внести свой вклад в развитие страны. Важно, чтобы профориентационная работа проводилась комплексно, с участием школы, семьи, специалистов и работодателей, и учитывала индивидуальные особенности и потребности каждого старшеклассника. Это инвестиция в будущее молодого поколения и процветание не только региона, но и страны в целом.

Информация об авторе

Тупик Елена Сергеевна (Тверь, Россия) – заведующая лабораторией социальных исследований Тверского государственного университета, старший преподаватель кафедры социологии ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (Россия, г. Тверь, 170100, ул. Желябова, 33; Tupik.ES@tversu.ru).

E.S. Tupik

PREFERENCES OF HIGH SCHOOL STUDENTS OF URBAN AND RURAL SCHOOLS IN THE TVER REGION IN CHOOSING A FUTURE PROFESSION

Abstract. *Based on a sociological study, the preferences of high school students in the Tver region in choosing a future profession have been studied. Professions of interest to high school students have been identified. The factors influencing the choice of profession and the level of awareness about professions in demand in the labor market are identified.*

Keywords: *high school students, professional preferences, profession, career guidance, sociological research.*

About the author

Tupik Elena Sergeevna (Tver, Russia) – Senior Lecturer of the Department of Sociology, Head of the Laboratory of Social Research of Tver State University (Russia, Tver, 170100, Zhelyabova str., 33; Tupik.ES@tversu.ru).

УДК 316.346.3:613.86:616-053.9 / ББК 88.44

Шматова Ю.Е.

ВОСПРИЯТИЕ БЛАГОПОЛУЧИЯ ЖИЗНИ СТАРШИМ ПОКОЛЕНИЕМ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ИХ ПСИХОЭМОЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ

Аннотация. *Представлены выборочные результаты опроса, проведенного ВолНЦ РАН в Вологодской области в 2025 году. Рассмотрены особенности восприятия благополучия жизни лицами старше 65 лет, имеющими симптомы тревоги и/или депрессии. Для них более значимыми являются параметры социальной защищенности, включенности в общественную жизнь, социальное положение и духовное развитие.*

Ключевые слова: *благополучие, тревога, депрессия, старшее поколение, одиночество, социальная защищенность, включенность.*

В работе представлены выборочные результаты опроса 1500 жителей Вологодской области. Выборка лиц старше 65 лет составила 319 чел., из которых 194 испытывают, согласно результатам используемой в анкете Госпитальной шкалы тревоги и депрессии, соответствующие расстройства. Статистический анализ данных был осуществлен с использованием пакета статистической программы SPSS.

Актуальность обращения к проблемам благополучия лиц старшего возраста определяется текущим процессом демографического старения, который сопровождается увеличением удельного веса пожилых [1, 2]. Особенностью старения российского населения является его гендерная асимметрия в сторону пожилых женщин [3]. На начало 2023 года в Вологодской области каждый четвертый житель был старше 60 лет, практически каждый шестой (каждая пятая женщина и каждый восьмой мужчина) – старше 65 лет. Среди сельского населения доля пожилых еще выше. Отметим также, что при сокращении численности и изменении возрастной структуры населения возрастает нагрузка на системы здравоохранения, социальной защиты и пенсионного обеспечения, замедляется экономический рост и т. д. Одним из эффективных направлений политики должно стать поддержание качества жизни населения, его благополучия [4], в том числе поступательно увеличивающейся доли старшего поколения.

Двадцатые годы XXI в. сопровождались дополнительными вызовами (эпидемиологический, геополитический, военный, санкционный, цифровой и др.), что приводит к потребности в дополнительной адаптации населения, особенно старшего поколения. Несмотря на то, что часть его представителей имеют неплохое физическое здоровье, многие подвержены риску развития психических заболеваний, таких как депрессия и тревога[1] [5]. В современном мире проблема распространения данных расстройств среди лиц старшего возраста приобретает глобальный характер [6]. Так, если в течение жизни в среднем около 30% страдают психическим расстройством, то к 75 годам риск существенно возрастает и составляет 47% для мужчин и 53% для женщин [7–9].

Одиночество можно отнести к числу ключевых преград для достижения благополучия в старшем возрасте, поскольку оно мешает поддерживать хорошие отношения с семьей, оптимальную физическую и интеллектуальную активность. Страх перед одинокой старостью в той или иной степени присутствует у большинства пожилых[2]. Физическая немощь, сложные условия жизни, чувство ненужности, одиночества наряду с депрессией, злоупотреблением алкоголем и снотворными могут спровоцировать суицидальное поведение [10].

По данным нашего более раннего исследования (на основе данных ВНСЗН-2023), к основным группам риска развития тревожных и депрессивных расстройств среди лиц старше 65 лет относятся: женщины после 70–75 лет; имеющие невысокий уровень образования;

[1]Психическое здоровье и пожилые люди. Бюллетень ВОЗ. 20 октября 2023 г. https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/mental-health-of-older-adults

[2] Седых О.Г., Гуляева А.И. Проблема одиночества лиц пожилого возраста: социологический аспект // Известия БГУ. 2022. №1. С. 144–152.

одинокие, овдовевшие, испытывающие трудности в коммуникации; с плохим здоровьем, инвалиды; малоимущие; лишенные сбалансированного полноценного питания; проживающие в коммунальной квартире или отдельно от членов семьи в своем доме / квартире; ведущие малоподвижный образ жизни; предпочитающие пассивные формы досуга [11].

По результатам опроса, проведенного ВолНЦ РАН в январе – феврале 2025 года, каждый третий опрошенный житель Вологодской области испытывал повышенный уровень тревоги, у 38% были симптомы депрессии, а у практически 42% – тревоги и/или депрессии (*табл. 1*). Наиболее высокие показатели отмечаются в районах и малых городах области. Психоэмоциональное состояние жителей областной столицы значительно хуже, чем череповчан.

Таблица 1. **Распространение симптомов тревоги и депрессии среди опрошенных жителей Вологодской области в 2025 году в территориальном разрезе, в %**

Наличие симптомов	Вологодская область	Вологда	Череповец	Районы	В том числе:	
					Городская местность	Сельская местность
Тревога						
Нет тревоги	67,1	72,0	84,8	54,4	42,9	67,8
Есть тревога	32,9	28,1	15,1	***45,6***	***57,1***	32,2
Депрессия						
Нет депрессии	61,9	66,9	81,6	48,0	41,6	55,5
Есть депрессия	38,1	33,1	18,5	***52,0***	***58,4***	44,5
Тревога и/или депрессия						
Нет	58,2	62,6	78,8	44,2	36,1	53,7
Есть	41,8	37,4	21,2	***55,8***	***63,9***	46,3

Данные проведенного опроса подтверждают ряд исследований о поступательном повышении риска развития изучаемых расстройств с возрастом (*рис. 1*). Так, в группе старше 75 лет тревогой и/или депрессией страдает трое из четырех. Согласно результатам анкетирования, в группе представителей старшего поколения разница в уровне распространения тревожных и депрессивных симптомов у обоих полов статистически незначима.

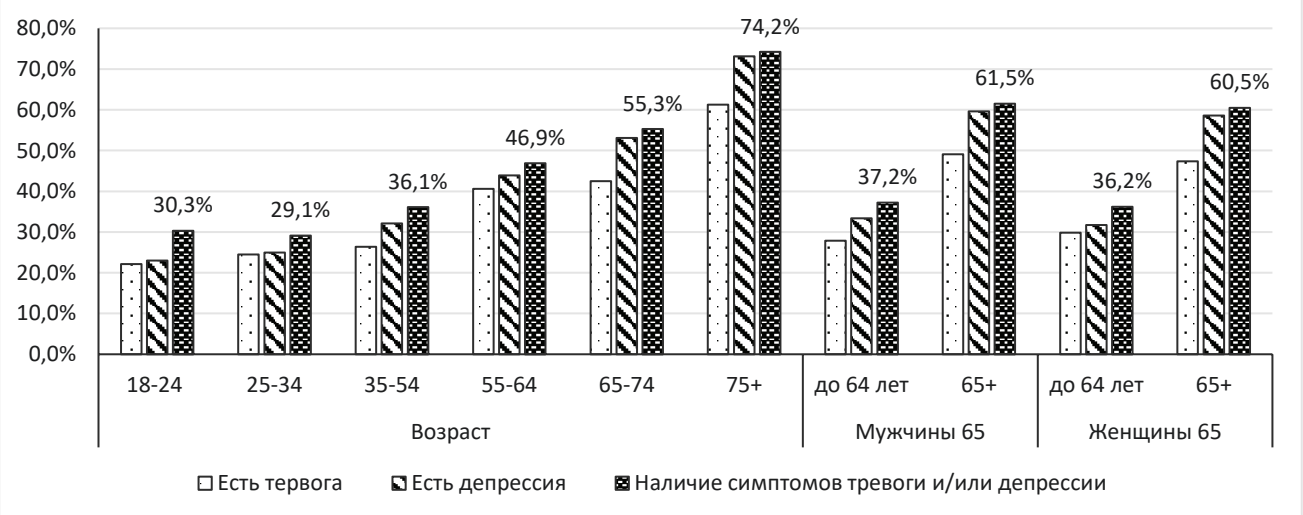

Рисунок 1. **Распространение симптомов тревоги и депрессии среди опрошенных жителей Вологодской области в 2025 году в половозрастных группах, в %**

При этом две трети (68%) жителей Вологодской области могут назвать свою жизнь благополучной («безусловно» или «скорее»; *рис. 2*). Уровень самооценки благополучия старшим поколением несколько ниже (62%). Факт наличия тревожного и/или депрессивного расстройства оказывает значительное воздействие на восприятие качества жизни. Около 29% пожилых данной категории оценивают свою жизнь как неблагополучную, в то время как среди их «здоровых» (не имеющих признаков тревоги/депрессии по данным Госпитальной шкалы) сверстников таких лишь 6%. Несмотря на наличие симптомов тревоги и/или депрессии, половина опрошенных из возрастной категории 65+ продолжают характеризовать свою жизнь, как «благополучную». Среди психологически «здоровых» представителей старшего возраста их доля значительно выше – около 80%.

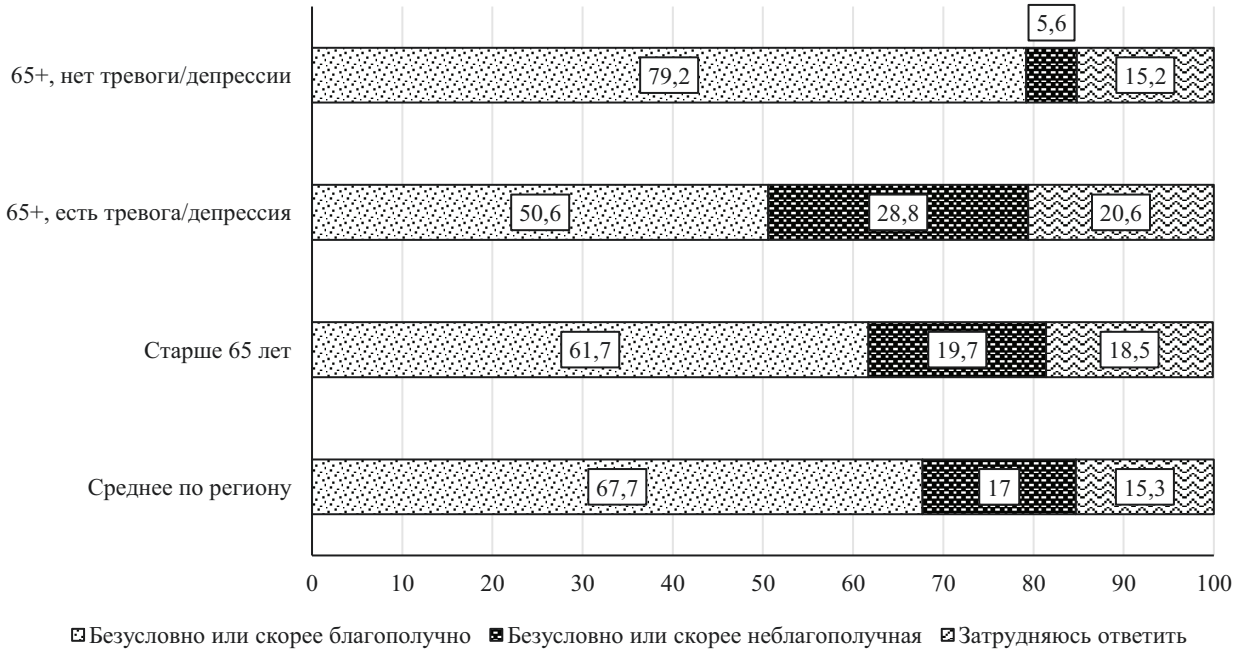

Рисунок 2. **Самооценка степени благополучия собственной жизни респондентами в Вологодской области, в %**

Главными критериями благополучной жизни для большинства опрошенных жителей Вологодской области выступают крепкое здоровье, счастливая семья, наличие друзей, душевного равновесия, материального достатка, развитой инфраструктуры в месте проживания (*табл. 2*). Однако для представителей старшего поколения с признаками тревожного и/или депрессивного расстройства их ценность значительно ниже.

В рейтинге параметров «благополучной жизни» на несколько ступеней вверх (с девятого на шестое место) по сравнению со здоровыми в эмоциональном плане ровесниками перемещается «потребность в социальной защищенности» (24% против 22%), почти вдвое становятся более значимы: вовлеченность в общественную жизнь и широкий круг общения (14 и 7%), духовное развитие (10 и 6%) и положение в обществе (8 и 4%).

Таблица 2. **Распределение ответов на вопрос: «Что лично для вас означает “благополучие”, “благополучная жизнь?”», в %**

Показатели	Среднее по региону	65+, лет		
		Среднее	Нет тревоги / депрессии	Есть тревога / депрессия
Счастливая семья	74,7	68,7	77,6	62,9
Крепкое здоровье	70,3	73,0	84,0	66,0
Материальный достаток	69,3	65,5	76,0	58,8
Наличие близких друзей	42,0	33,2	46,4	24,7
Душевное равновесие и спокойствие	31,3	37,9	40,0	36,6
Полноценный отдых и досуг	25,3	22,6	32,0	16,5
Стабильность, уверенность в завтрашнем дне	24,0	25,1	33,6	19,6
Интересная работа, профессиональная самореализация	20,9	6,6	6,4	6,7
Социальная защищенность	18,5	22,9	21,6	23,7
Самореализация и уверенность в себе	17,9	14,7	17,6	12,9
Развитая инфраструктура в месте проживания (доступная медицина и образование, качественное городское благоустройство и т. д.)	15,1	17,6	24,0	13,4
Включенность в общественную жизнь и широкий круг общения	12,3	11,3	7,2	13,9
Благоприятная экологическая обстановка в месте проживания	11,7	9,4	9,6	9,3
Социальный статус (положение в обществе)	11,0	6,6	4,0	8,2
Свобода и независимость	8,9	6,9	7,2	6,7
Духовное развитие	7,9	8,2	5,6	9,8
Соблюдение законов и общественная безопасность	4,0	6,3	8,0	5,2

Именно по данным параметрам в группе пожилых с симптомами тревоги и/или депрессии наблюдается наибольший разрыв среди тех, кто считает их критериями благополучной жизни и ощущает их недостаток. Так, например, с их точки зрения являются малозначимыми для благополучия такие показатели, как интересная работа и профессиональная реализация (7%), видимо в силу наступления периода «заслуженного отдыха». Однако именно их отсутствие мешает в 4 раза большему числу респондентов (28%) ощущать себя благополучными. Включенность в общественную жизнь и широкий круг общения выступает обязательным условием благополучной жизни для 14%, а ее недостаток – причина неблагополучия для 27%. Аналогичные тенденции отмечаются и по таким критериям, как социальный статус и положение в обществе (8 и 22%), духовное развитие (10 и 18%), стабильность и уверенность в завтрашнем дне (20 и 34%).

Примечательно, что лица пожилого возраста с симптомами тревоги и/или депрессии значительно чаще (особенно по сравнению с психологически благополучными ровесниками) отмечали нехватку для полноценной благополучной жизни крепкого здоровья, душевного равновесия, близких друзей и счастливой семьи, стабильности и социальной защищенности, возможностей полноценного отдыха и досуга (*табл. 3*). Также они острее ощущают недостаток всего того, чего они лишились, выйдя на пенсию, а именно: включенности в общественную и трудовую жизнь, профессиональной и личной самореализации, интересной работы, достойного положения в обществе, уверенности в себе. При этом было выявлено, что вопросы материального характера, потребность в развитой инфраструктуре, улучшении экологических условий в месте проживания, соблюдении закона и порядка не являются более значимыми в сравнении с другими категориями лиц.

Таблица 3. **Распределение ответов на вопрос: «Чего вам хватает или не хватает, чтобы назвать свою жизнь благополучной в настоящее время?» (вариант ответа «скорее не хватает», в %)**

Показатели	Среднее по региону	65+, лет		
		Среднее	Нет тревоги / депрессии	Есть тревога / депрессия
Крепкое здоровья	23,5	42,0	36,3	45,6
Стабильность, уверенность в завтрашнем дне	30,1	31,7	28,3	33,9
Социальная защищенность	19,8	22,4	10,6	29,9
Душевное равновесие и спокойствие	19,9	23,3	15,3	28,4
Интересная работа, профессиональная самореализация	19,7	25,6	22,6	27,5
Включенность в общественную жизнь и широкий круг общения	15,4	23,3	16,9	27,3
Социальный статус (положение в обществе)	16,0	17,9	12,1	21,6
Полноценный отдых и досуг	19,9	16,7	10,5	20,6
Духовное развитие	12,4	13,9	7,3	18,2
Счастливая семья	11,7	14,2	8,1	18,0
Самореализация и уверенность в себе	13,8	13,5	9,7	16,0
Близкие друзья	6,8	9,4	3,2	13,4

Более 60% жителей региона старше 65 лет (среди более молодых – 37%) испытывают симптомы тревоги и/или депрессии. Они в 5 раз чаще, чем их психологически устойчивые ровесники, считают свою жизнь неблагополучной. При этом, говоря об обязательных условиях благополучия, большинство критериев играет для них меньшую роль, чем для «здоровых». Рассуждая на тему, чего им не хватает для благополучной жизни, значимость некоторых критериев серьезно возрастает. Особенно в группе показателей, характеризующих самореализацию (в том числе профессиональную), общение и социальный статус. Поэтому разработка программ по включению лиц старше 65 лет в активную деятельность, приносящую им чувство удовлетворенности, сплоченности, собственной полезности обществу, использование их трудового потенциала, жизненного опыта должны положительно сказаться не только на их душевном и физическом состоянии, но и на самоощущении благополучия жизни.

Библиографический список

1. Доброхлеб В.Г. (2022). Демографическое старение в России и новая социальная реальность // Народонаселение. Т. 25. № 2. С. 66-76. DOI: 10.19181/ population.2022.25.2.6
2. Калачикова О.Н., Короленко А.В., Боброва А.Г. (2021). Демографическое развитие России и Беларуси в XXI веке в контексте внедрения концепции активного долголетия // Проблемы развития территории. Т. 25. № 1. С. 29–51.
3. Римашевская Н.М. (2003). Человек и реформы: секреты выживания. Москва: РИЦ ИСЭПН РАН. 392 с.
4. Михайлова Н.М. (2004). Депрессии в позднем возрасте // РМЖ. № 14. С. 835–838.
5. Любов Е.Б., Магурдумова Л.Г., Цупрун В.Е. (2017). Суицидальное поведение // Суицидология. № 1(26). С. 3–16.
6. Шматова Ю., Белехова Г. (2025). Группы риска развития тревоги и депрессии среди россиян старше 60 лет (результаты социологического исследования) // Society and Security Insights, 7(4), С. 95–112.
7. Alper F., Alrep A., Ucan O. (2016). The Economic Impacts of Aging Societies. International Journal of Economics and Financial Issues, 3, pp. 1225–1235.

8. McGrath J.J., Al-Hamzawi A., Alonso J. [et al.] (2023). Age of onset and cumulative risk of mental disorders: a cross-national analysis of population surveys from 29 countries. The Lancet Psychiatry, 10(9), pp. 668–681.
9. Riecher-Rössler A. (2017). Sex and gender differences in mental disorders. The Lancet Psychiatry, 4(1), pp. 8–9. DOI: 10.1016/S2215-0366(16)30348-0
10. Sarı E., Karakuş B.Ş., Demir E. (2024). Economic uncertainty and mental health: Global evidence, 1991 to 2019. SSM – Population Health, 27. DOI: 10.1016/j.ssmph.2024.101691
11. Zhang P., Wang L., Zhou Q. [et al.] (2023). A network analysis of anxiety and depression symptoms in Chinese disabled elderly. J Affect Disord, 333, pp. 535–542. DOI: 10.1016/j.jad.2023.04.065

Информация об авторе

Шматова Юлия Евгеньевна (Вологда, Россия) – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник ФГБУН Вологодский научный центр Российской Академии наук, (Россия, Вологда, 160014, ул. Горького 56А; ueshmatova@mail.ru).

Shmatova Y.E.

PERCEPTION OF THE WELL-BEING OF LIFE BY THE OLDER GENERATION DEPENDING ON THEIR PSYCHOEMOTIONAL STATE

Abstract. *The selected results of a survey conducted by the Wave of the Russian Academy of Sciences in the Vologda region in 2025 are presented. The features of the perception of well-being of life by people over 65 years of age with symptoms of anxiety and/or depression are considered. For them, the parameters of social security, inclusion in public life, social status and spiritual development turned out to be more significant.*

Keywords: *well-being, anxiety, depression, older generation, loneliness, social security, inclusion.*

About the author

Shmatova Yulia Evgenievna (Vologda, Russia) – candidate of economic sciences, Researcher of the Federal state budgetary institution of science “Vologda research center of Russian academy of sciences” (Russia, Vologda, 160014, Gorky st. 56A; ueshmatova@mail.ru;

References

1. Alper F., Alrep A., Ucan O. (2016). The Economic Impacts of Aging Societies. International Journal of Economics and Financial Issues, 3, pp. 1225–1235. (in Russian).
2. Dobrokhleb V.G. (2022). Demographic aging in Russia and the new social reality. Population, 25(2), pp. 66–76. DOI: 10.19181/population.2022.25.2.6 (in Russian).
3. Kalachikova O.N., Korolenko A.V., Bobrova A.G. (2021). Demographic development of Russia and Belarus in the XXI century in the context of the introduction of the concept of active longevity. Problems of territorial development, 25(1), pp. 29–51. DOI: 10.15838/ptd.2021.1.111.2 (in Russian).
4. Rimashevskaya N.M. (2003). Man and reforms: secrets of survival. Moscow: RIC ISEPN RAS. 392 p. (in Russian).
5. Zhang P., Wang L., Zhou Q. [et al.] (2023). A network analysis of anxiety and depression symptoms in Chinese disabled elderly. J Affect Disord, 333, pp. 535–542. DOI: 10.1016/j.jad.2023.04.065
6. Sarı E., Karakuş B.Ş., Demir E. (2024). Economic uncertainty and mental health: Global evidence, 1991 to 2019. SSM – Population Health, 27. DOI: 10.1016/j.ssmph.2024.101691

7. McGrath J.J., Al-Hamzawi A., Alonso J. [et al.] (2023). Age of onset and cumulative risk of mental disorders: a cross-national analysis of population surveys from 29 countries. Lancet Psychiatry, 10(9), pp. 668-681. DOI: 10.1016/S2215366 (23)00193-1
8. Mikhaylova N.M. (2004). Depression in late age. RMZH, 14, pp. 835–838. (in Russian).
9. Riecher-Rössler A. (2017). Sex and gender differences in mental disorders. The Lancet Psychiatry, 4(1), pp.8–9. DOI: 10.1016/S2215-0366(16)30348-0
10. Lyubov Y.B., Magurdumova L.G., Tsuprun V.Y. (2017). Suicidal behavior. Suitsidologiya, 1(26), pp. 3–16. (in Russian).
11. Shmatova Y., Belekhova G. (2025). Risk groups for developing anxiety and depression among Russians over 60 years old (results of a sociological study). Society and Security Insights, 7(4), pp. 95–112. (in Russian).

УДК 316.43-364.42/.44

Яковлева Н.И.

СИСТЕМА СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ В СОВРЕМЕННОЙ БЕЛАРУСИ

Аннотация. *С позиции социологического анализа рассматривается существующее состояние системы социальной защиты и оказания социальных услуг. Отмечается необходимость трансформации форм и методов предоставления социальных услуг населению. Существующий уровень качества социальных услуг описан как удовлетворительный, определены проблемные точки в развитии системы социальной помощи, а также приведены возможные направления их разрешения.*

Ключевые слова: *социальная помощь, социальная услуга, инвалидность, социальные гарантии.*

В современном мире характерные течения глобализационных процессов сменяются на усиление регионализации, увеличиваются риски в связи с ростом уровня геополитической неопределенности, участившейся практикой применения международных санкций, активизируются международные конфликты. Все эти факторы оказывают непосредственное влияние на развитие Республики Беларусь, как одного из участников мирового сообщества. В то же время страна сталкивается с вызовами в социо-демографической сфере: отмечается возрастание нагрузки на системы социальной защиты, здравоохранения, нарастает дефицит рабочих кадров трудоспособного возраста, что напрямую связано с продолжающимся старением населения на фоне падения рождаемости и ростом продолжительности жизни, а также миграцией лиц трудоспособного возраста. В целях преодоления проблем, связанных с сохранением и накоплением человеческого капитала, в Беларуси одной из приоритетных задач устойчивого развития страны является достижение высоких стандартов качества жизни и социального благополучия посредством развития потенциала и равных возможностей для каждого человека, а также создание эффективной системы социальной защиты уязвимых категорий населения [3].

В Беларуси реализуется система социальной защиты, которая направлена на поддержку различных категорий граждан. Государственная социальная поддержка охватывает множество аспектов, включая помощь семьям с детьми, поддержку пенсионеров, инвалидов и других уязвимых групп населения. Система социальной защиты включает в себя как денежные выплаты, так и предоставление социальных услуг, таких как медицинская помощь, жилье и образование. Важно отметить, что доступ к этим услугам и выплатам регулируется законодательством, и граждане могут обращаться за помощью в зависимости от своих нужд и правового статуса.

В Республике действует разветвленная система государственной поддержки семей, воспитывающих детей. Она включает выплату пособий в связи с рождением и воспитанием детей, государственную поддержку при строительстве (реконструкции) жилья, обеспечение бесплатным питанием детей 1–2 лет, и предоставление других видов государственной адресной социальной помощи, единовременных выплат при рождении двоих и более детей, гарантий в сфере образования, здравоохранения, пенсионного, трудового, налогового и жилищного законодательства. Реализуется программа семейного капитала при рождении третьего или последующего ребенка: открыто более 140,5 тысяч депозитных счетов «Семейный капитал». Действует система предоставления налоговых, трудовых, пенсионных гарантий семьям, воспитывающих детей, реализуется программа жилищной политики. Как результат – количество многодетных семей в последние годы устойчиво растет, их уже более 123 тыс.

Семьи с детьми, несовершеннолетние и дети с различной степенью утраты здоровья находятся в зоне постоянного внимания государства. Им гарантирована социальная поддержка в виде денежных выплат (пенсии, пособия, государственная адресная социальная помощь) и оказания социальных услуг. Системой государственных пособий охвачен каждый пятый несовершеннолетний ребенок в стране, а дети в возрасте до трех лет – почти 100% [6].

Расходы ФСЗН на выплату пособий в адрес семей с детьми в 2023 году составили 1,4% ВВП. Это один из самых высоких на европейском пространстве показателей расходов на выплату семейных пособий, связанных с рождением и воспитанием детей [1].

Республика Беларусь является государством-участником Конвенции о правах инвалидов. Приоритетными направлениями в этой связи являются развитие инклюзивного образования, решение вопроса по трудоустройству и занятости людей с инвалидностью, создание таких условий, которые позволят людям с инвалидностью интегрироваться во все сферы жизнедеятельности общества [7]. Нового и более высокого уровня развития социальная поддержка инвалидов достигла в рамках вступившего в силу Закона Республики Беларусь «О правах инвалидов и их социальной интеграции» (2023 год): введена услуга персонального ассистента, комплексно учитывающая индивидуальные запросы человека с инвалидностью; принят новый механизм обеспечения граждан отдельными техническими средствами социальной реабилитации (посредством выплаты денежной компенсации затрат на отдельные средства реабилитации); усовершенствован механизм социальной реабилитации, реабилитации инвалидов (предусмотрена возможность открытия подразделений реабилитации, реабилитации в структуре действующих социальных пансионатов) и др. Кроме того, для инвалидов установлен ряд социальных льгот, предусматривающих снижение стоимости на 90% и на 50% (в зависимости от группы инвалидности) на лекарственные средства, обеспечение техническими средствами социальной реабилитации, бесплатный проезд на общественном транспорте, первоочередное бесплатное санаторно-курортное лечение или оздоровление и др.

В сфере оказания социальной помощи наиболее прогрессивными видами социальных услуг для семей, воспитывающих детей с инвалидностью, являются:

• услуга кратковременного ухода за детьми («социальная няня»). Предоставляется до исполнения ребенку 18 лет, бесплатно до 20 час. в неделю, если в семье один ребенок-инвалид, и до 40 часов, если двое детей с инвалидностью, в том случае, если дети не посещают какие-либо учреждения образования, т. е. обучаются на дому [4]. Услуга кратковременного ухода за детьми по данным Белстата была предоставлена 2366 семьям, воспитывающим детей в 2020 году, а в 2023 году число семей, воспользовавшихся данной услугой, достигло 2526 (общее число семей с детьми-инвалидами – 38685) [6];

• услуга социального патроната – комплексная помощь людям с инвалидностью, их семьям в коммуникации, участии в жизни общества, решении повседневных задач. По данным Белстата услуга была предоставлена 2139 семьям, воспитывающим детей с инвалидностью в 2020 году, а в 2023 году число семей, воспользовавшихся данной услугой, достигло 3332 [6];

• услуга социальной передышки – непродолжительный отдых для родителей или лиц, воспитывающих ребенка с инвалидностью, на период не более 56 суток в календарном году и не более 28 суток подряд, с целью предоставления им возможности для восстановления сил, решения семейно-бытовых вопросов, в то время, как их ребенок будет находиться под опекой квалифицированных специалистов вышеназванного учреждения.

Положительным эффектом от предоставления перечисленных видов услуг является улучшение трудной жизненной ситуации в семьях, расширение круга общения и зон взаимодействия семей с детьми-инвалидами, организация социального взаимодействия, досугового времени для лиц с утратой здоровья. Однако, несмотря на проделанную работу в сфере законотворчества по вопросам социальной защиты, практически стопроцентный охват социальными услугами нуждающихся категорий граждан, серьезные успехи в сфере социальной поддержки лиц с инвалидностью, действительное положение дел свидетельствует о том, что в Беларуси система реализации политики в области защиты интересов детей и лиц с инвалидностью все еще требует доработки. В отношении предоставления социальных услуг, согласно мнению получателей, в целом отмечается удовлетворенность перечнем и наличием выбора оказываемых форм социальной помощи, но при этом также отмечается недостаток информации, ограниченность времени предоставления услуги, необходимость повышения компетенций специалистов, необходимость предоставления возможности замены специалиста при

необходимости, а также необходимость благоустройства территорий вокруг здания (безбарьерная среда) [5].

Важно отметить также существующую проблему доступности социальных услуг, которая связана с дефицитом кадров, что приводит к необходимости строго регламентировать продолжительность предоставления услуги, а также создает период ожидания начала ее фактического исполнения. В сельской местности ситуация осложняется удаленностью расположения центров социального обслуживания населения, что создает проблему организации подвоза нуждающихся в предоставлении услуги либо провоцирует риск неоказания услуги.

Таким образом, характеризуя современное состояние системы социальной защиты следует отметить, что спектр оказываемых социальных услуг достаточно широк и введение новых форм социальных услуг на данном этапе не требуется, однако, необходимо провести оценку качества и результативности уже существующих услуг в сфере социальной защиты, важно пересмотреть содержание, условия, методику предоставления услуг. В число факторов, детерминирующих эффективное развитие системы социальной защиты в Беларуси, также входят: недостаточное финансирование системы социальной защиты; недостаточный учет индивидуальных условий жизненной ситуации при осуществлении адресной социальной помощи; дефицит кадров в сфере социальной защиты, недостаточная квалификация специалистов, оказывающих услуги социальной помощи; неадаптированность строительно-архитектурной и материально-технической среды учреждений и центров социальной защиты.

В целях повышения эффективности системы оказания социальной помощи можно предусмотреть расширение перечня и организацию курсов повышения квалификации специалистов (навыки первичной санитарно-медицинской помощи, навыки альтернативной коммуникации, цифровые компетенции); повышение информированности граждан об услугах через средства массовой информации, социальные сети, информационные стенды в учреждениях медицинского и социального профиля с использованием систем альтернативной коммуникации; организовать систему обратной связи с родителями детей-инвалидов; учитывать индивидуальные специфические потребности семьи и ребенка во время оказания услуги; увеличить доступность услуги и продолжительность ее предоставления путем привлечения в систему большего числа работников.

В то же время, характеризуя проблемные точки и перспективы совершенствования системы социальной помощи в Беларуси, важно отметить, что одним из наиболее значимых препятствий к развитию являются ограничения социокультурного и психологического свойства, обусловленные особенностями массового и индивидуального сознания людей по отношению к семьям, попавшим в трудную жизненную ситуацию, к людям с инвалидностью. В соответствии с этим важно разработать и реализовать действенные меры, направленные на формирование в обществе позитивного отношения к родительству и семейным ценностям, уважительного отношения к лицам с инвалидностью и другими ограничениями здоровья.

Библиографический список

1. Защита материнства и детства в Республике Беларусь // Минский городской исполнительный комитет. URL: https://minsk.gov.by/ru/actual/view/209/2019/inf_material_2019_08.html/
2. Кеник А.А. (2007). Защита прав ребенка и несовершеннолетних в Республике Беларусь. Минск: Дикта. 312 с.
3. Концепция Национальной стратегии устойчивого развития Республики Беларусь на период до 2035 года. URL: https://economy.gov.by/uploads/files/ObsugdaemNPA/NSUR-2035-1.
4. Министерство труда и социальной защиты. URL: https://president.gov.by/ru/statebodies/ministerstvo-truda-i-socialnoy-zashchity
5. Отчет о результатах исследования по оценке качества социальных услуг // Белорусская ассоциация помощи детям-инвалидам и молодым инвалидам. URL: https://lifeguide.by/otchet-o-rezultatah-issledovaniya-po-oczenke-kachestva-soczialnyh-uslug

6. Официальная статистика по социальной сфере. Национальный статистический комитет Республики Беларусь. URL: https://www.belstat.gov.by/ofitsialna-ya-statistika/solialnaya-sfera/sotsialnaya-zaschita-nseleniya/
7. Официальный Интернет-портал Президента Республики Беларусь. URL: https://president.gov.by/ru/belarus/social/zashhita-naselenija/zashhita-invalidov

Информация об авторе

Яковлева Наталья Ивановна (Минск, Республика Беларусь) – научный сотрудник, Институт социологии НАН Беларуси (Россия, г. Минск, 220072, ул. Сурганова 1, к. 2; an.nata.an@gmail.com).

Yakauleva N.I.

THE SYSTEM OF SOCIAL PROTECTION IN MODERN BELARUS

Abstract. *The current state of the system of social protection and provision of social services is considered from the position of sociological analysis. The necessity of transformation of forms and methods of providing social services to the population is noted. The existing level of quality of social services is described as satisfactory, problem points in the development of social assistance system are defined, and possible directions of their solution are given.*

Keywords: *social assistance, social service, disability, social guarantees.*

About the author

Yakauleva Natallia Ivanovna (Belarus Minsk) – Researcher, Institute of Sociology, The Academy of Sciences of Belarus (Russia, Minsk, 220072, Surganova str. 1, building 2; an.nata.an@gmail.com).

References

1. Kenik A.A. (2007). Protection of the rights of the child and minors in the Republic of Belarus. Minsk: Dikta. 312 p.
2. Ministry of Labor and Social Protection. Available at: https://president.gov.by/ru/statebodies/ministerstvo-truda-i-socialnoy-zashchity
3. Official statistics on the social sphere. National Statistical Committee of the Republic of Belarus. Available at: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/solialnaya-sfera/sotsialnaya-zaschita-nseleniya/
4. Official Internet-portal of the President of the Republic of Belarus. Available at: https://president.gov.by/ru/belarus/socia
5. Protection of motherhood and childhood in the Republic of Belarus. Minsk City Executive Committee. Available at: https://minsk.gov.by/ru/actual/view/209/2019/inf_material_2019_08.html
6. Report on the results of the research on the assessment of the quality of social services. Belarusian Association for Assistance to Disabled Children and Young Disabled People. Available at: https://lifeguide.by/otchet-o-rezultatah-issledovaniya-po-oczenke-kachestva-soczialnyh-uslug
7. The Concept of the National Strategy of Sustainable Development of the Republic of Belarus for the period up to 2035. Available at: https://economy.gov.by/uploads/files/ObsugdaemNPA/NSUR-2035-1.pdf/

СЕКЦИЯ № 3. Рынок труда в эпоху перемен: актуальные тенденции и практические решения

УДК 331.5/ББК 65

Азатян Л.С.

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАНЯТОСТИ В АГРАРНОМ СЕКТОРЕ РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ

Аннотация. *Сельское хозяйство сохраняет свое центральное значение с точки зрения занятости и доходов сельского населения, а также местного снабжения продовольствием и является источником расширения экспорта продуктов питания и напитков. Оценка сохраненных возможностей и потенциала развития государственных программ регулирования занятости должна проводиться регулярно.*

Ключевые слова: *сельское хозяйство, занятость, доход населения, рост сельского населения, благосостояния населения, регулирование занятости.*

Земельные реформы в Республике Армения (далее – РА) пришлись на период 1991–1994 гг., когда большая часть сельскохозяйственных земель была приватизирована. В результате было создано около 340 000 частных ферм, но без соответствующей техники и оборудования, поливной воды и передовых методов ведения сельского хозяйства. Землю разделили на более чем 1,2 млн участков, в среднем по три отдельных участка на ферму. Таким образом, каждое личное домохозяйство имеет в среднем 1,4 га земли, в том числе 1,06 га пашни.

За последнее десятилетие темпы роста сельского хозяйства существенно колебались. Тем не менее, сельское хозяйство сохранило свое центральное значение с точки зрения занятости и доходов сельского населения, а также местного снабжения продовольствием и является источником расширения экспорта продуктов питания и напитков.

Согласно недавним исследованиям занятости в сельской местности, общий среднемесячный доход домохозяйства от производства и переработки растениеводства и животноводства, включая собственное потребление, составляет около 45 000 драмов, т. е. около 110 долларов США (2/3), т. е. 68% – от растениеводства и 32% – от животноводства.

Сельское хозяйство остается крупнейшим сектором занятости. По официальным данным, около 45% населения страны работает в сельском хозяйстве. Фактическое число может быть ниже, поскольку расчет основан на владении землей, а не на фактической занятости. Другие исследования показывают, что это число может быть ближе к 24% из числа тех, кто работает полный день [1].

Из 915 общин РА 866 являются сельскими общинами. В настоящее время частный сектор обеспечивает наибольшую долю валовой продукции сельского хозяйства Армении – 94%. Значительная часть доходов населения, проживающего в сельской местности, формируется за счет сельскохозяйственного производства и оплачиваемого труда в сельском хозяйстве. Поскольку численность эмиграции из Армении имеет тенденцию к росту, в 2014–2020 гг. численность населения, трудовые ресурсы, а следовательно, и рабочая сила уменьшались в среднем соответственно на 0,32, 2,1 и 4,6%.

Демографические процессы являются одним из ключевых факторов, определяющих тенденции занятости. Цель оценки влияния демографических факторов на уровень занятости – выяснить, насколько и каким образом демографический индекс каждой группы влияет на занятость.

На занятость влияют численность населения, половозрастной состав, соотношение сельского и городского населения, миграция [3].

Ориентация на рост сельского населения и повышение качества жизни является важной задачей для Республики Армения, поскольку это приведет к повышению общего благосостояния населения.

Ниже представлены основные проблемы заполнения существующих вакантных и вновь создаваемых рабочих мест, на которые указывают эксперты по отдельным отраслям экономики:

- бизнесмены в сфере сельского хозяйства испытывают трудности с выходом на внешние рынки, что является причиной эмиграции сельскохозяйственных рабочих;
- существует необходимость финансирования вновь создаваемых рабочих мест;
- большая часть занятых в сфере не знакома с современными методами организации производства, что влияет на конечный результат работы;
- аграрный сектор очень трудоемкий, а рентабельность относительно низкая;
- отсутствие рекламы и распространения информации о занятых в отрасли в средствах массовой информации и на государственном уровне, что делает отрасль непривлекательной;
- недостаточные льготы, предоставляемые государством молодым специалистам;
- отсутствие современной сельскохозяйственной техники.

Программы занятости играют ключевую роль в обеспечении стратегических целей политики занятости и повышении ее эффективности. Снижение текущих целевых показателей эффективности усугубляет разрыв со стратегическими целями. Текущая государственная политика занятости отражается не только в утвержденных годовых программах и их ожидаемых результатах, но и фактических показателях государственных программ и служб занятости, включенных в годовую программу, отклонениях финансовых и нефинансовых показателей, запланированных государственным бюджетом и фактически предусмотренных, а также тенденциях изменения их размеров. Выполнение финансовых и нефинансовых показателей годовых программ также напрямую характеризует оптимальность, загруженность и эффективность работы государственного агентства занятости.

Бесспорно, что увеличение рабочих мест в Республике Армения, а также наличие рабочих мест в соответствии с установленной методологией Института достойного труда, учрежденного Международной организацией труда, являются ключевыми факторами повышения уровня благосостояния граждан, сокращения бедности и неравенства и построения современной и глобально интегрированной экономики. Необходимо реагировать на вызовы, происходящие в мире, реализовывать новые возможности и использовать их для сокращения бедности. Исследования показывают, что экономический рост в Армении не привел к созданию рабочих мест. Если в 2015–2023 гг. экономика страны выросла в среднем на 2,3%, то количество зарегистрированных людей за тот же период сократилось в среднем на 3%. Оценки, сделанные на основе эконометрических моделей, показывают, что рост ВВП РА на 1% предполагает сокращение числа безработных на 0,26%. По прогнозам, в 2020 году по итогам зафиксирован экономический спад на 7,6%, поэтому в 2020 году из-за экономического спада число безработных увеличилось на 2%.

Соотношение женщин / мужчин (3,09%) имеет отрицательный эффект, т. е. увеличение доли женщин приводит к сокращению занятости. Положительное влияние оказывает соотношение село-город (14,53%): увеличение доли сельского населения приводит к увеличению занятости, увеличение демографической нагрузки на 12,07% приводит к снижению занятости. Увеличение темпов роста миграции на 1%, в свою очередь, приводит к снижению занятости на 2,66%. Рост сельского населения и повышение качества его жизни является важной задачей, поскольку это напрямую повысит уровень занятости в Республике Армения, и приведет к повышению общего уровня благосостояния населения. В связи с пандемическими и военными событиями, негативные тенденции, постоянно происходящие на рынке труда РА в различных отраслях экономики, подчеркивают необходимость внедрения новых подходов к государственному регулированию рынка труда, пересмотра действующих программ государственной занятости, поддержки и адаптации их к социально-экономической объективной ситуации. С этой точки зрения могут быть полезны меры, применяемые на основе экспертных оценок субъектов хозяйствования, добившихся успехов. Необходимо:

• создать интенсивные сады;

• выращивать экологически чистые и экономически эффективные сельскохозяйственные культуры;

• развивать племенное животноводство;

• обеспечить расширение потребления собранного урожая за счет спонсорства и продвижения экспорта;

• предоставить дополнительные финансовые ресурсы на аграрное образование;

• обучать студентов лучшим международным методикам;

• организовывать деловые поездки в страны с аналогичным опытом;

• оказывать финансовую, социальную и материальную поддержку молодым специалистам, проживающим в сельской местности;

• повышать привлекательность сельских поселений;

• создавать культурно-развлекательные центры в деревнях.

Проблема закупок молока не решена. В сельской местности почти все семьи занимаются как животноводством, так и растениводством, поэтому произведенное молоко невозможно потреблять на месте, его приходится продавать на других рынках. Фермер может превратить молоко в сыр и экспортировать его. Крестьяне северных регионов (Ширак, Лори) могут экспортировать сыр в Грузию.

Сельское хозяйство (особенно растениеводство) носит сезонный характер, поэтому в зимние месяцы происходит сокращение рабочих мест или занятости, а уровень текучести рабочей силы увеличивается. Усиление государственной поддержки сельского хозяйства, мониторинг этой поддержки, создание предприятий по переработке сельхозпродукции в сельской местности.

Оценка сохраненных возможностей и потенциала развития государственных программ регулирования занятости должна проводиться регулярно. Обобщенные результаты этой оценки необходимы для разработки годового плана на каждый последующий год. Для этого необходимо классифицировать возможности государственной поддержки в рамках действующей модели политики занятости по характеру программ и нормативных актов. Такая классификация была проведена в рамках исследования по теме «Анализ рынка труда Республики Армения и программные решения государственного регулирования занятости» [2].

В связи с существующими проблемами в сфере занятости первостепенное и стратегическое значение приобрели те государственные программы и услуги по трудоустройству, прямой результат которых:

• обеспечение стабильной занятости бенефициара посредством трудоустройства;

• адресная поддержка отдельных групп бенефициаров с целью предотвращения риска потери работы.

Библиографический список

1. Маркосян А., Аветисян С. Иностранная трудовая миграция оценки и соображения. URL: https://haybusaklib.am/wp-content/uploads/2021/08.

2. Тадевосян З., Аветисян Т.В., Саргсян А.К. [и др.] (2021). Анализ рынка труда Республики Армения и программные решения государственного регулирования занятости: монография. Ереван: Государственный экономический университет. 244 с.

Информация об авторе

Азатян Лиана Самвеловна (Армения, Ереван) – научный сотрудник, Институт экономики НАН РА (Армения, г. Ереван, 0015, ул. Г. Лусаворич 15; Lianaazatyan@yahoo.com).

MAIN EMPLOYMENT PROBLEMS IN THE AGRICULTURAL SECTOR OF THE REPUBLIC OF ARMENIA

Abstract. *Agriculture retains its central importance in terms of rural employment and income, as well as local food supply and is a source of expansion of food and beverage exports. The assessment of the preserved opportunities and development potential of state employment regulation programs should be carried out regularly.*

Keywords: *agriculture, employment, population income, rural population growth, population welfare, employment regulation.*

About the author

Azatyan Liana Samvelovna (Armenia, Erevan) – Researcher, Institute of Economics, National Academy of Sciences of Armenia (Armenia, Yerevan, 0015, st. G. Lusavorich 15; Lianaazatyan@yahoo.com).

References

1. Markosyan A., Avetisyan S. Foreign labor migration: assessments and considerations. URL: https://haybusaklib.am/wp-content/uploads/2021/08
2. Tadevosyan Z., Avetisyan T.V., Sargsyan A.K. [et al.] (2021). Analysis of the Labor Market in the Republic of Armenia and Program Solutions for State Employment Regulation: monograph. Yerevan: State University of Economics. 244 p.

УДК 316.346.32 / ББК 60.504

Гайфуллин А.Ю.

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОРИЕНТИРЫ ШКОЛЬНИКОВ, ПРОЖИВАЮЩИХ В МУНИЦИПАЛЬНЫХ РАЙОНАХ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН)

Аннотация. *В статье проанализированы профессиональные ориентиры школьников, проживающих в муниципальном районе (Туймазинский район Республики Башкортостан). Рассмотрены критерии престижности профессий, востребованность различных специальностей у школьников.*

Ключевые слова: *престижность профессий, профессиональный ориентир, профессиональный выбор, школьники, муниципальный район, Республика Башкортостан.*

Профессиональные ориентиры школьников, проживающих в муниципальных районах субъектов Российской Федерации, представляют собой сложную систему, формирующуюся под влиянием множества факторов. Среди них – социально-экономическая ситуация в регионе, региональные особенности рынка труда, и востребованность определенных профессий на местном рынке труда, образовательная инфраструктура и, конечно, личные интересы и склонности каждого ученика.

В статье представлены результаты социологического исследования по изучению профессиональных ориентиров школьников 7–9 классов общеобразовательных учреждений муниципального района (Туймазинский район Республики Башкортостан) в возрасте 13–15 лет. Туймазинский район расположен в западной части Республики Башкортостан, на западе граничит с Татарстаном. Административный центр района – город Туймазы, находится в 170 км от Уфы (столицы). Общее число опрошенных – 765 чел. Структура опрошенных по классам обучения: 7 класс – 36,2%, 8 класс – 28,1%, 9 класс – 35,7%; по полу: девушки – 59,9%, юноши – 40,1%. Дата проведения опроса – январь 2024 года. Метод опроса – онлайн-опрос.

Профессиональный выбор школьников, проживающих в муниципальных районах, имеет свои особенности, обусловленные спецификой сельской местности и отдаленностью от столицы. Ограниченный доступ к информации о разнообразных профессиях, меньший выбор образовательных учреждений и рабочих мест создают определенные трудности для осознанного выбора будущей карьеры.

Выбор будущей профессии – это один из самых важных шагов в жизни каждого человека, определяющий его дальнейшую судьбу и благополучие. Анализируя представленные данные, можно выделить несколько ключевых факторов, которые оказывают наибольшее влияние на этот выбор.

Гарантия стабильной занятости и заработной платы (50,5%), а также возможности карьерного и профессионального роста (50,5%), безусловно, являются приоритетными для многих. В современном мире финансовая стабильность и перспективы развития играют важную роль в обеспечении уверенности в завтрашнем дне.

Однако не стоит забывать и о возможности самореализации, творчества и проявлении инициативы. Работа должна приносить не только материальное удовлетворение, но и моральное. Важно, чтобы профессия позволяла раскрыть свой потенциал и реализовать свои амбиции.

Благоприятные условия труда (41,7%) также играют немаловажную роль. Комфортная и здоровая рабочая среда способствует повышению производительности и снижению уровня стресса.

Соответствие работы полученной профессии (35,1%) и социальный престиж сферы профессиональной деятельности (23,0%), хоть и важны, но, судя по данным, имеют меньшее значение, чем вышеперечисленные факторы (*рис. 1*). В конечном итоге, выбор профессии – это индивидуальное решение, основанное на личных ценностях, интересах и приоритетах.

Рисунок 1. **Ответы на вопрос: «Что, прежде всего, для вас важно при выборе будущей профессии?» (несколько вариантов ответа), в % к числу опрошенных**

Источник: данные авторского социологического опроса.

Выбор профессии, таким образом, представляется сложным компромиссом между материальными стимулами, социальными ожиданиями и личными интересами. Молодые люди стремятся найти баланс между финансовой стабильностью, возможностью профессионального развития и удовлетворением от своей деятельности.

Выбор профессии важен в процессе самоопределения молодежи. Большинство школьников наиболее доходными профессиями считают: предприниматель / бизнесмен (53,6%) и специалист в области компьютерных технологий (IT-технологии, защита информации, Интернет) – 47,1% (*рис. 2*). Это может отражать растущую роль технологического сектора в экономике и увеличение числа людей, занимающихся собственным бизнесом [2]. Медицина и образование традиционно привлекают школьников своей социальной значимостью и возможностью помогать людям.

Рисунок 2. **Ответы на вопрос: «Какие профессии вы считаете в настоящее время наиболее доходными? Назовите три самые доходные профессии?» (несколько вариантов ответа), в % к числу опрошенных**

Источник: данные авторского социологического опроса.

При этом наблюдается низкий интерес к сельскохозяйственным специальностям (2,6%), что может быть связано с недостаточной информированностью о перспективах развития сельского хозяйства в регионе [1]. Для повышения интереса школьников к сельскохозяйственным специальностям необходимо проводить профориентационную работу, направленную на ознакомление с современными технологиями в сельском хозяйстве, возможностями для развития собственного бизнеса в этой сфере, а также с перспективами трудоустройства в сельскохозяйственных предприятиях региона.

Представленные данные опроса демонстрируют неоднородность оценки респондентами своих знаний о региональном рынке труда. Наибольшая доля участников (65,9%) (*рис. 3*) оценивает свои знания как средние, что говорит о базовом понимании ситуации, но, возможно, об отсутствии глубокой экспертизы или актуальной информации.

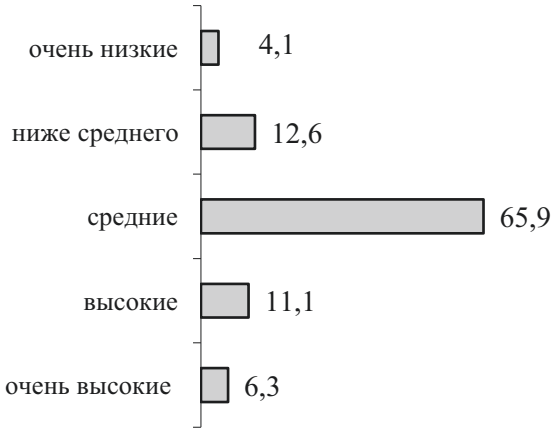

Рисунок 3. **Ответы на вопрос: «Как вы оцениваете свои знания о ситуации на региональном рынке труда?» (один вариант ответа), в % к числу опрошенных**

Источник: данные авторского социологического опроса.

Значительная часть опрошенных (12,6%) оценивает свои знания ниже среднего. Это может свидетельствовать о недостатке информации о вакансиях, требованиях работодателей, уровне заработной платы и других ключевых аспектах рынка труда. В то же время 4,1% респондентов признают свои знания очень низкими, что может быть связано с отсутствием опыта работы, недавним переездом в регион или другими факторами.

Относительно небольшая доля участников опроса (11,1%) оценивает свои знания как высокие. Эти респонденты, вероятно, активно интересуются рынком труда, следят за тенденциями и обладают актуальной информацией. Лишь 6,3% участников считают свои знания очень высокими, что может говорить об их профессиональной деятельности в сфере HR, рекрутинга или аналитики рынка труда.

В целом, результаты опроса подчеркивают необходимость повышения информированности населения о региональном рынке труда, предоставления актуальной и доступной информации о вакансиях, возможностях переквалификации и других аспектах трудоустройства. Это может способствовать повышению конкурентоспособности соискателей и более эффективному взаимодействию между работодателями и работниками.

Исследование подчеркивает важность осознанного подхода к выбору профессии, необходимость учитывать широкий спектр факторов и не ограничиваться только материальными стимулами [3].

Важную роль в формировании этих ориентиров играют образовательные учреждения. Школы должны предоставлять не только качественное общее образование, но и предоставлять учащимся возможности для ознакомления с различными профессиями, развития профессиональных навыков и участия в профориентационных мероприятиях.

Сотрудничество с предприятиями и организациями муниципального района является ключевым элементом эффективной профориентационной работы. Экскурсии на предприятия, мастер-классы от специалистов, участие в профессиональных пробах и стажировках позволяют школьникам получить реальное представление о различных профессиях и требованиях, предъявляемых к работникам.

В конечном итоге, формирование профессиональных ориентиров – это непрерывный процесс, требующий совместных усилий школы, семьи, предприятий и самих учащихся. Целью этого процесса является не просто выбор конкретной профессии, а развитие у школьников способности к самоопределению, планированию карьеры и успешной адаптации к меняющимся условиям рынка труда. В процессе профессионального самоопределения школьникам необходима поддержка родителей, педагогов и психологов. Индивидуальные консультации, профориентационное тестирование и помощь в планировании образовательной траектории способствуют осознанному выбору профессии и успешной адаптации к будущей трудовой деятельности.

Полученные результаты могут быть использованы для разработки программ профессиональной ориентации школьников, учитывающих их интересы и потребности, а также для формирования стратегии развития образования в Республике Башкортостан.

Библиографический список

1. Гайфуллин А.Ю. (2024). Профессиональные ориентиры сельской молодежи: социологический анализ // Уфимский гуманитарный научный форум. № 3(19). С. 174–187. DOI: 10.47309/2713-2358-2024-3-174-187
2. Курганова Н.А., Раскина И.И. (2024). Профессиональное самоопределение школьников в IT-сфере на примере профессиональной пробы «Гейм-дизайнер» // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. Т. 13. № 3. С. 49–56. DOI: 10.24412/2225-8264-2024-3-803
3. Уварина Н.В., Толстова Г.Б. (2023). Профессиональное самоопределение школьников: теоретическое обоснование и практический опыт реализации // Современная высшая школа: инновационный аспект. Т. 15. № 1(59). С. 149–158.

Информация об авторе

Гайфуллин Андрей Юрьевич (Россия, Уфа) – кандидат социологических наук, доцент, заведующий кафедрой социологии и работы с молодежью, ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий» (Россия, г. Уфа, 450076, ул. Карла Маркса, д. 3/4; e-mail: gayfullin_a@mail.ru).

Gaifullin A.Y.

PROFESSIONAL GUIDELINES FOR SCHOOLCHILDREN LIVING IN MUNICIPAL DISTRICTS OF THE SUBJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION (ON THE EXAMPLE OF THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN)

Abstract. *The article analyzes the professional orientations of schoolchildren living in the municipal district of Tuymazinsky district of the Republic of Bashkortostan. The criteria of prestige of professions, the demand for various specialties among schoolchildren are considered.*

Keywords: *prestige of professions, professional orientation, professional choice, schoolchildren, municipal district, Republic of Bashkortostan.*

About the author

Gaifullin Andrey Yurievich (Ufa, Russia) – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Sociology and Youth Work, Ufa University of Science and Technology (Russia, Ufa, 450076, 3/4 Karl Marx st.; gayfullin_a@mail.ru).

References

1. Gaifullin A.Y. (2024). Professional guidelines for rural youth: a sociological analysis. Ufa Humanitarian Scientific Forum, 3(19), pp. 174–187. DOI: 10.47309/2713-2358-2024-3-174-187
2. Kurganova N.A., Raskina I.I. (2024). Professional self-determination of schoolchildren in the IT field using the example of the professional test Game designer. Bulletin of the Siberian Institute of Business and Information Technology, 13(3), pp. 49–56. DOI: 10.24412/2225-8264-2024-3-803
3. Uvarina N.V., Tolstova G.B. (2023). Professional self-determination of schoolchildren: theoretical justification and practical experience of implementation. Modern higher school: an innovative aspect, 15, 1(59), pp. 149–158.

УДК 316.42 / ББК 60.524

Запащиков С.П.

КОРПОРАТИВНАЯ КУЛЬТУРА ВАХТОВЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ КАК ФАКТОР УСТОЙЧИВОСТИ ТРУДА В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНОЙ ИЗОЛЯЦИИ И ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ УСЛОВИЙ

Аннотация. *В статье рассматривается влияние корпоративной культуры на устойчивость труда вахтовых работников в условиях социальной изоляции и экстремальных факторов. Анализируются основные модели корпоративной культуры, специфические механизмы адаптации персонала и практики поддержки, способствующие снижению уровня стресса и повышению безопасности труда.*

Ключевые слова: *корпоративная культура, вахтовый метод, адаптация, социальная изоляция, устойчивость труда, экстремальные условия.*

Корпоративная культура организаций, практикующих вахтовый метод работы, приобретает особое значение в условиях удаленности работников от постоянного места жительства и экстремальных условий труда. Вахтовая форма занятости широко распространена в России, особенно в нефтегазовой, горнодобывающей и строительной отраслях на Крайнем Севере и Дальнем Востоке. За последние годы масштабы применения вахтового метода существенно возросли: например, по данным портала HeadHunter, в 2021 году было размещено около 100 тыс. вакансий с обязательными командировками, что на ~40% больше допандемийного уровня 2019 года. В некоторых ресурсодобывающих регионах до четверти всех работников трудятся вахтовым методом. Одновременно с ростом вахтовой мобильности усиливается внимание к социальным последствиям такой работы – адаптации персонала, стресс-факторам, текучести кадров. Актуальность социологического анализа корпоративной культуры вахтовых организаций обусловлена ее влиянием на благополучие работников, их интеграцию в трудовой коллектив и эффективность труда в непростых условиях Севера. Настоящая статья посвящена исследованию роли корпоративной культуры в процессе адаптации работников-вахтовиков и преодоления стрессовых факторов.

Целью данной статьи является анализ современных тенденций применения вахтового метода в российских компаниях, выявление основных социологических проблем и оценка того, как элементы корпоративной культуры смягчают эти проблемы. Информационно-эмпирическая база исследования включает в себя обзор теоретических подходов к корпоративной культуре и вахтовому труду, анализ статистических данных последних лет по России.

Понятие корпоративной культуры широко исследуется в социологии организаций и менеджменте. Корпоративная (организационная) культура понимается как система разделяемых ценностей, норм, моделей поведения, символов и традиций, которая складывается в организации и регулирует социальное взаимодействие в коллективе. Иначе говоря, это «совокупность поведений, символов, ритуалов и мифов, соответствующих разделяемым ценностям, присущим предприятию». Корпоративная культура выполняет важные функции – она способствует внутренней интеграции коллектива, укрепляет его целостность, повышает мотивацию и производительность труда работников. Кроме того, культура служит механизмом адаптации организации к внешней среде. В научной литературе выделяются два подхода к пониманию корпоративной культуры: прагматический (рассматривает культуру как управляемую подсистему, инструмент повышения эффективности) и феноменологический (трактует культуру как глубинное свойство организации, продукт ее уникальной истории) [1].

В контексте данной работы корпоративная культура рассматривается прежде всего с прагматической точки зрения – как фактор, на который руководство может воздействовать для улучшения социального самочувствия персонала и снижения негативных эффектов вахтового труда. В отечественной социологии труда накоплен значительный материал по проблемам вахтового метода работы – особой организации труда, при которой сотрудники на

определенный срок, как правило, на месяц, выезжают для работы в отдаленный регион, а затем возвращаются домой.

Классические исследования А.Н. Силина и других авторов отражают, что вахтовый труд является сложным социальным феноменом, характеризующимся мультилокальным образом в жизни работников и особыми условиями деятельности в отрыве от постоянного социума. Вахтовики сталкиваются с целым рядом стресс-факторов. К ним относятся: длительное нахождение в замкнутом пространстве вместе с незнакомыми людьми, изоляция от семьи, резкая смена природно-климатических условий (северный климат с перепадами давления, дефицитом кислорода, полярный день/ночь, экстремальный холод, низкое качество воды и пищи и т. д.), повышенные физические и эмоциональные нагрузки. Совокупность этих факторов получила в литературе название «синдром полярного напряжения» или «вахтовый стресс». Негативное воздействие условий вахты проявляется в ухудшении здоровья и психологического состояния: по данным многолетних опросов, вахтовики нередко выражают неудовлетворенность условиями жизнедеятельности, отмечают появление хронической усталости, проблем со сном, конфликтности в межличностных отношениях [4].

Вместе с тем, исследования также свидетельствуют о значительном адаптационном потенциале вахтового персонала. Так, А.Н. Силин на основе опросов работников нефтегазовых компаний Западной Сибири установил, что большинство (более 80%) длительно работающих по вахте в целом удовлетворены таким режимом и не стремятся возвращаться к традиционному укладу жизни [4]. Успешная адаптация часто связывается с формированием особой субкультуры вахтового сообщества, своего рода «товарищества» на базе общих трудовых испытаний. Однако для значительной части сотрудников начальный период вхождения в вахтовый режим сопровождается стрессом, и не все новички выдерживают условия вахты – именно на первых циклах наблюдается повышенная текучесть кадров. Поэтому вопросы адаптации вахтовиков тесно связаны с корпоративной культурой организации, которая может либо облегчить привыкание нового работника, либо усугубить стресс. Исследователи отмечают, что эффективная система адаптации персонала является ключевым условием удержания кадров на вахте.

В работах В.Г. Былкова показано, что уровень текучести вахтового персонала прямо зависит от того, насколько грамотно организованы адаптационные процессы в компании. Адаптация носит многоаспектный характер: новому работнику необходимо освоиться не только профессионально, но и с организационной, бытовой, социокультурной стороны. Для вахтовиков этот процесс протекает в сжатые сроки – отбор, вводное обучение и приспособление происходят очень интенсивно, ведь результатом успешной адаптации станет возвращение человека на следующую вахту. Ключевыми элементами адаптации выступают ознакомление с правилами и ценностями компании, включение в коллектив, знакомство с системой вознаграждений и льгот [2]. По сути, это и есть процесс вхождения в корпоративную культуру организации. Если корпоративная культура открытая, поддерживающая, то новичок быстрее станет «своим» в коллективе, что снизит уровень стресса и повысит вероятность долгосрочного прерывания работы. Напротив, неблагоприятная культура – конфликтная, без поддержки – может спровоцировать разочарование и увольнение сотрудника.

Наконец, отметим, что за пределами России проблематика вахтового труда и корпоративной культуры также активно изучается. Зарубежные исследования (Австралия, Канада и др.) фиксируют повышенные риски для психического здоровья работников вахтового типа (fly-in / fly-out). В частности, выявлена связь между характеристиками культуры компании и уровнем профессионального стресса персонала. Например, А.В. Чижиков на материале 100 компаний показывает высокую корреляцию между уровнем стрессогенности рабочей среды и классом корпоративной культуры – сильная, ориентированная на человека культура существенно снижает деструктивный стресс сотрудников [5].

Проведенный социологический анализ подтвердил высокое значение корпоративной культуры вахтовых организаций для успешной адаптации работников и снижения негативных стресс-факторов. Российские компании все активнее используют вахтовый метод, сталкиваясь с вызовами поддержания мотивации и здоровья персонала в непростых условиях Севера. Ключевые

проблемы – социальная изоляция, семейный стресс, профессиональное выгорание – могут быть существенно смягчены при условии развития сильной корпоративной культуры, ориентированной на поддержку человека. Основные выводы исследования заключаются в следующем:

1. Корпоративная культура как фактор адаптации**.** Вахтовый труд накладывает экстремальные нагрузки, однако сплоченный и поддерживающий корпоративный климат позволяет большинству работников успешно адаптироваться. Организации, которые осознанно формируют культуру сотрудничества, наставничества, уважения, достигают более высокой лояльности персонала и более низкой текучести. Напротив, неблагоприятная окружающая обстановка усиливает чувство отчуждения и неудовлетворенности, что повышает риск кадровых потерь.

2. Фактор стресса в рабочей среде**.** Существует прямая корреляция между уровнем профессионального стресса и вниманием к человеку в корпоративной культуре. В компаниях, где ценности безопасности, доверия и открытости декларируются и реализуются, отмечается более низкий уровень стрессовых состояний у работников, меньше конфликтов и связанных с ними производственных проблем. Пренебрежение этими аспектами может приводить к скрытым издержкам – от роста травматизма до психологических срывов у сотрудников.

Сравнение с зарубежными практиками (в частности, канадскими) показало, что лучшие результаты достигаются там, где корпоративная культура признается стратегическим ресурсом. Зарубежные компании вкладываются в благополучие работников (программы психологической поддержки, развитие коммуникаций, улучшение бытовых условий) не только из гуманизма, но и исходя из расчета долгосрочной эффективности. Российским предприятиям имеет смысл перенимать эти подходы, адаптируя их к своим возможностям. Тем более, что конкуренция за квалифицированные кадры ужесточается, и привлекательная корпоративная культура становится фактором, влияющим на выбор работы [3].

В заключение стоит отметить, что корпоративная культура – живое социальное явление, формирующееся поступательно. Невозможно мгновенно внедрить идеальную культуру распоряжением сверху, для этого требуются время и постоянные усилия. В условиях, когда человеческий капитал – это решающий фактор развития Арктических и удаленных территорий, создание устойчивых и удовлетворенных трудовых коллективов – основной залог успеха. Вахтовый метод будет оставаться важной формой занятости в российской экономике, а значит, вопросы социального самочувствия вахтовиков и влияния на него корпоративной культуры будут и впредь оставаться в центре внимания социологов, менеджеров и всех заинтересованных сторон.

Настоящее исследование подтверждает, что грамотное управление корпоративной культурой способно повысить эффективность и гуманизировать вахтовый труд, превращая его из источника стрессов в форму организации, сочетающую производственные интересы с сохранением качества жизни работников. Руководство вахтовых организаций должно целенаправленно управлять развитием корпоративной культуры. Необходимы систематические опросы и мониторинг мнения персонала (выявление потребностей работников), по результатам которых необходимо разрабатывать корректирующие меры.

Важно обучать управленцев навыкам эффективной коммуникации и эмоционального интеллекта, культивировать атмосферу уважения. Интеграция ценностей здоровья, безопасности и взаимопомощи в миссию компании позволит работникам чувствовать заботу с ее стороны и ее значимость. При формировании графиков работы следует учитывать баланс между трудом и отдыхом для снижения накопленной усталости. Также стоит прорабатывать механизмы поддержки семей работников (например, консультации для членов семей по вопросам адаптации к вахтовому циклу). Наконец, полезно налаживать обмен опытом между компаниями отрасли, проводить совместные семинары по проблемам вахтового труда – это будет способствовать распространению лучших практик.

Библиографический список

1. Акимов А.М., Силин А.Н., Конев Ю.М. (2023). Стресс в семье у мужчин, занятых вахтовой формой труда в Арктическом регионе // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. № 1. С. 9–19.

2. Былков В.Г. (2021). Адаптация – важнейший детерминант-фактор текучести вахтовых работников // Экономика труда. Т. 8. № 10. С. 1139–1162.
3. Запащиков С.П. (2022). Компаративный анализ корпоративной культуры организаций, использующих вахтовый метод работы, в России и Канаде. Тюмень. 187 с.
4. Силин А.Н. (2015). Социологические аспекты вахтового труда на территориях Севера Западной Сибири // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. № 4(40). С. 109–123.
5. Чижиков А.В. (2023). Проблемы стресса в корпоративной культуре компании // National Science. № 9. С. 45–51.
6. Parker S.K., Fruhen L., Burton C. [et al.] (2018). Impact of FIFO work arrangements on the mental health and wellbeing of FIFO workers. Perth: Centre for Transformative Work Design. 124 p.

Информация об авторе

Запащиков Сергей Павлович – аспирант, Тюменский государственный университет (Российская Федерация, 625003, г. Тюмень, ул. Володарского, д.6; e-mail: jayzee00@yandex.ru)

Zapashchikov S.P.

CORPORATE CULTURE OF ROTATIONAL ORGANIZATIONS AS A FACTOR OF LABOR STABILITY IN CONDITIONS OF SOCIAL ISOLATION AND EXTREME CONDITIONS

Abstract. *The article examines the influence of corporate culture on the labor stability of rotational workers under conditions of social isolation and extreme factors. The key corporate culture models, specific personnel adaptation mechanisms, and support practices aimed at reducing stress levels and enhancing occupational safety are analyzed.*

Keywords: *corporate culture, rotational work method, adaptation, social isolation, labor stability, extreme conditions.*

About the author

Sergey P. Zapashchikov – Postgraduate Student, Tyumen State University (Tyumen Region, Tyumen, 6 Volodarskogo Street, 625003, Russian Federation; e-mail: jayzee00@yandex.ru)

References

1. Akimov A.M., Silin A.N., Konev Yu.M. (2023). Family stress among men employed in rotational work in the Arctic region. University Bulletin. Sociology. Economics. Politics, 1, pp. 9–19. (in Russian).
2. Bylkov V.G. (2021). Adaptation as a crucial determinant factor of turnover among rotational workers. Labor Economics, 8(10), pp. 1139–1162. (in Russian).
3. Zapashchikov S.P. (2022). Comparative analysis of corporate culture in organizations using rotational work method in Russia and Canada. Tyumen. 187 p. (in Russian).
4. Silin A.N. (2015). Sociological aspects of rotational work in territories of the Northern Western Siberia. Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast, 4(40), pp. 109–123. (in Russian).
5. Chizhikov A.V. (2023). Stress-related problems in corporate culture of the company. National Science, 10, pp. 45–51. (in Russian).
6. Parker S.K., Fruhen, L., Burton, C. [et al.] (2018). Impact of FIFO work arrangements on the mental health and wellbeing of FIFO workers. Perth: Centre for Transformative Work Design. 124 p.

УДК 316.444.5/ББК 88.8

Милаева Т.В.

СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ МОЛОДЕЖИ КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ БЛАГОПОЛУЧИЯ

Аннотация. *В современных условиях проблема социально-профессиональной мобильности молодежи приобрела особую актуальность. Молодые люди рассматривают профессиональную мобильность как возможность достижения более высокого уровня жизни, т. е. жизненного благополучия.*

Ключевые слова: *молодежь, студенты, профессиональная мобильность, рынок труда, карьера, миграция, благополучие.*

Благодарность

Статья подготовлена в рамках выполнения НИР «Влияние демографических вызовов на трудообеспеченность северных и арктических территорий: новые реалии XXI века» (№ ГР 125013001104-0, 2025-2027 гг.)

Интенсивность и динамика изменений, охватывающих все сферы жизни и деятельности человека, обуславливают трансформацию его ментальных моделей в XXI веке. С одной стороны, это представление о взаимодействии с миром, о себе и своей деятельности в нем, с другой – новые требования к личности, среди которых способность легко адаптироваться к изменяющимся условиям, гибко взаимодействовать с различными системами и субъектами, принимать нестандартные решения, готовность углублять свои знания, что означает быть мобильным. Скорость обновления оборудования и развития современных технологий постоянно изменяют качество и условия профессиональной деятельности, по причине чего человек вынужден постоянно осваивать ее новые способы и виды, повышать уровень своей квалификации или даже менять место работы или профессию. Общество предъявляет к современному профессионалу высокие требования. Следовательно, в условиях рынка труда возникла объективная необходимость формирования готовности личности к возможному выбору новой профессии. Динамичные изменения, происходящие в системе профессионального образования, предъявляют повышенные требования к личностным качествам специалиста. Несмотря на растущий общественный интерес к проблеме профессиональной мобильности, научные разработки этого явления носят фрагментарный характер, а психологическая основа профессиональной мобильности остается вне поля зрения исследователей. Возникает важный вопрос о проявлении социально-психологических условий и факторов, обеспечивающих профессиональную мобильность личности, достижения ею профессиональной карьеры, и, как следствие, объективного и субъективного благополучия [11].

С точки зрения психологии профессиональная мобильность трактуется авторами поразному. Например С.В. Нужнова считает, что это способность и готовность личности достаточно быстро и успешно овладевать новой техникой и технологией, приобретать недостающие знания и умения, обеспечивающие эффективность новой профессиональной деятельности [2].

Ю.И. Калиновский полагает, что это интегрированное качество личности, определяющее ее способность быстро менять свой статус или положение в социальной, культурной, профессиональной среде под влиянием меняющихся природных, культурных, социальных ситуаций и обстоятельств ее деятельности [1].

Основаниями для мобильности молодого поколения могут служить такие мотивы, как низкий образовательный потенциал территории, недостаток и невысокое качество рабочих мест на рынке труда. Молодые люди стремятся улучшить условия своей жизни. Индивидуальная мобильность проявляется в различных формах, обусловленных разнообразием причин ее возникновения. Образовательная мобильность направлена на повышение уровня образования и квалификации. Географическая мобильность выражается в смене места жительства, переезде в другой населенный пункт. Трудовая мобильность связана с переходом на новую работу

или с изменением ее вида. Экономическая мобильность подразумевает перемещение человека по социальной лестнице, улучшение его социально-экономического положения. Изменение социально-профессионального положения человека, обусловленное переходом к новой профессии или специальности, т. е. профессиональная мобильность обычно сопровождается другими перечисленными выше видами мобильности.

В нынешних условиях проблема профессиональной мобильности – изменения социально-профессионального статуса индивида приобретают высокую актуальность, поскольку, поступая на обучение в ВУЗ, студенты не имеют никаких гарантий трудоустройства по выбранной специальности, и оно будет зависеть от их личных усилий и стремления реализовать себя в получаемой профессии.

Ситуация в современном социальном мире заставляет человека искать новые формы занятости, поэтому часто профессиональная мобильность сопровождаемая, например, миграцией, становится стратегией решения жизненных задач, направленной на достижение более высокого уровня жизни, т. е. благополучия. Поэтому молодые люди часто видят в профессиональной мобильности возможность самореализации и улучшение условий жизни [4].

Существенное влияние на профессиональную мобильность человека оказывают наличие или отсутствие образования, квалификация, накопленный жизненный опыт, нужные социальные связи и умение их выстраивать, а также личностный потенциал, который включает в себя способности и социальные навыки, необходимые для успешной профессиональной деятельности.

При учете этих составляющих можно ожидать более успешную адаптацию и достижение высокого положения в другой области деятельности. Стремление к смене профессии и места работы более характерно для людей, обладающих высокой приспособляемостью к изменениям в работе, а также для тех, кто ориентирован на личностное развитие и творческое решение проблем.

На процесс трудовой мобильности молодых людей в современном российском обществе влияют несколько факторов. С одной стороны, для молодых специалистов трудовая мобильность может открывать двери к новым перспективам личностного роста, профессиональному развитию и карьерному продвижению, что в свою очередь способствует социальной мобильности. Однако, с другой стороны, частая смена рабочих мест может быть следствием личных или социальных трудностей, которые мешают молодому человеку реализовать свой потенциал как личности и специалиста. Если процесс перехода на другую работу сопровождается переездом в другое место, это может привести к утрате чувства коллективности, разрыву социальных связей, нарастанию чувства одиночества и отчуждения.

При рассмотрении потенциала трудовой мобильности молодежи следует учитывать многокомпонентное содержание трудовой мобильности и дифференциацию молодежи как социально-демографической категории [3].

На протяжении последнего десятилетия пространственная мобильность молодых людей привлекает внимание и зарубежных исследователей в области миграции [15; 14]. Некоторые специалисты считают, что, с одной стороны, международная миграция или чрезмерная мобильность внутри страны могут быть разрушительными для молодежи. С другой стороны, существует альтернативная трактовка молодежной мобильности как позитивной, поскольку она позволяет молодым людям избежать негативных ситуаций (связанных с бедностью, безработицей или сложными семейными обстоятельствами) или потому, что это путь к более быстрому взрослению с точки зрения доступа к лучшему образованию и возможностям построения карьеры [9].

Молодой возраст некоторыми учеными рассматривается не столько как определенный возрастом этап жизни, сколько этапом становления, результатом которого является переход к состоянию взрослости. Взрослая жизнь имеет традиционные признаки: переход от образования и проживания с родителями к работе, а затем переход к стабильной занятости на полный рабочий день, построение карьеры, формирование партнерских отношений, создание семьи, «дома» и семейного хозяйства [5]. Однако другие авторы предлагают более сложные переходы

– не такие линейные и поэтапные, в большей степени основанные на неопределенности. В основе тенденции к переходу молодежи к такой нестандартной жизненной траектории лежат разные причины: нестабильность социальных и экономических условий, особенно ухудшение ситуации на рынке труда; отсутствие поддержки со стороны общественных институтов (меньшее количество ученических мест, снижение объема социальной помощи и т. д.); сознательное откладывание исполнения взрослых ролей и обязанностей, чему способствует рекламное продвижение потребительских товаров, которые якобы «продлевают молодость» [7]. Более того, такая нестабильность не обязательно заканчивается с переходом к взрослой жизни в хронологическом порядке. Пространственная мобильность, особенно международная миграция, также делает эти переходы менее линейными. Например, работа в своем городе или стране может быть необходима для финансирования программы обучения в другом городе или за рубежом; или работа в течение некоторого времени в другом городе или за границей может быть лучшим способом быстрого заработка для поддержки обучения в университете на родине. То и другое является примерами того, как мобильность внутри страны и международная мобильность соотносится с переходами от работы к образованию, а не с нормой «получение образования – трудоустройство». Хотя основной мотивацией для такой стратегии является повышение доходов и построение карьеры, не следует забывать о существовании и других причин для мобильности молодежи, которые связаны с образом жизни, культурой, а также личными и романтическими отношениями [9].

Зарубежные и отечественные исследователи также рассматривают профессиональную мобильность и миграцию молодежи в контексте их стремления к повышению благополучия как результату трудовой мобильности. В частности, к чему стремятся молодые мигранты и что они делают, чтобы достичь того, что, по их мнению, является «желательной», «удовлетворительной» или «хорошей» жизнью. Также нужно понимать, что стремления до, во время и после миграции могут привести к пересмотру потребностей и результатов в плане благосостояния; Гоф, Макгрегор и Кэмфилд [6] определяют благополучие человека как «состояние общения с другими людьми, при котором удовлетворяются человеческие потребности, когда человек может действовать осмысленно для достижения своих целей и когда он наслаждается удовлетворительным качеством жизни». Это подчеркивает аспект «состояние общения с другими людьми», но не уточняет «потребности человека», которые должны быть удовлетворены для обеспечения «удовлетворительного качества жизни».

Вероятно, «потребности» намеренно остаются расплывчатыми в этом определении, поскольку они будут варьироваться в зависимости от контекста развития. Более того, миграцию можно рассматривать как путь к благополучию для молодых людей из мест, где их стремления к благополучию отвергнуты: они либо стремятся улучшить свое благосостояние (и благосостояние своих семей) на новом месте, либо в долгосрочной перспективе цель состоит в том, чтобы использовать миграцию для достижения большего благополучия по возвращении домой. В своем исследовании концепции благополучия в контексте миграции, Райт [12] проводит ряд различий, наиболее важными из которых являются функциональные и психосоциальные аспекты благополучия человека. Функциональный аспект охватывает объективные условия уровня жизни человека, его общего состояния здоровья и благосостояния, включая доход, занятость и жилье, а также субъективную оценку этих потребностей – их важности и того, в какой степени эти потребности были удовлетворены.

Психосоциальная сфера благополучия включает в себя перцептивные аспекты – ценности, восприятия и переживания, связанные с тем, что люди думают и чувствуют, что они могут делать и кем они могут быть. Это, в свою очередь, включает в себя вопросы идентичности, нормы и ценности; психологические состояния, такие как удовлетворенность, самоуважение или тревога. Подчеркивается, что вместо того, чтобы рассматривать функциональную и психосоциальную сферы как отдельные категории, большую аналитическую ценность приобретает рассмотрение взаимодействия, существующего между ними в жизни мигрантов. Различие между функциональным и психосоциальным благополучием, т. е. между объективным и субъективным благополучием, представляет собой еще одну аналитическую двойственность.

Ранее в большей мере изучались объективные обстоятельства, которые характеризуют жизнь человека, например, его реальный доход, занятость, или состояние здоровья. В настоящее время произошел сдвиг к изучению не менее важного, если не более важного, субъективного благополучия, основанное на субъективном опыте молодых мигрантов и их собственной оценке этого опыта.

Более того, субъективное благополучие выходит за рамки простого восприятия и включает в себя понимание, заложенное в культуре. Человек, который перемещается в межкультурном пространстве, будет подвержен воздействию различных культурных традиций и может в определенной степени усвоить их показатели как функционального, так и психосоциального благополучия [10].

В России молодежь с целью улучшения уровня и качества жизни в основном привлекают северные территории и крупные экономически развитые города. Чаще всего переехать в другой регион хотят молодые соискатели из сфер производства, транспорта, управления персоналом и юриспруденции.

В то же время, по данным исследования Федерального агентства по делам молодежи, только 20% молодых людей в России готовы переехать на новое место работы, большинство предпочитает оставаться рядом с семьей и друзьями. Среди факторов, препятствующих мобильности молодежи в России, можно обозначить высокую стоимость жизни во многих крупных городах, молодым людям сложно содержать себя, преследуя карьерные цели; отсутствие доступного жилья и общественного транспорта, что затрудняет передвижение молодых людей по стране; ограниченные возможности для трудоустройства в некоторых регионах страны. Для тех, кто живет в сельской местности или небольших городах, возможности трудоустройства также часто оказываются ограниченными.

Однако есть и возможности для повышения профессиональной мобильности российской молодежи. В частности: прохождение практики и стажировки, что позволяет молодым людям получить практический опыт в выбранной области, а также ценные возможности для налаживания контактов; образование и профессиональная подготовка, так как, получая высшее образование или проходя специальную подготовку, молодые россияне могут приобрести навыки и знания, необходимые для конкуренции на современном глобальном рынке труда; развитие технологий. Благодаря развитию удаленной работы и онлайн-обучения молодым россиянам стало легко получить доступ к возможностям трудоустройства и образовательным ресурсам из любой точки страны или даже мира.

Такая академическая мобильность, в том числе за рубеж, позволяет студентам повысить гибкость обучения, разнообразить компетенции выпускников, приобрести навыки общения на иностранных языках и работать в коллективе сотрудников, отличающихся культурными особенностями. В целом, академическая мобильность укрепляет профессиональную мобильность выпускников, которая обязательно даст свои положительные результаты после того, как они завершат учебу и устроятся на постоянную работу в стране или за рубежом. Такая связь между академической и профессиональной мобильностью в настоящее время, когда рыночная экономика базируется на знаниях, представляет собой очень важный ресурс для профессиональной карьеры молодых людей, следовательно, и для их жизненного благополучия.

Библиографический список

1. Калиновский Ю.И. Развитие социально-профессиональной мобильности андрогога в контексте социокультурной образовательной политики региона: дис. … д-ра пед. наук. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет педагогического мастерства, 1999. 35 с.
2. Нужнова С.В. Сущность и структура понятия профессиональной мобильности в современном обществе // Сущность и структура понятия профессиональной мобильности в современном обществе: тезисы конференции. Секция 4. Проблемы подготовки специалистов URL: http://www.rusnauka.com/Pedagog/185.html

3. Пасовец Ю.М. (2023). Трудовая мобильность молодежи: потенциал и факторы его активизации в современных российских условиях // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. Т. 23. Вып. 1. С. 14–21.
4. Рыбьякова А.В. (2023). Профессиональная мобильность как стратегия решения измененных проблем современной молодежи // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. № 3. С. 128–142.
5. Arnett J. (2004). Emerging adulthood: the winding road from late teens through the twenties. New York: Oxford University Press. 270 p.
6. Gough I., McGregor J.A., Camfield L. (2007). Theorising wellbeing in international development, in Wellbeing in developing countries: from theory to research; ed. by I. Gough, J.A McGregor. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 3–43.
7. Hardgrove A., Rootham E., McDowell L. (2015). Possible selves in a precarious labour market: youth, imagined futures, and transitions to work in the UK. Geoforum, 60, pp. 163–171.
8. King R., Lulle A., Moroşanu L., Williams A.M. (2016). International youth mobility and life transitions in Europe: questions, definitions, typologies and theoretical approaches. Working Paper, 86. URL: https://www.researchgate.net/publication/303896092_International_Youth_Mobility_and_Life_Transitions_in_Europe_Questions_Definitions_Typologies_and_Theoretical_Approaches
9. King R. (2018). Theorising new European youth mobilities. Population, Space and Place, 24(1), pp. 1–12.
10. Lulle A., King R. (2019). Youth mobility and well-being: Transitions and Intersections. Nordic Journal of Migration Research. Special Issue Editorial, 9(2), pp. 151–159. DOI: 10.2478/njmr-2019-0021
11. Piletska L., Wawak T. (2017). Professional Mobility of Students's Youth. Journal of Vasyl Stefanyk Precarpathian National University, 4(1), pp. 34–41.
12. Wright K. (2012). International migration, development and human wellbeing. Basingstoke: Palgrave Macmillan. 167 p.

Информация об авторе

Милаева Татьяна Васильевна – кандидат психологических наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук (Российская Федерация, 167982, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: Tasha20012001@inbox.ru)

Milaeva T.V.

SOCIO-PROFESSIONAL MOBILITY OF YOUTH AS A FACTOR OF INCREASING WELL-BEING

Abstract. *In modern conditions, the problem of social and professional mobility of young people has become particularly relevant. Young people view professional mobility as an opportunity to achieve a higher standard of living, i. e. well-being in life.*

Keywords: *youth, students, professional mobility, labor market, career, migration, well-being.*

About the author

Tatiana Milaeva – Ph. D. of Psychological Sciences, Associate Professor, Senior Researcher, Institute for Socio-Economic and Energy Problems of the North, Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS (26, Kommunisticheskaya Street, Syktyvkar, 167982, Russian Federation; e-mail: Tasha20012001@inbox.ru)

References

1. Kalinovsky Y.I. (1999). Development of social and professional mobility of andragogue in the context of socio-cultural educational policy of the region: dissertation Doctor of Pedagogical Sciences. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University of Pedagogical Excellence. 35 p. (in Russian).
2. Nuzhnova S.V. The essence and structure of the concept of professional mobility in modern society: thesis conference. Section 4. Problems of specialist training. Available at: http://www.rusnauka.com/Pedagog/185.html (in Russian).
3. Pasovets Y.M. (2023). Labor mobility of youth: Potential and factors of its activation in contemporary Russian conditions. Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 23(1), pp. 14–21 (in Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2023-23-1-14-21
4. Rybyakova A.V. (2023). Professional mobility as a strategy for solving the life problems of modern youth. PNRPU Sociology and Economics Bulletin, 3, pp. 128–142 (in Russian).
5. Arnett J. (2004). Emerging adulthood: the winding road from late teens through the twenties. New York: Oxford University Press. 270 p.
6. Gough I., McGregor J.A., Camfield L. (2007). Theorising wellbeing in international development, in Wellbeing in developing countries: from theory to research; ed. by I. Gough, J.A McGregor. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 3–43.
7. Hardgrove A., Rootham E., McDowell L. (2015). Possible selves in a precarious labour market: youth, imagined futures, and transitions to work in the UK. Geoforum, 60, pp. 163–171.
8. King R., Lulle A., Moroşanu L., Williams A.M. (2016). International youth mobility and life transitions in Europe: questions, definitions, typologies and theoretical approaches. Working Paper, 86. URL: https://www.researchgate.net/publication/303896092_International_Youth_Mobility_and_Life_Transitions_in_Europe_Questions_Definitions_Typologies_and_Theoretical_Approaches
9. King R. (2018). Theorising new European youth mobilities. Population, Space and Place, 24(1), pp. 1–12.
10. Lulle A., King R. (2019). Youth mobility and well-being: Transitions and Intersections. Nordic Journal of Migration Research. Special Issue Editorial, 9(2), pp. 151–159. DOI: 10.2478/njmr-2019-0021
11. Piletska L., Wawak T. (2017). Professional Mobility of Students's Youth. Journal of Vasyl Stefanyk Precarpathian National University, 4(1), pp. 34–41.
12. Wright K. (2012). International migration, development and human wellbeing. Basingstoke: Palgrave Macmillan. 167 p.

УДК 378.147:331/ББК 65.240

Мороз О.В.

АДАПТИВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ: УНИВЕРСИТЕТ И РЫНОК ТРУДА

Аннотация. *В данной статье рассмотрены основные аспекты взаимодействия рынка труда и высшего образования, а также предложены рекомендации по повышению эффективности подготовки кадров, поскольку такое сотрудничество способствует формированию квалифицированных специалистов, готовых к вызовам современности.*

Ключевые слова: *образование, рынок труда, университет, взаимодействие, сотрудничество.*

В условиях динамично меняющегося рынка труда и стремительного развития технологий необходимость создания эффективной системы подготовки кадров становится особенно актуальной как для руководителей предприятий, так и для системы образования. Адаптивное образование сегодня предполагает, что навыки, которые были актуальны вчера, могут оказаться неактуальными завтра [3, с. 486]. Поэтому важно, чтобы образовательные учреждения адаптировали свои программы и подходы к обучению, учитывая потребности рынка труда. Для университетов это возможно через разработку учебных программ и курсов, которые легко приспособить под новые требования. Современные работодатели не редко сталкиваются с дефицитом квалифицированных кадров, способных быстро реагировать на изменения в производственной среде.

Образовательные учреждения, в свою очередь, часто имеют недостаточную связь с потребностями рынка, что приводит к расхождению между теоретическими знаниями студентов и практическими навыками, востребованными работодателями. Это решаемо через практическую направленность: учебный процесс включает практические элементы, такие как проекты, кейс-стадии, когда студенты могут и должны решать поставленные задачи здесь и сейчас. Современные условия хозяйствования предъявляют достаточно высокие требования к системе образования, направленные на обеспечение долгосрочного, успешного и эффективного функционирования. От учреждений образования требуется участие и активная социальная позиция, включенность в социально-экономическую жизнь региона и страны, что возможно обеспечить посредством взаимодействия с заинтересованными субъектами, начиная со средней школы, организаций и предприятий и заканчивая органами власти, для создания новых рабочих мест, условий для развития новых знаний и технологий.

В качестве примера можно рассмотреть Гродненский государственный университет имени Янки Купалы (далее – ГрГУ) как центральное региональное учреждение высшего образования, которое обеспечивает важную кадровую составляющую социально-экономического развития Гродненского региона посредством подготовки специалистов, научных и научно-педагогических кадров, сочетая ценности фундаментальной подготовки с возможностями гибкого реагирования на потребности для развития инновационного и социально-культурного потенциала. В соответствии с требованиями экономики внимание уделяется подготовке студентов по специальностям прикладного характера. Так, отраженное в государственной программе «Жилье», в программах реконструкции старого жилья и памятников архитектуры интенсивное развитие строительной отрасли, требует большого количества специалистов-строителей с высшим образованием [2]. Так, на протяжении многих лет университет готовит кадры по строительным специальностям. В процессе обучения студенты знакомятся с современными строительными технологиями и имеют возможность получить разностороннюю подготовку, позволяющую выполнять работы по проектам различной сложности.

Адаптивность также предполагает развитие мягких навыков у выпускников, поскольку такие компетенции как критическое мышление, коммуникация, работа в команде, становятся все более важными для работодателей, и университеты должны уделять время развитию этих навыков.

Для адекватной современным потребностям региона и соответствующей тенденциям развития социально-экономической системы необходима разработка подхода, обеспечивающего взаимодействие ресурсов в образовательной и социально-экономической системе. Образовательная среда обеспечивает взаимодействие внешней и внутренней образовательной среды в процессе производства и потребления образовательных услуг, качество образовательного продукта и использование его в целях превращения ресурсно-факторного, в том числе и интеллектуального, потенциала региона в фактор развития, сообразно историческим, ментальным, генетическим и социокультурным особенностям региона [1, с. 133]. Она может стать фактором развития профессиональных компетенций в системе высшего образования.

Для получения высококвалифицированных выпускников необходимо взаимодействие между бизнесом и университетами, по следующим направлениям: практическое обучение и стажировки; совместные образовательные программы; научные исследования и проекты. Для реализации этих направлений важно разрабатывать стратегии совместного сотрудничества, ориентируясь на потребности рынка, в идеале конкретных предприятий, также важно включать работодателей в образовательный процесс. Причем здесь не всегда нужно именно преподавание, это могут быть организации экскурсий, практики или написание курсовых, дипломных работ по заявкам предприятий, стороны в этом случае смогут поделиться опытом и примерами. Кроме того, вовлечение работодателей возможно через проведение семинаров и мастер-классов или через их участие в карьерных мероприятиях университета. Бесспорно, такое сотрудничество позволит студентам получить практический опыт и установить контакты с потенциальными работодателями.

Кроме реализации студенческих проектов возможно и научно-исследовательское сотрудничество, позволяющее университету быть в курсе последних тенденций и потребностей рынка труда, а для работодателей это означает доступ к экспертным знаниям и информационным ресурсам университета. С другой стороны, в рамках подобного взаимодействия также возможно консультирование и/или наставничество, ведь работодатель может помочь студентам более полно понять требования конкретной профессии, а также предоставить рекомендации по развитию навыков и построению карьеры будущего выпускника и своего потенциального работника.

Исходя из вышеизложенного можно выделить основные преимущества для системы высшего образования: трудоустройство выпускников, мониторинг рынка труда и его требований, расширение профессиональных навыков, своевременная актуализация учебных программ, укрепление репутации университета и повышение рейтинга, расширение исследовательских программы и привлечение дополнительного финансирования.

Таким образом, взаимодействие между университетом и рынком труда становится важным аспектом в подготовке квалифицированных специалистов. Университеты стремятся адаптировать свои образовательные программы к требованиям работодателей, внедряя практические курсы, стажировки и проекты, связанные с реальными задачами. В свою очередь, сфера экономики активно участвует в процессе обучения, предоставляя студентам возможность получать опыт работы и развивать необходимые навыки. Это сотрудничество способствует не только повышению качества образования, но и улучшению трудоустройства выпускников, позволяя им быстрее интегрироваться в профессиональную среду и успешно справляться с вызовами современного рынка.

Библиографический список

1. Мороз О.В. (2012). Перспективы сотрудничества бизнеса и высшей школы // Актуальные проблемы бизнес-образования: материалы XI международной научно-практической конференции, г. Минск, 19–20 апреля 2012 г. / под ред. В.В. Апанасовича. Минск: Национальная библиотека Беларуси. С. 132–134.
2. Постановление Совета Министров Республики Беларусь № 50 от 28 января 2021 г. «Об утверждении государственной программы “Комфортное жилье и благоприятная среда” на

2021-2025 годы».URL: https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1759929955&tld=ru&lang=ru&name=Proekt-programmy-s-prilozhenijami
3. Шпак И.И. (2022). Адаптивное профессиональное образование в университете – что, к чему (к кому) и каким образом необходимо адаптировать // Непрерывная система образования «Школа – университет». Инновации и перспективы: сборник статей VI Международной научно-практической конференции, г. Минск, 27–28 октября 2022 г. / под ред. О.К. Гусев. Минск: БНТУ. С. 485–488.

Информация об авторе

Мороз Олеся Вячеславовна – магистр управления, старший преподаватель кафедры политологии и социологии, Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, (Республика Беларусь, 230023, г. Гродно, ул. Ожешко, д. 22; e-mail: moroz_ov@grsu.by)

Maroz A.V.

ADAPTIVE EDUCATION: UNIVERSITY AND THE LABOR MARKET

Abstract. *This article examines the main aspects of interaction between the labor market and higher education, and also offers recommendations for increasing the effectiveness of personnel training, since such cooperation contributes to the formation of qualified specialists ready for the challenges of modern times.*

Keywords: *education, labor market, university, interaction, cooperation*.

About the author

Alesya V. Maroz – Master of Management, Senior Lecturer, Department of Political Science and Sociology Yanka Kupala State University (22, Ozheshko Street, Grodno, 230023, Republic of Belarus; e-mail: moroz_ov@grsu.by)

References

1. Maroz A.V. (2012). Prospects for Cooperation between Business and Higher Education. Current Issues in Business Education: materials of the XI International Scientific and practical Conference, Minsk, April 19–20, 2012; ed. by V.V. Apanasovich. Minsk: The National Library of Belarus, pp. 132–134.
2. Resolution of the Council of Ministers of the Republic of Belarus No. 50 dated January 28, 2021, “On Approval of the State Program Comfortable Housing and Favorable Environment for 2021-2025” Available at: https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1759929955&tld=ru&lang=ru&name=Proekt-programmy-s-prilozhenijami
3. Shpak I.I. (2022). Adaptive professional education at the university – what, to what (to whom), and in what way should be adapted. Continuous education system “School – University”. Innovations and prospects: collection of articles of the VI International scientific and practical conference, Minsk, October 27–28, 2022; ed. by O.K. Gusev. Minsk: BNTU, pp. 485–488.

УДК 331/ББК 67

Погосян Ш.П.

РЫНОК ТРУДА И НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ОБЛАСТИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Аннотация. *Появление искусственного интеллекта кардинально трансформирует рынок труда, влияя как на создание, так и на сокращение рабочих мест. Искусственный интеллект (ИИ) трансформирует рынок труда, изменяя рабочие роли, требования к навыкам и динамику занятости. Хотя ИИ создает новые возможности, он также создает такие проблемы, как сокращение рабочих мест и повышение требований к навыкам. Поскольку технологии ИИ продолжают развиваться, ожидается, что они преобразуют различные секторы, требуя переоценки навыков рабочей силы и стратегий занятости.*

Ключевые слова: *искусственный интеллект, работа, навык, занятость.*

Ни одно исследование рынка труда пока не определило, что последние технологические достижения могут означать для будущего занятости [5]. Рынок технологий ИИ оценивался в 200 млрд долларов в 2023 году и, как ожидается, вырастет до более чем 1,8 трлн долларов к 2030 году [9]. Другой прогноз заключается в том, что глобальные расходы на цифровую трансформацию вырастут до 2,49 трлн. долл. к 2024 году. Всего за 7 лет этот рынок вырос более чем втрое и по прогнозам к 2027 году достигнет 3,9 трлн долл. [1]. Исследование «Генеративный ИИ и рабочие места. Глобальный анализ потенциального воздействия на количество и качество рабочих мест» показывает, что большинство рабочих мест и секторов уязвимы для автоматизации и, скорее всего, будут дополнены, чем заменены последней волной генеративного ИИ, такой как chatGPT. Поэтому наибольшим воздействием этой технологии, скорее всего, станет не уничтожение рабочих мест, а потенциальные изменения в качестве рабочих мест, особенно в интенсивности труда и автономности.

По данным «Генеративный ИИ и рабочие места. Отчет «Глобальный анализ потенциального воздействия на количество и качество рабочих мест» можно говорить о существенных различиях в воздействии между странами на разных уровнях развития из-за текущих экономических структур и существующих технологических разрывов. В отчете указано, что 5,5% от общей занятости в странах с высоким уровнем дохода потенциально подвержены воздействию технологической автоматизации, в то время как в странах с низким уровнем дохода только 0,4% занятости подвержены риску автоматизации. С другой стороны, потенциал роста почти одинаков во всех странах, что говорит о том, что эта новая волна технологической трансформации может принести значительную пользу развивающимся странам, если будет принята правильная политика.

Канцелярская работа оказалась категорией с самым высоким технологическим воздействием, при этом около четверти задач считались сильно подверженными, а более половины задач – умеренно подверженными. В других профессиональных группах, включая менеджеров, специалистов и техников, только небольшая часть задач была определена как сильно подверженная, в то время как около четверти имели умеренно подверженный уровень.

Таблица существующих препятствий для прогнозирования будущего труда, а также предлагаемые решения представлены в статье «На пути к пониманию влияния искусственного интеллекта на труд» [4].

Замещение человеческого труда несет определенную социальную нагрузку для тех стран, которые в наибольшей степени используют технологии ИИ (в связи с этим обеспечение занятости среднего класса станет проблемой в долгосрочной перспективе).

Использование систем ИИ существенно диверсифицировало сферу международной торговли товарами и услугами (например, появляются новые нейротехнологии, наноматериалы и продукция на их основе). Однако эта диверсификация усугубит проблемы, связанные с удовлетворением спроса на эти товары.

Фоссен и Соргнер изучают влияние ИИ на стабильность работы и рост заработной платы на индивидуальном уровне в США. Они обнаружили, что влияние ИИ приводит к более высокой стабильности работы и более высокой заработной плате, и что этот эффект сильнее для более образованных и опытных работников, что снова показывает, что эффект производительности доминирует и сильнее для высококвалифицированных работников [3].

Быстрое развитие ИИ и технологий автоматизации может существенно нарушить рынки труда. Хотя ИИ и автоматизация могут повысить производительность труда некоторых работников, они могут вытеснить работу других и, вероятно, в какой-то степени трансформируют почти все профессии. Рост автоматизации происходит в период растущего экономического неравенства, вызывая обеспокоенность по поводу массовой технологической безработицы и необходимости решения последствий технологических изменений. Секторы, наиболее затронутые ИИ, включают производство, здравоохранение и финансы. Автоматизация на основе ИИ в производстве может повысить производительность и точность, но она также может снизить спрос на низкоквалифицированную рабочую силу. В здравоохранении приложения ИИ трансформируют диагностические процессы и персонализированную медицину, создавая новые роли для технологов, которые интерпретируют данные, сгенерированные ИИ. Аналогичным образом ИИ революционизирует управление рисками и инвестиционные стратегии в финансах, требуя рабочей силы, квалифицированной в области ИИ и финансового анализа [2].

ИИ создает новые рабочие места, особенно в областях, требующих экспертных знаний в области анализа данных, разработки программного обеспечения и машинного обучения. Однако он также заменяет рабочие места, которые включают повторяющиеся и базовые задачи, такие как производство и обслуживание клиентов. Несмотря на опасения по поводу потери рабочих мест, ИИ также открывает возможности для создания рабочих мест, особенно в таких областях, основанных на технологиях, как разработка ИИ, анализ данных и кибербезопасность.

По мере развития технологий ИИ, вероятно, появятся новые категории работ, требующие квалифицированных специалистов в области разработки программного обеспечения, этики ИИ и смежных областях. Искусственный интеллект все больше способен выполнять задачи, традиционно выполняемые людьми, особенно повторяющиеся и структурированные. Это привело к значительным преобразованиям в таких отраслях, как производство, логистика и обслуживание клиентов, где автоматизация на основе ИИ берет на себя такие функции, как операции на сборочной линии и взаимодействие с клиентами через чат-боты. Развитие ИИ увеличивает спрос на навыки, связанные с управлением и эксплуатацией ИИ, одновременно снижая потребность в низкоквалифицированных, трудоемких ролях. Этот сдвиг повышает порог занятости и меняет модели оплаты труда, при которых квалифицированные работники ИИ являются более высокооплачиваемыми специалистами по сравнению с работниками физического труда.

Интеграция ИИ на рабочем месте подчеркивает необходимость обучения и повышения квалификации рабочей силы. Работникам необходимо приобретать новые навыки, востребованные на рынке труда, ориентированном на ИИ, включая технические навыки, связанные с ИИ и наукой о данных, а также гибкие навыки, такие как решение проблем, креативность и эмоциональный интеллект. Критическое мышление, коммуникация и командная работа не менее важны в эпоху инноваций. Интеграция ИИ в различные сектора способствует экономическому неравенству и неуверенности в работе, особенно среди низкоквалифицированных работников. Она также влечет за собой изменения в безопасности и гигиене труда на рабочем месте, требуя новой политики и правил для обеспечения этичного использования ИИ. Необходимы комплексные инициативы по обучению и политические рамки для смягчения негативного влияния ИИ на занятость.

В настоящее время 10 крупнейших компаний, действующих в Армении и занимающихся разработкой технологий искусственного интеллекта, представлены в *табл. 1*. В этих компаниях в основном работает до 50 чел.

Таблица 1. **Услуги компаний РА в области искусственного интеллекта с численностью сотрудников до 50 чел. по данным технологической отраслевой платформы TechBehemoths [10]**

Company	AI, %	Custom Software Development, %	Web Development, %	Founding Year
SOFTSHARK	35	25	15	2021
SCD Company	5	35	–	2002
EchoGlobal	–	–	–	2013
V-Mobile	10	–	–	2016
TopSoft	10	25	10	2017
Fifth	10	25	10	2013
InnLine LLC	10	20	20	2019
Fidem LLC	10	–	25	2015
Exio.Tech	5	–	45	2018
Acumen Technologies	7	36	–	2020
Metric	50	–	–	2019

Армения занимает 70-е место из 165 стран по уровню готовности к внедрению искусственного интеллекта к 2023 году с показателем 0,49 [8]. В последние годы некоторые сферы в Армении уже столкнулись с искусственным интеллектом. В стране постепенно предпринимаются попытки использования возможностей технологий искусственного интеллекта в различных областях. В частности, социальная сфера, где искусственный интеллект призван быстро выявлять ложных выгодоприобретателей, банковский сектор и кредитные организации, где искусственный интеллект позволяет проводить более точный анализ и принимать адресные решения для каждого клиента. В целях содействия развитию и образованию в области искусственного интеллекта Министерство высокотехнологичной промышленности Республики Армения и Фонд науки и технологий Армении (FAST) подписали меморандум о сотрудничестве для запуска программы «Поколение искусственного интеллекта», которая реализуется в школьных программах с 2023 года.

Ожидается, что искусственный интеллект изменит способы взаимодействия людей и машин, что потребует от организаций адаптации своих кадровых функций для содействия этой новой динамике и обеспечения соблюдения трудового законодательства.

Искусственный интеллект трансформирует рынок труда, создавая новые возможности, а также изменяя определенные роли, особенно рутинные задачи. Эта трансформация требует сосредоточения на развитии навыков и политических вмешательствах для управления экономическим неравенством и вытеснением рабочих мест. Поскольку ИИ продолжает развиваться, заинтересованным сторонам важно активно адаптироваться к этим изменениям, чтобы использовать потенциал ИИ, одновременно смягчая его негативные последствия. Влияние ИИ на рынок труда многогранно, обусловлено как проблемами, так и возможностями. Хотя автоматизация на основе ИИ представляет собой угрозу вытеснения рабочих мест, она также предлагает потенциал для создания и преобразования рабочих мест. Подготовка рабочей силы посредством обучения и повышения квалификации, наряду с прочными политическими рамками, будет иметь решающее значение для навигации в меняющемся ландшафте занятости, сформированном ИИ.

Биографический список

1. What really works when it comes to digital and AI transformations? // Devico. URL: https://devico.io/blog/what-really-works-when-it-comes-to-digital-and-ai-transformations
2. Du J. AI and Your Job What's Changing and What's Next // Frontiers in Science and Engineering. 2024. Vol.4. Issue 7. Pp. 116–124. DOI:10.54691/0dbksd82.
3. Fossen F., Sorgner A. New Digital Technologies and Heterogeneous Employment and Wage Dynamics in the United States: Evidence From Individual-Level Data. IZA Discussion Paper 12242. 2019. URL: https://www.iza.org/publications/dp/12242/new-digital-technologies-and-heterogeneous-employment-and-wage-dynamics-in-the-united-states-evidence-from-individual-level-data
4. Frank M., Autor D., Bessen J., Brynjolfsson E., Cebrián M., Deming D., Feldman M., Groh M., Lobo J., Moro E., Wang D., Youn H., Rahwan I. Toward understanding the impact of artificial intelligence on labor // Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America. N 116. pp. 6531–6539. 2019. DOI: 10.1073/pnas.1900949116.
5. Frey C. B., Osborne M. A. The future of employment: How susceptible are jobs to computerisation? // Technological Forecasting and Social Change. 2017. N 114. pp. 254–280. DOI:10.1016/j.techfore.2016.08.01
6. Gmyrek P., Berg J., Bescond D. Generative AI and jobs: A global analysis of potential effects on job quantity and quality// ILO Working Paper 96 (Geneva, ILO). 2023. URL: https://doi.org/10.54394/ FHEM8239
7. Generative AI likely to augment rather than destroy jobs // International Labor organisation. URL: https://www.ilo.org/resource/news/generative-ai-likely-augment-rather-destroy-jobs
8. AI Preparedness Index // International Monetary Fund. URL: https://www.imf.org/external/datamapper/AI_PI@AIPI/ADVEC/EME/LIC
9. Artificial intelligence (AI) worldwide - statistics & facts // Statista. URL: https://www.statista.com/topics/3104/artificial-intelligence-ai-worldwide/
10. Top Companies providing Artificial Intelligence services // Techbehemoths. URL: https://techbehemoths.com/companies/artificialintelligence?cities=368&services=61&countries=45&teamsizes=10&hourlyrates=30&scrollnvg=true&filtering=true

Информация об авторе

Погосян Шогер Петровна – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт экономики НАН РА (Российская Федерация, 0015, г. Ереван, ул. Г.Лусаворич, д. 15).

Poghosyan S.P.

LABOR MARKET AND EMERGING TRENDS IN ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Abstract. *The emergence of artificial intelligence is fundamentally transforming the labor market, impacting both job creation and job destruction. Artificial intelligence (AI) is transforming the labor market by changing job roles, skill requirements, and employment dynamics. While AI creates new opportunities, it also creates challenges such as job losses and increased skill requirements. As AI technologies continue to evolve, they are expected to transform various sectors, requiring a re-evaluation of workforce skills and employment strategies.*

Keywords: *artificial intelligence, job, skill, employment.*

About the author

Shogher P. Poghosyan – Ph.D. in Economics, Research Associate, Institute of Economics, National Academy of Sciences of RA (15, G. Lusavorich Street, Yerevan, 0015, Republic of Armenia).

References

1. What really works when it comes to digital and AI transformations? Devico. Available at: https://devico.io/blog/what-really-works-when-it-comes-to-digital-and-ai-transformations
2. Du J. (2024). AI and Your Job What's Changing and What's Next. Frontiers in Science and Engineering, 4(7), pp. 116–124. DOI:10.54691/0dbksd82
3. Fossen F., Sorgner A. (2019). New Digital Technologies and Heterogeneous Employment and Wage Dynamics in the United States: Evidence From Individual-Level Data. IZA Discussion Paper, 12242. DOI: 10.2139/ssrn.3390231
4. Frank M., Autor D., Bessen J. [et al.] (2019). Toward understanding the impact of artificial intelligence on labor. Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America, 116, pp. 6531–6539. DOI: 10.1073/pnas.1900949116
5. Frey C.B., Osborne M.A. (2017). The future of employment: How susceptible are jobs to computerisation? Technological Forecasting and Social Change, 114, pp. 254–280. DOI: 10.1016/j.techfore.2016.08.01
6. Gmyrek P., Berg J., Bescond D. (2023). Generative AI and jobs: A global analysis of potential effects on job quantity and quality. ILO Working Paper 96 (Geneva, ILO). DOI: 10.54394/FHEM8239
7. Generative AI likely to augment rather than destroy jobs. International Labor organisation. URL: https://www.ilo.org/resource/news/generative-ai-likely-augment-rather-destroy-jobs
8. AI Preparedness Index. International Monetary Fund. URL: htps://www.imf.org/external/datamapper/AI_PI@AIPI/ADVEC/EME/LIC
9. Artificial intelligence (AI) worldwide – statistics and facts. Statista. URL: https://www.statista.com/topics/3104/artificial-intelligence-ai-worldwide/
10. Top Companies providing Artificial Intelligence services. Techbehemoths. URL: https://techbehemoths.com/companies/artificialintelligence?cities=368&services=61&countries=45&teamsizes=10&hourlyrates=30&scrollnvg=true&filtering=true

УДК 331.101/ББК 65.245

Попов А.В.

КАЧЕСТВО ТРУДОВОЙ ЖИЗНИ В ПРОСТРАНСТВЕННОМ ИЗМЕРЕНИИ: ЦЕНТР-ПЕРИФЕРИЙНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация. *Статья посвящена особенностям качества трудовой жизни в Вологодской области по оси «центр – периферия». Результаты массового опроса населения показали, что недостаток достойного труда на отдаленных территориях создает серьезные риски для снижения региональной стабильности.*

Ключевые слова: *качество трудовой жизни, заработная плата, социальные гарантии, центр и периферия, удовлетворенность трудом, достойный труд, локальные территории.*

Качество трудовой жизни представляет собой комплексную категорию, которая охватывает широкий спектр объективных (размер заработной платы, наличие социальных гарантий и т. д.) и субъективных (прежде всего, удовлетворенность условиями труда) показателей, в совокупности характеризующих благополучие работников [4]. Оно играет большую роль в развитии предприятий и организаций, оказывая влияние на производительность труда, вовлеченность и инновационную активность персонала, текучесть кадров, социальную напряженность. В этой связи в современных исследованиях уделяется повышенное внимание качеству трудовой жизни, которое не только зависит от многих факторов, но и имеет территориальную специфику [1, 2]. Как правило, в экономически развитых регионах и районах работники имеют доступ к более высокому заработку, продвинутым образовательным программам и современным стандартам охраны труда. Однако в отдаленных или менее развитых территориях, особенно в сельской местности, зачастую наблюдаются нехватка рабочих мест, низкие трудовые доходы и ограниченный доступ к профессиональному обучению, что создает значительные диспропорции в социально-трудовой сфере.

В нашем исследовании анализ качества трудовой жизни осуществлялся на примере Вологодской области, где в мае – августе 2024 года был проведен очередной этап мониторинга качества трудового потенциала населения региона[1]. В ходе обработки полученных данных использовался центр-периферийный подход для выявления различий в условиях жизни и моделях поведения людей, проживающих на разном расстоянии от центров притяжении ресурсов. Предложенный ракурс соответствует стратегическим ориентирам Правительства Российской Федерации по укреплению позиций центров экономического роста[2]. В качестве таких центров рассматриваются города Вологда и Череповец, которые являются ядрами двух формирующихся моноцентрических городских агломераций Вологодской области [3]. Прилегающие к ним муниципальные образования входят в состав агломерационных зон в пределах собственных административных границ. Остальные районы и городские округа отнесены к категории городской либо сельской периферии в зависимости от доли городского населения (выше или ниже 50%).

Качество трудовой жизни во многом определяется уровнем оплаты труда как важнейшего источника доходов для большинства людей трудоспособного возраста (*табл. 1*). Согласно опросным данным, примерно пятая часть также имеет случайные и прочие заработки, а каждый десятый – выплаты от вторичной занятости. Все остальные источники доходов заметно реже встречаются на практике. В то же время при отдалении от крупных городов возрастает доля тех, кто получает различные виды пособий (от 4% в ядрах агломераций до 13% в сельской периферии). В целом, территориальные различия в структуре доходов населения не являются существенными.

[1] Опрос проводится Вологодским научным центром РАН в городах Вологде и Череповце, а также в восьми муниципальных образованиях (Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Кирилловском, Никольском, Тарногском и Шекснинском). Объектом исследования выступает население трудоспособного возраста.

[2] Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года: распоряжение Правительства РФ от 13.02.2019 № 207-р. URL: https://docs.cntd.ru/document/552378463

Таблица 1. **Распределение занятого населения по основным источникам дохода, %**

Источник дохода	Ядра агломераций	Агломерационная зона	Городская периферия	Сельская периферия	Среднее значение
Заработная плата по основному месту работы	90,9	93,4	91,9	91,9	91,6
Случайные и прочие заработки	18,1	17,7	28,1	21,0	20,3
Доходы от вторичной занятости (дополнительного места работы, совместительства)	13,1	11,6	21,7	6,5	14,3
Пособия (включая пособия по безработице, уходу за ребенком, по инвалидности и т. д.)	3,8	6,6	8,1	12,9	5,6
Доходы от сдачи внаем жилья	4,5	3,9	6,0	0,0	4,5

Примечание: ранжировано по последнему столбцу.

Вместе с тем размер заработной платы по основному месту работы имеет серьезную дифференциацию по оси «центр – периферия» (*рис. 1*). Весьма закономерно, что наиболее высокооплачиваемыми являются работники из ядер Вологодской и Череповецкой агломераций (49,5 тыс. руб.), а наименее – отдаленных сельских районов (33,0 тыс. руб.). Близость места жительства к крупным городам способствует росту трудовых доходов, о чем свидетельствует относительно благоприятное положение агломерационной зоны (39,1 тыс. руб.). При этом внутри каждого района может наблюдаться значительная вариативность показателя, что обусловлено различиями в отраслевой структуре экономики, уровне развития инфраструктуры, доступности высококвалифицированных рабочих мест, состоянии рынка труда.

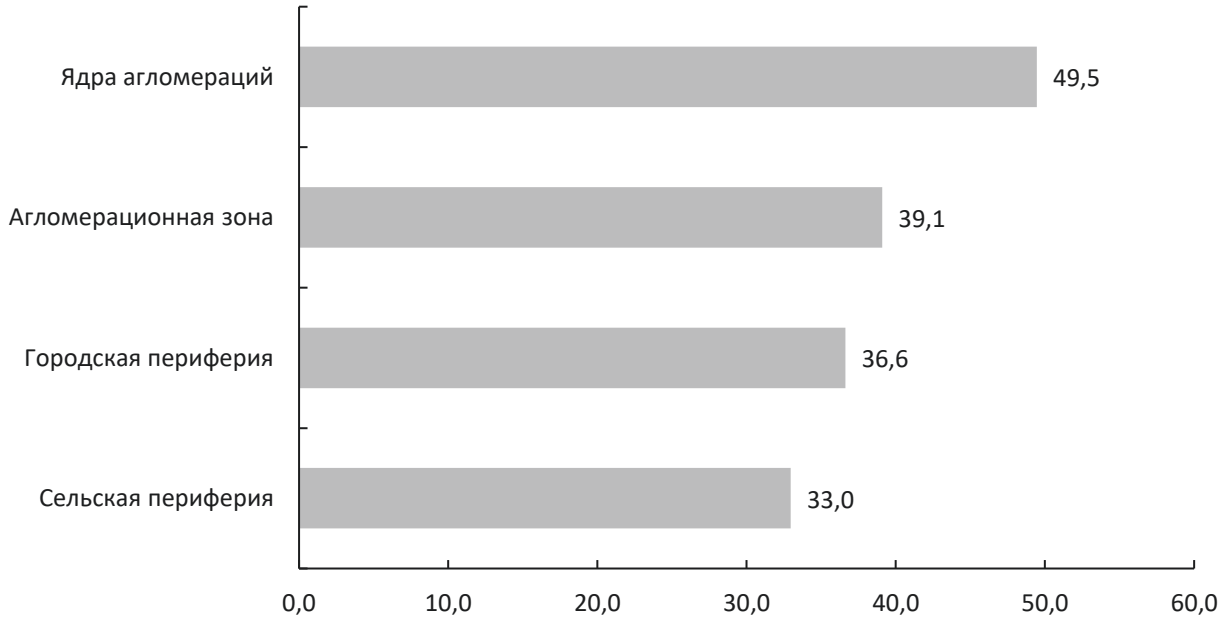

Рисунок 1. **Среднемесячная заработная плата по основному месту работы, тыс. руб.**

Помимо территориального разрыва в заработке, оказывающего влияние на трудовую мобильность и экономическую активность населения, в зоне особого внимания находится вопрос уплаты страховых взносов (*рис. 2*), который служит индикатором уровня социальной защищенности наемных работников и их информированности о трудовых правах.

Согласно полученным данным, большинство опрошенных заявили о полном или частичном перечислении работодателем страховых взносов в Социальный фонд. Хотя случаи выплаты «теневой» заработной платы упоминались не так часто (до 10% в сельской периферии), наибольшую обеспокоенность вызывает тот факт, что каждый третий респондент затруднился дать однозначный ответ о страховых взносах. Отсутствие значимых различий по оси «центр – периферия» в этом отношении может свидетельствовать о масштабности данной проблемы, характерной для территории всего региона.

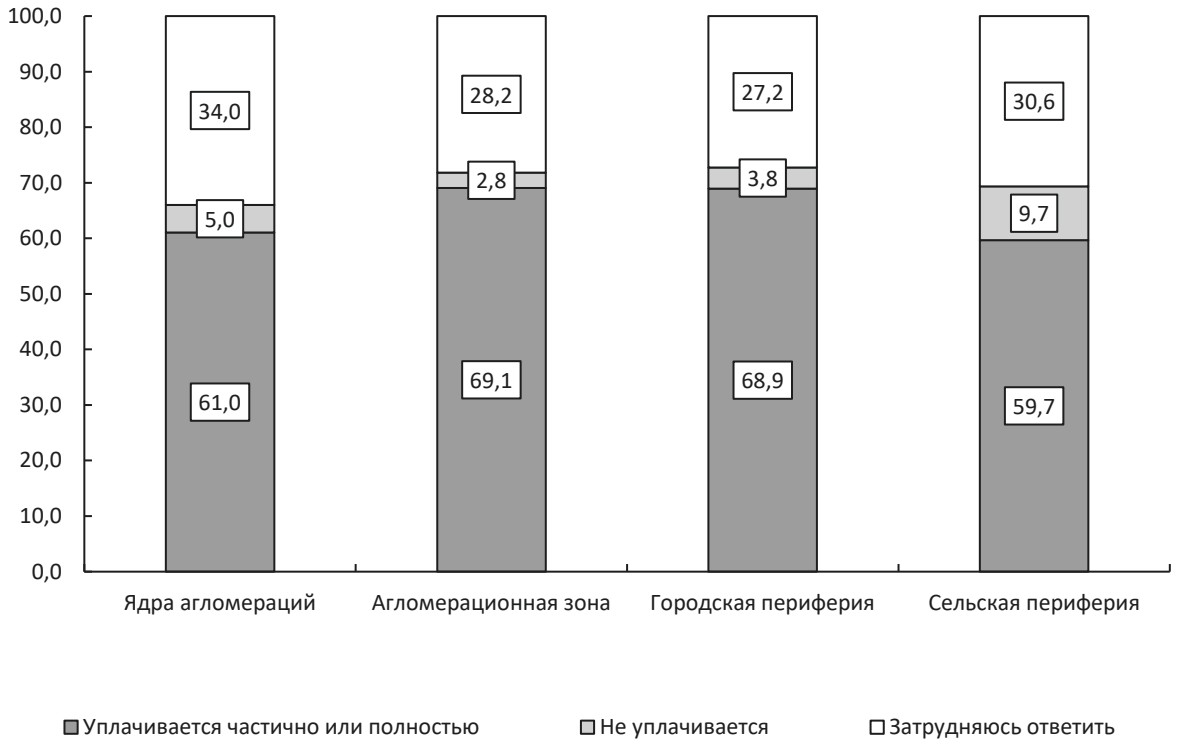

Рисунок 2. **Распределение ответов на вопрос: «Если вы являетесь наемным работником, то, как вы думаете, уплачивает ли работодатель страховые взносы с вашей заработной платы?», %**

Другой неотъемлемой характеристикой качества трудовой жизни является наличие социальных гарантий, предоставляемых по месту работы [5]. Часть из них закреплена в законодательстве и положена всем наемным работникам, занятым по трудовому договору. Такие гарантии включают право на оплачиваемый отпуск, социальное страхование, больничный и т. д. Кроме того, работодатели могут предоставлять дополнительные льготы (добровольное медицинское страхование, оплата мобильной связи, компенсация расходов на спорт и др.), которые способствуют повышению удовлетворенности трудом, укреплению мотивации и снижению текучести кадров. В этой связи социальные гарантии, наряду с заработной платой, играют значимую роль в обеспечении достойных условий труда и благополучии работников.

Результаты опроса показывают, что базовые социальные гарантии имеют далеко не все респонденты, доля которых варьируется не только в зависимости от наименования конкретной льготы, но и от места проживания (*табл. 2*).

Таблица 2. **Распределение ответов на вопрос: «Какие социальные гарантии предоставляются работодателем по вашему основному месту работы?», %**

Вариант ответа	Ядра агломераций	Агломерационная зона	Городская периферия	Сельская периферия	Среднее значение
Оплачиваемый очередной отпуск	71,6	86,2	82,1	64,5	75,7
Обязательное социальное страхование	71,6	78,5	71,5	35,5	70,7
Оплата временной нетрудоспособности	60,1	75,7	79,6	46,8	65,9
Оплачиваемый отпуск по беременности и родам	36,7	58,6	65,5	29,0	45,7
Оплачиваемый отпуск по уходу за ребенком	35,0	57,5	60,4	24,2	43,2
Оплачиваемый учебный отпуск	20,5	37,6	47,7	9,7	28,2
Частичная или полная оплата санаторно-курортного лечения	12,7	12,7	20,9	0,0	13,7
Страхование жизни и здоровья	6,3	18,8	8,1	12,9	9,0
Добровольное медицинское страхование	7,9	12,7	9,4	8,1	8,9
Частичная или полная оплата питания на работе	6,6	15,5	2,1	1,6	6,8
Оплата мобильной связи	7,1	7,7	4,3	0,0	6,2
Дотации на транспорт (оплата топлива, техосмотра, страховки)	3,3	7,7	1,3	1,6	3,5
Частичная или полная оплата пользования спортзалом, бассейном, фитнес-клубом	3,2	1,7	0,4	0,0	2,2

Примечание: ранжировано по последнему столбцу.

Традиционно к числу аутсайдеров относится сельская периферия, где большая часть работников может претендовать только на оплачиваемый отпуск. Однако по отдельным направлениям, среди которых отпуска по беременности и уходу за ребенком, наблюдается крайне неблагоприятная ситуация в ядрах Вологодской и Череповецкой агломераций, что может быть связано как с отсутствием соответствующих мер поддержки по месту работы, так и с недостаточной информированностью о своих правах. Что касается дополнительных льгот, то на фоне их скромной представленности, на первый план выходят, прежде всего, крупные города и прилегающие к ним районы. В частности, на периферии практически не встречаются случаи, когда работодатель оплачивает питание на работе или покрывает расходы на транспорт и пользование спортивной инфраструктурой.

В конечном итоге территориальные различия в уровне заработной платы и предоставлении социальных гарантий сказываются на удовлетворенности условиями труда, работой и жизнью в целом, что характеризует субъективную сторону качества трудовой жизни, которая позволяет оценить соответствие реального положения вещей внутренним ожиданиям

работников. Согласно нашим данным, территория городских агломераций демонстрирует лидерство по всем позициям. В этом случае удельный вес в той или иной степени удовлетворенных работников составляет свыше 70%. Причем различия между крупными городами и прилегающими к ним районами несущественны. Несколько хуже оценивают свое положение жители сельской периферии, а самые низкие показатели получены в городской периферии (в частности, только 40% опрошенных позитивно воспринимают условия труда).

Общая картина остается прежней и при детальном анализе удовлетворенности работников различными сторонами трудовой жизни. Наиболее благоприятные условия чаще всего отмечаются на территории городских агломераций, а наименее благоприятные – в сельской и, прежде всего, городской периферии. При этом самые низкие оценки по Вологодской области в целом характерны для удовлетворенности материальным вознаграждением и социальными гарантиями, а также работой профсоюзной или иной рабочей организации. На другом полюсе находятся ответы респондентов, связанные с возможностью сочетать трудовые и семейные (личные) обязанности, психологическим климатом, восприятием общественной полезности и значимости своего труда.

Таким образом, качество трудовой жизни является важным индикатором, охватывающим как объективные, так и субъективные грани благополучия работников. Проведенный анализ показал, насколько сильно различаются условия для осуществления трудовой деятельности в городских агломерациях и за их пределами. Это касается всех рассмотренных вопросов без исключения (размера заработка, наличия социальных гарантий, удовлетворенности трудом и жизнью), что подчеркивает необходимость реализации адресных мер, направленных на обеспечение достойного труда на периферии. Создание сбалансированной системы поддержки станет ключевым шагом на пути к формированию более справедливого и устойчивого рынка труда. В противном случае можно ожидать углубление существующих территориальных диспропорций. Дальнейшее ухудшение качества трудовой жизни в удаленных и сельских районах будет способствовать социальному неравенству, усилению миграционных потоков в крупные города. Недооценка всех сложностей положения периферии может привести к общему снижению социально-экономической стабильности на региональном уровне.

Библиографический список

1. Андреева Е.Л., Полкова Т.В. (2013). Оценка качества трудовой жизни населения регионов России. Экономика региона. № 3(35). С. 91–101.
2. Белехова Г.В. (2024). Качество трудовой жизни занятого населения: опыт измерения в Вологодской области // Социальное пространство. Т. 10. № 4. DOI: 10.15838/sa.2024.4.44.5
3. Кожевников С.А. (2018). Агломерационные процессы на Европейском Севере России: опыт Вологодской области // Регионология. Т. 26. № 4. С. 718–741. DOI: 10.15507/2413-1407.105.026.201804.718-741
4. Леонидова Г.В., Ивановская А.Л. (2023). Качество трудовой жизни как фактор эффективной реализации трудового потенциала занятого населения. Вологда: ВолНЦ РАН. 175 с.
5. Мухачева А.В. (2019). Качество трудовой жизни: дефиниционные основы, структура, управление // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. Т. 4. № 1. С. 24–29. DOI: 10.21603/2500-3372-2019-4-1-24-29

Информация об авторе

Попов Андрей Васильевич – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный

центр Российской академии наук» (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: ai.popov@yahoo.com).

Popov A.V.

QUALITY OF WORKING LIFE IN A SPATIAL DIMENSION: CENTER-PERIPHERY DIFFERENTIATION IN THE VOLOGDA REGION

Abstract. *The article examines the characteristics of the quality of working life in the Vologda region through the lens of the center-periphery framework. The findings of a large-scale population survey indicate that the shortage of decent work in remote areas poses significant risks to regional stability.*

Keywords: *quality of working life, wages, social guarantees, center and periphery, job satisfaction, decent work, local territories.*

About the author

Andrei V. Popov – Candidate of Economics, Lead Researcher, Federal State Budgetary Institution of Science “Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences” (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: ai.popov@yahoo.com)

References

1. Andreyeva Y.L., Polkova T.V. (2013). The estimation of labor life quality in regions of Russia. Economy of Regions, 3, pp. 91–101.
2. Belekhova G.V. (2024). Quality of working life of the employed population: measurement experience in the Vologda region. Social area, 10(4). DOI: 10.15838/sa.2024.4.44.5
3. Kozhevnikov S.A. (2018). Agglomeration processes in the European north of Russia: experience of the Vologda region. Regionology, 26(4), pp. 718–741. DOI: 10.15507/2413-1407.105.026.201804.718-741
4. Leonidova G.V., Ivanovskaya A.L. (2023). Quality of working life as a factor in the effective implementation of the labor potential of the employed population. Vologda: VolRC RAS. 175 p.
5. Muhacheva A.V. (2019). Quality of working life: definitive foundations, structure, and management. Bulletin of Kemerovo state university. Series: political, sociological and economic sciences, 4(1), pp. 24–29. DOI: 10.21603/2500-3372-2019-4-1-24-29

УДК 331.103/ББК 65.050

Решетникова К.В.

ПРАКТИКИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ФОРМ ОРГАНИЗАЦИИ ТРУДА В РОССИЙСКИХ КОМПАНИЯХ (ПО ИТОГАМ РОССИЙСКОЙ ЧАСТИ МЕЖДУНАРОДНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ CRANET)

Аннотация. *Автор анализирует практики использования различных форм организации труда в российских компаниях на основе результатов российской части международного исследования практик управления человеческими ресурсами CRANET (Cranfield Network on Comparative Human Resource Management), проведенного в 2021 году. Результаты исследования позволили выявить дифференциацию методов организации труда в разных типах компаний.*

Ключевые слова: *организация труда, режим работы, формы занятости, удаленная работа, управление человеческими ресурсами, российские организации.*

В течение последнего десятилетия можно отметить растущий интерес к учету контекста в менеджериальных исследованиях. Все чаще стали подниматься вопросы их перефокусировки с развитых стран на страны с развивающимися экономиками, которые рассматриваются как потенциальные источники данных для создания новых теорий. До настоящего времени в исследованиях, публикациях и сфере бизнес-образования Россия представлена слабо, передовой опыт российских компаний практически не известен. В результате можно констатировать недооценку степени зрелости управления человеческими ресурсами (далее – УЧР) в российских компаниях и порой представление этого опыта в негативном свете.

Целью исследования является выявление особенностей практик управления человеческими ресурсами, проявившиеся в деятельности компаний к 2021 году. Рассматриваются четыре основные группы таких практик: обеспечение персоналом; обучение и развитие персонала; вознаграждение персонала (компенсации и льготы); трудовые отношения и коммуникации, а также характеристики службы УЧР. В данном случае мы сфокусируем внимание на практиках использования разных форм организации труда в российских компаниях.

Результаты исследования были получены в ходе проведения очередного раунда опроса CRANET, который был запущен весной 2021 года. Международный проект CRANET Survey on Comparative Human Resource Management как обзор практик и технологий управления человеческими ресурсами в мире реализуется с 1989 года. В настоящее время в нем участвуют 35 стран, 45 научных организаций (университеты и бизнес-школы). Страновые опросы проводятся с периодичностью один раз в 4–5 лет в виде стандартизованного анкетного опроса директоров по персоналу и руководителей кадровых служб компаний и организаций.

В 2008 году к нему подключилась и Россия: российскую часть исследования реализовала группа ученых из НИУ ВШЭ под руководством профессора И.Б. Гуркова [1, 2, 3], с 2011 года руководство проектом взяла на себя профессор В.И. Кабалина Результаты нашли свое отражение в целом ряде публикаций [4].

В России последний опрос был проведен в апреле – мае 2021 года, когда компании, принявшие участие в опросе, прошли начальный период адаптации к новым условиям изменившейся внешней среды, сформированной распространившейся по всему миру пандемией COVID-19 и экономическим кризисом в ряде отраслей. В российской части исследования CRANET в 2021 году приняли участие 367 компаний с охватом списочной численности персонала в 511 187 чел. В качестве респондентов анкетного опроса выступили руководители кадровых служб малых, средних и крупных компаний, расположенных во всех федеральных округах Российской Федерации, представляющих преимущественно реальный сектор экономики и сферу услуг.

В выборке практически в равных долях представлены разные по численности персоналы компании: малые, средние, крупные и особо крупные. Компании в выборке представляют собой широкий спектр отраслей экономики, среди которых выделяются предприятия

торговли (13%), легкой промышленности (8%) и строительства (7%). Говоря о более укрупненных группах, по сфере деятельности компании представляют преимущественно производственную сферу (порядка 60% от общего числа).

Респондентам предлагалось оценить приблизительную долю работников (1 – не используется, 2 – 1–5%, 3 – 6–20%, 4 – 21–50%, 5 – 51%+), которые работают в организации на следующих условиях: работа по выходным дням; посменная работа; сверхурочная работа; работа по договору ГПХ (фриланс); работа неполный рабочий день; гибкий график; временная / сезонная занятость; удаленная работа (до пандемии COVID-19); удаленная работа (во время пандемии COVID-19); удаленная работа (после пандемии COVID-19, если применимо) (*табл.1*).

Таблица 1. **Частота использования различных условий работы**

Условия работы	0%	1–5%	6–20%	21–50%	51%+
Посменная работа	16,3%	12,8%	16,9%	21%	28,6%
Работа по выходным дням	20,2%	25,1%	21,5%	16,3%	11,2%
Сверхурочная работа	26,2%	31,6%	19,6%	11,4%	5,4%
Гибкий график	38,4%	28,1%	17,2%	4,9%	4,4%
Временная / Сезонная занятость	46,3%	21,8%	13,4%	4,6%	3,8%
Работа неполный рабочий день	31,1%	43,3%	14,2%	2,5%	2,2%
Работа по договору ГПХ (фриланс)	40,9%	32,7%	14,7%	3%	1,9%
Удаленная работа (до пандемии COVID-19)	59,9%	22,9%	7,1%	2,7%	1,1%
Удаленная работа (во время пандемии COVID-19)	20,2%	23,2%	21,3%	14,7%	16,9%
Удаленная работа (после пандемии COVID-19, если применимо)	47,4%	25,3%	11,7%	5,2%	3,5%

Для того, чтобы сделать результаты проведенного анализа более наглядными, ниже приведена *табл. 2,* отражающая тенденции использования (и неиспользования) компаниями разных сфер деятельности тех или иных режимов работы и форм занятости. Плюсами обозначены те сферы, в которых те или иные условия встречаются чаще, а минусами, соответственно, те, которые встречаются значительно реже.

Таблица 2. **Использование компаниями разных отраслей форм занятости и режимов работы**

Сфера деятельности	По выходным дням	Посменная	Сверхурочная	По договору ГПХ	Неполный рабочий день	Гибкий график	Сезонная	Удаленная работа		
								До пандемии	Во время пандемии	После пандемии
Добывающая промышленность и агросектор						+	+	-		-
Пищевая и легкая промышленность			+						+	
Химическая промышленность			+	+	+					
Металлургия		+			-				+	
Производство электрооборудования			+		+			+		+
Машиностроение										
Другое производство										
ЖКХ				+						-
Строительство										
Торговля						+		+		
Транспорт и складирование										
Гостиничная индустрия, общественное питание, реклама	+	+						-	+	
Телекоммуникации и ИТ								+	+	+
Финансы и страхование										+
Профессиональные услуги			-		-					
Государственное управление и социальное обеспечение	-	-	-				-	-	-	-
Образование и здравоохранение					+					

Наиболее часто указываемыми среди других условий в полученной выборке стали посменная работа и работа по выходным дням. Самым распространенным является посменный тип работы, почти половина организаций-респондентов указала, что более 20% работников работают на таких условиях. Если рассматривать сферу деятельности таких компаний, то чаще всего подобный режим работы встречается в компаниях сферы гостеприимства и рекламы (2/3 компаний этой сферы указали долю сотрудников, работающих посменно, превышающей 50%) (*табл. 2*). Второй сферой деятельности по этому критерию является металлургия: 50% опрошенных отметили, что доля сотрудников, работающих посменно, превышает 50%. В целом, оба результата закономерны: в первом случае использование такого графика объясняется зачастую круглосуточным или просто продолжительным рабочим днем в целях предоставления удобного клиентского сервиса, а преобладание в металлургических компаниях сотрудников, работающих посменно, вероятнее всего, связано с непрерывным производственным циклом и высокой стоимостью простоя оборудования.

Каждая четвертая организация регулярно работает в выходные, а еще 16% компаний заявили о переработках как минимум для 20% сотрудников. Примечательно, что только 20,2% и 26,2% компаний соответственно заявили о полном отсутствии работы в выходные и переработок.

Почти треть всех опрошенных компаний ответили, что они не прибегают к сверхурочной работе и еще треть отметила долю сверхурочно работающих сотрудников как не превышающую 5% от общей численности. Таким образом, в полученной выборке сверхурочная работа, по словам респондентов, используется не очень активно. Однако есть различия по отраслям: так, все компании химической промышленности заявили о наличии сверхурочно работающих сотрудников, причем более трети из них отметили эту долю как превышающую 20% от общей численности. Среди «лидеров» также оказались компании пищевой и легкой промышленности и производства электрооборудования. Наименьшее распространение данный режим работы нашел в компаниях сферы государственного управления и социального обеспечения (86%), а также компаниях сферы профессиональных услуг (67%).

Каждое четвертое предприятие заявило о частичном вовлечении (1–5% от всего персонала) в работу фрилансеров, еще 43% – о работниках, устроенных на неполный рабочий день. Почти половина опрошенных компаний заявили об отсутствии сотрудников, исполняющих трудовые обязательства на основании договора гражданско-правового характера. Даже среди тех компаний, которые поставили отметку о наличии таких сотрудников, их доля от общей численности штата, как правило, совсем небольшая.

В целом, можно сказать, что во всех сферах деятельности такой формат оформления трудовых отношений имеет место, но в довольно небольшом процентном соотношении. Компании химической промышленности и сферы ЖКХ отметили количество сотрудников (86 и 73% соответственно), работающих по договору ГПХ от 1 до 5%, что говорит о том, что такая практика в этих отраслях довольно часто применяется.

Работа неполный рабочий день практикуется компаниями выборки несколько чаще, однако треть всех опрошенных заявили об отсутствии в штате своих компаний таких сотрудников. Среди выделенных сфер деятельности были те, где все компании или почти все отметили наличие в своем штате сотрудников, работающих неполный рабочий день – это химическая промышленность и производство электрооборудования (100 и 91% соответственно). Среди непроизводственных компаний лидерами по данному критерию стали организации сферы образования и здравоохранения (84%).

Две трети компаний отметили наличие в своем штате сотрудников, работающих в режиме гибкого графика. Наибольшая доля положительных ответов пришлась на компании добывающей промышленности и агросектора, а также торговые компании (75 и 79% соответственно).

Более 50% всех компаний выборки отметили отсутствие в штате сотрудников, работающих временно или сезонно. Почти четверть всех компаний указали долю таких сотрудников, не превышающую 5%, еще порядка 20% компаний – от 6 до 20%, и только 9% – превышающую 50% от общей численности персонала.

Вполне закономерно, что одним из наиболее популярных форматов стала удаленная работа. Введение подобного формата было обусловлено распространением пандемии COVID-19. В данном исследовании удаленная работа изучалась в трех разрезах: до пандемии COVID-19, во время и после нее (поскольку опрос проводился в 2021 году, то последний разрез был, скорее, как предположение о будущем). До пандемии только в 3,8% компаний удаленная работа была распространена для более чем 20% сотрудников. Далее почти треть компаний заявила, что более 20% перешли на удаленный режим работы, в то время как каждая пятая организация сообщила об отсутствии удаленной работы даже в условиях пандемии. Однако можно предположить, что пандемию коронавируса многие компании рассматривают исключительно как форс-мажорное событие, а не возможность трансформировать организацию труда: после пандемии почти половина компаний (47,4%) отказались от использования такого режима работы. Только 8,7% заявили о сохранении удаленного режима для более чем 20% персонала.

До пандемии в выборке исследования меньше всего компаний, отмечавших наличие удаленных сотрудников, принадлежали сфере гостеприимства и рекламы, добывающей промышленности и агросектору, и сфере государственного управления и социального обеспечения (в совокупности 100, 85 и 86% соответственно). Наличие дистанционных сотрудников в штате отмечали компании сферы производства электрооборудования, торговли, телекоммуникаций и ИТ (в совокупности 64, 57 и 56% соответственно).

Во время пандемии наименьшая доля удаленно работающих сотрудников приходилась на компании сферы государственного управления и социального обеспечения (43%). Среди компаний химической промышленности, металлургии и гостиничной индустрии не было компаний, которые бы не ввели удаленный режим для части сотрудников. Своего рода лидером по доле удаленных работников в общей структуре персонала, стали компании сферы телекоммуникаций и ИТ – 63% респондентов отметили, что доля удаленно работающих сотрудников превышает 50% от их общей численности. Такой результат представляется закономерным, так как компании этой сферы в целом имели необходимую инфраструктуру, чтобы осуществить быстрый переход на удаленный режим.

Подводя некоторый итог, следует обратить внимание на то, что даже на уровне анализа отечественной научной литературы, существует некоторая смешанность понятий, опознающих разные режимы работы и формы занятости. Так, работа по выходным дням может зачастую рассматриваться как вариант сверхурочной работы, а работа неполный рабочий день приравниваться к гибкому графику. Таким образом, важно иметь в виду, что респонденты при ответе на тот или иной вопрос, по-разному могли интерпретировать значения того или иного термина. Это, в свою очередь, могло привести к искажениям в данных.

В результате можно сказать, что в полученной выборке тенденция использования нестандартных режимов работы и видов занятости находится на низком уровне: большинство респондентов отметили отсутствие сотрудников, занятых на перечисленных условиях или небольшой доле таковых – до 5%. Наименее популярной формой занятости среди компаний в выборке стала временная / сезонная занятость. Наименее популярным режимом работы в среднем был указан удаленный режим работы в период до пандемии COVID-19. Стоит отметить, что компании отмечают заметно низкую степень применения нетипичных или смешанных условий работы.

Как можно увидеть на основе данных *табл. 2*, наиболее консервативной в данном отношении является сфера государственного управления и социального обеспечения – практически во всех из рассмотренных режимов и форм работы, организации данной сферы чаще других ставили отметки об отсутствии таковых. Кроме того, следует отметить, что в целом в выборке нет значительных различий между производственными и непроизводственными компаниями. Однако, учитывая, что опрос проводился в 2021 году, сейчас можно предположить, что ситуация могла существенно измениться, что требует новых исследований в этой области.

Библиографический список

1. Гурков И.Б., Зеленова О.И., Саидов З.Б., Гольдберг А.С. (2009). Система управления персоналом на российских фирмах в зеркале международного сравнения // Мир России. Социология, этнология. Т. 18. № 3. С. 132–150.
2. Gurkov I., Zelenova O., Saidov Z. (2012). Mutation of HRM practices in Russia: an application of CRANET methodology. International Journal of Human Resource Management, 23(7), pp. 1289–1302.
3. Gurkov I. (2013). HRM in Russian industrial companies: an overview of past studies and new observations. The Journal of Comparative Economic Studies, 8, pp. 21–33.
4. Kabalina V., Zelenova O., Reshetnikova K. (2019). Contemporary Human Resource Management Practices in Russia: Flexibility under Uncertainty. International Studies of Management and Organization, 49(4), pp. 422–440.

Информация об авторе

Решетникова Кира Викторовна – кандидат экономических наук, доцент кафедры социологии и менеджмента общественных процессов Высшей школы современных социальных наук (факультет) МГУ им. М.В. Ломоносова (Российская Федерация, 119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 13, блок В, 4-й учебный корпус; e-mail: kv.reshetnikova@yandex.ru)

Reshetnikova K.V.

LABOR MANAGEMENT PRACTICES IN RUSSIAN COMPANIES (BASED ON THE RESULTS OF THE RUSSIAN PART OF THE INTERNATIONAL CRANET STUDY)

Abstract. *The author analyzes the practices of various forms of labor organization in Russian companies based on the results of the Russian part of the international study of human resource management practices CRANET (Cranfield Network on Comparative Human Resource Management), conducted in 2021. The results of the study revealed the differentiation of labor organization methods in different types of companies.*

Keywords: *labor organization, work schedule, forms of employment, remote work, human resource management, Russian organizations.*

About the author

Kira V. Reshetnikova – Candidate of Economic Sciences, Associate professor in The School of Contemporary Social Sciences, Lomonosov Moscow State University (1, Leninskiye Gory, Moscow, 119991, Russian Federation; e-mail: kv.reshetnikova@yandex.ru)

References

1. Gurkov I.B., Zelenova O.I., Saidov Z.B., Gol'dberg A.S. (2009). Personnel Management System at Russian Firms in the Mirror of International Comparison. World of Russia. Sociology, ethnology, 8(3), pp. 132–150. (in Russian).
2. Gurkov I., Zelenova O., Saidov Z. (2012). Mutation of HRM practices in Russia: an application of CRANET methodology. International Journal of Human Resource Management, 23(7), pp. 1289–1302.
3. Gurkov I. (2013). HRM in Russian industrial companies: an overview of past studies and new observations. The Journal of Comparative Economic Studies, 8, pp. 21–33.
4. Kabalina V., Zelenova O., Reshetnikova K. (2019). Contemporary Human Resource Management Practices in Russia: Flexibility under Uncertainty. International Studies of Management and Organization, 49(4), pp. 422–440.

УДК 316.4 / ББК 60.5

Рушева А.В., Китаев Н.С.

ТРУДНОСТИ И СТРАТЕГИИ НАЙМА МОЛОДЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ ПОКОЛЕНИЯ Z НА РЫНКЕ ТРУДА

Аннотация. *Анализ проблемы низкой мотивации работодателей брать на работу «зуммеров» указывает на 2 группы причин: одна связана с ценностями и установками соискателей, другая – с нереализованными ожиданиями работодателей о профессионально-личностных качествах представителей поколения Z.*

Ключевые слова: *рынок труда, найм, молодые специалисты, зуммеры, работодатель.*

Возможности социально-экономического развития страны в условиях рынка определяются рядом факторов, ключевым среди которых являются кадры. Обеспечение предприятий человеческими ресурсами связано не только с удовлетворением требований работодателя, но и с реализацией ожиданий при трудоустройстве самих работников. Особенно остро стоит вопрос с молодыми специалистами, выходящими на рынок труда в настоящее время. Речь идет о так называемом поколении «зуммеров», или, согласно теории Штрауса-Хау – «цифровых аборигенах». Данный подход популярен в самых разных областях знаний и имеет широкое практическое применение.

Анализ социологических исследований, посвященных изучению особенностей представителей поколения Z показывает, что их включение в социальную жизнь уже заметно и ощутимо. Так, в условиях развития информационного общества на рынке труда очень востребована цифровая грамотность зуммеров и их способности быстрого освоения новых технологий. Высокая степень динамичности внешней среды и необходимость инноваций определяют спрос на такие характеристики поколения Z, как ценность саморазвития, способность формировать навыки с помощью онлайн-ресурсов, гибкость, практичность и предпринимательское мышление. Отдельно нужно отметить готовность зуммеров к социальной ответственности, неравнодушие к социальным и экологическим проблемам.

В то же время сами работодатели указывают на серьезные проблемы в работе с такими сотрудниками. Ссылаясь на данные исследований, «60% из почти одной тысячи опрошенных компаний были вынуждены уволить нанятых менее года назад зуммеров и искать им замену среди более возрастных соискателей либо за счет внутренних перестановок», примерно 90% руководителей сошлись во мнении, что поколению 2000-х критически недостает «мягких навыков» – в первую очередь умения общаться с окружающими»[1]. Среди компаний, трудоустроивших в 2024 году выпускников учебных заведений, по данным ресурса Intelligent.com, только 25% указывают на положительный результат. Представители остальных работодателей причины неуспешного найма связывают с отсутствием у молодых сотрудников мотивации или инициативы (50%), недостатком профессионализма (46%), плохими коммуникативными навыками (39%), трудностями с обратной связью (38%) и неадекватными способностями решения проблем (34%)[2].

Если конкретизировать отрасли, в которых представители молодого поколения «находят себя», то лидирующие позиции занимают «продажи, обслуживание клиентов» (30,8%), «рабочий персонал» (20,5%), а также «транспорт, логистика, перевозки» и «розничная торговля» (по 18%)[3]. В то же время, по данным, размещенным на официальном сайте Министерства труда и социальной защиты РФ «…больше всего не хватает специалистов рабочих профессий – фрезеровщиков, сварщиков и слесарей. У этих же специалистов наблюдается самая высокая динамика зарплат.

[1] Поколение Z разочаровало работодателей. URL: https://expert.ru/v-mire/pokolenie-z-razocharovalo-rabotodateley/ (дата обращения:18.03.2025)

[2] 1 in 6 Companies Are Hesitant To Hire Recent College Graduates. URL: https://www.intelligent.com/1-in-6-companies-are-hesitant-to-hire-recent-college-graduates/

[3] Каких молодых специалистов ищут российские работодатели? URL https://nn.hh.ru/article/31226 (дата обращения: 19.03.2025)

Например, зарплата сварщика сегодня доходит до 250 000 руб. в центральной части России. Растет спрос и на высококвалифицированных специалистов – в первую очередь инженеров»[4].

Сами молодые люди (от 18 до 24 лет) ищут постоянную работу в должности менеджеров по продажам и работе с клиентами (5,8%), для подработки – продавца-консультанта или продавца-кассира (8,9%), администратора (6,2%) и официанта, бармена или бариста (5,1%). Как видим, совпадений немного, но есть, и наблюдаются они, преимущественно, в сфере услуг.

С одной стороны, то, что молодежь находит возможности для удовлетворения материальных потребностей, трудоустраиваясь и приобретая практический опыт и самостоятельность, является, безусловно, положительным моментом. С другой, ситуация намного сложнее, поскольку зачастую найденная работа – это работа не по специальности, которая не способствует развитию выбранной ранее профессии, а затраты на полученное образование неэффективны. Настораживающим при этом является и распространенное мнение руководителей о том, что главное – это наличие сотрудника, а работа найдется всегда. Они готовы нанимать работников без учета возраста и квалификации, обучать их прямо на рабочем месте.

На данный момент наиболее популярными стартовыми вакансиями являются позиции, на которых необходимы лишь базовые навыки и те, которые не предполагают глубоких профессиональных знаний[5]. Также заметим, что как для экономики, построенной на увеличении непроизводительного сектора сферы услуг, так и для обслуживающего ее персонала существуют более масштабные последствия, например, «ограничение прав собственности на используемые блага, коммерциализация социально значимых видов деятельности, недостаточная самореализация и обеднение жизни человека за счет избыточного разделения труда» [2].

Справедливо отметить, что каждому поколению присущи свои особенности мировоззрения и ценности, порождающие системные мотивации, поведенческие стереотипы. Большое значение при этом имеют личностные особенности, определяемые воспитанием, семьей, профессией, окружением [1]. Указанные выше проблемы трудоустройства поколения Z для большинства его представителей не следует воспринимать как недостатки. Более правильным будет формирование умения и желания увидеть потенциал молодых людей, признать их особенности и учиться взаимодействовать с ними.

В целях обеспечения конструктивного управления в «портрет» зуммера, кроме обозначенных характеристик, также следует включить: важность индивидуализма и самовыражения, быстрой и четкой обратной связи, отсутствие долгосрочных перспектив, установку на поиск своего пути и социальный комфорт, разнообразие жизни и получение удовольствия от нее, а не нацеленность на богатство и статус. Работа для сотрудника поколения Z должна быть в радость, приносить доход, но не отнимать много времени: «вкалывать» молодые людей не готовы [1]. Применение знаний о потребностях и ожиданиях начинающих свой трудовой путь работников будут способствовать более успешной адаптации в организации и плодотворной деятельности.

Определение путей решения проблемы через формирование стратегий найма, выгодных обеим сторонам трудовых отношений, вполне возможно. На основе знаний и практического опыта общения с представителями поколения Z вырабатываются конкретные управленческие рекомендации. Например, присущая им прагматичность и понимание ценности своего труда позволяет развивать собственный бизнес, с интересом решать проектные задачи. Учитывая стремление зуммеров сохранить больше свободы с позиции графика и объема работы, они часто становятся самозанятыми.

Заинтересованные в развитии организации руководители и, не боящиеся преград лидеры, научились справляться и с трудностями длительной концентрации внимания молодых людей, сформированным у них клиповым мышлением. Их основной совет при этом – ставить задачи максимально конкретно и коротко, лучше прописывать тезисно. Еще одним примером тактичного воздействия на представителей поколения «лайков», выросших в социальных сетях, является требуемое и привычное им социальное одобрение[6].

---

[4] Официальный сайт Министерства труда и социальной защиты РФ. URL: https://mintrud.gov.ru/employment/249 (дата обращения: 19.03.2025)

[5] Каких молодых специалистов ищут российские работодатели? URL https://nn.hh.ru/article/31226 (дата обращения: 19.03.2025)

[6] Работа с поколением Z: как их понимать и мотивировать. URL: https://saby.ru/articles/staff/pokoleniye_z_na_rabote (дата обращения: 21.03.2025).

В заключении отметим, что затронутая проблема несоответствия ожиданий и возможностей ключевых участников современного рынка труда имеет большое значение для будущего общества. В то же время доступность результатов эмпирических исследований и информационных технологий является для субъектов управления на всех уровнях благом и возможностью для нейтрализации всевозможных угроз.

У представителей поколения Z есть свои особенности, которые нужно и можно использовать работодателям при выстраивании социально-трудовых отношений и эффективного менеджмента. Приоритетными и значимыми задачами, которые возлагаются на руководителей и HR-специалистов становится поиск и последующее внедрение действенных и конструктивных подходов к управлению потенциалом зуммеров, основанных на знаниях их социальных качеств и психологии.

Библиографический список

1. Васютина Е.С., Матраева Л.В., Королькова Н.А. (2019). Проблемы трансформации поведенческой модели поколения Z // ЭКО. № 3 (537). С. 135–145.
2. Котляров И.Д. (2013). Негативные следствия роста экономики услуг // Известия ВУЗов. Серия: Экономика, финансы и управление производством. № 2(16). С. 83–90.

Информация об авторах

Рушева Анна Витальевна – кандидат социологических наук, доцент, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (Российская Федерация, 603000, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23; e-mail: avr0201@yandex.ru).

Китаев Никита Сергеевич – магистрант направления подготовки «Социальная работа», Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (Российская Федерация, 603000, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23, e-mail: nikitaev230@bk.ru)

Rusheva A.V., Kitaev N.S.

CHALLENGES AND STRATEGIES FOR HIRING GENERATION Z YOUNG PROFESSIONALS IN THE LABOR MARKET

Abstract. *An analysis of the problem of low motivation of employers to hire "buzzers" indicates 2 groups of reasons: one is related to the values and attitudes of applicants, the other – to the unfulfilled expectations of employers about the professional and personal qualities of representatives of generation Z.*

Keywords: *labor market, hiring, young professionals, buzzers, employer.*

About the authors

Anna V. Rusheva – PhD in Sociology, Associate Professor, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (23, pr. Gagarina, Nizhny Novgorod, 603000, Russian Federation; e-mail: avr0201@yandex.ru)

Nikita S. Kitaev – Master's student in the direction of training "Social work", National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (23, pr. Gagarina, Nizhny Novgorod, 603000, Russian Federation, e-mail: nikitaev230@bk.ru)

References

1. Vasyutina E.S., Matraeva L.V., Korolkova N.A. (2019). Problems of transformation of the behavioral model of generation Z. IVF, 3 (537), pp. 135–145.
2. Kotlyarov I.D. (2013). Negative consequences of the growth of the service economy. News of universities. Series: Economics, Finance and Production Management, 2 (16), pp. 83–90.

УДК 349.23/24 / ББК 67.405.1

Сатанова Е.А.

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРУДА ЛИЦ, РАБОТАЮЩИХ В РАЙОНАХ КРАЙНЕГО СЕВЕРА И ПРИРАВНЕННЫХ К НИМ МЕСТНОСТЯХ

Аннотация. *В настоящей работе анализируется ситуация регулирования труда лиц, работающих в районах, которые характеризуются суровым климатом, но, одновременно с этим, представляют важное экономическое значение для развития России. В связи с этим районы Крайнего Севера и приравненные к ним местности отличаются особенностями регулирования и стимулирования труда.*

Ключевые слова: *оплата труда, районы Крайнего Севера и приравненные к ним местности, льготы и гарантии, рабочее время, время отдыха.*

Территориальные масштабы Российской Федерации позволяют нам оценивать складывающиеся трудовые отношения с разных сторон, поскольку каждый субъект обладает исключительными особенностями в организации трудовой деятельности. Однако, несмотря на возможность самостоятельного регулирования трудовых отношений субъектами, трудовое законодательство распространяется на всю территорию России. В рассматриваемом вопросе особую важность имеет глава 50 Трудового Кодекса РФ [6], в которой прописаны специальные нормы для снижения негативного воздействия природно-климатических факторов на здоровье человека, а также для компенсации повышенных затрат труда и стоимости жизни на упомянутых территориях.

Районы Крайнего Севера и приравненные к ним местности представляют собой социально-экономическую зону в России, которая характеризуется экстремальными природно-климатическими условиями, неблагоприятными для жизни и хозяйственной деятельности человека [5]. Перечень местностей, относящихся к данной зоне, представлен в Постановлении Правительства РФ № 1946 от 16 ноября 2021 года [4].

На сегодняшний день одной из главных проблем в области регулирования труда на данных территориях является оплата труда работников. Особенности регулирования этого вопроса вытекают из того, что круглогодичный морозный климат и отдаленность от центральной России повышают затраты на обеспечение комфортной жизни. Цены на продукты в данных местностях завышены из-за отсутствия сильной конкуренции производителей. Например, Росстат подсчитал, что корзина одних и тех же продуктов в среднем по стране будет стоить примерно 4 300 руб., тогда как в Чукотском автономном округе – 10 900 руб. [5]. Разница наблюдается и на уровне стоимости отдельных видов товаров. Например, сахарный песок на Камчатке стоит дороже на 33% в сравнении со среднероссийским уровнем. Данные примеры иллюстрируют один из самых значимых негативных моментов, которые касаются жизни населения на обсуждаемых территориях. Очевидно, что, понижая цены, производители, занимающие гораздо меньший сегмент рынка в районах Крайнего Севера, в отличие от других местностей, не смогут обеспечить всех потребителей необходимыми товарами, поскольку это повлияет на неоправданное повышение спроса и приведет к инфляции. При этом на практике существующие гарантии в области оплаты труда не компенсируют затраты в полной мере.

Отдельное внимание нужно обратить на закрепление положений, касаемых оплаты труда, в Трудовом кодексе. Однако наличие статей, посвященных районным коэффициентам и процентным надбавкам, которые направлены в том числе на стимулирование привлечения рабочих к труду, не решает проблему. Это связано с отсутствием законодательного определения данных терминов, что влечет за собой непонимание со стороны граждан всех особенностей регулирования оплаты в районах Крайнего Севера. Большой перечень территорий, которые отнесены к регионам Крайнего Севера, не позволяет им, с учетом неблагоприятных

условий для жизни, получать субсидии из центра. Поэтому стоит рассмотреть вопрос о сокращении перечня данных регионов.

При сравнении заработной платы в центральной России и в районах Крайнего Севера приходим к выводу, что существует несоответствие ценам на рынке и заработной плате в различных частях страны. При этом дополнительные гарантии, предусмотренные на законодательном уровне, на деле, самостоятельно регулируются каждым субъектом и зачастую не компенсируют траты населения.

Данная проблема ведет к тому, что большая часть населения живет в средней полосе, а высококвалифицированные специалисты, которые работают в сферах, развивающихся на Севере, не едут туда из-за недостаточно высокой оплаты труда, несоотносимой с суровыми климатическими условиями.

Вторая проблема, которая вытекает из условий трудовой деятельности на данных территориях связана с гарантиями и компенсациями. Так, законодательно данный вопрос регулирует Закон РФ «О государственных гарантиях и компенсациях для лиц, работающих и проживающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях» от 19 февраля 1993 г. № 4520-1 [2], но при этом который не затрагивает вопрос определения размера гарантий и компенсаций на уровне субъектов и муниципалитетов. На уровнях ниже федерального регулирование происходит на основании актов соответствующих уровней. Это создает возможности для злоупотреблений. Также из упомянутого Закона исключено положение, которое регламентировало получение процентных надбавок молодежью до 30 лет с первого рабочего дня и уравнивало всех в получении данных надбавок. Это служит дестимулированием привлечения молодого поколения к работам в обсуждаемых регионах, поскольку снижает мотивацию к росту из-за отсутствия дополнительных материальных гарантий.

Несмотря на то, что статьей 313 ТК РФ определяется наличие государственных гарантий и компенсаций, дополнительное их введение лежит на плечах субъектов и органов МСУ, которые примут решение об этом только в том случае, если смогут заложить эти расходы в бюджет. Отсюда возникает ситуация нехватки средств для предоставления гарантий работающим в обсуждаемых районах. К тому же может сложиться ситуация, что в районах с более приемлемыми климатическими условиями будет возможность выделить дополнительные средства, тогда как работники аналогичной сферы, которые трудятся в более суровом по климату регионе, будут лишены такой возможности. В данном вопросе не уместно стремление к уравнительной тенденции.

Следствием существенных недостатков в оплате труда становится уменьшение числа рабочих, готовых на переезд в районы, представляющие ограниченные условия для комфортной жизни. Отсюда нехватка специалистов на производствах, которая мешает экономическому развитию данных территорий.

Отдельно стоит рассмотреть вопрос охраны здоровья в условиях выполнения трудовых функций в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях. Негативные тенденции здесь прослеживаются из-за того, что данные территории богаты полезными ископаемыми, добыча которых представляет собой тяжелый труд, сопровождаемый повышенным уровнем шума, вибраций, пылью. Это отрицательно сказывается на здоровье рабочего. Несмотря на развитие технологий, которые позволяют обезопасить труд в подобных условиях, проблема высокой заболеваемости в условиях, не отвечающим благоприятным, сохраняется.

Описанная выше проблема перетекает в обсуждение возможности обеспечить оказание последующей медицинской помощи. На практике отдаленность и маленькое количество медицинских учреждений не позволяют своевременно получить необходимую помощь в случае производственной травмы или болезни. Это создает страх для тех, кто только желает устроиться на работу в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях.

По статье 324 ТК РФ при приеме на работу обязательно наличие медицинского заключения. Несмотря на то, что заключение оплачивает работодатель, сложность заключается в отсутствии доступных медицинских учреждениях, что вследствие станет причиной затягивания процесса трудоустройства.

Отдельной проблемой станет и выплата пенсий, которые высчитываются отдельным усложненным способом и зависят сразу от нескольких факторов. Прежде всего, стоит обратить внимание, что вышеописанная проблема невысоких зарплат, сказывается и на пенсиях работников. Например, занятые в сельском хозяйстве, получающие ниже средней зарплаты по стране, не смогут рассчитывать на высокую пенсию даже с повышенным коэффициентом, который предполагается на указанных территориях.

Негативным моментом в контексте выплаты пенсий является ее сокращение в случае переезда на территорию, где районный коэффициент меньше или вовсе отсутствует. Также стоит учитывать, что коэффициент устанавливается отдельно, применительно к каждой местности и району, поэтому в каждом случае пенсия будет высчитываться индивидуально. На сегодняшний день данный коэффициент варьируется от 1,15 до 2, в зависимости от местности проживания.

Одной из обсуждаемых на сегодняшний день проблем является вопрос регулирования времени отдыха. Глава 50 ТК РФ затрагивает возможность ввести дополнительный выходной день, на который будет иметь право один из родителей ребенка до 16 лет, а также вопрос сокращенной рабочей недели для женщин. В целом, проблема времени отдыха в районах Крайнего Севера и в приравненных к ним местностях ведет к различию правового режима времени отдыха, который варьируется в зависимости от благоприятности климата и в каждом случае решается отдельно. Компенсация расходов на оплату стоимости проезда и провоза багажа к месту отпуска и обратно (ст. 325 ТК РФ) регулируется в случае трудоустройства в организации, финансируемые из федерального бюджета. Тогда как, не относящиеся к бюджетной сфере работодатели принимают самостоятельное решение о размере компенсации в данном вопросе. На практике это приводит к злоупотреблению и отказу в соразмерных затратам выплатах.

На сегодняшний день также имеется ряд проблем в сфере деятельности рабочих вахтового метода, который активно используется в районах Крайнего Севера и в приравненных к ним местностях [7]. Недостаточное урегулирование труда и стимулирование работников данной формы деятельности влечет за собой проблему отсутствия кадров, что не позволяет быстрее выполнять планы по улучшению инфраструктуры территорий, наносит вред здоровью, а также приносит психологическое неудовлетворение жизнью из-за длительного нахождения на вахте и особенностей труда.

Таким образом, проблемы, обозначенные в статье, имеют место на практике и обсуждаются. Однако быстрое их разрешение не представляется возможным, поскольку требует не только законодательного закрепления, но еще, например, средств на строительство медицинских учреждений, поиска статьи бюджета для выделения средств на дополнительные льготы и гарантии.

Стоит также отметить, что в статье рассматриваются именно существенные проблемы. Хотя существующие в законодательстве нормы не регулируют всех возникающих на практике вопросов, тем не менее многие моменты зафиксированы и подлежат изучению. Поэтому необходимо дальше разрешать указанные проблемы и улучшать регулирование труда в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях.

Библиографический список

1. Баранова И.С. (2016). Проблемы оплаты труда в районах Крайнего Севера и других северных районах // Молодой ученый. Т. 1. № 17(121). С. 63–67.
2. Закон РФ от 19 февраля 1993 г. «О государственных гарантиях и компенсациях для лиц, работающих и проживающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях» № 4520-I. URL: https://base.garant.ru/10102007/
3. О разнице цен на продукты питания в различных регионах России. URL: https://icss.ru/otrasli-i-ryinki/drugoe/o-raznitse-tsen-na-produkty-pitaniya-v-razlichnykh-regionakh-rossii
4. Постановление Правительства РФ от 16 ноября 2021 г. «Об утверждении перечня районов Крайнего Севера и местностей, приравненных к районам Крайнего Севера, в целях

предоставления государственных гарантий и компенсаций для лиц, работающих и проживающих в этих районах и местностях, признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации и признании не действующими на территории Российской Федерации некоторых актов Совета Министров СССР» № 1946. URL: https://base.garant.ru/403069486/
5. Севера крайнего районы и приравненные к ним местности (2017) // Большая российская энциклопедия. URL: https://old.bigenc.ru/geography/text/3543266
6. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ. URL: https://base.garant.ru/12125268/
7. Фаузер В.В., Назарова И.Г. (2011). Российский Север: проблемы работающих вахтовым методом и государственная политика переселений // Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskiy-sever-problemy-rabotayuschih-vahtovym-metodom-i-gosudarstvennaya-politika-pereseleniy//

Информация об авторе

Сатанова Екатерина Андреевна – студент Приволжского филиала российского государственного университета правосудия им. В.М. Лебедева (Российская Федерация, 603022, г. Нижний Новгород, пр-т Гагарина, д. 17А; e-mail: s4tanova@yandex.ru)

Satanova E.A.

PROBLEMATIC ISSUES OF LABOR REGULATION OF PERSONS WORKING IN THE FAR NORTH AND EQUIVALENT AREAS

Abstract. *This paper analyzes the situation of labor regulation of people working in areas that are conditioned by a harsh climate, but at the same time represent an important economic importance for the development of Russia. In this regard, the regions of the Far North and the areas equated to them differ in the peculiarities of labor regulation and stimulation.*

Keywords: *wages, regions of the Far North and equivalent areas, benefits and guarantees, working hours, rest time.*

About the author

Ekaterina A. Satanova – Student at the Volga Region branch of the Federal State Budget-Funded Educational Institution of Higher Education “Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev” (17A, Gagarin Avenue, Nizhny Novgorod, 603022, Russian Federation; e-mail: s4tanova@yandex.ru)

References

1. About the difference in food prices in different regions of Russia. URL: https://icss.ru/otrasli-i-ryinki/drugoe/o-raznitse-tsen-na-produkty-pitaniya-v-razlichnykh-regionakh-rossii// (in Russian).
2. Baranova I.S. (2016). Problems of remuneration in the Far North and other northern regions. Young scientist, 17(121), pp. 63–67. (in Russian).
3. Decree of the Government of the Russian Federation of November 16, 2021 No. 1946 “On Approval of the List of Regions of the Far North and Localities Equated to the Regions of the Far North in order to Provide State Guarantees and Compensations for Persons Working and Living in these Regions and Localities, Invalidation of Certain Acts of the Government of the Russian Federation and Recognition as Not Valid on territories of the Russian Federation of certain acts of the Council of Ministers of the USSR”. Available at: https://base.garant.ru/403069486/ (in Russian).
4. Fauzer V.V., Nazarova I.G. (2011). The Russian North: problems of shift workers and the state policy of resettlement. Corporate governance and innovative development of the economy of the North. Bulletin of the Scientific Research Center for Corporate Law, Management and Venture

Investment Syktyvkar State University, 2. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskiy-sever-problemy-rabotayuschih-vahtovym-metodom-i-gosudarstvennaya-politika-pereseleniy// (in Russian).
5. Labor Code of the Russian Federation of December 30, 2001 No. 197-FZ. URL: https://base.garant.ru/12125268/ (in Russian).
6. The Law of the Russian Federation of February 19, 1993 No. 4520-I "On state guarantees and compensations for persons working and living in the Far North and equivalent areas". Available at: https://base.garant.ru/10102007/ (in Russian).
7. The north of the extreme regions and areas equated to them (2017). Great Russian Encyclopedia. Available at: https://old.bigenc.ru/geography/text/3543266// (in Russian).

УДК 331.522 / ББК 65.240

Фетюков А.В.

КОМПЕТЕНЦИИ МОЛОДЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ В РАКУРСЕ ТРАНСФОРМАЦИИ РЫНКА ТРУДА (НА ДАННЫХ РЕГИОНАЛЬНОГО МОНИТОРИНГА)

Аннотация. *В статье анализируются компетенции молодых специалистов. Выявлено, что работающие по специальности молодые специалисты имеют более высокий уровень развития компетенций чем те, которые работают не по специальности. Однако в динамике уровень развития компетенций молодых специалистов снижается, что несет на себе риски для молодежи стать аутсайдерами на рынке труда.*

Ключевые слова: *компетенции, молодые специалисты, работа по специальности.*

Сегодня сфера труда и занятости в России и в мире проходит проверку на прочность. Глубокое проникновение в производственную сферу промышленного Интернета, искусственного интеллекта, 3D печати и аддитивных технологий меняют содержание труда, активизация промышленной и научно-инновационной политики государства под давлением санкций стимулирует устойчивый спрос на поиск высококвалифицированных кадров и создание условий для обновления навыков. В связи с этим, внимание общества приковано к вопросам молодежной занятости, поскольку от молодых специалистов, как от наиболее перспективной (и в то же время наиболее уязвимой) части рабочей силы, ожидается максимальная реализация их трудового потенциала, который позволит осуществить модернизацию экономики на новой технологической основе.

Кроме технических навыков сегодня актуальны и компетенции более широкого профиля. По словам экспертов, работодателями все чаще становятся востребованы компетенции, связанные с инновационным мышлением, навыками наставничества, лидерскими качествами, умением решать проблемы [1]. Широко востребованы «эффективные коммуникации»; управленческие навыки и работа в команде; творчество; системность; развитие; профессиональная этика; грамотная речь; готовность к обучению и развитию и т. д. [2; 3] Это те компетенции, которые сегодня становятся востребованными на отечественном рынке труда у молодых специалистов. Цель нашего исследования заключается в анализе компетенций молодежи на основе данных Вологодской области в ракурсе трансформации рынка труда. Мы предлагаем расширить предложенный ранее в исследованиях ФГБУН ВолНЦ РАН комбинированный подход к исследованию компетенций, позволяющий выделить базисные компетенции, связанные с физическим здоровьем, знаниями и эрудицией, общей культурой и интерактивные компетенции, связанные с проявляемыми морально-нравственными качествами индивида, его взаимодействием с другими людьми, а также установками на повышение квалификации, творческий труд [4]. Такой подход позволяет рассмотреть уровень развития компетенций через призму универсальной оценки соответствия требованиям рабочих мест, абстрагировавшись от узкопрофессиональных навыков, но при этом учитывая отраслевые и квалификационные особенности профессиональной деятельности индивида. Эмпирической базой исследования послужили данные мониторингового исследования качества трудового потенциала населения, проводимого ФГБУН ВолНЦ РАН на территории Вологодской области на регулярной основе. Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Кодирование переменных и обработка полученных данных осуществлялась в программе SPSS методом частотного распределения признаков и построения таблиц сопряженности. Хронология исследования охватывает период с 2003 по 2024 гг. В качестве объекта исследований нами были выделены, в соответствии с социоструктурным подходом, начинающие трудовой путь молодые специалисты до 35 лет включительно, на момент исследования, занятые по найму, со стажем работы до 2–3 лет.

У молодых специалистов (МС), работавших по специальности в 2024 году, оказались более развиты практически все базисные и интерактивные компетенции (*табл. 1*). Более высокий уровень компетенций, связанных с творческим трудом и высокой квалификацией, может быть объясним профессиональными различиями, поскольку среди этих молодых специалистов больше работников вспомогательного персонала, которые заняты выполнением рутинных обязанностей, но творчество и квалификация может проявляться на разных уровнях, оптимизация и рационализация таких обязанностей могли бы быть востребованными, как и креативность молодых специалистов-работников. Также от таких молодых специалистов можно было бы ожидать более высокого уровня физического здоровья и устойчивости к нагрузкам, поскольку они чаще имеют дело с физическим трудом или операциями, требующими повышенной концентрации внимания.

Таблица 1. **Распределение ответов на вопрос: «Каких качеств от человека требует то дело, которым вы занимаетесь?», % от числа опрошенных, 2024 год**

Тип компетенций	Вариант ответа	МС с работой по специальности	МС с работой не по специальности
Базисные компетенции			
Хорошее физическое здоровье и самочувствие	Совсем не важно	0,0	0,0
	Более или менее важно	10,0	10,7
	Достаточно важно	40,0	48,2
	Очень важно	50,0	41,1
Высокая устойчивость к нагрузкам (работа нервная)	Совсем не важно	2,0	3,6
	Более или менее важно	10,0	25,0
	Достаточно важно	40,0	42,9
	Очень важно	48,0	28,6
Разносторонние знания, большая эрудиция, высокая квалификация	Совсем не важно	6,0	16,1
	Более или менее важно	14,0	28,6
	Достаточно важно	44,0	44,6
	Очень важно	36,0	10,7
Высокая общая культура (хорошо воспитанный, вежливый, сдержанный, всегда хорошо выглядит)	Совсем не важно	2,0	12,5
	Более или менее важно	12,0	16,1
	Достаточно важно	50,0	48,2
	Очень важно	36,0	23,2
Интерактивные компетенции			
Высокие морально-нравственные качества	Совсем не важно	2,0	8,9
	Более или менее важно	18,0	21,4
	Достаточно важно	42,0	44,6
	Очень важно	38,0	25,0
Общительность, умение ладить с людьми	Совсем не важно	2,0	1,8
	Более или менее важно	12.0	17,9
	Достаточно важно	44,0	51,8
	Очень важно	42,0	28,6
Стремление к повышению по службе, стремление к повышению квалификации	Совсем не важно	4,0	12,5
	Более или менее важно	22,0	32,1
	Достаточно важно	44,0	42,9
	Очень важно	30,0	12,5
Наличие творческих способностей (изобретение, создание нового, решение неизвестных ранее задач и т. д.)	Совсем не важно	6,0	16,1
	Более или менее важно	14,0	28,6
	Достаточно важно	44,0	44,6
	Очень важно	36,0	10,7

Источник: здесь и далее приводятся данные мониторинга качества трудового потенциала населения Вологодской области, ФГБУН ВолНЦ РАН.

Обращает на себя внимание более низкий уровень компетенций общей культуры, общительности и высоких морально-нравственных качеств. Это значит, что среди молодых специалистов, работающих не по специальности, в целом, больше людей с низкими личными качествами и навыками социального взаимодействия. Эти различия трудно объяснить пространственными особенностями проживания таких молодых специалистов – 89,3% проживают в городской местности, 55,4% – в ядрах городских агломераций (крупных городах). 67,3% данной категории имеют оконченное среднее или высшее образование или незаконченное высшее (не менее 3 курсов), что несколько ниже показателя работающих по специальности (76,0%). Однако именно наличие в этой группе молодых специалистов с прерванным образовательным треком (к слову, среди молодых специалистов-работников по специальности таких респондентов не было совсем), говорит, что одним из факторов различия в компетенциях является результат профессиональной подготовки. Другие исследования показывают, что на готовность к работе по специальности, среди прочих факторов, оказывает влияние уровень развития компетенций на этапе получения образования [5]. В динамике уровень развития большинства компетенций молодежи обеих групп снизился (*табл. 2*).

Таблица 2. **Распределение ответов на вопрос: «Каких качеств от человека требует то дело, которым вы занимаетесь?», % от числа опрошенных, в динамике**

Тип навыков	Вариант ответа	Молодые специалисты, 2003 г.	Молодые специалисты, 2014 г.	Молодые специалисты, 2024 г.
Базисные компетенции				
Хорошее физическое здоровье и самочувствие	Совсем не важно	2,7	3,3	0,0
	Более или менее важно	15,2	14,8	10,4
	Достаточно важно	35,7	57,4	44,3
	Очень важно	46,4	24,6	45,3
Высокая устойчивость к нагрузкам (работа нервная)	Совсем не важно	4,0	3,3	2,8
	Более или менее важно	19,6	19,7	17,9
	Достаточно важно	40,2	41,0	41,5
	Очень важно	36,2	36,1	37,7
Разносторонние знания, большая эрудиция, высокая квалификация	Совсем не важно	9,8	9,8	6,6
	Более или менее важно	18,3	21,3	23,6
	Достаточно важно	44,6	42,6	43,4
	Очень важно	27,2	26,2	26,4
Наличие высокой общей культуры (хорошо воспитанный, вежливый, сдержанный, всегда хорошо выглядит)	Совсем не важно	7,1	6,6	7,5
	Более или менее важно	17,0	8,2	14,2
	Достаточно важно	39,7	36,1	49,1
	Очень важно	36,2	49,2	29,2

Интерактивные компетенции				
Высокие морально-нравственные качества	Совсем не важно	7,6	3,3	5,7
	Более или менее важно	15,6	14,8	19,8
	Достаточно важно	43,3	42,6	43,4
	Очень важно	33,5	39,3	31,1
Общительность, умение ладить с людьми	Совсем не важно	4,0	3,3	1,9
	Более или менее важно	9,8	6,6	15,1
	Достаточно важно	36,2	34,4	48,1
	Очень важно	50,0	55,7	34,9
Стремление к повышению по службе, стремление к повышению квалификации	Совсем не важно	5,8	9,8	8,5
	Более или менее важно	24,1	26,2	27,4
	Достаточно важно	38,8	44,3	43,4
	Очень важно	31,3	19,7	20,8
Наличие творческих способностей (изобретение, создание нового, решение неизвестных ранее задач и т. д.)	Совсем не важно	15,6	18,0	11,3
	Более или менее важно	25,9	16,4	21,7
	Достаточно важно	32,6	42,6	44,3
	Очень важно	25,9	23,0	22,6

Структурная перестройка народного хозяйства и перераспределение рабочей силы из обрабатывающей промышленности и сельского хозяйства в сферу услуг уже однажды привели к изменению требований к компетенциям работников. Поскольку сфера услуг функционирует по модели «человек–человек», то она более требовательна к коммуникативным навыкам и общей культуре работников. Любую услугу приятно получать от вежливого и хорошо выглядящего сотрудника, чем от неприветливого или неаккуратно одетого, независимо от его рода деятельности и должностного положения. В 2014 году уровень развития базисных и интерактивных компетенций вырос, адаптировавшись к требованиям рынка труда, и по некоторым позициям весьма значительно. Дальнейшие трансформационные процессы занятости, связанные с проникновением платформенного, временного и дистанционного труда, размыли их значимость. Поэтому уровень развития компетенций молодых специалистов в 2024 году снизился, а уменьшение доли ответивших что те или иные компетенции для них не важны происходило за счет перераспределения среди усредненных вариантов ответа. Аналогично изменились тактические планы молодых специалистов, показывающие намерения развивать компетенции в ближайшем будущем, причем не только в разрезе занятости по специальности, но и в динамике (*табл. 3 и 4*).

Таблица 3. **Распределение ответов на вопрос: «Что из перечисленного входит в ваши намерения?», в % от числа опрошенных, 2024 год**

Намерение	Вариант ответа	МС с работой по специальности	МС с работой не по специальности
Базисные компетенции			
Подлечиться, поправить свое здоровье	Нет, это не входит в мои планы	26,0	23,2
	Может быть, еще не знаю	34,0	39,3
	Это входит в мои планы	40,0	37,5
Повысить уровень своих знаний, стать эрудированным человеком	Нет, это не входит в мои планы	14,0	14,3
	Может быть, еще не знаю	48,0	50,0
	Это входит в мои планы	38,0	35,7
Повысить свой культурный уровень	Нет, это не входит в мои планы	20,0	25,0
	Может быть, еще не знаю	48,0	53,6
	Это входит в мои планы	32,0	21,4
Укрепить свою нервную систему	Нет, это не входит в мои планы	26,0	23,2
	Может быть, еще не знаю	36,0	46,4
	Это входит в мои планы	38,0	30,4
Интерактивные компетенции			
Продвинуться по службе, сделать карьеру	Нет, это не входит в мои планы	16,0	17,9
	Может быть, еще не знаю	34,0	51,8
	Это входит в мои планы	50,0	30,4
Стать высококлассным специалистом	Нет, это не входит в мои планы	10,0	19,6
	Может быть, еще не знаю	42,0	50,0
	Это входит в мои планы	48,0	30,4
Заняться (продолжать заниматься) творческим трудом	Нет, это не входит в мои планы	38,0	46,4
	Может быть, еще не знаю	36,0	35,7
	Это входит в мои планы	26,0	17,9
Заняться предпринимательской деятельностью, открыть свое дело, стать фермером и т. д.	Нет, это не входит в мои планы	20,0	26,8
	Может быть, еще не знаю	46,0	46,4
	Это входит в мои планы	34,0	26,8
Заняться общественно-политической деятельностью, возможно, стать депутатом, одним из лидеров партии, движения, профсоюза и т. д.	Нет, это не входит в мои планы	46,0	50,0
	Может быть, еще не знаю	36,0	32,1
	Это входит в мои планы	18,0	17,9
Добиться высокого материального положения (богатства)	Нет, это не входит в мои планы	22,0	17,9

	Может быть, еще не знаю	34,0	35,7
	Это входит в мои планы	44,0	46,4
Добиться общественного признания (награды, знаки отличия)	Нет, это не входит в мои планы	26,0	35,7
	Может быть, еще не знаю	40,0	46,4
	Это входит в мои планы	34,0	17,9
Расширить круг общения, обзавестись большим числом друзей, знакомых	Нет, это не входит в мои планы	26,0	30,4
	Может быть, еще не знаю	38,0	39,3
	Это входит в мои планы	36,0	30,4
Занять высокое положение в обществе	Нет, это не входит в мои планы	28,0	21,4
	Может быть, еще не знаю	46,0	57,1
	Это входит в мои планы	26,0	21,4

Таблица 4. **Распределение ответов на вопрос: «Что из перечисленного входит в ваши намерения?», в % от числа опрошенных, в динамике**

Намерение	Вариант ответа	Молодые специалисты, 2003 г.	Молодые специалисты, 2014 г.	Молодые специалисты, 2024 г.
Базисные компетенции				
Подлечиться, поправить свое здоровье	Нет, это не входит в мои планы	18,8	23,0	24,5
	Может быть, еще не знаю	44,6	55,7	36,8
	Это входит в мои планы	36,6	21,3	38,7
Повысить уровень своих знаний, стать эрудированным человеком	Нет, это не входит в мои планы	9,4	1,6	14,2
	Может быть, еще не знаю	36,2	39,3	49,1
	Это входит в мои планы	54,5	59,0	36,8
Повысить свой культурный уровень	Нет, это не входит в мои планы	16,5	16,4	22,6
	Может быть, еще не знаю	45,1	47,5	50,9
	Это входит в мои планы	38,4	36,1	26,4
Укрепить свою нервную систему	Нет, это не входит в мои планы	24,1	26,2	24,5
	Может быть, еще не знаю	43,3	50,8	41,5
	Это входит в мои планы	32,6	23,0	34,0
Интерактивные компетенции				
Продвинуться по службе, сделать карьеру	Нет, это не входит в мои планы	6,7	6,6	17,0
	Может быть, еще не знаю	32,6	34,4	43,4

	Это входит в мои планы	60,7	59,0	39,6
Стать высококлассным специалистом	Нет, это не входит в мои планы	9,4	4,9	15,1
	Может быть, еще не знаю	42,0	32,8	46,2
	Это входит в мои планы	48,7	62,3	38,7
Заняться (продолжать заниматься) творческим трудом	Нет, это не входит в мои планы	45,5	37,7	42,5
	Может быть, еще не знаю	33,9	44,3	35,8
	Это входит в мои планы	20,5	18,0	21,7
Заняться предпринимательской деятельностью, открыть свое дело, стать фермером и т. д.	Нет, это не входит в мои планы	29,9	36,1	23,6
	Может быть, еще не знаю	43,8	45,9	46,2
	Это входит в мои планы	26,3	18,0	30,2
Заняться общественно-политической деятельностью, возможно, стать депутатом, одним из лидеров партии, движения, профсоюза и т. д.	Нет, это не входит в мои планы	54,9	55,7	48,1
	Может быть, еще не знаю	28,6	37,7	34,0
	Это входит в мои планы	16,5	6,6	17,9
Добиться высокого материального положения (богатства)	Нет, это не входит в мои планы	5,8	3,3	19,8
	Может быть, еще не знаю	22,8	44,3	34,9
	Это входит в мои планы	71,4	52,5	45,3
Добиться общественного признания (награды, знаки отличия)	Нет, это не входит в мои планы	22,3	25,0	31,1
	Может быть, еще не знаю	47,8	58,3	43,4
	Это входит в мои планы	29,9	16,7	25,5
Расширить круг общения, обзавестись большим числом друзей, знакомых	Нет, это не входит в мои планы	7,1	3,3	28,3
	Может быть, еще не знаю	31,7	42,6	38,7
	Это входит в мои планы	61,2	54,1	33,0
Занять высокое положение в обществе	Нет, это не входит в мои планы	12,5	22,2	24,5
	Может быть, еще не знаю	42,0	51,9	51,9
	Это входит в мои планы	45,5	25,9	23,6

Такие установки на развитие компетенций свидетельствуют о том, что образовательный и профессиональный потенциал молодых специалистов не развивается, а деградирует. Меньше всего молодые специалисты планируют развивать компетенции, которые в будущем будут пользоваться высоким спросом. Например, желание занять высокое положение в обществе и добиться общественного признания (компетенции лидерства), намерение открыть собственное дело (предпринимательские компетенции), намерение заняться творческим трудом (креативные компетенции). Особенно актуально это для молодых специалистов, работающих по специальности, поскольку они чаще работают в отраслях, требующих обновления навыков (здравоохранение, обрабатывающая промышленность), а возможностей в условиях организации для этого у них больше. Складывающаяся ситуация демонстрирует необходимость внедрить новую организационную модель управления развитием компетенций молодых специалистов на основе методической системы диагностики профессиональных компетенций.

Библиографический список

1. Какие люди нужны искусственному интеллекту. URL: https://econs.online/articles/ekonomika/kakie-lyudi-nuzhny-iskusstvennomu-intellektu/
2. Рудской А.И., Боровков А.И., Романов П.И., Киселева К.Н. (2017). Инженерное образование: мировой опыт подготовки интеллектуальной элиты. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та. 216 с.
3. Топ востребованных навыков молодого специалиста. URL: https://spb.hh.ru/article/31231
4. Устинова К.А. (2014). Исследование компетенций населения // Проблемы развития территории. № 6(74). С. 73–82.
5. Фетюков А.В., Леонидова Г.В. (2024). Готовность к трудоустройству по профессии (на данных опроса выпускников педагогических направлений подготовки) // Социальное пространство. Т. 10. № 1. DOI: 10.15838/sa.2024.1.41.4

Информация об авторе

Фетюков Александр Васильевич – младший научный сотрудник, аспирант Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Вологодский научный центр Российской академии наук» 3 курса очной формы обучения (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: s.fet94@rambler.ru).

Fetyukov A.V.

COMPETENCES OF YOUNG PROFESSIONALS IN SIGHT OF LABOR MARKET TRANSFORMATION (USING REGIONAL MONITORING DATA)

Abstract. *The article deals with analyze the competencies of young professionals. Young professionals who working in their specialty have a higher level of competence than those who do not work in their specialty. Moreover, the level of competence of young professionals is decreasing in dynamics, which carries the risk of young people becoming outsiders in the labor market.*

Keywords: *competencies, young professionals, work in the specialty.*

About the author

Aleksandr V. Fetyukov – Junior Researcher and the 3rd course Postgraduate Student at the Federal State Budgetary Institution of Science “Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences” (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: s.fet94@rambler.ru).

References

1. Fetyukov A.V., Leonidova G.V. (2024). Readiness for employment in the profession (based on the survey of graduates of pedagogical training areas). Social space, 10(1). DOI: 10.15838/sa.2024.1.41.4 (in Russian).
2. Rudskoy A.I., Borovkov A.I., Romanov P.I., Kiseleva K.N. (2017). Engineering education: world experience in training the intellectual elite. St. Petersburg: Publishing house of the Polytechnic University. 216 p. (in Russian).
3. Top in-demand skills of a young professional. Available at: https://classinform.ru/bbk/65.240.html (in Russian).
4. Ustinova K.A. (2014). Study of population competencies. Problems of territorial development, 6(74), 73–82. (in Russian).
5. What kind of people does artificial intelligence need. Available at: https://econs.online/articles/ekonomika/kakie-lyudi-nuzhny-iskusstvennomu-intellektu/ (in Russian).

УДК 332.1/ББК 65.4

Шаленкова Е.В.

СОВРЕМЕННЫЕ ТРЕНДЫ НА РЫНКЕ В РОЗНИЧНОМ СЕГМЕНТЕ ФАРМАЦЕВТИЧЕСКОГО РЫНКА ТРУДА: НАЦИОНАЛЬНЫЙ, РЕГИОНАЛЬНЫЙ И ОТРАСЛЕВОЙ УРОВНИ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА КАЧЕСТВО РАБОТЫ АПТЕЧНЫХ СЕТЕЙ

Аннотация. *В статье рассматривается многоуровневая оценка фармацевтического рынка труда, акцентируется внимание на национальном, региональном и отраслевом уровнях. Основные проблемы включают отсутствие национальных проектов и монополию аптечных сетей. Стратегия «Фарма-2030» не включает инициатив для розничной фармацевтики, что ведет к оттоку кадров. Прогнозируется, что к 2025 году дефицит специалистов усугубится, и потребует от работодателей улучшения условий труда. Региональные различия зависят от численности образовательных учреждений и уровня развития аптечных сетей. Исследование подчеркивает важность государственной кадровой политики для обеспечения здоровья населения и потребностей рынка.*

Ключевые слова: *аптечная сеть, фармацевтический рынок труда, фармацевты, провизоры.*

Современные тренды на розничном фармацевтическом рынке труда можно рассмотреть на трех уровнях: национальном, региональном и отраслевом. На всех трех указанных уровнях наблюдаются несколько ключевых направлений, которые важны для понимания текущих реалий данного сектора. Следует напомнить, что ключевым звеном на фармацевтическом рынке труда являются фармацевтические работники (фармацевты и провизоры), которые имеют право работать с лекарственными препаратами, в том числе продавать их населению и давать консультации по их подбору в соответствии с проблемой пациента (покупателя) и рациональному применению. Говоря о розничном фармацевтическом рынке, нужно отметить, что он представлен в основном аптечными организациями, объединенными в аптечные сети, задачей которых является розничная торговля лекарственными препаратами.

На национальном уровне наблюдается тенденция, глобально влияющая на состояние фармацевтического рынка труда: во-первых, неравнозначное отношение к сфере розничной фармации и к сфере промышленной фармации; во-вторых, неравнозначное отношение к фармацевтическим работникам и медицинским работникам, в то время, как и те и другие ответственны за национальное здоровьесбережение.

На отраслевом уровне – это тенденция к монополии аптечных сетей на розничном фармацевтическом рынке и связанных с ней негативных тенденций на рынке труда.

В сфере промышленной фармации действует запущенная в 2023 году Стратегия развития фармацевтической промышленности Российской Федерации до 2030 года. Стратегические задачи «Фарма-2030» включают в себя: содействие развитию производства лекарственных препаратов и их экспорта, формированию квалифицированных кадров для фармацевтической отрасли, ликвидации административных препятствий и ускорению внедрения инновационных технологий. Развитие стратегических задач «Фарма-2030» способствует оттоку работников из розничного сектора фармацевтической отрасли на фармацевтические производства, например, на должность оператора оборудования участка по производству стерильных лекарственных форм, специалиста по обеспечению качества процесса производства лекарств в твердой форме и др., где заработные платы выше, а сфера активно развивается.

Национальные проекты или стратегии развития в сфере розничного фармацевтического рынка не были утверждены, и, на сегодняшний момент, наблюдается монополия аптечных сетей, которые, в свою очередь, негативно влияют на рынок труда. Из главных негативных влияний можно отметить набор в штат сотрудников, не имеющих права фармацевтической деятельности: медицинских сестер или работников не из сферы здравоохранения [8, 2].

При этом набор на фармацевтические специальности продолжает стабильно снижаться, особенно падает престиж высшего фармацевтического образования по специальности «Фармация». В 2024 году значительная часть из 54 профильных высших учебных заведений не достигла целевых показателей по набору на бюджетные места [4]. Данная ситуация обусловлена демографическим спадом, общим снижением числа выпускников школ, и, несомненно, падением престижа профессии провизора, который в аптечных организациях в существующих условиях выполняет те же функции, что и фармацевт – работник со средним фармацевтическим образованием. Распоряжение Правительства РФ № 378-р от 18 февраля 2025 г. установило требования по целевому бесплатному обучению и сформировало квоты на 2025 год: специальность «Фармация» – 15% (снижены на 5%); специальность «Фармацевтическая технология» – 20% (снижены на 30%); специальность «Управление и экономика фармацевтики» – 20% (снижены на 30%). Для того, чтобы покрыть дефицит кадров аптечные сети вместо сотрудничества с образовательными организациями, нанимают лиц без права фармацевтической деятельности [4]. Таким образом формируется замкнутый круг: нехватка фармацевтических работников – падение престижа профессии провизора – отток провизоров из розничной фармации – нехватка фармацевтических работников. Также очевидно, что на национальном уровне государство не спешит решать кадровые вопросы аптечных сетей за счет так называемых студентов-целевиков. Студент-целевик – это студент, который обучается по программе целевого обучения. Целевое обучение – форма получения образования, при которой студент учится в вузе или в колледже, а за него платит государство (если обучение по квоте) или заказчик. Это может быть государственное ведомство, компания, связанная с государством, или частная организация. При этом государство сократило сроки получения среднего фармацевтического образования с 4 до 2 лет.

Работодатели розничной фармации также столкнулись с вызовами, связанными с удержанием как фармацевтических работников, так и просто компетентных сотрудников (медицинских сестер). Из-за того, что они были переобучены на фармацевтов по сокращенной программе, они могут не пройти периодическую аккредитацию и не получить права дальнейшей работы. Прогнозируется, что в 2025 году конкуренция за талантливых специалистов, в особенности в розничной фармацевтической сфере, будет усиливаться. К 2026 году дефицит фармацевтов в России может достичь 30% [5]. Также в 2025 году прогнозируется отток фармацевтических работников из отрасли из-за страха непрохождения периодической аккредитации. Дело в том, что до конца 2025 года все специалисты в области фармации обязаны пройти аккредитацию, являющуюся основанием для осуществления профессиональной деятельности. Внедрение данной системы происходит уже в течение 7 лет. Несмотря на это, у значительной части специалистов вызывает беспокойство процедура периодической аккредитации, которая заменила традиционную сертификацию.

Следует вспомнить и то, что на национальном уровне отмечается неодинаковое отношение к развитию медицинских и фармацевтических кадров. Национальный проект «Кадры» является федеральной инициативой, направленной на оптимизацию ситуации на рынке труда в контексте нехватки квалифицированных кадров. Реализация проекта стартовала 1 января 2025 года и продлится до 2030 года. Среди причин кадрового голода были отмечены: продолжающийся демографический кризис, отток молодежи в более высокооплачиваемые отрасли. Основной задачей проекта стала подготовка необходимого количества специалистов для ключевых секторов экономики. Однако розничная фармация и фармацевтические кадры не вошли в данный список. Также стартовал национальный проект «Здравоохранение», который направлен на решение вопроса с кадровым дефицитом в медицинских организациях. В его рамках действует Федеральный проект «Обеспечение медицинских организаций системы здравоохранения квалифицированными кадрами», но фармация в этот проект не вошла.

В целом, в 2024 году розничный фармацевтический сектор в России продемонстрировал рекордно низкий уровень безработицы. Основные причины этого тренда – рост аптечных сетей за счет открытия новых торговых точек, и для работы новых точек нужен персонал. В 2025 году в Российской Федерации с высокой вероятностью этот дефицит сохранится, а, возможно, усилится: как уже упоминалось, к основным факторам, обуславливающим данную

ситуацию, относятся демографические тенденции, а также миграция молодых специалистов в сферы деятельности с более высоким уровнем заработной платы. Для привлечения и удержания персонала работодатели, вероятно, будут продолжать практиковать повышение оплаты труда, расширение социальных льгот, внедрение гибких схем рабочего времени, а также предоставление дополнительных бонусов (согласно данным компании Antal Talent).

Среди других тенденций следует отметить сокращение сроков поиска новой работы. Почти 40% опрошенных специалистов нашли новую работу менее чем за месяц, что существенно превышает показатели предыдущих лет (2022–2023), когда этот показатель составлял 30%. Отмечается также высокая готовность сотрудников к переменам. Лишь 23% участников опроса не были настроены на смену работы. Рынок труда демонстрирует определенную неустойчивость. Каждый пятый сотрудник аптечной сети (22%) активно искал новую работу, что указывает на необходимость для работодателей уделять больше внимания улучшению условий труда и перспективам карьерного роста, а также снизить нагрузку на персонал или повысить им заработную плату. При этом остается актуальной практика переманивания персонала: более половины сотрудников (58%), получивших встречное предложение от текущего работодателя, приняли решение остаться в компании.

Наконец, при увольнении меняются приоритеты. На первое место вышла проблема баланса между работой и личной жизнью. Ранее основными причинами ухода служили отсутствие перспектив карьерного роста, неинтересные задачи и недостаточная материальная мотивация.

На региональном уровне национальные и отраслевые проблемы фармацевтического рынка труда сохраняются, однако степень их выраженности зависит от ситуации в регионе: наличия в регионе образовательных организаций, выпускающих фармацевтические кадры, степени развития и экспансии аптечных сетей, наличия фармацевтических кластеров или фармацевтических производств (куда происходит отток фармацевтических кадров) внимания местных контролирующих организаций к обеспеченности аптечных сетей фармацевтическим персоналом (которую можно проверить в Федеральном регистре медицинских работников (ФРМР); цель ФРМР – учет сведений о кадровом обеспечении медицинских организаций).

На региональном уровне аптечные сети стремятся адаптироваться к местным рынкам. Важно отметить, что в некоторых регионах наблюдается тенденция к миграции квалифицированных кадров в регионы с более высокой заработной платой. Таким регионом является, например, Нижегородская область: отток фармацевтических кадров происходит в Москву и Санкт-Петербург [6].

По данным портала ГородРабот.ру, средняя зарплата «гибридного работника» фармацевта-провизора в нижегородской области за 2025 год составила 63 050 руб. [6]. Для сравнения, средняя зарплата «гибридного работника» фармацевта-провизора в России за 2025 год – 99 740 руб. Количество вакансий фармацевтов-провизоров в 2024 году выросло в Нижегородской области на 51% (по данным HeadHunter), тогда как по стране – на 11%. Поэтому в Нижегородской области дефицит кадров в данной сфере один из самых высоких. Таким образом, на отраслевом рынке проблемой является качество кадрового состава фармацевтических работников и их компетентность: в условиях острого дефицита персонала требования к квалификации персонала снижается, в результате чего в регионе падает качество оказываемых услуг, и это негативно влияет на здоровьесбережение населения в регионе. Согласно перечню оказываемых фармацевтических услуг (Всероссийский союз пациентов), выявлено, что среди рекомендованных первостольниками препаратов к числу тропных при состоянии пациента, о котором он заявлял в своем запросе по лечению, относятся лишь 60,3% препаратов [3].

Таким образом, в фармацевтической отрасли присутствует огромная проблема, связанная с дефицитом квалифицированных фармацевтических кадров. Данная проблема может быть решена при усилении участия и контроля государства за кадровым составом аптечных сетей. Дефицит квалифицированных фармацевтических кадров ведет к снижению качества фармацевтических услуг на национальном уровне.

Библиографический список

1. Любина Е. Трансформация рынка труда и дефицит кадров в фармацевтической отрасли на Юге России // Кадровое агентство ANCOR. URL: https://ancor.ru/press/insights/transformatsiya-rynka-personala-i-defitsit-kadrov-v-farmatsevticheskoy-otrasli-na-yuge-rossii/.
2. Мавлиханов Р. Не сестры вы нам. Рынок рискует лишиться части фармацевтов – переученных в первостольников медсестер // Фармацевтический Вестник. URL: https://pharmvestnik.ru/articles/Ne-sestry-vy-nam.html
3. Оценка работы аптечных сетей с наиболее распространенными типами запросов пациентов в регионах Российской Федерации // Сайт Всероссийского союза пациентов. URL: https://vspru22.ud4.ru/media/ybgkri20/issledovanie-ocenka-raboty-aptechnyh-setei-s-naibolee-raspros-tranennymi-tipami-zaprosov-pacientov-v-regionah-rf
4. Российские вузы не смогли закрыть бюджетные места на специальность «Фармация» // GxP News. URL: https://gxpnews.net/2024/11/rossijskie-vuzy-ne-smogli-zakryt-byudzhetnye-mesta-na-speczialnost-farmacziya/
5. Снижены квоты на целевое обучение для фармацевтических специальностей // Московские Аптеки. URL: https://mosapteki.ru/material/snizheny-kvoty-na-obuchenie-dlya-farmacevtich-eskix-specialnosteyo-30325
6. Статистика зарплат в Нижнем Новгороде за 2025 год – «Фармацевт». Зарплата в феврале 2025 // Аналитика портала ГородРабот.ру. URL: https://nijni-novgorod.gorodrabot.ru/salaries/farmacevt#salary-statistics-chart-item-1
7. Тиванова К. Дефицит фармацевтов в России к 2026 году может достичь 30 процентов // Парламентская газета. URL: https://www.pnp.ru/economics/deficit-farmacevtov-v-rossii-k-2026-godu-mozhet-dostich-30-procentov.html
8. Шаленкова Е.В. Бонюшко Н.А. (2023). Фармацевтический рынок труда: проблемы, влияющие на снижение качества социальных результатов розничного сегмента на примере Нижегородской области Т. 6. № 11(140). С. 171–178. DOI: 10.36871/ek.up.p.r.2023. 11.06.018

Информация об авторе

Шаленкова Екатерина Владимировна – кандидат фармацевтических наук, доцент кафедры управления и экономики фармации и фармацевтической технологии, ФГБОУ ВО «ПИМУ» Минздрава России (Российская Федерация, 603005, Нижний Новгород, площадь Минина и Пожарского, д. 10/1; e-mail: rector@pimunn.net).

Shalenkova E.V.

CURRENT MARKET TRENDS IN THE RETAIL SEGMENT OF THE PHARMACEUTICAL LABOUR MARKET: NATIONAL, REGIONAL AND INDUSTRY LEVELS AND THEIR IMPACT ON THE QUALITY OF PHARMACY CHAIN PERFORMANCE

Abstract. *The article discusses a multilevel assessment of the pharmaceutical labor market, focusing on the national, regional and sectoral levels. The main problems include the lack of national projects and the monopoly of pharmacy chains. The Pharma-2030 strategy does not include initiatives for retail pharmacy, leading to outflow of personnel. The shortage of specialists is projected to worsen by 2025, requiring employers to improve working conditions. Regional differences depend on the number of educational institutions and the level of development of pharmacy networks. The study emphasizes the importance of the state human resources policy to ensure public health and market needs.*

Keywords: *pharmacy chain, pharmaceutical labour market, pharmacists.*

About the author

Ekaterina V. Shalenkova – Candidate of Pharmaceutical Sciences, Associate Professor of the Department of Management and Economics of Pharmacy and Pharmaceutical Technology, FSBEI HE PRMU MOH Russia (10/1, Minina and Pozharsky Square, Nizhny Novgorod, 603005, Russian Federation; e-mail: rector@pimunn.net).

References

1. Assessment of pharmacy chains' work with the most common types of patient requests in the regions of the Russian Federation. Website of the All-Russian Union of Patients. Available at: https://vspru22.ud4.ru/media/ybgkri20/issledovanie-ocenka-raboty-aptechnyh-setei-s-naibolee-rasprostranennymi-tipami-zaprosov-pacientov-v-regionah-rf.pdf
2. Lyubina E. Labor market transformation and staff shortage in the pharmaceutical industry in the South of Russia. ANCOR Personnel Agency. Available at: https://ancor.ru/press/insights/trans-formatsiya-rynka-personala-i-defitsit-kadrov-v-farmatsevticheskoy-otrasli-na-yuge-rossii/
3. Mavlikhanov R. You are not our sisters. The market risks to lose a part of pharmacists – nurses retrained in primary care. Pharmaceutical Vestnik. Available at: https://pharmvestnik.ru/articles/Ne-sestry-vy-nam.html
4. Quotas for target training for pharmaceutical specialties have been reduced. Moscow Pharmacy Magazine. Available at: https://mosapteki.ru/material/snizheny-kvoty-na-obuchenie-dlya-farma-cevticheskix-specialnosteyo-30325
5. Russian universities could not close the budget places for the specialty “Pharmacy”. GxP News. Available at: https://gxpnews.net/2024/11/rossijskie-vuzy-ne-smogli-zakryt-byudzhetnye-mesta-na-speczialnost-farmacziya/
6. Shalenkova E.V. Boniushko N.A. (2023). Pharmaceutical labor market: problems affecting the decline in the quality of social results of the retail segment on the example of Nizhny Novgorod Oblast. Economics and management: problems, solutions, 11(140), pp. 171–178. DOI: 10.36871/ek.up.p.r.2023.11.06.018
7. Statistics of salaries in Nizhny Novgorod for 2025 – Pharmacist. Salary in February 2025. Analytics of the portal GorodRabot.ru. Available at: https://nijni-novgorod.gorodrabot.ru/salaries/far-macevt#salary-statistics-chart-item-1
8. Tivanova K. The deficit of pharmacists in Russia by 2026 may reach 30 percent. Parlament-skaya gazeta. Available at: https://www.pnp.ru/economics/deficit-farmacevtov-v-rossii-k-2026-godu-mozhet-dostich-30-procentov.html

УДК 331.101.32/ББК 65.291.2

Шатунова Т.Е., Васильцова С.А.

СТРАТЕГИИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БАЛАНСА МЕЖДУ ПРОДУКТИВНОСТЬЮ И БЛАГОПОЛУЧИЕМ SMM-СПЕЦИАЛИСТОВ

Аннотация. *В статье освещена актуальная проблема поиска баланса между продуктивностью и благополучием SMM-специалистов. Баланс этот крайне важен, так как предотвращает выгорание, повышает качество работы, снижает текучесть кадров, удерживает ценных сотрудников и снижает затраты на поиск и обучение новых, улучшает репутацию компании. Инвестиции в благополучие сотрудников окупаются более высокой продуктивностью в долгосрочной перспективе.*

Ключевые слова: *SMM-специалист, продуктивность специалистов, благополучие сотрудников.*

В современном мире, где темп жизни постоянно ускоряется, а рабочие нагрузки возрастают, раскрытие темы благополучия сотрудников и сохранения их ментального здоровья становится не просто желательной, но и абсолютно необходимой задачей для работодателей и организаций. Это не только гуманный подход к управлению, но и стратегически важное направление, напрямую влияющее на продуктивность, лояльность и общий успех компании [5].

Ментальное здоровье – это состояние благополучия, в котором человек может реализовать свой потенциал, справляться с обычными жизненными стрессами, продуктивно и плодотворно работать, а также вносить вклад в жизнь своего сообщества. Это не просто отсутствие психических расстройств, а полноценное ощущение гармонии и устойчивости [2]. Факторы, негативно влияющие на ментальное здоровье сотрудников, многообразны:

- Стресс. Постоянное давление сроков, высокие требования к результатам, конфликты на рабочем месте – все это приводит к хроническому стрессу.
- Рабочая нагрузка. Необоснованно большой объем задач, отсутствие ресурсов и четкого распределения обязанностей вызывают переутомление и выгорание.
- Отсутствие поддержки. Недостаток признания, отсутствие возможности обратиться за помощью, токсичная рабочая среда – все это подрывает уверенность в себе и ощущение безопасности.
- Недостаточная автономия. Ограниченная возможность принимать решения и контролировать свою работу приводит к чувству беспомощности и снижению мотивации.

Ключом к поддержанию ментального здоровья сотрудников является создание атмосферы поддержки и доверия внутри организации.

- Культура открытости. Важно создать условия, в которых сотрудники будут чувствовать себя комфортно, делиться своими переживаниями и проблемами. Это требует от руководства активного поощрения открытого диалога и демонстрации понимания.
- Обучение менеджеров. Руководители должны быть обучены распознавать признаки стресса, выгорания и других проблем ментального здоровья у своих подчиненных. Они должны уметь оказывать поддержку и создавать условия для восстановления. Реальные действия и ресурсы, направленные на поддержку ментального здоровья, демонстрируют заботу компании о своих сотрудниках.
- Психологическая помощь. Доступ к профессиональной психологической помощи, в том числе через Employee Assistance Programs (EAP), позволяет сотрудникам конфиденциально получить квалифицированную поддержку.
- Группы поддержки. Создание групп поддержки, где сотрудники могут делиться опытом, быть услышанными и получить поддержку от коллег, способствует ощущению

принадлежности и снижает чувство изоляции. Стирание границ между работой и личной жизнью негативно сказывается на ментальном здоровье.

• Гибкий график. Предоставление возможности работать по гибкому графику позволяет сотрудникам совмещать работу и личные обязательства, снижая стресс и повышая удовлетворенность.

• Отпуска и перерывы. Необходимо поощрять сотрудников брать отпуска и делать регулярные перерывы в течение рабочего дня для восстановления сил и предотвращения выгорания. Информированность и обучение – важные инструменты для повышения осведомленности о ментальном здоровье.

• Тренинги и семинары. Организация тренингов и семинаров по управлению стрессом, осознанности и другим аспектам ментального здоровья помогает сотрудникам развивать навыки саморегуляции [4].

• Ресурсы. Предоставление доступа к книгам, статьям, онлайн-курсам и другим ресурсам по ментальному здоровью дает сотрудникам возможность самостоятельно изучать тему и находить полезные инструменты.

• Обратная связь. Опросы и анкеты. Проведение опросов и заполнение анкет позволяет оценить уровень удовлетворенности сотрудников, выявить проблемные зоны и отслеживать динамику изменений. Создание каналов для получения обратной связи о программах поддержки ментального здоровья позволяет понять, какие меры работают эффективно, а какие требуют доработки.

Изучение опыта других компаний, внедривших успешные программы поддержки ментального здоровья, позволяет перенимать лучшие практики и адаптировать их к своим условиям. Например, компании, предлагающие неограниченный отпуск, программы медитации и осознанности, а также создающие комнаты отдыха, часто демонстрируют более высокую удовлетворенность и продуктивность сотрудников [5].

Рассмотрим на примере работы в социальных медиа специалистов по маркетингу насколько реально создать баланс между продуктивностью и благополучием.

• Навыки и задачи. Чем больше задач выполняет SMM-специалист (контент, реклама, аналитика), тем выше его стоимость. Например, специалист, который делает и контент, и настройку рекламы, должен зарабатывать больше, чем тот, кто работает только с контентом [1].

• Опыт и успешные кейсы. Начинающий специалист, только окончивший курсы, зарабатывает меньше, чем специалист за плечами которого несколько лет опыта и реализация успешных проектов.

• Профессиональная уверенность. Уверенность в себе также влияет на зарплату. Специалист, который уверен в своих силах, может запросить более высокую зарплату, и заказчики, которые согласны заплатить больше, часто находятся.

Существует следующая система уровней или грейдов SMM-специалистов.

1. Грейд Junior: 0–1 год опыта. Занимается созданием контента и простыми задачами, работает за меньшие деньги.

• Опыт. Специалист находится на базовом уровне, только начинает работать с основами SMM, такими как создание контента и базовая настройка рекламы. Поддержка требуется для сложных задач.

• Знания и навыки. Знания базовых инструментов SMM – рекламных кабинетов соцсетей, инструментов аналитики. Базовый уровень графического дизайна и видеомонтажа.

• Обязанности и задачи. Создание и редактирование контента, написание текстов, работа с базовыми рекламными кампаниями. Перепроверка информации и планирование рекламных кампаний по шаблонам.

• Мониторинг и анализ. Проведение базовой аналитики кампаний, помощь в разработке отчетности. Наблюдение за результатами кампаний, корректировка простых элементов.

• Работа в команде и с заказчиками. Выполнение простых задач по проекту, помощь в организации работы команды.

• Креативность и инновации. Ограниченная креативность. Следует основным трендам и шаблонам.

• Инструменты и технологии. Базовое знание рекламных кабинетов соцсетей, работа с Google Analytics, Я.Метрика. Знание базового монтажа и принципов съемки.

• Ответственность за результат: минимальная; выполнение задач по шаблону, помощь в организации процесса.

• Средняя зарплата: 25 000 – 40 000 руб/мес (в зависимости от региона).

2. Грейд Middle: от 2 лет опыта. Создает стратегию и более сложный контент, анализирует данные, может делегировать некоторые задачи.

• Опыт. Специалист среднего уровня, который может работать самостоятельно, создавая контент, разрабатывая стратегии и эффективно управляя кампаниями. Умеет работать с аналитикой и таргетом.

• Знания и навыки. Отличное знание рекламных инструментов, аналитических платформ, стратегического планирования. Работа с таргетингом и контентом. Знания в области инфлюенс-маркетинга и маркетинговых трендов.

• Обязанности и задачи. Разработка и реализация SMM-стратегий, настройка таргетированных рекламных кампаний, работа с KPI. Умение создавать вирусный контент, проводить аналитические исследования.

• Мониторинг и анализ. Оценка результатов кампаний, ведение отчетности, улучшение показателей вовлеченности и конверсии; анализ работы с инфлюенсерами и аудиторией, создание эффективных KPI.

• Работа с командой и заказчиками. Самостоятельное ведение проектов, взаимодействие с заказчиком и подрядчиками, формирование ТЗ для команды, контроль выполнения задач.

• Креативность и инновации. Проявление креативности при создании контента, работа с нестандартными подходами. Умение генерировать идеи для вирусного контента и кампаний.

• Инструменты и технологии. Опыт работы с более сложными инструментами аналитики и рекламными платформами, такими как FeedSpy, Brand Analytics, Google Ads.

• Ответственность за результат: средняя. Прямое участие в результатах и выполнении задач. Ответственность за решение отдельных задач и участие в создании кампаний.

• Средняя зарплата: 40 000 – 80 000 руб/мес (в зависимости от региона или столицы).

3. Грейд Senior: от 2–3 лет опыта. Разрабатывает стратегии, управляет командой, работает с крупными проектами и инструментарием в digital-сфере, может запросить более высокую зарплату.

• Опыт. Профессионал с многолетним опытом в SMM. Способен разрабатывать и внедрять комплексные стратегии, управлять командой и проектами, работать с крупными клиентами и реализовывать инновационные решения.

• Знания и навыки. Глубокие знания digital-маркетинга, сквозной аналитики, работы с различными инструментами для SMM. Опыт в создании долгосрочных стратегий и управления крупными проектами. Высокий уровень креативности и инноваций в подходах к продвижению.

• Обязанности и задачи. Полная ответственность за разработку стратегий, управление проектами, командой, реализация крупномасштабных рекламных и брендовых кампаний. Взаимодействие с крупными клиентами и партнерами, решение кризисных ситуаций.

• Мониторинг и анализ. Разработка комплексной аналитики, проведение глубоких исследований рынка, анализ показателей успешности кампаний и долгосрочных эффектов. Прогнозирование и анализ ROI для масштабных проектов.

• Работа с командой и заказчиками. Управление крупными проектами, координация работы команды, создание и внедрение стратегий с учетом потребностей бизнеса. Работа с клиентами высокого уровня, внедрение инновационных решений.

• Креативность и инновации. Высокий уровень креативности и решений для сложных задач, работа с вирусным контентом, эксперименты с новыми форматами.

• Инструменты и технологии. Экспертное знание различных инструментов для анализа, работы с рекламой и контентом. Работа с инструментами сквозной аналитики и AI. Разработка автоматизированных процессов и оптимизация.

• Ответственность за результат: высокая. Полная ответственность за успех компании, проекта, бренда. Разработка и внедрение стратегий, контроль всех этапов и метрик кампаний.

• Средняя зарплата: 80 000 – 200 000 руб/мес (в зависимости от региона или столицы).

Умение полноценно уделять внимание всем сферам жизни: работе, увлечениям, отношениям, хобби. Определить, где заканчивается рабочее время и начинается «жизнь», становится все сложнее, особенно тем, кто выбрал удаленный формат работы: например, специалистам в сфере SMM, которые регулярно работают 48 и более часов в неделю.

Регулярная оценка эффективности реализуемых мер по благополучию SMM-специалистов и получение обратной связи от сотрудников позволяют адаптировать программы поддержки к их реальным потребностям.

Поддержка ментального здоровья сотрудников – это не просто модный тренд, а стратегическая инвестиция в будущее организации. Здоровые, счастливые и удовлетворенные сотрудники более продуктивны, лояльны и вовлечены в работу, что, в конечном итоге, приносит ощутимую пользу всей компании. Создание поддерживающей среды, предоставление необходимых ресурсов и постоянная работа над улучшением условий труда – это путь к созданию успешной и устойчивой организации, которая заботится о своих людях. Это не только этическая ответственность, но и экономическая целесообразность [6].

Библиографический список

1. SMM-менеджер: все, что нужно знать о профессии и о том, как ее получить. URL: https://practicum.yandex.ru/blog/professiya-smm-specialist/
2. Work-life balance: как соблюдать баланс между работой и жизнью? URL: https://practicum.yandex.ru/blog/work-life-balance/
3. Груздева М.А., Жданова А.Э. (2024). Молодежь региона: динамика социокультурных характеристик // Социальное пространство. Т. 10. № 3. DOI: 10.15838/sa.2024.3.43.9
4. Терешкина Н.Е., Помешкин И.Д., Рамазанов Н.С. (2024). Перспективы искусственного интеллекта в бизнесе // Новая реальность: экономика, менеджмент, социальные коммуникации: материалы всероссийской научно-практической конференции с международным участием: в 2-х ч., г. Новосибирск, 20–21 апреля 2022 г. Новосибирск: Новосибирский государственный педагогический университет. С. 234–240.
5. Шабунова А.А., Калачикова О.Н., Леонидова Г.В. [и др.] (2022). Социальное развитие территорий: актуальные тренды и новые вызовы: монография. Вологда: ВолНЦ РАН. 295 с.
6. Шатунова Т.Е. (2023). Теоретические аспекты построения ментальной модели организационной ситуации в контексте устойчивого экономического развития // Вопросы новой экономики. № 1(65). С. 55–64.
7. Шатунова Т.Е., Мироевская Ю.Е. (2024). Особенности материальной мотивации труда молодых специалистов в условиях внешних перемен // Новая реальность: экономика, менеджмент, социальные коммуникации: материалы всероссийской научно-практической конференции с международным участием: в 2-х ч., г. Новосибирск, 20–21 апреля 2022 г. Новосибирск: Новосибирский государственный педагогический университет. С. 241–246.

Информация об авторах

Шатунова Татьяна Евгеньевна – старший преподаватель кафедры «Менеджмент на транспорте», Сибирский государственный университет путей сообщения (Российская Федерация, 30049, г. Новосибирск, ул. Д. Ковальчук, д. 191; e-mail: shatun678@mail.ru).

Васильцова Светлана Александровна – студент 2 курса, направление 23.05.04 Эксплуатация железных дорог, профиль «Магистральный транспорт», Сибирский государственный университет путей сообщения (Российская Федерация, 630049, г. Новосибирск, ул. Д. Ковальчук, д. 191).

Shatunova T.E., Vasiltsova S.A.

STRATEGIES FOR ENSURING A BALANCE BETWEEN PRODUCTIVITY AND WELL-BEING OF SMM SPECIALISTS

Abstract. *The article highlights the current problem of maintaining a balance between the productivity and well-being of SMM specialists. This balance is extremely important, as it prevents burnout, improves the quality of work, reduces staff turnover, retains valuable employees and reduces the costs of finding and training new ones, and improves the company's reputation. Investments in employee well-being pay off with higher productivity in the long term.*

Keywords: *SMM specialist, specialist productivity, employee well-being.*

About the authors

Tatyana E. Shatunova – Senior Lecturer, “Management in Transport”, Siberian State Transport University (191, Kovalchuk Street, Novosibirsk, 630149, Russian Federation; e-mail: shatun678@mail.ru).

Svetlana A. Vasiltsova – 2nd year student, major 23.05.04 Operation of Railways, profile “Main Line Transport”, Siberian State Transport University (191, ul. D. Kovalchuk, Novosibirsk, 630049, Russian Federation).

References

1. Shabunova A.A., Kalachikova O.N., Leonidova G.V. [et al.] (2022). Social development of territories: current trends and new challenges: monograph. Vologda: VolRC RAS. 295 p.
2. Work-life balance: how to maintain a balance between work and life? Available at: https://practicum.yandex.ru/blog/work-life-balance/
3. Shatunova T.E., Miroevskaya Yu.E. (2024). Features of material motivation of young specialists in the context of external changes. New reality: economics, management, social communications: materials of the All-Russian scientific and practical conference with international participation: in 2 parts, Novosibirsk, April 20–21, 2022. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University, pp. 241–246.
4. Tereshkina N.E., Pomeshkin I.D., Ramazanov N.S. (2024). Prospects of artificial intelligence in business. New reality: economics, management, social communications: materials of the All-Russian scientific and practical conference with international participation: in 2 parts, Novosibirsk, April 20–21, 2022. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University, pp. 234–240.
5. Gruzdeva M.A., Zhdanova A.E. (2024). Youth of the region: dynamics of socio-cultural characteristics. Social space, 10(3). DOI: 10.15838/sa.2024.3.43.9
6. SMM manager: everything you need to know about the profession and how to get it. Available at: https://practicum.yandex.ru/blog/professiya-smm-specialist/
7. Shatunova T.E. (2023). Theoretical aspects of constructing a mental model of an organizational situation in the context of sustainable economic development. Issues of the new economy, 1(65), pp. 55–64.

СЕКЦИЯ № 4. Результаты и перспективы социокультурной трансформации российского общества

УДК 331.101.32 / ББК 65.291.2

Аверкина К.Е., Степанова А.С., Бельман В.В.

ТЕХНОКРАТИЗМ КАК КУЛЬТУРНАЯ ДОМИНАНТА В ЭПОХУ ПЕРЕМЕН

Аннотация. *В статье освещена актуальная проблема современного этапа социокультурной трансформации российского общества, которому присуща излишняя роль техники и технологий. Технократизм жестко ограничивает обывателя, поэтому искусство, религия и другие культурные ценности отходят на второй план. Авторы статьи подчеркивают свою позицию, согласно которой бурный всплеск развития технократизма следует контролировать, потому что без контроля его развитие может привести к плачевным последствиям. Люди начинают осознавать масштаб катастрофы, предпринимая попытки к улучшению ситуации, например, вводят запреты на создание технологий, которые вредят человечеству, привлекая внимание общественности к духовным сферам культуры.*

Ключевые слова: *технократизм, культурные ценности, эпоха перемен.*

В настоящее время технократизм получает все большее распространение в обществе, но в то же время отходит от своего прежнего определения и приобретает более глубинное, возможно даже метафорическое содержание. Влияние технократизма на социум со временем стало приобретать негативный оттенок, а уже сегодня люди постепенно начинают бороться с ним и находить пути решения для возникающих проблем [5].

Что же такое технократизм? Технократизм в широком смысле – это идеология, согласно которой любого результата можно достичь путем нахождения и применения соответствующей технологии. Это общество, во главе которого стоят технические специалисты и эксперты. При такой форме управления власть принимает решения, основываясь на техническом императиве, а главными ценностями являются оптимизация ресурсов и инженерный подход к решению проблем. Предвестниками технократии считают Френсиса Бэкона, Анри де Сен-Симона, Огюста Конта. Яркими представителями этого направления являются: Торстейн Веблен, Роско Паунд, Александр Богданов [3].

Общество все больше и больше охватывает волна технических специальностей, претендующих занять лидирующие позиции не только в промышленности; отголоски этого проявляются и в экономике, и в политике. Технократизм все меньше кажется утопической пропагандой лучшего будущего. Мы – общество потребителей. В данном пространстве развитие технократизма – лишь вопрос времени. Основной целью технократизма является создание нового мира, полного изобилия продуктов потребления, и, как мы можем наблюдать, это удается сделать, все сферы социальной жизнедеятельности общества коренным образом меняются, меняется мышление человека – он становится потребителем, что постепенно становится проблемой общества [6].

Человечество оказалось в противоборстве с техникой и техническим прогрессом. Как бы неприятно это ни было, но следует признать, что мы проиграли. Налицо болеутоляющий самообман: прогресс неизбежен, а потому комфортнее придать капитуляции позитивную моральную оценку и добровольно сдаться. А ведь и правда, если задуматься, мы ведь даже не пытаемся противостоять неизбежной катастрофе, которая уже кажется «дышит нам в спину». Технократы – революционеры! Они способны сместить нищий класс и построить новое лучшее будущее. Вот такие лозунги в основном ассоциируются в технократизмом, но так ли это на самом деле или это является скорее утопией, достигнуть которую возможным не представиться ни нашему поколению, ни последующему? Бесспорно, нам следует с осторожностью относиться к стремительному развитию техники, хотя далеко не все то, что пришло к нам благодаря технократизму, следует отвергать [4].

Негативные последствия все еще остаются достаточно серьезными. Например, в политике технократизм приобретает все большее влияние. Это выражается в формировании

моделей отношений между людьми: люди выстраивают отношения друг с другом по образцу отношений между вещами. Человек становится не просто чем-то безликим, он перестает быть живым. Еще одна проблема технократизма – непринятие и неспособность подстроиться под нестандартные нововведения. Технократизм очень жестко контролирует мышление, поэтому требует устранение активных соперническихцентров. Подходящим решением становится распространенный аксиологический подход, который базируется на следующем: ценности определяются через потребности. Следовательно, становится понятна причина такого огромного влияния технократизма на сферы жизнедеятельности человека [2].

Технократическое сознание не позволяет человеку выйти за рамки, раскрыть его духовное богатство. Технократизм ограничивает нас, поэтому искусство, религия и другие культурные ценности отходят на второй план. Сейчас развитие техники есть нечто прогрессивное, открывающее дорогу к светлому будущему, однако нельзя отрицать тот факт, что технический прогресс неминуемо нарушает гармонию между материальными и духовными силами. Это, свою очередь, ведет к отсутствию взаимодействия культуры и цивилизации.

С одной стороны, техника зависит от человека, так как не может автономно без него существовать, не сможет совершенствоваться. С другой стороны, человек тратит не только подавляющее количество ресурсов на ее создание и обслуживание, но и сам становится ресурсом. Нарастающие потребности общества приводят к ускоренному развитию техники, техника занимает господствующее положение, она начинает диктовать свои правила и законы, которым мы и не спешим сопротивляться [1].

С развитием технократизма человечество постепенно стало отходить от религии. Если сравнивать с прошлым, то сейчас все больше молодых людей придерживаются либо атеизма, либо агностицизма. Можно предположить, что технократизм становится своего рода новой религией, поклонением технике. Точно так же, как раньше религия была неотъемлемой частью жизни людей, сейчас техника является ее важнейшей составляющей. Помимо того, что религия отошла на задний план, другие сферы культуры (искусство, философия) затмеваются технической сферой.

Очень важно брать под контроль развитие технократизма, поскольку он представляет угрозу всем сферам жизни: культуре, философии, религии, политике. Сам человек меркнет рядом с техникой, идет процесс укрепления в обществе личности потребителя, происходит регресс в сознании людей.

Техническая реальность может физически уничтожить человека и человечество. Так, например, распространение и развитие ядерных технологий привело к созданию страшного ядерного оружия, после которого не только человек, но и природа не может оправиться долгие годы.

Внедрение идеологии технократизма отразилось и на мировоззрении человека – создаются новые ценности, меняются нормы морали и приличия. Ценности добра и зла сменяются новыми: прогресса, обладания, объективности, управляемости, всерешаемости, прагматизма, безответственности. Вовлеченные в технологии люди оказываются вне традиционных этических норм общества, изменяя их.

Технократизм как бы убеждает нас в простоте и правильности использования техники и новых технологий, но на самом деле лишь маскирует появившиеся проблемы, на которые категорически нельзя закрывать глаза. Для технократического мышления свойственно пренебрежение духовными запросами и потребностями человека, игнорирование биологически обусловленных и психических процессов или, наоборот, их безудержная эксплуатация. В отличие от антропоцентризма, в технократизме человек стоит наравне с машиной, а возможно, и ниже машины, оказываясь в ее власти [7].

Таким образом, бурный всплеск развития технократизма следует останавливать, потому что это может привести к плачевным последствиям. Люди начинают осознавать масштаб катастрофы, предпринимая попытки к улучшению ситуации, например, вводят запреты на создание технологий, которые вредят человечеству, привлекая внимание общественности к духовным сферам культуры.

Библиографический список

1. Власть мастерства: что такое технократия и почему она не работает. URL: https://trends.rbc.ru/trends/futurology/638f573e9a79475dbcab4b13?from=copy
2. Груздева М.А., Жданова А.Э. (2024). Молодежь региона: динамика социокультурных характеристик // Социальное пространство. Т. 10. № 3. DOI: 10.15838/sa.2024.3.43.9
3. Миронов А.В. (2009). Технократизм – вектор развития глобализации. М.: МАКС Пресс. 132 с.
4. Помешкин И.Д., Рамазанов Н.С. (2022). Перспективы искусственного интеллекта в бизнесе // Новая реальность: экономика, менеджмент, социальные коммуникации: материалы всероссийской научно-практической конференции с международным участием: в 2-х ч., г. Новосибирск, 20–21 апреля 2022 г. Новосибирск: Новосибирский государственный педагогический университет. С. 234–240.
5. Шабунова А.А., Калачикова О.Н., Леонидова Г.В. [и др.] (2022). Социальное развитие территорий: актуальные тренды и новые вызовы: монография. Вологда: ВолНЦ РАН. 295 с.
6. Шатунова Т.Е. (2022). Особенности материальной мотивации труда молодых специалистов в условиях внешних перемен // Новая реальность: экономика, менеджмент, социальные коммуникации: материалы всероссийской научно-практической конференции с международным участием: в 2-х ч., г. Новосибирск, 20–21 апреля 2022 г. Новосибирск: Новосибирский государственный педагогический университет. С. 241–246.
7. Шатунова Т.Е. (2023). Теоретические аспекты построения ментальной модели организационной ситуации в контексте устойчивого экономического развития // Вопросы новой экономики. № 1(65). С. 55–64.

Информация об авторах

Аверкина Кристина Евгеньевна – студент 2 курса, направление 23.05.04 Эксплуатация железных дорог, профиль «Магистральный транспорт», Сибирский государственный университет путей сообщения (Российская Федерация, 630049, г. Новосибирск, ул. Д. Ковальчук, д. 191; e-mail: polukhina05k@mail.ru).

Степанова Алена Сергеевна – студент 2 курса, направление 23.05.04 Эксплуатация железных дорог, профиль «Магистральный транспорт», Сибирский государственный университет путей сообщения (Российская Федерация, 630049 г. Новосибирск, ул. Д. Ковальчук, д. 191; e-mail: alena.step.23.05.2005@gmail.com).

Бельман Вероника Владимировна – студент 2 курса, направление 23.05.04 Эксплуатация железных дорог, профиль «Магистральный транспорт», Сибирский государственный университет путей сообщения (Российская Федерация, 630049, г. Новосибирск, ул. Д. Ковальчук, д. 191; e-mail: belman2005@mail.ru).

Averkina K.E., Stepanova A.S., Belman V.V.

TECHNOCRATISM AS A CULTURAL DOMINANT IN THE ERA OF CHANGE

Abstract. *The article highlights the current problem of the current stage of socio-cultural transformation of Russian society, which is characterized by the excessive, in the opinion of the authors, role of technology and technology. Technocracy severely limits the average person, so art, religion and other cultural values fade into the background. The authors of the article emphasize their position, according to which the rapid surge in the development of technocracy should be controlled, because without control, the development of technocracy can lead to disastrous consequences. People are beginning to realize the scale of the disaster, making attempts to improve the situation, for example, by introducing bans on the creation of technologies that harm humanity, drawing public attention to the spiritual spheres of culture.*

Keywords: *technocracy, cultural values, era of change.*

About the authors

Kristina E. Averkina – 2-nd year student, major 23.05.04 Operation of Railways, profile "Main Line Transport", Siberian State Transport University (191, D. Kovalchuk Street, Novosibirsk, 630049, Russian Federation; e-mail: polukhina05k@mail.ru).

Alyona S. Stepanova – 2-nd year student, major 23.05.04 Operation of Railways, profile "Main Line Transport", Siberian State Transport University (191, D. Kovalchuk Street, Novosibirsk, 630049, Russian Federation; e-mail: alena.step.23.05.2005@gmail.com).

Veronika V. Belman – 2-nd year student, major 23.05.04 Operation of Railways, profile "Main Line Transport", Siberian State Transport University (191, D. Kovalchuk Street, Novosibirsk, 630049, Russian Federation; e-mail: belman2005@mail.ru).

References

1. Gruzdeva M.A., Zhdanova A.E. (2024). Youth of the region: dynamics of socio-cultural characteristics. Social space, 10(3). DOI: 10.15838/sa.2024.3.43.9
2. Mironov A.V. (2009). Technocracy – a vector of globalization development. Moscow: MAKS Press. 132 p.
3. Pomeshkin I.D., Ramazanov N.S. (2022). Prospects of artificial intelligence in business. New reality: economics, management, social communications: materials of the All-Russian scientific and practical conference with international participation: in 2 parts, Novosibirsk, April 20–21, 2022. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University, pp. 234–240.
4. Shabunova A.A., Kalachikova O.N., Leonidova G.V. [et al.] (2022). Social development of territories: current trends and new challenges: monograph. Vologda: VolRC RAS. 295 p.
5. Shatunova T.E. (2022). Features of material motivation of young specialists in the context of external changes. New reality: economics, management, social communications: materials of the All-Russian scientific and practical conference with international participation: in 2 parts, Novosibirsk, April 20–21, 2022. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University, pp. 241–246.
6. Shatunova T.E. (2023). Theoretical aspects of constructing a mental model of an organizational situation in the context of sustainable economic development. Issues of the new economy, 1(65), pp. 55–64.
7. The power of mastery: what is technocracy and why it does not work. Available at: https://trends.rbc.ru/trends/futurology/638f573e9a79475dbcab4b13?from=copy

УДК 316.4 / ББК 60.5

Агафонова Д.Ю.

СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ ОБЩЕСТВЕННОГО УЧАСТИЯ: КЕЙС ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация. *В настоящем исследовании проанализирована взаимосвязь между компонентами социального капитала, а именно обобщенным и институциональным доверием, закрытыми и открытыми социальными сетями и формами общественной активности в Тюменской области. Выявлены основные препятствия и перспективы развития общественного участия.*

Ключевые слова: *социальный капитал, общественное участия, доверие, волонтерство.*

Социальный капитал рассматривается как один из ключевых ресурсов развития общества, позволяющий людям совместно решать проблемы и повышать качество жизни. Социальный капитал охватывает систему социальных связей, доверия и норм, которые облегчают координацию и сотрудничество между людьми. Накопленный социальный капитал способен обеспечивать стабильность и согласованность общественных отношений, служит основой для достижения коллективных целей и экономического развития. Практика показывает, что общественное участие выступает своего рода «экстерналией» социального капитала – проявлением его положительных эффектов: различные формы участия населения способствуют укреплению гражданского общества и выполняют роль механизма обратной связи между обществом и государством [2]. Накопление социального капитала рассматривается как один из ресурсов развития гражданского общества, в то время как дефицит доверия и горизонтальных связей часто называется причиной слабой активности. В российском обществе с его исторически низким уровнем межличностного доверия и преобладанием закрытых сетей родственных и дружеских связей (партикуляризм) данная тема особенно актуальна [1].

Социальный капитал рассматривается как совокупность ресурсов, которые индивид накапливает посредством установления контактов и принадлежности к различным группам. Такой подход подчеркивает, что чем шире и прочнее социальные связи, тем эффективнее человек может мобилизовать их для получения личных и коллективных выгод. Классические исследования [4; 5; 6] демонстрируют, что социальный капитал способствует расширению информационных потоков, усилению влияния в обществе, укреплению сетей солидарности, а также снижению транзакционных издержек, что благоприятно сказывается на сотрудничестве и кооперации. Разделение доверия на обобщенное (направленное на незнакомых людей) и институциональное позволяет детально проследить, как различные аспекты социального капитала влияют на вовлеченность граждан в общественную жизнь и индивидуальные успехи.

Цель данного исследования заключалась в анализе взаимосвязи между компонентами социального капитала и уровнем общественной активности в Тюменской области с опорой на данные мониторинга за 2013–2023 гг. [3].

Анализ эмпирической базы выявил следующие тенденции. Динамика изменения обобщенного доверия характеризуется крайне медленным развитием: большинство жителей Тюменской области склонны не доверять незнакомым людям (*рис. 1*).

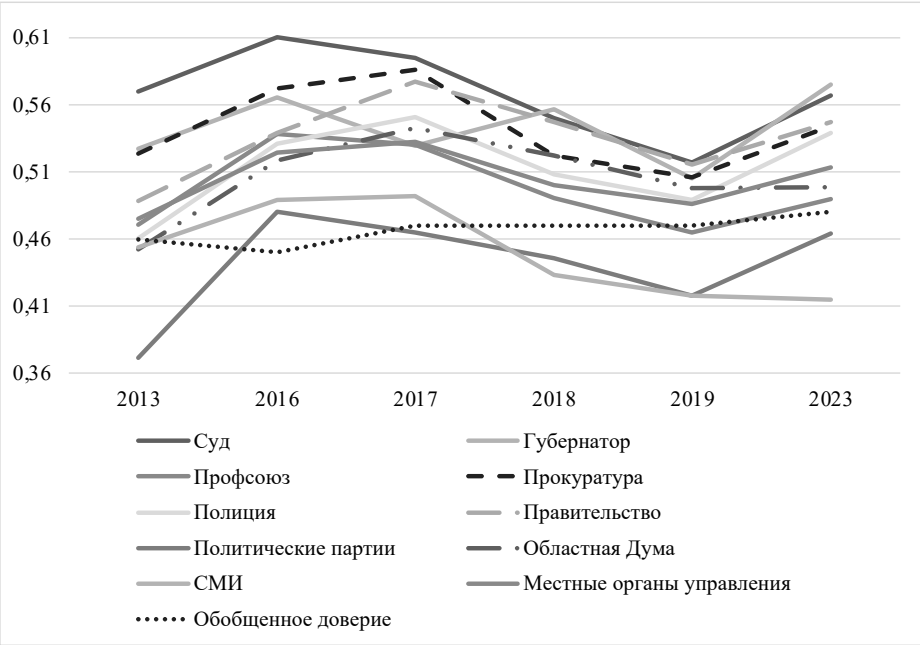

Рисунок 1. **Динамика составляющих индекса институционального доверия региональным органам управления, институтам, организациям и обобщенного доверия, 2013–2023 гг**.

В то же время уровень институционального доверия демонстрирует определенные колебания с заметной, хоть и слабой, положительной тенденцией. Примечательно, что доверие к органам власти и управления существенно выше, чем к институтам политической и общественной жизни. Несмотря на постепенное усиление доверия к федеральным институтам власти в России, региональные властные структуры по-прежнему вызывают существенно меньшее доверие.

По выборке исследования 58% опрошенных находятся в рамках закрытых социальных сетей, тогда как 42% активно взаимодействуют в открытых сетях. Общественная активность в регионе проявляется значительно сильнее, чем прямое участие в деятельности политических партий – 62% респондентов регулярно участвуют в общественной жизни. Так, в 2023 году в участии в местных выборах зафиксирован наивысший показатель – около трети граждан отнесены к активным участникам. При этом женщины, составляющие 57% активной аудитории по сравнению с 43% мужчин, и лица с высоким уровнем образования демонстрируют большую склонность к общественному участию. Среди основных препятствий, по мнению 32% опрошенных, выделяются безразличие к общественным делам и проявление индивидуализма.

Люди, которые чаще других участвуют в общественной активности, примерно в равной степени распределены между открытыми и закрытыми социальными сетями. Чем старше люди, тем они более склонны к закрытым социальным сетям. Доля открытых сетей выше в сельских районах, чем в городе. Люди, чаще всего участвующие в политических акциях, ассоциируются с закрытыми социальными сетями.

Формы и ресурсы участия граждан в общественной жизни в значительной мере определяются социальными условиями, в рамках которых они функционируют, что подчеркивает их роль в качестве носителей социального капитала. Одной из ключевых характеристик социального контекста, в котором существуют индивиды, является уровень доверия. Средние значения обобщенного доверия в открытых сетях выше при меньшем стандартном отклонении, чем в закрытых сетях. Наиболее склонны доверять незнакомым людям самые социальные активные люди в нашей выборке, они же наибольшим образом склонны доверять институтам.

Подводя итоги исследования, можно отметить, что социальный капитал, аккумулируемый через разнообразные социальные сети, играет значимую роль в формировании общественной активности. Несмотря на медленные темпы изменения обобщенного доверия, положительная

динамика институционального доверия указывает на влияние структурных и социокультурных факторов. Результаты демонстрируют, что открытые социальные сети и обобщенное доверие способствуют активному участию граждан в общественной и политической жизни, причем женщины и образованные граждане выступают в качестве наиболее активных участников.

Таким образом, социальный капитал, накапливаемый через сеть знакомств и групповые связи, является важным ресурсом для достижения личных и коллективных целей. Разграничение обобщенного и институционального доверия позволяет точнее оценить роль социальных сетей в общественной активности. Основными препятствиями для активного участия остаются безразличие к общественным делам и выраженный индивидуализм. Одним из ключевых механизмов формирования общественной активности является расширение открытых социальных сетей и развитие доверия. В то же время активное вовлечение граждан в жизнь общества способствует укреплению их социальных связей и росту уровня доверия, что, в конечном итоге, приводит к развитию социального капитала. Выявленная взаимосвязь между этими переменными полностью подтверждает выдвинутую гипотезу о том, что доверие и социальный капитал взаимно усиливают общественную активность.

Библиографический список

1. Алмакаева А.М., Волченко О.В. (2018). Динамика социального капитала в России // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. № 4(146). С. 273–292.
2. Гужавина Т.А. (2019). Гражданское участие как экстерналия социального капитала // Социологическая наука и социальная практика. Т. 7. № 1(25). С. 37–54. DOI: 10.19181/snsp.2019.7.1.6268
3. Новая индустриализация: возможности, ограничения социокультурного пространства: монография (2018) / под ред. В.А. Давыденко, Г.Ф. Ромашкина. Тюмень: Издательство ТОД. 226 с.
4. Coleman J. (1988). Social capital in the creation of human capital. The American Journal of Sociology. Supplement: Organizations and Institutions: Sociological and Economic Approaches to the Analysis of Social Structure, 94, pp. 95–120.
5. Fukuyama F. (2001). Social capital, civil society, and development. Third World Quarterly, 22(1), pp. 7–20. DOI: 10.1080/713701144
6. Uslaner E.M. (2013). Trust as an Alternative to Risk. Public Choice, 157(3), pp. 629–639.

Информация об авторе

Агафонова Дарья Юрьевна – ассистент, аспирант кафедры общей и экономической социологии Тюменского государственного университета (Российская Федерация, 625003, г. Тюмень ул. Володарского, 6; e-mail: d.y.agafonova@utmn.ru).

Agafonova D.Y.

SOCIAL CAPITAL OF PUBLIC PARTICIPATION:THE CASE OF TYUMEN REGION

Abstract. *This study analyzes the relationship between the components of social capital, namely generalized and institutional trust, closed and open social networks, and forms of public activity in the Tyumen region. The main obstacles and prospects for the development of public participation are identified.*

Keywords: *social capital, public participation, trust, volunteering.*

About the author

Darya Y. Agafonova – Assistant, PhD Student at the Department of General and Economic Sociology, Tyumen State University (6, Volodarsky Street, Tyumen, 625003, Russian Federation, e-mail: d.y.agafonova@utmn.ru).

References

1. Almakayeva A.M., Volchenko O.V. (2018). Dynamics of Social Capital in Russia. Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes, 4(146), pp. 273–292.
2. Guzhavina T.A. (2019). Civic Participation as an Externality of Social Capital. Sociological Science and Social Practice, 7, 1(25), pp. 37–54.
3. New Industrialization: Opportunities, Limitations of the Socio-Cultural Space: monograph (2018); ed. by V.A. Davydenko, G.F. Romashkina. Tyumen: TOD Publishing House. 226 p.
4. Coleman J. (1988). Social capital in the creation of human capital. The American Journal of Sociology. Supplement: Organizations and Institutions: Sociological and Economic Approaches to the Analysis of Social Structure, 94, pp. 95–120.
5. Fukuyama F. (2001). Social capital, civil society, and development. Third World Quarterly, 22(1), 7–20. DOI: 10.1080/713701144
6. Uslaner E.M. (2013). Trust as an Alternative to Risk. Public Choice, 157(3), pp. 629–639.

УДК 316.334 / ББК 60.5

Акулич М.М., Лаврухина Н.Н.

РОЛЬ КРЕАТИВНЫХ ИНДУСТРИЙ В УСТОЙЧИВОМ РАЗВИТИИ РЕГИОНОВ РОССИИ

Аннотация. *В статье рассматривается, влияние креативных кластеров на экономическое развитие регионов, привлечение инвестиций и создание рабочих мест, а также вклад креативных индустрий в сохранение культурного наследия.*

Ключевые слова: *креативные индустрии, регионы России, культурное наследие, экономический рост, инновации.*

Устойчивое развитие регионов России требует диверсификации экономики и повышения качества жизни населения. Креативные индустрии представляют собой перспективное направление для достижения этих целей, благодаря их потенциалу для экономического роста, создания рабочих мест и сохранения культурного наследия. Креативные индустрии являются одним из факторов развития в условиях нестабильности и содействуют переходу к инновационной экономике [2, с. 57]. Стоит отметить, что социологический подход к изучению креативных индустрий выходит за рамки чисто экономического анализа и рассматривает их как сложный социальный феномен, влияющий на различные аспекты общественной жизни.

Современные условия требуют новых подходов к развитию городов и регионов. Для успешной модернизации необходимы новые факторы, среди которых ключевую роль играют креативные индустрии [7, с. 121]. Объединение нескольких субъектов креативной индустрии на одной территории называют креативным кластером. Четко оформленными и уже известными креативными кластерами на территории России можно назвать арт-кластер «Красный Октябрь», Центры современного искусства «Заря» и «Винзавод», Дизайн-завод «Флакон» в Москве, а на примере города Тюмени можно выделить Центр дизайна «Фабрика» и территорию пешеходной улицы Дзержинского. Мультифункциональные креативные кластеры, объединяя резидентов и посетителей, стимулируют развитие устойчивых городских сообществ, креативного бизнеса и туризма, формируя локальную экономику и культуру потребления.

Функционирование креативного кластера обусловлено созданием благоприятной среды, стимулирующей инновации и личностное развитие его участников, субъектов и посетителей [1, с. 233]. Эта среда, характеризующаяся коллаборативной атмосферой, доступом к ресурсам и инфраструктуре, является ключевым фактором привлечения инвестиций. Креативность, как основа инновационной деятельности в кластере, не только способствует экономическому росту и созданию новых рабочих мест, но также обогащает культурную среду региона. Взаимодействие креативных специалистов и предприятий в рамках кластера порождает синергетический эффект, приводящий к появлению новых идей, продуктов и услуг, способных конкурировать на глобальном рынке. Таким образом, целенаправленное формирование и поддержка таких сред являются важнейшей задачей для устойчивого социоэкономического развития.

Стоит подробнее рассмотреть причины, по которым важно развивать креативные кластеры и экономику. Во-первых, креативные индустрии вносят значительный вклад в расширение рынка труда в регионах России, предлагая широкий спектр рабочих мест, как высококвалифицированных, так и требующих более низкой специализации. Это обусловлено разнообразием секторов, входящих в состав креативных индустрий, от дизайна и архитектуры до цифровых технологий и медиа. Кроме того, в креативные индустрии входят мода, кинематограф, литература, реклама и маркетинг, деятельность библиотек и музеев, гастрономия и другие творческие направления.

Помимо непосредственно занятых в творческом процессе, креативные кластеры стимулируют развитие смежных отраслей, таких как туризм, информационные технологии, маркетинг и реклама. Это создает дополнительные рабочие места в обслуживающем секторе. Креативные индустрии часто привлекают молодежь, обеспечивая возможности для

самореализации и предпринимательства, что способствует снижению уровня безработицы среди молодых специалистов и минимизации утечки мозгов. Из-за несовершенств законодательства и несогласованности действий по правовым вопросам наблюдается внутренняя миграция и отток рабочей силы в столичные регионы, что снижает возможности сбалансированного развития [6, с. 59]. Для улучшения занятости и поддержки креативных индустрий в регионах необходимо содействие властей в повышении квалификации работников, создании образовательных ресурсов, организации курсов и стажировок, а также коммуникационных площадок с образовательными и рыночными структурами. Однако для полного раскрытия потенциала креативных индустрий в создании рабочих мест необходимо решение ряда задач, включая развитие соответствующей инфраструктуры, поддержку образования и профессиональной подготовки, а также создание благоприятной инвестиционной среды.

Другой момент, который стоит рассмотреть – это инвестиции, которые привлекаются в регионы благодаря креативному сектору. Наряду с этим креативные индустрии являются значительно более рискованными для инвестирования, поэтому требуют стимулирующей поддержки со стороны государства [5, с. 126]. Можно предположить, что основным риском для инвестирования в креативные индустрии, несмотря на их потенциал, выступает высокая степень неопределенности и рисков для инвесторов. Это обусловлено, во-первых, интеллектуальной природой креативной продукции, трудностями в оценке рыночного потенциала инновационных проектов и существенным влиянием субъективных факторов, а именно вкусов потребителей, модных тенденций и др.

Во-вторых, цикличностью и непредсказуемостью спроса на креативный продукт повышает риск невозврата инвестиций. Также особняком стоят высокая конкуренция и быстрое устаревание креативной продукции, которые требуют постоянных инвестиций в развитие и инновации. Поэтому стимулирующая поддержка со стороны государства видится необходимым условием для снижения рисков и стимулирования инвестиций в этот динамичный и важный для экономики сектор.

В-третьих, современная конкурентоспособность регионов и государства в целом все больше зависит от инноваций, обладающих не только интеллектуальной, но и художественной ценностью, т. е. зависит от творческого капитала. Креативные индустрии здесь выступают ключевым инструментом генерации инновационных идей, формируя ядро конкурентных преимуществ на рынке [4, с. 210]. Этот творческий подход проникает во все сферы деятельности, особенно сильно преобразуя бизнес и предпринимательство. В современных условиях партнерство между предпринимателями и творческими личностями (художниками, музыкантами, режиссерами, писателями) становится критическим фактором успеха, поскольку нематериальные составляющие продукта, основанные на интеллектуальной собственности и креативности, определяют его стоимость.

Несомненно, важнейшим компонентом устойчивого развития региона выступает сохранение богатого культурного наследия. В этом направлении важно осознавать, что креативная экономика выступает не только источником дохода, но и средством для выражения национальной идентичности и культурного богатства России. Здесь хочется обратить внимание на необходимость нового осмысления ценности родной земли [1, с. 233] – не просто как источника ресурсов, но и как пространства, вдохновляющего на творчество.

Конкурентоспособность продуктов креативных индустрий, основанных на наследии, определяется прежде всего их творческой уникальностью и художественно-стилистическим решением, присущим изделиям конкретного мастера [1, с. 231]. Наблюдается отход от массового производства к уникальным, персонализированным объектам, которые вряд ли будут воспроизведены в точности. Эта тенденция формирует своего рода «временную петлю», возвращая нас к принципам ремесленничества, где каждое изделие несет отпечаток индивидуальности автора и регионального контекста, становясь маркером идентичности и повышая свою ценность в глазах потребителя, ищущего аутентичности и эксклюзивности. Такой подход способствует не только сохранению и актуализации культурного наследия, но и формированию

новой экономической модели, основанной на индивидуальном творчестве и региональной специфике творчества народов и коллективов.

Как говорилось выше, креативная экономика стимулирует занятость и укрепляет культурную идентичность, тем самым способствуя культурному обмену, особенно важному для коренных народов, проживающих в нашей стране [9, с. 92]. Рост интереса к креативным профессиям свидетельствует о развитии инноваций и творчества, позитивно влияя на будущее региона.

Стоит рассмотреть региональные примеры того, как укрепляется сфера креативных индустрий. Например, дальневосточный регион – Якутия – активно развивает креативную экономику, приняв в 2019 году Концепцию развития креативной экономики до 2025 года, а в 2024 году – первый региональный Указ о развитии креативных индустрий [9, с. 85]. Эти инициативы включают поддержку местных творческих индустрий, развитие инфраструктуры для креативных предпринимателей и продвижение культурного наследия региона, показывая пример интеграции креативных индустрий в экономическую структуру региона и являясь моделью для других субъектов РФ.

В Татарстане, кроме принятия нормативных документов в сфере креативной экономики, применяется способ картирования креативных индустрий [1, с. 232]. Картирование позволило оценить потенциал креативного сектора, определить его потребности и разработать архитектурно-планировочные решения, стимулирующие развитие креативных индустрий, сохраняя и восстанавливая традиционные уклады. Отмечается, что такой подход способствует развитию туризма, привлекая посетителей, интересующихся аутентичной этнокультурной средой.

В арктическом регионе – Мурманской области поддержка креативных индустрий проходит через их взаимодействие и интеграцию с туристическими организациями, что не только способствует экономическому росту региона, но и помогает сохранить и популяризировать уникальное культурное наследие Арктики [3, с. 7]. Этот пример может служить моделью для других российских арктических территорий, адаптированной к их специфическим условиям и возможностям.

В Приморском крае планируется использовать исследование культурного кода региона для позиционирования территории в современном мире [8, с. 192]. Анализ культурных кодов Владивостока как «крайнего» города с европейской культурой в Азии и логистической столицы Приморья, позволит разработать стратегию развития креативных индустрий с учетом государственных программ и базовых элементов конкурентной идентичности (культура и люди, бизнес, инвестиции, политика).

Представленный список регионов России, развивающих креативный сектор, не является исчерпывающим. Исследователи замечают ключевые общие факторы развития креативных индустрий в регионах: активная государственная поддержка креативной отрасли сочетается с позитивным имиджем, формируемым внешними исследованиями и мнением со стороны. Также наличие трудовых ресурсов и инфраструктуры создает потенциал для производства креативной продукции, однако низкая вовлеченность бизнеса в инновационные проекты сдерживает динамику развития отрасли [10, с. 290].

Таким образом, подчеркивая вышесказанное, можно сделать вывод о том, что креативные индустрии представляют собой важный фактор устойчивого развития регионов России в условиях мировой нестабильности, способствуя не только экономическому росту, но и социальной сплоченности, культурному разнообразию и инновациям. Их развитие позволяет регионам адаптироваться к современным вызовам, таким как глобализация и цифровизация, а также способствует созданию новых рабочих мест и повышению качества жизни населения.

Исследователями также отмечается, что российский рынок имеет потенциал для активного развития в направлении креативной экономики и творческих индустрий [4, с. 213]. Это может стать ключевым фактором для преодоления как культурного, так и экономического кризисов в условиях глобальной нестабильности.

В социологическом смысле креативные индустрии следует понимать как сектор экономики, основанный на творчестве, навыках и таланте, который имеет потенциал для создания рабочих мест и экономического роста ввиду использования интеллектуальной собственности.

Исследователями отмечается, что для раскрытия экономического потенциала креативных индустрий необходимо улучшить условия для предпринимательства, инноваций и развития культуры в региональном аспекте [2, с. 59]. Так, развитие креативных индустрий способно стимулировать инновации, привлекать инвестиции, создавать новые рынки и укрепить национальную культурную идентичность. Однако для реализации этого потенциала необходимы целенаправленные государственные меры поддержки, инвестиции в инфраструктуру и образование, а также формирование благоприятной правовой среды. Только комплексный подход, объединяющий государственную политику, частные инвестиции и активное участие самих творцов, позволит России успешно развивать свои регионы и интегрироваться в глобальную креативную экономику.

Биографический список

1. Аюпова И.Х. (2022). Креативные индустрии и культурная идентичность: инструменты взаимного продвижения на примере Республики Татарстан // Журнал Новой экономической ассоциации. № 2(54). С. 229–234.
2. Галечян А.С. (2024). Креативные индустрии в экономике России // Эффективное обеспечение научно-технического прогресса: исследование задач и поиск решений: сборник статей Международной научно-практической конференции, г. Магнитогорск, 25 августа 2024 г. Уфа: Аэтерна. С. 57–60.
3. Желнина З.Ю., Сизова И.А., Хорева Л.В. (2023). Взаимодействие туризма и креативных индустрий на арктических территориях: сферы пересечения // Современные проблемы сервиса и туризма. Т. 17. № 2. С. 7–20.
4. Карелина Е.А. (2021). Развитие креативных индустрий в мировой практике: научное осмысление феномена // Диалог цивилизаций: Восток – Запад: материалы XXI научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых, г. Москва, 1 февраля 2021 г. Москва: Российский университет дружбы народов (РУДН). С. 202–215.
5. Кононкова Н.П., Пехтерева Е.А. (2022). Креативные индустрии как объект инвестирования // Экономические и социальные проблемы России. № 4(52). С. 114–128.
6. Молчанов И.Н. (2022). Творческие индустрии: механизмы развития человеческого потенциала // Экономика. Налоги. Право. № 2. С. 52–62.
7. Полуянова О.Г. (2021). Креативные индустрии как фактор региональной модернизации // Современный город: власть, управление, экономика. Т. 1. С. 119–125.
8. Сердюк М.Б., Федоров И.М. (2022). К вопросу исследования региональных культурных кодов: потенциал развития креативной индустрии Приморского края // Семиотика: язык, литература, фольклор и культура: материалы Республиканской научно-практической конференции школьников, студентов, магистрантов, аспирантов и молодых ученых, посвященной 100-летию со дня рождения Юрия Михайловича Лотмана, известного ученого, педагога, литературоведа и культуролога, основателя Московско-Тартуской семиотической школы, г. Якутск, 11 февраля 2022 г. Якутск: Национальная библиотека Республики Саха (Якутия). С. 187–193.
9. Сибилева Е.В., Шеломова В.А. (2025). Развитие креативной экономики в Республике Саха (Якутия) // Арктика XXI век. № 4. С. 85–93.
10. Сопина Н.В. (2021). Развитие креативных индустрий в регионах России: возможности и их реализация // Креативная экономика. Т. 15. № 2. С. 277–294.

Информация об авторах

Акулич Мария Михайловна – доктор социологических наук, профессор, Тюменский государственный университет (Российская Федерация, 625003, г. Тюмень, ул. Володарского, д. 6; e-mail: m.m.akulich@utmn.ru).

Лаврухина Наталья Николаевна – студент, Тюменский государственный университет (Российская Федерация, 625003, г. Тюмень, ул. Володарского, д. 6; e-mail: nlavruxina@inbox.ru).

THE ROLE OF CREATIVE INDUSTRIES IN STABLE DEVELOPMENT OF RUSSIAN REGIONS

Abstract. *The article examines how creative clusters contribute to economic growth, jobs creation and investment attraction in the regions, as well as the contribution of creative industries to the preservation of cultural heritage.*

Keywords: *creative industries, regions of Russia, cultural heritage, economic growth, innovation.*

About the authors

Maria M. Akulich – Doctor of Sociology, Professor, Tyumen State University (6, Volodarskogo St., Tyumen, 625003, Russian Federation; e-mail: m.m.akulich@utmn.ru).

Natalya Nikolaevna Lavrukhina – student, Tyumen State University (6, Volodarskogo Street, Tyumen, 625003; e-mail: nlavruxina@inbox.ru).

References

1. Ayupova I.K. (2022). Creative industries and cultural identity: instruments of mutual promotion on the example of the Republic of Tatarstan. Journal of the New Economic Association, 2 (54), pp. 229–234.
2. Galechyan A.S. (2024). Creative industries in the Russian economy. Effective support of scientific and technological progress: study of problems and search for solutions: collection of articles of the International scientific and practical conference, Magnitogorsk, 25 August 2024. Ufa: Aeterna, pp. 57–60.
3. Zhelnina Z.Y., Sizova I.A., Khoreva L.V. (2023). Interaction of tourism and creative industries in the Arctic territories: areas of intersection. Modern problems of service and tourism, 17(2), pp. 7–20.
4. Karelina E.A. (2021). Development of creative industries in world practice: scientific understanding of the phenomenon. Dialogue of civilizations: East – West: Proceedings of the XXI scientific conference of students, graduate students and young scientists, Moscow, 1 February, 2021. Moscow: Peoples' Friendship University of Russia (RUDN), pp. 202–215.
5. Kononkova N.P., Pekhtereva E.A. (2022). Creative industries as an investment object. Economic and social problems of Russia, 4(52), pp. 114–128.
6. Molchanov I.N. (2022). Creative industries: mechanisms for developing human potential. Economy. Taxes. Law, 2, pp. 52–62.
7. Poluyanova O.G. (2021). Creative industries as a factor of regional modernization. Modern city: power, management, economy, 1, pp. 119–125.
8. Serdyuk M.B., Fedorov I.M. (2022). On the issue of studying regional cultural codes: the potential for the development of the creative industry of Primorsky Krai. Semiotics: language, literature, folklore and culture: Proceedings of the Republican scientific and practical conference of schoolchildren, students, master's students, postgraduates and young scientists dedicated to the 100th anniversary of the birth of Yuri Mikhailovich Lotman, a famous scientist, teacher, literary scholar and cultural scientist, founder of the Moscow-Tartu semiotic school, Yakutsk, Information Center of the National Library of the Republic of Sakha (Yakutia), Yakutsk, February 11, 2022. Yakutsk: National Library of the Republic of Sakha (Yakutia), pp. 187–193.
9. Sibileva E.V., Shelomova V.A. (2025). Development of the creative economy in the Republic of Sakha (Yakutia). Arctic XXI century, 4, pp. 85–93.
10. Sopina N.V. (2021). Development of creative industries in the regions of Russia: opportunities and their implementation. Creative Economy, 15(2), pp. 277–294.

УДК 316.342.6 / ББК 60.54

Воробьева И.Н., Мехова А.А.

ТРАДИЦИОННЫЕ СЕМЕЙНЫЕ ЦЕННОСТИ КАК ФАКТОР ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Аннотация. *В работе представлены результаты социологического исследования, доказывающие тесную взаимосвязь территориальной идентичности и приверженности семейным ценностям у старшеклассников Вологодской области.*

Ключевые слова: *территориальная идентичность, репродуктивные установки, семейные ценности.*

Отток молодежи из малых и средних городов России становится основным фактором снижения рождаемости, старения и депопуляции населения регионов. Взаимосвязь миграционных и репродуктивных установок делает особенно актуальным исследование ценностных систем молодых людей, уровня их территориальной идентичности. Территориальная идентичность в аспекте эмоциональной привязанности к городу, региону, желание жить и работать на данной территории становится важным элементом закрепления населения. Основной целью работы является выявление взаимосвязи между уровнем эмоционального компонента территориальной идентичности и традиционных семейных ценностей школьников Вологодской области.

Категория «территориальная идентичность» имеет сложную структуру. Как правило, авторы выделяют когнитивный, эмоциональный и поведенческий элементы данного феномена. Когнитивный компонент включает комплекс представлений о городе, в котором человек живет, о его особенностях, объективных факторах уникальности и специфики. Поведенческий компонент как совокупность индивидуальных и коллективных действий определяется через поведенческие практики жителей города, имеющие как созидательный (благоустройство города, благотворительность и пр.), так и разрушительный (вандализм) характер [4]. Эмоциональный компонент определяется уровнем привязанности к месту проживания. Он может стать мощным ресурсом консолидации, обеспечив готовность к участию [6].

Наиболее актуальной причиной изучения территориальной идентичности населения является информация для разработки программы удержания населения в родном регионе. Именно поэтому распространен аспект изучения территориальной идентичности среди молодежи, как более миграционно настроенной части населения [1, 2, 3, 7, 8].

Эмпирической базой настоящего исследования стали данные опроса по теме «Образовательные и карьерные стратегии учащихся Вологодской области: факторы выбора», проведенного в Вологодской области в октябре – ноябре 2023 года кафедрой социологии и социальных технологий Череповецкого государственного университета. Всего по кластерной выборке опрошено 1025 чел.: 600 учащихся школ г. Череповца, 425 учащихся школ г. Вологды, 900 учащихся школ районных центров и малых городов Вологодской области.

Для изучения уровня территориальной идентичности была разработана авторская методика. Индикаторами стали ответы на комплекс специальных вопросов по каждому компоненту концепта территориальной идентичности. В контексте заявленной темы особый интерес представляет эмоциональный компонент.

Исследование показало, что большинство школьников демонстрирует позитивное отношение к своему родному городу: 65% учащихся малых городов Вологодской области, 74% школьников Вологды и 72% Череповца довольны тем, что живут в своем городе. При этом среди них только 36% школьников малых городов, 33% Вологды и 45% Череповца стали бы рекомендовать свой город для места жительства. После получения образования хотят работать в своем городе только 11% школьников из малых городов Вологодской области, 20% из Вологды и 25% из Череповца (*рис. 1*).

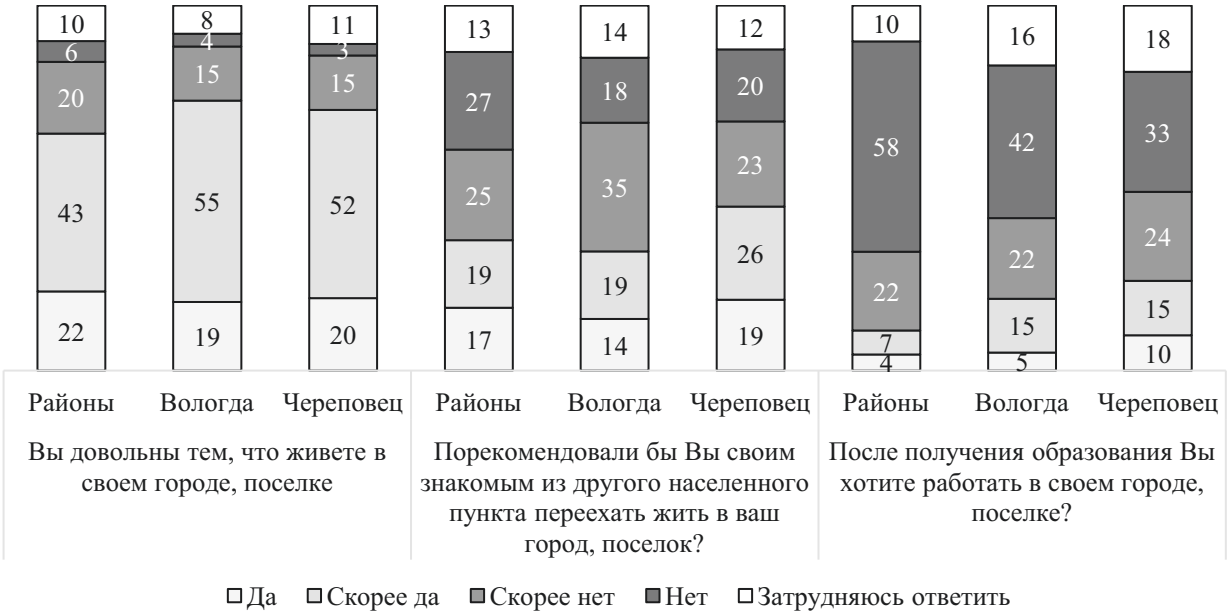

Рисунок 1. **Распределение ответов учащихся 9–11 классов Вологодской области на вопросы индикаторной модели территориальной идентичности в зависимости от места жительства, %**

В соответствии с аддитивной индикаторной моделью 11% школьников 9–11 классов Вологодской области имеют очень высокий уровень эмоционального компонента территориальной идентичности, 16% – высокий, 34% – средний, 20% – низкий, 18% – очень низкий (*рис. 2*).

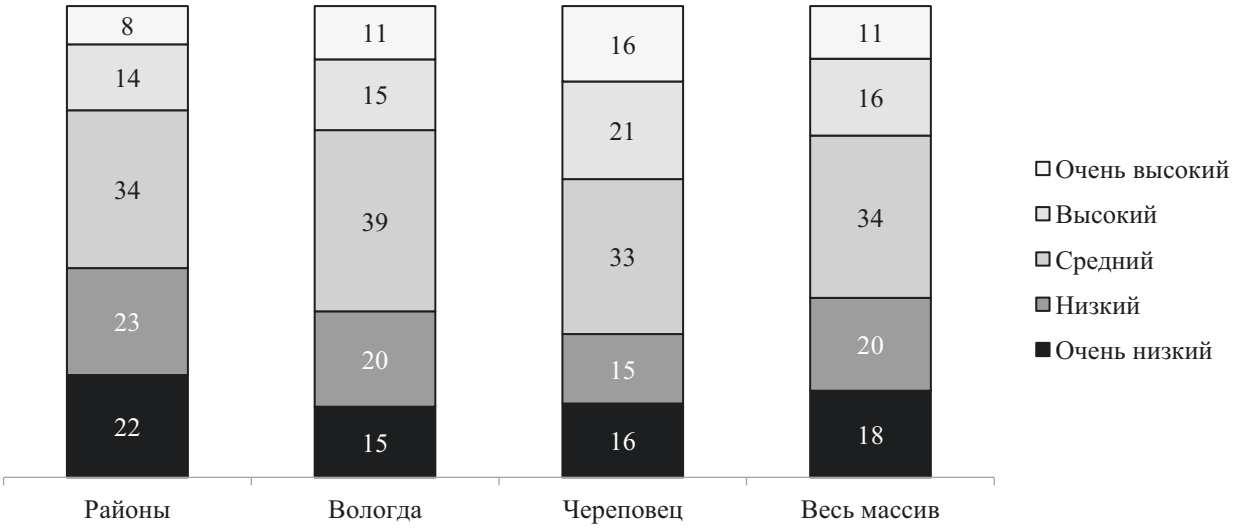

Рисунок 2. **Структура учащихся Вологодской области по уровню эмоционального компонента территориальной идентичности, в зависимости от места проживания, %**

У учащихся с низким уровнем территориальной идентичности существенно слабее выражены установки на рождение детей (*рис. 3*). Среди них только 21% согласились с суждением, что у каждой женщины / мужчины должен быть хотя бы один ребенок, тогда как среди учащихся с высоким уровнем таких 53%.

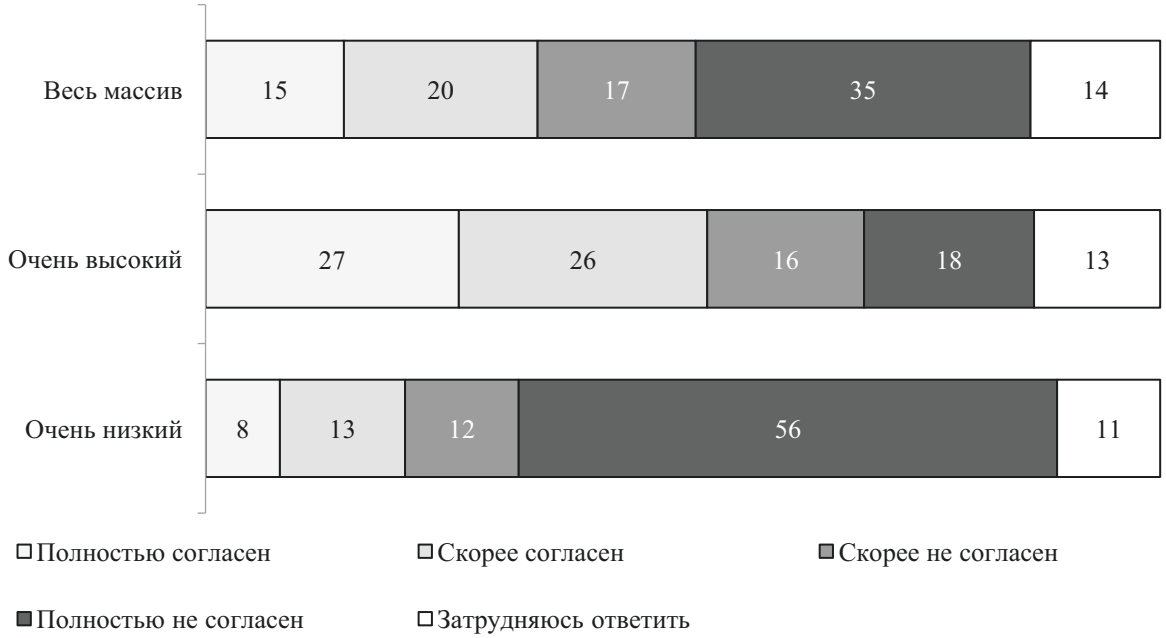

Рисунок 3. **Согласие с суждением: «У каждой женщины / мужчины должен быть хотя бы один ребенок», в зависимости от уровня эмоционального компонента территориальной идентичности школьников Вологодской области, в %**

Школьники с низким уровнем территориальной идентичности демонстрируют очень слабые репродуктивные планы (*рис. 4*). Из них каждый четвертый (25%) не хочет иметь детей (при 14% по всему массиву и 11% с очень высоким уровнем территориальной идентичности); 28% хотят иметь одного ребенка и только 24% – двух детей (при 36% по всему массиву и 42% среди учащихся с высоким уровнем территориальной идентичности).

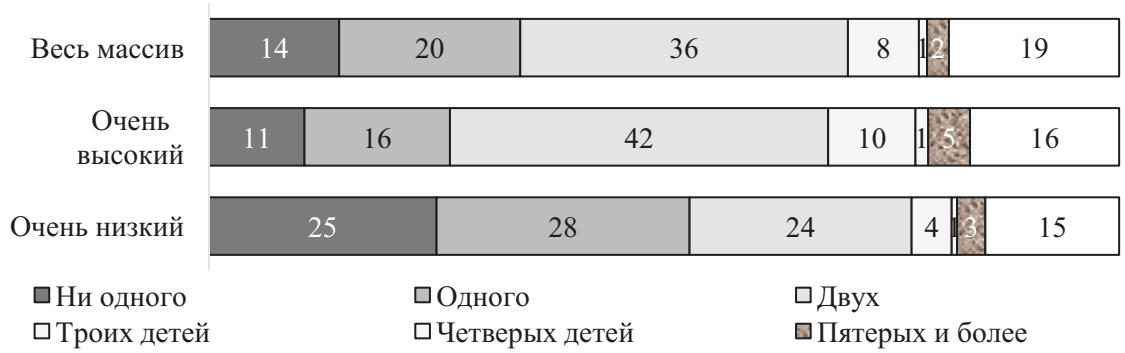

Рисунок 4. **Распределение ответов на вопрос: «Сколько детей вы бы хотели иметь в будущем?», в зависимости от уровня эмоционального компонента территориальной идентичности школьников Вологодской области, в %**

Существенно отличается и отношение к браку (*рис. 5*). У учащихся с высоким уровнем территориальной идентичности более выраженная установка на зарегистрированный брак – 57% согласились с суждением, что «брак должен быть зарегистрированным, сожительство – это не настоящая семья», тогда как среди учащихся с низким уровнем территориальной идентичности таких только 39%.

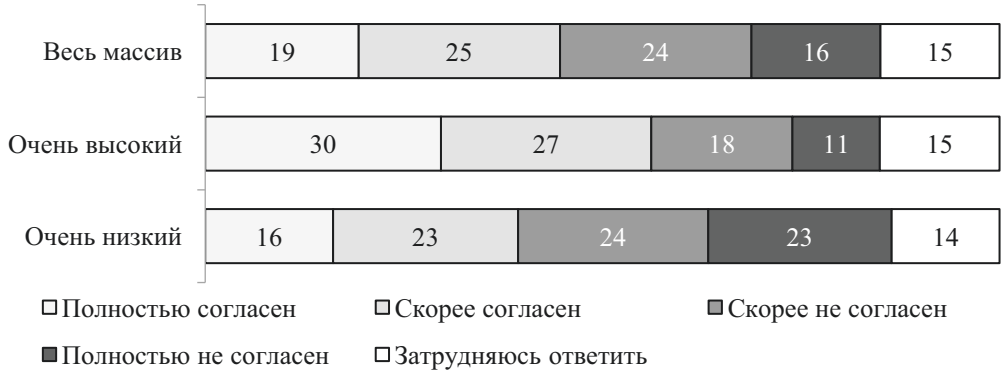

Рисунок. 5. **Согласие с суждением: «Брак должен быть зарегистрированным, сожительство – это не настоящая семья», в зависимости от уровня от уровня эмоционального компонента территориальной идентичности школьников Вологодской области, в %**

Таким образом, можно утверждать, что территориальная идентичность взаимосвязана с традиционными семейными ценностями. Школьники с высоким уровнем привязанности к месту проживания демонстрируют более выраженные репродуктивные установки и планы. Стремление создать семью, репродуктивные установки на рождение детей формируют и желание остаться в родном регионе, закрепить свои семейные корни. Соответственно, политика, направленная на усиление семейных ценностей с целью повышения уровня репродуктивных установок в будущем, дает двойной эффект для улучшения демографической ситуации в регионе. С одной стороны, это повышение рождаемости, с другой стороны, это закрепление молодежи в месте проживания.

Библиографический список

1. Авилов Г.М., Кранзеева Е.А., Яницкий Л.С. (2019). Региональная идентичность молодежи и проблема формирования имиджа региона // Профессиональное образование в России и за рубежом. № 1(33). С. 110–119.
2. Антонова Н.Л. (2021). Молодежь в поисках городской идентичности: уровни и индикаторы // Общество: социология, психология, педагогика. № 11. С. 16–19.
3. Недосека Е.В., Ануфриева Т.В. (2015). Особенности городской идентичности молодежи г. Мурманска // Социология города. № 3. С. 22–31.
4. Озерина А.А. (2016). Городская идентичность как социально-психологический феномен // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5. Философия. Социология и социальные технологии. № 3(34). С. 135–139.
5. Печеркина И.Ф. Кошкина А.А., Хузяхметов Р.Р. (2021). Территориальная идентичность в социальном пространстве // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. Т. 7. № 4(28). С. 85–101.
6. Скалабан И.А., Серебрянникова О.А. (2014). Территориальная идентичность как фактор социального участия: поколенный контекст // Идеи и идеалы. № 1(19). С. 65–74.
7. Шабунова А.А., Калачикова О.Н., Груздева М.А. (2022). Сельская и городская молодежь: социокультурные разрывы сохраняются? // Народонаселение. Т. 25. № 2. С. 39–51.
8. Шмульская Л.С., Мамаева С.В., Бондарчук С.К., Арушанян К.А. (2021). Формирование региональной идентичности школьников провинциального сибирского города // Глобальный научный потенциал. № 4 (121). С. 92–94.

Информация об авторах

Воробьева Ирина Николаевна – кандидат социологических наук, доцент, Череповецкий государственный университет (Российская Федерация, 162600, г. Череповец, пр-т Луначарского, д. 5; e-mail: vorobyova-i-n@yandex.ru).

Мехова Альбина Анатольевна – кандидат философских наук, заведующий кафедрой, Череповецкий государственный университет (Российская Федерация, 162600, г. Череповец, пр-т Луначарского, д. 5; e-mail: albina_mehova@mail.ru).

Vorobeva I.N., Mekhova A.A.

TRADITIONAL FAMILY VALUES AS A FACTOR OF TERRITORIAL IDENTITY

Abstract. *The work presents the results of a sociological study proving a close relationship between territorial identity and commitment to family values among high school students in the Vologda region.*

Keywords: *territorial identity, reproductive attitudes, family values.*

About the authors

Irina N. Vorobeva – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Cherepovets State University (5, Lunacharsky Avenue, Cherepovets, 162600, Russian Federation; e-mail: vorobyova-i-n@yandex.ru).

Albina A. Mekhova – Candidate of Philosophical Sciences, Head of Department, Cherepovets State University (5, Lunacharsky Avenue, Cherepovets, 162600, Russian Federation; e-mail: albina_mehova@mail.ru).

References

1. Avilov G.M., Kranzeeva E.A., Yanitsky L.S. (2019). Regional identity of young people and the problem of forming a regional image. Professional education in Russia and abroad, 1(33), pp. 110–119.
2. Antonova N.L. (2021). Young people in search of urban identity: levels and indicators. Society: sociology, psychology, pedago, 11, pp. 16–19.
3. Nedoseka E.V., Anufrieva T.V. (2015). Features of urban identity of young people in Murmansk. Sociology of the city, 3, pp. 22–31.
4. Ozerina A.A. (2016). Urban identity as a socio-psychological phenomenon. Bulletin of the Volgograd State University. Series 7. Philosophy. Sociology and Social Technologies, 3(34), pp. 135–139.
5. Pecherkina I.F. Koshkina A.A., Khuzyakhmetov R.R. (2021). Territorial Identity in Social Space. Bulletin of Tyumen State University. Social, Economic and Legal Research, 7, 4(28), pp. 85–101.
6. Skalaban I.A., Serebryannikova O.A. (2014). Territorial Identity as a Factor of Social Participation: Generational Context. Ideas and Ideals, 1 (19), pp. 65–74.
7. Shabunova A.A., Kalachikova O.N., Gruzdeva M.A. (2022). Rural and Urban Youth: Do Sociocultural Gaps Persist? Population, 25(2), pp. 39–51.
8. Shmulskaya L.S., Mamaeva S.V., Bondarchuk S.K., Arushanyan K.A. (2021). Formation of regional identity of schoolchildren in a provincial Siberian city. Global scientific potential, 4 (121), pp. 92–94.

УДК: 316.346.2 / 316.774

Захарова А.А., Тагнабердиева Л.А., Тенсина А.Д.

ЭВОЛЮЦИЯ ОБРАЗА ЖЕНЩИН В ОТЕЧЕСТВЕННОМ КИНЕМАТОГРАФЕ

Аннотация. *В современном мире усиливается влияние медиаобразов на сознание и поведение людей. В данной статье проанализированы некоторые аспекты эволюции образа женщины в востребованном у современной зрительской аудитории отечественном кинематографе с 1930 года по настоящее время. Основной исследовательский метод – контент-анализ.*

Ключевые слова: *кинематограф, отечественный кинематограф, образ женщины, женский персонаж.*

Кино как средство массовой информации и коммуникации представляет собой инструмент социального воздействия, характеристиками которого является массовость, техническая опосредованность и многоканальность [8, с. 123]. С.Н. Пензин еще в конце 80-х гг. прошлого века писал: «В кино есть жанры и целые направления, не нуждающиеся в посредниках» [9, с. 7].

Как форма искусства и развлечения кинематограф играет значительную роль в обществе. Как отмечает М.И. Жабский, «исторически самыми первыми участниками кинематографического процесса были создатель фильма и зритель» [3, с. 128]. С одной стороны, создатели фильмов могут оказывать влияние на зрительскую аудиторию, формируя ее взгляды, ценности, мировоззрение. В художественных фильмах могут затрагиваться социально значимые темы, вызывающие обсуждение таких важных проблем как неравенство, дискриминация, кризис семейных ценностей и т. п. С другой стороны, кинематограф, в определенной степени, является зеркалом ценностных установок зрительской аудитории.

Образ женщины в кинематографе оказывает значительное влияние на общественное сознание, особенно представителей подрастающего поколения и молодежи, создавая идеалы, которые могут становиться моделями для подражания [5]. Изменение образа женщин в кинематографе отображает социокультурные контексты, например, борьбы за равноправие, уважение, поиска баланса между семьей и профессиональной деятельностью. С течением времени женские персонажи стали более разнообразными, открывая новые возможности для исследования жизни женщин и их опыта. Современные фильмы стали чаще представлять героинь как активных участниц сюжета, а не только в качестве объекта сексуальности, любви или жертв обстоятельств. Это позволяет создавать социально значимые фильмы, которые могут влиять на восприятие и представление образа женщин.

Целью данного исследования является анализ эволюции образа женщины в отечественном кинематографе. Эмпирической базой данного исследования стали триста фильмов трех временных периодов: 1930–1959, 1960–1989 и 1990–2024 гг. (фильмы отбирались по популярности просмотров, по 100 на каждый временной период). Анализ производился с помощью таких платформ как Yandex, IVI, WINK, OKKO. Исследовательский инструментарий включал в себя такие единицы анализа, как жанр и год премьеры кинокартины, пол и возраст режиссера, возраст героини, физическая привлекательность женщины, социальная роль героини, роль героини в сюжетном повествовании (главная / второстепенная), тип женского персонажа, стереотипы о женщинах, образцовое (идеальное) поведение. Это позволило рассмотреть и проанализировать изменения образа женщины в отечественном кинематографе с 1930 года по настоящее время.

Результаты контент-анализа показали, что с 1930 года по настоящее время наблюдается гендерная асимметрия в режиссуре с доминированием мужского пола. Это свидетельствует о наличии гендерных барьеров и неравенстве в возможностях для женщин-режиссеров. Однако стоит отметить, что доля женщин-режиссеров возросла с 1930 года на 7%. Женщины-

режиссеры предлагают более критический и стереоскопический взгляд на мужчин и женщин в кино, используя его как инструмент психологической и социальной терапии. При этом проблема репрезентативности женского взгляда все еще существует [12].

Значительная (64,8%) часть режиссеров относится к возрастной группе 40–60 лет. Преобладание среднего возраста среди режиссеров обусловлено накоплением профессионального опыта, а также наличием компетенций этой возрастной группы в реализации сложных кинопроектов. Хотя в более ранних временных периодах данная группа представлена в большей степени, чем на современном этапе, но проблема репрезентации взглядов молодого поколения на роль женщины, а также на различные гендерные стереотипы, связанные с образом женщины, сохраняется. Отметим, что в России органами государственной власти предпринимаются попытки поддержки и адаптации творческой молодежи в сфере кинематографа и театрального искусства [1].

Результаты контент-анализа демонстрируют некоторые изменения в структуре лидирующих жанров кинопроизводства во временных промежутках с 1930 года по настоящее время. Так, в пятерке жанров-лидеров – драмы, комедии, мелодрамы, фантастика, фильмы о войне. Жанр драма занимает лидирующие позиции в современной киноиндустрии: доля представленности этого жанра выросла с 22 до 29,9%. Комедии, ранее имевшие большую востребованность, снизили свою представленность с 20,3 до 6,6% (*табл. 1*). Снижение доли комедии и рост драмы может отражать изменение общественных отношений, настроений и интересов, смещение фокуса на сложные социальные и психологические темы. Кроме того, перенасыщение рынка кино развлекательным контентом обуславливает поиск зрителями более содержательных нарративов. Военные фильмы предоставляют кинематографическую площадку для исследования экстремальных ситуаций, которые могут привести к развитию и раскрытию женских персонажей в новом свете. Комедии предлагают возможность изображать женщин в более нестандартных ситуациях и в комических контекстах, что позволяет исследовать их характеры [10].

Таблица 1. **Топ-5 наиболее востребованных жанров кинокартины, %**

Жанр	1930–1959 гг.	1960–1989 гг.	90-е гг. XX века – настоящее время
Комедии	20,3	20,0	6,6
Фантастика	4,6	9,8	7,0
Мелодрамы	5,2	13,6	8,8
Военные	11,8	11,2	10,3
Драмы	22,2	21,6	29,9

В распределении возрастов героинь в кинокартинах превалирующие возрастные группы составляют от 18 до 24 лет и от 25 до 40 лет (по 36% соответственно). Это обусловлено большей привлекательностью молодых героинь для целевой аудитории. Также персонажи данных возрастных групп дают возможность зрителю исследовать темы, связанные со становлением личности и интеграцией в общество в соответствии с распространенными нарративами ориентации на приключения, самореализацию.

Результаты исследования демонстрируют, что в российском кинематографе женские персонажи в большинстве случаев воспринимаются как внешне привлекательные. Однако с течением времени доля этого показателя снижается (72,7% – в 1930–1959 гг., 65,7% – в 1960–1989 гг., 52,5% – в современный период). Данная тенденция может быть связана с попытками расширить и разнообразить гендерные репрезентации на экране с выходом за рамки традиционных стереотипов. Однако она также указывает на сохраняющееся доминирование внешней привлекательности как основного критерия оценки женских образов в киноиндустрии.

Результаты исследований указывают на то, что в обществе действует разделение требований по признаку пола, а именно в требованиях к женщине по уходу за своей внешностью [2].

Доля женских персонажей, играющих второстепенные роли, составляет 54%, в то время как доля главных ролей – 46%. Это свидетельствует о том, что, в основном, образ женщины отодвигается на второстепенный план. Отметим, что степень участия героини в кинофильме может существенно влиять на развитие ее персонажа и значение для сюжета: если героиня играет центральную роль в фильме, ее действия, решения и отношения с другими персонажами могут быть определяющими для сюжета. В таких случаях у героини обычно больше времени на экране, персонаж имеет более сложный характер и динамичное развитие.

Исследование социальной роли героини показывает большую вариативность, но нам удалось выделить наиболее популярные: роль домохозяйки – 25,3%, в воинском звании рядового – 24%. Последние данные могут быть связаны с популярностью жанра военного кино. В целом, мы видим, что наиболее популярны типичные образы обычных людей, с которыми зрители могут легко идентифицироваться. Реже представлены роли школьницы, врача, актрисы, медсестры, комсомолки и др.

Исследование типов женских персонажей показало, что в кинокартинах чаще всего представлена роль женщин-гражданских активисток (18,7%). На первый взгляд может показаться, что это связано с увеличением доли независимых героинь. Однако исследования, отечественного кинематографа, свидетельствуют об обратном – женские образы в целом становятся мягче, пластичнее и все чаще выполняют функцию опорных для раскрытия образов мужских персонажей кинофильмов. Получается, женщины представлены как бы «приложением» к мужчинам и зависят от них в некоторой степени [6]. Здесь также важно учитывать исторический контекст: в советском кинематографе была важна репрезентация женщин как активных участниц гражданской жизни общества. Наши результаты демонстрируют преобладание традиционных гендерных ролей, таких как мать / домохозяйка (16,3%), дочь / сестра (17,7%) и супруга (17,3%), что указывает на сохранение устойчивых гендерных стереотипов в киноиндустрии.

По результатам исследования доля героинь, обладающих независимостью, увеличилась с 41,5 до 47,5%, что может свидетельствовать о постепенном изменении общественных установок по отношению к женщинам и их роли. В ходе нашего исследования мы выявили, что в большинстве случаев женские персонажи в отечественном кинематографе представлены примерными и образцовыми (47%). Это свидетельствует о степени сохранения традиционных гендерных стереотипов в киноиндустрии, где женщины зачастую ассоциируются с сакральными ролями, такими как мать или домохозяйка. В то же время уже более половины образов не являются сакрально-идеальными, что проявляет дискурс преодоления гендерного дисбаланса [11] и приводит к десакрализации образа женщины.

Об этом также свидетельствует изменение стереотипных взглядов на образ женщины в кинематографе. В кинофильмах периода 1930–1959 гг. преобладал взгляд на женщину в ее роли заботливой супруги и матери, ориентированной на семью. Доля этого показателя снизилась с 16,9 в данном временном промежутке до 11,5% в настоящее время. Интересно, что в кинематографе современного периода наиболее значимо представлен стереотип том, что женщины слабее и менее способны справляться с физическими или интеллектуальными задачами, чем мужчины. Доля образов женщины, транслирующих данные стереотипы, выросла с 10% в фильмах 1930–1959 гг. до 22,2% в фильмах в настоящее время. Доля персонажей, сквозь призму поведения которых транслируется взгляд, что женщины являются эмоциональными и иррациональными существами, руководствующимися эмоциями, а не логикой, выросла с 4,6 до 20,2%. В период 1960–1989 гг. данный взгляд был доминирующим. Это говорит о том, что женщины рассматриваются сквозь призму мужского взгляда на мир, именно этот ракурс транслируется в кино, поддерживает и закрепляет стереотипный взгляд на женщину в обществе как зависимую, необразованную, слабую и т. д. [4].

Результаты контент-анализа иллюстрируют важные изменения в трансляции женского персонажа на протяжении различных исторических периодов. В 1930–1959 гг. женские героини чаще всего изображались как заботливые матери и супруги, ориентированные на

семейные ценности. В этот период доминировали социокультурные установки, сквозь призму которых женщина воспринималась, в первую очередь, как поддержка и опора для мужа и детей. Следующий исторический этап (1960–1989 гг.) характеризуется более разнообразным и сложным изображением женщин в кинематографе. Женские персонажи становились более независимыми и автономными, их характеры – более сложными, отражая не только позитивные стороны их личности, но и внутренние противоречия. Изменения коснулись не только женских персонажей в кино, но и наличия женщин в режиссерском составе, что свидетельствует о разрушении стереотипов и стремлении к более разнообразному и инклюзивному кино.

В современных реалиях кинематографа (после 1990-х гг.) наблюдается сдвиг в трансляции женских образов. Женщины занимают главные роли во многих фильмах. Они представлены в самых разнообразных образах – от сильных и независимых лидеров, до уязвимых и сложных личностей. Эта тенденция отражает растущее признание разнообразия женского опыта. Однако, несмотря на прогресс в представлении разнообразия женских персонажей, в современном кинематографе не только остаются, но и увеличивают свою значимость представления о женщинах как о слабых или менее способных представителях общества по сравнению с мужчинами. По мнению У. Липпмана несмотря на то, что стереотипы позволяют людям классифицировать и понимать окружающий мир, они могут нанести вред общественности из-за недостаточного или даже искаженного представления о реальности [7, с. 125]. Сохранение данных стереотипов, безусловно, может искажать социальную реальность. Требуются изменения, чтобы создать более справедливое и реалистичное отражение женщин в кинематографе.

Библиографический список

1. Бородай А.Д. (2014). Профессиональное становление творческой молодежи России в сфере художественной культуры // Знание. Понимание. Умение. № 1. С. 153–166.
2. Досина Н.В., Кошкина А.О. (2010). Внешность женщины как фактор социальных отношений // Женщина в российском обществе. № 1(54). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vneshnost-zhenschiny-kak-faktor-sotsialnyh-otno sheniy-1
3. Жабский М.И. (2016). К вопросу о рынке в кино // Вестник ВГИК. № 3(29). С. 128–140.
4. Калашникова А.Е. (2016). Гендерные стереотипы в советском кинематографе // Психология, социология и педагогика. № 1(52). С. 89–97.
5. Каргаполова Е.В., Демидова А.А., Беляева Н.С. (2024). Образ женщины в российском и американском кино // Primo aspectu. № 3(59). С. 29–33.
6. Колесникова А.Г. (2021). У войны – женское лицо. Образ женщины в советском художественном кино периода великой отечественной войны (1941–1945) // Тульский научный вестник. Серия: История. Языкознание. № 4(8). С. 57–69.
7. Липпман У. (2004). Общественное мнение. М.: Институт Фонда «Общественное мнение». 356 с.
8. Мартыненко Т.С. (2023). Кино как предмет социологического анализа: особенности современного кинематографа // Вестник московского университета. Серия 18. № 2. С. 120–139.
9. Пензин С.Н. (1987). Кино и эстетическое воспитание: методологические проблемы. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та. 176 с.
10. Хрюкин Д.А. (2017). «Военный фильм» как жанр: мотивы памяти в образной системе фильмов о Великой Отечественной войне 1970-х годов // ИСОМ. № 6-2. С. 131–136.
11. Smith S. L., Choueiti M., Pieper K. (2017). Gender bias without borders: An Investigation of Female Characters in Popular Films across 11 countries. Song Media, Diversity, and Social Change Initiative USC Annenberg, 3. URL: https://seejane.org/wp-content/uploads/gender-bias-without-borders-executive-summary.pdf
12. Tasker Y., Negra D. (2007). Introduction. Feminist Politics and Postfeminism Culture. In: Interrogating Postfeminism. Gender and the Politics of Popular Culture. Duke University Press, 7, pp. 1–27.

Информация об авторах

Захарова Анна Антоновна – студент бакалавриата, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова (Российская Федерация, 115054, г. Москва, Стремянный переулок, д. 36; e-mail: nyuta.zakharova.04@mail.ru).

Тагнабердиева Латифа Анваровна – студент бакалавриата, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова (Российская Федерация, 115054, г. Москва, Стремянный переулок, д. 36; e-mail: latifatagnaberdieva6@gmail.com).

Тенсина Алиса Денисовна – студент бакалавриата, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова (Российская Федерация, 115054, г. Москва, Стремянный переулок, д. 36; e-mail: tensina_a@list.ru).

Zarakhova A.A., Tagnaberdieva L.A., Tensina A.D.

EVOLUTION OF THE IMAGE OF WOMEN IN DOMESTIC CINEMA

Abstract. *In the modern world, the influence of media images on people's consciousness and behavior is increasing. This article analyzes some aspects of the evolution of the image of a woman in Russian cinema, which is in demand among modern audiences from 1930 to the present. The main research method is content analysis.*

Keywords: *cinematography, national cinematography, image of a woman, female character.*

About the authors

Anna A. Zakharova – Bachelor's student, Plekhanov Russian University of Economics (36, Stryemyanny Lane, Moscow, 115054, Russian Federation; e-mail: nyuta.zakharova.04@mail.ru).

Latifa A. Tagnaberdieva – Bachelor's student, Plekhanov Russian University of Economics (36, Stryemyanny Lane, Moscow, 115054, Russian Federation; e-mail: latifatagnaberdieva6@gmail.com).

Alisa D. Tensina – Bachelor's student, Plekhanov Russian University of Economics (36, Stryemyanny Lane, Moscow, 115054, Russian Federation; e-mail: tensina_a@list.ru).

References

1. Borodai A.D. (2014). Professional development of creative youth in Russia in the field of artistic culture. Knowledge. Understanding. Skill, 1, pp. 153–166.
2. Dosina N.V., Koshkina A.O. (2010). The appearance of women as a factor in social relations. Women in Russian Society, 1(54). Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/vneshnost-zhenschiny-kak-faktor-sotsialnyh-otnosheniy-1
3. Zhabsky M.I. (2016). On the issue of the market in cinema. Bulletin of VGIK, 3(29), pp. 128–140.
4. Kalashnikova A.E. (2016). Gender stereotypes in Soviet cinema. Psychology, Sociology, and Pedagogy, 1(52). Available at: https://psychology.snauka.ru/2016/01/6244
5. Kargapolova E.V., Demidova A.A., Belyaeva N.S. (2024). The Image of Women in Russian and American Cinema. Primo aspectu, 3(59), pp. 29–33.
6. Kolesnikova A.G. (2021). The feminine face of war: the image of women in Soviet feature films during the Great Patriotic War (1941–1945). Tula Scientific Bulletin. History Series. Linguistics, 4(8), pp. 57–69.
7. Lippmann W. (2004). Public Opinion. Moscow: Institute of the Fund "Public Opinion". 356 p.
8. Martynenko T.S. (2023). Cinema as a subject of sociological analysis: features of modern cinema. Bulletin of Moscow University. Series 18, 2, pp. 120–139.
9. Penzin S.N. (1987). Cinema and aesthetic education: methodological issues. Voronezh: Voronezh Publishing House. 89 p.

10. Khryukin D.A. (2017). “War film” as a genre: memory motifs in the imagery of films about the Great Patriotic War of the 1970s. ISOM, 6-2, pp. 131–136.
11. Smith S.L., Choueiti M., Pieper K. (2017). Gender bias without borders: An investigation of female characters in popular films across 11 countries. Song Media, Diversity, and Social Change Initiative USC Annenberg, 3. Available at: https://seejane.org/wp-content/uploads/gender-bias-without-borders-executive-summary.pdf
12. Tasker Y., Negra D. (2007). Introduction. Feminist Politics and Postfeminism Culture. In: Interrogating Postfeminism. Gender and the Politics of Popular Culture. Duke University Press, 7, pp. 1–27.

УДК 316.477 / ББК 60.524

Кислицын И.А., Ромашкина Г.Ф.

УГРОЗЫ ЦИФРОВОЙ СРЕДЫ ДЛЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ДОВЕРИЯ

Аннотация. *В статье исследуется влияние цифровых угроз на институциональное доверие. На основе анализа теоретических подходов (П. Штомпка и др.) и результатов анкетирования старшеклассников (n = 87) выявляются основные факторы, влияющие на доверие в цифровой среде. Мы классифицируем цифровые угрозы и подчеркиваем важность разработки мер по защите институционального доверия в условиях цифровизации.*

Ключевые слова: *цифровые угрозы, институциональное доверие, цифровая среда, концепция П. Штомпки.*

В условиях стремительной цифровизации общества и роста значимости цифровой среды для взаимодействия граждан с государственными и общественными институтами, возрастает актуальность изучения влияния цифровых угроз (дезинформация, манипуляции, когнитивные искажения) на доверие к этим институтам. Понимание природы этих угроз и механизмов их воздействия необходимо для разработки эффективных стратегий восстановления институционального доверия. Исследование восприятия цифровых угроз молодежью, как наиболее восприимчивой к новым технологиям группы, позволяет оценить будущие тенденции в формировании доверия. Цель статьи: определить основные угрозы цифровой среды, влияющие на институциональное доверие, а также оценить восприятие данных угроз старшеклассниками.

Доверие является ключевым понятием в социологии и экономике. В социологии существуют два основных подхода к определению этого понятия. Во-первых, доверие определяется как явление традиционного общества и понимается как вера и уверенность в действиях другого человека. Во-вторых, доверие рассматривается как современная категория и определяется как рациональное решение, принимаемое человеком. Эти два подхода рассматривают доверие с разных позиций. Однако можно сказать, что доверие – это вера, основанная на рациональном выборе.

Доверие изучали еще с древних времен. Этот вопрос занимал еще Конфуция, Аристотеля и Фому Аквинского. Гиорг Зиммель один из первых стал исследовать доверие. Он определил его как «среднее состояние между знанием и неведением» [4, с. 267]. Позже доверие рассматривал Никлас Луманн. Он использовал системно-теоретический подход и определял доверие как «рисковый шаг вперед». Затем Фрэнсис Фукуяма рассматривает цифровое доверие как социальный капитал и источник экономического роста и процветания [9]. На данный момент нет общепризнанного определения доверия. Э. Гидденс определяет доверие «как уверенность в надежности человека или системы…» [5, с. 34].

Институциональное доверие, в отличие от межличностного или обобщенного доверия, основано на формальных положениях и нормах, установленных в обществе [6, с. 35]. Институциональное доверие характеризуется предсказуемостью, надежностью и компетентностью институтов, обеспечивающих соблюдение установленных норм и эффективное выполнение обязательств. Важными аспектами также являются беспристрастность, открытость и подотчетность, гарантирующие справедливое отношение ко всем гражданам и прозрачность деятельности. Легитимность и стабильность институтов укрепляют уверенность в их законности и способности функционировать в долгосрочной перспективе.

Ю.В. Веселов, рассматривая трансформацию доверия в эпоху цифровизации, обращает внимание на то, что «когда появляется “цифровое правительство” вместе с ним возникает новое измерение институционального доверия, и часто оно в пользу государства – вдруг традиционно тяжелое “общение” с ним становится значительно более легким». [2, с. 137].

Петр Штомпка разработал собственную модель разрушения культуры доверия. Он писал, что «доверие есть ставка в отношении будущих непредвиденных действий других» [11]. Особое

место в данной концепции играет категория риска. Он выделяет четыре типа рисков. Основываясь на этом, современные ученые говорят об «обществе риска». В таких ситуациях доверие выступает, как основной способ примириться с меняющимся цифровым миром. П. Штомпка выделяет следующие виды доверия: личное, категориальное, позиционное, групповое коммерческое, системное и институциональное. Под институциональным доверием он понимает не только доверие к социальным институтам, но и «процедуры» – так называемые практики. Ученый выделял три уровня доверия: реляционный, психологический и культурный. При этом он выделяет следующие основания доверия: репутация, впечатление, внешний вид. Доверие, по мнению ученого, освобождает и мобилизует человеческое действие, снижает неопределенности и риски [7].

В марте 2025 года было проведено анкетирование среди 87 старшеклассников профильных (социально-экономических) классов. Целью исследования было выявление уровня осознания и отношения старшеклассников к угрозам цифровой среды и их влиянию на институциональное доверие. Результаты показали, что, хотя большинство (40%) склонны доверять мнению знакомых, влияние авторитетных источников также остается значительным (35%). Лайки и репосты, в свою очередь, воспринимаются скорее, как индикатор популярности, нежели достоверности информации. Наиболее опасным цифровым риском, по мнению опрошенных, являются фейковые новости (45%). В связи с этим, прозрачность государственных институтов была названа ключевым фактором доверия, в то время как активная работа в социальных сетях – наименее значимым (10%). Интересно, что большинство респондентов (65%) не считают cookie-файлы угрозой. При этом, несмотря на поддержку борьбы с фейками, значительная часть опрошенных (45%) выразила опасения относительно возможного ограничения свободы слова. Общее мнение заключается в том, что угрозы в цифровой среде оказывают существенное влияние на политические процессы (70%). При этом не все участники исследования в полной мере осознают риски, связанные с этими угрозами.

Следует обратить внимание на то, что анкетирование проводилось в профильных классах с углубленным изучением обществознания, и при зачислении в данные классы проходил отбор.

Основными угрозами цифровой среды можно выделить: вредоносное ПО, фишинговые программы и приложения, создание фейковых аккаунтов, распространение новостей и информации, способной навредить незащищенным слоям населения. Риски, которые провоцируют данные угрозы, разнообразны: потеря доступа к данным и дальнейшее их использование в незаконных целях, потеря финансовых средств, репутационные риски, дискредитация.

Ситуация с контентными угрозами обусловлена переходом от традиционных СМИ к цифровым. В этих условиях происходит резкий рост объемов информации. Информацию становится все труднее проверять на достоверность. Появляется большое количество фейков. На фоне этого процесса важную роль для современного человека играют инфлюэнсеры и блогеры, которые формируют современную повестку и являются ключевыми факторами в формировании доверия.

Когнитивные угрозы связаны со спецификой цифровой среды как таковой. Как утверждает Ю.С. Малюк, когнитивные угрозы вызваны «сужением восприятия, ограничением внимания, отсутствием невербального общения» [9, с. 53].

Манипулятивные угрозы самые разнообразные из представленных. Манипулятивные цифровые угрозы – это способы скрытого влияния на формирование убеждений и доверия в цифровой среде. К ним можно отнести алгоритмы подбора информации в разных поисковых системах, cookie-файлы, систему «лайков» и репостов, киберсимулякры и фейковые аккаунты, симулирующие функционирование настоящих людей. Все это вызывает и формирует однотипное политическое мышление, влияя на доверие к государственным организациям, общественным институтам.

Рассмотренные угрозы и вызываемые ими риски не являются исчерпывающими и требуют дальнейшего изучения.

Библиографический список

1. Астафьева О.Н., Никонорова Е.В., Шлыкова О.В. (2018). Культура в цифровой цивилизации: новый этап осмысления стратегии будущего для устойчивого развития // Обсерватория культуры. Т. 15. № 5. С. 516–531. DOI: 10.25281/2072-3156-2018-15-5-516-53
2. Веселов Ю.В. (2020). Доверие в цифровом обществе // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. Т. 13. № 2. С. 129–143. DOI: 10.21638/spbu12.2020.202
3. Ворникова Е.Д. (2020). Понятие цифровой среды доверия // Пробелы в российском законодательстве. Т. 13. № 6. С. 251–257.
4. Зиммель Г. (2015). Избранное. Проблемы социологии / сост. С.Я. Левит. М.; СПб.: Университетская книга, Центр гуманитарных инициатив. 416 с.
5. Гидденс Э. (2011). Последствия современности. М.: Издательская и консалтинговая группа «Праксис». 352 с.
6. Леонова И.Ю. (2015). Доверие: понятие, виды и функции // Вестник Удмуртского университета. Серия: Философия. Психология. Педагогика. Т. 25. № 2. С. 34–41.
7. Лукин В.Н., Мусиенко Т.В. (2008). Модель культуры доверия П. Штомпка: профили рисков // Credo New. № 2. URL: https://credonew.ru/ content/view/669/60/
8. Макушева М.О., Нестик Т.А. (2020). Социально-психологические предпосылки и эффекты доверия социальным институтам в условиях пандемии // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 6. С. 427–447.
9. Матюк Ю.С. (2023). Угрозы цифровой среды в контексте поддержания доверия к государственным институтам // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. Т. 25. № 2. С. 50–55.
10. Фукуяма Ф. (2004). Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. Москва: АСТ. 736 с.
11. Штомпка П. (1996). Социология социальных изменений. М.: Аспект Пресс. 414 с.

Информация об авторах

Ромашкина Гульнара Фатыховна – доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры экономической безопасности, системного анализа и контроля, Тюменский государственный университет (Российская Федерация, 625003, г. Тюмень, ул. Володарского, д. 6; e-mail: g.f.romashkina@utmn.ru).

Кислицын Иван Александрович – магистрант, Тюменский государственный университет (Российская Федерация, 625003, г. Тюмень, ул. Володарского, д. 6; e-mail: sociologys@mail.ru).

Kislitsyn I.A., Romashkina G.F.

THREATS OF THE DIGITAL ENVIRONMENT TO INSTITUTIONAL TRUST

Abstract. *The article examines the impact of digital threats on institutional trust. An analysis of theoretical approaches (P. Sztompka and others) and the results of a survey of high school students (n = 87) identify the main factors influencing trust in the digital environment. The author classifies digital threats and emphasizes the importance of developing measures to protect institutional trust in the era of digitalization.*

Keywords: *digital threats, institutional trust, digital environment, concept of P. Sztompka.*

About the author

Gulnara F. Romashkina – Doctor of Sociology, Professor, Professor of the Department of Economic Security, System Analysis and Control, Tyumen State University (6, Volodarskogo Street, Tyumen, 625003, Russian Federation; e-mail: g.f.romashkina@utmn.ru).

Ivan A. Kislitsyn – Master's student, Tyumen State University (6, Volodarskogo Street, Tyumen, 625003, Russian Federation; e-mail: sociologys@mail.ru).

References

1. Astafyeva O.N., Nikonorova E.V., Shlykova O.V. (2018). Culture in the Digital Civilization: A New Stage in Understanding the Strategy of the Future for Sustainable Development. Observatory of Culture, 15(5), pp. 516-531. DOI: 10.25281/20723156-2018-15-5-516-531
2. Veselov Y.V. (2020). Trust in Digital Society. St. Petersburg University Journal of Sociology, 13(2), pp. 129–143. DOI: 10.21638/spbu12.2020.202
3. Vornikova E.D. (2020). The Concept of the Digital Trust Environment. Gaps in Russian Legislation, 13(6), pp. 251–257.
4. Simmel G. (2015). Selected Writings. Problems of Sociology; compiled by S.Y. Levit. Moscow; St. Petersburg: Universitetskaya kniga, Center for Humanitarian Initiatives. 416 p.
5. Giddens A. (2011). The Consequences of Modernity. Moscow: Publishing and Consulting Group “Praxis”. 352 p.
6. Leonova I.Y. (2015). Trust: Concept, Types and Functions. Bulletin of Udmurt University. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy, 25(2), pp. 34–41.
7. Lukin V.N., Musienko T.V. (2008). P. Sztompka’s Model of Trust Culture: Risk Profiles. Credo New, 2. Available at: https://credonew.ru/content/view/669/60/
8. Makusheva M.O., Nestik, T.A. (2020). Socio-Psychological Prerequisites and Effects of Trust in Social Institutions in the Context of a Pandemic. Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes, 6, pp. 427–447.
9. Matyuk Y.S. (2023). Threats of the Digital Environment in the Context of Maintaining Trust in State Institutions. The Asia-Pacific Region: Economics, Politics, Law, 25(2), pp. 50–55.
10. Fukuyama F. (2004). Trust: Social Virtues and the Creation of Prosperity. Moscow: ACT. 736 p.
11. Sztompka P. (1996). Sociology of Social Change. Moscow: Aspekt Press. 414 p.

УДК 323.2/ ББК 66.3

Корзина А.А.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЕДИНОГО ПОРТАЛА ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ УСЛУГ (НА ПРИМЕРЕ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ)

Аннотация. *В статье рассмотрены изменения в работе единого портала государственных и муниципальных услуг как основной платформы для осуществления взаимосвязи между обществом и государством. На примере Вологодской области проведено исследование отношения населения к оказанию государственных и муниципальных услуг в электронном виде.*

Ключевые слова: *Интернет, государственные услуги, электронный гражданин, государственное управление, общественно-государственные отношения.*

В связи с повсеместным погружением населения в мир информации (Интернет), а также в связи с глобальным переходом общественно-государственных отношений в электронную форму, наравне с ключевыми понятиями концепции e-government, такими как «электронное государство», «электронное правительство», «электронное управление», «электронное администрирование», «электронная власть», возникает новый термин информационного общества – «электронный гражданин» или e-citizen.

В России данное понятие прочно вошло в обиход благодаря запуску единого портала государственных и муниципальных услуг (далее – портал Госуслуг). Данная платформа была запущена в 2009 году для решения задачи Федеральной целевой программы «Электронная Россия (2002–2010 гг.)»[1], заключающейся в осуществлении перехода федеральными органами исполнительной власти на предоставление государственных услуг и исполнение государственных функций в электронном виде.

Портал Госуслуг изначально был информационным сайтом, где размещалась информация о государственных и муниципальных услугах. Сейчас его называют помощником «в общении с государством»[2]. Уже через 10 лет после запуска, в 2019 году, произошел старт суперсервисов, благодаря которым стало возможным оформление документов, пособий и льгот без личного присутствия человека и бумажных заявлений[3].

В докладе Заместителя Председателя Правительства Российской Федерации Дмитрия Чернышенко сказано, что за 2023 год на Едином портале государственных и муниципальных услуг было оказано свыше 340 млн услуг – это превысило показатели 2022 года более чем на 100 млн. Количество учетных записей на 2023 год составило 109,7 млн. По сравнению с 2019 годом данный показатель вырос на 45,7 млн. Кроме того, доля массовых социально-значимых предоставляемых онлайн-услуг составила 100%. Для сравнения, в 2019 году данный показатель был равен 4,7%[4].

В настоящем исследовании рассматривается деятельность портала Госуслуг в Вологодской области. Данный регион России в 2024 году вошел в ТОП 10 регионов по использованию электронных сервисов портала Госуслуг. Как отмечает губернатор области Георгий Филимонов: «Более 725 тысяч вологжан, которые имеют подтвержденную учетную запись на Портале госуслуг, в течение 2024 года воспользовались хотя бы раз его электронными сервисами»[.]

[1] Постановление Правительства РФ от 28 января 2002 г. № 65 «О федеральной целевой программе «Электронная Россия (2002 - 2010 годы)». URL: https://base.garant.ru/184120/

[2] Портал государственных услуг Российской Федерации. Порталу Госуслуг 10 лет. URL: https://www.gosuslugi.ru/help/news/2019_12_16_10_years

[3] Портал государственных услуг Российской Федерации. Еще пять прототипов суперсервисов на Госуслугах. URL: https://www.gosuslugi.ru/help/news/2019_11_21_super_services_3_part

[4] Доклад Заместителя Председателя Правительства Российской Федерации Дмитрия Чернышенко «Цифровизация Госуслуг – государство для граждан». URL: https://digital.gov.ru/uploaded/files/0-chernyishenko_0zg5OE2.pdf

Всего подтвержденную запись на портале имеют более 919 тыс. вологжан в возрасте от 14 лет.[5]

Данные, опубликованные на сайте Федеральной службы государственной статистики, показывают динамику количества пользователей сети Интернет (*рис. 1*), в том числе динамику доли населения, являющегося активными пользователями (*рис. 2*). На графиках видно, что количество жителей Вологодской области, являющихся пользователями, в том числе активными пользователями сети Интернет, проигрывает в сравнении с показателями по стране, однако нужно отметить, что с 2019 по 2023 гг. данные по числу пользователей увеличиваются, как в целом по России, так и по Вологодской области.

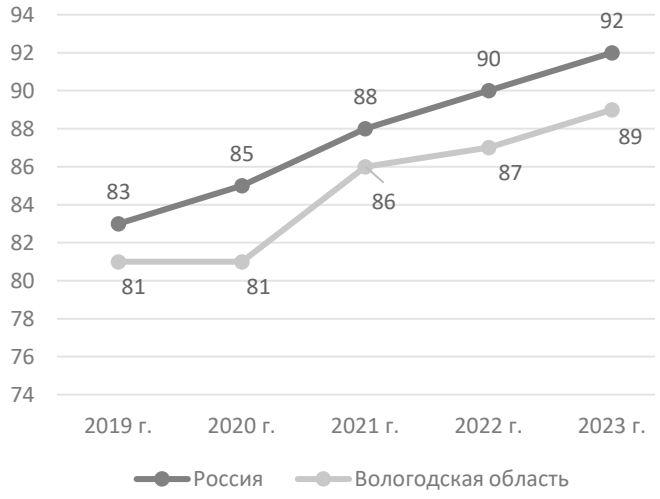

Рисунок 1. **Число пользователей сети Интернет на 100 чел. населения**

Источник: составлено автором по данным Федеральной службы государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru

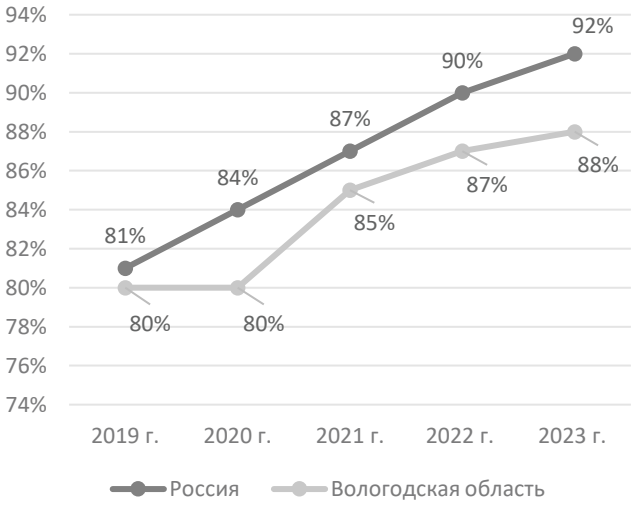

Рисунок 2. **Доля населения, являющегося активными пользователями сети Интернет, в общей численности населения**

Источник: составлено автором по данным Федеральной службы государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru

На *рис. 3* представлена динамика доли граждан, использующих механизм получения государственных и муниципальных услуг в электронной форме с 2017 по 2023 гг. Стоит отметить, что несмотря на то, что показатели Вологодской области по использованию сети Интернет в целом немного ниже, чем средние цифры по России, доля граждан области, использующих механизм получения государственных и муниципальных услуг в электронной форме, на 2023 год составила 90%, что выше, чем показатель по стране (88%).

[5] Официальный портал Правительства Вологодской области. Вологодская область вошла в ТОП 10 регионов по использованию электронных сервисов Портала госуслуг. URL: https://vologda-oblast.ru/novosti/vologodskaya_oblast_voshla_v_top_10_regionov_po_ispolzovaniyu_elektronnykh_servisov_portala_gosuslug/

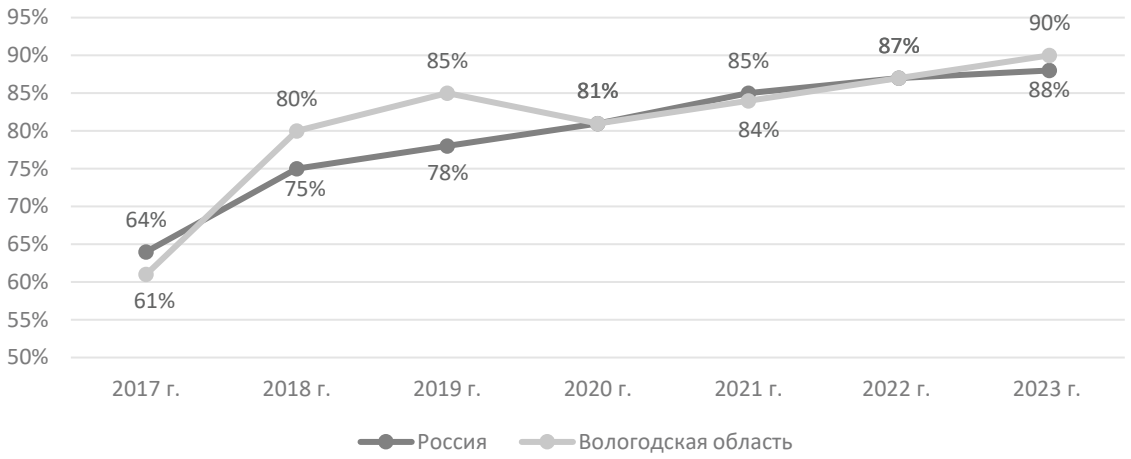

Рисунок 3. **Доля граждан, использующих механизм получения государственных и муниципальных услуг в электронной форме за 2017–2023 гг.**

Источник: составлено автором по данным Федеральной службы государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru

По результатам мониторинга общественного мнения населения Вологодской области, проведенного в декабре 2023 года Вологодским научным центром РАН (объем выборочной совокупности = 1500 респондентов) было выявлено, что 77% опрошенных пользуются Интернетом. Из них преобладающая часть (89%) зарегистрированы на едином портале государственных и муниципальных услуг. Меньше 10% населения не видят в этом необходимости, поскольку предпочитают личный визит электронному взаимодействию. В то же время 1/5 населения отмечает, что в этой сфере у них недостает навыков и знаний (*рис. 4*).

Рисунок 4. **Рейтинг основных причин неиспользования Интернета для получения государственных и муниципальных услуг**

Источник: мониторинг общественного мнения, Вологодская область, 2023 год, N = 1500

В вопросе удовлетворенности качеством предоставляемых электронных услуг, больше половины опрошенных респондентов отметили, что полностью удовлетворены качеством и не сталкивались с какими-либо проблемами при их получении. Среди тех, кто сталкивался с проблемами, почти треть отмечает технические сбои на сайте / портале, 15% опрошенных назвали недостаточной или некорректной информацию по предоставляемым услугам (*рис. 5*).

Рис. 5. **Основные проблемы, с которыми сталкивается население Вологодской области при получении государственных и муниципальных услуг через сеть Интернет (официальные веб-порталы, сайты)**

Источник: мониторинг общественного мнения, Вологодская область, 2023 год, N = 1500.

Результаты исследования показали, что несмотря на глобальное погружение населения в электронное взаимодействие с государством и средние показатели удовлетворенности процессом предоставляемых услуг, остаются некоторые проблемы предоставления и получения госуслуг в электронном виде. Одним из основных недостатков является нехватка знаний и навыков для этого, в связи с чем в Российской Федерации актуальными стали вопросы исследования цифрового неравенства и цифровой грамотности [1]. Вследствие чего в различных регионах страны, в том числе в Вологодской области, начали осуществляться проекты (например, «Электронный гражданин»), направленные на предоставление равной доступности информационных технологий, повышение информационной грамотности населения, предоставление качественных электронных государственных услуг и проработанных регламентов оказания электронных услуг.

Актуальными являются проблемы в информационной и технической составляющих портала, в том числе usability[6]. Для улучшения ситуации, как отмечает М.В. Курганова, необходимо оптимизировать процесс информированности пользователей о видах и способах получения государственных услуг [2]. Важнейшими проблемами также остаются вопросы защиты данных и конфиденциальности информации. Для решения данных проблем во многих странах внедряются технологии, повышающие уровень конфиденциальности. Это средства контроля конфиденциальности, которые сокращают объем информации, позволяющей установить личность, или предотвращают ненужную обработку данных без потери функциональности системы [4]. В России, как отмечают Н.А. Стефанова, О.И. Климахина и А.И. Ростовская, «существует необходимость разработки и внедрения соответствующего законодательства для защиты персональных данных граждан» [3].

[6] РБК Тренды. Что не так с цифровыми госуслугами в России и как это исправить. URL: https://trends.rbc.ru/trends/social/61f3cda09a7947711d74fddd?from=copy

Библиографический список

1. Груздева М.А. (2023). Цифровое благополучие населения региона: подходы к оценке // Проблемы развития территорий. № 1. С. 130–144. DOI: 10.15838/ptd.2023.1.123.8
2. Курганова М.В. (2021). Популяризация электронных государственных услуг в Российской Федерации // Международный научно-исследовательский журнал. № 7-3(109). С. 106–109. DOI: 10.23670/IRJ.2021.109.7.091
3. Стефанова Н.А., Климахина О.И., Ростовская А.И. (2024). Развитие инфраструктуры электронного правительства в России // Journal of Monetary Economics and Management. № 2. С. 114-120. DOI: 10.26118/2782586.2024.40.15.016
4. Kamm L., Bogdanov D., Brito E., Ostrak A. (2024). Blueprints for Deploying Privacy Enhancing Technologies in E-Government. Privacy and Identity Management. Sharing in a Digital World. Privacy and Identity 2023: reports of the International Summer School, Oslo, August 8–11, 2023; Bieker F., Conca de S. [et al.] Cham: Springer, pp. 3–19.

Информация об авторе

Корзина Алена Алексеевна – младший научный сотрудник, Вологодский научный центр РАН (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56А; e-mail: Lawrentjewa.alyona2016@yandex.ru).

Korzina A.A

TRANSFORMATION OF THE UNIFIED PORTAL OF STATE AND MUNICIPAL SERVICES (USING THE EXAMPLE OF THE VOLOGDA REGION)

Abstract. *This article discusses the changes in the unified portal of state and municipal services as the main platform for the implementation of the relationship between society and the state and the provision of public services. Using the example of the Vologda Oblast, a study was conducted on the attitude of the population to the provision of state and municipal services in electronic form.*

Keywords: *Internet, public services, electronic citizen, public administration, public-state relations.*

About the author

Alena A. Korzina – Junior Researcher of Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: Lawrentjewa.alyona2016@yandex.ru).

References

1. Gruzdeva M.A. (2023). Digital well-being of the region's population: approaches to assessment. Problems of territorial development, 1, pp. 130–144. DOI: 10.15838/ptd.2023.1.123.8
2. Kurganova M.V. (2021). Popularization of electronic public services in the Russian Federation. International Scientific Research Journal, 7-3 (109), pp. 106–109. DOI: 10.23670/IRJ.2021.109.7.091
3. Stefanova N.A., Klimakhina O.I., Rostovskaya A.I. (2024). Development of e-government infrastructure in Russia. Journal of Monetary Economics and Management, 2, pp. 114–120. DOI: 10.26118/2782-4586.2024.40.15.016
4. Kamm L., Bogdanov D., Brito E., Ostrak A. (2024). Blueprints for Deploying Privacy Enhancing Technologies in E-Government. Privacy and Identity Management. Sharing in a Digital World. Privacy and Identity 2023: reports of the International Summer School, Oslo, August 8–11, 2023; ed. by Bieker F., Conca de S. [et al.] Cham: Springer, pp. 3–19. DOI: 10.1007/978-3-031-57978-3_1

УДК: 331.105.6

Марина И.П., Мосин В.И.

РОЛЬ ЖЕНЩИН В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ РАЗВИТИИ ТУЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация. *В статье говорится об организации помощи женщинам-предпринимательницам Ассоциацией женщин-лидеров «Содружество». Выделяются приоритетные цели данной организации. Также рассказывается о наиболее интересных мероприятиях, проводимых для женщин-предпринимательниц.*

Ключевые слова: *Ассоциация женщин-лидеров «Содружество», бизнес-завтраки.*

Тульскую область называют оружейной столицей России и этому есть множество подтверждений. С самого своего существования Туле приходилось испытывать нашествия враждебных сил и защищаться. При Петре I в Туле были построены оборонные заводы и налажено регулярное оружейное производство. С тех пор разрабатывались тульские оружейные изделия, которые принесли городу славу и честь. Основными работниками на оружейном производстве были мужчины и подростки. Женщины трудились в других сферах. Постепенно доля женщин-работниц увеличивалась.

В современных условиях в регионе примерно половина работающих – женщины. Среди них немало занимают руководящие должности, ведут предпринимательскую деятельность. Нельзя сказать, что им сложно работать среди мужчин-оружейников, но свои трудности имеют место быть.

С 2004 года Тульский социологический центр создает «Рейтинг туляков, внесших наибольший вклад в социально-экономическое развитие Тульской области». В эти рейтинги входили не только руководящие работники региона, депутаты, директора предприятий, но и социальные предприниматели, деятели культуры и искусств.

В начале 2020-х гг. жители Тульской области изъявляли желание узнать, много ли в регионе женщин, которые могут быть хорошими руководителями, успешными предпринимателями и заниматься творчеством.

Сотрудники Тульского социологического центра и Тульской региональной общественной организации Ассоциация женщин-лидеров «Содружество», при поддержке Тульской Торгово-промышленной палаты составили такой рейтинг.

При отборе кандидатов на включение в рейтинг эксперты исходили из их активности в социально-экономической работе на благо Тульской области. Эксперты учитывали не только заслуги организации, которой руководят кандидаты, но и их активную гражданскую и экономическую позиции.

Руководитель исследования – Василий Мосин – генеральный директор Тульского социологического центра, кандидат философских наук, доцент.

В начале 2025 года вышел третий «Рейтинг женщин, внесших наибольший вклад в социокультурное развитие Тульской области в 2024 году», который был размещен на сайте Российского общества социологов [1].

Современная женщина часто оказывается перед сложным выбором: успешная карьера, счастливая семья или самореализация. Если женщина принимает решение не выбирать, а совмещать, то это решение потребует от нее не только отличных организаторских способностей, но и глубокого понимания своих собственных потребностей и психофизиологических особенностей.

На территории Тульской области на протяжении 21 года работает Тульская региональная общественная организация Ассоциация женщин-лидеров «Содружество», объединяющая более 150 членов.

Ассоциация выделяет для себя приоритетные цели:

- продвижение интересов деловых женщин – содействие в решении вопросов и защите интересов участниц;

• тематические встречи с экспертами и обмен опытом – общение с профессионалами и успешными женщинами;

• обучающие, просветительские и ресурсные мероприятия – семинары и мастер-классы для личностного и профессионального роста;

• круглые столы с представителями власти, общественности и СМИ – обсуждение актуальных тем и поиск решений;

• реализация социально-значимых проектов (участие в проектах, которые приносят пользу обществу. По согласованию можно инициировать свои проекты под руководством Ассоциации;

• деловые экскурсии и бизнес-миссии – посещение других городов и стран для обмена опытом и установления новых деловых связей;

• межрегиональное и международное взаимодействие – сотрудничество с общественными и деловыми объединениями;

• участие в профессиональных конкурсах, премиях, медиапроектах – возможность заявить о себе и своих достижениях.

Ассоциация сотрудничает практически со всеми крупнейшими деловыми и общественными организациями. Ее партнеры – «Деловая Россия», Тульская торгово-промышленная палата, Народный фронт, сообщество «Мягкая сила» выпускниц программы «Женщина-лидер», «Женщины бизнеса», «Опора России».

Ассоциация является официальным региональным представительством Межрегиональной Ассоциации женского бизнеса, имеет тесные контакты со многими женскими сообществами практически во всех регионах нашей страны.

В январе на общем собрании президентом Ассоциации была избрана Илиана Петровна Марина. Она активно занимается продвижением инициатив, направленных на поддержку и развитие женщин. Под ее руководством Ассоциация реализует различные проекты, направленные на повышение роли женщин в обществе, экономике и политике. Проекты Ассоциации включают в себя образовательные программы, тренинги и мероприятия, которые помогают женщинам развивать лидерские качества, навыки коммуникации и предпринимательства. Илиана Марина за короткий период смогла объединить вокруг себя команду единомышленников, ярких современных лидеров, одной из которых является Юлия Шаламова – опытный организатор мероприятий и общественный деятель, специализирующийся на создании уникальных форматов досуга для женщин. Вдохновленная идеей объединения женщин вокруг общих интересов и стремления к саморазвитию, Юлия стала инициатором проекта «Бизнес-завтраки».

Бизнес-завтраки – представляют собой уникальное сочетание гастрономических мероприятий и образовательных программ. Участницы мероприятий данного формата имеют возможность насладиться завтраком, приготовленным шеф-поваром ресторана, что создает атмосферу уюта и расслабления, способствуя общему психофизиологическому состоянию.

Неотъемлемой частью данного формата мероприятий является нетворкинг – заранее запланированное время на знакомство, общение, дискуссии, обмен опытом. Взаимодействие с другими женщинами, обмен опытом и новые знакомства способствуют формированию поддержки и солидарности среди участниц. Это особенно важно в условиях современного общества, где женщины часто сталкиваются с различными вызовами. Возможность поделиться своими историями и получить поддержку от единомышленниц создает атмосферу доверия и взаимопомощи.

Вариант проведения мероприятия такого формата можно подробно осветить на примере состоявшегося 1 марта (в 1-й день весны) стильного завтрака «Вкус весны-лета 2025». Участниц мероприятия ожидал не только вкусный завтрак, но и увлекательные лекции о самых актуальных трендах в моде: одежде, аксессуарах и парфюмерии.

Стилист Елена Кузнецова рассказала о том, что будет в моде весной и летом 2025 года: обзор ключевых трендов сезона от цветовых палитр и фактур до силуэтов и ключевых модных деталей, и как эти тренды любая из участниц сообщества может легко интегрировать в свой личный гардероб.

Основательница салона одежды Mary Stone Елена Гришина проанализировала ключевые предметы одежды, представленные в коллекции магазина, и продемонстрировала на примере нескольких образов, как создавать стильные и разнообразные комплекты на основе трендов сезона. Так же нескольким участницам мероприятия была предоставлена возможность попробовать себя в роли модели.

Основательница парфюмерного бутика Мария Рогачева прочитала лекцию о парфюмерных трендах весны-лета 2025 года, рассказала о самых актуальных нотах и ароматических композициях, которые идеально дополнят модный образ участниц сообщества. Участницы мероприятия отметили важность полученной информации о парфюмерных трендах, поскольку они играют ключевую роль в формировании имиджа. Ароматы способны вызывать сильные эмоции и ассоциации, что делает их важным элементом самовыражения. Участницы смогли узнать о новых тенденциях и подобрать ароматы, которые подчеркнут их индивидуальность.

Благодаря работе фотографа Ассоциации Анастасии Акиловой у участниц «Содружества» на память останутся фото и видео, а внешнее сообщество сможет узнать о прошедшем мероприятии на сайте, на страницах в социальных сетях и в телеграмм-канале Ассоциации.

Освещение деятельности Ассоциации женщин-лидеров в социальных сетях и СМИ играет важную роль в повышении осведомленности общества о проблемах и успехах женщин на лидерских позициях. Накануне международного женского дня 8 марта президент Ассоциации Илиана Марина дала интервью в прямом эфире тульского филиала телерадиокомпании ВГТРК, в котором рассказала о планах работы на ближайший год и о новых форматах мероприятий. Данное выступление вызвало широкий интерес, благодаря новизне подходов, полезности и практической применимости передаваемых знаний.

Проводимые Ассоциацией мероприятия в новом формате привлекают внимание, позволяя широкой аудитории увидеть реальные примеры успеха и вдохновения. Благодаря медийному освещению команда Ассоциации может эффективно доносить свои инициативы до общественности, привлекая новых участниц, а также стимулирует обсуждение актуальных тем, связанных с ролью женщин в современном обществе.

Мероприятия в формате бизнес-завтраков являются ярким примером того, как организация досуга может сочетать в себе элементы обучения, самовыражения и социальной активности. Такие инициативы не только обогащают жизнь женщин, но и способствуют их психофизиологическому благополучию. Руководство Ассоциации считает важным и необходимым продолжать развивать подобные форматы, создавая пространство для личностного роста и общения. В целом, потенциал Ассоциации женщин-лидеров «Содружество» довольно высокий.

В третий по счету «Рейтинг женщин, внесших наибольший вклад в социокультурное развитие Тульской области в 2024 году» вошли 23 члена Ассоциации. Из других женских организаций в рейтинг вошли в среднем несколько участниц. Эксперты считают Ассоциацию женщин-лидеров «Содружество» самой авторитетной женской организацией в Тульской области на сегодняшний день.

Руководство Ассоциации женщин-лидеров «Содружество» запланировало ряд мероприятий, направленных на повышение знаний среди своих членов, в том числе с помощью приглашенных специалистов из других регионов. Отдельные представители из других регионов уже приезжали в Тулу с интересными лекциями и мастер-классами, но теперь планируют это делать на постоянной основе.

Проводятся активные консультации, посвященные поездкам в другие регионы для обмена опытом работы. Дружеские контакты налажены давно, теперь планируется это делать на регулярной основе.

На вторую половину года намечено проведение социологического исследования среди членов Ассоциации женщин-лидеров «Содружество» с целью изучения потребностей и запросов для повышения уровня теоретических знаний среди женщин-предпринимательниц.

Библиографический список

1. Опубликован рейтинг женщин, внесших наибольший вклад в социокультурное развитие Тульской области за 2024 год. URL: https://www.ssa-rss.ru/index. php?page_id=19&id=2134

Информация об авторах

Марина Илиана Петрова (Россия, Тула) – президент ТРОО Ассоциация женщин-лидеров «Содружество» (Российская Федерация, 300041, г. Тула, ул. Федорова Смирнова, д. 5, корп. 2.; e-mail: ilianamarinaofficial@gmail.com).

Мосин Василий Иванович (Россия, Тула) – кандидат философских наук, доцент, генеральный директор Тульского социологического центра (Российская Федерация, 300001, г. Тула, ул. Гармонная, 28, оф. 39; e-mail: mosin55@bk.ru).

Marina I.P., Mosin V.I.

THE ROLE OF WOMEN IN THE SOCIO-CULTURAL DEVELOPMENT OF THE TULA REGION

Abstract. *The article tells about the assistance to women entrepreneurs by the Association of Women Leaders Commonwealth, tells about the most interesting events held for them. The priority goals of the Association are highlighted, it is shown how these events affect the activity of women entrepreneurs.*

Keywords: *Association of Women Leaders Commonwealth, business breakfasts.*

About the authors

Marina Iliana Petrova – President of the TROO Association of Women Leaders Commonwealth (Russian Federation, 300041, Tula, Fedorova Smirnova, 5, bldg. 2; e-mail: ilianamarinaofficial@gmail.com).

Mosin Vasily Ivanovich – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, General Director of the Tula sociological center (Russian Federation, 300001, Tula, Garmonnaya Street, 28, office 39; e-mail: mosin55@bk.ru).

References

1. The rating of women who have made the greatest contribution to the socio-cultural development of the Tula region in 2024 has been published. URL: https://www.ssa-rss.ru/index.php?page_id=19&id=2134

УДК 316.42 / ББК 60.54

Митрофанова С.Ю., Кузнецов В.А.

ПРИЧИНЫ УЧАСТИЯ И НЕУЧАСТИЯ МОЛОДЕЖИ В СТУДЕНЧЕСКИХ ОБЪЕДИНЕНИЯХ

Аннотация. *Статья основана на результатах проекта, выполненного в Самарской области в 2023 году, по итогам которого обозначены причины участия и неучастия молодежи в студенческих объединениях, которые можно использовать как основание рекомендаций для вовлечения молодых в их деятельность.*

Ключевые слова: *молодежь, студенчество, студенческие объединения, причины участия в студенческих объединениях, причины неучастия в студенческих объединениях.*

В современном российском обществе возрастает значимость молодежных общественных объединений. Вопрос вовлечения в деятельность различных объединений привлекает внимание ученых, практиков, государственных и муниципальных служащих, чья деятельность связана с молодежной политикой, и других заинтересованных лиц. Считаем, этот интерес обусловлен, прежде всего, внутренними закономерностями развития России как государства-цивилизации, но также и современными геополитическими условиями, в которых оказалось российское общество.

Социальная активность молодых людей наиболее полно проявляется в деятельности этих объединений. Отметим, что они служат площадкой не только для выражения, но и формирования активной гражданской позиции. Подчеркнем особую важность студенческих объединений. Эти объединения являются наиболее очевидным и доступным способом для того, чтобы направить энергию молодых людей в социально приемлемое русло. Они предоставляют возможность для проявления своих способностей, стимулируют социальную активность по различным направлениям, и тем самым становятся основой для их самосовершенствования и саморазвития. Также эти объединения способствуют профилактике девиантного поведения среди молодежи, служат основой для формирования чувства патриотизма и значимости традиционных российских ценностей, являются средством профессионального становления и инструментом формирования познавательной активности, развития универсальных навыков (soft skills) и выполняют ряд других важных функций.

Вопрос участия молодежи в работе студенческих объединений освещается в научной литературе с разных ракурсов. Обратим внимание на некоторые из них: Л.А. Саенко, Л.В. Куваева обозначают проблемы в деятельности студенческих клубных объединений, обсуждают специфику их функционирования в России и за рубежом, рассматривают вопрос участия / неучастия в их деятельности [4]. В некоторых работах обозначены функции студенческих объединениях. А.В. Краснова рассматривает студенческие объединения как инструмент развития социальной ответственности студентов вуза [3]. И.А. Терентьева, изучая вопрос развития познавательной активности студента вуза в рамках студенческого научного объединения, приходит к выводу о том, что они выполняют ряд важных функций: способствуют стимулированию научной активности обучающихся, предоставляют возможность приобрести опыт командной работы и участия в различных научных мероприятиях, и способствуют налаживанию контактов со специалистами в различных областях [5]. О.Н. Веричева, Н.Б. Топка, Д. Юйпэн, Ц. Лидун проводят сравнительный анализ организации жизнедеятельности студенческих объединений в университетах России и Китая [2]. Ряд научных работ посвящен анализу отдельных направлений в деятельности студенческих объединений. Д.В. Швандар анализирует роль в научно-практической деятельности и профессиональной ориентации студентов в рамках

такого объединения как Клуб логистов при Финансовом университете при Правительстве Российской Федерации, и приходит к выводу о значимости вовлечения студентов в научную работу [7]. Н.Н. Уварова, И.Н. Антонова, Т.Д. Башхаджиев отмечают, что последние два десятилетия в нашей стране были связаны с проведением крупных спортивных событий, что актуализирует роль и значение студенческих объединений спортивных волонтеров, подчеркивает значимость и необходимость формирования положительной мотивации студентов к данному виду деятельности [6].

Цель данной статьи состоит в том, чтобы выявить причины участия и не участия молодежи в студенческих объединениях.

Данная статья выполнена на основе анализа данных, полученных по итогам проекта, реализованного коллективом авторов социологического факультета Самарского университета при поддержке Губернского гранта в области науки и техники[1] «Идентичности и практики консолидации современной молодежи Самарского региона» (2023 год). В рамках количественного этапа проведен онлайн-опрос студентов Самарского университета (выборка 2023 года (многоступенчатая): 1 ступень – стратифицированный отбор, 2 ступень – гнездовой отбор, N = 541).

Отвечая на вопрос об участии в работе студенческих объединений, 49,1% опрошенных заявили, что не участвуют в их работе, остальные же называли возможные варианты участия: творческие объединения, студенческий профсоюз, спортивные команды, студенческие научные общества, технические клубы, волонтерские центры, студенческие медиа, туристические объединения, патриотические клубы. Отметим, что в исследовании Л.А. Саенко, Л.В. Куваевой, проведенного среди студентов вузов города Ставрополя и опубликованного в 2021 году, указано, что «82% студентов не являются участниками клубных объединений в вузе» [1, с. 180]. Вместе с тем, в статье А.В. Красновой, принятой в печать в 2023 году, представлены результаты исследования, проведенного среди выпускников Института психологии и образования Казанского (Приволжского) федерального университета. Автор констатирует: «93% студентов были участниками студенческих коллективов» [2, с.199]. На наш взгляд, эти данные можно объяснить как спецификой сложившейся ситуации в конкретных вузах на конкретных направлениях подготовки в определенное время, но вместе с тем, считаем, что они позволяют сделать заключение о том, что вектор роста значения студенческих объединений в вузе в современном российском обществе есть.

Для понимания возможностей вовлечения студенческой молодежи в работу различных объединений необходимо знать, по каким причинам студенты вступают в эти объединения. Ответы респондентов о том, почему они участвуют в работе различных объединений и движений, приведены в *табл. 1*.

[1] Состав коллектива (2023г.): исполнители: Л.В. Вандышева, Ю.В. Васькина, О.А. Малаканова, А.А. Пустарнакова и руководитель проекта С.Ю. Митрофанова [1].

Таблица 1. **Причины участия и неучастия в работе объединений**

Причины	Доля ответов, %*	Рейтинг
Причины участия в работе объединений		
Мне хочется развить свои способности, раскрыть свой потенциал	72,3	I
Мне нравится узнавать что-то новое, расширять свой кругозор	60,9	II
В этой работе я встречаюсь со своими единомышленниками, общаюсь с разными людьми	57,9	III
Подобная работа будет полезна в будущем для меня как для профессионала	34,5	IV
Мне хочется внести вклад в решение некоторых социально значимых проблем	33,2	V
Я надеюсь, таким образом заложить основы карьерного роста в будущем	26,8	VI
Я надеюсь, что мои успехи в работе этих объединений будут отмечены наградой	22,6	VII
Для того, чтобы помогать людям в разных ситуациях	21,7	VIII
Другие	1,7	–
Причины неучастия в работе объединений		
Я хочу, чтобы у меня оставалось свободное время	65,0	I
Мои интересы лежат в другой области	41,8	II
Я мало знаю о работе этих организаций и объединений	22,5	III
В этих организациях и объединениях невозможно заработать	17,9	IV
Я не знаю, куда именно нужно обратиться, чтобы стать участником какой-либо организации или объединения	16,8	V
В подобных объединениях и организациях зачастую нужно делать не то, что нравится, а то, что говорят ее руководители	14,3	VI
Мои друзья, однокурсники, знакомые не являются членами этих объединений	7,9	VII
Мне кажется, работа различных организаций и объединений бесполезна, не приносит нужного результата	7,1	VIII
Непривлекательные отзывы тех, кто состоял в этих объединениях	6,1	IX
Другие причины	3,2	–
*Сумма ответов превышает 100%, так как каждый респондент мог выбрать несколько вариантов ответа		

Почти три четверти опрошенных привлекает возможность раскрыть свой потенциал, развить способности, т. е. возможность самореализации и самопознания. На втором и третьем месте стоят такие причины, как стремление к познанию нового (60,9%) и возможность встречаться с различными людьми, в том числе с единомышленниками. Отметим, что первые три причины идут с существенным отрывом от остальных. Для трети опрошенных значимыми являются польза для будущей профессиональной деятельности и возможность внести вклад в решение социально значимых проблем. Чуть более четверти опрошенных отметили, что участие в деятельности объединений может заложить основы карьерного роста. Каждый пятый в качестве причин участия отмечает то, что это позволяет получить вознаграждение и примерно столько же опрошенных считает, что участие дает возможность помогать людям.

Учитывая, что практически половина опрошенных не является членами объединений, мы также задавали вопрос о причинах отказа от участия. Самой распространенной причиной студенты называли желание иметь свободное время – это отметили две трети респондентов

(65,0%). На втором месте – отсутствие интереса к тем видам деятельности, которыми занимаются участники объединений – эту причину назвали 2/5 (41,8%). На третьей позиции – причина, связанная с плохой информированностью о работе объединений, – так считает каждый пятый (22,5%). Среди менее распространенных причин – невозможность заработать, вступив в какое-либо объединение, отсутствие информации о том, куда обратиться, чтобы стать участником, подавление инициативы со стороны руководства объединений. Менее десятой доли опрошенных отказываются вступать в объединения, поскольку в них нет знакомых и друзей, из-за непривлекательных отзывов, а также потому, что сомневаются, что работа объединений приносит реальную пользу.

Таким образом, выявленные причины можно использовать как основание рекомендаций, которые могут использовать субъекты образовательного процесса, государственные и муниципальные служащие, руководители общественных объединений для вовлечения молодых людей в деятельность этих объединений. Для того, чтобы привлечь студенчество имеет смысл сделать акцент на том, как объединения помогают раскрыть потенциал юношей и девушек, каким образом способствуют расширению кругозора, и какие возможности выстраивания коммуникации с единомышленниками открывают.

Библиографический список

1. Вандышева Л.В., Васькина Ю.В., Малаканова О.А., Митрофанова С.Ю., Пустарнакова А.А. (2023). Стратегия смешивания методов в исследовании идентичностей и практик консолидации современной молодежи // Семиотические исследования. Т. 3. № 4. С. 81–89.
2. Веричева О.Н., Топка Н.Б., Юйпэн Д., Лидун Ц. (2024). Организация жизнедеятельности студенческих объединений в учреждениях высшего образования России и Китая // Перспективы науки и образования. № 4(70). С. 118–137.
3. Краснова А.В. (2024). Студенческие объединения как инструмент развития социальной ответственности студентов вуза // Modern Humanities Success. № 3. С. 197–202.
4. Саенко Л.А., Куваева Л.В. (2021). Система студенческих клубных объединений в воспитательной среде вуза // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. № 1 (82). С. 177–182.
5. Терентьева И.А. (2024). Студенческое научное объединение как инструмент развития познавательной активности студента вуза // Научное обозрение. Педагогические науки. № 1. С. 30–33.
6. Уварова Н.Н., Антонова И.Н., Башхаджиев Т.Д. (2023). Формирование положительной мотивации у студенческой молодежи к деятельности в объединениях по-спортивному волонтерству // Проблемы современного педагогического образования. № 79-2. С. 376–379.
7. Швандар Д.В. (2024). Роль Клуба логистов в научно-практической деятельности и профессиональной ориентации студентов // Мир науки. Педагогика и психология. Т. 12. № 3. URL: https://mirnauki.com/PDF/127PDMN324.pdf

Информация об авторах

Митрофанова Светлана Юрьевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и культурологии, доцент кафедры социологии политических и региональных процессов, Самарский национальный исследовательский университет им. С.П. Королева (Российская Федерация, 443086, г. Самара, Московское шоссе, д. 34; e-mail: mit_s@mail.ru

Кузнецов Виктор Александрович – кандидат философских наук, и.о. зав. кафедрой социологии политических и региональных процессов, Самарский национальный исследовательский университет им. С.П. Королева (Российская Федерация, 443086, г. Самара, Московское шоссе, д. 34; e-mail: kuznecov.va@ssau.ru

REASONS FOR PARTICIPATION AND NON-PARTICIPATION OF YOUTH IN STUDENT ASSOCIATIONS

Abstract. *The article is based on the results of a project conducted in the Samara region in 2023, during which the reasons for the participation and non-participation of young people in student associations were identified, which can be used as the basis for recommendations on youth involvement in their activities.*

Keywords: *youth, students, student associations, reasons for participation in student associations, reasons for non-participation in student associations.*

About the authors

Svetlana Y. Mitrofanova – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of Sociology and Cultural Studies, Associate Professor of the Department of Sociology of Political and Regional Processes of Samara National Research University named after S.P. Korolev (Russian Federation, 443086, Samara, Moskovskoe Shosse, 34; e-mail: mit_s@mail.ru

Viktor A. Kuznetsov – PhD in Philosophy, Acting Head of the Department of Sociology of Political and Regional Processes at Samara National Research University named after S.P. Korolev (Russian Federation, 443086, Samara, Moskovskoe Shosse, 34; e-mail: kuznecov.va@ssau.ru

References

1. Vandysheva L.V., Vaskina Y.V., Malakanova O.A., Mitrofanova S.Y., Pustarnakova A.A. (2023). Strategy of mixing methods in the study of identities and practices of consolidation of modern youth. Semiotic studies, 3(4), pp. 81–89.
2. Vericheva O.N., Topka N.B., Yupeng D., Lidun C. (2024). Organization of student associations in institutions of higher education in Russia and China. Perspectives of science and education, 4(70), pp. 118–137.
3. Krasnova A.V. (2024). Student associations as a tool for the development of social responsibility of university students. Modern Humanities Success, 3, pp. 197–202.
4. Sayenko L.A., Kuvaeva L.V. (2021). The system of student club associations in the educational environment of the university. Bulletin of the North Caucasus Federal University, 1(82), pp. 177–182.
5. Terentyeva I.A. (2024). Student scientific association as a tool for the development of cognitive activity of university students. Scientific Review. Pedagogical sciences, 1, pp. 30–33.
6. Uvarova N.N., Antonova I.N., Bashkhadzhiev T.D. (2023). Formation of positive motivation among students to work in sports volunteering associations. Problems of modern teacher education, 79-2, pp. 376–379.
7. Shvandar D.V. (2024). The role of the Logistics Club in scientific and practical activities and professional orientation of students. The world of science. Pedagogy and psychology, 12(3). Available at: https://mirnauki.com/PDF/127PDMN324. pdf

УДК 316.74

Омельченко Д.А., Максимова С. Г., Пурэвсурэн Ц.

УКОРЕНЕННОСТЬ РЕЛИГИОЗНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ В РЕЛИГИОЗНОМ ЛАНДШАФТЕ И ЛОКАЛЬНЫХ СЕТЕВЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯХ В РОССИЙСКО-МОНГОЛЬСКОМ ТРАНСГРАНИЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Аннотация. *В статье представлены результаты российско-монгольского социологического исследования религиозности населения в контексте изучения религиозных ландшафтов и сетевых механизмов взаимодействия религиозных сообществ.*

Ключевые слова: *религиозность, религиозная идентичность, религиозный ландшафт, религиозные сети.*

Благодарность

При поддержке гранта РНФ № 24-48-03002 «Религиозные ландшафты российско-монгольского приграничья: институциональные и сетевые механизмы конструирования религиозной и этнической идентичностей и безопасности в условиях постсекулярной реальности»

Религиозность как характеристика индивидуального сознания и поведения, претерпевает в современном мире серьезные трансформации. Технологические и культурные изменения, с одной стороны, создают для веры новые вызовы (интенсивное развитие науки оставляет все меньше пространства для религиозных интерпретаций), с другой, напротив, преобразуют религиозные, духовные практики, делая их более открытыми и доступными для изучения.

Религиозность является важной частью не только религиозной, но и других социальных идентичностей, прежде всего, этнической и национальной, встроена в культурный код и менталитет, прорастающие в, казалось бы, далекие от религии проявления социальности. Например, в гражданской и политической сферах, религиозность получает свое особое измерение в формате гражданской религии, секулярной религии, религиозных аспектах профессиональной этики и др.

Будучи наполненной персонализированным содержанием, религиозность формируется в конкретном социокультурном контексте, имеет сильную региональную специфику, отраженную в этноконфессиональном разнообразии и своеобразии различных регионов мира. При этом термин «укорененность» (embeddedness), изначально разрабатываемый в рамках моральной экономики К. Поланьи в качестве объяснительного принципа для экономических действий [4], в сетевой онтологии получает значительное развитие как концепт, позволяющий сместить акцент на уровень межличностных (диадических) и сетевых отношений, подчеркнуть важность места и пространственной близости в формировании доверия и социального капитала в религиозных сообществах [7].

Отечественные исследователи используют понятие укорененности в связке с локальностью и семейными связями и интерпретируют ее как степень привязанности к месту, связи с сообществом [2], часто в сочетании с поколенческими связями (проживанием в регионе предыдущих поколений семьи). Принято считать, что укорененность способствует формированию сплоченности, готовности к совместным действиям, заинтересованности в развитии региона проживания [1].

В последние годы исследование религиозности населения значительно активизировалось в связи с проблематикой безопасности и миграционными процессами, в особенности на фронтирных территориях, выступающих ареной для соприкосновения цивилизационных идентичностей, социальных взаимодействий на границах культурных сред. Центральноазиатский регион привлекает всеобщее внимание не только в связи с геополитическим «поворотом на Восток» и интеграционными экономическими проектами (такими, например, как китайский «Новый шелковый путь» или программа ЦАРЭС), но и в связи с возросшим интересом к объединяющим началам социокультурной интеграции, в особенности в трансграничных зонах, имеющих общие для стран соприкосновения исторические, природно-экологические, этнокультурные детерминанты развития. Российско-монгольское приграничье является как раз такой территорией, богатой не только общим культурным наследием, но и тесными контактами

с приграничными регионами России, довольно сильно дифференцированными по этническому, лингвистическому и конфессиональному составу.

Сопредельные территории России и Монголии представлены с российской стороны регионами Сибири и Дальнего Востока (Республика Алтай, Республика Тыва, Республика Бурятия, Забайкальский край), со стороны Монголии близ границы расположены аймаки Баян-Улгий, Увс, Завхан, Хувсгел, Булган, Сэлэнгэ, Хэнтий, Дорнод – общая протяженность границы с Россией составляет 3543 км[1]. В более широком социокультурном и историческом контексте ареал трансграничного сотрудничества и межрегионального взаимодействия гораздо шире. К примеру, в рамках трансграничного региона Большого Алтая он объединяет Алтайский край, Республику Алтай, Восточно-Казахстанскую область, Синьцзян-Уйгурский автономный район Китая, Ховдский и Баян-Ульгийский аймаки Монголии. В 2023–2024 гг. в рамках междисциплинарного проекта с целью изучения особенностей религиозности населения и анализа религиозных ландшафтов в российско-монгольском приграничье с помощью структурированных face-to-face интервью были проведены социологические опросы населения в Ховдском аймаке (Западная Монголия, n = 461) и двух российских регионах (Алтайском крае и Республике Алтай, n = 1355), возраст опрошенных 18–79 лет.

Религиозная ситуация в Западной Монголии характеризуется уникальностью и значительным разнообразием: здесь находится каждая десятая религиозная община, в том числе 13% буддистских церквей и 90% исламских мечетей, сконцентрированных в аймаке Баян-Улгий. Хотя христианские течения, в том числе протестантские деноминации представлены и осуществляют регулярную деятельность, они составляют только 5% всех христианских церквей и монастырей в стране [3]. Исключительность Ховдского (Кобдоского) аймака определяется широким этническим разнообразием (19 этнических групп). В каждом из 17 сомонов аймака имеются свои монастыри, дуганы или дацаны. По данным статистической службы Монголии за 2023 год в аймаке действуют 11 официальных религиозных организаций, в том числе 6 организаций буддийской направленности и 5 христианских организаций[2].

Алтайский край и Республика Алтай также имеют разветвленную сеть религиозных объектов, представленную более 400 религиозными организациями различной направленности. Можно выделить два пика в формировании институционально-организационной составляющей религиозного ландшафта: наиболее интенсивно самоорганизация религиозных объединений происходила в середине 2000-х гг., когда в Алтайском крае было зарегистрировано 192 организации (48% от всех функционирующих в настоящее время), а в Республике Алтай – 32 (50%). Второй период роста наблюдался с 2012 по 2019 гг.: в Алтайском крае в это время появилось 168 организаций (42%), в Республике Алтай – 18 из 63 (28,6%).

Учитывая преимущественно русский этнический состав населения, более 76% религиозных организаций в Алтайском крае являются православными. Католические организации действуют в столице региона, а также в западной части – в Немецком национальном, Славгородском районах, Тальменском, Егорьевском, Волчихинском районах, Бийске и Новоалтайске, протестантские – не имеют четкой локализации. Организации мусульман сосредоточены в городах – Барнауле, Бийске, Славгороде, Рубцовске, а также в районах, расположенных вблизи с казахстанской границей – Кулундинском, Михайловском, Угловском. Кришнаиты и буддисты, новые религиозные движения действуют в основном в городах (Барнаул, Бийск, Рубцовск).

В Республике Алтай, традиционно считающейся местом слияния мировых религий, на широко представленную сеть православных приходов накладывается уникальная национальная составляющая религиозного ландшафта, прежде всего представленная этнической религией алтайцев («белой верой», «Ак јан»), развивающейся в настоящее время различными путями – как часть буддизма и древнетюркских влияний, в качестве реформированного шаманизма и отдельного, не связанного с другими мировыми религиями, направления, утверждаемого новой бурханистской интеллектуальной элитой [5, 6]. Так, довольно сильно влияние

[1] Консульский информационный портал. https://www.kdmid.ru/docs/mongolia/information-about-the-country

[2] Temples and churches, by religion types, region, aimag and Capital, at the end of year. https://www.1212.mn/en/statistic/statcate/573083/table-view/DT_NSO_2003_001V1

протестантских организаций, сосредоточенных в основном в столице республики Горно-Алтайске и близлежащих Майминском, Чемальском районах. Мусульманские уммы имеют сильное влияние на юге, особенно в Кош-Агачском районе, где половину населения составляют этнические казахи, переселившиеся сюда на рубеже XIX–XX вв. В последние годы начинает крепнуть буддистское движение, в Республике оно представлено официальными организациями, действующими в Горно-Алтайске, Чемальском, Майминском, Онгудайском, Усть-Канском районах, координируемых «Центральным духовным управлением буддистов Республики Алтай». Шаманизм развивается в Турочакском районе, где действует местная шаманская организация «Ырыс», хотя, конечно, шаманские практики распространены гораздо шире, чем часто пользуются туристические агенства, организующие туры к шаманам Алтая.

Как в региональном ландшафте проявляется религиозность населения? Как индивидуализированные религиозные убеждения связаны с компонентами религиозного социального пространства, представленными как материальными объектами (религиозными зданиями и сооружениями), так и нематериальными социальными связями, наиболее уплотненными в рамках религиозных общин, приходов и других в большей или меньшей степени организованных объединений верующих? Частично на эти вопросы дают ответы результаты социологических исследований, проведенных в российских и монгольских регионах.

Вопрос о том, как следует измерять религиозность, остается среди религиоведов одним из наиболее дискуссионных. Не вдаваясь в подробности, укажем, что, планируя исследование, авторам было важно учесть многомерный характер и индвидуально-социальную дуальность религиозности, а также конфессиональное разнообразие регионов, что обусловило выбор шкалы центральности религиозности Ш. Хубера как наиболее релевантной задачам проекта. Имея комплексную структуру, репрезентирующую пять измерений религиозности (публичное, приватное, интеллектуальное, идеологическое и экспрессивное), шкала может быть использована в метрическом (как непрерывная переменная) и категориальном виде, что дает возможность множественных сравнений по различным показателям.

По результатам анализа в российских регионах у 62–63% населения был выявлен средний уровень религиозности, доля низкорелигиозного населения составила 23,6% в Алтайском крае и 19,0% в Республике Алтай, тогда как высокие значения индекса были выявлены у 12,5% жителей Алтайского края и 16,0% жителей Республики. Результаты исследования в монгольском аймаке были в целом аналогичными: 64% опрошенных имели средние значения, 18,9% – низкие и 7,8% – высокие (оставшиеся доли составляли неопределенные значения). Наиболее высокие значения религиозности наблюдались в группах мусульман – 22% в Монголии и 37% в России.

Оценивая востребованность объектов религиозной инфраструктуры, около 20% жителей Алтайского края и Республики Алтай, 16,6% Ховдского аймака, независимо от уровня религиозности, считали важным посещение храма, принимать участие в богослужениях. В группах высокорелигиозных граждан доля таких ответов превышала 83–85% в российских регионах и 88% в Монголии. Более половины опрошенных в Алтайском крае и Ховдском аймаке (54,7% и 50,4%) и 39,3% в Республике Алтай отметили, что им важно, чтобы храм находился в пределах пешеходной или транспортной доступности, среди воцерковленных православных и активных практикующих других религий храм являлся настоятельной необходимостью (более 72–80% ответов «важно»). Таким образом, ценность религиозного ландшафта, возможности удовлетворения духовных потребностей представителей разных конфессий оценивалась высоко не только верующими: по меньшей мере четверть опрошенных во всех регионах с низкими значениями религиозности также отметили важность наличия религиозных учреждений вблизи места проживания.

Посещение религиозных учреждений в значительной степени коррелировало с вовлеченностью в религиозные сети: по меньшей мере пятая часть участников опроса в российских регионах считали себя частью религиозной общины (церковного прихода, религиозного объединения), среди граждан с высокой религиозностью для вовлеченных в религиозные общины составила 65–70% в российских регионах. В Монголии сетевые связи на религиозных основаниях были еще более сильными, они составили 37,6% в общей выборке и 80,0% среди

высокорелигиозных граждан. Важность принадлежности к религиозной общине подчеркивалась 17% жителей, а среди религиозных – 83%. Среди активностей, практикуемых в религиозных общинах, ведущее место занимали духовные практики. Так, 58,8% опрошенных, включенных в религиозные объединения в Республике Алтай, собирались для участия в богослужениях и совместных молитвах (в Алтайском крае – 38,2%). На втором месте – благотворительная деятельность (32,3% в Алтайском крае, 28,2% в Республике Алтай), более пятой части респондентов оказывали помощь в строительстве храмов, хозяйственных делах в церкви, храме, содействовали воспитанию детей в религиозных традициях, более 15% помогали создавать контент в социальных сетях и Интернете.

В монгольской выборке ключевыми видами деятельности являлись благотворительность (19,6%), помощь в просветительской деятельности (15,4%), издательская деятельность (13,5%), а также культурные встречи (13,5%). Более десятой части (12,2% в группе вовлеченных) участвовали в миссионерской деятельности.

Таким образом, религиозный ландшафт прежде всего предоставляет институциональные условия для удовлетворения духовных потребностей, выражения и проявления религиозности. Однако, это и важная часть социального пространства, в котором находят соприкосновение интересы верующих и неверующих, вовлеченных в религиозные практики и косвенно причастных к религии граждан. Представляя для верующих приграничья насущную необходимость, инфраструктура религиозных учреждений выступает в качестве перекрестка религиозных культур, признака религиозного разнообразия приграничья. В условиях постсекулярного общества религиозные социальные сети не только выполняют традиционные функции по совместному отправлению религиозных обрядов, обмену религиозными знаниями, но и способствуют внеконфессиональной активности. Одновременно с общими тенденциями, особенно сильно заметными на фоне сходства оценок жителей трех регионов, выделяются региональные и конфессиональные особенности, проявляющиеся в некоторых типичных практиках. Так, если в российских регионах акцент сделан на внутренней хозяйственной деятельности, поддержке материальных сторон религиозной жизни, то в Монголии довольно сильно влияние миссионерства, распространения вероучения.

Библиографический список

1. Задорин И.В. (2018). Регионы «рубежа»: территориальная идентичность и восприятие «особости» // Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз». № 2(89). С. 102–136.
2. Зелетдинова Э.А., Дьякова В.В. (2021). Укорененность как аспект анализа региональной идентичности (по материалам социологического исследования) // Общество: социология, психология, педагогика. № 11(91). С. 20–26.
3. Пурэвсурэн Ц. (2023). Оценка деятельности религиозных организаций в западном регионе Монголии // Народы и религии Евразии. № 1. С. 129–140.
4. Радаев В.В. (2004). Экономико-социологическая альтернатива Карла Поланьи // Экономическая социология. № 5(5). С. 20–34.
5. Тадина Н.А., Иркитова А.А., Черлояков И.Г., Ябыштаев Т.С. (2020). О практиках возрожденного бурханизма // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. № 26. С. 278–284.
6. Ушницкий, В.В. (2017). Современный алтайский необурханизм как пример нью-эйдж в постсоветском пространстве // Религиоведение. № 4. С. 49–55.
7. Hess M. (2020). Embeddedness. International Encyclopedia of Human Geography. Elsevier, pp. 85–90. DOI: 10.1016/b978-0-08-102295-5.10053-8

Информация об авторах

Омельченко Дарья Алексеевна – старший научный сотрудник, Алтайский государственный университет, Российский биотехнологический университет (Российская Федерация, 125080, г. Москва, ул. Врубеля, д. 12; e-mail: daria.omelchenko@mail.ru).

Максимова Светлана Геннадьевна – руководитель лаборатории фундаментальных исследований, Российский биотехнологический университет (Российская Федерация, 125080, г. Москва, ул. Врубеля, д. 12; e-mail: svet-maximova@yandex.ru).

Пурэвсурэн Цеденбал – ректор Западного регионального филиала, Монгольский государственный университет (Монголия, 84153, сомон Жаргалант, Ховдский айма; e-mail: purevsuren.khu@gmail.com).

Omelchenko D.A., Maximova S.G. Purevsuren C.

EMBEDDEDNESS OF RELIGIOSITY IN THE REGIONAL LANDSCAPE AND LOCAL NETWORKS IN THE RUSSIAN-MONGOLIAN TRANSBORDER SPACE

Abstract. *The article presents the results of a Russian-Mongolian sociological study of religiosity among the population in the context of examining religious landscapes and network mechanisms of interaction among religious communities.*

Keywords: *religiosity, religious identity, religious landscape, religious networks.*

About the authors

Daria A. Omelchenko – Senior research fellow, Altai State University, Russian biotechnological university (12, Vrubel, Moscow, 125080, Russian Federation; e-mail: daria.omelchenko@mail.ru).

Svetlana G. Maximova – Director of the Laboratory on fundamental research, Russian biotechnological university (12, Vrubel, Moscow, 125080, Russian Federation; e-mail: svet-maximova@yanex.ru).

Tsedenbal Purevsuren – Rector of the Western regional branch of National University of Mongolia (Jargalant sum, Khovd aimag, 84153, Mongolia; e-mail: purevsuren.khu@gmail.com).

References

1. Zadorim I.V. (2018). “Frontier” regions: territorial identity and perception of “specialness”. The Journal of Political Theory, Political Philosophy and Sociology of Politics Politeia, 2(89), pp. 102–136.
2. Zeletdinova E.A., Diakova V.V. (2021). Rootedness as an aspect of the analysis of regional identity (based on the materials of a sociological study). Society: sociology, psychology, pedagogy, 11(91), pp. 20–26.
3. Purevsuren T. (2023). Assessment of activity of religious organizations in the Western region of Mongolia. Peoples and religions of Eurasia, 1, 129–140.
4. Radaev V.V. (2004). Economic-sociological alternative of Karl Polanyi. Economic sociology, 5(5), 20–34.
5. Tadina N.A., Irkitova A.A., Cherloyakov I.G., Yabyshtayev T.S. (2020). On the practices of revived Burkhanism. Preservation and study of the cultural heritage of the Altai region, 26, pp. 278–284.
6. Ushnitsky V.V. (2017). Modern Altai Neo-Burkhanism as an example of New Age in the post-Soviet space. Religious Studies, 4, pp. 49–55.
7. Hess M. (2020). Embeddedness. International Encyclopedia of Human Geography. Elsevier, pp. 85–90. DOI: 10.1016/b978-0-08-102295-5.10053-8

УДК 37.013

Пакштайте В.В., Реут В.Г.

ОСОБЕННОСТИ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С ГЕТЕРОГЕННЫМИ ГРУППАМИ СТУДЕНТОВ КАК РЕСУРС УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

Аннотация. *В статье рассматривается проблема готовности преподавателей вуза к работе с гетерогенными группами студентов, включающими обучающихся с разным уровнем подготовки, образовательными потребностями и культурными особенностями. Анализируются ключевые компоненты профессиональной готовности, включая педагогическую гибкость, адаптивные методики преподавания и навыки межкультурной коммуникации. Представлены методы формирования данной компетенции у педагогов, а также практические рекомендации по эффективному обучению в разнородных аудиториях.*

Ключевые слова: *педагогическое взаимодействие, гетерогенные группы обучающихся, готовность преподавателей к работе в гетерогенной среде, социокультурное развитие, инклюзивное развитие.*

Нарастающая социально-демографическая и социокультурная неоднородность современных социальных связей и отношений свойственна и системе образования. Понятие неоднородности (гетерогенности) в образовании связано, прежде всего, с объединением в пространстве учреждения образования групп обучающихся с особыми образовательными потребностями и вопросами обеспечения равенства и доступности качественного образования и воспитания. Особым рискам социальной дезадаптации в вузе подвержены студенты с особыми образовательными потребностями, что связано с типологическими признаками, демонстрирующими отклонение от нормально развивающихся студентов и оказывающими влияние на успешность освоения образовательных программ высшего образования и профессиональную социализацию. Определение педагогических условий социализации гетерогенных групп студентов в условиях высшего образования является актуальным не столько (и не только) в разрезе вопросов повышения качества образования, сколько в кадровом управлении современной экономикой страны в целом.

Исследователи выделяют следующие группы признаков гетерогенного состава обучающихся, сформулированные на основе особых образовательных потребностей:

- социально-демографические, к которым относится гендерная, национальная, этническая и языковая принадлежность обучающегося (студенты-мигранты, вынужденные переселенцы);
- социально-психологические, включающие уровень адаптированности обучающегося к образовательной среде, особенности поведения и наличие трудной жизненной ситуации (студенты, находящиеся в социально-опасном положении, склонные к девиантному поведению);
- индивидуально-типологические, включающие психофизиологические особенности обучающихся, влияющие на способность к обучаемости, учебную мотивацию, а также на качество формирования позиции студента;
- состояние здоровья, подразумевающее ограниченные возможности здоровья, на основании которых выделяются особые образовательные потребности обучающихся [3].

Исследование уровня готовности преподавателей вуза к работе с гетерогенными группами студентов позволяет быстро выявить, как сам испытуемый оценивает состояние исследуемого явления, в какой степени имеющиеся ограничения нарушают его функционирование, каковы уровень его профессиональной компетентности в данной области и специфика научно-методического сопровождения педагогической деятельности по исследуемым направлениям работы. Выявляемые показатели педагогического взаимодействия с гетерогенными группами обучающихся позволят зафиксировать проблемные области и разработать рекомендации для повышения эффективности реализации программ высшего образования, качественной подготовки специалистов, и как следствие, дальнейшего развития общества [2].

Социологический инструментарий (бланк фокусированного интервью, анкета) по выявлению конструктивных аспектов взаимодействия преподавателей с гетерогенными группами студентов содержал вопросы о степени актуальности компетенций преподавателей Филиала Российского государственного университета в г. Минске, необходимых для работы с указанными группами студентов, а также путей и средств их совершенствования (формирования, развития). Каждое утверждение оценивалось по трехбалльной шкале «владения»: «высоко», «средне», «низко». В исследовании с октября 2024 по февраль 2025 гг. приняли участие преподаватели кафедры управления и социальной работы (20 чел.) и кафедры психологии и конфликтологии (23 чел.).

Для осуществления сформулированной цели исследования были выполнены следующие задачи:

- апробирована методика исследования готовности преподавателей вуза к работе с гетерогенными группами студентов;
- выявлены и обоснованы критерии и показатели работы с гетерогенными группами студентов [1].

Результаты проведенного исследования свидетельствуют о том, что особую актуальность для преподавателей кафедр, обеспечивающих подготовку специалистов помогающих профессий, имеют направления работы со следующими категориям студентов:

- имеющими особенности психофизического развития (76,2%);
- находящимися в социально опасном положении (42,3%);
- мигрантами (27,6%);
- одаренными (24,6%);
- оставшимися без попечения родителей и сиротами (16,3%).

Рассмотрим, какие именно знания и умения необходимы педагогу для работы с гетерогенными группами студентов, в какой мере они проявляются у респондентов и каким образом их следует формировать (развивать) в дальнейшем.

Для работы со студентами, находящимися в социально опасном положении (далее – СОП) обязательными компетенциями, по мнению преимущественного большинства преподавателей (более 60 %), являются:

- способность понять причины, создающие ситуацию СОП для конкретного студента (61,3%);
- психологические навыки установления доверия и успешного взаимодействия со студентом в СОП (60,6%);
- способность преодолеть стигматизацию студента в СОП в учреждении образования (57,5%);
- умение отстаивать интересы студента в государственных учреждениях, комиссиях, суде (53,4%).

Не менее востребованными, но уже не только преподавательскими, но и административными компетенциями, необходимыми для работы со студентами в СОП, по мнению респондентов, являются:

- умение создать широкую сеть поддержки студента (психолог, социальный педагог и др.) (46,4%);
- умение взаимодействовать с различными организациями в интересах студента (42,7 %);
- способность выстроить отношения с родителями и осуществить реабилитацию семьи (43,6%);
- способность организовать полноценный реабилитационный досуг и общение для студента, находящегося в СОП (42,2%);
- умение сформировать у студента готовность к самостоятельной жизни, ответственность за свою судьбу (35,2%).

Из указанных компетенций преподавателей, недостаточно сформированными и вовсе не сформированными являются:

- способность провести социальное расследование (76%);

• психологические навыки установления доверия и успешного взаимодействия со студентом в СОП (67%);
• способность преодолеть стигматизацию студента в СОП в учреждении образования (43%);
• умение отстаивать интересы студента в государственных учреждениях, комиссиях, суде (45%);
• способность выстроить отношения с родителями и осуществить реабилитацию семьи (42%).

При этом в качестве источников и механизмов профессионального развития по вопросам работы со студентами в СОП, преподаватели назвали следующие: консультации коллег, супервизию специалистов, самообразование.

Все предложенные умения и навыки для работы со студентами со статусом сироты, преимущественное большинство преподавателей-респондентов (более 85%) квалифицировали как обязательные:
• умение сформировать у студентов позитивную идентичность (85,6%);
• умение подготовить студентов к самостоятельной жизни, чтобы они не повторили жизненные сценарии родителей (83,4%);
• умение формировать социальную ответственность за свое будущее у учащихся-сирот (81,3%);
• способность сформировать систему общественной поддержки для каждого студента с сиротским статусом (76,9%);
• умение обеспечить сохранность имущества, иные необходимые защищающие процедуры (74,8%);
• уметь работать по восстановлению отношений студента с биологическими родителями (74,4%);
• быть способным оказывать психолого-педагогическую поддержку студенту-сироте в кризисных ситуациях (72,6%);
• быть способным обеспечить поддержку студента-сироты в межведомственном взаимодействии (71,6%);
• быть способным обеспечить качественный реабилитационный досуг и успех в досуговой деятельности и общении студента (71,6%);
• уметь сформировать совместно со студентом индивидуальную стратегию социального продвижения и интеграции в социальное окружение (71,6%).

Однако полностью сформированными из этого перечня оказались лишь три: умение обеспечить необходимые защищающие процедуры, восстановление детско-родительских отношений студента с биологическими родителями, способность обеспечить качественный реабилитационный досуг и успех в досуговой деятельности и общении студента.

Для работы со студентами с особенностями психофизического развития (далее – ОПФР), по мнению опрошенных, обязательными являются следующие компетенции:
• умение определять сходство и различие учебных планов, учебных программ, требований к результатам обучения для нормотипичных студентов и студентов с ОПФР (72,3 %);
• знание специфических закономерностей развития, характерных для студентов с ОПФР всех категорий и определяющих специфику методики их обучения в целом по сравнению с методикой обучения нормотипичных (70,2%);
• знание по вопросам организации особых условий, необходимых для осуществления учебной деятельности студентов с учетом особенностей развития (с нарушениями зрения, слуха, опорно-двигательного аппарата и т. п.) (67,4%);
• умение общаться со студентами с ОПФР с разной степенью развития коммуникативных умений, умение вовлекать их в общение, во взаимодействие (66,4%);
• умение замечать и подчеркивать возможности студентов с ОПФР в разных видах деятельности, умение создавать ситуации успеха для студента, формировать толерантное отношение к студентам с ОПФР в вузе (62,4%);

• умение взаимодействовать, сотрудничать с родителями студентов с ОПФР, консультировать их по актуальным вопросам обучения, развития и воспитания их ребенка (60,2%).

Для работы с высокомотивированными (одаренными) студентами опрошенные преподаватели указали на необходимость наличия следующих педагогических компетенций:

• знание теорий, концепций, подходов к осуществлению работы с одаренными студентами, разрабатывать собственные (58,6%);

• владение специальными технологиями, методиками, приемами, способами деятельности с одаренными обучающимися (52,4%);

• умение анализировать, интерпретировать факты, ситуации в работе с одаренными студентами (52,4%);

• умение осуществлять сбор и анализ информации в рамках работы с данной категорией студентов (50,4%);

• умение устанавливать партнерские связи, вести диалог с одаренными студентами (50,4%);

• умение организовывать процесс обучения данной категории студентов (46,4%);

• владение методиками выявления, коррекции, профилактики затруднений и проблем одаренных студентов (44,6%);

• владение технологиями и методиками сохранения психологического и физического здоровья одаренных студентов (42,6%).

• умение реализовывать индивидуальный подход к способностям одаренных студентов, продвигать их образовательную мотивацию (40,6%);

• умение взаимодействовать с родителями студентов, консультировать их по вопросам развития одаренности (40,6%);

• умение формировать у одаренных студентов способность к саморазвитию, самосовершенствованию (38,6%).

Более 60% преподавателей считают, что справиться с задачей формирования компетенций в области работы с высокомотивированными студентами им поможет система наставничества, коучинга (партнерское коллегиальное решение проблемных вопросов) и супервизия специалистов.

Что касается работы со студентами-мигрантами, то перспективными педагогическими компетенциями, по мнению 40% опрошенных могут стать, преимущественно, аксиологические компетенции: способность разрушать стереотипы в восприятии мигрантов, способность к разрешению конфликтов на национальной, религиозной, культурной почве в среде студентов и умение формировать толерантность к мигрантам у коллектива сотрудников и обучающихся вуза. Помочь в этом педагогам должны система педагогического самообразования, процесс их профессионального самоопределения и педагогического коучинга.

Таким образом, разработанная и апробированная методика исследования готовности преподавателей вуза к работе с гетерогенными группами студентов, позволила выявить основные мотивационные и потребностные тенденции целевой группы участников данного процесса, что обеспечило возможность разработки инструментов оценки включенности в этот процесс иных групп педагогических работников (руководителей учреждений образования, кураторов, психологов, социальных педагогов, внешних – медицинских работников, юристов) и выработки на основании полученных результатов конструктивных рекомендаций в адрес системы профессиональной подготовки кадров для разработки соответствующих программ профессионального развития специалистов из числа указанных категорий студентов.

Проведенное социологическое исследование уровня готовности педагогических работников к реализации задач деятельности с гетерогенными группами студентов в современных условиях являлось одновременно и средством, и методом познания анализируемой проблемы и управления ею. Всесторонняя и квалифицированная интерпретация результатов социологического исследования предполагает их применение в практике управления образовательным процессом вуза. Полученные данные способствуют созданию единой количественно-качественной оценки компетенций, которыми должны обладать преподаватели при осуществлении деятельности с гетерогенными группами студентов и могут быть использованы в качестве основы:

• для публикаций в СМИ с целью информирования и коммуникации широкой общественности по вопросам работы с гетерогенными группами обучающихся;

• для совершенствования образовательного процесса повышения квалификации и переподготовки педагогических работников в системе дополнительного образования взрослых посредством актуализации данных вопросов в системе управления образованием;

• для разработки (корректировки) содержания программ повышения квалификации педагогических работников по вопросам реализации задач педагогической и управленческой деятельности в области работы в инклюзивной среде;

• для организации и внедрения в практику управления профессиональным развитием педагогических работников инновационных форм и методов работы по вопросам организации деятельности с гетерогенными группами студентов: проблемных семинаров, коучинга, конференций, тренингов.

Библиографический список

1. Исследование профессиональных компетенций и образовательных потребностей педагогических кадров в условиях работы с гетерогенными группами учащихся: учебно-методическое пособие (2016) / под ред. Л.Г. Тарусовой. Минск: АПО. 125 с.
2. Переведенцева Л.А. (2017). Дидактические условия организации смыслопоисковой деятельности обучающихся основной школы: дисс. … канд. пед. наук. Петрозаводск. 208 с.
3. Попова А.В., Крылова О.Н. (2019). Гетерогенные группы учащихся: становление и содержание понятия. Человек и образование. № 2(59). С. 108–112.

Информация об авторах

Пакштайте Виолета Валентиновна – кандидат педагогических наук, доцент, заместитель директора по учебно-воспитательной и идеологической работе, Российский государственный социальный университет, филиал в г. Минске (Республика Беларусь, 220107, г. Минск, ул. Народная, д. 21; e-mail: PakshtaiteVV@rgsu.net).

Реут Вероника Геннадьевна – кандидат социологических наук, доцент, заведующий кафедрой психологии и конфликтологии, Российский государственный социальный университет, филиал в г. Минске (Республика Беларусь, 220107, г. Минск, ул. Народная, д. 21; e-mail: reut_veronika72@mail.ru).

Pakshtaite V.V., Reut V.G.

FEATURES OF PEDAGOGICAL INTERACTION WITH HETEROGENEOUS GROUPS OF STUDENTS AS A RESOURCE FOR SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF SOCIETY

Abstract. *The article examines the problem of teachers' readiness to work with heterogeneous groups of students, including students with different levels of training, educational needs and cultural characteristics. Key components of professional readiness are analyzed, including pedagogical flexibility, adaptive teaching methods and intercultural communication skills. Methods for developing this competence in teachers are presented, as well as practical recommendations for effective teaching in heterogeneous audiences.*

Keywords: *pedagogical interaction, heterogeneous groups of students, teachers' readiness to work in a heterogeneous environment, socio-cultural inclusive development.*

About the authors

Violeta V. Pakshtaite – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Deputy Director for Educational, Upbringing and Ideological Work, Russian State Social University, Minsk Branch (21, Narodnaya Street, Minsk, 220107, Republic of Belarus; e-mail: PakshtaiteVV@rgsu.net).

Veronika G. Reut – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Psychology and Conflictology, Russian State Social University, Minsk Branch (21, Narodnaya Street, Minsk, 220107, Republic of Belarus; e-mail: reut_veronika72@mail.ru).

References

1. Study of professional competencies and educational needs of teachers in the conditions of working with heterogeneous groups of students: educational and methodological manual (2016); ed. by L.G. Tarusova. Minsk: APO. 125 p.
2. Perevedentseva L.A. (2017). Didactic conditions for organizing the semantic search activity of students of the main school: dissertation ... cand. ped. sciences. Petrozavodsk. 208 p.
3. Popova A.V., Krylova O.N. (2019). Heterogeneous groups of students: the formation and content of the concept. Man and education, 2(59), pp. 108–112.

УДК: 373 / ББК 74.202.7

Сагидуллина Е.А.

РАЗВИТИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ОБУЧАЮЩИХСЯ В ПРОЦЕССЕ ПРОЕКТНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ЦЕНТРА ВОЛОГОДСКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК)

Аннотация. *Современные образовательные стандарты предъявляют принципиально новые требования к результату освоения учебных программ: формирование таких практических умений и навыков, которые позволят обучающемуся самостоятельно ставить перед собой задачи, выбирать способ их решения, ориентироваться в информационном потоке, а самое главное применять получаемые знания на практике. В статье рассматривается значение развитие исследовательской компетентности обучающихся через организацию проектно-исследовательской деятельности.*

Ключевые слова: *научно-образовательный центр, проектно-исследовательская деятельность, компетентностный подход, исследовательская компетентность.*

Современное педагогическое сообщество находится в постоянном поиске таких методов и форм деятельности (учебной, внеучебной), которые помогут сформировать у обучающегося в процессе своего развития и получения знаний способности, умения и навыки, позволяющие действовать эффективно в определенной области (учебной, профессиональной). Поэтому в образовательных стандартах, учебных программах особым образом выделяется компетентностный подход в обучении.

Если проанализировать данные программы по каждому из учебных предметов, а также по внеурочной деятельности, то можно заметить, что повсеместно выделяются компетентности, которые выступают в качестве результата обучения [5]. Выделяются такие универсальные компетентности:

- способность к самостоятельной познавательной деятельности, выработка способов приобретения знаний;
- развитие научного типа мышления в предметных областях, учебно-исследовательской, проектной, социальной деятельности;
- формирование навыков участия в различных формах организации учебно-исследовательской и проектной деятельности (творческих конкурсах, научных обществах, научно-практических конференциях, олимпиадах и др.);
- формирование и развитие компетенций обучающихся в области использования ИКТ, включая владение ИКТ, поиском, анализом и передачей информации, презентацией выполненных работ, основами информационной безопасности, умением безопасного использования ИКТ;
- возможность практического использования приобретенных обучающимися коммуникативных навыков, навыков целеполагания, планирования и самоконтроля.

Поэтому одной из приоритетных целей современной школы является вовлечение обучающихся в проектно-исследовательскую деятельность, результатом которой выступает формирование одной из главных компетентностей личностного развития – исследовательской компетентности, включающей развитие вышеперечисленных характеристик.

В *табл. 1* представлены подходы ученых к определению понятия «исследовательская компетентность» [1, 2].

Таблица 1. **Подходы ученых к определению понятия «исследовательская компетентность»**

М.А. Данилов, А.Н. Журавлев, Э.Ф. Зеер, Т.А. Смолина, Н.Ф. Талызина, М.А. Чошанов	Исследовательская компетентность – это совокупность *знаний и умений*, необходимых для осуществления исследовательской деятельности
А.В. Хуторской	Исследовательская компетентность рассматривалась как *реализация заложенного в учениках потенциала*, необходимого для успешной жизни и деятельности
Б.Г. Ананьев, Н.В. Кузьмина, А.К. Маркова, Н.А. Рыбаков, В.Д. Шадриков	Исследовательская компетентность включает в себя совокупность *личностных качеств*, необходимых для эффективной исследовательской деятельности
Л.Ш. Абдулова, И.А. Зимняя	Исследовательская компетентность – *знания, представления, программы действий, системы ценностей и отношений*, которые затем проявляются в деятельностных, актуальных проявлениях

Можно с уверенностью сказать, что исследовательская компетентность – это универсальная по своему содержанию, комплексная динамическая характеристика личности, которая, с одной стороны, проявляется в готовности активно овладевать знаниями, с другой – в развитии определенных личностных характеристик, умений и навыков самостоятельной учебной деятельности, которые затем проецируются на все сферы деятельности в будущем. Поэтому ей уделяется особое внимание в федеральных образовательных стандартах и учебных программах.

По мнению Ж.В. Рассказовой исследовательская компетентность состоит из взаимосвязанных между собой компонентов [4]:

- мотивационный компонент проявляется в сформированности интереса к исследовательской деятельности и ее направленности на достижение результатов; исследовательская компетентность является способом повышения мотивации к учебной деятельности и активизации самостоятельного получения знаний обучающимся;
- информационный компонент включает в себя умения добывать и обрабатывать информацию, навыки работы с современной компьютерной, мультимедийной и другой техникой;
- когнитивный компонент представлен умениями использовать полученные знания в различных жизненных ситуациях;
- коммуникативный компонент связан с умениями организовывать и осуществлять продуктивную коммуникацию как с отдельными лицами, так и с группой людей;
- рефлексивный компонент требует умения распознавать, оценивать и анализировать исследовательские явления, ситуации, возникающие в жизни, исследовательские способности не только собственные, но и окружающих людей;
- личностный компонент предполагает развитие умений самоорганизации, самостоятельности, самообучения, саморегуляции, самоопределения и саморазвития.

Исследовательская компетентность развивается, с помощью целенаправленно организуемой, педагогами или наставниками проектно-исследовательской деятельности обучающихся, характеризующейся, как и любая другая, этапностью [3].

В *табл. 2* представлен пример подготовки исследовательской работы обучающимся под руководством сотрудника Научно-образовательного центра Вологодского научного центра, успешно взаимодействующего с образовательными учреждениями г. Вологды в организации проектно-исследовательской деятельности.

Таблица 2. **План подготовки проектно-исследовательской работы с обучающимся**

№	Этапы
1	Выбор темы исследования. Определение объекта, предмета исследования
2	Обоснование актуальности исследования, подбор методов исследования, составление литературного обзора
3	Подготовка теоретической части исследования
4	Обработка результатов тестирования, визуализация результатов
5	Описание полученных в ходе тестирования результатов. Подготовка рекомендаций по результатам исследования
6	Оформление заключительной части по работе: формирование выводов и перспектив дальнейшего развития исследования. Составление и оформление списка литературы по работе
7	Итоговая вычитка работы, корректировка орфографических, методологических и т. д. ошибок
8	Оформление готовой работы в соответствии с заявленными требованиями. Оформление заявки на участие в конференции
9	Подготовка презентации к конференции
10	Составление текста устного доклада для выступления на конференции
11	Финальная репетиция устного доклада перед выступлением на конференции

Очевидно, что на каждом этапе происходит развитие всех компонентов исследовательской компетентности.

1. Мотивационный компонент. Проект или научно-исследовательскую работу обучающийся может выбрать по любому из учебных предметов, а также в сфере внеурочной деятельности и дополнительного образования (клубы, секции) по любому интересующему направлению. Сотрудники ВолНЦ РАН выступают в качестве наставников при подготовке исследовательских школьных работ по трем основным направлениям: экономика, социология и биоэкономика.

2. Информационный компонент. Обучающийся совместно с наставником определяет тему исследования; определяет объект и предмет; формулирует цель и задачи; выбирает источники информации – ограничиться одним учебником или воспользоваться дополнительной литературой (сбор и анализ теоретической части, изучение фактов, сопоставление мнений); определяет методы и сроки выполнения работы; представляет каким будет конечный результат; подготавливает презентацию своей работы.

3. Когнитивный компонент. Проработка результата работы, его оценка с практической стороны – насколько его можно применить в дальнейшем – разработанная учебная игра или приложение, буклет, данные опроса или личной преобразующей деятельности, рекомендации и т. д.

4. Коммуникативный компонент. Совместная работа наставника и обучающегося или группы, предполагает активное общение, обсуждение этапов подготовки проекта, учет замечаний по работе, их устранение, доказательную аргументацию личного мнения, принятие позиции другого. Умения, входящие в данный компонент, развиваются и благодаря участию в различных конференциях, в ходе которых непосредственно происходит дискуссионное обсуждение процесса подготовки работы, полученных результатов.

В ВолНЦ РАН заключительным и важным этапом при подготовке научно-исследовательской работы является его защита на ежегодной конференции «Экономика региона глазами старшеклассников», которая организуется и проводится Вологодским научным центром. Конференция – это не только возможность поделиться собственным опытом работы, но и познакомиться с другими разработками выбранного научного направления, а также возможность услышать мнение экспертного жюри о своей работе. По итогам конференции победители имеют право разместить свою работу в сборнике «Экономика региона глазами старшеклассников».

5. Рефлексия происходит в течение всего периода подготовки проекта: самооценка проделанной работы, самоанализ ошибок, сильных и слабых сторон проекта, осознание препятствий по решению поставленных задач и способов их устранения.

6. Личностный компонент. В ходе подготовки проекта обучающийся тренирует умение планирования (например, распределяет время на подготовку отдельной части работы), самоорганизации и саморегуляции (составляет и придерживается плана, который регулирует личное время, которое отводится на учебу, дополнительные занятия и т. д.); самостоятельности и саморазвития.

Развивая исследовательскую компетентность в ходе проектно-исследовательской деятельности, обучающиеся получают опыт применения приобретаемых знаний, умений и навыков в учебной деятельности (целеполагание, планирование, достижение результата, поиск и критический анализ информации) и жизненных ситуациях (навык взаимодействия с окружающими – наставником, педагогам, сверстниками; самопрезентации).

Обучающийся учится видеть проблемные ситуации, выдвигать гипотезы, давать определения понятиям, классифицировать, анализировать, обобщать, подбирать и реализовывать методы исследования, делать выводы, аргументированно доказывать и защищать свои идеи, представлять конечный результат (продукт – разработанная учебная игра или приложение, буклет, данные опроса или личной преобразующей деятельности, рекомендации, техническое изобретение и т. д.).

Исследовательская компетентность – это залог успешности и в образовании, и в дальнейшей профессиональной деятельности.

Библиографический список

1. Борисенко Н.В. Сущность и структура исследовательской компетенции. Проблемы формирования у подростков исследовательской компетенции. URL: https://www.n-asveta.by/dadatki/2021/n07/borisenko.pdf
2. Орлова О.А. (2023). Проблема развития научно-исследовательских компетенций педагога в контексте реализации их методической деятельности // Амурский научный вестник. № 4. С. 94–102.
3. Перунова О.В. (2023). Научное общество как средство организации проектной и научно-исследовательской деятельности учащихся // Молодой ученый. № 47(494). С. 190–192.
4. Рассказова Ж.В. (2012). К вопросу о сущности исследовательской компетентности старшеклассников общеобразовательной школы // Молодой ученый. № 4(39). С. 450–452.
5. Федеральная образовательная программа среднего общего образования. URL: https://static.edsoo.ru/projects/fop/index.html#/sections/3001003

Информация об авторе

Сагидуллина Евгения Анатольевна – инженер-исследователь, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: timurandko@mail.ru).

Sagidullina E.A.

DEVELOPMENT OF STUDENTS' RESEARCH COMPETENCE IN THE PROCESS OF DESIGN AND RESEARCH ACTIVITIES (USING THE EXAMPLE OF THE SCIENTIFIC AND EDUCATIONAL CENTER OF THE VOLOGDA SCIENTIFIC CENTER OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES)

Abstract. *Modern educational standards impose fundamentally new requirements on the result of mastering educational programs: the formation of practical skills that will allow students to set tasks for themselves, choose a way to solve them, navigate the information flow, and most importantly, apply the acquired knowledge in practice. The article examines the role of design and research activities as a factor in the development of research competencies that allow achieving the main goal of modern educational standards.*

Keywords: *scientific and educational center, design and research activities, competence approach, research competence*.

About the author

Evgeniya A. Sagidullina – Research Engineer, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56a, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: timurandko@mail.ru).

References

1. Borisenko N.V. The essence and structure of research competence. Problems of formation of research competence in adolescents. Available at: https://www.n-asveta.by/dadatki/2021/n07/borisenko.pdf
2. Orlova O.A. The problem of the development of scientific and research competencies of a teacher in the context of the implementation of their methodological activities. Amur Scientific Bulletin, 4, pp. 94–102.
3. Perunova O.V. (2023). Scientific society as a means of organizing project and research activities of students. Young scientist, 47 (494), pp. 190–192.
4. Rasskazova Z.V. (2012). On the issue of the essence of research competence of high school students in secondary schools. Young scientist, 4 (39), pp. 450–452.
5. Federal educational program of secondary general education. Available at: https://static.edsoo.ru/projects/fop/index.html#/sections/30010

УДК 316 / ББК 60.59

Шабунин Д.М.

САМАРСКАЯ ОБЛАСТЬ В ПРОГРАММЕ «ПРОБЛЕМЫ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ЭВОЛЮЦИИ РОССИИ И ЕЕ РЕГИОНОВ»

Аннотация. *В работе проанализировано состояние и динамика социокультурных процессов в регионе на основе статистических и социологических показателей. Исследованы основные аспекты социокультурного состояния и трансформации региона: технологический уклад, социально-экономическое состояние, народонаселение.*

Ключевые слова: *регион, статистические и социологические показатели, социокультурные изменения.*

Самарская область присоединилась к программе «Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов» в 2011 году. За 13 лет участия в программе в Самарской области было проведено 3 волны социологических опросов (2011, 2015, 2023 гг.)[1], подготовлено и издано 4 монографии (2012, 2014, 2016, 2024 гг.) [3, 4, 5, 6]. В 2016 году в Самаре состоялась XII Всероссийская научно-практическая конференция «Проблемы социокультурных исследований и проектирования модернизации в регионах и муниципальных образованиях России».

Исследователи старались придерживаться одной методики, которая была разработана Центром изучения социокультурных измерений Института Философии РАН [7]. По крайней мере, две волны социологических опросов осуществлялись по единой разработанной анкете. В 2023 году в анкету были внесены изменения. Полностью был убран раздел по социальной мобильности, но в то же время в анкету были добавлены вопросы, связанные с использованием населением информационных технологий. В целом основные социокультурные проблемы остались, что позволило оценить социокультурные изменения в регионе с 2011 по 2023 гг.

Результаты социологических исследований и статистические данные дают основание утверждать, что Самарская область – это пример региона, в котором сложился индустриальный технологический уклад, основными чертами которого являются: относительно развитая индустрия, высокий уровень урбанизации, социальная структура, которая имеет тенденцию к современным преобразованиям, ценности населения, среди которых преобладают традиционные ценности, но в то же время нет никаких структурных ограничений для их модернизации. Коэффициент соотношения ценностей изменения и сохранения (Кис) в регионе в 2011 году составил 0,99, в 2015 и 2023 гг. – 0,98. Интегрирующий кластер ценностей как в регионах, так и в России в целом, включает жизнь, семью, порядок и общительность. По регионам их ранг может отличаться, но основной набор данных ценностей воспроизводится устойчиво.

Технико-технологический уклад региона изучался на основе методики, разработанной Центром исследования модернизации и группой Китайской академии наук по изучению модернизации Китая [2]. Данная методика охватывает и измеряет экономическую, социальную сферу знаний, оставляя в стороне политический аспект процесса модернизации, который может как стимулировать, так и препятствовать осуществлению модернизации страны и ее регионов.

В Самарской области созданы предпосылки для формирования информационно-коммуникационного технологического уклада, современного информационного общества. Не смотря на широкое распространение и использование населением информационных технологий, мобильных телефонов, компьютеров, социальных сетей и Интернета, Самарская область находится только на подготовительной стадии зарождения информационного общества, наряду с Республикой Татарстан, Пермским краем, Нижегородской и Ульяновской областями.

Уровень трансляции, распространения и использования знаний в регионе существенно вырос с 2000 года (60 пунктов) и в 2017 году достиг 103.1 пункта, чего нельзя сказать об уровне

[1] Первая волна социологического опроса проведена в июне – июле 2011 года, в ходе которого было получено 1015 анкет. Вторая волна социологического опроса проведена в августе – сентябре 2015 года, в ходе которого было получено 941 анкета. Третья волна социологического опроса проведена в июне – сентябре 2023 года, в ходе которого было получено 1038 анкет.

инноваций (производства) знаний[2]. Индекс инновации знаний в Самарской области к 2017 году даже снизился по сравнению 2000 годом с 69 пунктов до 42.3 и очень далек от стандартов современных развитых стран. С 2005 года произошло снижение доли занятых в сфере интеллектуальных услуг (образование, научные исследования и разработки) с 9,1 до 6,5%. Уровень и качество научно-исследовательского потенциала недостаточны для преодоления технологического и научного отставания страны и ее регионов, в том числе и Самарской области, что дает основание утверждать о сохранении устойчивого и долгосрочного состояния процесса зависимой модернизации страны и региона [8].

Вызывает большую тревогу состояние качества экономики. Данные Вологодского научного центра Российской академии наук (ВолНЦ РАН) свидетельствуют, что данный показатель в регионе практически замер на отметке 2000 года (41 в 2000 году и 42,4 в 2017 году), в то время как в целом по Российской Федерации он немного, но вырос.

Наибольшую проблему для региона представляют не экономические кризисы (не смотря на мировой финансовый кризис 2008–2009 гг. наблюдался рост индексов индустриального и информационного общества), а геополитические вызовы и следующие за ними экономические санкции и потеря доступа к современным технологиям, поскольку регион, вошедший в подготовительную стадию информационного общества, был тесно связан с глобальной экономикой.

От экономических санкций в первую очередь страдают высокотехнологичные сферы, которые в условиях постиндустриального общества приобретают сетевой характер, становясь базовым элементом глобального информационного общества [1]. Как следствие – падение базовых показателей индексов вторичной модернизации (информационное общество) в Самарской области в период геополитических вызовов.

Самарская область обладает значительным потенциалом технологического, экономического и социального развития. В области сформированы несколько промышленных кластеров, которые нуждаются в реиндустриализации, поскольку в них еще высока доля устаревших технологий как в области производства, так и в области организации и управления.

Демографические процессы в Самарской области находятся на уровне общей тенденции большинства регионов Российской Федерации: снижение численности, падение рождаемости и старение населения. Численность населения в Самарской области с 1990 по 2021 гг. сократилась на 115 тыс. чел. В Пермском крае за аналогичный период сокращение населения составило 647 тыс. чел., в Нижегородской области – 637 тыс. Основным фактором, который препятствовал существенному снижению численности населения в Самарской области была миграция населения, потенциал которой в настоящее время полностью исчерпан. Только два субъекта в ПФО показали положительную динамику: Республики Татарстан и Башкортостан, где население за аналогичный период увеличилось на 202 тыс. чел. и 26 тыс. чел. соответственно.

Общие коэффициенты рождаемости в Самарской области в 2021 году (8,8) достигли уровня 1995 года (8,6); коэффициент смертности в 2021 году превысил аналогичный коэффициент 1995 года на 10 пунктов и составил 18,4 на 1000 чел. Положительную динамику среди демографических показателей демонстрируют показатель ожидаемой продолжительности жизни и коэффициент младенческой смертности, который в 2021 году составил 4,7 против 14 в 1995 году. Результаты социологических опросов показали, что основными причинами, которые препятствуют росту численности населения, по мнению респондентов, являются: низкие доходы, плохие жилищные условия и укоренившееся в обществе мнение о том, что семье достаточно иметь одного ребенка.

Самарская область продолжает оставаться одним из самых урбанизированных регионов не только Приволжского федерального округа, но и всей России. По численности, плотности и уровню урбанизации Самарская область относится к регионам с высокими

[2] Данные подготовлены Вологодским научным центром Российской академии наук (ВолНЦ РАН) г. Вологда с использованием Информационно-аналитической системы мониторинга параметров модернизации регионов России (ИС «Модернизация», патент № 2012661285, 2012 год), в соответствии с методологическими разработками ЦИСИ Института философии РАН. Таблицы содержат детализированные данные, в том числе полученные от Центра исследований модернизации АН Китая.

качественными показателями. Городское население Самарской губернии составляет 79,7%, сельское – 23,3%. За период с 1990 по 2020 гг. область уступила статус самого высоко урбанизированного региона в Приволжском федеральном округе Нижегородской области (79,9%).

Особенностью Самарской области является то, что ее столицей является город-миллионник – Самара (1 136,7), а также в ее состав входит один из самых крупных городов областного подчинения – Тольятти (720 тыс.), по показателям 2008 года. В период финансового кризиса 2008–2010 гг. наметилась тенденция снижения численности населения Тольятти, поскольку он оказал большое влияние на системообразующий автомобильный кластер города, что привело к существенному сокращению работников автомобильной отрасли. В 2021 году численность населения города составила 685 тыс. чел. и продолжает снижаться.

В научной литературе и официальных документах сложилось мнение о возможности образования Самаро-Тольяттинской агломерации. По нашему мнению, это далекая перспектива, которая, возможно, так и не будет реализована.

По национальному многообразию Самарская область больше типична, чем уникальна, поскольку в среднем в каждом субъекте Российской Федерации проживает порядка 120 национальностей. По данному показателю Самарская область занимает промежуточное положение, но по пяти наиболее многочисленным этническим группам область занимает высокую позицию.

Большинство населения Самарской области (72,3%) устраивает проживание на данной территории. При этом каждый четвертый респондент не испытывает особых чувств к своему региону или хотел бы из него уехать. Эти данные в целом сопоставимы с данными социологических исследований по другим регионам России.

Экологическое состояние и здоровье населения можно назвать удовлетворительными, за исключением отдельных территорий экологического загрязнения и бедствия. Уровень загрязненности атмосферы городов в Самарской области выше среднего.

Обеспеченность населения инфраструктурой здравоохранения существенно улучшилась по сравнению с 2015 годом. По таким показателям, как очереди на прием к врачу и возможность пройти лечение в стационаре регион находится на среднем и ниже среднего уровнях.

Результаты исследования показали, что жители Самарской области считают, что они защищены от ущемлений из-за своей национальности и религиозных убеждений, пола и возраста в большей степени, чем от остальных проблем / опасностей и в меньшей степени защищены от преступности, произвола чиновников, экологической угрозы, бедности и произвола правоохранительных органов.

Коэффициент удовлетворенности жизнью в Самарской области, как и коэффициент социального оптимизма несколько выше, чем в целом по Российской Федерации.

Население Самарской области разделяет те же базовые ценности, что и остальное население России. Однако средний балл ценностей, составляющих интегрированное ядро, ниже, чем по Российской Федерации, а средний балл ценностей, составляющих конфликтногенную периферию, выше, чем в среднем по России.

В Самарской области (как и в подавляющем большинстве регионов РФ) оплата труда в структуре денежных доходов населения занимает наибольшую долю на протяжении последних пяти лет. Доля доходов от предпринимательской деятельности в целом сокращается и составляет в последние годы около 3% во всей доходной структуре. Это достаточно тревожный сигнал для общества и власти.

В 2023 году пандемия и санкции не оказали существенного влияния на материальное положение жителей области. Негативные последствия финансово-экономического кризиса в той или иной мере ощутили около трети всех респондентов (32,6% – пандемия; 26,8% – санкции). Они связаны с потерей заработка и ухудшением материального положения.

Результаты исследования 2015 и 2023 гг. показали повышения уровня доверия населения ко всем ветвям республиканской власти. В наибольшей степени население доверяет суду и губернатору. Причем доверие к губернатору выросло существенно по сравнению с 2011 годом. Уровень доверия к Президенту России достаточно высокий (70%).

Общественная активность населения проявляется в основном по месту жительства (субботники, пожертвования, волонтерство, работа ТСЖ). В коллективном благоустройстве и субботниках участвует каждый четвертый житель области. Каждый третий житель области не принимает никакого участия в общественной и политической жизни региона и страны. Почти половина жителей принимает участие в избирательных кампаниях разного уровня.

Распространенный среди населения патернализм, нигилизм, политический и религиозный индифферентизм, недостаток знаний, некомпетентность, недостаток времени, по мнению жителей области (примерно 30%), являются главными препятствиями проявления общественной активности и своей гражданской позиции.

Каждый регион России по-своему уникален. Исследование показало, что, несмотря на экономические, социальные, культурные, национальные, религиозные и природные различия, гораздо больше факторов, которые нас объединяют.

Наше исследование проводилось в 2023 году, оказавшем существенное влияние на основные социально-экономические показатели региона и положение населения. Однако базовые характеристики региона и его населения продолжают сохраняться и проявляться, придавая Самарской области неповторимый и уникальный колорит, который является неотъемлемой частью многонациональной России.

Библиографический список

1. Кастельс М. (2000). Информационная эпоха: экономика, общество и культур / под ред. О.И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ. 608 с.
2. Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010) (2011) / под ред. Н.И. Лапина. М.: Издательство «Весь Мир». 252 с.
3. Самарская область. Социокультурный портрет (2014) / под ред. С.А. Мартышкина, Д.В. Прохорова [и др.] Самара: Издательство «Глагол». 320 с.
4. Социокультурный портрет Самарской области: эволюция и модернизация региона (1989–2015) (2016) / под ред. С.А. Мартышкина [и др.] Самара: Издательство «Развитие». 372 с.
5. Социокультурный портрет региона. Типовая программа и методика: материалы конференции «Социокультурная карта России и перспективы развития российских регионов», г. Москва, 27 июня–1 июля 2005 г. (2006) / под ред. Н.И. Лапина, Л.А. Беляевой. М.: ИФРАН. 325 с.
6. Шабунин Д.М. (2023). От зависимой к пост-зависимой модернизации // Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений: материалы VIII Международной научно-практической интернет-конференции, г. Вологда, 27–31 марта 2023 г. Вологда: ВолНЦ РАН. С. 809–814.

Информация об авторе

Шабунин Дмитрий Михайлович – кандидат социологических наук, доцент, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева (Российская Федерация, 443086, г. Самара, Московское ш., д. 34; e-mail: ShabuninD@ssau.ru

Shabunin D.M.

SAMARA REGION IN THE PROGRAM “PROBLEMS OF SOCIO-CULTURAL EVOLUTION OF RUSSIA AND ITS REGIONS”

Abstract. *The paper analyzes the state and dynamics of socio-cultural processes in the region on the basis of statistical and sociological indicators. The main aspects of the socio-cultural state and transformation of the region are studied: technological structure, socio-economic condition, population.*

Keywords: *region, statistical and sociological indicators, socio-cultural changes.*

About the author

Dmitriy M. Shabunin – PhD in Sociology, Associate Professor, Department of State and Municipal Administration, Samara National Research University (34, Moskovskoe highway, Samara, 443086, Russian Federation; e-mail: ShabuninD@ssau.ru

References

1. Castells M. (2000). The Information Age: economics, society and culture: Translated from English; ed. by O.I. Shkaratan. Moscow: Higher School of Economics. 608 p.
2. Overview report on modernization in the world and China (2001–2010) (2011); ed. by N.I. Lapin, G.A. Tosuyan. Moscow: Publishing House "The Whole World". 252 p.
3. Samara region. Sociocultural portrait (2014); ed. by S.A. Martyshkin, D.V. Prokhorov [et al.] Samara: Glagol Publishing House. 320 p.
4. Shabunin D.M. (2023). From dependent to post-dependent modernization. Global challenges and regional development in the mirror of sociological dimensions: proceedings of the VIII International Scientific and Practical Conference. Internet Conference, Vologda, March 27–31, 2023.Vologda: VolSC RAS, pp. 809–814.
5. Socio-cultural portrait of the region. A typical program and methodology. Proceedings of the conference "Socio-cultural map of Russia and prospects for the development of Russian regions", Moscow, June 27–July 1, 2005 (2006); ed. by N.I. Lapin, L.A. Belyaeva. M.: IFRAN. 325 p.
6. Sociocultural portrait of the Samara region: evolution and modernization of the region (1989–2015) (2016); ed. by S.A. Martyshkin, D.V. Prokhorov [et al.] Samara: Razvitie Publishing House. 372 p.

УДК 316 / ББК 60.5

Шевцова А.Е.

АНИМЕ КАК ФАКТОР ВОСПРИЯТИЯ ЯПОНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Аннотация. *Статья исследует влияние аниме на восприятие японской культуры, подчеркивая передачу ценностей и традиций через сюжеты и символы. В ходе анализа представленного зарубежного исследования аниме «Атака титанов», отражающего аспекты японского общества, такие как коллективизм и честь, выделяются ключевые категории, помогающие лучше понять японскую культуру.*

Ключевые слова: *аниме, японская культура, культурный обмен, восприятие, символизм.*

Современное общество характеризуется активным культурным обменом, в котором значительную роль играют медиаформаты, такие как кино, музыка и анимация. Одним из наиболее ярких примеров культурного влияния является японская анимация, известная как аниме. Аниме не только завоевало популярность во всем мире, но и стало важным каналом передачи японской культуры, ее ценностей и традиций [3]. Исследование влияния аниме на восприятие японской культуры помогает понять, как этот медиаформат способствует формированию представлений о Японии у широкой международной аудитории.

Аниме как форма искусства не ограничено обязательным изображением Японии для передачи ее социокультурных элементов. Японская культура, ее история и ценности могут находить отражение в произведениях с самыми разными сеттингами – от футуристических миров до фэнтезийных вселенных, от альтернативных историй до постапокалиптических реальностей. Важно не то, где разворачиваются события, а какие идеи и смыслы в них заложены.

Через символизм, нарративные структуры и характерные социальные мотивы аниме способно передавать фундаментальные аспекты японского общества. Например, темы коллективизма, долга перед обществом, чести и жертвенности, глубоко укорененные в японской культуре, могут проявляться даже в произведениях, далеких от традиционных японских антуражей. Ярким примером этого является «Атака титанов» (яп. 進撃の巨人 *Сингэки но Кедзин*, букв. «Атакующий гигант»), действие которого происходит в мире, не имеющем прямой связи с Японией, но в котором прослеживаются отсылки к историческим событиям, милитаристской идеологии и социальным структурам, характерным для японского общества.

Сюжет «Атаки титанов» представляет собой метафорическую историю, в которой человечество находится под угрозой со стороны титанов – гигантских существ, внешне схожих с людьми [2]. Это произведение служит основой для глубокого анализа тем угнетения меньшинств, политических конфликтов и иных аспектов, демонстрируя возможные реакции общества на экстремальные условия. В рамках аниме также поднимаются универсальные темы приключений и личностной трансформации, изменения мировоззрения и достижения зрелости через призму пути главного героя, Эрена Йегера.

В завершающем сезоне особое внимание уделяется вопросам расы, этнической идентичности и исторического контекста, что вызывает оживленные дискуссии и обсуждения среди аудитории на различных платформах [2]. Это актуализирует вопросы о значении аниме, его взаимосвязи с социокультурной политикой Японии и отражении современных реалий японского общества.

В работе Хафиз Азиз Ахмада и Нада Фарадилла, основной целью которой является выявление символизма и культурных мотивов, скрытых в повествовании и визуальном стиле аниме, именно вышеуказанное произведение выступает в качестве объекта исследования, поскольку, несмотря на фантастический сеттинг, в нем прослеживаются аллюзии на современные социокультурные реалии Японии [1]. Исследование опирается на качественный контент-

анализ и метод Майринга, позволяющий выявлять и классифицировать культурные коды. Анализу подверглись 88 эпизодов аниме из 139 (по состоянию на июль 2023 года).

В ходе исследования были выделены десять ключевых категорий, отражающих фундаментальные аспекты японской социокультурной системы:

1. Террор и травматический опыт.
2. Военные конфликты и милитаризм.
3. Этнические группы и народ.
4. Религиозные традиции.
5. Лингвистические особенности и коммуникативные практики.
6. Взаимодействие с природной средой и местообитание.
7. Аграрная культура и сельское хозяйство.
8. Система ценностей.
9. Национальная идентичность.
10. Социально-классовая структура [1].

Каждая из этих категорий включает специфические элементы, формирующие японскую культурную модель. Например, в рамках категории «ценности» анализируются такие концепты, как честь (meiyo), дисциплина (kunren) и социальная ответственность (giri), которые проявляются в поведенческих паттернах представителей японского общества. В ходе следующего этапа исследования было обнаружено 1722 случая включения подобных социокультурных элементов в сериал «Атака Титанов». Наиболее значимые категории включают: система ценностей – 525 случаев (30%); военные конфликты и милитаризм – 347 случаев (20%); террор и травматический опыт – 250 случаев (15%) [1].

Визуальные элементы, тактические приемы и дисциплина, отображенные в аниме, напоминают милитаристские традиции, а использование холодного оружия ассоциируется с образом самурая и благородным боевым искусством. Сцены войны и агрессии вызывают ассоциации с нападением на Перл-Харбор и бомбардировками японских городов в период Второй мировой войны, создавая напряженную атмосферу и актуализируя историческую память. Тема террора и травматического опыта раскрывается через сцены массового уничтожения и разрушенные города, передавая чувство беспомощности перед катастрофами, сопоставимое с переживаниями японского общества в военные годы. Разрушение глобального порядка, вызванное действиями главного героя, можно интерпретировать как метафору ядерного удара и его последствий. Таким образом, аниме как массовая культура способно транслировать исторические и социальные нарративы без конкретного акцента на культуру «страны-изготовителя», тем самым делая их доступными для широкой публики, что только увеличивает роль этого жанра как фактора восприятия японской культуры.

Библиографический список

1. Керр А. (2019). Потерянная Япония. Как исчезает культура великой империи. Москва: Эксмо. 288 с.
2. Рецензии – Атака титанов // Кинопоиск. URL: https://www.kinopoisk.ru/ film/749374/reviews/
3. Ahmad H.A., Faradilla N. (2024). Representation of Japanese Sociocultural Elements in the Anime Series Attack on Titan. Proceedings of the 3rd International Conference of Art, Craft, Culture and Design (ICON-ARCCADE 2023). Atlantis Press, pp. 80–89.

Информация об авторе

Шевцова Александра Евгеньевна – студентка магистратуры «Цифровая социология», Тюменский государственный университет (Российская Федерация, 625003, г. Тюмень, ул. Ленина, д. 16; e-mail: alexendra.shevc@yandex.ru).

Shevtsova A.E.

ANIME AS A FACTOR OF PERCEPTION OF JAPANESE CULTURE

Abstract. *The article explores the influence of anime on the perception of Japanese culture, emphasizing the transmission of values and traditions through plots and symbols. The analysis of the presented foreign anime study "Attack on Titan", which reflects aspects of Japanese society such as collectivism and honor, identifies key categories that help to better understand Japanese culture.*

Keywords: *anime, Japanese culture, cultural exchange, perception, symbolism.*

About the author

Shevtsova Alexandra Evgenievna – Master's Degree student in Digital Sociology, Tyumen State University (16, Lenin Street, Tyumen, 625003, Russian Federation; e-mail: alexendra.shevc@yandex.ru).

References

1. Ahmad H.A., Faradilla N. (2024). Representation of Japanese Sociocultural Elements in the Anime Series Attack on Titan. Proceedings of the 3rd International Conference of Art, Craft, Culture and Design (ICON-ARCCADE 2023). Atlantis Press, pp. 80–89.
2. Kerr A. (2019). Lost Japan. How the culture of the great Empire disappears. Moscow: Eksmo. 288 p.
3. Reviews – Attack of the Titans. Kinopoisk. Available at: https://www.kinopoisk.ru/film/749374/reviews/

УДК 316 / ББК 60.5

Шляпина А.С.

ВОСПРИЯТИЕ ФЕНОМЕНА «КАТАСТРОФЫ» В ПОНИМАНИИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Аннотация. *Общество риска делает человека не только объектом угроз, но и их субъектом, позволяя говорить о важности изучения восприятия феномена катастроф. Восприятие катастроф рассматривается на базе анализа 25 эссе студентов первого курса. По результатам исследования представлена типологизация катастроф на масштабные и личные*.

Ключевые слова: *катастрофа, катастрофическое сознание.*

Развитие информационного общества дает возможность обеспечить доступ к информации для всех слоев населения, однако ее объем, интенсивность информационных потоков и беспрепятственный доступ к ней позволяют при помощи намеренного или ненамеренного дезинформирования или публикации выборочных фактов манипулировать общественным сознанием, порождать новые страхи. Современное общество – это общество риска: глобализация позволяет катастрофам на одном континенте влиять на общественное сознание и социальные процессы на другом континенте, что порождает все новые и новые вызовы, которые все меньше подвергаются управлению [5, с. 138].

Р. Перри выделяет три этапа развития теоретических подходов к определению катастроф [3]. Классический подход в парадигме катастроф сформировался в 1950-х гг., в ней катастрофы воспринимались как внезапно возникающие нормы социального порядка в условиях слома старого порядка [7, с. 19–24]. При этом катастрофа носила глобальный или региональный характер, т. е. охватывала значительное количество людей. Вторая волна в изучении феномена катастроф фокусируется на их интерпретации в качестве результата столкновения природных и естественных человеческих сил, из-за чего возникают разрушения и хаос [6]. Третье направление концентрирует внимание на внезапно возникающих новых нормах поведения и стремлении людей способствовать адаптации к ним [8].

Среди отечественных современников, изучающих катастрофическое сознание, можно выделить В. Шляпентох, В. Шубкина, В. Ядова, которые трактуют его как «некоторое социальное состояние, которое представляет ситуацию в пессимистическом свете, что часто, хотя и не обязательно, затрудняет реалистическую оценку опасностей и угроз» [7, с. 46]. В качестве бедствий П. Сорокин выделяет голод, войну, революцию, эпидемию, рассматривая деструктивные последствия и способы адаптации к катастрофам [3]. В.П. Визгин делает акцент на состоянии общества, когда люди разделены и не имеют общих ценностей и целей, кроме того, выделяет как особый вид восприятия катастроф – фантазии о катастрофизме «когда само непосредственное существование воспринимается как катастрофа» [1, с. 171].

Студентам первого курса очной формы обучения физико-математического и филологического факультетов было предложено в течение 15 минут написать эссе и ответить на вопрос: «Что для вас является катастрофой? Какие у нее особенности, признаки?». Студенты писали эссе анонимно, без указания пола и иных данных. Объем собранных эссе составил 25 шт. Мы провели исследование в ноябре–декабре 2024 года. Опрос внутри группы был сплошным, среди тех, кто присутствовал на занятии.

Катастрофа в понимании студентов заключается в сломе существующего понятного миропорядка: «*Мир рушится. Тот мир, которым человек себе его представляет*». Катастрофа по своей сути носит характер непредсказуемости в появлении, непредсказуемости в протекании, неотвратимости, неразрешимости, независимости от желаний самого человека: «*Безысходное, разрушительное, окончательное*». Основные эмоции и чувства, с помощью которых студенты описывали катастрофу: боль, страх, слезы, отчаяние, ужас. О случившейся катастрофе они писали: «*Как будто бы уже нет возможности или сил что-то предпринять*». Источником катастроф студенты называли природу и человека.

При этом важно катастрофу воспринимать не только как точку бифуркации, но и как социальный процесс. Особый акцент студенты сделали на состоянии «пребывания в катастрофе»: «*Катастрофа – это страшно, хотя в половине катастроф люди спокойно живут*», «*С другой частью катастроф мы живем совсем рядом и часто даже оказываем влияние на их поддержание*».

Типичным является разделение катастроф по их охвату: масштабные и личные катастрофы.

Масштабные катастрофы носят более объективный и глобальный характер. Как правило, они связаны с большим количеством жертв, масштабной порчей имущества или вредом для экологии. Кроме того, последствиями масштабных катастроф являются не только материальные потери, но и масштабность совместно пережитого горя: «их объединяет одно – масштабность в эмоциональном плане».

При переносе самого себя в условия гипотетической катастрофы, ее восприятие и восприятие своей роли в ней может восприниматься апатично и категорично, где смерть становится «запасным выходом» в преодолении состояния пребывания в катастрофе (размышляя о бедствии на необитаемом острове посреди океана): «Да, это было бы крайне печально, но на этом все. Может быть, пару месяцев я бы просто посидела, но ни на что бы не надеялась. Скорее всего я бы потом просто повесилась». Подчеркнутое одиночество как будто становится свойством, типичным состоянием безразличия к своей жизни, которое подпитывается и окружением: «А если бы удалось бы меня найти (что крайне маловероятно) я бы просто их поблагодарила».

Среди примеров таких катастроф – природные катастрофы (наводнения, пожары), экономические кризисы, теракты, крушения. В качестве примеров конкретных событий студенты называли: 11 сентября, катастрофу на Чернобыльской АЭС, теракт в Крокус-сити холле, пандемию COVID-19, бомбардировки Хиросимы и Нагасаки.

Личные катастрофы носят субъективный, индивидуальный характер: «Катастрофой могут считаться разные вещи, которые другому (человеку) могут показаться незначительными». Они могут быть выражены как внутриличностный конфликт в виде несоответствия своим или чужим ожиданиям, потери своей уникальности, ценности, уверенности в правильности своих действий и ценностей: «сделать неправильный выбор, жалеть всю жизнь»; «быть хуже, чем кто-то, потерять себя»; «талант» окажется мнимым»; «остаться в полном одиночестве».

При этом студенты предполагают, что личные катастрофы как правило сталкиваются с непониманием других людей, т. е. восприятие личных катастроф со стороны окружающих характеризуется отчуждением, отрицанием или обесцениванием: «Если проще относиться к жизни, то и катастроф будет меньше». В некоторых случаях обесценивание своих переживаний может быть попыткой снизить стрессовое состояние: «Это я такой человек, который любит надумывать и забивать голову всякой ерундой. ... Я могу не спать сутками из-за этого ощущения катастрофы».

Характер катастрофы может приписываться не только значительным эмоциональным потрясениям (потеря близких людей, работы, отчисление из учебного заведения), но и небольшим жизненным событиям: «Человек не сдал экзамен – катастрофа», «Опоздал на автобус».

Размышляя над распространенностью катастроф, некоторые студенты приходили к выводу, что человек не способен избежать личных катастроф: «в масштабе каждого человека (возникновение катастрофы) – неизбежно». Также было высказано мнение: «Вообще мне кажется, что на данный момент мы живем в состоянии катастрофы», намекая на ее перманентный характер, однако, не уточняя ее масштабов: или личность живет в условиях постоянных личностных и масштабных катастроф, или общество пребывает в постоянном состоянии катастрофы.

Описывая феномен катастроф, студенты приравнивают друг к другу масштабные и личные катастрофы. Масштабные катастрофы трактуются как объективно существующие, глобальные материальные потери и масштабное переживание горя, в то время как личные связывают с локальными, субъективно важными событиями, не всегда находящими понимание у

других людей. Участники масштабной катастрофы (люди-субъекты) воспринимаются как объекты, неспособные повлиять на нее повлиять, а в личных катастрофах они выступают в роли наблюдателей. Описанию масштабных катастроф студенты уделяли около 1/3 эссе или меньше, остальная часть была посвящена описанию личной катастрофы. Многие студенты воспринимают катастрофу исключительно как точку бифуркации с последствиями, на которые нельзя повлиять, в то время как последствия – это именно то, что управляемо и контролируемо человеком. Также из дискурса студентов исчезает понимание протекания социального и личного прогресса, при котором слом каких-либо предыдущих состояний способствует развитию и возможности становления новых состояний. Масштабные катастрофы диалектически связаны с личными катастрофами, поскольку порождают много личных катастроф: «В таком случае катастрофа – отправная точка в вспышке множества мини-катастроф», а личная катастрофа, в свою очередь, может повлечь за собой масштабную: «большинство таких катастроф происходят из-за человеческого фактора».

Остаются открытыми вопросы о том, являются ли подобные акценты на личной катастрофе в дискурсе студентов проявлением тенденции доминирования субъективного над объективным, характерным для современных глобализационных процессов, также как и то, насколько это видение является уникальным или типичным относительно других возрастных и социальных групп.

Библиографический список

1. Визгин В.П. (1991). Катастрофическое сознание (философско-художественный опыт) // Мысль изреченная: сборник научных статей / под ред. В.А. Кругликова. М.: Изд-во Рос. открытого ун-та. С. 167–190.
2. Лепешкин С.А. (2022). Катастрофическое сознание: вчера, сегодня, завтра // Каспийский регион: политика, экономика, культура. № 4(73). С. 136–139.
3. Сорокин П. (2022). Человек и общество в условиях бедствий. М.: Академический проект. 399 с.
4. Шляпентох В.Э., Шубкин В.Н., Ядов В.А. (1999). Катастрофическое сознание в современном мире в конце XX века (по материалам международных исследований). М.: МОНФ. 217 с.
5. Якимова Е.В. (2022). Социология катастроф как область исследования: теоретические аспекты (обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11. Социология. № 4. С. 14–36. DOI: 10.31249/rsoc/2022.04.02
6. Alexander D.A. (2005). An interpretation of a disaster in terms of changes in culture, society, and international relations. What is a disaster: new answers to old questions; ed. by R.W. Perry, E.L. Quarantelli. Philadelphia: Xlibris publishers, pp. 25–38.
7. Fritz C.E. (1961). Disaster. Contemporary social problems; ed by. R. Merton, R. Nesbit. New York: Harcourt publishers, pp. 651–694.
8. Perry R.W. (2018). Defining disaster: an evolving concept. Handbook of disaster research; ed. by H. Rodriguez, W. Donner, J. Trainor. Cham: Springer, pp. 3–22.

Информация об авторе

Шляпина Анастасия Сергеевна – ассистент кафедры социологии, социолог Центра социологических исследований, Пермский государственный национальный исследовательский университет (Российская Федерация, 614068, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15; e-mail: info@psu.ru).

STUDENTS' PERCEPTION OF THE "DISASTER" PHENOMENON

Abstract. *Risk society makes a person not only an object of threats, but also their subject, allowing us to talk about the importance of studying the perception of the phenomenon of disaster. Based on the analysis of 25 essays of first-year students, the perception of disasters in the minds of students is considered. According to the results of the study, a typology of disasters is distinguished into large-scale and personal.*

Keywords: *disaster, catastrophic consciousness.*

About the author

Anastasia S. Shlyapina – Assistant of the Department of Sociology, Sociologist of the Center for Sociological Research, Perm State University (15, Bukireva Street, Perm, 614068, Russian Federation, e-mail: info@psu.ru).

References

1. Alexander D.A. (2005). An interpretation of a disaster in terms of changes in culture, society, and international relations. What is a disaster: new answers to old questions; ed. by R.W. Perry, E.L. Quarantelli. Philadelphia: Xlibris publishers, pp. 25–38.
2. Fritz C.E. (1961). Disaster. Contemporary social problems; ed by. R. Merton, R. Nesbit. New York: Harcourt publishers, pp. 651–694.
3. Perry R.W. (2018). Defining disaster: an evolving concept. Handbook of disaster research; ed. by H. Rodriguez, W. Donner, J. Trainor. Cham: Springer, pp. 3–22.
4. Vizgin V.P. (1991). Catastrophic Consciousness (a philosophical and artistic experience). The Thought Spoken: collection of scientific articles; ed. by V.A. Kruglikov. Moscow: Publishing House of the Russian Open University, pp. 167–190.
5. Lepeshkin S.A. (2022). Catastrophic Consciousness: Yesterday, Today, Tomorrow. Caspian Region: Politics, Economics, Culture, 4(73), pp. 136–139.
6. Sorokin P. (2022). Man and Society in the Face of Disasters. Moscow: Academic Project. 399 p.
7. Shlapentokh, V.E. Shubkin, V.N. Yadov V.A. (1999). Catastrophic consciousness in the modern world at the end of the 20th century (based on international studies). Moscow: MONF. 217 p.
8. Yakimova E.V. (2022). Sociology of disasters as a field of research: theoretical aspects. (review). Social and humanitarian sciences. Domestic and foreign literature. Series 11: Sociology, 4, pp. 14–36.

УДК 316.35 / ББК 60.54

Ясников Н.Н.

СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ МОЛОДЕЖИ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация. *Сегодня изучение социального капитала молодежи как слияния сетей, норм и доверия все чаще оказывается в фокусе внимания исследователей, поскольку он является важным фактором, влияющим на их личностное развитие, социализацию и успешную интеграцию в общество.*

Ключевые слова: *социальный капитал, молодежь, Вологодская область, регион, сплоченность.*

Все чаще современные исследователи обращаются к проблематике социального капитала изучая вопросы того, каким образом социальные сети, доверие или нормы взаимодействия оказываются связаны с экономическим, социальным и культурным развитием как страны в целом, так и отдельных ее регионов. Социальный капитал признается способствующим созданию устойчивых сообществ, внутри которых люди активно сотрудничают, что ведет к более эффективному решению социальных проблем и повышению общего качества жизни. В контексте регионов это знание помогает выявлять сильные и слабые стороны местных сообществ, а также ориентироваться в том, какие местные ресурсы и связи могут быть использованы для стимулирования экономического роста и социальной интеграции.

Кроме того, изучение социального капитала позволяет оценить уровень вовлеченности граждан в общественные процессы, что важно для формирования демократических институтов и повышения политической активности. Понимание социального капитала помогает в разработке более целенаправленных и эффективных стратегий развития, учитывающих уникальные особенности и потребности конкретных регионов, что способствует их более устойчивому и гармоничному развитию. Изучение социального капитала молодежи в регионе позволяет понять уровень ее интеграции в общество, что облегчает процессы разработки программ для улучшения социальной сплоченности и устойчивости местных сообществ. Высокий уровень социального капитала может стать двигателем экономического роста и инноваций, а также повысить политическую активность молодежи, что влияет на демократические процессы. Кроме того, социальный капитал напрямую связан с качеством жизни, включая здоровье и доступ к ресурсам, что делает его важным для формирования эффективной социальной и молодежной политики. Было показано, что социальный капитал даже на ранних этапах оказывается связан с образовательными успехами молодых людей и снижением уровня правонарушений среди них [4][1].

Под социальным капиталом мы понимаем некий продукт синергетического слияния доверия, сетей социальных отношений и разделяемых ценностей. Подробности этого подхода раскрыты в двух монографиях, посвященных изучению социального капитала в регионе [1, 2]. В кратком изложении метод индексной оценки позволил отнести каждого респондента к одной из пяти групп обладателей социального капитала. Где в первую группу вошли обладатели социального капитала минимального уровня, которые при ответе на вопросы чаще всего выбирали альтернативы не доверяю / не могу повлиять / не состою / не участвую, а в пятую группу, напротив, вошли наиболее активные и доверяющие представители сообщества.

Что касается трактовки понятия «молодежь», то в данной работе мы опираемся на определение сформулированное в русле стратификационного подхода В.Т. Лисовским, который рассматривал молодежь как «поколение людей, проходящих стадию социализации, усваивающих, а в более зрелом возрасте уже усвоивших, образовательные, профессиональные,

[1] Barton H, Thorpe J, Dufur M. Social Capital and Prosocial Behavior among German Children. Social Sciences. 2020; 9(11):215. https://doi.org/10.3390/socsci9110215

культурные и другие социальные функции; в зависимости от конкретных исторических условий возрастные критерии молодежи могут колебаться от 16 до 30 лет» [3].

Информационной базой для исследования послужил массовый опрос общественного мнения проведенный ВолНЦ РАН на территории Вологодской области в 2024 году. Всего было опрошено 1500 чел.; выборка квотная, сформированная с учетом половозрастной структуры респондентов и географии их проживания в рамках области.

В ходе исследования была установлена структура социального капитала молодежи Вологодской области (*рис. 1*). Показано, что почти половину респондентов составили обладатели минимального и ниже среднего его уровней. В то время как порядка четверти опрошенных принадлежат к группе обладающих высоким или выше среднего уровнем. Полученные данные говорят о том, что хотя в области существует заметная доля молодежи, активно включенной в общественную жизнь, заметно большая ее часть весьма ограничена в реализации своих возможностей для социального взаимодействия и участия в общественных процессах.

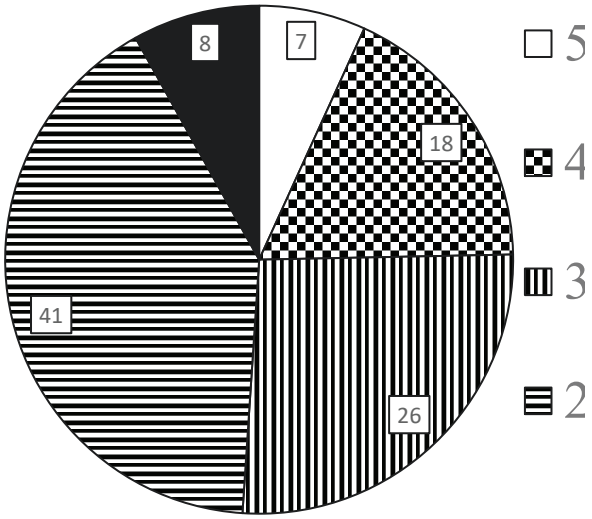

Рисунок 1. **Уровень социального капитала молодежи Вологодской области**

Последующий анализ показал, что уровень социального капитала молодежи Вологодской области прямо связан с их эмоциональным восприятием будущих перспектив. Было установлено, что обладатели социального капитала более высоких уровней, заметно чаще оценивают перспективы будущего как позитивные, оптимистичные. На фоне того, что немногим меньше половины опрошенных в группе с минимальным уровнем социального капитала сообщили что вообще не думают о будущем, а живут одним днем, это дополнительно актуализирует вопросы изучения состояния социального капитала молодежи в регионах.

Таблица 1. **Распределение ответов на вопрос: «С каким чувством вы смотрите в будущее?», в зависимости от уровня социального капитала, в %**

Варианты ответа	Уровень социального капитала				
	1	2	3	4	5
С оптимизмом, уверен в лучшем	11	25	40	52	94
Спокойно, но без особых надежд	32	50	32	19	6
С тревогой и неуверенностью	11	10	11	14	0
Испытываю сильные опасения за свое благополучие	5	2	7	5	0
Не думаю об этом, живу одним днем	42	13	10	10	0

Еще одним занимательным наблюдением стала оценка сплоченности общества обладателями различных уровней социального капитала. Помимо того факта, что обладатели

социального капитала более высокого уровня выше оценивали сплоченность общества на всех уровнях, от локального до странового, было выяснено, что независимо от уровня социального капитала респонденты дают более высокие оценки наиболее приближенным к ним сообществам. Так, даже обладатели социального капитала минимального уровня почти в половине случаев сказали, что в их непосредственном окружении преобладает сплоченность. Понимание этих двух факторов позволяет при решении социально-ориентированных задач опираться не только на обладателей высоких уровней социального капитала (которые традиционно представлены достаточно малочисленными группами), но и в некоторой степени на менее активных членов сообщества, в ситуациях, когда затрагиваются вопросы, решаемые на микроуровне местных сообществ.

Таблица 2. **Распределение ответов на вопрос: «Как вы считаете, чего сегодня больше: согласия, сплоченности или несогласия, разобщенности …?», в зависимости от уровня социального капитала, в %**

Больше согласия, сплоченности	Уровень социального капитала				
	1	2	3	4	5
В нашей стране	0	24	39	64	56
В нашей области	5	22	36	52	88
В месте вашего проживания?	21	50	52	76	69
В вашем окружении	42	63	73	91	88

Также хочется отметить примечательный факт, касающийся того, от кого по мнению респондентов в наибольшей степени зависит развитие того муниципального образования, в котором они проживают. Как оказалось, молодые респонденты, независимо от их уровня социального капитала примерно одинаково возлагают ответственность по развитию места проживания на власти различного уровня. Порядка 60–70% опрошенных считают, что эти вопросы должны решать органы местного самоуправления, а также региональной и федеральной власти. Однако при этом наблюдается разительное отличие касательно понимания роли самих жителей региона. В этом аспекте наблюдается более чем троекратный разрыв (10% против 31%) в пользу обладателей социального капитала наиболее высокого уровня.

Таким образом проведенное исследование показало, что молодые люди, проживающие в Вологодской области, обладают значительными резервами недоиспользованного потенциала в ракурсе общественного взаимодействия. Наличие небольшого, но крепкого ядра активных, позитивно мыслящих молодых граждан может послужить драйвером роста региона. В то время как существенная часть более пассивной молодежи может в свою очередь реализовывать проекты по вовлечению молодежи в общественную деятельность, особенно если начинать работу с низовых уровней, являющихся по самооценке граждан наиболее предрасположенными к сплоченности.

Резюмируя, хочется отметить, что изучение социального капитала молодежи может выявить существующие барьеры и ограничения, с которыми сталкиваются молодые люди в процессе социализации и участия в общественной жизни. Это знание облегчит не только адаптацию существующих программ поддержки, но и разработку новых инициатив, направленных на расширение возможностей для вовлечения молодежи в различные сферы – от волонтерства до предпринимательства.

Также хочется отметить, что из-за того, что социальный капитал может варьироваться в зависимости от различных факторов, таких как экономическое положение, уровень образования и культурные особенности региона, необходим его регулярный мониторинг. В конечном итоге, понимание социального капитала молодежи не только способствует ее личностному и

профессиональному развитию, но и укрепляет социальные связи в обществе, что в свою очередь ведет к более гармоничному и устойчивому развитию страны в целом.

Библиографический список

1. Гужавина Т.А, Афанасьев Д.В., Косыгина К.Е. [и др.] (2022). Коллективные действия и социальный капитал в российском обществе: монография. Вологда: Вологодский научный центр РАН. 228 с
2. Гужавина Т.А., Афанасьев Д.В., Воробьева И.Н. [и др.] (2018). Региональный социальный капитал в условиях кризиса. Череповец: ЧГУ. 220 с.
3. Лисовский В.Т. (2000). Духовный мир и ценностные ориентации молодежи России. СПб.: Санкт-Петербургский гуманит. ун-т профсоюзов. 512 с.
4. Barton H., Thorpe J., Dufur M. (2020). Social Capital and Prosocial Behavior among German Children. Social Sciences, 9(11):215. DOI: 10.3390/socsci9110215

Информация об авторе

Ясников Николай Николаевич – младший научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация,160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: nyasnikov94@mail.ru).

Yasnikov N.N.

SOCIAL CAPITAL OF YOUTH IN THE VOLOGDA REGION

Abstract. *Today, the study of the social capital of young people, as a fusion of networks, norms and trust, is increasingly becoming the focus of researchers, since it is an important factor influencing their personal development, socialization and successful integration into society.*

Keywords: social capital, youth, Vologda region, region, cohesion.

About the author

Nikolay N. Yasnikov – Junior Researcher, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56a, Gorky Street, 160014, Vologda, Russian Federation; e-mail: nyasnikov94@mail.ru).

References

1. Barton H., Thorpe J., Dufur M. (2020). Social Capital and Prosocial Behavior among German Children. Social Sciences, 9(11):215. DOI: 10.3390/socsci9110215
2. Guzhavina T.A., Afanasyev D.V., Kosygina K.E. [et al.] (2022). Collective actions and social capital in Russian society: monograph. Vologda: Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. 228 p.
3. Guzhavina T.A., Afansyev D.V., Vorobyova I.N. [et al.] (2018). Regional social capital in times of crisis. Cherepovets: ChSU. 220 p.
4. Lisovsky V.T. (2000). Spiritual world and value orientations of Russian youth. St. Petersburg: St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions. 512 p.

СЕКЦИЯ № 5. Развитие экономики и территорий в условиях турбулентности и неопределенности

УДК 331.5 / ББК 67.9

Вахорина М.В.

ПОДДЕРЖКА МАЛОГО И СРЕДНЕГО БИЗНЕСА ТУЛЬСКОГО РЕГИОНА: ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПРОГРАММ И НОВЫЕ ИНИЦИАТИВЫ

Аннотация. *Государственная поддержка становится важным инструментом для стимулирования развития малого и среднего бизнеса (МСБ). В данной статье мы рассмотрим существующие программы поддержки, их эффективность и новые инициативы, направленные на помощь предпринимателям.*

Ключевые слова: *малый и средний бизнес, предпринимательство, поддержка малого и среднего бизнеса, налоговые каникулы, амнистия дробления бизнеса.*

Малый и средний бизнес (далее – МСБ) играет ключевую роль в экономике любой страны, способствуя созданию не только рабочих мест и инноваций, но и экономическому развитию страны в целом. Однако высокая налоговая нагрузка, недостаток информации о рынке и другие проблемы, с которыми часто сталкиваются предприниматели на практике, приводят к отрицательным результатам или закрытию бизнеса. В этом контексте государственная поддержка становится важным инструментом для стимулирования развития МСБ.

В соответствии с Федеральным законом от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» государственная поддержка МСБ включает следующие формы [3], например:

1. Финансовая поддержка – субсидии, гранты и льготные кредиты, которые помогают предпринимателям покрывать расходы, связанные с открытием и развитием бизнеса. Например, в Тульской области действуют региональные проекты, такие как «Сделано в Тульской области» и «Поддержка социального предпринимательства», которые предоставляют финансирование на выгодных условиях. Налоговые льготы – налоговые преференции для малых и средних предприятий, которые позволяют снизить налоговую нагрузку. Например, в Тульской области установлены пониженные ставки для МСБ по упрощенной системе налогообложения, а также вновь зарегистрированные предприниматели (в частности, самозанятые) не платят налог на профессиональный доход в первый год регистрации. Государственные учреждения и специализированные организации предоставляют консультации по вопросам ведения бизнеса, маркетинга и управления. Это помогает предпринимателям лучше ориентироваться в рыночной среде. В Туле создан сайт мойбизнестула.рф, где предприниматели могу получить любую комплексную помощь.

2. Эффективность программ поддержки.

Эффективность программ государственной поддержки МСБ можно оценить по нескольким критериям:

✓ Увеличение числа зарегистрированных предприятий. В регионах, где действуют программы поддержки, наблюдается рост числа малых и средних компаний. Это свидетельствует о том, что предприниматели чувствуют себя более уверенно при создании бизнеса. Российские предприниматели в 2024 году открыли в Тульской области более 220 новых ИП и ООО, используя сервис «Регистрация бизнеса и дистанционное открытие счета».

✓ Создание рабочих мест. Программы, направленные на поддержку МСБ, способствуют созданию новых рабочих мест. Например, исследования показывают, что каждая новая компания создает в среднем несколько рабочих мест.

✓ Инновации и развитие. Государственная поддержка способствует внедрению новых технологий и инновационных решений. Предприниматели, получившие финансирование или консультации, чаще внедряют новые продукты и услуги.

В Туле создан «Инжиниринговый центр поддержка в области инноваций и промышленного производства», который предоставляет следующие услуги:

- содействие в проведении патентных исследований;
- разработка технических решений (проектов, планов);
- содействие в разработке программ модернизации и др.

3. Новые инициативы.

В последние годы наблюдается тенденция к улучшению государственной поддержки МСБ через внедрение новых инициатив.

✓ Цифровизация услуг. Внедрение онлайн-платформ для подачи заявок на получение субсидий и кредитов упрощает процесс получения государственной помощи. Это позволяет предпринимателям быстрее получать необходимые ресурсы.

✓ Поддержка в сфере образования. Вузы и ДПО начали активно развивать образовательные программы для предпринимателей, которые охватывают управление, маркетинг и финансовое планирование. Это помогает развивать навыки и компетенции предпринимателей. В Туле разработаны программы «Азбука предпринимателя», «Школа предпринимательства», «Мастерская бизнеса», «Работа на маркетплейсах» и иные обучающие программы [1].

✓ Поддержка устойчивого развития. В условиях глобальных изменений климата государство начинает акцентировать внимание на поддержке экологически чистых технологий и устойчивых бизнес-моделей. Это включает в себя финансирование проектов по снижению углеродного следа и переходу на возобновляемые источники энергии.

✓ Амнистия дробления бизнеса. Актуальным для многих индивидуальных предпринимателей и других компаний в 2025–2026 гг. является проведение амнистии дробления бизнеса, с помощью которой, если налогоплательщики добровольно откажутся от применения схем дробления, то суммы доначисленных налогов, пеней и штрафов по результатам налоговых проверок по фактам дробления за 2022–2024 гг. будут списаны [1].

Рассмотрим один пример, когда налоговая инспекция посчитала, что схема создана исключительно для ухода от уплаты страховых взносов. В результате проверки компании были доначислены платежи, поскольку самозанятые фактически продолжали работать в статусе сотрудников. На бумаге все выглядело законно: компания – заказчик, ИП – подрядчики, самозанятые – исполнители.

ФНС увидела в этой схеме попытку скрыть трудовые отношения. Основные признаки, на которые обратили внимание налоговики (*рис. 1*):

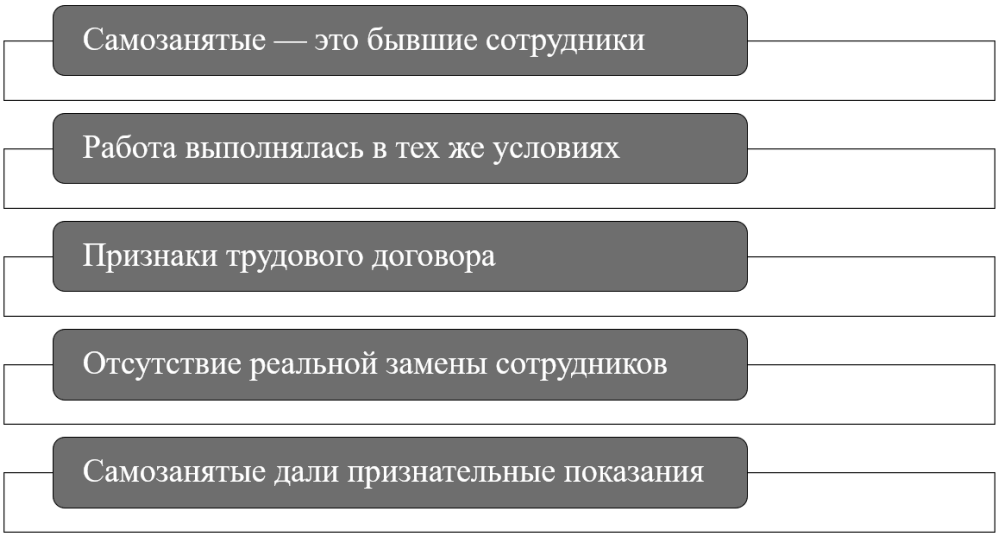

Рисунок 1. **Основные признаки дробления бизнеса**

➢ Самозанятые – это бывшие сотрудники. Они уволились в один день, сразу же зарегистрировались в качестве самозанятых и заключили договоры с ИП.

➢ Работа выполнялась в тех же условиях. Люди продолжали работать на тех же объектах, используя тот же инвентарь.

➢ Признаки трудового договора. Работа носила систематический характер, не имела конкретного объема и стоимости, а оплата производилась ежемесячно.

➢ Отсутствие реальной замены сотрудников. После их «увольнения» обязанности остались теми же, но формально работа шла через ИП и самозанятых.

➢ Самозанятые дали признательные показания. Они сообщили, что им предложили уволиться и зарегистрироваться как самозанятые на производственном совещании, где их познакомили с «независимыми» ИП.

Суммируя эти факты, налоговая пришла к выводу, что данная схема является фиктивной.

Выводы для бизнеса: как не попасть в такую же ситуацию, а если подобные схемы внедрены на предприятии, необходимо провести амнистию.

1. Не переводите в самозанятые бывших сотрудников. Если переход происходит массово и одновременно, это автоматически привлекает внимание налоговой.

2. Оценивайте признаки трудовых отношений. Если работа выполняется регулярно, оплачивается фиксированной суммой и не предполагает разовых задач, налоговая может признать это трудовым договором.

3. Самозанятый должен быть действительно независимым. Если он работает только на вашу компанию, использует ваши материалы и подчиняется вашим правилам, налоговая сочтет его вашим сотрудником.

Чем сложнее схема, тем больше в ней слабых мест. Налоговая инспекция анализирует не только формальные договоры, но и реальный характер работы. Если он похож на трудовые отношения, даже самая сложная схема не спасет от доначислений и штрафов. Грамотная налоговая стратегия должна быть не только законной, но и логичной с точки зрения экономического смысла.

Государственная поддержка малого и среднего бизнеса является важным фактором для создания благоприятной предпринимательской среды. Существующие программы показывают свою эффективность в увеличении числа зарегистрированных компаний и создании рабочих мест. Однако для достижения максимальных результатов необходимо продолжать развивать новые инициативы, улучшать доступность программ и снижать бюрократические барьеры. Только так можно обеспечить устойчивое развитие малого и среднего бизнеса, который является основой экономики страны.

Библиографический список

1. Басырова Э.И., Зацаринная Е.И., Щербакова Н.С. (2024). Экономический потенциал ИИ в поддержке малого и среднего бизнеса // Экономика и управление: проблемы, решения. Т. 4. № 12(153). С. 63–70.

2. Вахорина М.В. (2022). К вопросу о росте прибыли в современных условиях ведения бизнеса: материалы X научно-практической конференции с международным участием «Актуальные проблемы экономической науки и практики», г. Тула, 21 апреля 2022 г. / под ред. А.Л. Сабининой [и др.] Тула: Тульский государственный университет. С. 116–119.

3. Федеральный закон от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации»; ред. 01.04.2020 г. URL: https://base.garant.ru/12154854/

Информация об авторе

Вахорина Марина Владимировна – кандидат экономических наук, доцент, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого (Российская Федерация, 300026, г. Тула, пр-т Ленина, д. 125; e-mail: https://tsput.ru/).

Vakhorina M.V.

SUPPORT FOR SMALL AND MEDIUM-SIZED BUSINESSES IN THE TULA REGION: PROGRAM EFFECTIVENESS AND NEW INITIATIVES

Abstract. *Government support is becoming an important tool for stimulating the development of small and medium-sized businesses (SMEs). In this article, the author will review existing support programs, their effectiveness, and new initiatives aimed at helping entrepreneurs.*

Keywords: *small and medium-sized businesses (SMEs), entrepreneurship, support for small and medium-sized businesses, tax holidays, amnesty for business fragmentation.*

About the author

Marina V. Vakhorina – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Tolstoy Tula State Pedagogical University (125, Lenin Avenue, Tula, 300026; e-mail: https://tsput.ru/).

References

1. Federal Law No 209-FZ of July 24, 2007 “On the Development of Small and Medium-sized Businesses in the Russian Federation” (as amended on 01.04.2020). Available at: https://base.garant.ru/12154854/
2. Basyrova E.I., Zatsarinnaya E.I., Shcherbakova N.S. (2024). The economic potential of AI in supporting small and medium-sized businesses. Economics and management: problems, solutions, 4, 12(153), pp. 63–70.
3. Vakhorina M.V. (2022). On the issue of profit growth in modern business conditions. Proceedings of the X scientific and practical conference with international participation “Actual problems of economics and practice”, Tula, April 21, 2022; ed. by A.L. Sabinina [et al.] Tula: Tula State University, pp. 116–119.

УДК 316.74 / ББК 60с56

Верецкая А.И., Довейко А.Б.

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ПРАКТИКИ ВОРОНЕЖСКИХ СТУДЕНТОВ

Аннотация. *В статье представлены материалы социологических исследований, касающихся научно-исследовательской деятельности студентов Воронежского государственного университета. Раскрываются мотивы участия в этой работе, мнения студентов о способах включения в эту деятельность, а также возможности, которые дает эта деятельность и имеющиеся проблемы.*

Ключевые слова: *научно-исследовательская работа, студенты, университет, мотивы, проблемы, мнения, возможности.*

В рамках объявленного в России Десятилетия науки и технологий на период 2022–2031 гг. было выделено несколько направлений, в том числе связанных с необходимостью привлечения талантливых молодых людей в сферу исследований и разработок, решением важнейших задач развития общества и страны, повышением доступности информации о достижениях и перспективах российской науки для граждан Российской Федерации [1]. В соответствии с Распоряжением Правительства Российской Федерации «Об утверждении Плана проведения в РФ Десятилетия науки и технологий» были разработаны инициативы по вовлечению в исследовательскую деятельность и творчество талантливой молодежи.

Данная инициатива направлена на создание для молодежи условий, которые будут способствовать построению ее успешной карьеры в области науки, технологий, инноваций, стимулировать создание сообществ молодых ученых, а также поможет вовлечь граждан в масштабные исследовательские проекты, связанные с приоритетными направлениями в науке и научных технологиях, углублением и систематизацией знаний об истории отечественной науки, организацией площадок для взаимодействия исследователей и представителей реального сектора бизнеса и др. [2].

В этой связи важнейшим направлением образовательной политики в современной России становится подготовка специалистов высокого уровня, которые смогут заниматься научно-исследовательской деятельностью в различных профессиональных сферах и решать научные, научно-технологические, инновационные задачи.

Изучение научно-исследовательской деятельности студентов, ее состояния и организации в российской высшей школе является одним из актуальных направлений исследований, проводимых, начиная с 90-х гг. XX в. и продолжающихся в настоящее время. В предметном поле исследователей (педагогов, социологов, организаторов науки) находятся разные стороны и аспекты. Подвергаются изучению ориентации вузовского студенчества на научную деятельность, мотивы его участия в ней, рассматриваются различные факторы, оказывающие воздействие на воспроизводство научных кадров. Кроме того, анализируются организационные аспекты научно-исследовательской работы молодых людей в вузовских условиях, предлагаются модели осуществления такой деятельности. Не меньший интерес представляют исследования, направленные на изучение научно-исследовательской культуры студентов как сложного и многоаспектного социального явления. Несомненный интерес представляют исследования, посвященные изучению научно-исследовательской деятельности вузовской молодежи в региональных вузах.

Целью данной работы является рассмотрение организации научно-исследовательской работы студентов на примере ряда воронежских вузов, прежде всего Воронежского государственного университета, который входит в когорту старейших классических университетов России, и осуществляет свою деятельность по мировым стандартам.

Проведенный весной 2022 года опрос студентов, магистрантов и аспирантов Воронежского государственного университета подтвердил ряд выводов о научно-

исследовательской деятельности обучающихся. Инструментарий для формализованного интервью включал ряд разделов, связанных с организацией научно-исследовательской деятельности, с выявлением отношения обучающихся к НИД, их ориентаций на эту деятельность, оценку своих действий и достижений. В ходе опроса были получены мнения 200 респондентов, из которых женщины составили 57%, мужчины – 4%. Среди отвечающих студенты составили 71%, магистранты – 23%, аспиранты – 6%. Они представляли факультеты компьютерных наук, философии и психологии, медико-биологический, исторический и филологический факультеты. При отборе респондентов применялась комбинированная выборка с использованием случайного и неслучайного отбора. С помощью квот отбирались факультеты, ступень и основа обучения.

Интерес представляют данные о мотивах участия в научно-исследовательской деятельности. Как показывает полученная информация, респонденты руководствуются разными мотивами. Некоторые из них направлены на самореализацию личности, повышение уровня и качества знаний, приобретение опыта работы в научной сфере. Такая тенденция носит положительный характер. Поскольку, выбирая эти варианты ответов как приоритетные, студенты, магистранты и аспиранты ВГУ, принимающие активное участие в занятиях наукой, показывают тем самым свое стремление к самосовершенствованию, к расширению научного видения мира, получению новых знаний и опыта (*табл. 1*).

Таблица 1. **Мотивы участия обучающихся ВГУ (вопрос с множественным выбором), по данным на 2022 год, в %**

№	Мотивы	%
1	Возможность самореализации, саморазвития	59
2	Получение новых знаний, опыта	57
3	Получение допуска к сдаче государственного экзамена и к защите дипломной работы	41
4	Сдача экзамена, зачета автоматически	39
5	Возможность получения повышенной стипендии	39
6	Получение преимуществ при трудоустройстве	29
7	Получение положительных рекомендаций для поступления в магистратуру и аспирантуру	29
8	Знакомство с новыми людьми	26

Это стремление, в большинстве своем, заключается в желании приобрести и отточить свои знания, умения и навыки, благодаря которым успешно осуществляется научная студенческая деятельность.

С другой стороны, проявились ориентации информантов на прагматические цели и установки, на получение всяческих выгод и преференций – от получения оценки на зачете и экзамене в автоматическом режиме до преимуществ при трудоустройстве.

Востребованность в студенческой среде занятий наукой для упрощенной сдачи экзамена или зачета или получения так называемого «автомата» (форма досрочного выставления отметки за экзамен или зачет без итоговой проверки в конце семестра) не вызывает удивления, потому что облегченная форма итоговой аттестации всегда имеет более привлекательна в глазах учащихся, нежели полноценная сдача зачетов и экзаменов. Она довольно широко распространена и часто встречается в сессионной практике (*табл.1*).

Умение планировать свой учебный день, учитывая все виды занятости, отдавать приоритет первостепенным задачам и откладывать второстепенные дела – этому молодые люди должны учиться с первого дня пребывания в университете. Справляются с этой задачей хорошо те, кто имел такой (довузовский) опыт организации своего времени (*табл. 2*).

Таблица 2. **Проблемы, с которыми столкнулись студенты, магистранты и аспиранты в своей научной деятельности (вопрос с множественным выбором), по данным на 2022 год, в %**

№	Трудности	%
1	Дефицит времени на подготовку к выступлению, написанию статьи	54
2	Отсутствие возможности проконсультироваться с научным руководителем	10
3	Финансовые трудности	13
4	Недостаточная психологическая готовность	33
5	Низкий уровень организации научного мероприятия	33
6	Трудностей не было	30

Еще две позиции в *табл. 2* обращают на себя внимание – низкий уровень организации научных мероприятий и недостаточная психологическая готовность. Доли ответов по этим позициям совпадают.

Под низким уровнем организации можно подразумевать целый комплекс проблем.

Попробуем выделить наиболее явные из них:

а) некачественная проверка допущенных к конференции материалов по характеристикам научной ценности;

б) непродуманный график проведения мероприятий, несоблюдение регламента проведения запланированных программой мероприятий, сорванный тайминг мероприятий;

в) технические неполадки в работе аппаратуры (проекторы, компьютеры, принтеры, интерактивные доски, веб-камеры, доступ в Интернет с высокой скоростью, лицензии программных пакетов) или полное ее отсутствие;

г) неприглядный внешний вид помещений, выбранных площадок, освещение, кондиционеры, отсутствие питания, условий для проживания и др.

Перечисленные проблемы в разной степени влияют на организацию научного мероприятия, но все вместе могут оказать негативное воздействие на его ход. Молодые люди это хорошо понимают.

Еще один значимый для молодых людей момент, который нельзя не учитывать. Как показало проведенное исследование, одна треть молодых людей указала на него в своих ответах. Респонденты ответили на вопрос о необходимой помощи для успешной организации научно-исследовательской деятельности.

Создание материально-технических условий занимает ведущую позицию по отношению к остальным – почти половина всех ответов. Данная ситуация объяснима тем, что дефицит технических средств является наиболее распространенной проблемой для бюджетных организаций.

Два оставшихся варианта ответа: «Более внимательное отношение научного руководителя» и «Более внимательное отношение администрации ВГУ» к научной деятельности подопечных представлены практически в равных долях (*табл. 2*).

Участники анкетного опроса высказали мнение о том, что необходимо сделать в Воронежском государственном университете для привлечения молодежи в науку (*табл. 3*).

Таблица 3. **Мнения вузовской молодежи о способах включения в научную сферу (вопрос с множественным выбором), по данным за 2022 год, в %**

№	Способы	%
1	Материально поощрять за участие в научно-исследовательской работе	64
2	Увеличить время для занятий научной работой	52
3	Обеспечивать доступность информации о научных мероприятиях	52
4	Организовывать встречи с учеными и практиками	51
5	Регулярно проводить семинары о научной деятельности	27

Как показывают приведенные данные, на первое место молодежь поставила материальное поощрение. Такие мнения студенты высказывали в прошлом (об этом говорят материалы исследований и Лаборатории социологических исследований ВГУ, и данные, приводимые социологами других вузов страны). Действительно, любой труд должен быть оценен, и научная работа будущих специалистов в том числе. Право на поощрение прописано в Российском законодательстве, как и право на моральное поощрение за активное и результативное участие в научно-исследовательской деятельности.

Университетская молодежь среди поощрительных мер называет грамоты, дипломы и рекомендательные письма (в организации для трудоустройства, в магистратуру и аспирантуру). Студенты говорят о бесплатных публикациях в престижных изданиях, направлениях на стажировку в другие вузы.

Немногим больше половины ответов респондентов о способах включения в науку приходится на такие суждения как:

- необходимость выделить время в учебном процессе на занятия научными поисками;
- необходимость предоставить доступную информацию о научных мероприятиях;
- необходимость организовывать встречи с учеными и практиками.

Еще одно мнение – университетская молодежь считает, что необходимо проводить семинары о научной деятельности на регулярной основе.

Отвечая на открытый вопрос о мерах, которые могут способствовать совершенствованию организации научно-исследовательской деятельности студентов, магистрантов, аспирантов ВГУ, молодые люди, в первую очередь, высказали пожелания об улучшении материально-технической базы, обновлении оборудования, компьютерной техники – 40% (*табл. 3*).

Для ВГУ, равно как и для других вузов, участие студентов в научно-исследовательской деятельности открывает ряд возможностей.

Во-первых, повышается востребованность выпускников на рынке труда, возрастает возможность трудоустройства будущих специалистов по своей специальности еще на стадии, когда они проходят обучение.

Во-вторых, вовлечение студентов в научные изыскания позволяет сформировать бренд университета как высшего учебного заведения выпускающего высококвалифицированных специалистов, способных конкурировать с выпускниками других вузов страны. Этому может способствовать широкое освещение научных достижений университетской молодежи различными средствами массовой информации.

Партнеры Воронежского государственного университета, учреждения, для которых он готовит кадры, работодатели заинтересованы в квалифицированных научных кадрах, в создании базовых кафедр университета на предприятиях, вовлечении студентов в научные исследования с использованием научной и лабораторной базы предприятий.

Наконец, студенты, активно и продуктивно занимающиеся научно-исследовательской работой, овладевают профессиональными компетенциями, связанными с практическим использованием полученных знаний, умений и навыков. Студенты с навыком самостоятельной постановки и решения научно-исследовательских задач востребованы современными технологическими предприятиями, соответственно, имеют больше возможностей трудоустройства по профилю специальности с перспективой профессионального и карьерного

роста, чем студенты, не обладающие подобными навыками. Сотрудничая с предприятиями при выполнении исследовательской работы, вузовская молодежь часто получает предложения о трудоустройстве еще во время обучения.

На снижение уровня вовлеченности в НИРС влияет и сокращение срока обучения с переходом от специалитета к бакалавриату. На младших курсах, когда процесс адаптации к студенческой жизни еще не завершился, во многих ее сторонах, в том числе и в научной сфере, молодые люди до конца не разобрались. Отсюда следует и отсутствие заинтересованности в такой деятельности, и неуверенность в своих силах.

Представленные выше данные могут быть использованы при анализе состояния НИРС в Воронежском университете, а также при разработке мероприятий для решения задач привлечения молодежи в научную сферу.

Библиографический список

1. Указ Президента Российской Федерации от 25 апреля 2022 г. № 231 «Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия науки и технологий». URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/47771
2. Распоряжение Правительства РФ от 25 июля 2022 г. № 2036-р «Об утверждении Плана проведения в РФ Десятилетия науки и технологий» URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/404975641/

Информация об авторах

Верецкая Алла Ивановна – кандидат философских наук, доцент, Воронежский государственный университет (Российская Федерация, 394018, г. Воронеж, Университетская площадь, д. 1; e-mail: allaver@bk.ru).

Довейко Александр Борисович – кандидат социологических наук, доцент, Воронежский государственный университет (Российская Федерация, 394018, г. Воронеж, Университетская площадь, д. 1; e-mail: modest0909@yandex.ru).

Veretskaya A.I., Doveiko A.B.

RESEARCH PRACTICES OF VORONEZH STUDENTS

Abstract. *The article presents materials of sociological research concerning the research activities of students of Voronezh State University. The motives for participation in this work, students' opinions on the ways of inclusion in this activity, as well as the opportunities that this activity provides and the existing problems are revealed.*

Keywords: *research work, students, university, motives, problems, opinions, opportunities.*

About the authors

Alla I. Veretskaya – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Voronezh State University (1, University Square, Voronezh, 394018, Russian Federation; e-mail: allaver@bk.ru).

Aleksandr B. Doveiko – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Voronezh State University (1, University Square, Voronezh, 394018, Russian Federation; e-mail: modest0909@yandex.ru).

References

1. Decree of the President of the Russian Federation of April 25, 2022. No. 231. “On the announcement of the Decade of Science and Technology in the Russian Federation”. Available at: http://www.kremlin.ru/acts/bank/47771
2. Order of the Government of the Russian Federation of July 25, 2022. No. 2036-r. “On approval of the Plan for holding the Decade of Science and Technology in the Russian Federation”. Available at: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/404975641/

УДК 334 / ББК 65.05

Горохова Н.В., Макарова А.А.

ПОЛИТИКА ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ОТ ВЫНУЖДЕННОЙ МЕРЫ К СТРАТЕГИЧЕСКОМУ ПРИОРИТЕТУ

Аннотация. *В настоящей статье обозначается роль в современной России импортозамещения, рассматриваются его основные стратегии. Авторы статьи анализируют российскую экономику по состоянию на 2024 год, определяют основные проблемы импортозамещения и приводят государственные программы по его реализации.*

Ключевые слова: *экономика, санкции, импортозамещение, государственные программы, государственные проекты, проблемы импортозамещения, экономическая ситуация.*

Политика импортозамещения в Российской Федерации стала важным элементом государственной экономической стратегии, особенно в условиях международной политической и экономической нестабильности. Сложившаяся ситуация заставила страну пересмотреть свою зависимость от внешних поставок и укрепить собственные производственные мощности. Из вынужденной меры в условиях кризиса эта политика превратилась в стратегический приоритет для долгосрочного экономического развития России.

Политика импортозамещения в России начала активно развиваться после введения западных санкций в 2014 году. В ответ на возвращение Крыма в состав России и начавшийся конфликт на востоке Украины, многие страны, прежде всего США и ЕС, ввели в отношении нашей страны экономические санкции, что существенно ограничило доступ российских предприятий к внешним рынкам и поставкам технологий.

Кроме того, зависимость российской экономики от импорта, особенно в таких ключевых отраслях, как машиностроение, электроника, фармацевтика и сельское хозяйство, оказалась существенной в условиях глобальной нестабильности. Это, в свою очередь, вызвало потребность в поиске альтернативных поставок и развитии внутреннего производства. С 2022 года в условиях западных санкций и ухода ряда зарубежных компаний с российского рынка в России активно реализуется политика импортозамещения. В рамках аналитического проекта T-Data были проанализированы обезличенные данные клиентов Т-Банка, которые открывали новые предприятия в различных отраслях экономики в период с 2022 по сентябрь 2024 гг. Это позволило оценить динамику предпринимательской активности и определить наиболее перспективные направления для бизнеса в указанный период.

Для оценки общей предпринимательской активности в сфере производства, информационных технологий и других отраслях были использованы открытые данные Росстата, Центра конъюнктурных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Института развития предпринимательства и экономики и других аналитических центров.

Эксперты-экономисты провели оценку развития импортозамещения, а предприниматели поделились опытом преодоления трудностей, связанных с замещением импортных товаров.

Основные выводы:

- Предприниматели чаще открывают бизнес в сфере услуг и торговли, нежели в производстве.
- Большая часть товаров на маркетплейсах не российского производства.
- Больше всего новых ООО появилось в сфере курьерской доставки.
- ИТ-сфера привлекает предпринимателей из-за перехода на российский софт.
- Зависимость от импортных материалов и низкая инновационная активность мешают развитию импортозамещения.

Основными задачами импортозамещения являются защита национальных экономических интересов и снижение политических и валютных рисков путем создания условий для развития промышленности и уменьшения зависимости от импорта.

В государственной программе определены следующие цели импортозамещения: создание конкурентоспособного производства; разработка инноваций и внедрение передовых технологий; поддержка производства инновационных товаров.

В рамках плана первоочередных действий по обеспечению развития российской экономики в условиях внешнего санкционного давления Минэкономразвития оказывает поддержку бизнесу по нескольким направлениям: финансы; налоги; IT; административная нагрузка; поддержка импортозамещения.

Говоря о развитии бизнеса в нашей стране, стоит упомянуть Всероссийский конкурс социально значимых инициатив предпринимателей и некоммерческих организаций «Мой добрый бизнес». Организатором конкурса выступает Министерство экономического развития Российской Федерации. В этом году конкурс проводится уже в десятый раз.

Конкурс «Мой добрый бизнес» отражает развитие социальной ответственности российских предпринимателей. Десять лет назад он начинался с нескольких номинаций и небольшого числа участников. С каждым годом их количество увеличивается, а сферы деятельности социальных предпринимателей и некоммерческих организаций расширяются.

Также в России реализуется Федеральный проект «Производительность труда». Данный проект работает для повышения конкурентоспособности российских товаров и услуг, создавая культуру высокой производительности и эффективности среди организаций по всей России. ИТ-платформа Производительность.рф предоставляет профессиональному сообществу доступ к уникальным знаниям, практикам и методикам, выработанным в проектах повышения производительности труда в каждом регионе России и мире.

Высокая инвестиционная активность бизнеса в последние годы поддерживала рост экономики и ускорила ее структурные преобразования. Дальнейшее развитие также зависит от инвестиций, и задачу, поставленную Президентом по увеличению их объема на 60%, предстоит решать в новых, более сложных условиях. Об этом заявил министр экономического развития РФ Максим Решетников на съезде РСПП.

По январским данным, экономика продолжает расти, но темпы замедляются, объемы заказов сокращаются. Ужесточение денежно-кредитной политики и высокая ключевая ставка ведут к сжатию кредитования и негативно влияют на инвестиции. Высокие ставки увеличивают стоимость обслуживания кредитов, госдолга и бюджетных обязательств по программам поддержки бизнеса.

Правительство сосредоточено на поддержке инвестиционного ритма. Первоочередная задача – обеспечение макростабильности. Совместно с Банком России и Министерством финансов идет работа над взаимоувязкой денежно-кредитной и бюджетно-налоговой политики, управлением госдолгом и ограничением кредитования в государственном секторе. Также унифицируются льготные программы кредитования.

Необходимо найти баланс между сдерживанием инфляции и ростом экономики. Мониторинг финансового состояния отраслей ведется под руководством вице-премьера Александра Новака. С участием предпринимателей вырабатываются меры, чтобы снизить давление на чувствительные сферы экономики и не допустить сворачивания инвестиционных проектов.

Важно продолжать наращивать потенциал роста и улучшать инвестиционный климат. Уже внедрен региональный инвестиционный стандарт, планируется закрепить его законодательно. Вопросы работы с естественными монополиями и подключения к сетям также остаются в фокусе внимания.

Эксперты выделяют три основных проблемы, которые мешают более активному импортозамещению:

- низкий уровень технологического суверенитета, слабое внедрение зарубежных технологий;
- зависимость от импорта материалов и комплектующих;
- низкая инновационная активность в экономике.

В субъектах Российской Федерации действуют стратегии социально-экономического развития. Рассмотрим суть «Стратегии социально-экономического развития Нижегородской области до 2035 года», утвержденной Постановлением Правительства Нижегородской области от 21 декабря 2018 года № 889. Документ разрабатывался на основе Федерального закона

от 28 июня 2014 года № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» и Закона Нижегородской области от 3 марта 2015 года № 24-З «О стратегическом планировании в Нижегородской области».

Главная цель стратегии – достижение лидерства региона по широкому кругу направлений и улучшение качества жизни каждого человека в любой точке Нижегородской области: от крупного города до небольшого села.

Данная стратегия основана на трех взаимосвязанных стратегических приоритетах:

1. Развитие человека через развитие сфер, обеспечивающих формирование, накопление и личностную реализацию человеческого потенциала.

2. Экономическое развитие для высокого уровня жизни и благосостояния, а также профессиональной реализации.

3. Пространственное развитие для комфортного и безопасного проживания человека.

Политика импортозамещения в России переросла из вынужденной меры в стратегический приоритет, став неотъемлемой частью экономической политики страны. Хотя процесс столкнулся с рядом трудностей и вызовов, он также продемонстрировал значительный потенциал для развития отечественного производства. В долгосрочной перспективе успешное внедрение этой стратегии поможет России не только укрепить свою экономическую независимость, но и повысить конкурентоспособность на мировых рынках.

Библиографический список

1. «Стратегия социально-экономического развития Нижегородской области до 2035 года», утвержденная Постановлением Правительства Нижегородской области от 21 декабря 2018 года № 889. URL: http://pravo.gov.ru
2. Доклад о состоянии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации и мерах по его развитию за 2019–2023 гг. от 28 ноября 2024 г. URL: https://www.economy.gov.ru/material/dokumenty/doklad_o_sostoyanii_malogo_i_srednego_predprinimatelstv a_v_rf_i_merah_po_ego_razvitiyu_za_20192023_gg.html
3. Закон Нижегородской области от 3 марта 2015 года № 24-З «О стратегическом планировании в Нижегородской области». URL: http://pravo.gov.ru
4. Постановление Правительства Российской Федерации от 17 декабря 2024 г. № 1806 «О внесении изменений в государственную программу Российской Федерации “Экономическое развитие и инновационная экономика”». URL: http://pravo.gov.ru
5. Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ (ред. от 13 июля 2024 г.) «О стратегическом планировании в Российской Федерации» // Российская газета. № 146. 03.07.2014.

Информация об авторах

Горохова Наталья Владимировна – студентка очной формы обучения, ПФ ФГБОУВО «РГУП им. В.М. Лебедева» (Российская Федерация, 603022, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, д. 17А; e-mail: gnata152rus@gmail.com).

Макарова Анастасия Андреевна – студентка очной формы обучения, ПФ ФГБОУВО «РГУП им. В.М. Лебедева» (Российская Федерация, 603022, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, д. 17А; e-mail: makarovaaa05@mail.ru).

Gorokhova N.V., Makarova A.A.

IMPORT SUBSTITUTION POLICY IN THE RUSSIAN FEDERATION: FROM A FORCED MEASURE TO A STRATEGIC PRIORITY

Abstract. *This article outlines the role in modern Russia, as well as the main import substitution strategies; the authors outline the state of the Russian economy as of 2024. The main problems of import substitution have been identified. Government import substitution programs are being considered.*

Keywords: *economy, sanctions, import substitution, government programs, government projects, import substitution problems, economic situation.*

About the authors

Natalia V. Gorokhova – Full-time student at the Lebedev Russian State Pedagogical University (17A, Gagarin Avenue, Nizhny Novgorod, 603022, Russian Federation; e-mail: gnata152rus@gmail.com).

Anastasia A. Makarova – Full-time student, PF Lebedev Russian State Pedagogical University (17A, Gagarin Avenue, Nizhny Novgorod, 603022, Russian Federation; e-mail: makarovaaa05@mail.ru).

References

1. Federal Law. No. 172-FZ of June 28, 2014 (as amended on July 13, 2024) "On Strategic Planning in the Russian Federation". Rossiyskaya Gazeta, 146. 03.07.2014.
2. Decree of the Government of the Russian Federation of December 17, 2024. No. 1806. "On Amendments to the State Program of the Russian Federation". Available at: http://pravo.gov.ru
3. The Nizhny Novgorod Region Law of March 3, 2015. No. 24-Z "On Strategic Planning in the Nizhny Novgorod Region". Available at: http://pravo.gov.ru
4. "The Strategy of socio-economic development of the Nizhny Novgorod region until 2035", approved by Decree of the Government of the Nizhny Novgorod Region of December 21, 2018. No. 889. Available at: http://pravo.gov.ru
5. Report on the state of small and medium-sized enterprises in the Russian Federation and measures for its development for 2019–2023 of November 28, 2024. Available at: https://www.economy.gov.ru/material/dokumenty/doklad_o_sostoyanii_malogo_i_srednego_predprinimatelstva_v_rf_i_merah_po_ego_razvitiyu_za_2019 2023_gg.html

УДК 334 / ББК 65.05

Горст Т.А.

РОЛЬ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРОГРАММ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕГИОНА

Аннотация. *В условиях нарастающей глобальной нестабильности и усиления геополитических рисков обеспечение экономической безопасности регионов приобретает первостепенное значение. Экономическая безопасность региона, выступая неотъемлемой частью национальной безопасности страны, представляет собой состояние защищенности экономики региона от внутренних и внешних угроз, обеспечивающее устойчивое развитие и повышение качества жизни населения. В этой связи, государственные программы, реализуемые на региональном уровне, играют ключевую роль в обеспечении и поддержании экономической безопасности.*

Ключевые слова: *экономическая безопасность региона, государственные программы.*

В современном мире, характеризующемся высокой степенью глобализации и взаимозависимости, обеспечение экономической безопасности регионов становится ключевой задачей для устойчивого развития региона и страны в целом.

Государственные программы (далее – ГП) нацелены на достижение ключевых индикаторов экономической безопасности и поэтому являются мощным инструментом для обеспечения устойчивого развития и защиты национальных интересов. Реализация ГП требует комплексного подхода, эффективного управления и постоянного мониторинга для достижения поставленных целей и обеспечения долгосрочной экономической стабильности.

Обеспечение экономической безопасности в регионе (далее – ЭБР) представляет собой важную государственную задачу, решаемую региональными властями. Как правило, осуществляя свои полномочия, органы власти используют средства бюджета и соответствующие инструменты, одним из которых являются ГП.

Государственные программы представляют собой документы стратегического планирования, в которых содержатся комплексы планируемых мероприятий, взаимосвязанных по задачам, срокам их осуществления, исполнителям, а также инструменты государственной политики, которые обеспечивают достижение приоритетов и целей государственной политики в сфере социально-экономического развития и обеспечения национальной и экономической безопасности. Государственные программы становятся мощным инструментом реализации стратегических целей, направленных на устойчивое социально-экономическое развитие страны, повышение качества жизни граждан и обеспечение национальной безопасности. Они представляют собой комплекс взаимосвязанных мероприятий, объединенных общей целью и подкрепленных необходимыми ресурсами [1].

При реализации ГП применяются соответствующие инструменты государственной политики, позволяющие достигать поставленные цели и необходимые приоритеты социально-экономического развития. Таким образом, на практике ГП выступают инструментом, при помощи которого можно обеспечить ЭБР.

Для обеспечения ЭБР нужно, чтобы исполнительная власть региона обладала соответствующими функциями и полномочиями:

1. ЭБР оценивает уполномоченное подразделение органа исполнительной власти.

2. ЭБР оценивается в том числе по результатам реализации ГП. В данном случае ответственным лицам, реализующим ГП, необходимо тщательно анализировать соответствие значений социально-экономических показателей и предусмотренных ГП показателей в определенной сфере.

3. Необходимо распределять аналитическую функцию между управомоченными подразделениями органов исполнительной власти и лицами, которые несут ответственность за реализацию ГП.

Каждая из приведенных выше функций и полномочий формирует модели управления, которые обладают и достоинствами, и недостатками. Так, например, в первой модели недостаток заключается в том, что уполномоченный орган может исполнять только аналитическую функцию, но не может оперативно оказывать влияния на региональную экономику в целом. В данной модели руководитель будет получать информацию, содержащую аналитическую отчетность и предложения; он сможет разрабатывать рекомендации по оптимизации мероприятий, которые реализуются органами власти.

Вторая модель, основанная на оценке ГП, предполагает интеграцию показателей ЭБР в систему планирования и реализации ГП. Это означает, что при разработке каждой ГП должно учитываться ее потенциальное влияние на ЭБР, а в процессе реализации необходимо отслеживать соответствующие индикаторы. Преимуществом этой модели является ее системность и возможность комплексного воздействия на различные аспекты ЭБР. Однако она требует четкой координации между различными ведомствами и организациями, участвующими в реализации ГП.

Третья модель, предполагающая распределение аналитической функции между управомоченными подразделениями органов исполнительной власти и лицами, ответственными за реализацию ГП, представляется наиболее гибкой и адаптивной. Она позволяет сочетать экспертный анализ с практическими знаниями о конкретных секторах экономики и социальных сферах. В этом случае управомоченные подразделения органов исполнительной власти занимаются стратегическим анализом и прогнозированием, выявляя общие тенденции и угрозы, а лица, ответственные за реализацию ГП, отслеживают ситуацию на местах и оперативно реагируют на возникающие проблемы (*табл. 1*).

Таблица 1. **Соотношение компонент экономической безопасности региона и государственных программ**

Составляющие ЭБР	Метод оценки составляющих ЭБР	Связь между составляющими ЭБР и оценкой ГП
Цели и задачи	Оценка измеримости и достижимости целей и задач. Анализ полноты охвата проблем, решаемых в рамках обеспечения ЭБР	Сопоставление целей и задач ЭБР с целями и задачами реализации ГП, выявление зон пересечения и взаимодополнения. Оценка вклада ЭБР в достижение целевых показателей ГП
Степень защищенности	Исследование динамики показателей при возникновении угроз ЭБР	Оценка взаимосвязи рисков ЭБР и рисков ГП. Анализ влияния рисков ЭБР на эффективность реализации ГП
Степень самостоятельности	Анализ причин отклонений индикаторов от пороговых значений ЭБР	Оценка взаимосвязи отклонений между индикаторами оценки ЭБР и отклонений от показателей выполнения ГП
Управление ЭБР	Анализ механизмов координации и взаимодействия между участниками ЭБР. Оценка эффективности механизмов мониторинга и контроля реализации ЭБР	Оценка соответствия системы управления ЭБР требованиям к управлению ГП. Анализ влияния системы управления ЭБР на эффективность реализации ГП
Источник: составлено автором по [2].		

Органы исполнительной власти при реализации ГП осуществляют контроль и отслеживают текущее состояние субъекта, проводят исследование факторов, оказывающих влияние на экономику региона, и разрабатывают рекомендации по совершенствованию конкретных направлений, сфер и экономики региона в целом. Это соответствует исследованию таких аспектов ЭБР, как независимость и защищенность.

Для этой цели необходимо выявить статистические показатели, изменение которых должно постоянно проверяться и корректироваться. Помимо этого, существует система показателей, которая используется для оценки социально-экономического состояния региона; большая часть из которых содержится в ГП региона. К таким показателям относят продолжительность жизни населения, размер капиталовложений в основные активы, показатель безработицы и пр. В отношении всей совокупности показателей ГП устанавливаются их плановые и допустимые пороговые значения. Данный подход является традиционным к анализу ЭБР. Также органам исполнительной власти необходимо отслеживать отклонение фактических значений показателей в ГП от запланированных [5].

Достоинством третьего подхода является то, что лица, назначенные ответственными за реализацию ГП, уделяют внимание определенным экономическим сферам и направлениям. Таким образом, у них налажено взаимодействие с отраслевыми министерствами, они обладают возможностью получать и анализировать узкоспециализированную статистику ведомств, формировать полную картину касательно факторов, которые оказывают влияние на экономическую обстановку в регионе. При этом у них нет возможности отслеживать общую картину происходящего. Так, информация, которая предоставляется различными ведомствами, могла бы обобщаться уполномоченным органом и в дальнейшем анализироваться им [4].

В *табл. 2* представлены целевые индикаторы ГП Новосибирской области «Управление финансами в Новосибирской области», которые влияют на обеспечение финансовой безопасности региона. Выбор ГП обусловлен связью с национальными целями развития РФ: повышение защищенности финансовой системы от внутренних и внешних угроз, способность обеспечить стабильное функционирование финансовых институтов, эффективное распределение финансовых ресурсов и устойчивое развитие экономики.

Таблица 2. **Динамика целевых индикаторов финансовой безопасности Новосибирской области**

Цель и ГП	Наименование целевого индикатора	Ед. изм.	Значение целевого индикатора				
			2024	2025	2026	2027	2028
Обеспечение сбалансированности областного бюджета, содействие сбалансированности местных бюджетов и повышению качества управления региональными и муниципальными финансами Новосибирской области	Доля общего объема государственного долга Новосибирской области от суммы доходов областного бюджета без учета безвозмездных поступлений	%	30	36	36	35	35
	Оценка качества управления региональными финансами Новосибирской области по результатам мониторинга, проводимого Министерством финансов Российской Федерации	Ед.	1	1	1	1	1
Вовлечение граждан в бюджетный процесс и повышение финансовой грамотности населения Новосибирской области	Охват населения Новосибирской области мероприятиями по финансовой грамотности	тыс. чел.	250	270	290	300	305
	Доля муниципальных образований Новосибирской области, представивших заявки на участие в конкурсном отборе инициативных проектов	%	57,5	58	58,5	59	59,5
Источник: составлено автором по данным [6].							

Представленные данные демонстрируют комплексный подход к обеспечению финансовой безопасности региона, включающий в себя не только управление долгом и поддержание сбалансированного бюджета, но и развитие финансовой грамотности населения и поддержку местных инициатив. Реализация запланированных мероприятий позволит Новосибирской области укрепить свою финансовую устойчивость и обеспечить стабильное социально-экономическое развитие в среднесрочной перспективе.

Дальнейший мониторинг достижения целевых индикаторов, а также анализ факторов, влияющих на их динамику, необходимы для своевременной корректировки государственной политики и принятия мер, направленных на обеспечение финансовой безопасности региона. Важно также учитывать внешние факторы, такие как изменения в федеральном законодательстве, экономическую ситуацию в стране и мире, которые могут оказать влияние на финансовое состояние Новосибирской области [3].

Для эффективной реализации любой из рассмотренных моделей необходимо обеспечить прозрачность и открытость процессов целеполагания и оценки ЭБР. Информация о состоянии ЭБР должна быть доступна для широкой общественности, а процесс принятия решений должен быть основан на широком общественном обсуждении. Это позволит повысить доверие к власти и вовлечь граждан в процесс обеспечения ЭБР.

Стоит подчеркнуть, что анализ ЭБР с применением научно-практического подхода не является повсеместной практикой органов исполнительной власти в регионах. Во многих субъектах Федерации отсутствует четкое целеполагание, разработка и утверждение концепции экономической безопасности, а также установление ее критических пороговых значений. Однако, при реализации ГП, исполнительные органы власти будут вынуждены, хотя бы частично, уделять внимание этим аспектам. Аналитический центр, специализирующийся на оценке ЭБР, мог бы разрабатывать рекомендации по интеграции дополнительных индикаторов экономической безопасности в ГП.

В этом случае больший интерес представляет разработка и анализ эффективности ГП как инструмента контроля и влияния на показатели ЭБР, так как от корректности целей, задач, мероприятий ГП, а также от полноты и объективности оценки их эффективности зависит решение органов власти по финансированию, корректировке или возможного досрочного завершения конкретной ГП. Также по результатам оценки эффективности возможен пересмотр перечня планируемых мероприятий или пороговых значений показателей, отраженных в ГП.

Значимость, придаваемая индикаторам экономической безопасности в государственных стратегиях, определяется степенью развития производственных мощностей, текущим состоянием социально-экономических взаимодействий, прогрессом в научно-технической области и степенью применения инноваций в региональной экономике, продуктивностью внешнеторговых операций и геополитической обстановкой, при этом большая часть указанных направлений лежит в основе разработанных и реализуемых в регионах ГП.

Библиографический список

1. Арбатов А.А. (2021). Экономическая безопасность России. М.: БИНОМ. ЛЗ. 815 с.
2. Батова В.Н., Колесников А.В. (2022). Экономическая безопасность муниципального образования: современное состояние и перспективы укрепления // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс. Т.1. № 6(28). С. 272–279.
3. Баранова И.В. (2024). Государственные программы как фактор укрепления экономической безопасности региона // Экономика: вчера, сегодня, завтра. Т. 14. № 11А. С. 65–73.
4. Васильева А.О., Васильев А.И. (2021). Бюджетирование как эффективный способ обеспечения экономической безопасности организации // Актуальные исследования. № 24 (51). С. 81–83.
5. Воротникова Е.В., Долгушина О.В., Шахворостов Г.И. (2021). Содержание понятия «экономическая безопасность» как состояние экономической системы // Научный вестник МГИИТ. № 5. С. 76–81.
6. Официальный сайт Министерства финансов и налоговой политики Новосибирской области. URL: https://mfnso.nso.ru/page/3270

Информация об авторе

Горст Татьяна Александровна – студент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Новосибирский государственный технический университет» (Российская Федерация, 630073, г. Новосибирск, пр-т К. Маркса, д. 20; e-mail: gorst.tatyana.m@gmail.com).

Gorst T.A.

THE PLACE OF GOVERNMENT PROGRAMS IN THE ECONOMIC SECURITY OF THE REGION

Abstract. *In the context of increasing global instability and increasing geopolitical risks, ensuring the economic security of the regions is of paramount importance. The economic security of the region, acting as an integral part of the national security of the country, is a state of protection of the region's economy from internal and external threats, ensuring sustainable development and improving the quality of life of the population. In this regard, government programs implemented at the regional level play a key role in shaping and maintaining economic security.*

Keywords: *economic security of the region, government programs.*

About the author

Tatyana A. Gorst – Student, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Novosibirsk State Technical University (20, K. Marx Avenue, Novosibirsk, 630073, Russian Federation; e-mail: gorst.tatyana.m@gmail.com).

References

1. Arbatov A.A. (2021). Economic security of Russia. Moscow: BINOM. LZ. 815 p.
2. Batova V.N., Kolesnikov A.V. (2022). Economic security of a municipal entity: current state and prospects for strengthening. XXI century: results of the past and problems of the present plus, 1, 6(28), pp. 272–279.
3. Baranova I.V. (2024). Government programs as a factor of strengthening the economic security of the region. Economics: yesterday, today, tomorrow, 14, (11A), pp. 65–73.
4. Vasilyeva A.O., Vasiliev A.I. (2021). Budgeting as an effective way to ensure the economic security of an organization. Current research, 24(51), pp. 81–83.
5. Vorotnikova E.V., Dolgushina O.V., Shakhvorostov G.I. (2021). The content of the concept of "Economic security" as a state of the economic system. Scientific Bulletin of MGIT, 5, pp. 76–81.
6. The official website of the Ministry of Finance and Tax Policy of the Novosibirsk region. Cover of the screen. Available at: https://mfnso.nso.ru/page/3270

УДК 338.45 / ББК 65.47

Гусев С.А.

ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЕ В РОССИЙСКОЙ АВТОМОБИЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация. *С середины 2000-х гг. Правительство РФ стало активно приглашать иностранных автопроизводителей на территорию нашей страны. Обещая налоговые льготы и прочие преференции, иностранцам предлагали строить заводы и развивать национальное автомобилестроение. Расчет строился на привнесение известными брендами современных технологий. После начала специальной военной операции и ухода иностранных производителей с нашего рынка выяснилось, что новые собственники автомобильных заводов не способны заместить технологии производства автомобилей.*

Ключевые слова: *автомобильная промышленность, импортозамещение, автомобильные компоненты.*

В середине 2000-х гг. Правительством РФ было принято решение пригласить иностранных автопроизводителей на территорию нашей страны для постройки автомобильных заводов. Данное решение должно было привести к:

- ликвидации в технологическом отставании от западных стран в автомобильной промышленности;
- привлечению иностранных инвестиций для постройки современных автомобильных заводов;
- перениманию опыта и технологий у западных партнеров в производстве новых автомобилей через расширение системы производства компонентов на территории нашей страны;
- увеличению количества рабочих мест и налоговых отчислений в бюджеты всех уровней.

Договорами с иностранными автопроизводителями предусматривалось строительство автомобильных заводов взамен на налоговые и иные преференции со стороны Правительства РФ [1]. В договорах прописывались стадии сборки автомобилей, начиная от старта работы завода:

Стадия 1. «Отверточная сборка» (первые 2,5 года). На данной стадии из-за рубежа ввозились крупные узлы автомобилей и на заводе происходила их фактическая сборка. На территории нашей страны в данный период таких деталей не производилось.

Стадия 2. «Среднеузловая сборка» (2,5–4,5 лет). Большинство узлов и агрегатов автомобиля ввозится из-за границы; на территории РФ производятся ряд мелких деталей: автомобильные стекла, уплотнители, покрышки, диски и т.д.

Стадия 3. «Промышленная сборка с низкой степенью локализации». На данной стадии функционирования автомобильного завода (4,5–7 лет) количество автокомпонентов, произведенных внутри страны, должно увеличиться и достигнуть 30% от общей номенклатуры нового автомобиля.

Стадия 4. «Промышленная сборка с высокой степенью локализации» (более 7 лет). В данный период должен быть построен собственный завод по производству автокомпонентов (или заключены договора с местными производителями). На территории РФ должны производиться двигатели внутреннего сгорания, коробки переключения передач, автомобильные кузова и другие крупные элементы. Степень локализации автокомпонентов должна возрастать и достигнуть 60–70%.

В середине 2010-х гг. был проведен аудит действующих договоров, по результатам которого выяснилось, что большинство западных автопроизводителей не выполнили условие по локализации производства автокомпонентов на территории РФ. Правительство РФ в 2015 году предложило контрагентам перезаключить договора и подписать СПИК – специальный инвестиционный контракт [2].

СПИКом предусматривалось не только обязательство достичь степени локализации производства автомобилей более 80%, но и поддерживать определенный уровень производства автомобилей. В результате часть автопроизводителей объединили свои производственные мощности с целью выполнения условий СПИКа, часть производителей приняли решение покинуть национальный рынок.

После начала специальной военной операции большинство западных автопроизводителей покинуло российский рынок, посчитав невозможным дальнейшее производство сотрудничество. В качестве объяснений производители приводили следующее:

- возросшие логистические затраты на доставку автокомпонентов из-за рубежа сильно повышают стоимость автомобиля и снижают спрос на него;
- давление национальных правительств;
- необходимость нести затраты на поддержание заводов и оборудования в рабочем состоянии;
- репутационные потери.

Иностранные автопроизводители уходили с нашего рынка двумя путями: с возможностью возврата и без. В первом случае заводы продавались с возможностью обратного выкупа в течение определенного периода.

После перехода автомобильных заводов под контроль российского менеджмента встал вопрос о запуске производства на них. Однако выяснилось, что производство сталкивается с рядом проблем:

- отсутствие нужных отечественных автокомпонентов, необходимость налаживания новых цепочек поставок из дружественных стран;
- необходимость переналадить производственные мощности;
- дефицит рабочих кадров.

В настоящий момент происходит попытка импортозамещения автокомпонентов, налаживается их производство внутри страны. По прошествии нескольких лет можно констатировать, что импортозамещение буксует, идет очень медленно. Этому способствует несколько причин:

- Отрасль производства автокомпонентов не финансировалась ранее государством, ее отдали на откуп рынку. Иностранные автопроизводители не выполнили в рамках СПИКов полностью своих обязательств по локализации автокомпонентов и покинули территорию нашей страны. Фактически отрасль автокомпонентов надо возрождать заново.
- Производство автокомпонентов требует больших финансовых затрат; без финансового участия государства данную проблему решить не получится.
- На организационные проблемы накладываются дефицит производственных мощностей и дефицит кадров.
- Государственная политика последних 20 лет складывалась по принципу, что в России действует принцип международного разделения труда. Некоторые отрасли не стоит развивать самостоятельно, проще купить готовую продукцию за рубежом. В данный момент некоторые государственные служащие до сих пор придерживаются такой точки зрения; они верят, что после окончания специальной военной операции зарубежные автопроизводители вернутся на российский рынок.

Исходя из текущей ситуации и опыта развития автомобильной промышленности в эпоху сильного внешнего давления можно сделать вывод, что для достижения технологического суверенитета в автомобильной промышленности (который влияет на безопасность страны) нет альтернативного пути развития собственной базы автомобильных компонентов.

Библиографический список

1. Федеральный закон № 116-ФЗ от 22 июля 2005 г. «Об особых экономических зонах в Российской Федерации. URL: https://base.garant.ru/12141177/
2. Федеральный закон № 488-ФЗ от 31 декабря 2014 г. «О промышленной политике в Российской Федерации». URL: http://publication.pravo.gov.ru/document /0001201412310017

Информация об авторе

Гусев Сергей Александрович – доктор экономических наук, доцент кафедры Реклама и связи с общественностью, Федеральное государственное бюджетное военное образовательное учреждение высшего образования «Академия гражданской защиты Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий имени генерал-лейтенанта Д.И. Михайлика» (Российская Федерация, 141435, г. Химки, ул. Соколовская, стр. 1А; e-mail: serg19932@yandex.ru).

Gusev S.A.

IMPORT SUBSTITUTION IN THE RUSSIAN AUTOMOTIVE INDUSTRY: PROBLEMS AND PROSPECTS

Abstract. *Since the mid-2000s, the Russian Government has been actively inviting foreign automakers to our country. Promising tax breaks and other preferences, foreigners were offered to build factories and develop the national automotive industry. The calculation was based on the introduction of modern technologies by well-known brands. After the start of a special military operation and the withdrawal of foreign manufacturers from our market, it turned out that the new owners of automobile plants are not able to replace the technology of car production.*

Keywords: *automotive industry, import substitution, automotive components.*

About the author

Sergey A. Gusev – Doctor of Economics, Associate Professor of the Department of Advertising and Public Relations, Federal State Budgetary Military Educational Institution of Higher Education “Academy of Civil Protection of the Ministry of the Russian Federation for Civil Defense, Emergencies and Elimination of Consequences of Natural Disasters named after Lieutenant General D.I.Mikhaylik” (1A, Sokolovskaya Street, Khimki, 141435, Russian Federation; e-mail: serg19932@yandex.ru).

References

1. Federal Law No. 116-FZ of July 22, 2005 “On Special Economic Zones in the Russian Federation”. Available at: https://base.garant.ru/12141177/
2. Federal Law No. 488-FZ of December 31, 2014 “On Industrial Policy in the Russian Federation”. Available at: http://publication.pravo.gov.ru/document/ 0001201412310017

УДК 338 / ББК 65.050

Захарян А.Г.

ИННОВАЦИОННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ОБЩЕСТВА

Аннотация. *Статья посвящена изучению методов и механизмов развития научно-технического потенциала посредством формирования инновационного интеллекта, а также факторов, обуславливающих эффективное применение данных методов и механизмов. В статье представлены определенные механизмы развития научно-технического потенциала общества путем стимулирования формирования инновационного интеллекта.*

Ключевые слова: *интеллект, инновационное образование, государственная политика, управление, стимулирование, развитие, эффективность.*

На современном этапе развития научно-технического потенциала общества формирование инновационного естественного интеллекта приобретает особую актуальность. Очевидно, что огромная роль в инновационном развитии экономики принадлежит основным факторам производства, и особенно – инновациям. В настоящее время существуют следующие факторы производства: труд, земля, капитал, предпринимательство, информация, время, энергия, инновации, интеллект (естественный и искусственный). Последний фактор производства (интеллект) предложен нами, поскольку инновацию создает человек – его естественный интеллект [4, с. 62–67]. Также естественный интеллект человека воссоздает искусственный интеллект. Естественный интеллект – важнее, поскольку управляет искусственным интеллектом, который в некоторых случаях может стать деструктивным и разрушительным. Кроме того, по техническим и технологическим причинам искусственный интеллект может исчезнуть, а естественный интеллект человека независимо от наличия Интернета и электроэнергии будет постоянно воспроизводиться. Следовательно, для обеспечения инновационного развития экономики сначала должно произойти инновационное интеллектуальное развитие. Последнее подразумевает организацию инновационного образования. Фактически имеет место дедукция, т. е. интеллектуальное развитие, и только потом индукция – создание инноваций и их внедрение в экономику.

Как известно, основными составляющими естественного интеллекта являются:

- генетическая информация;
- образование;
- жизненный опыт.

Очевидно, что в формировании естественного интеллекта огромная роль принадлежит генетической информации. Однако, важнейшее значение имеют также образование и жизненный опыт. Следует также отметить особую роль инновационного образования в процессе формирования инновационной личности и его инновационного интеллекта. В современных условиях инновационное образование является одним из важных факторов развития [2, с. 585–591]. Именно инновационное образование способствует формированию инновационной личности – как одного из важнейших элементов общества. Понятие «инновационная личность» впервые ввел в 1962 году ученый Эверетт Хаген, как предпосылку усиления экономического роста, распространения предпринимательства и накопления капитала [5, с. 20–34]. Особым качеством инновационной личности является «способность не адаптивного самоизменения, когда личность вынуждена приспосабливаться к динамизму социальной жизни, а способность к такому смыслопорождению, которое равно устремленно как на изменение условий социальной жизни, так и на самоизменение [3, с. 272–277].

Как известно, научно-технический прогресс и прогресс в области инноваций в современную эпоху базируются на сложной системе взаимосвязей между элементами, производящими различные типы знаний, управляющими их потоками и обеспечивающими их практическое применение. Следовательно, эффективность всего инновационного процесса во

многом определяется тем, каким образом его основные субъекты взаимодействуют между собой в качестве элементов коллективной системы создания и использования знаний, а институциональная основа экономики знаний в целом обеспечивается функционированием национальных инновационных систем. Следует также отметить, что в процессе инновационного развития экономики особое значение имеют и уровни инноваций: государство, наука, бизнес, гражданское общество, индивид. Последний уровень инноваций (индивид) также предложен нами [4, с. 62–67].

Поскольку на данный момент существуют проблемы, связанные с расслоением общества и частичной деградацией некоторых ее слоев – потеря культурной идентичности и морали, снижение уровня патриотизма, чувства долга, ответственности, семейных традиций и т. д., то с пятым уровнем инноваций – индивидом (как обладателем естественного интеллекта) и девятым фактором производства – интеллектом могут возникнуть некоторые трудности. Например, беспилотные летательные аппараты и другие инновационные виды вооружения являются инновациями, но в условиях недостаточного инновационного развития интеллекта индивида и частичной деградации общества инновации могут привести к войнам и поставить под угрозу жизнь на Земле. Следовательно, необходимо уделить особое внимание вопросам инновационного развития интеллекта и повышения профессиональной квалификации индивидов, а также постоянно прослеживать взаимосвязь между развитием уровней инноваций и возникновением новых факторов производства.

Следует также отметить, что стимулирование научно-образовательной деятельности ученых, преподавателей и студентов также имеет важное значение для формирования инновационного интеллекта, поскольку научно-образовательная деятельность представляет собой непрерывный и повторяющийся процесс, и от степени эффективности последней зависит будущее науки и образования. В связи с этим необходимо активно привлекать студентов к научно-исследовательским проектам, писать с ними соавторские научные статьи (в отдельных случаях от магистрантов может потребоваться публикация 1–2 научных статей), стимулировать их заниматься наукой и разъяснять преимущества данной деятельности. Последнее подразумевает также увеличение объемов финансирования научно-образовательной деятельности – с целью повышения мотивации специалистов.

Несомненно, докторское образование также способствует формированию инновационного интеллекта, и как бы ни пытались отказаться от этого второго уровня послевузовского образования в современном мире, его значение никогда не уменьшится. В связи с этим необходимо отметить, что не все доктора наук становятся изобретателями, поскольку не получают достаточных знаний для этого. Последнее диктует необходимость организации изобретательского образования – как третьего уровня послевузовского образования, отсутствовавшего даже в условиях мощной образовательной системы СССР. Очевидно, что в условиях нынешних геополитических и экономических вызовов наилучшим подходом было бы создание такого третьего уровня поствузовского образования, поскольку эффективность работы ученого объективно измеряется результатами реализации представленных им прикладных рационализаторских предложений и степенью их влияния на общественное благосостояние.

Далее представим статистические данные о количестве высших учебных заведений, преподавателях и студентах в Республике Армения.

Таблица 1. **Количество высших учебных заведений Республики Армения в 2019–2024 гг.**[1]

Название	2019	2020	2021	2022	2023
Количество высших учебных заведений	56	55	55	54	53

Данные *табл. 1* свидетельствуют, что в 2023 году по сравнению с 2019 годом количество высших учебных заведений в Республике Армения сократилось на 3, что соответствует

[1] Статистика сферы образования, https://escs.am/am/static/statistist, Статистический ежегодник Армении - 2023, стр. 169-199, https://armstat.am/file/doc/99552298.pdf

современным условиям функционирования научно-образовательной системы, поскольку сокращение количества неэффективных вузов является необходимым условием повышения качества образования и стимулирования формирования инновационного интеллекта.

Таблица 2. **Количество преподавателей и студентов высших учебных заведений Республики Армения в 2019-2024 гг.**[2]

Название	2019/2020	2020/2021	2021/2022	2022/2023	2023/2024
Количество студентов высших учебных заведений	64547	68987	68874	71700	72000
Количество преподавателей высших учебных заведений	6747	6538	6484	6505	6450

Согласно данным *табл. 2* в 2023 году по сравнению с 2019 годом количество студентов высших учебных заведений в Республике Армения увеличилось на 7 453, а количество преподавателей сократилось на 297.

Следует также отметить, что правительство Армении утвердило план мероприятий, вытекающих из закона «Об утверждении государственной программы развития образования в Республике Армения до 2030 года» [1], который отражает стратегические цели и направления реформ по развитию образования на всех уровнях. В плане мероприятий представлены три основных направления образовательной стратегии, первое из которых – всеобщие инклюзивные, качественные и доступные образовательные услуги во всех населенных пунктах для каждого гражданина на всех этапах жизни. Второе направление – повышение эффективности образования, а третье направление – интернационализация образовательных услуг и продуктов и роль Республики Армения в процессе трансформации в глобальной системе образования. Также планируется ввести гибкие механизмы привлечения специалистов частного сектора в школы и колледжи: во всех областях будет создано 10 ресурсных центров с целью практического обучения; управление колледжами будет осуществляться совместно с частным сектором и с использованием методики обучения на основе труда. Одновременно запланированы масштабные реформы в сфере высшего образования. Количество бюджетных вузов достигнет 8, и они будут содержать сильный научно-исследовательский компонент. Планируется также создать академический городок в качестве современной инфраструктуры качественного высшего образования и науки.

Касаемо влияния жизненного опыта на формирование инновационного интеллекта следует отметить, что в условиях некоторой турбулентности обостряется восприятие реальности, что способствует проявлению более адекватной и ускоренной реакции на происходящее вокруг, тем самым обогащая жизненный опыт и инновационный интеллект.

Учитывая современные социально-экономические реалии предлагаются следующие подходы по стимулированию развития научно-технического потенциала посредством формирования инновационного интеллекта: применение инновационных образовательных технологий; увеличение объема финансирования процесса цифровой трансформации сферы образования; стимулирование инженерного образования; активизация взаимодействия науки, бизнеса и государства, а также содействие участию высокотехнологичных компаний в процессе преодоления важнейших вызовов, стоящих перед обществом; организация в вузах обучения по новым специальностям посредством коллаборационной деятельности с соответствующими университетами и структурами.

Таким образом, стимулирование развития научно-технического потенциала посредством формирования инновационного интеллекта имеет важное стратегическое значение,

[2] Статистика сферы образования, https://escs.am/am/static/statistist, Статистический ежегодник Армении - 2023, стр. 169-199, https://armstat.am/file/doc/99552298.pdf

поскольку в дальнейшем может позволить выйти на новый уровень развития экономики и повысить уровень благосостояния населения.

Библиографический список

1. Закон Республики Армения «Об утверждении государственной программы развития образования в Республике Армения до 2030 года» от 16 ноября 2022 г. URL: https://www.arlis.am/
2. Захарян А.Г. (2023). Проблемы стимулирования инновационного образования в Республике Армения // Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений: материалы VIII Международной научно-практической интернет-конференции, г. Вологда, 27–31 марта 2023 г. Вологда: ВолНЦ РАН. С. 585–591.
3. Захарян А.Г. (2023). Инновационное развитие личности как фактор повышения благосостояния // Человекоориентированное управление: будущее цифрового общества: сборник статей по итогам Национальной научно-практической конференции с международным участием, г. Санкт-Петербург, 18–19 мая 2023 г.; в 2-х ч. Ч. 1 / под ред. И.А. Максимцева, В.К. Потемкина. СПб.: Изд-во СПбГЭУ. С. 272–277.
4. Захарян А.Г. (2023). Интеллект как фактор инновационного развития экономики // V Российский экономический конгресс «РЭК-2023». Т. IX. Тематическая конференция «Наука и инновации»: сборник тезисов докладов / составители А.Е. Варшавский, Н. И. Иванова, Е.Б. Ленчук. Москва: [б. и.]. С. 62–67.
5. Hagen E. How Economic Growth Begins: A Theory of Social Change (1963). Journal of Social Issues, 19(1), pp. 20–34.

Информация об авторе

Захарян Армине Григорьевна – кандидат экономических наук, Национальная академия наук Республики Армения, Международный научно-образовательный центр, преподаватель кафедры Экономики и управления (Республика Армения, 0019, г. Ереван, ул. Маршала Баграмяна, д. 24; e-mail: azakharian@inbox.ru).

Zakharyan A.G.

INNOVATIVE INTELLECT AS A FACTOR OF DEVELOPMENT OF THE SCIENTIFIC-TECHNICAL POTENTIAL OF SOCIETY

Abstract. *The article is devoted to the study of methods and mechanisms for the development of scientific-technical potential through the formation of innovative intellect, as well as factors, that determine the effective use of these methods and mechanisms. The article presents certain mechanisms for the development of scientific-technical potential of society by stimulating the formation of innovative intellect.*

Keywords: *intellect, innovative education, public policy, management, stimulation, development, efficiency.*

About the author

Armine G. Zakharyan – PhD in Economics, National Academy of Sciences of the Republic of Armenia, International Scientific-Educational Center, Department of Economics and Management, Lecturer (24, M. Baghramyan Street, Yerevan, 0019, Republic of Armenia; e-mail: azakharian@inbox.ru).

References

1. Law of the Republic of Armenia "On Approval of the State Program for the Development of Education in the Republic of Armenia until 2030" of November 16, 2022. Available at: https://www.arlis.am/
2. Zakharyan A.G. (2023). Problems of stimulating innovative education in the Republic of Armenia. Global challenges and regional development in the mirror of sociological dimensions: materials of the VIII international. scientific-practical Internet conference, Vologda, March 27–31, 2023. Vologda: VolSC RAS, pp. 585–591.
3. Zakharyan A.G. (2023). Innovative Development of the Individual as a Factor in Improving Well-Being. Human-Centered Management: The Future of the Digital Society: Collection of Articles Following the Results of the National Scientific and Practical Conference with International Participation, St. Petersburg, May 18–19, 2023. In 2 parts. Part 1; ed. by I.A. Maksimtsev, V.K. Potemkin. St. Petersburg: SPbGEU Publishing House, pp. 272–277.
4. Zakharyan A.G. (2023). Intellect as a Factor in Innovative Development of the Economy. V Russian Economic Congress "REC-2023". Vol. IX. Thematic Conference "Science and Innovation": collection of abstracts of reports; comp. by A.E. Varshavsky, N.I. Ivanova, E.B. Lenchuk. Moscow, pp. 62–67.
5. Hagen E. How Economic Growth Begins: A Theory of Social Change (1963). Journal of Social Issues, 19(1), pp. 20–34.

УДК 338.47:656.6 / ББК 65.37

Киселенко А.Н., Сундуков Е.Ю.

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ РЕЧНОГО ТРАНСПОРТА ЕВРОПЕЙСКОГО И ПРИУРАЛЬСКОГО СЕВЕРА РОССИИ НА ПРИМЕРЕ ПАССАЖИРСКИХ ПЕРЕВОЗОК

Аннотация. *В статье рассматривается функционирование речного транспорта на Европейском и Приуральском Севере России в современных изменяющихся условиях. Дорожная инфраструктура не охватывает удаленные населенные пункты региона, поэтому реки остаются ключевыми транспортными артериями, обеспечивающими их жизнедеятельность.*

Ключевые слова: *речной транспорт, пассажирские перевозки, внутренние водные пути, бассейн водных путей, Европейский и Приуральский Север России.*

Благодарность

Работа выполнена по теме НИР «Разработка методологии создания магистральной транспортной сети Европейского и Приуральского Севера России» (№ гос. регистрации 124013000710-5).

Речной транспорт традиционно играет важную роль в транспортной системе России, особенно в удаленных и труднодоступных регионах, таких как Европейский и Приуральский Север России (ЕиПСР). В условиях слаборазвитой дорожной инфраструктуры реки являются ключевыми транспортными артериями, обеспечивающими связность населенных пунктов и доступ к социально-экономическим ресурсам.

Пассажирские перевозки по бассейнам рек Северная Двина, Печора, Вычегда, Обь имеют особое значение для обеспечения жизнедеятельности местного населения, а также для развития туризма и торговли. Однако внутренний водный транспорт сталкивается с рядом вызовов, такими как устаревший флот, сезонность навигации, уменьшение гарантированных габаритов судового хода, вынужденные посадка и высадка пассажиров с судов на необорудованный берег, недофинансирование, недостаток инвестиций и др. [8].

Речные магистрали являются естественными путями сообщения к арктическим морским портам [4] (*рис. 1*). На внутренних водных путях ЕиПСР функционируют следующие речные порты: Архангельск, Котлас (Архангельская область), Печора (Республика Коми), Лабытнанги, Салехард (Ямало-Ненецкий национальный округ). Краткая характеристика речных портов представлена в *табл. 1*.

Рисунок. 1. **Внутренние водные пути Европейского и Приуральского Севера России**

Таблица 1. **Характеристика речных портов Европейского и Приуральского Севера России**

Бассейн / порт	Хозяйствующий субъект	Местонахождение на ВВП (река, км судового хода)	Количество причалов / длина в м
Двино-Печорский бассейн			
Архангельск	АО «Архангельский речной порт» ООО «Беломорская сплавная компания» ООО «Норд-Вуд»	р. Северная Двина – 0,1 и 13 км с. х.	11/1193
Котлас	Филиал Котласский порт ПАО «Северное речное пароходство»	р. Северная Двина – 614 км с. х. р. Вычегда – 5-6 км с. х.	6/665
Печора	ОАО «Печорский речной порт»	р. Печора – 879–880 км с. х.	14/1128
Обь-Иртышский бассейн			
Салехард (включая Лабытнанги)	АО «Салехардский речной порт»	р. Полуй – 9,2–10,3 км с. х. р. Обь – 285–286 км с. х.	5/542

В настоящее время внутренний водный транспорт ЕиПСР используется недостаточно эффективно. Речные перевозки осуществляются там, где им нет альтернативы: в Ненецком автономном округе (НАО), в районах Приуральской Арктики (городские округа Салехард и Лабытнанги, Ямальский и Приуральский муниципальные районы Ямало-Ненецкого автономного округа (ЯНАО)), в Усть-Цилемском муниципальном районе Республики Коми, на дачных маршрутах на острова в г. Архангельске, при организации переправ.

Снижение объемов перевозок внутренним водным транспортом стало одной из причин, по которой в 2023 году было осуществлено укрупнение бассейнов внутренних водных путей (ВВП).

Двинско-Печерский бассейн ВВП был образован [11] в результате объединения Северо-Двинского и Печерского бассейнов ВВП. Бассейн полностью входит в состав территории ЕиПСР. С 24 ноября 2022 года юридическое лицо имеет наименование ФБУ «Администрация Двинско-Печорского бассейна внутренних водных путей». ФБУ «Администрация Двинско-Печорского бассейна» имеет в составе четыре филиала: Котласский, Печорский, Архангельский, Вологодский. Администрация бассейна расположена в г. Котласе Архангельской области. Основные воднотранспортные пути бассейна общей протяженностью 8826 км: реки Северная Двина, Сухона, Вычегда, Пинега, Вага, Онега, Кулой, Мезень, Печора, Уса, а также реки, каналы и озера, входящие в Северо-Двинскую шлюзованную систему.

Федеральное бюджетное учреждение «Администрация Беломорско-Онежского бассейна внутренних водных путей» (ФБУ «Администрация «Беломорканал») осуществляет функции по выполнению государственных работ и оказанию государственных услуг в сфере внутреннего водного транспорта в Беломорско-Онежском бассейне внутренних водных путей [9]. Бассейн полностью входит в состав территории ЕиПСР. Основные судоходные пути в границах Беломорско-Онежского бассейна: трасса Беломорско-Балтийского канала (ББК); трассы Онежского озера от пунктов Вытегра и Вознесенье до Повенца (шлюз № 1 ББК), Петрозаводска, Кондопоги, о. Кижи, реки Водла, а также соединительные хода озера Выгозеро от города Сегежа до основной трассы ББК и пункта отгрузки леса в поселке Валдай. Суммарная протяженность ББК – 220 км, в его состав входит 127 гидросооружений, в том числе 19 шлюзов, 13 плотин, 47 дамб, 13 водоспусков. Судоходные пути проходят по Республике Карелия,

Ленинградской и Вологодской областям. На содержании и обслуживании ФБУ «Администрация «Беломорканал» находится 2525,5 км водных путей. Администрация расположена в г. Медвежьегорск.

Волго-Балтийский бассейн водных путей [10] представляет собой систему судоходных рек, озер, каналов и гидросооружений на участке Санкт-Петербург – Череповец в составе Единой глубоководной системы Европейской части России. Общая протяженность эксплуатируемых водных путей Волго-Балта – 4950,8 км внутренних водных путей федерального значения, в том числе 3014,6 км с гарантированными габаритами судовых ходов. Протяженность внутренних водных путей регионального значения составляет 31,82 км. На территории ЕиПСР расположен участок трассы Волго-Балтийского канала (ВБК). ВБК – это крупное гидротехническое сооружение, звено Единой глубоководной транспортной системы Европейской части России. ВБК соединяет Рыбинское водохранилище с Онежским озером и является основной частью Волго-Балтийского пути. Через Онежское озеро, реку Свирь, Ладожское озеро и Неву можно попасть в Балтийское море, а по ББК – в Белое море [3]. Протяженность ВБК – 368 км, водный путь проходит через Нижнюю Шексну и Шекснинское (Череповецкое) водохранилище, Белое озеро и р. Ковжу, водораздельный канал и р. Вытегру.

При объединении бывших Обь-Иртышского и Обского бассейнов ВВП в единый Обь-Иртышский бассейн [12], последний стал крупнейшим бассейном ВВП РФ. Федеральное бюджетное учреждение «Администрация Обь-Иртышского бассейна внутренних водных путей» обслуживает 21747 км водных путей. К водным путям ЕиПСР относится путь от порта Салехард (Лабытнанаги) до порта Мыс Каменный в Обской губе. Администрация «Обь-Иртышводпуть» имеет 9 филиалов: Омский, Сургутский, Тобольский районы водных путей и судоходства, Ханты-Мансийское и Ямало-Ненецкое окружные управления водных путей и судоходства, Колпашевский, Томский, Барнаульский районы водных путей и судоходства и Новосибирский район водных путей, гидросооружений и судоходства. Водное сообщение – основной летний вид транспорта на Ямале, которым жители могут добраться в отдаленные населенные пункты.

На территории ЕиПСР свою деятельность осуществляет Ямало-Ненецкое окружное управление водных путей и судоходства. В ЯНАО в навигацию 2022 года пассажирские речные перевозки осуществлялись по 10 маршрутам (девять межмуниципальных и один межрегиональный). В навигацию 2023 года по маршруту Салехард – Аксарка – Салемал – Панаевск – Яр-Сале на период отпусков было запланировано 15 дополнительных рейсов [1].

Таким образом, два бассейна ВВП – Двинско-Печорский и Беломорско-Онежский территориально полностью входят в состав ЕиПСР. Два других бассейна фрагментарно представлены магистральными водными путями, проходящими по территории ЕиПСР.

Объемы перевозок в навигации 2023 и 2024 гг. по бассейнам внутренних водных путей, сопряженных с ЕиПСР, приведены в *табл. 2*.

Таблица 2. **Объемы перевозок в навигации 2023–2024 гг. по бассейнам внутренних водных путей, сопряженных с Европейским и Приуральским Севером России**

Пассажирские перевозки				
№ п/п	Наименование бассейна ВВП	Объемы перевозок, тыс. чел.		Изменение показателя 2024 г. к 2023 г., в %
		2023 г.	2024 г.	
1	Двинско-Печорский	828	913	+10,7
2	Беломорско-Онежский	145,4	148,3	+2
3	Волго-Балтийский	354,7	376	+6
4	Обь-Иртышский	2000	1800	-10
Источник: составлено авторами по материалам ИАА «ПортНьюс»				

На внутренних водных путях Двинско-Печорского бассейна в навигацию 2024 года перевезено [2] свыше 913 тыс. пассажиров. Установленные государственным заданием параметры содержания ВВП обеспечены в полном объеме. Силами Администрации бассейна выполнялись работы по содержанию средств навигационного оборудования и гидротехнических сооружений, дноуглубительные работы, русловые изыскания, тральные работы. Для обслуживания средств навигационного оборудования на внутренних водных путях протяженностью свыше 4155 км (из них с гарантированными габаритами порядка 4105 км) было задействовано 48 обстановочных бригад. В течение навигации на лимитирующих участках бассейна работали восемь земснарядов, которыми выполнили 192 дноуглубительные работы общим объемом 3099,81 тыс. куб. м.

Пассажиропоток на речных межмуниципальных маршрутах между Архангельском и Приморским округом Архангельской области в навигацию 2024 года составил более 300 тыс. чел. [5]. Суда выполнили более восьми тыс. рейсов. Водный транспорт выполнял пассажирские перевозки с 4 мая по 20 ноября. Теплоходы ходили по пяти маршрутам: Архангельск – Нижнее Рыболово – Чуболово, Архангельск – Вознесенье – Тойватово, Соломбала – Хабарка – Выселки – Пустошь, Кузнечевский лесозавод – Экономия – Реушеньга – Лапоминка, Архангельск – Соломбала – Долгое – Красное. Для сравнения в навигацию 2023 года в Архангельской области работали 12 межмуниципальных маршрутов водного транспорта, поездки по ним совершили 371,7 тыс. чел.

На Северо-Двинской шлюзованной системе (СДШС) навигация 2024 года длилась 180 суток: открылась 5 мая и 15 октября завершилась [6]. За время навигации через систему прошло 535 судов, количество шлюзований составило 1990 циклов. При этом всего по водным путям перевезено 85,4 тыс. т различных грузов. Для обеспечения безопасности судоходства и поддержания гарантированных габаритов пути в нижнем бьефе шлюза № 6 были проведены дноуглубительные работы с объемом извлеченного грунта свыше 3 тыс. куб. м. Также специалисты провели регулярное обследование 2-го гидроузла, по результатам которого утвердили декларацию безопасности сроком на 5 лет. Протяженность СДШС составляет 127 км, в ее состав входит шесть судоходных шлюзов, шесть плотин и заградительные ворота, система разделена на четыре гидроузла.

В условиях отсутствия регулярных дноуглубительных работ на северных реках находят применение суда с малой осадкой. В Республике Коми показали свою эффективность в обеспечении транспортной доступности удаленных населенных пунктов скоростные катера КС-110-32А, которые с 2013 года осуществляют пассажирские перевозки по р. Печора [7].

За период навигации 2024 года в Беломорско-Онежском бассейне ВВП общий пассажиропоток по бассейну составил 148,32 тыс. чел., что на 2% выше показателя за навигационный период 2023 года. Шлюзы ББК завершили работу в навигацию 2024 года 10 ноября. Сроки работы гидротехнических сооружений были продлены распоряжением Росморречфлота в связи с благоприятной погодой и по заявкам судовладельцев.

В навигацию 2024 года по ВВП Волго-Балтийского бассейна перевезено более 376 тыс. пассажиров, что на 6 % больше показателей 2023 года. В Обь-Иртышском бассейне, наоборот, произошло снижение пассажирских перевозок на 10 %.

Таким образом, речной транспорт остается важным элементом транспортной системы ЕиПСР, обеспечивая связь между удаленными регионами и доступность социально-экономических ресурсов. Несмотря на существующие проблемы, такие как устаревший флот и сезонность навигации, отрасль имеет значительный потенциал для развития. Модернизация инфраструктуры, внедрение новых технологий и интеграция речного транспорта в мультимодальные логистические системы могут стать ключевыми факторами развития региона. Пассажирские

перевозки по рекам Севера не только обеспечивают транспортную доступность удаленных населенных пунктов и промышленных предприятий, но и способствуют развитию туризма и укреплению социально-экономических связей.

Библиографический список

1. Больше 30 тысяч пассажиров перевезли на Ямале с начала навигации. URL: https://dtidh.yanao.ru/presscenter/news/169216/
2. В Двинско-Печорском бассейне в навигацию 2024 года перевезли более 2,75 млн тонн грузов и свыше 913 тыс. пассажиров. URL: https://portnews.ru/news/370067
3. Волго-Балтийский канал (Волго-Балт). URL: https://www.locman.net/volgobalt
4. Киселенко А.Н., Сундуков Е.Ю., Тарабукина Н.А. (2015). Водная сеть путей сообщения Европейского Северо-Востока и Приуральского Севера: анализ и прогноз // Региональная экономика: теория и практика. № 37 (412). С. 2–19.
5. Пассажиропоток на речных маршрутах в Архангельской области в 2024 году составил 300 тыс. человек. URL: https://portnews.ru/news/370567/
6. Подведены итоги навигации на Северо-Двинской шлюзованной системе. URL: https://sudostroenie.info/novosti/43622.html
7. По реке Печоре стали курсировать новые катера. URL: https://komiinform.ru /news/93004/
8. Сундуков Е.Ю., Тарабукина Н.А. (2019). О внутренних водных путях Европейского Севера России // Транспорт России: проблемы и перспективы – 2019: материалы международной научно-практической конференции, г. Санкт-Петербург, 12–13 ноября 2019 г. СПб.: ИПТ РАН. Т. 1. С. 35–39.
9. ФБУ Администрация Беломорско-Онежского бассейна внутренних водных путей. URL: https://morflot.gov.ru/ob_agentstve/rukovodstvo/podvedomstven nyie_organizatsii/administratsii_basseynov
10. ФБУ Администрация Волго-Балтийского бассейна внутренних водных путей. URL: https://morflot.gov.ru/ob_agentstve/rukovodstvo/podvedomstvennyie_organizatsii/administratsii_basseynov_vnutrennih_vodnyih_putey_rossii/fbu-administratsiya-volgo-baltiiskogo-basseina-vnutrennikh-vodnykh-putei/
11. ФБУ Администрация Двинско-Печорского бассейна внутренних водных путей. URL: https://morflot.gov.ru/ob_agentstve/rukovodstvo/podvedomstven nyie_organizatsii/administratsii_basseynov_vnutrennih_vodnyih_putey_rossii/fbu-administratsiya-dvinsko-pechorskogo-basseina-vnutrennikh-vodnykh-putei/
12. ФБУ Администрация Обь-Иртышского бассейна внутренних водных путей. URL: https://morflot.gov.ru/ob_agentstve/rukovodstvo/podvedomstvennyie_organizatsii/administratsii_basseynov_vnutrennih_vodnyih_putey_rossii/fbu-administratsiya-ob-irtyshskogo-basseina-vnutrennikh-vodnykh-putei/

Информация об авторах

Киселенко Анатолий Николаевич – доктор технических наук, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель лаборатории проблем транспорта Института социально-экономических и энергетических проблем Севера ФИЦ Коми НЦ УрО РАН (Российская Федерация, 167982, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: kiselenko@iespn.komisc.ru

Сундуков Евгений Юрьевич – кандидат экономических наук, доцент, старший научный сотрудник. Федеральный исследовательский центр Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук, лаборатория проблем транспорта (Российская Федерация, 167982, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: translab@iespn.komisc.ru).

FUNCTIONING OF RIVER TRANSPORT ON THE EUROPEAN AND THE CISURAL NORTH OF RUSSIA FOR EXAMPLE OF PASSENGER TRANSPORTATION

Abstract. *The functioning of river transport in the European and Cisural North of Russia in modern changing conditions is considered. Road infrastructure does not cover remote settlements in the region, so rivers remain key transport arteries that ensure their vital activity.*

Keywords: *river transport, passenger transportation, inland waterways, waterway basin, European and Cisural North of Russia.*

About the authors

Anatoly N. Kiselenko – Doctor of technical sciences, Doctor of economics sciences, Professor, Head of laboratory of the transport problems, Institute for social economic and energy problems of the North of FRC of Komi Science Centre of Ural Division of the Russian Academy of Sciences (26, Communist Street, Syktyvkar, 167982, Russian Federation; kiselenko@iespn.komisc.ru

Eugeny Yu. Sundukov – PhD (Economics), Associate Professor, Senior Researcher, Federal research center Institute for Socio-economic and energy problems of the North of Komi Science Centre of Ural Division of the Russian Academy of Sciences, laboratory of transport problems (26, Communist Street, Syktyvkar, 167982, Russian Federation; translab@iespn.komisc.ru).

References

1. FBI Administration of Dvinsko-Pechora Basin of Inland Waterways. Available at: https://morflot.gov.ru/ob_agentstve/rukovodstvo/podvedomstvennyie_organizatsii/administratsii_basseynov_vnutrennih_vodnyih_putey_rossii/fbu-administratsiya-dvinsko-pechorskogo-basseina-vnutrennikh-vodnykh-putei/
2. FBI Administration of the Ob-Irtysh basin of inland waterways. Available at: https://morflot.gov.ru/ob_agentstve/rukovodstvo/podvedomstvennyie_organizatsii/administratsii_basseynov_vnutrennih_vodnyih_putey_rossii/fbu-administratsiya-ob-irtyshskogo-basseina-vnutrennikh-vodnykh-putei/
3. FBI Administration of the VolgaBaltic basin of inland waterways. Available at: https://morflot.gov.ru/ob_agentstve/rukovodstvo/podvedomstvennyie_organizatsii/administratsii_basseynov_vnutrennih_vodnyih_putey_rossii/fbu-administratsiya-volgo-baltiiskogo-basseina-vnutrennikh-vodnykh-putei/
4. FBI Administration of the White Sea-Onega basin of inland waterways. Available at: https://morflot.gov.ru/ob_agentstve/rukovodstvo/podvedomstvennyie_organizatsii/administratsii_basseynov
5. In the Dvinsko-Pechora basin, more than 2.75 million tons of cargo and over 913 thousand passengers weretransported to navigation in 2024. https://portnews.ru /news/370067/
6. Kiselenko A.N., Sundukov E.Y., Tarabukina N.A. (2015). Water network of the European Northeast and the Cisural North: analysis and forecast. Regional economics: theory and practice, 37 (412), 2–19.
7. More than 30 thousand passengers have been transported on Yamal since the beginning of navigation. Available at: https://dtidh.yanao.ru/presscenter/news/169216/
8. New boats began to run along the Pechora River. Available at: https://komiinform.ru/news /93004/
9. Passenger traffic on river routes in the Arkhangelsk region in 2024 amounted to 300 thousand people. Available at: https://portnews.ru/news/370567/
10. Summed up navigation on the North Dvina sluice system. Available at: https://sudostroenie.info/novosti/43622.html

11. Sundukov E.Y., Tarabukina N.A. (2019). About inland waterways of the European North of Russia. Transport of Russia: problems and prospects – 2019: materials international scientific-practical conference, St. Petersburg, November 12–13, 2019. SPb.: TPI. Vol. 1, 35–39.
12. Volga Baltic Canal (Volga Balt). Available at: https://www.locman.net/volgobalt.html

УДК 332.14 / ББК 65.05

Колечков Д.В.

ОЦЕНКА РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ РЕСПУБЛИКИ КОМИ В УСЛОВИЯХ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

Аннотация. *В работе дана общая оценка функционирования экономики Республики Коми и в целом России в условиях действия ограничительных мер, с акцентом на 2023 год. Выявлено, что общий тренд социально-экономического развития северного региона схож с общероссийским.*

Ключевые слова: *индекс промышленного производства, продукция сельского хозяйства, строительство, оборот розничной торговли, потребительская инфляция, среднемесячная начисленная заработная плата.*

Благодарность

Статья подготовлена в рамках плановой темы НИР ИСЭиЭПС ФИЦ Коми НЦ УрО РАН «Проблемы роста экономики северных регионов в современной России» на 2025–2027 гг.: Регистрационный номер: 125013001114-9.

За последнее десятилетие экономика России функционирует в сложных геополитических условиях. Отправной точкой можно считать 2014 год, когда началась территориальная трансформация на Украине и активизировалось внешнее санкционное давление на страну. Далее, с конца 2019 года, появились проблемы, связанные с пандемией коронавируса SARS-CoV-2. 24 февраля 2022 года началась специальная военная операция. За все это время в отношении России было введено беспрецендентное количество санкций.

Целью настоящей статьи является краткий обзор экономического положения в России и Республике Коми за 2023 год.

Основной экономический результат России в 2023 году – возобновление экономического роста, который достиг 3,6% после падения в 2022 году на 1,2%. Кумулятивный прирост ВВП с 2019 года составил 5,4%. Главным импульсом экономического роста стала обрабатывающая промышленность (в основном сектора машиностроения и приборостроения), строительный комплекс, торговля и общественное питание, информационно-коммуникационные услуги. Из-за изменения условий внешней торговли зафиксировано торможение в добывающей промышленности и на транспорте.

В 2023 году произошло снижение экспорта, который составил чуть выше 70% от уровня 2022 года. Основными факторами стали внешние санкции и связанные с ними транспортно-логистические и платежно-расчетные проблемы. Несмотря на это бюджетно-налоговая система оставалась сбалансированной. Доходы бюджета расширенного правительства выросли на 6 трлн руб. и составили 59 трлн руб. В реальном выражении доходы бюджета расширенного правительства выросли на 3,6% (в 2022 году они снизились на 1,5%). Расходы бюджета расширенного правительства достигли 63 трлн руб. и увеличились в реальном выражении на 6,3% (в 2022 году – на 2%). Дефицит бюджета расширенного правительства составил 2,3% ВВП. За приведенными вполне благополучными цифрами скрывается достаточно радикальная перестройка доходной базы бюджета. Нефтегазовые доходы федерального бюджета сократились в 2023 году на 2,7 трлн руб. относительно уровня 2022 года (на 24%). В то же время не нефтегазовые доходы федерального бюджета выросли более чем на 4,0 трлн руб. (на 25%) и значительно перекрыли падение нефтегазовых доходов [1].

В 2023 году относительно предыдущего года экономическое положение Республики Коми характеризовалось сокращением объемов промышленного и сельскохозяйственного производства, строительных работ, платных услуг, оказанных населению. Увеличился оборот розничной торговли, было перевезено больше грузов автомобильным транспортом и введено

жилья в эксплуатацию. Выросла реальная заработная плата, снизилась численность официально зарегистрированных безработных [2].

Таблица 1. **Динамика основных социально-экономических показателей, в % к предыдущему году**

	2019	2020	2021	2022	2023
Индекс промышленного производства	102,2	91,2	101,7	104,6	99,2
Индекс производства продукции сельского хозяйства	96,5	115,2	97,7	97,5	94,6
Объем работ по виду деятельности «Строительство»	90,0	135,4	87,1	84,1	56,5
Ввод в действие жилых домов	81,3[1)]	86,3	87,8	113,0	107,1
Перевезено грузов автомобильным транспортом	100,1	93,1	58,6	99,8	100,9
Оборот розничной торговли	100,1	97,8	101,6	91,6	104,6
Объем платных услуг населению	97,3	82,8	109,0	104,0	97,7
Инвестиции в основной капитал	83,8	111,2	88,0	83,6	98,5
Индекс потребительских цен	103,0	106,6	107,5	111,4	107,3
Индекс цен производителей промышленных товаров	99,6	99,5	143,0	89,0	124,3
Реальная заработная плата на одного работника	100,4	102,1	100,2	99,9	105,9
Численность официально зарегистрированных безработных (на конец периода)	92,1	239	46,1	79,7	76,2
Источник: составлено автором по данным ЕМИСС					

Индекс промышленного производства в Республике Коми в 2023 году относительно 2022 года сложился в размере 99,2%. Спад обусловлен снижением объемов производства в секторе добычи полезных ископаемых (на 1,7%), энергетике (на 2,6%) и в сфере водоснабжения, водоотведения и утилизации отходов (на 4,5%). Меньше добывается угля, природного газа, металлических руд, вырабатывается электроэнергии. В то же время возросла добыча прочих полезных ископаемых (песка, глины, щебня), увеличился объем услуг в области добычи полезных ископаемых. Снизились темпы общепромышленного спада и увеличились объемы производства в обработке – на 2,9%. Было произведено больше продукции деревообработки, химических веществ, резиновых и пластмассовых изделий, электрического оборудования, напитков, увеличился объем услуг по ремонту машин и оборудования. В то же время снизилось производство продукции нефтепереработки, бумаги и бумажных изделий, одежды, текстильных изделий, пищевых продуктов.

В 2023 году в регионе произведено продукции сельского хозяйства (в действующих ценах) на 14,7 млрд руб., что в сопоставимой оценке на 5,4% меньше, чем в 2022 году. Производство продукции животноводства снизилось на 8,2%, растениеводства – выросло на 0,8%. Прошедший год был отмечен снижением производства мяса, яиц, овощей и увеличением производства молока и картофеля. По расчетам, на конец декабря 2023 года относительно соответствующей даты предыдущего года в хозяйствах всех категорий сократилось поголовье крупного рогатого скота, в том числе коров (на 3,5% и 1,3% соответственно), поголовье свиней (на 0,4%) и птицы (на 38,7%).

В 2023 году объем работ, выполненных по виду деятельности «Строительство», по сравнению с предыдущим годом снизился на 43,5%, составив 29,9 млрд руб. В сфере жилищного строительства отмечен рост. Общий объем введенного жилья возрос на 7,1%, индивидуального домостроения – на 7,5%.

Положительные тенденции отмечены в 2023 году в сфере грузоперевозок автомобильным транспортом (без субъектов малого предпринимательства). Объем перевезенных грузов увеличился на 0,9%, грузооборот – на 2,3%. В пассажироперевозках наблюдался рост пассажирооборота – на 9,5% и количества перевезенных пассажиров – на 7,7%.

В 2023 году оборот розничной торговли составил 206,1 млрд руб. и возрос в сопоставимой оценке относительно 2022 года на 4,6%. Объем реализации пищевых продуктов, включая напитки, и табачных изделий по сравнению с 2022 годом увеличился на 5,3%, непродовольственных товаров – на 3,9%.

Объем платных услуг, оказанных населению, составил 62,8 млрд руб., сократившись в сопоставимой оценке относительно 2022 года на 2,3%. Почти в два раза сократились объемы услуг почтовой связи. Также заметное снижение наблюдалось в услугах, предоставляемых гражданам пожилого возраста и инвалидам. Максимальный рост отмечен по юридическим услугам.

На развитие экономики и социальной сферы Республики было направлено 128,6 млрд руб. инвестиций в основной капитал, что в сопоставимых ценах на 1,5% меньше, чем в 2022 году. В структуре источников финансирования инвестиционной деятельности преобладали собственные средства организаций. Наибольший объем инвестиций был направлен на добычу полезных ископаемых.

В 2023 году потребительская инфляция была на уровне 107,3%. Продовольственные товары подорожали на 7,9%, непродовольственные товары – на 7,1%, услуги – на 6,8%. Индекс цен производителей промышленных товаров составил 124,3%, сельскохозяйственной продукции – 125,8%, сводный индекс цен на продукцию инвестиционного назначения – 109,8%, индекс тарифов на грузовые перевозки – 177,2%.

По данным Управления Федеральной налоговой службы по Республике Коми, поступления по налогам, сборам и иным обязательным платежам в бюджетную систему Российской Федерации в 2023 году составили 508,9 млрд руб., что на 3,4% меньше, чем за 2022 год.

По данным Министерства финансов Республики Коми доходы консолидированного бюджета составили 131,2 млрд рублей и снизились по сравнению с 2022 годом на 9%, расходы сложились в размере 135,3 млрд рублей, что на 4% больше. Дефицит консолидированного бюджета составил 4,1 млрд рублей.

Ситуация на рынке труда характеризовалась снижением численности работников организаций и уменьшением количества зарегистрированных безработных. В 2023 году среднесписочная численность работников организаций относительно 2022 года уменьшилась на 2,7%, составив 268,5 тыс. чел. По данным Министерства труда, занятости и социальной защиты Республики Коми, на конец декабря 2023 года было зарегистрировано 4,1 тыс. безработных, что на 23,8% меньше, чем годом ранее. Уровень зарегистрированной безработицы составил 1,1%.

Среднемесячная начисленная заработная плата в 2023 году сложилась в размере 76,8 тыс. руб., и по сравнению с 2022 годом в номинальном выражении увеличилась на 12,1%, в реальном – на 5,9%. На 1 января 2024 года размер просроченной задолженности по заработной плате в организациях рассматриваемых видов деятельности (без субъектов малого предпринимательства), предоставивших сведения о ее наличии, составил 4,4 млн руб., что соответствует началу 2023 года.

Отдельные экономические тенденции, наблюдавшиеся в Республике в 2023 году, были схожи с общероссийскими (*табл. 2*). Как и по стране в целом, в Республике увеличились объемы жилищного строительства, оборот розничных продаж, сократилась численность зарегистрированных безработных, выросли реальная заработная плата, потребительские цены, цены производителей промышленной продукции, сократились объемы производства в сельском хозяйстве. В то же время если в стране в целом зафиксирован рост производства в промышленности, строительном секторе экономики, сфере предоставления платных услуг населению, инвестиционной деятельности, то в республике наблюдается спад.

Таблица 2. **Основные социально-экономические показатели Республики Коми и России, 2023 г. к 2022 г., в %**

Показатель	Республика Коми	Россия
Индекс промышленного производства	99,2	103,5
Индекс производства продукции сельского хозяйства	94,6	99,7
Объем работ, выполненных по виду деятельности «Строительство»	56,5	107,9
Ввод в действие жилых домов	107,1	107,5
Оборот розничной торговли	104,6	106,4
Пищевые продукты, включая напитки, и табачные изделия	105,3	103,3
Непродовольственные товары	103,9	109,5
Объем платных услуг населению	97,7	104,4
Инвестиции в основной капитал	98,5	109,8
Индекс потребительских цен, декабрь 2023 г. к декабрю 2022 г., в %	107,3	107,4
Индекс цен производителей промышленных товаров, декабрь 2023 г. к декабрю 2022 г., в %	124,3	119,2
Среднемесячная начисленная заработная плата одного работника:		
Номинальная	112,1	114,1
Реальная	105,9	107,8
Численность официально зарегистрированных безработных, на конец декабря 2023 г. к концу декабря 2022 г., в %	76,2	75,2
Источник: составлено автором по данным ЕМИСС		

Таким образом, в 2023 году Россия вступила на путь глубокой структурной перестройки экономики с ориентацией на развитие внутреннего рынка и снижение зависимости от колебаний внешнеэкономической конъюнктуры. Политика монетарных властей позволила удержать под контролем инфляцию и стабилизировать валютный курс. Опережающий рост ненефтегазовых доходов отражает растущую роль внутреннего рынка и позволяет компенсировать негативное влияние внешней конъюнктуры на доходную базу бюджета. Среднесрочная устойчивость этих позитивных трендов будет зависеть в значительной степени от того, в какой степени будут преодолены инфраструктурные ограничения развития внутреннего рынка и в какой степени потенциальное снижение экспорта сырьевых товаров будет замещаться экспортом продукции высокой степени обработки.

Библиографический список

1. Российская экономика в 2023 году. Тенденции и перспективы. Вып. 45 (2024) / под ред. А.Л. Кудрина [и др.] Москва: Изд-во Ин-та Гайдара. 456 с.
2. Республика Коми. Итоги 2023 года (2024) // Информационно-аналитический обзор. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Коми. Сыктывкар. 256 с.
3. Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС). URL: https://www.fedstat.ru/

Информация об авторе

Колечков Дмитрий Васильевич – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Федерального исследовательского центра Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук (Российская Федерация, 167982, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: Kdb1970@mail.ru).

ASSESSMENT OF THE ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE KOMI REPUBLIC IN CONDITIONS OF UNCERTAINTY

Abstract. *The paper provides a general assessment of the functioning of the economy of the Komi Republic and Russia as a whole in the context of restrictive measures, with an emphasis on 2023. It is revealed that the general trend of socio-economic development of the northern region is similar to the all-Russian one.*

Keywords: *industrial production index, agricultural products, construction, retail trade turnover, consumer inflation, average monthly accrued wages.*

About the author

Dmitriy V. Kolechkov – Candidate of Economic Sciences, Senior Researcher, Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North of the Komi Federal Research Center, Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (26, Kommunisticheskaya Street, Syktyvkar, 167982, Russian Federation; e-mail: Kdb1970@mail.ru).

References

1. The Russian economy in 2023. Trends and prospects. Iss. 45 (2024); ed. by A.L. Kudrin et al. Moscow: Gaidar Institute Publishing House. 456 p.
2. The Komi Republic. Results of 2023. Information and analytical review. (2024). Territorial body of the Federal State Statistics Service for the Komi Republic. Syktyvkar. 256 p.
3. Unified Interdepartmental Information and Statistical System (EMISS). Available at: https://www.fedstat.ru/

УДК 334.012/ ББК 65.050.2, 65.290

Копытова Е.Д.

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКИХ ПРЕДПРИЯТИЙ В УСЛОВИЯХ ОБОСТРЕНИЯ БОЛЬШИХ ВЫЗОВОВ

Аннотация. *Предприятия являются драйвером экономического развития страны и ее регионов. Вместе с тем экономика России сталкивается с новыми глобальными вызовами, которые требуют изучения их влияния на деятельность субъектов хозяйствования.*

Ключевые слова: *предприятия, предпринимательство, проблемы, санкции, государственная поддержка.*

Благодарность

Исследование выполнено в соответствии с государственным заданием для ФГБУН ВолНЦ РАН по теме НИР № FMGZ-2025-0013 «Факторы и инструменты обеспечения сбалансированного пространственного развития регионов России в условиях обострения больших вызовов».

В Послании Федеральному Собранию 21 февраля 2023 года Президент России В.В. Путин отметил «рубежное для нашей страны время», что это «время вызовов и возможностей» [5]. Непростая социально-экономическая ситуация обусловлена как внутренними, так и внешними факторами.

В 2020 году российская экономика столкнулась с вызванным вспышкой коронавируса кризисом, который нанес серьезный удар по множеству отраслей [3]. Как отмечает автор исследования [4], одной из главных особенностей данного периода стала неготовность многих российских предприятий от малых до крупных к происходящим событиям; а также отсутствие у них подушки безопасности на случай непредвиденных ситуаций и стратегии, тактики ведения бизнеса в условиях вызовов. Безусловно, ряд субъектов хозяйствования смогли оптимизировать свои затраты, автоматизировать процессы, использовать другие методы ведения бизнеса, что обеспечило им сохранение своей деятельности и, в том числе экономическое развитие.

Следующим вызовом, с которым столкнулась российская экономика, стало начало специальной военной операции на территории Украины. Россия на протяжении целого ряда лет вынуждена сохранять стабильность, развиваться при санкционном давлении Запада. В результате выхода нашей страны из числа основных ключевых макроэкономических игроков, с российского рынка ушли ключевые партнеры, поставщики, дистрибьютеры, производители важнейших товаров и услуг для российского потребителя.

Исследования, проведенные Д.Б. Кувалиным и П.А. Лавриненко [1] выявили, что 60–70% российских предприятий реального сектора в ходе опросов сообщают, что они пострадали от санкций. При этом 20–30% российских предприятий реального сектора утверждают, что санкции их не затронули. При этом в докладе авторов отмечается, что влияние санкций на российскую экономику оказалось меньше, чем влияние пандемии COVID-19 в 2020–2021 гг.: в тот период пострадавшими от пандемийных ограничений себя считали 70–75% опрашиваемых предприятий.

При этом наиболее острыми проблемами, связанными с экономическими санкциями против России, руководители предприятий считают трудности с получением импортного сырья и комплектующих (62,4%), рост цен внутри страны (57%), удорожание импорта (47,7%) и кредита (45%), повышение общей неопределенности в экономике (37,6%; *рис. 1*).

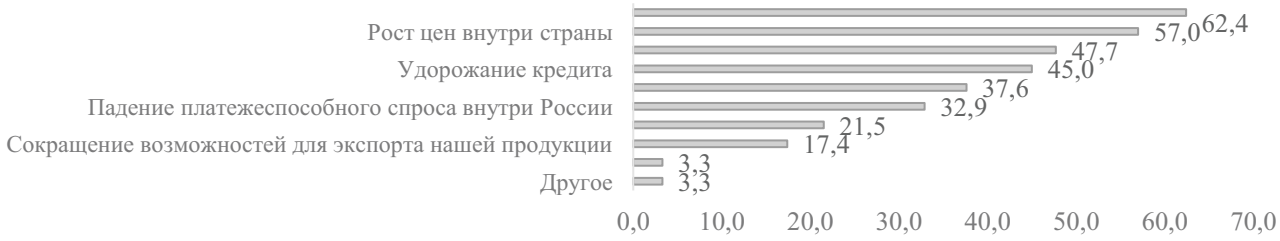

Рисунок 1. **Основные проблемы российских предприятий, порожденные санкциями |(конец 2024 года), % от числа ответивших**

Источник: [1].

При этом авторами исследования [1] выявлено, что основными проблемами российских предприятий, порожденными внутренними причинами, являются нехватка качественной рабочей силы, высокий уровень инфляции, недостаточный платежеспособный спрос, высокий уровень налогообложения предприятий (*рис. 2*).

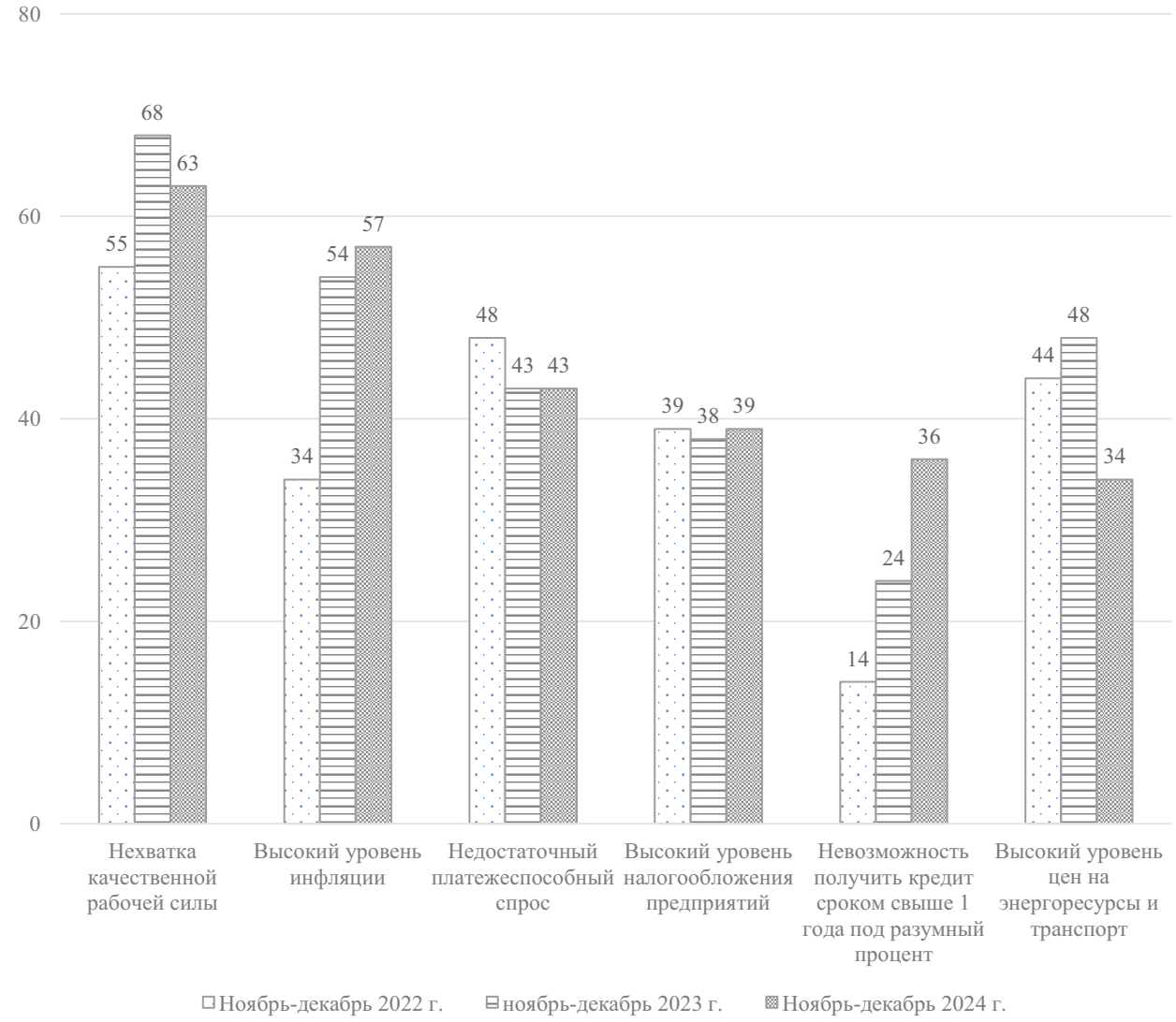

Рисунок 2. **Влияние проблем макроэкономического характера для субъектов предпринимательства в 2022–2024 гг., в % от числа ответивших**

Источник: [1].

Основные недостатки в финансовой политике, которые негативно влияют на функционирование предприятий заключаются, как отмечают Д.Б. Кувалин и П.А. Лавриненко, резкие колебания курса рубля и ключевой ставки, увеличение налоговых ставок (ставка налога на прибыль выросла в 2025 году с 20% до 25%).

В качестве мер по развитию деятельности субъектов хозяйствования, согласно исследованию А.Ю. Лисицына [2], руководители отмечают государственное финансирование (19%), взносы учредителей в капитал и финансирование институтов развития (по 16%), публичное размещение акций (15%) и др. (*рис. 3*).

Рисунок 3. **Наиболее эффективные источники финансирования деятельности компаний, в % от числа ответивших**

Источник: [2].

Стоит отметить, что государственное финансирование и различные меры поддержки предпринимательства играют важную роль в стимулировании развития бизнеса, создании новых рабочих мест, привлечении инвестиций и повышении конкурентоспособности страны. Кроме того, решение задач по развитию предпринимательской деятельности является одним из приоритетных направлений в деятельности органов власти. В частности, в новой Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 г. с прогнозом до 2036 г. одним из приоритетных направлений является поддержка предложений и инициатив населения в предпринимательской сфере.[1]

В связи с этим нам видится актуальным дальнейшее изучение осуществляемых различных мер государственной поддержки предпринимательства, которые направлены на создание условий для их развития, а следовательно, для территорий, на которых они расположены и осуществляют свою деятельность.

Что касается обострения глобальных вызовов, по мнению А.В. Яковенко [5], события последних лет, в том числе проведение СВО на Украине, свидетельствуют о том, что в ближайшее десятилетие эти и ряд других вызовов (продовольственный, энергетический, климатический кризисы и т. д.) приведут к нарастанию международной нестабильности и конфликтности.

[1] Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года (утверждена Распоряжением Правительства РФ от 28.12.2024 г. № 4146-р) – URL: http://static.government.ru/media/files/ttXJCZ4PNa7bmTrRgcuPwoIQA8SYR91B.pdf

Библиографический список

1. Кувалин Д.Б., Лавриненко П.А. Как чувствует себя российский бизнес в современных условиях // Заседание научно-консультативного совета по правовым, психологическим и социально-экономическим проблемам общества ООН РАН «Российский бизнес в современных условиях. Успехи, болевые точки ивозможности», Москва, 15 марта 2025 г. URL: https://rannks.ru/upload/iblock/417/pr-250315-kuvalin.pdf
2. Лисицын А.Ю. Финансовая устойчивость предприятий в текущих макроэкономических условиях (экспертные оценки на основе материалов РСПП) // Заседание научно-консультативного совета по правовым, психологическим и социально-экономическим проблемам общества ООН РАН «Российский бизнес в современных условиях. Успехи, болевые точки и возможности», Москва, 15 марта 2025 г. URL: https://rannks.ru/upload/iblock/c6f/pr-250315-lisitcin.pdf
3. Мошкин И.В., Бабанов А.Б. (2023). Мобилизационный путь развития экономики в России // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. № 1. С. 134–139.
4. Осипов Д. В., Константинова О. Д. (2023). Исследование дестабилизирующих факторов для российской экономики // Региональная и отраслевая экономика. № 1. С. 203–209. DOI: 10.47576/2949-1916_2023_1_203
5. Яковенко А.В. (2023). Геополитический перелом и Россия. О чем говорит новая внешнеполитическая концепция: монография. Москва: Дипломатическая академия МИД России. 144 с.

Информация об авторе

Копытова Екатерина Дмитриевна – кандидат экономических наук, научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук, ВолНЦ РАН (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: ekaterina-razgylina@yandex.ru).

Kopytova E.D.

PROBLEMS OF DEVELOPMENT OF RUSSIAN ENTERPRISES IN THE CONDITIONS OF AUGMENTATION OF BIG CHALLENGES

Abstract. *Enterprises are the driver of economic development of the country and its regions. At the same time, the Russian economy is facing new global challenges that require studying their impact on the activities of business entities.*

Keywords: *enterprises, entrepreneurship, problems, sanctions, government support.*

About the author

Kopytova Ekaterina Dmitrievna – Candidate of Sciences (Economics), Researcher at the Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56a, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: ekaterina-razgylina@yandex.ru).

References

1. Kuvalin D.B., Lavrinenko P.A. How does Russian business feel in modern conditions. Meeting of the scientific advisory council on legal, psychological and socio-economic problems of the UN Society of the Russian Academy of Sciences “Russian business in modern conditions. Successes,

pain points and opportunities", Moscow, March 15, 2025. Available at: https://rannks.ru/upload/iblock/417/pr-250315-kuvalin.pdf
2. Lisitsyn A.Y. Financial stability of enterprises in current macroeconomic conditions (expert assessments based on RSPP materials). Meeting of the scientific advisory council on legal, psychological and socio-economic problems of the UN Society of the Russian Academy of Sciences "Russian business in modern conditions. Successes, pain points and opportunities", Moscow, March 15, 2025. Available at: https://rannks.ru/upload/iblock/c6f/pr-250315-lisitcin.pdf
3. Moshkin I.V., Babanov A.B. (2023). Mobilization path of economic development in Russia. State and municipal administration. Scientific notes, 1, pp. 134–139.
4. Osipov D.V., Konstantinova O.D. (2023). Study of destabilizing factors for the Russian economy. Regional and sectoral economics, 1, pp. 203–209. DOI: 10.47576/2949-1916_2023_1_203
5. Yakovenko A.V. (2023). Geopolitical turning point and Russia. What the new foreign policy concept says: monograph. Moscow: Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia. 144 p.

УДК 338.48 / 65.05

Леонов С.Н.

ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ АДАПТИВНЫХ СПОСОБНОСТЕЙ РЕГИОНОВ В УСЛОВИЯХ ТУРБУЛЕНТНОСТИ

Аннотация. *Показано, что методология оценки региональной адаптивности основывается на выделении двух групп факторов: устойчивости («сопротивляемости»), подразумевающей способность экономики сохранять размеры и структуру после деформирующего воздействия шока, и резильентности («упругости»), учитывающей способность экономики региона к восстановлению в процессе трансформационного спада.*

Ключевые слова: *адаптивность, устойчивость, резильентность, экономический шок.*

Еще в свою бытность сенатором, 35-й Президент США, Джон Ф. Кеннеди отмечал, что «написанное на китайском языке слово «кризис» состоит из двух иероглифов: один представляет опасность, а другой – возможность»[1]. Кризис всегда предоставляет возможность выбора, и подобный взгляд на шоковые процессы особенно актуален в настоящее время, в условиях нарастающей экономической турбулентности.

В период кризисов правительства пытаются адаптировать их негативное влияние на экономику как страны, так и регионов, используя факторы устойчивости («сопротивляемости») и резильентности («упругости») развития региональных систем.

Современный интерес к вопросу способности регионов адаптироваться к внешним шокам, проистекает из работ экологов полувековой давности, анализировавших устойчивость (*resilience*) популяций к внешним шоковым воздействиям. С тех пор ее использование широко распространилось в области инженерии, организационного поведения, планирования, психологии, социологии и экономики [8; 12].

Несмотря на растущее значение идей адаптации, устойчивости и резильентности экономического развития к шокам как в среде российских исследователей [1; 2; 5], так и среди иностранных коллег [7; 10], эта концепция до настоящего времени тщательно не определена и не измерена[2].

Оригинальное латинское слово *resilience* означает «восстановление, устойчивость, упругость». В экологии оно трактуется как «способность систем поглощать изменения» или как «буферная емкость» [8].

В экономике анализируя уровень адаптивности региональной системы к кризисным воздействиям, можно выделить две группы факторов:

- устойчивость региональной хозяйственной системы, понимаемая как «сопротивляемость» региональной экономики объему внешнего воздействия;
- резильентность регионального хозяйственного комплекса, трактуемая как степень «упругости» хозяйства, обеспечивающая величину «отскока» от нижней границы падения.

Основываясь на определениях, используемых в современных работах по экономической устойчивости, и на существующих трактовках этого понятия в экологической литературе, попытаемся описать некоторые возможные значения как региональной экономической устойчивости (сопротивляемости шоку), так и резильентности («упругости» региональной системы, учитывающей и скорость возвращения региональной экономики в дошоковое состояние) (*табл. 1*).

В экономике зачастую устойчивость воспринимается как способность региональной экономики поддерживать ранее существовавшее состояние, обычно при этом принимаемое за

[1] Remarks Of Senator John F. Kennedy, Convocation Of The United Negro College Fund, Indianapolis, Indiana, April 12, 1959 (https://www.jfklibrary.org/archives/other-resources/john-f-kennedy-speeches/indianapolis-in-19590412)

[2] Например, в [10] отмечается, что *«экономическая устойчивость* является основным способом сокращения потерь от стихийных бедствий. Ее эффективность возросла бы еще больше, если бы ее можно было точно определить и измерить».

равновесное [11]. При такой трактовке, за уровень устойчивости принимается степень, в которой региональная экономика способна избежать выхода из своего предыдущего равновесного состояния в результате внешнего шока.

В ряде работ [9] идея устойчивости трактуется как «жизнестойкость», и рассматривается ее полезность для понимания реакции региональных экономик на крупные рецессионные потрясения. При этом утверждается, что понятие устойчивости может быть с пользой объединено с понятием гистерезиса (запаздывания), что дает более полное понимание возможных реакций региональной экономики на крупные рецессии.

Используя определения, представленные в *табл. 1*, попытаемся структурировать взаимосвязь понятий адаптивность, устойчивость и резильентность регионального развития.

Таблица 1. **Трактовки понятий «устойчивость» – «резильентность»**

Авторы	Определяющий фактор	Содержание понятия
Holling [8]	Способность системы демпфировать шок	Резильентность – своеобразная «буферная емкость» системы (способность системы поглощать воздействия внешних шоков)
Rose, Liao [11]	Экономическое равновесие	Уровень устойчивости – степень, в которой региональная экономика способна поддерживать ранее существовавшее состояние, обычно принимаемое за равновесное
Xie, Rose, Li, He, Ali [12]	Инвестиции на реконструкцию	Экономическая устойчивость – способность экономики, характеризующаяся двумя аспектами: способностью к восстановлению и скоростью восстановления
Дементьев [2]	Адаптивность системы, как способность изменяться в ответ на шок	Устойчивость – адаптация региональной экономики к новым условиям, восстановление положительной динамики региональных показателей, темпы которых не обязательно достигают значений дошокового периода
Акбердина [1]	Акцент на внутренние способности системы	Резильентность – способность экономики полностью восстановиться после воздействия шоков за счет внутренних адаптивных свойств
Михеева [4]	Три группы факторов: общенациональный шок; отраслевые шоки; региональные факторы	Устойчивость регионов рассматривается как способность адаптации их экономик к новым условиям, восстановления положительной динамики региональных показателей, темпы которых не обязательно достигают значений, характерных для дошокового периода
Martin [9]	Объединение понятий «жизнестойкость» и «гистерезис»	Способность экономики с определенной задержкой адаптировать свою структуру для поддержки приемлемого роста производства, занятости и благосостояния
Hill, Wial, Wolman [7]	Равновесный анализ	Способность экономики справляться с шоками, которые стремятся либо замедлить, либо сильно ограничить потенциал ее роста
Источник: составлено автором		

Общая концепция устойчивости была предложена впервые экологами более 50 лет назад (см., например, [8]). Позднее она была адаптирована (переосмыслена) для краткосрочных катастроф, затем распространена на адаптацию к долгосрочному изменению климата. С 2010-х гг. понятия устойчивости и резильентности стали все шире применяться в стратегических документах международных организаций таких, как новая трактовка безопасности в ситуации шоков. В рамках ОЭСР резильентность – это способность системы к мобильной перегруппировке своих элементов и ключевых ресурсов для достижения динамической устойчивости на новом уровне развития в ответ на внезапные внутренние или внешние возмущения [5].

Тем не менее, трудно не согласиться с Rose [10], отмечающим, что «некоторые определения устойчивости (резильентности) настолько широки, что делают этот термин

бессмысленным». Точное определение важно, поскольку без этого понятия «устойчивости» и «резильентности» рискуют превратиться в пустые модные слова из-за чрезмерного использования и двусмысленности, содержащейся в самом переводе термина *economic resilience*, подразумевающего синонимы «упругость» и «устойчивость».

Подчеркнем, что сравнение с родственными концепциями понятий устойчивости и резильентности, состоит не в том, чтобы заявить, что определения какого-то конкретного автора верны, а определения других – нет. Фактически, идея состоит в том, чтобы сосредоточиться на точках согласия и включить работы других авторов в формулировки понятий адаптации, устойчивости и резильентности регионального экономического развития.

Адаптация регионального развития к шоковому воздействию представляет комплексный процесс, объединяющий и процессы устойчивости (сопротивляемости региональной системы к экономическим шокам), и процесс резильентности (интенсивности восстановления экономики региона в пострецессионный период).

Нам импонирует подход Rose и Liao [11], определяющих экономическую устойчивость как способность субъекта или системы поддерживать функцию (например, продолжать производство) в условиях шока. Такая трактовка соответствует фундаментальной экономической проблеме – эффективному распределению ресурсов, которая усугубляется в условиях катастроф. При этом целесообразно согласиться с Акбердиной [1, с. 1416], полагающей, что устойчивость (сопротивляемость) является действием предсобытийного характера, направленным на смягчение последствий будущих кризисов.

В отличие от устойчивости, резильентность, понимаемая как «упругость» региональной экономической системы, обеспечивает «отскок», скорость восстановления дошоковых параметров развития системы и является свойством, имеющим постсобытийный характер [12].

Большинство исследователей рассматривают шоки как нарушение траектории экономического развития и концентрируются на возможностях экономических систем к возврату в докризисное состояние.

В российской и зарубежной литературе значительное внимание уделяется обсуждению индикаторов адаптивности (устойчивости и резильентности) регионального развития в период кризисов. Для оценки применяются различные как по качественному, так и по количественному составу индикаторы. Иногда это могут быть 1–2 показателя, в качестве которых часто используются «валовой региональный продукт» или «занятость населения» [1; 2; 4]. В других случаях – множество индикаторов, которые группируются по конкретным направлениям.

Для оценки устойчивости (сопротивляемости) региональных экономик чаще всего соотносят фактические данные собственного тренда региона и темпов роста (падения) вышестоящего макрорегиона, например, РФ или федерального округа [2; 4], а об уровне резильентности можно судить по темповым характеристикам индикаторов [2, с. 40].

Выделяют два подхода к построению индексов и индикаторов [6]. Первый подход предусматривает построение системы индикаторов (индексов), с помощью которых можно судить об отдельных аспектах регионального развития в части возникающих проблем, для чего в исследованиях подобные системные индикаторы обычно подразделяются на ряд групп: социально-экономические; эколого-экономические; социально-экологические.

Применение второго подхода предусматривает построение интегральных, агрегированных индексов, с помощью которых предпринимаются попытки комплексных оценок состояния развития страны (или региона). При этом следует стремиться избегать главной проблемы, возникающей при «сворачивании» отдельных индикаторов в комплексный индекс. Основная трудность при агрегировании информации в комплексный индекс состоит в определении весов исходных показателей без утраты значимости и без излишней субъективности со стороны экспертов [3].

Усиление интереса в среде ученых-регионалистов к анализу процесса адаптации регионов к шоковому воздействию, включая оценку уровней устойчивости и резильентности региональных систем, объясняется новыми экономическими вызовами, инициированными внезапными глобальными и локальными финансовыми, экономическими, а также

внеэкономическими (пандемия) шоками. Выполненный анализ позволил уточнить понятийный аппарат, используемый для разработки методологии адаптивного развития.

Библиографический список

1. Акбердина В.В. (2021). Факторы резильентности в российской экономике: сравнительный анализ за период 2000–2020 гг. // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. Т. 17. № 8(401). С. 1412–1432.
2. Дементьев В.Е. (2024). О способности регионов адаптироваться к разным внешним шокам // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 17. № 3. С. 36–49. DOI: 10.15838/esc.2024.3.93.2
3. Леоно С.Н. (2024). Методологические проблемы формирования и применения интегральных территориальных индексов // Регионалистика. Т. 11. № 1. С. 60–68. DOI: 10.14530/reg.2024.1.60
4. Михеева Н.Н. (2021). Устойчивость российских регионов к экономическим шокам // Проблемы прогнозирования. № 1(184). С. 106–118.
5. Никулкина И.В., Гордячкова О.В., Калаврий Т.Ю., Вандерлинден Ж.-П. (2022). Резильентность социально-экономических систем: методологический аспект // Вопросы инновационной экономики. Т. 12. № 1. С. 659–668.
6. Фролов В.И., Агафонова Е.О. Методические подходы к разработке показателей устойчивого развития сельских территорий. URL: https://lib.usue.ru/reso urce/free/12/s353.pdf
7. Hill E., Wial H., Wolman H. (2008). Exploring regional economic resilience. Working Paper, 04, University of California, Institute of Urban and Regional Development (IURD), Berkeley, CA. DOI: 13140/RG.2.1.5099.4000
8. Holling C.S. (1973). Resilience and Stability of Ecological Systems. Annual Review of Ecology and Systematics, 4, pp. 1–23.
9. Martin R. (2012). Regional economic resilience, hysteresis and recessionary shocks. Journal of Economic Geography, 12(1), 1–32. DOI: 10.1093/jeg/lbr019
10. Rose A. (2007). Economic resilience to natural and man-made disasters: Multidisciplinary origins and contextual dimensions. Environmental Hazards, 7(4), pp. 383–398.
11. Rose A., Liao S.Y. (2005). Modeling Regional Economic Resilience to Disasters: A Computable General Equilibrium Analysis of Water Service Disruptions. Journal of regional science, 45(1), pp. 75–112.
12. Wei X., Adam R., Li S. , He J.W., Li N. , Ali T. (2018). Dynamic Economic Resilience and Economic Recovery from Disasters: A Quantitative Assessment. Risk Analysis. An International Journal, 38(6), pp. 1306–1318.

Информация об авторе

Леонов Сергей Николаевич – доктор экономических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института экономических исследований ДВО РАН (Российская Федерация, 680042, Хабаровск-42, ул. Тихоокеанская, д. 153; e-mail: Leonov@ecrin.ru).

Leonov S.N.

APPROACHES TO ASSESSING THE ADAPTIVE ABILITIES OF REGIONS IN CONDITIONS OF TURBULENCE

Abstract. *It is shown that the methodology for assessing regional adaptability is based on the identification of two groups of factors: stability, which implies the ability of the economy to maintain size and structure after a deforming impact, and resilience ("elasticity"), which takes into account the ability of the regional economy to recover during a transformational recession.*

Keywords: *adaptability, resilience, stability, economic shock.*

About the author

Sergey N. Leonov – Doctor of Economics, Professor, Leading Researcher at the Institute of Economic Research of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (153, Pacific, Khabarovsk-42, 680042, Russian Federation; e-mail: Leonov@ecrin.ru).

References

1. Akberdina V.V. (2021). Factors of resilience in the Russian economy: a comparative analysis for the period 2000–2020. National interests: Priorities and security, 17, 8(401), pp. 1412–1432.
2. Dementyev V.E. (2024). On the ability of regions to adapt to various external shocks. Economic and social changes: facts, trends, forecast, 17(3), pp. 36–49.
3. Leonov S.N. (2024). Methodological problems of the formation and application of integral territorial indexes. Regionalistics, 11(1), pp. 60–68.
4. Mikheeva N.N. (2021). The resilience of Russian regions to economic shocks. Problems of forecasting, 1(184), pp. 106–118.
5. Nikulkina I.V., Gordyachkova O.V., Kalavri T.Yu., Vanderlinden J.-P. (2022). The resilience of socio-economic systems: a methodological aspect. Issues of innovative economics, 12(1), pp. 659–668. DOI: 10.18334/vinec. 12.1.114087
6. Frolov V.I., Agafonova E.O. Methodological approaches to the development of indicators of sustainable rural development. Available at: https://lib.usue.ru/resource/free/12/s353.pdf
7. Hill E., Wial H., Wolman H. (2008). Exploring regional economic resilience. Working Paper, 04, University of California, Institute of Urban and Regional Development (IURD), Berkeley, CA. DOI: 13140/RG.2.1.5099.4000
8. Holling C.S. (1973) Resilience and Stability of Ecological Systems. Annual Review of Ecology and Systematics, 4, pp. 1–23.
9. Martin R. (2012). Regional economic resilience, hysteresis and recessionary shocks. Journal of Economic Geography, 12(1), pp. 1–32. DOI: 10.1093/jeg/lbr019
10. Rose A. (2007). Economic resilience to natural and man-made disasters: Multidisciplinary origins and contextual dimensions. Environmental Hazards, 7(4), pp. 383–398.
11. Rose A., Liao S.Y. (2005). Modeling Regional Economic Resilience to Disasters: A Computable General Equilibrium Analysis of Water Service Disruptions. Journal of regional science, 45(1), pp. 75–112.
12. Wei X., Adam R., Li S., He J.W., Li N., Ali T. (2018). Dynamic Economic Resilience and Economic Recovery from Disasters: A Quantitative Assessment. Risk Analysis. An International Journal, 38(6), pp. 1306–1318.

УДК 316.65:332.145 / ББК 60.565.290:65.054

Микрюков В.О.

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ РАЗВИТИЯ ГОРОДСКИХ АГЛОМЕРАЦИЙ КАК ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ УСТОЙЧИВОСТИ ТЕРРИТОРИЙ В УСЛОВИЯХ ТУРБУЛЕНТНОСТИ

Аннотация. *В условиях глобальной неопределенности стратегическое развитие городских агломераций становится ключевой задачей для обеспечения устойчивого развития территорий. В статье анализируются проблемы стратегического планирования, включая недостаточную проработанность документов и низкий уровень участия гражданского общества. Мы предлагаем комплексный подход к улучшению стратегического управления, включая унифицированную методологию, специализированные органы и механизмы общественного участия.*

Ключевые слова: *стратегическое планирование, городские агломерации, устойчивое развитие, методология, общественное участие, межмуниципальное взаимодействие, информационные системы.*

В современных условиях глобальной неопределенности и экономической турбулентности проблема стратегического развития городских агломераций приобретает особую значимость. По данным Государственного доклада о развитии городских агломераций в Российской Федерации, в 2023 году более 56% населения страны проживает в агломерациях, что делает их ключевыми элементами пространственного развития государства [1]. При этом динамика демографических показателей свидетельствует о продолжении процессов урбанизации: согласно прогнозам Института социально-экономических исследований РАН, к 2030 году доля населения, проживающего в городских агломерациях, может достичь 65–70% [2].

В условиях санкционного давления и экономической нестабильности роль агломераций как драйверов регионального развития становится особенно важной. Исследования Фонда национальной эффективности показывают, что ведущие агломерации обеспечивают около 70% валового регионального продукта своих субъектов [3]. Однако существующие механизмы стратегического управления агломерациями часто не отвечают современным вызовам и требуют серьезной модернизации.

Особую актуальность данная проблема приобретает в контексте реализации национальных проектов и государственных программ, где городские агломерации выступают основными площадками для внедрения инновационных решений и достижения поставленных целей. По данным анализа Министерства экономического развития РФ, успешная реализация нацпроектов напрямую зависит от эффективности стратегического управления агломерациями [4].

Анализ эмпирических социологических исследований российских ученых подтолкнул автора к изучению данной темы еще более основательно. Проведенный анализ научных работ последних лет позволяет выделить несколько ключевых направлений исследований в области стратегического управления городскими агломерациями. Важнейшим исследованием является работа НИУ ВШЭ «Оценка эффективности стратегического управления в городских агломерациях» (2022 год), в которой проанализировано состояние стратегического планирования в 35 крупнейших агломерациях России [5]. Исследование показало, что только 37% существующих стратегий развития агломераций имеют четкие измеримые показатели достижения целей, а 28% документов не содержат конкретных механизмов реализации намеченных планов.

Исследования Института региональных проблем подтверждают эту тенденцию: около 45% стратегических документов содержат недостаточно проработанные механизмы реализации [6]. Авторы исследования также отмечают слабую связь между стратегическими документами различных уровней – федерального, регионального и муниципального.

Работа А.В. Мясникова и Е.А. Петренко «Методология стратегического управления городскими агломерациями» содержит подробный анализ проблем в данной сфере [7].

Исследователи выделяют следующие основные проблемы:

- отсутствие единой методологии разработки стратегий;
- низкий уровень участия заинтересованных сторон;
- недостаточная координация между муниципалитетами;
- отсутствие эффективных механизмов мониторинга и оценки результатов.

Исследование Центра урбанистики имени А.Г. Исаева фокусируется на анализе общественного участия в процессах стратегического планирования [8]. Результаты показывают, что менее 20% жителей агломераций осведомлены о существовании стратегических документов, а реальное участие в их разработке ограничивается 5–7% населения.

Таким образом, опираясь на анализ этих исследований, основные проблемы стратегического планирования в городских агломерациях можно систематизировать следующим образом:

1. Методологические проблемы:

- отсутствие единых стандартов разработки стратегических документов;
- необходимость создания системы ключевых показателей эффективности (KPI) для оценки результатов реализации стратегий развития городов и городских агломераций;
- отсутствие четких критериев оценки качества стратегических документов.

2. Организационные проблемы:

- недостаточный уровень межмуниципального взаимодействия;
- отсутствие специализированных органов управления агломерациями;
- неразвитая система координации деятельности различных уровней власти.

3. Социальные проблемы:

- ограниченное участие гражданского общества;
- низкая информированность населения о стратегических документах;
- отсутствие механизмов обратной связи между населением и органами власти.

4. Институциональные проблемы:

- недостаточная правовая регламентация процессов стратегического планирования;
- отсутствие эффективных механизмов финансирования стратегических проектов;
- неформализованные процедуры принятия решений.

Мы считаем необходимым внедрение комплексного подхода к стратегическому планированию развития городских агломераций, включающего четыре основных блока:

1. Методологический блок:

- разработка унифицированной методологии создания стратегических документов с учетом специфики каждого типа агломераций;
- внедрение системы ключевых показателей эффективности (KPI) для оценки результатов реализации стратегий;
- создание информационной системы мониторинга и контроля исполнения с использованием цифровых технологий;
- установление обязательных требований к качеству стратегических документов.

2. Организационный блок:

- установление обязательного механизма межмуниципального взаимодействия через создание специализированных органов управления агломерациями;
- формирование института общественных советов при органах власти с четко определенными полномочиями;
- разработка типовых положений об органах управления агломерациями;
- создание системы координации деятельности различных уровней власти.

3. Социальный блок:

• разработка механизмов активного общественного участия на всех этапах стратегического планирования;

• внедрение системы информирования населения о ходе реализации стратегических документов;

• создание каналов обратной связи между населением и органами власти;

• обеспечение широкого представительства всех заинтересованных сторон в процессе стратегического планирования.

4. Институциональный блок:

• создание федерального центра компетенций по стратегическому планированию с региональными филиалами;

• обеспечение долгосрочного финансирования стратегических проектов через специальные фонды развития;

• разработка нормативно-правовой базы в сфере управления агломерациями с учетом международного опыта;

• внедрение системы сертификации специалистов в области стратегического управления.

На основе проведенного анализа и выявленных проблем становится возможным предложить следующий комплекс практических мер, направленных на совершенствование механизма стратегического планирования развития городских агломераций:

1. Внедрение системы сертификации стратегических документов.

С учетом отмеченной в исследовании НИУ ВШЭ недостаточной проработанности существующих стратегических документов [5], представляется целесообразным создание трехуровневой системы сертификации:

Первый уровень – проверка соответствия базовым требованиям (наличие четко сформулированных целей, задач, показателей, механизмов реализации).

Второй уровень – экспертная оценка содержательного наполнения (адекватность поставленных целей, релевантность выбранных показателей, реалистичность предлагаемых механизмов).

Третий уровень – финансово-экономическая экспертиза (бюджетная обеспеченность проекта, экономическая эффективность мероприятий, инвестиционная привлекательность).

2. Создание специализированных органов управления агломерациями.

Для преодоления проблемы недостаточного межмуниципального взаимодействия следует рассмотреть возможность институализировать органы управления агломерациями с определенным набором функциональных обязанностей:

• координация деятельности муниципальных образований в рамках агломерации;

• контроль за реализацией стратегических проектов и программ;

• организация общественного участия во всех этапах стратегического планирования;

• мониторинг достижения целевых показателей и оперативное принятие корректирующих решений.

3. Формирование механизма общественного участия.

В соответствии с данными исследования Центра урбанистики имени А.Г. Исаева [8], для повышения уровня гражданского участия необходимо, по нашему мнению, внедрить следующие элементы:

• регулярные публичные слушания с четко регламентированным порядком проведения;

• интегрированную электронную платформу для сбора и учета мнений населения;

• систему формирования рабочих групп с представительством всех заинтересованных сторон;

• публикацию аналитических отчетов об учете общественного мнения при принятии решений.

4. Разработка информационной системы мониторинга.

С учетом необходимости цифровизации процессов стратегического планирования предлагается создать комплексную информационную систему, включающую:

- единую базу данных по всем стратегическим проектам и программам;
- модуль автоматизированного мониторинга исполнения с использованием технологий Big Data;
- аналитический инструментарий для прогнозирования и оценки результатов;
- интерактивную панель управления для оперативного принятия решений.

5. Обеспечение долгосрочного финансирования.

Для решения вопроса финансовой устойчивости стратегических проектов рекомендуется создать специальный фонд развития агломераций на основе следующих принципов:

- многоукладное финансирование (государственные бюджеты + частные инвестиции);
- проектное финансирование с четкими условиями возвратности средств;
- гарантийный механизм для привлечения внешних инвесторов;
- система оценки и управления рисками реализации проектов.

По нашему мнению, необходимо дорабатывать нормативно-правовую базу (так как в городскую агломерацию часто входит не один город), также на высшем государственном уровне необходимо заниматься формированием кадрового потенциала управленцев городскими агломерациями.

В заключении отметим, что стратегическое планирование развития городских агломераций является ключевым инструментом обеспечения устойчивого развития территорий в условиях современной турбулентности. Однако для повышения его эффективности необходимо решить ряд существующих проблем, связанных с методологической, организационной, социальной и институциональной составляющими процесса. Реализация предложенных автором мер позволит существенно повысить качество стратегического планирования и обеспечить более эффективное развитие городских агломераций. При этом важно подчеркнуть, что успех преобразований напрямую зависит от уровня профессиональной подготовки специалистов в области стратегического управления и готовности всех участников процесса к изменениям.

Библиографический список

1. Государственный доклад о развитии городских агломераций в Российской Федерации (2023). М.: Минстрой России. 146 с.
2. Прогноз демографического развития городских агломераций (2023). М.: Институт социально-экономических исследований. 98 с.
3. Анализ роли агломераций в развитии регионов. (2022). М.: Фонд национальной эффективности. 122 с.
4. Оценка влияния стратегического управления агломерациями на реализацию нацпроектов. (2023). М.: Минэкономразвития России. 78 с.
5. Оценка эффективности стратегического управления в городских агломерациях. (2022). М.: НИУ ВШЭ. 112 с.
6. Исследование проблем межмуниципального взаимодействия в городских агломерациях. (2022). М.: Институт региональных проблем. 86 с.
7. Мясников А.В., Петренко Е.А. (2022). Методология стратегического управления городскими агломерациями // Вестник государственной службы. № 3. С. 45–58.
8. Анализ общественного участия в стратегическом планировании агломераций. (2023). М.: Центр урбанистики имени А.Г. Исаева. 106 с.

Информация об авторе

Микрюков Владимир Олегович – доцент кафедры социологии Финансового университета при Правительстве РФ, кандидат философских наук, доцент (Российская Федерация, 125167, г. Москва, пр-т Ленинградский, д. 49/2; e-mail: mikryukov.v.o@gmail.com).

STRATEGIC PLANNING FOR THE DEVELOPMENT OF URBAN AGGLOMERATIONS AS A FACTOR IN ENSURING THE SUSTAINABILITY OF TERRITORIES IN CONDITIONS OF TURBULENCE

Abstract. *In the context of global uncertainty, the strategic development of urban agglomerations becomes a key task for ensuring the sustainable development of territories. The article analyzes the problems of strategic planning, including the insufficient elaboration of documents and the low level of civil society participation. The author proposes a comprehensive approach to improving strategic management, including a unified methodology, specialized bodies, and mechanisms for public participation.*

Keywords: *strategic planning, urban agglomerations, sustainable development, methodology, public participation, inter-municipal interaction, information systems.*

About the author

Vladimir O. Mikryukov – Associate Professor of the Department of Sociology at the Financial University under the Government of the Russian Federation, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor (49/2, Leningradsky Prospect, Moscow, 125167, Russian Federation; e-mail: mikryukov.v.o@gmail.com).

References

1. State Report on the Development of Urban Agglomerations in the Russian Federation. (2023). Moscow: Ministry of Construction of Russia. 146 p.
2. Forecast of Demographic Development of Urban Agglomerations. (2023). Moscow: Institute of Socio-Economic Research. 98 p.
3. Analysis of the Role of Agglomerations in Regional Development. (2022). Moscow: National Efficiency Fund. 122 p.
4. Assessment of the Impact of Strategic Management of Agglomerations on the Implementation of National Projects. (2023). Moscow: Ministry of Economic Development of Russia. 78 p.
5. Evaluation of the Effectiveness of Strategic Management in Urban Agglomerations (2022). Moscow: National Research University Higher School of Economics. 112 p.
6. Study of Inter-Municipal Interaction Problems in Urban Agglomerations. (2022). Moscow: Institute of Regional Problems. 86 p.
7. Myasnikov A.V., Petrenko E.A. (2022). Methodology of Strategic Management of Urban Agglomerations. Bulletin of Public Service, 3, pp. 45–58.
8. Analysis of Public Participation in the Strategic Planning of Agglomerations. (2023). Moscow: A.G. Isaev Urban Studies Center. 106 p.

УДК 332.02 / ББК 65.050

Михалко Н.Н.

ИНИЦИАТИВНОЕ БЮДЖЕТИРОВАНИЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА РЕГИОНАЛЬНОМ И МЕСТНОМ УРОВНЕ ВЛАСТИ (НА ПРИМЕРЕ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ)

Аннотация. *Ключевой тенденцией в сфере инициативного бюджетирования с 2018 года остается активное развитие данного механизма на местном уровне власти. Результаты исследования показали, что Вологодская области следует общероссийским трендам, однако существуют региональные особенности.*

Ключевые слова: *инициативное бюджетирование, партисапативный бюджет, народный бюджет, местное самоуправление, софинансирование.*

Инициативное бюджетирование (далее – ИБ) активизирует участие граждан в определении приоритетов расходования средств бюджетов разных уровней, поддерживает инициативы жителей в решении вопросов местного значения, повышает эффективность бюджетных расходов, усиливает функции общественного контроля, повышает открытость и прозрачность деятельности органов местного самоуправления и региона, развивает взаимодействие органов местного самоуправления с населением, повышает бюджетную грамотность населения и др. Исходя из отмеченной значимости инициативного бюджетирования формируется следующая цель исследования – сопоставить практику Вологодской области с общероссийскими трендами.

Информационной базой послужила научная литература, посвященная изучению инициативного бюджетирования, а также данные с официальных сайтов органов государственной и местной власти.

В научной среде нет единого подхода к понятию «Инициативное бюджетирование». С.В. Рыбакова в результате исследования данного вопроса приходит к выводу о том, что в науке бюджетного права несколько лет идет процесс формирования нового понятия – «инициативное бюджетирование», которое должно обобщить научные, практические и правовые подходы к бюджетированию [3, с. 12–13, 17–18]. В свою очередь, Д.А. Смирнов делает схожие выводы. Он считает, что в основе подобного рода противоречий лежит тот факт, что нормативное регулирование данных механизмов осуществляется именно на региональном уровне, где используется разные формулировки, которым, соответственно, даются свои различные определения [4, с. 148–149, 151–152].

Различные исследования Н.А. Шаповаловой и В.В. Вагина демонстрируют, что роль субъектов РФ значительно превалировала в вопросах инициативного бюджетирования. Однако отмечается, что именно в 2018 году зарождается и активно развивается муниципальное направление ИБ [1, с. 13–15; 2, с. 118-121; 5, с. 26, 29, 36].

В свою очередь, на национальном уровне как финансирование проектов инициативного бюджетирования, так и их количество растет пропорционально друг другу. Особого внимания заслуживает тот факт, что соотношение финансирования 2023 года к 2015 году значительно выше, чем количество практик (24,5 и 17,7 соответственно). Это может свидетельствовать нам о том, что в России не только увеличивается количество практик ИБ, но и суммы их поддержки. Анализируя данные графика, выявлено, что до 2018 года региональные проекты инициативного бюджетирования играли большую роль, чем муниципальные.

Начиная с 2019 года количество местных практик превышает количество практик регионов. При том данная тенденция сохраняется весь рассматриваемый период до 2023 года. Так количество местных практик за 2018–2023 гг. увеличилось в 4,3 раза, когда как региональных только в 1,5 раза (*рис. 1*).

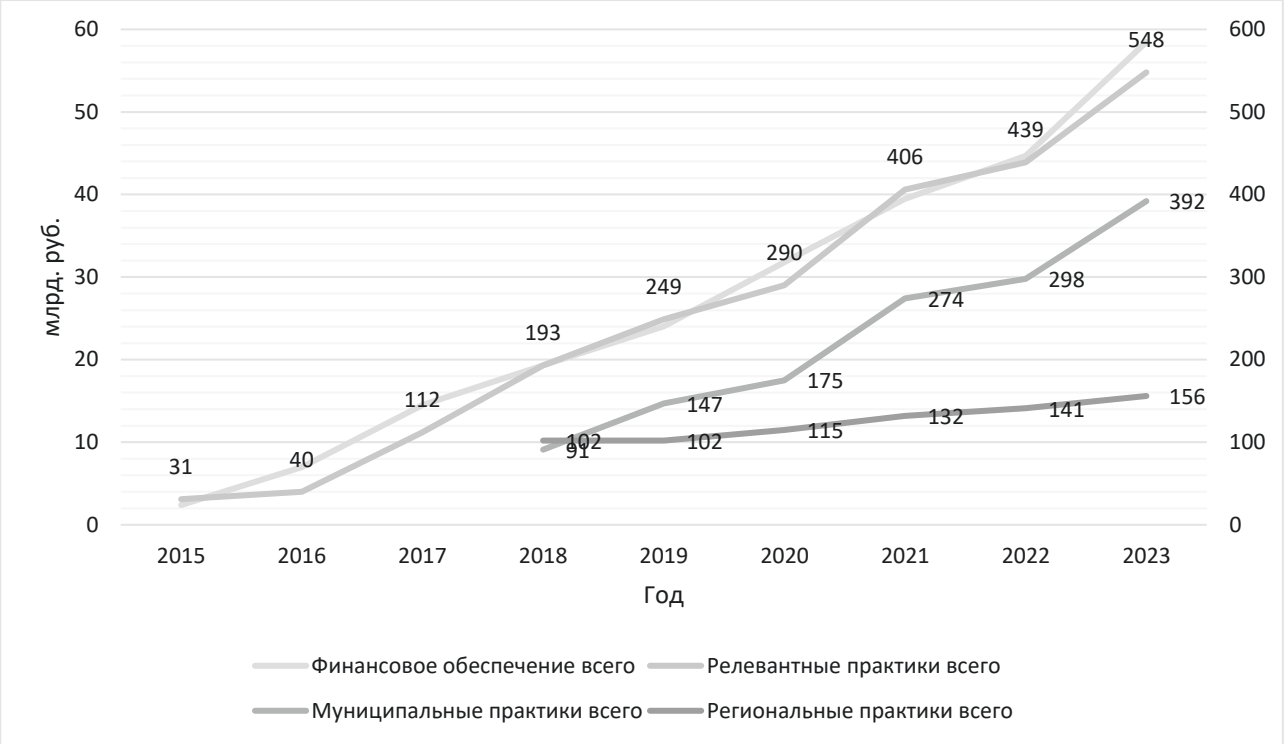

Рисунок 1. **График финансового обеспечения проектов инициативного бюджетирования в России 2015–2023 гг**.

Источник: составлено автором на основе доклада о лучших практиках развития инициативного бюджетирования в субъектах Российской Федерации и муниципальных образованиях МинФина России за 2024 год.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что национальными тренды, в основном, следующие: увеличение реализуемых проектов на всех уровнях и, соответственно, их финансирования. При этом выявлено, что особенно активно развиваются практики инициативного бюджетирования на муниципальном уровне.

Рассмотрим практику инициативного бюджетирования Вологодской области и сравним ее с общероссийскими трендами. Ключевой областной проект ИБ на Вологодчине – «Народный бюджет». Он стартовал в 2015 году и успешно реализуется по настоящее время. К участию принимаются заявки не только от НКО и различных обществ / объединений, но и инициативных групп. При этом, начиная с 2020 года, доля областного финансирования составляет 70%. Остальные 30% должны быть профинансированы муниципалитетом или бизнесом. Однако 5% обязательно должны предоставить именно физические лица[1].

Анализ данных *табл. 1* позволяет выявить, что на протяжении всего рассмотренного периода с 2016 по 2023 гг. наблюдается рост всех показателей. Так, количество конкурсных заявок с 2016 по 2023 гг. увеличилось в 10 раз, что свидетельствует о востребованности проекта со стороны населения. В свою очередь, размер субсидий растет пропорционально количеству поддержанных проектов (в 25 и 8,9 раз соответственно). Однако нельзя не отметить, что данная областная программа отмечена с положительной точки зрения федеральными властями. Так, в 2023 году Вологодская область вошла в 10 лучших регионов по количеству участников интернет-голосования по проектам инициативного бюджетирования[2].

[1] Официальный портал правительства Вологодской области URL: https://vologda-oblast.ru/narodnyy-byudzhet/

[2] Доклад о лучших практиках развития инициативного бюджетирования в субъектах Российской Федерации и муниципальных образованиях МинФина России за 2024 г.

Таблица 1. **Информация по проекту «Народный бюджет» за 2016–2023 гг., Вологодская область**

Год	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	Увеличение, в раз
Количество конкурсных заявок, ед.	221	407	490	835	984	1567	2107	2229	10,1
Количество проектов, получивших субсидию, ед.	155	373	458	818	976	1472	1335	1373	8,9
Размер субсидии, выделенной из областного бюджета, млн руб.	20	50	60	90	170	305,8	405,8	500	25,0
Средняя сумма на один поддержанный проект, тыс. руб.	129	134	131	110	174	208	304	364	2,8
Источник: Разработано автором на основе данных официального портала правительства Вологодской области. URL: https://vologda-oblast.ru/narodnyy-byudzhet/									

В контексте данного исследования представляется необходимым рассмотреть практики инициативного бюджетирования на местном уровне. Проект «Народный бюджет» г. Череповца заслуживает отдельного внимания. Реализация данного проекта отмечена на федеральном уровне. Так, в 2023 году Череповец вошел в пятерку лидеров по муниципальным расходам на инициативное бюджетирования и занял 3 место по России по количеству реализованных проектов[3]. В *табл. 2* представлены показатели по проекту, исходя из которых можно сделать вывод о том, что муниципальные программы следуют общероссийским тенденциям. Количество реализованных проектов по программе «Народный бюджет» в Череповце в 2023 году в сравнении с 2016 годом увеличилось в 4,7 раз. Активный рост наблюдается по объемам финансирования (увеличение почти в 32 раза за этот же период). Соответственно, возрастает средняя сумма на один проект (почти в 7 раз).

Таблица 2. **Объемы финансирования проекта «Народный бюджет (Народная программа)» г. Череповец, 2016–2023 гг.**

Год	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	Увеличение, в раз
Количество поддержанных проектов	7	12	20	39	1	26	7	33	4,7
Объемы финансирования, млн руб.	9,9	19,9	35,7	44,8	1	76,9	55	316,1	31,9
Средняя сумма на один поддержанный проект, тыс. руб.	1414	1658	1785	1149	1000	2958	7857	9579	6,8
Источник: Разработано автором на основе данных официального сайта мэрии города Череповца. URL: https://35cherepovets.gosuslugi.ru/ofitsialno/otkrytyy-byudzhet/narodnyy-byudzhet-narodnaya-programma/?ysclid-m697yyboqt991529564									

[3] Доклад о лучших практиках развития инициативного бюджетирования в субъектах Российской Федерации и муниципальных образованиях МинФина России за 2024 г.

В областной столице главным муниципальным проектом ИБ является «Народный бюджет ТОС». Исходя из данных табл. 3 видно, что вологодская практика, в отличие от череповецкой, не демонстрирует такой же стабильный рост. Так, к 2024 году количеству поддержанных проектов уменьшилось в 0,8 раз, а по объемы финансирования – в 0,9 раз. Положительная тенденция наблюдается только по средней сумме финансирования на 1 проект (в 1,1 раз). Сама динамика показателей показывает активный рост в 2023 году, однако уже в 2024 году они немного превышают данные 2021 года.

Таблица 3. **Объемы финансирования проекта «Народный бюджет ТОС» г. Вологда за 2020–2024 гг.**

Год	2020	2021	2023	2024	Увеличение, в раз
Количество задействованных ТОС, шт.	30	34	28	30	1,0
Количество поддержанных проектов, шт.	36	34	36	30	0,8
Объемы финансирования, млн руб.	43,7	38,2	74,9	39,4	0,9
Средняя сумма на один поддержанный проект, тыс. руб.	1214	1124	2081	1313	1,1
Источник: Составлено автором на основе данных официального сайта администрации города Вологды. URL: https://vologda.gosuslugi.ru/ofitsialno/statistika/otkrytyy-byudzhet/tos/					

Представленные проекты не единственные, которые реализуются в Вологодской области. Например, в Вологодском районе с 2023 года также реализуется проект «Народный бюджет» (общий объем финансирования на 2024 год – 331 млн руб.)[4], в Великом Устюге и Шекснинском районе проект реализуется с 2015 года (общие объемы финансирования на 2024 год – 96 и 13 млн руб. соответственно), в Грязовецком районе программа стартовала в 2020 году (объем финансирования на 2024 год – 12 млн руб.) и т. д. По данным за 2024 год Кадуйский муниципальный округ единственный, в котором не реализуется практика ИБ (однако в 2025 году уже планируется реализовать ряд проектов). Стоит отметить, что инициативное бюджетирование в Вологодской области имеет сильную дифференциацию. Так, например, Вологодский, Никольский, Великоустюгский и Череповецкий округа / районы реализуют куда большие объемы средств, чем другие.

Подводя итоги, можно сделать вывод о том, что инициативное бюджетирование – это эффективный механизм для решения местных проблем и задач и для поддержки различных инициатив. Однако и в правовой, и в научной сфере нет единого подхода к пониманию данного процесса. Тем не менее выделяются основные черты: участие населения, софинансирование, конкурсная основа и т. д. В свою очередь, история инициативного бюджетирования в России показывает, что в начале своего становления механизмы ИБ распространялись на регионы, однако с 2018 года начинается активное развитие нового направления – муниципального инициативного бюджетирования. За весь рассмотренный период показатели по количеству практик и проектов только растут. В соответствии с ними наблюдается рост финансирования данных проектов. Общероссийские тенденции предполагают дальнейшее развитие всех направлений инициативного бюджетирования с акцентом на местный уровень. Вологодская область также следует данным тенденциям. Все большее количество муниципальных округов принимают программы инициативного бюджетирования наряду с областью.

[4] Портал органов местного самоуправления Вологодского муниципального округа URL: https://35vologodskij.gosuslugi.ru/deyatelnost/napravleniya-deyatelnosti/otkrytyy-byudzhet/narodnyy-byudzhet/?ysclid=m6eovyk 2ab76290597

Библиографический список

1. Вагин В.В., Шаповалова Н.А. (2016). Инициативное бюджетирование и смежные практики // Финансовая аналитика: проблемы и решения. № 38(320). С. 2–19.
2. Вагин В.В., Шаповалова Н.А. (2018). Состояние инициативного бюджетирования в Российской Федерации: новые тренды и возможности развития // Финансовый журнал. № 1(41). С. 110–122.
3. Рыбакова С.В. (2022). Инициативное бюджетирование как новая категория бюджетного права // Финансовое право. № 5. С. 12–18.
4. Смирнов Д.А. (2021). Финансово-правовое регулирование инициативного бюджетирования в субъектах РФ // Правовая политика и правовая жизнь. № 1. С. 148–155.
5. Шаповалова Н.А. (2020). Муниципальные практики инициативного бюджетирования: характеристика и механизмы поддержки // Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте. Серия 1. Экономика и управление. № 4(35). С. 24–38.

Информация об авторе

Михалко Николай Николаевич – инженер-исследователь, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: mihalcko.kolya@yandex.ru).

Mikhalko N.N.

INITIATIVE BUDGETING IN THE RUSSIAN FEDERATION AT THE REGIONAL AND LOCAL GOVERNMENT LEVELS (ON THE EXAMPLE OF THE VOLOGDA OBLAST)

Abstract. *The key trend in the field of initiative budgeting since 2018 remains the active development of this mechanism at the local government level. The results of the study showed that the Vologda Oblast follows all-Russian trends, but there are regional peculiarities.*

Keywords: *initiative budgeting, participatory budget, national budget.*

About the author

Nikolay N. Mikhalko – Research engineer, Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (56a, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: mihalcko.kolya@yandex.ru).

References

1. Vagin V.V., Shapovalova N.A. (2016). Initiative budgeting and related practices. Financial analytics: problems and solutions, 38(320), pp. 2–19.
2. Vagin V.V., Shapovalova N.A. (2018). The state of initiative budgeting in the Russian Federation: new trends and development opportunities. Financial Journal, 1(41), pp. 110–122.
3. Rybakova S.V. (2022). Initiative budgeting as a new category of budget law. Financial law, 5, pp. 12–18.
4. Smirnov D.A. (2021). Financial and legal regulation of initiative budgeting in the subjects of the Russian Federation. Legal policy and legal life, 1, pp. 148–155.
5. Shapovalova N.A. (2020). Municipal practices of initiative budgeting: characteristics and support mechanisms. Bulletin of the SUE Witte Moscow University. Series 1. Economics and Management, 4(35), pp. 24–38.

УДК 330.342.3 / ББК 65.30

Незбудей В.А.

ИНДИКАТОРЫ ОЦЕНКИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ОРГАНИЗАЦИЙ НЕФТЕДОБЫВАЮЩЕЙ ОТРАСЛИ

Аннотация. *В настоящее время на фоне продолжающегося санкционного давления на российскую нефтяную отрасль сохраняет важность процесс оценки экономической безопасности компаний данной отрасли. В статье рассмотрены показатели, которые позволяют получить объективную информацию об уровне экономической безопасности организаций нефтедобывающей отрасли.*

Ключевые слова: *экономическая безопасность, нефтяная отрасль, углеводороды, санкционное давление, экспорт.*

Обеспечение экономической безопасности нефтяной отрасли РФ до сих пор является ключевым вопросом как отечественной экономики, так и экономики ряда зарубежных государств. Речь в данном случае может идти как об обеспечении финансовой устойчивости функционирования нефтяных компаний РФ, так и об обеспечении физической безопасности нефтяной инфраструктуры в целом.

В настоящее время основным импортером российской нефти является Индия, которая в марте 2025 года возобновила объемы импорта нефти после ведения дополнительных санкционных ограничений со стороны США в январе 2025 года. [4]. Также крупным импортером российской нефти традиционно является Китай. Однако, по сообщениям некоторых информационных агентств, китайские компании приостановили закупку российской нефти после введения санкций со стороны США в январе 2025 года по отношению к компаниям «Газпром нефть» и «Сургутнефтегаз» [3]. Так, крупнейшая нефтяная компания Китая PetroChina [2] только сократила объемы поставок нефти в то время, как вторая по величине нефтяная компания КНР – Sinopec полностью отказалась от импорта российских нефтепродуктов в марте 2025 года. Ситуация с сокращением закупок со стороны китайских компаний связана, в первую очередь, с тем, что действующие мощности трубопровода по состоянию на август 2024 года загружены в полном объеме [7]. Таким образом, увеличение поставок в действующих условиях возможно за счет морских поставок нефти. Однако из-за ужесточения санкций со стороны США время транспортировки нефтепродуктов значительно увеличилось и занимает больше месяца [1].

Также не стоит забывать и о продолжающихся поставках нефти в европейский страны, в частности, в Венгрию [5] и Словакию [6], которые продолжают импортировать российскую нефть в связи с большой зависимостью экономик данных государств от российских углеводородов. Ситуация с поставками нефти в данные страны оказалась обратной, нежели с китайскими компаниями, поскольку в марте 2025 года в полном объеме были восстановлены поставки углеводородов по нефтепроводу «Дружба». Объемы поставок по данному нефтепроводу ранее были снижены ввиду технических ограничений.

Поэтому в настоящее время важно учитывать факторы устойчивости отечественных нефтяных компаний к новым ограничениям, вводимым со стороны западных стран. Поскольку мы видим, что, несмотря на смягчение риторики в отношении РФ со стороны США, серьезные ограничения со стороны предыдущей американской администрации по отношению к нефтяному сектору РФ не были отменены. В настоящее время звучат только заявления о намерениях

ослабить данные ограничения, однако на практике российские компании вынуждены решать проблемы новых ограничений, введенных со стороны западных стран.

Способность нефтяных компаний РФ справиться с таким давлением может характеризоваться категорией «экономическая безопасность», поскольку она подразумевает под собой обеспечение эффективного использования ресурсов организации, которые могут быть направлены на уменьшение влияния как внутренних, так и внешних угроз деятельности компании, которая обеспечивается уполномоченными лицами организации.

В настоящее время существует достаточно большой перечень подходов к оценке экономической безопасности. Рассмотрим ресурсно-функциональный подход. В большинстве методик в рамках данного подхода, функционирование компании подразделяется на составляющие деятельности, которые могут именоваться по-разному, но в большинстве своем имеют схожую структуру, поскольку характеризуют эффективность подходов к процессу реализации продукции, а также способов балансирования использования собственных и заемных ресурсов. Условно обозначим данную категорию как финансовую составляющую. Составляющую деятельности компании, характеризующую эффективность процесса добычи углеводородов и реализации продукции (по срокам, условиям поставок и т. д.), обозначим как производственную. Составляющую деятельности компаний, определяющую эффективность использования оборудования, процесса его обновления и степени износа, обозначим как технологическую. Последняя составляющая деятельности характеризует эффективность использования потенциала сотрудников компаний, т. е. это кадровая составляющая.

Рассмотрим показатели для оценки экономической безопасности на примере методики А. Яниогло [8] по их распределению в рамках составляющих деятельности организации.

1. Финансовая составляющая:

• Коэффициент автономии – характеризует соотношение собственного капитала к общему его объему; позволяет оценить, насколько компания рассчитывает в своей деятельности на заемные средства.

• Коэффициент обеспеченности собственными оборотными средствами – характеризует, насколько оборотные средства обеспечены собственными источниками. Данный показатель не столь информативен для нефтяных компаний, так как он зачастую имеет отрицательное значение ввиду значительного объема внеоборотных активов, куда включается оборудование для добычи, различные сооружения, транспортные средства и т. д.

• Коэффициенты текущей и абсолютной ликвидности – характеризуют достаточность объема абсолютно ликвидных активов (денежные средства, краткосрочные финансовые вложения) и быстро реализуемых активов (краткосрочная дебиторская задолженность), которые используются для погашения краткосрочной задолженности.

• Значение z-счета пятифакторной модели Э. Альтмана характеризует вероятность банкротства компании. Применение данного показателя для нефтяных компаний может вызывать некоторые затруднения при интерпретации результата. Поскольку при использовании данного показателя, при анализе деятельности нефтяных компаний с государственным участием, получаемые результаты зачастую свидетельствуют о предбанкротном состоянии нефтяных компаний. Это явно не соответствует действительности, поскольку при эффективной деятельности компаний с государственным участием и в случае возникновения ситуаций, при которых непрерывность деятельности компании будет ставиться под сомнение, со стороны государства будут оказаны меры поддержки для стабилизации ситуации.

2. Производственно-сбытовая составляющая:

• Коэффициент рентабельности продаж – характеризует эффективность процесса реализации продукции компании, которая зависит от объема себестоимости, влияющей на конечный финансовый результат, а также от стоимости барреля нефти, что оказывает влияние на получаемую выручку.

• Коэффициент рентабельности активов – оценивает эффективность использования активов компании, участвующих в производстве, и то, какая часть конечного финансового результата была получена от использования капитала компании.

• Коэффициент соотношения дебиторской и кредиторской задолженности – используется для описания подхода компании к процессу реализации продукции и того, какой политики компания придерживается: использует ли она отложенные платежи по реализованной продукции или же, наоборот, метод оплаты по фактической реализации продукции.

3. Технико-технологическая составляющая:

• Фондоотдача – характеризует эффективность использования оборудования в части производства продукции, какой объем выручки был получен от использования действующего оборудования.

• Коэффициент годности основных средств – характеризует степень износа оборудования, его физического устаревания. Позволяет проанализировать насколько компания обеспечивает контроль за уровнем использования оборудования.

• Коэффициент обновления основных средств – позволяет описать подход компании к процессу обновления оборудования, какая доля оборудования является новым, насколько компания нацелена на внедрение технологически новых решений.

4. Кадровая составляющая. Коэффициент постоянства кадров – характеризует текучесть кадров компании, позволяет описать, насколько условия, созданные на предприятии, способствуют сохранению кадрового состава в компании в течение долгого времени. Однако, с другой стороны, данный показатель не отражает насколько эффективен труд сотрудников компании в части влияния на конечный финансовый результат.

Таким образом, А. Яниогло определил ряд показателей, применение которых для нефтяных компаний стало бы затруднительным, в части интерпретации результатов с учетом специфики деятельности компании. На основе отмеченной выше информации о текущей ситуации на рынке нефтяных компаний и рассмотренных показателей, включенных в методику А. Яниогло, приведем уточненный авторский перечень показателей для оценки экономической безопасности нефтяных компаний, в *табл. 1.*

Таблица 1. **Показатели для авторской методики оценки экономической безопасности организаций нефтедобывающей отрасли**

Составляющая деятельности	Наименование показателя	Характеристика показателя
Финансовая составляющая	Коэффициенты автономии	Описано ранее в рамках статьи
	Текущая ликвидность	Описано ранее в рамках статьи
	Абсолютная ликвидность	Описано ранее в рамках статьи
	Коэффициент финансового левериджа	Отражает степень закредитованности предприятия: насколько объем заемных средств превышает собственные источники финансирования деятельности
	Коэффициент финансовой устойчивости	Показывает, насколько стабильна деятельность предприятия, поскольку учитывает соотношение собственных и долгосрочных заемных источников финансирования в их общем объеме, так как они являются наименее рискованными в плане использования для финансирования деятельности, поскольку даже заемная их часть может быть востребована в периоде, превышающем более 1 года
	Стоимость барреля реализуемой марки нефти	Позволяет проанализировать насколько основной продукт ведения деятельности, которым является нефть, может в полном объеме профинансировать операционную деятельность нефтедобывающих компаний без реализации политики по сокращению затрат, привлечения дополнительного финансирования в виде государственных субсидий или заемных средств
Производственная составляющая	Коэффициент рентабельности продаж	Описано ранее в рамках статьи
	Коэффициент рентабельности активов	Описано ранее в рамках статьи
	Коэффициент соотношения дебиторской и кредиторской задолженности	Описано ранее в рамках статьи
	Доля компании на рынке	Отражает степень устойчивости предприятия относительно основных конкурентов на рынке, а также потенциально возможных закладываемых результатов деятельности в прогнозируемом году
Технологическая составляющая	Коэффициент годности основных средств	Описано ранее в рамках статьи
	Коэффициент обновления основных средств	Описано ранее в рамках статьи
	Фондоотдача	Описано ранее в рамках статьи
	Доля исследований и разработок в общем объеме внеоборотных активов	Отражает степень устойчивости предприятия относительно основных конкурентов на рынке, а также потенциально возможных закладываемых результатов деятельности в прогнозируемом году
Кадровая составляющая	Производительность труда	Отражает, насколько эффективно работает кадровый состав предприятия при использовании оборудования, решении возникающих задач, что также позволит проанализировать насколько сотрудники компании, соответствуют необходимой квалификации
	Рентабельность персонала	Позволяет проанализировать не только эффективность функционирования непосредственно производственного персонала, но и управленческого персонала. Поскольку за управленческим персоналом остается процесс принятия решения относительно процесса производства того или иного вида продукции, относительно сохранения или изменения технологий и т. д.

По нашему мнению, уточненный набор показателей будет способствовать более точному описанию специфики деятельности нефтедобывающих компаний и объективной оценке их экономической безопасности, так как учитывает такие показатели, как стоимость барреля реализуемой марки нефти (необходима для анализа показателей выручки), доля компании на рынке (важный фактор для компаний, за исключением большой тройки лидеров «Роснефть», «Лукойл» и «Газпром нефть»), доля исследований и разработок в общем объеме внеоборотных активов (позволит проанализировать, насколько деятельность компании направлена на внедрение новых решений связанных с процессом добычи, для снижения влияния различного рода санкционного давления).

Исходя из всего вышесказанного, можно отметить, что под влиянием продолжающегося, а также в некоторых случаях возросшего санкционного давления со стороны западных стран, важным аналитическим инструментом остается оценка экономической безопасности. К особенностям деятельности компаний могут относиться климатические, санкционные, технологические, управленческие условия и другие факторы. Для того, чтобы обеспечить точность оценки разные авторы предлагают различные показатели, уделяя большее внимание специфике деятельности организации. С одной стороны, это позволяет обеспечить достаточно широкий спектр подходов к оценке экономической безопасности и, как следствие, взглядов на эффективность деятельности компаний, однако в то же время, возможна ситуация формирования различных выводов, поскольку отсутствует унификация используемых показателей.

Библиографический список

1. Bloomberg узнал о более долгой доставке партии российской нефти в Китай из-за санкций // Forbes. URL: https://www.forbes.ru/biznes/532756-bloomberg-uznal-o-bolee-dolgoj-dostavke-partii-rossijskoj-nefti-v-kitaj-iz-za-sankcij
2. Reuters сообщил об отказе госкомпаний Китая от российской нефти из-за санкций США // Forbes. URL: https://www.forbes.ru/biznes/532719-reuters-soobsil-ob-otkaze-goskompanij-kitaa-ot-rossijskoj-nefti-iz-za-sankcij-ssa?ysclid=m89nl7nhsx79367111
3. Reuters узнал об ограничении КНР импорта российской нефти из-за санкций // РБК. URL: https://www.rbc.ru/politics/14/03/2025/67d4389c9a7947823c35bb9b
4. Reuters: Россия возобновила в полном объеме поставки нефти в Индию // BFM.RU. URL: https://www.bfm.ru/news/569395
5. В Венгрии сообщили о возобновлении поставок нефти из России по нефтепроводу «Дружба» // Forbes. URL: https://www.forbes.ru/biznes/532510-v-vengrii-soobsili-o-vozobnovlenii-postavok-nefti-iz-rossii-po-nefteprovodu-druzba
6. Поставку нефти по «Дружбе» в Словакию восстановили // РИА Новости. URL: https://ria.ru/20250312/neft-2004511316.html
7. Эксперты рассказали о способах поставки нефти в Китай // РИА Новости. URL: https://ria.ru/20240831/neft-1969625662.html
8. Яниогло А. (2015). Показатели оценки экономической безопасности предприятия // Intelectus 1. URL: https://clck.ru/3HgiTX

Информация об авторе

Незбудей Вячеслав Александрович – аспирант, Новосибирский государственный технический университет (Российская Федерация, 630073, г. Новосибирск, пр-т К. Маркса, д. 20, к. 1; e-mail: nezbudey.slava@mail.ru).

INDICATORS FOR ASSESSING THE ECONOMIC SECURITY OF OIL INDUSTRY ORGANIZATIONS

Abstract. *Currently, in the context of ongoing sanctions pressure on the Russian oil industry, the process of assessing the economic security of companies in this sector remains important. This article examines indicators that allow us to obtain objective information about the level of economic security for organizations in the oil industry.*

Keywords: *economic security, oil industry, hydrocarbons, sanctions pressure, exports.*

About the author

Vyacheslav A. Nezbudey – Postgraduate Student, Novosibirsk State Technical University (20, K. Marks Avenue, building 1, Novosibirsk, 630073, Russian Federation; e-mail: nezbudey.slava@mail.ru).

References

1. Bloomberg learned about the longer delivery of Russian oil shipments to China due to sanctions. Forbes. Available at: https://www.forbes.ru/biznes/532756-bloomberg-uznal-o-bolee-dolgoj-dostavke-partii-rossijskoj-nefti-v-kitaj-iz-za-sankcij
2. Reuters reported on the refusal of Chinese state-owned companies from Russian oil due to US sanctions. Forbes. Available at: https://www.forbes.ru/biznes/5327 19-reuters-soobsil-ob-otkaze-goskompanij-kitaa-ot-rossijskoj-nefti-iz-za-sankcij-ssa?ysclid=m89nl7nhsx79367111
3. Reuters learned about China's restrictions on Russian oil imports due to sanctions. RBK. Available at: https://www.rbc.ru/politics/14/03/2025/67d4389c9a7947823c35bb9b
4. Reuters: Russia has resumed full oil supplies to India. BFM.RU. Available at: https://www.bfm.ru/news/569395
5. Hungary announced the resumption of oil supplies from Russia via the Druzhba oil pipeline. Forbes. Available at: https://www.forbes.ru/biznes/532510-v-vengrii-soobsili-o-vozobnovlenii-postavok-nefti-iz-rossii-po-nefteprovodu-druzba
6. Oil supply via Druzhba to Slovakia was restored. RIA Novosti. Available at: https://ria.ru/20250312/neft-2004511316.html
7. Experts talked about ways to supply oil to China. RIA Novosti. Available at: https://ria.ru/20240831/neft-1969625662.html
8. Yanioglo A. (2015). Indicators for assessing the economic security of the enterprise. Intelectus 1. Available at: https://clck.ru/3HgiTX

УДК 338.49 / ББК 65

Суслова А.П.

ПОДХОД К УЛУЧШЕНИЮ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ ЧЕРЕЗ ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ КОМФОРТНОЙ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ НА ПРИМЕРЕ Г. ТУЛЫ

Аннотация. *В России формируется новый подход к развитию городской среды, при котором горожане становятся активными участниками преобразований. Они могут влиять на выбор мест благоустройства, функцию и наполнение общественных пространств. В данной статье мы рассмотрим современные подходы к вовлечению населения в управление развитием территории с целью обеспечения устойчивого социально-экономического развития общественных пространств.*

Ключевые слова: *индекс качества городской среды, городская среда, муниципальная программа, население, рейтинговой голосование, комфортность.*

В Российской Федерации по состоянию на 1 января 2024 года в городах проживает 74,9% населения (109 605,7 тыс. чел.)[1].

Современные города становятся важными центрами притяжения благодаря своей инвестиционной привлекательности, накоплению финансовых ресурсов и внедрению инновационных технологий. Города привлекают квалифицированные кадры и предлагают множество возможностей для роста и развития. Однако каждому городу необходимо создавать определенные условия, чтобы поддерживать комфортную среду и способствовать ее дальнейшему развитию.

В условиях растущей урбанизации потребность в организации полноценного отдыха и комфортного досуга в городах становится все более актуальной. Поэтому улучшение качества жизни населения страны представляет собой одну из ключевых стратегических задач современного общества и является приоритетным направлением развития для всех регионов России.

Для того, чтобы выбрать эффективные инструменты и методы повышения качества городской среды, необходимо провести оценку ее текущего состояния, комплексный анализ городских проблем, а также выявить сильные стороны и перспективные направления развития. На сегодняшний день существует множество исследований рейтинговых агентств, сравнительных анализов и индексов, однако мы сосредоточим внимание на индексе качества городской среды – инструмента для оценки качества материальной городской среды и условий ее формирования для городов нашей страны. Индекс позволяет применять результаты оценки для формирования рекомендаций по улучшению городской среды. Индекс рассчитывается для 1 117 городов России, в том числе анализируемый г. Тула и даже малые города с населением до 5,0 тыс. чел.

Результаты расчета национального проекта «Жилье и городская среда» необходимы в том числе для определения размера субсидии из федерального бюджета субъектам Российской Федерации на поддержку государственных и муниципальных программ формирования современной городской среды [6].

Индекс формируется на основе оценки шести видов городских пространств с учетом шести критериев качества городской среды. В процессе этой оценки для каждого типа пространства по каждому из критериев выделяется один ключевой индикатор. В результате создается матрица, состоящая из 36 индикаторов. Поскольку качество городской среды не сводится лишь к сумме таких аспектов, как качество жилья, состояние улиц, озеленение и инфраструктура, важно также учитывать индикаторы, которые рассчитываются для всего города. Поэтому в матрицу добавляется общегородское пространство, которое фактически объединяет все остальные типы. Это позволяет сделать расчет индекса более полным и эффективным [1].

Индекс измеряет уровень комфортности жизни населения как в регионах, так и в городах России.

[1] Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/

Индекс города измеряется по шкале от 0 до 360 баллов. Качество городской среды определяется на основе итогового балла: если индекс варьируется от 0 до 180, это указывает на неблагоприятные городские условия. В случае, если индекс составляет 181 и выше, городская среда признается благоприятной.

По результатам расчета индекса качества городской среды для 1117 городов за 2023 год благоприятными для проживания признаны 759 городов при плановом значении 603 города. Среднее значение индекса составляло 200 баллов при плановом значении 198 баллов. Прирост среднего индекса качества городской среды по отношению к 2019 году составил 18% при плановом значении 17%.

Однако при реализации мероприятий по благоустройству и развитию городской инфраструктуры возникает множество трудностей и проблем. В России существует несколько распространенных проблем городской среды, которые затрудняют создание комфортных условий для жизни. Вот некоторые из них: недостаток зеленых зон; загрязнение окружающей среды; неудовлетворительное состояние жилых зданий; отсутствие доступной инфраструктуры; нехватка общественных пространств; проблемы с благоустройством.

Эти проблемы требуют комплексного подхода и активного участия как властей, так и самих жителей для их решения и создания более комфортной городской среды.

Для повышения индекса и улучшения общего уровня комфорта в городах, важно выявить существующие проблемы, а также определить, по каким критериям не хватает баллов. На основе этой информации следует реализовывать целенаправленные мероприятия и формировать административную политику. Ключевым аспектом является активное взаимодействие администраций городов с населением: необходимо организовывать общественные слушания, обсуждения, собрания и опросы. Это позволит выявить актуальные проблемы, которые создают неудобства для жителей, и учесть их мнения при разработке различных городских проектов.

Повышение качества городской среды – это комплексная задача, которая требует определенных подходов.

1. Градостроительство и планирование: разработка многофункциональных зон, которые объединяют жилые, коммерческие и общественные пространства; увеличение площади парков, скверов и садов для улучшения экологии и создания мест для отдыха; создание велодорожек и пешеходных зон для повышения доступности.

2. Экология и устойчивое развитие: внедрение программ по контролю за выбросами и поддержанию чистоты воздуха и воды; использование экологически чистых технологий и материалов при строительстве и реконструкции зданий; внедрение системы раздельного сбора мусора и переработки отходов.

3. Социальные инициативы: организация консультаций и обсуждений с жителями для выявления их потребностей и проблем; проведение кампаний по повышению экологической грамотности и вовлечению граждан в улучшение городской среды; создание инициативных групп и поддержка местных проектов, направленных на улучшение качества жизни.

4. Культура и искусство: создание культурных центров, галерей, театров и мест для проведения мероприятий; поддержка художников и создание арт-объектов, которые украшают город и привлекают туристов; организация фестивалей, ярмарок и других мероприятий, которые способствуют развитию городской культуры.

5. Инфраструктура и услуги: ремонт и модернизация жилых зданий, особенно в старых районах; обеспечение равного доступа к образовательным, медицинским и социальным услугам для всех жителей; установка камер видеонаблюдения, улучшение освещения и создание безопасных общественных пространств.

6. Технологические инновации: внедрение «умных» систем для управления освещением и коммунальными услугами; разработка мобильных приложений и онлайн-платформ для упрощения доступа к городским услугам; использование датчиков и аналитики для отслеживания состояния воздуха, уровня шума и других параметров.

Эти пути могут быть адаптированы в зависимости от конкретных условий и потребностей каждого города, что позволит создать более комфортную и устойчивую городскую среду.

Несомненно, для каждого отдельного города в России требуются ясные и адаптированные к текущей ситуации подходы к решению возникающих проблем. Городские программы благоустройства должны обязательно синхронизироваться с планами капитального ремонта домов, инженерных сетей, дорожно-транспортной инфраструктуры и т. п. объектов [5].

Город Тула находится в центральной части России, примерно в 193 км к югу от Москвы. Это административный центр Тульской области. Он славится своей богатой историей и является важным культурным и промышленным центром страны. Тула известна своими традициями, особенно в производстве пряников, самоваров и оружия.

Город также привлекает туристов историческими памятниками, такими как Тульский кремль, различными музеями, театрами и парками. Тула активно развивает свою инфраструктуру и социальные программы, что делает ее привлекательным местом для жизни и работы.

Для реализации нацпроекта «Жилье и городская среда» и создания комфортной городской среды в городе Туле с 2017 года реализуется муниципальная программа муниципального образования город Тула «Формирование современной городской среды», в которой утверждены, в том числе конкретные адресные перечни дворовых территорий, планируемых к благоустройству, а также адресные перечни дворовых и общественных территорий, подлежащих благоустройству в текущем году.

В рамках реализации этой муниципальной программы в 2017 году выполнены работы по благоустройству 163 придомовых территорий, 17 общественных территорий; в 2018 году благоустроено 77 объектов, которые включают 138 многоквартирных домов, 3 общественных территории; в 2019 году были выполнены работы по благоустройству 61 дворовой территории, которые включают 74 многоквартирных дома и 2 общественных территории; в 2020 году выполнены работы по благоустройству 61 дворовой территории, которые включают в себя 71 многоквартирный дом; в 2021 году выполнены работы по благоустройству 69 дворовых территорий, которые включают в себя 70 многоквартирных домов и 3 общественных территории; в 2022 году выполнены работы по благоустройству 77 дворовых территорий многоквартирных домов и 3 общественных пространств, в 2023 году выполнены работы по благоустройству 42 дворовых территорий многоквартирных домов и 9 общественных пространств, в 2024 году выполнены работы по благоустройству 40 дворовых территорий многоквартирных домов и 1 общественного пространства [4].

В 2023 году на реализацию данной муниципальной программы было затрачено в общей сумме 183755,7 тыс. руб., в том числе из федерального бюджета на сумму 111038,3 тыс. руб., из бюджета Тульской области на сумму 43626,6 тыс. руб., из бюджета муниципального образования город Тула на сумму 28651,4 тыс. руб., а также безвозмездные перечисления со стороны населения, юридических и физических лиц, индивидуальных предпринимателей на сумму 439,4 тыс. руб. [4].

Для выбора общественных территорий в городе Туле ежегодно проводятся рейтинговые голосования, в которых задействованы волонтеры. В голосовании принимают участие работники более 1,5 тыс. организаций и учреждений.

В 2023 году индекс качества городской среды г. Тулы составлял 235 баллов, что на 12 баллов, или на 5,4%, больше, чем в 2022 году. По всем 6 критериям в 2023 году было набрано больше половины от максимального количества баллов:

1. Жилье и прилегающие пространства – 43 балла.
2. Улично-дорожная сеть – 34 балла.
3. Озелененные пространства – 37 баллов.
4. Общественно-деловая инфраструктура и прилегающие пространства – 47 баллов.
5. Социально-досуговая инфраструктура и прилегающие пространства – 41 балл.
6. Общегородское пространство – 33 балла.

Как видно, меньшее количество баллов набрано по 2 критериям: улично-дорожная сеть и общегородское пространство.

В городе Туле можно выделить следующие проблемы с улично-дорожной сетью: загруженность дорог, плохое состояние дорог, удаленных от центра города, низкий уровень доступности городской среды для инвалидов и иных маломобильных групп населения. По критерию

«Общегородское пространство» – нехватка зеленых зон из-за плотной застройки не только в центре города, но и на периферии.

Необходимо отметить также, что существующая система организации информационной работы местных администраций с населением ориентирована, главным образом, на общение непосредственно с жителями – проведение общественных слушаний и обсуждений, общих собраний в многоквартирных домах, голосований и т. п., а не с общественными организациями и структурами, представляющими консолидированное мнение разных городских сообществ, взаимодействие с которыми имеет свою специфику, которой, как и современными инструментами взаимодействия с населением (проведение фокус групп, организация проектных семинаров и проектных мастерских (воркшопов), проведение дизайн-игр и др.), не всегда владеют специалисты муниципалитетов. Определенные трудности возникают и при организации информационного взаимодействия властей с жителями в отношении благоустройства конкретных дворовых территорий [5].

Без сомнения, для каждого конкретного города страны необходимы четкие и обусловленные ситуацией способы решения проблем. Также стимулом к развитию является Федеральный проект «Формирование комфортной городской среды» национального проекта «Жилье и городская среда», в рамках которого происходит реализация проектов Всероссийского конкурса лучших проектов создания городской среды, в ходе которых реконструируются и обновляются общественные территории, приобретают новый облик и благоустраиваются городские парки и набережные [2].

Библиографический список

1. Индекс качества городской среды. URL: https://индекс- городов.рф
2. Официальный сайт Минстроя России. Жилье и городская среда. Индекс качества городской среды за 2021 год. URL: https://minstroyrf.gov.ru/docs/364202/?clear_cache=Y
3. Петрина О.А., Стадолин М.Е. (2018). Комфортная городская среда: тенденции и проблемы организации // Вестник ГУУ. № 6. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/komfortnaya-gorodskaya-sreda-tendentsii-i-problemy-organizatsii
4. Постановление администрации города Тулы от 28 июля 2017 г. № 2400 «Об утверждении муниципальной программы муниципального образования город Тула “Формирование современной городской среды”». URL: https://tula-r71.gosweb.gosuslugi.ru/deyatelnost/napravleniya-deyatelnosti/ekonomika/munitsipalnye-i-vedomstvennye-tselevye-programmy/mp-mo-gorod-tula/mp-25/
5. Стадолин М.Е. (2017). Современные тенденции организации благоустройства территорий поселений как основы формирования комфортной городской среды: сборник Государственное и муниципальное управление в Российской Федерации: современные проблемы и перспективы развития. Москва, ГУУ. С. 140–145.
6. Федеральный проект «Формирование комфортной городской среды» реализуется в рамках национального проекта «Инфраструктура для жизни». URL: https://gorodsreda.ru/

Информация об авторе

Суслова Анна Петровна – аспирант, ФГБОУ ВО «Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого» (Российская Федерация, 300026, г. Тула, пр-т Ленина, д. 125; e-mail: annetksj@gmail.com).

Suslova A.P.

AN APPROACH TO IMPROVING THE QUALITY OF LIFE OF THE POPULATION THROUGH THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF A COMFORTABLE URBAN ENVIRONMENT ON THE EXAMPLE OF TULA

Abstract. *A new approach to the development of the urban environment is being formed in Russia, in which citizens become active participants in transformations. They can influence the choice*

of landscaping sites, the function and content of public spaces. In this article, we will consider modern approaches to involving the population in managing the development of the territory in order to ensure the sustainable socio-economic development of public spaces.

Keywords: *urban environment quality index, urban environment, municipal program, population, rating voting, comfort.*

About the author

Anna P. Suslova – Postgraduate student, Tula State Pedagogical University named after L.N. Tolstoy (125, Lenin Avenue, Tula, 300026, Russia Federation; e-mail: annetksj@gmail.com).

References

1. Urban environment quality Index. Available at: https://индекс - cities.RF
2. The official website of the Ministry of Construction of Russia. Housing and Urban Environment. Urban Environment Quality Index for 2021. Available at: https://minstroyrf.gov.ru/docs/364202/?clear_cache=Y
3. Petrina O.A., Stadolin M.E. (2018). Comfortable urban Wednesday: trends and problems of the organization. Bulletin of GUU, 6 Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/komfortnaya-gorodskaya-sreda-tendentsii-i-problemy-organizatsii
4. Resolution of the Tula City Administration of July 27, 2017. No. 2400 "On approval of the municipal program of the Tula Municipality "Formation of a modern urban environment". Available at: https://tula71.gosweb.gosuslugi.ru/deyatelnost/ napravleniya-deyatelnosti/ekonomika/munitsipalnye-i-vedomstve-nye-tselevye-programmy/mp-mo-gorod-tula/mp-25 /
5. Stadolin M.E. (2017). Modern trends in the organization of landscaping of settlements as the basis for the formation of a comfortable urban environment. In: State and Municipal Administration in the Russian Federation: current problems and development prospects. Moscow: GUU, pp. 140–145.
6. The federal project "Creating a comfortable urban environment" is being implemented within the framework of the national project "Infrastructure for Life". Available at: https://gorodsreda.ru/

УДК 334 / ББК 65

Тевлюкова В.Д.

РОЛЬ ВНЕОБОРОТНЫХ АКТИВОВ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ

Аннотация. *В статье раскрывается тема роли управления внеоборотными активами в обеспечении экономической безопасности организации, а также способы ее оценки через показатели эффективности использования внеоборотных активов организации.*

Ключевые слова: *внеоборотные активы, основные средства, экономическая безопасность, методика оценки экономической безопасности.*

В современном динамичном мире бизнеса экономическая безопасность организации становится краеугольным камнем ее устойчивого развития и конкурентоспособности. Обеспечение этой безопасности – сложный и многогранный процесс, требующий комплексного подхода к управлению всеми ресурсами предприятия. В этом контексте внеоборотные активы играют ключевую роль, являясь основой производственного потенциала и долгосрочной стабильности организации.

Внеоборотные активы, охватывающие материальные и нематериальные ресурсы, используемые в деятельности организации на протяжении длительного периода, представляют собой фундамент, на котором строится ее операционная деятельность. К ним относятся: земельные участки, здания и сооружения, оборудование, транспортные средства, а также нематериальные активы, такие как: патенты, лицензии, товарные знаки и программное обеспечение. Эти активы формируют производственную базу организации, определяют ее возможности по выпуску продукции, оказанию услуг и реализации долгосрочных стратегических целей.

Внеоборотные активы являются главным источником доходов организации и обладают длительным периодом эксплуатации. Благодаря этому, они сохраняют свою стоимость в течение длительного времени. Продолжительный период использования фиксированных активов сокращает их амортизационные расходы, что в результате повышает прибыль организации [3].

Активы длительного пользования могут повысить рыночную стоимость организации. Когда организация владеет ценными и дорогостоящими активами, это может привлечь инвесторов и повысить стоимость ее акций на рынке.

Таким образом, долгосрочные активы играют важную роль в устойчивом развитии организации. Они не только являются источником доходов, но и могут служить гарантией для кредитов и повысить рыночную стоимость компании. Важно управлять внеоборотными активами с учетом их значимости и долгосрочной перспективы.

В целом, основные фонды – это ключевой аспект финансовой отчетности компании, который позволяет оценить ее стоимость и финансовую стабильность. Правильное управление данным видом активов может повысить эффективность компании, увеличить ее долю на рынке и удержать конкурентную позицию.

Если компания проявляет эффективное управление внеоборотными активами, то это поможет ей повысить ее конкурентоспособность и увеличить доходы. Они также часто являются ключевыми факторами успеха для компаний разных отраслей.

Необходимо учитывать, что внеоборотные активы могут нести определенные риски для организации. Во-первых, они могут стать устаревшими и потерять свою ценность со временем. Во-вторых, эти активы могут быть украдены или повреждены, что приведет к значительным экономическим потерям для организации [2].

Роль внеоборотных активов в обеспечении экономической безопасности организации многогранна.

Во-первых, они являются основой производственного потенциала предприятия, обеспечивая возможность выпуска продукции и оказания услуг. Недостаточное обновление и

модернизация может привести к снижению конкурентоспособности и ухудшению финансовых результатов.

Во-вторых, внеоборотные активы оказывают влияние на финансовую устойчивость предприятия. Высокая доля основных фондов в структуре активов может снизить ликвидность и увеличить зависимость от долгосрочных источников финансирования. Оптимальное соотношение внеоборотных и оборотных активов является важным фактором обеспечения финансовой устойчивости.

В-третьих, активы длительного пользования являются объектом различных рисков, таких как моральный и физический износ, устаревание, повреждение и хищение. Эффективное управление, включая организацию учета, контроля и страхования, позволяет снизить эти риски.

В-четвертых, эффективное использование основного капитала способствует повышению рентабельности и увеличению прибыли предприятия. Оптимизация загрузки оборудования, снижение затрат на обслуживание и ремонт, внедрение новых технологий позволяют повысить эффективность использования и улучшить финансовые показатели, представленные в табл. 1. Пороговые значения данных показателей определяются в соответствии с подходом к оценке экономической безопасности предприятия М.М. Гайфуллина и Е.В. Костомаровой [1].

Таблица 1. **Пороговые значения показателей экономической безопасности для детерминантов микроуровня**

Детерминанты	Показатели	Устойчивый	Предкризисный	Кризисный	Критический
Производственный	Фондоотдача, руб.	ФО≥3	2≤ФО<3	1≤ФО<2	ФО<1
	Темп роста среднегодовой стоимости основных средств, %	ТОС≥110	100≤ТОС<110	90≤ТОС<100	ТОС<90
	Коэффициент износа	Ки≤0,5	0,5<Ки≤0,7	0,7<Ки≤0,9	Ки>0,9
Социальный	Темп роста уровня средней заработной платы, %	Тср.зп.≥11	100≤Тср.зп.<110	90≤Тср.зп.<100	Тср.зп.<90
	Текучесть кадров, %	Ктек≤5	5<Ктек≤7	7<Ктек≤10	Ктек>10
Финансовый	Коэффициент текущей ликвидности	1,5≤Ктл≤2,5	1,3<Ктл≤1,5 или 2,5<Ктл≤2,7	1,0<Ктл≤1,3 или 2,7<Ктл≤2,9	Ктл<1,0 или Ктл>2,9
	Коэффициент платежеспособности	Кпл≥0,7	0,6≤Кпл<0,7	0,5≤Кпл<0,6	Кпл<0,5
	Рентабельность продаж, %	Rпр≥15	10≤Rпр<15	5≤Rпр<10	Rпр<5
Инвестиционный	Темп роста капитальных вложений, %	Ткап.вл.≥11 0	100≤Ткап.вл.< 110	90≤Ткап.вл.< 100	Ткап.вл.<90
	Коэффициент инвестирования	И≥0,4	0,3≤И<0,4	0,2≤И<0,3	И<0,2
	Коэффициент инвестиционной активности	ИА≥0,6	0,4≤ИА<0,6	0,2≤ИА<0,4	ИА<0,2
Промышленно-экологический	Темп роста затрат на охрану окружающей среды, %	Тох.ср≥110	100≤Тох.ср.< 110	90≤Тох.ср.< 100	Тох.ср.<90
	Темп роста затрат на промышленную безопасность, %	Тпр.б.≥110	100≤Тпр.б.<110	90≤Тпр.б.< 100	Тпр.б.<90
	Темп роста затрат на охрану труда, %	Тох.тр.≥11 0	100≤Тох.тр.< 110	90≤Тох.тр.< 100	Тох.тр.<90
Источник: составлено автором на основании Гайфуллина М.М., Костомарова Е.В. Методический подход к оценке экономической безопасности нефтяной компании // Науковедение. Т. 9. № 2. С. 19–24. [1]					

Анализируя эволюцию экономической безопасности компаний, независимо от их сферы деятельности, можно выделить общую закономерность. Эта закономерность заключается в разделении состояния экономической безопасности на несколько этапов:

Устойчивый этап– показатели экономической безопасности не выходят за рамки предельных значений, а степень реализации имеющихся возможностей близка к установленным требованиям и нормативам.

Предкризисный этап – отклонение хотя бы одного из показателей экономической безопасности от предельного значения, при этом остальные приближаются к критическим отметкам. Сохраняются технические и производственные ресурсы для улучшения условий и результатов деятельности путем принятия профилактических мер.

Кризисный этап – большинство ключевых показателей экономической безопасности не соответствуют предельным значениям, проявляются признаки необратимого падения производства и частичной потери потенциала из-за истощения ресурсов оборудования и площадей, сокращения штата сотрудников.

Критический этап – преодолены все границы, разделяющие устойчивое и кризисное состояния развития производства, частичная потеря потенциала становится неизбежной и необратимой [1].

Надежность предприятия и уровень его инвестиционной привлекательности выражаются в уровне его экономической безопасности. Реальный уровень показывает, какой жизнеспособностью обладает компания. От правильной оценки уровня экономической безопасности зависит будущее организации.

Библиографический список

1. Гайфуллина М.М., Костомарова Е.В. (2017). Методический подход к оценке экономической безопасности нефтяной компании // Науковедение. Т. 9. № 2. С. 19–24.
2. Гурьянова М.В. (2019). Управление внеоборотными активами в системе обеспечения экономической безопасности предприятия // Научная идея. № 2(8). С. 5–7.
3. Краснова В.В. (2020). Экономическая безопасность: учебно-методическое пособие. Донецк: ДонНУ. 199 с.

Информация об авторе

Тевлюкова Валерия Дмитриевна – студент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Новосибирский государственный технический университет» (Российская Федерация, 630073, г. Новосибирск, пр-т К. Маркса, д. 20; e-mail: lera_tevlukova@mail.ru).

Tevlyukova V.D.

THE ROLE OF NON-CURRENT ASSETS IN ENSURING THE ECONOMIC SECURITY OF THE ORGANIZATION

Abstract. *The article discusses the role of management of non-current assets in ensuring the economic security of an organization, as well as ways to assess the economic security of an organization through indicators of the effectiveness of the use of non-current assets of the organization.*

Keywords: *non-current assets, fixed assets, economic security, economic security assessment methodology.*

About the author

Valeria D. Tevlyukova – Student, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Novosibirsk State Technical University (20, K. Marx Avenue, Novosibirsk, 630073, Russian Federation; e-mail: lera_tevlukova@mail.ru).

References

1. Gaifullina M.M., Kostomarova E.V. (2017). A methodological approach to assessing the economic security of an oil company. Naukovedenie, 9(2), pp. 19–24.
2. Guryanova M.V. (2019). Management of non-current assets in the system of ensuring economic security of the enterprise. A scientific idea, № 2(8), pp. 5–7.
3. Krasnova V.V. (2020). Economic security: an educational and methodological guide. Donetsk: DonNU Publ. 199 p.

УДК 338.1 / ББК 65.050

Терешкина Н.Е.

ОСОБЕННОСТИ СТРАТЕГИИ ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ ПРОГРАММНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ В РОССИИ

Аннотация. *В статье рассмотрены факторы, вызвавшие необходимость интенсификации процессов импортозамещения в России. Обозначены препятствия на пути локализации программных продуктов, а также проблемы, стоящие перед российским рынком программного обеспечения. Рассмотрен опыт перехода крупных компаний к отечественным разработкам.*

Ключевые слова: *импортозамещение, программное обеспечение, стратегия, цифровые технологии, программный продукт.*

Импортозамещение заключается в замене импортной продукции на аналогичную отечественную продукцию на внутреннем рынке с целью сокращения масштабов импорта. Стратегия импортозамещения, реализуемая в России, охватывает многие сферы. В настоящее время одним из основных направлений процесса импортозамещения в России можно назвать импортозамещение программного обеспечения. Стратегия импортозамещения программного обеспечения является важным стратегическим выбором. При определенных условиях правильная линия импортозамещения может гарантировать, что стратегия достигнет своих основных целей и планируемых результатов. Однако само по себе импортозамещение не является самоцелью. В соответствии с меняющимися внутренними и международными условиями и стадией экономического развития своевременная корректировка стратегии импортозамещения и реализация стратегического сдвига являются необходимыми условиями для обхода ограничений.

Хотя этот процесс в России достиг первоначального успеха, он все еще сталкивается со многими препятствиями. В частности, использование западной продукции по-прежнему составляет большую долю не только на крупных предприятиях (около 50–60%), но и в государственном секторе.

Независимое и контролируемое программное обеспечение является важной гарантией промышленной безопасности и информационной безопасности государства. Сегодняшний день можно назвать историческим поворотным моментом для российского рынка программного обеспечения. После нескольких лет корректировок и трудностей рынок впервые продемонстрировал очевидную и устойчивую тенденцию к росту, что свидетельствует о том, что отрасль вступает в новый этап развития. Сама форма программных продуктов также претерпевает существенные изменения. Раньше люди считали, что программное обеспечение в большей мере – это приложения для персональных компьютеров. Сегодня эта форма изменилась и сместилась в область комбинации программного обеспечения и оборудования.

Индустрия программного обеспечения является типичной высокотехнологичной отраслью, и международные компании создали высокие барьеры для входа в нее с помощью технологических инноваций и прав интеллектуальной собственности. В рамках изначальной структуры рынка отечественные компании-разработчики программного обеспечения не желали вкладывать ресурсы в технологические исследования и разработки из-за ограничений будущего размера рынка, что затрудняло для них выход на рынок высококлассного программного обеспечения. В последние годы тенденция деглобализации стала вызовом для международного сотрудничества в области программного обеспечения, однако индустрия российского программного обеспечения принесла новые возможности для развития отечественных компаний, занимающихся программными разработками. Импортозамещение обеспечит значительное расширение рыночного пространства для отрасли программного обеспечения, что будет способствовать ускорению реализации независимого контроля в отрасли.

Ключевые производственные области, которые имеют большое значение для национальной экономики и жизнеобеспечения людей, не могут быть отделены от государственной поддержки разработчиков программного обеспечения. Мощным толчком к созданию комплексной системы мер государственной поддержки импортозамещения программного обеспечения можно назвать инициативу «Цифровые технологии» в рамках национального проекта «Цифровая экономика» [4]. Основной целью проекта является импортозамещение широко используемого программного обеспечения для государственных органов, предприятий и учреждений всех уровней по всей стране. Минцифры России работает над созданием мер поддержки специалистов и компаний-разработчиков отечественного программного обеспечения. Среди существующих мер поддержки можно назвать такие, как налоговые льготы, льготные кредиты, гранты, стимулирование спроса, льготная ипотека, отсрочка от призыва, освобождение от проверок, аккредитация, ИТ-образование, привлечение финансирования, поддержка особо значимых проектов.

Переход на отечественную систему требует времени и значительных ресурсов, как материальных, так и человеческих. Однако российские компании уже активно адаптируют свои решения к потребностям рынка, что дает надежду на дальнейшее развитие в этом направлении.

Так, ПАО «Аэрофлот» планирует полностью заменить импорт программного обеспечения к 2030 году [1]. Уровень локализации программного обеспечения компании к концу 2024 года составил более 80%. «Аэрофлот» планирует запустить проект по замене немецкой системы управления предприятием SAP ERP на отечественную систему [7].

Объединенная компания «Русал» объявила о масштабной программе импортозамещения систем автоматизации для своих алюминиевых и глиноземных заводов. Программа рассчитана до 2031 года и предполагает активное сотрудничество с российскими производителями средств автоматизации и программного обеспечения. Благодаря этим крупным заказам отечественные компании смогут значительно расширить свои возможности, повысить международную конкурентоспособность и увеличить объемы производства [5].

В 2023 году в своей обновленной «Стратегии цифровой трансформации» руководство ОАО «РЖД» обозначило план перехода крупнейшей железнодорожной компании на отечественное программное обеспечение и радиоэлектронную продукцию [8].

Еще одной проблемой, стоящей перед российским рынком программного обеспечения, остается проблема замещения систем управления жизненным циклом изделия (PLM). Многие проекты в России пока не имеют достаточного количества клиентов, что замедляет их локализацию и развитие. Санкции против России и уход иностранных компаний с рынка оказали существенное влияние на отрасль, поскольку западные компании начали отказывать российским компаниям в покупке и продлении лицензий на программное обеспечение. Именно этот фактор в наибольшей степени способствовал трансформации внутреннего рынка программного обеспечения и импортозамещению. Ограничительные меры западных партнеров носят скорее поддерживающий характер для разработки программного обеспечения, отсутствующего на внутреннем рынке.

В тех областях, где невозможно использовать собственные российские решения, российское правительство решило использовать решения с открытым исходным кодом. Например, государственные ведомства и подразделения отказываются от Oracle и переходят на решения на базе системы управления базами данных PostgreSQL. Конечно, российское правительство не забыло о стриминговых платформах и планирует запускать аналогичные программы для прямого противостояния YouTube.

Масштабные усилия дают заметные результаты. Результаты исследований использования кредитных карт в России свидетельствуют, что карта «Мир», оператором которой является Национальная система платежных карт и которая была запущена в качестве меры по борьбе с западными санкциями, уверенно обогнала Visa и MasterCard в стране и стала крупнейшим поставщиком услуг кредитных карт в России. Доля карт «Мир» по объему платежей в III квартале 2024 года составила 64,1% [9]. Хотя многие клиенты «Мира» не выбирают ее активно

(российская пенсионная программа использует некоторые карты «Мир» по умолчанию), ее признание среди населения не вызывает сомнений.

Несмотря на то, что метод стимуляции граждан к внедрению отечественных производственных технологий в форме правительственных указов встречал некоторую критику, он оказался действительно эффективным. Под руководством правительства российские граждане быстро адаптируются и интегрируются в собственную цифровую систему.

Импортозамещение программного обеспечения в России происходит не только на предприятиях, но и в сфере образования. Необходимо создавать условия, в которых молодые инженеры могли бы работать с отечественным программным обеспечением. Так, в Санкт-Петербургском государственном морском техническом университете в 2020 году открылся факультет «Цифровые промышленные технологии». В МГТУ им. Н.Э. Баумана в 2022 году впервые в практике российского высшего образования весь учебный процесс был полностью переведен на отечественное программное обеспечение [3]. Комсомольский-на-Амуре государственный университет создал и успешно эксплуатирует «цифровую» верфь на базе системы проектирования
«Компас-3D» [2]. С 2023–2024 учебного года в Нижегородском государственном техническом университете продукты Autodesk были заменены российскими САПР в качестве основных систем [6].

Таким образом, если раньше импортозамещение можно было сравнить с копированием, то в условиях сегодняшней технологичной России, с развитием базовых программных продуктов и диверсификацией приложений, многие продукты российского импортозамещения намного превзошли заменяемое программное обеспечение. Импортозамещение программного обеспечения в России превратилось из стихийного процесса в стратегическую политику, которая является результатом совокупного воздействия внешнего давления и внутренних структурных трансформаций. Россия, уже прошедшая этап высокоиндустриальной экономики, имеет принципиальные отличия в целевом позиционировании своей стратегии импортозамещения. Во-первых, импортозамещение программного обеспечения России является прежде всего стратегией национальной безопасности, после – антикризисной стратегией, и наконец стратегией структурной трансформации. Среди этих элементов антикризисная стратегия и стратегия промышленной политики составляют основное содержание и целевое позиционирование текущей стратегии импортозамещения. Во-вторых, текущая стратегия импортозамещения программного обеспечения России является неотъемлемой частью глобальной стратегии национального развития страны. В то же время стратегия импортозамещения программного обеспечения является проявлением и политическим фокусом экономической модернизации и инновационного развития России на данном этапе.

Библиографический список

1. Аэрофлот заключил соглашение о сотрудничестве с группой компаний «АСТРА». URL: https://www.aeroflot.ru/xx-ru/news/63189
2. В университете Комсомольска-на-Амуре запустили «цифровую» верфь. URL: https://paluba.media/news/22864
3. МГТУ им. Баумана совершил переход на российский Linux. URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Проект:Московский_государственный_технический_университет_имени_Н._Э._Баумана_МГТУ%28Astra_Linux_ Common_Edition%29
4. Национальные проекты Российской Федерации. URL: https://национальныепроекты.рф/projects/tsifrovaya-ekonomika
5. РУСАЛ проведет импортозамещение систем автоматизации на своих заводах. URL: https://rusal.ru/press-center/press-releases/rusal-provedet-importozames hchenie-sistem-avtomatizatsii-na-svoikh-zavodakh/
6. «Цифровая мануфактура» передает НГТУ им. Р.Е. Алексеева учебные лицензии ПО САПР «Макс». URL: https://www.nntu.ru/news/detail/partnerstvo/vse-novosti/cifrovaya-manufaktura-peredaet-ngtu-im-re

7. Цифровая транспортация – 2024. II Международный форум цифровых технологий в сфере транспорта и логистики. URL: https://logirus.ru/events/tsifrovaya _transportatsiya_-_2024.html
8. Чаркин Е.И. Ключевые элементы ИТ-стратегии ОАО «РЖД». URL: https://filearchive.cnews.ru/img/files/2021/03/23/charkinevgenij.pdf
9. Число выданных карт «Мир» превысило 382 млн. URL: https://expert.ru/news/chislo-vydannykh-kart-mir-prevysilo-382-mln/

Информация об авторе

Терешкина Наталия Евгеньевна – кандидат экономических наук, доцент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский государственный университет путей сообщения» (Российская Федерация, 630049, г. Новосибирск, ул. Дуси Ковальчук, д. 191; e-mail: phd_76@mail.ru).

Tereshkina N.E.

FEATURES OF THE SOFTWARE IMPORT SUBSTITUTION STRATEGY IN RUSSIA

Abstract. *The article examines the factors that have caused the need to intensify import substitution processes in Russia. The obstacles to localization of software products, as well as the problems facing the Russian software market, are identified. The experience of large companies in switching to domestic developments is shown.*

Keywords: *import substitution, software, strategy, digital technologies, software product.*

About the author

Nataliya E. Tereshkina – Candidate of Economics, Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Siberian Transport University” (191, Dusi Kovalchuk Street, Novosibirsk, 630049, Russian Federation; e-mail: phd_76@mail.ru).

References

1. Aeroflot signed a cooperation agreement with the ASTRA group of companies. Available at: https://www.aeroflot.ru/xx-ru/news/63189
2. A “digital” shipyard was launched at the University of Komsomolsk-on-Amur. Available at: https://paluba.media/news/22864
3. Bauman Moscow State Technical University made the transition to Russian Linux. Available at: https://www.tadviser.ru/index.php/Проектент:Московский _гостей_технологий_университет_имени_Н._Э._Баумана_МГТУ%28Astra_Linux _Common_Edition%29
4. National projects of the Russian Federation. Available at: https://центрныепроекты.рф/projects/tsifrovaya-ekonomika
5. RUSAL will carry out import substitution of automation systems at its plants. Available at: https://rusal.ru/press-center/press-releases/rusal-provedet-importozameshchenie-sistem-avtomatizatsii-na-svoikh-zavodakh/
6. Digital Manufacture transfers educational licenses for the Max CAD software to R.E. Alekseev NSTU. Available at: https://www.nntu.ru/news/detail/partnerstvo/vse-novosti/cifrovaya-manufaktura-peredaet-ngtu-im-re
7. Digital Transportation – 2024. II International Forum of Digital Technologies in Transport and Logistics. Available at: https://logirus.ru/events/tsifrovaya_transportatsiya_2024.html
8. Charkin E.I. Key Elements of the IT Strategy of Russian Railways. Available at: https://filearchive.cnews.ru/img/files/2021/03/23/charkinevgenij.pdf
9. The number of issued Mir cards exceeded 382 million. Available at: https://expert.ru/news/chislo-vydannykh-kart-mir-prevysilo-382-mln/

УДК 339.727.22 / ББК 65

Чапаргина А.Н., Шарабашева А.О.

ИНВЕСТИЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АРКТИЧЕСКИХ РЕГИОНОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Аннотация. *В статье рассматриваются особенности инвестиционной деятельности в арктических регионах России, анализируются текущие тенденции и перспективы развития данного направления. Особое внимание уделяется государственным и частным инвестициям, проблемам и перспективам развития региона.*

Ключевые слова: *Арктика, инвестиции, развитие, регионы, экономика, инфраструктура, инновации.*

Арктический регион (*рис. 1*) представляет собой стратегически важную территорию для России, обладающую значительным потенциалом в различных сферах. Инвестиционная деятельность в данном регионе имеет особую значимость для его развития и укрепления позиций России в Арктике.

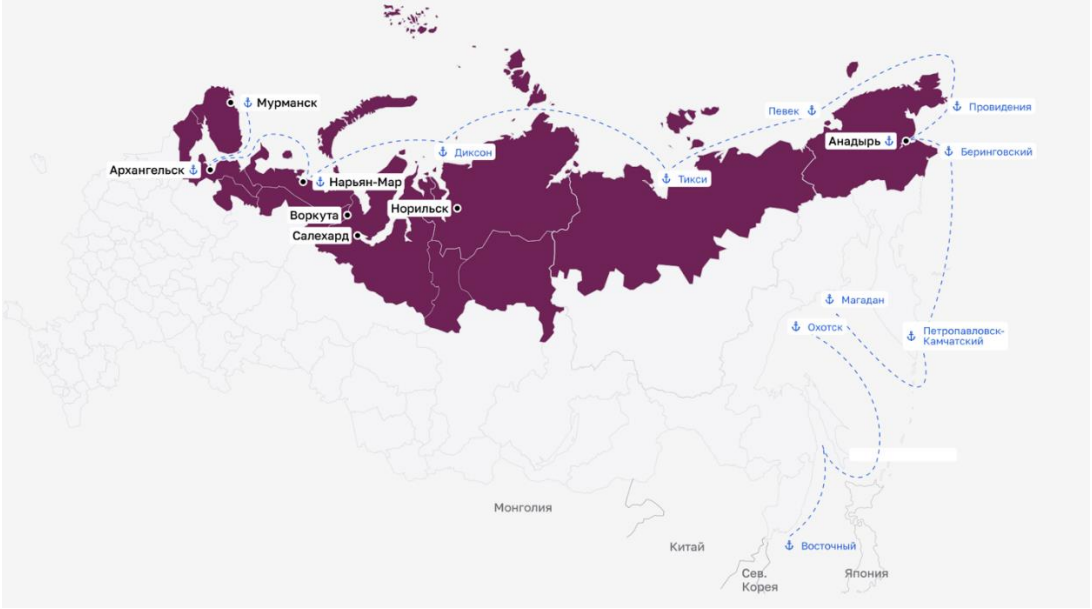

Рисунок 1. **9 регионов Арктической зоны России**

Арктические регионы России занимают особое место в экономике страны, обеспечивая значительную часть ВВП. Арктическая зона (население всего 1,5% от всей России) дает почти десятую часть ВВП страны и обладает огромным потенциалом для дальнейшего развития.

В настоящее время инвестиционная деятельность в арктических регионах характеризуется следующими особенностями:

- высокая доля государственных инвестиций (около 60% от общего объема);
- преобладание проектов в сфере добычи полезных ископаемых (45% всех инвестиций);
- значительные риски, связанные с экстремальными условиями хозяйствования;
- необходимость развития транспортной и логистической инфраструктуры [6].

Большое значение для развития инвестиционной деятельности в арктических регионах имеет ее законодательное обеспечение. Постановлением Правительства Российской Федерации от 30 марта 2021 г. № 484 утверждена Государственная программа Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации» [3].

Стратегические приоритеты, относящиеся к сфере реализации данной программы, утверждены постановлением Правительства Российской Федерации от 30 октября 2021 г. № 1877. Паспорт Государственной программы утвержден Председателем Правительства Российской Федерации 23 декабря 2021 года № ММ-П47-19108 [4].

Основные цели Государственной программы:

• повышение уровня социально-экономического развития Арктической зоны Российской Федерации путем создания 13,274 тыс. рабочих мест, вложения внебюджетных инвестиций в объеме 399,19 млрд. руб. к 2030 году;

• повышение узнаваемости территорий Арктической зоны Российской Федерации в международном пространстве путем проведения мероприятий международного уровня, привлечение внебюджетных инвестиций в объеме 830,0 млрд. руб. к 2030 году;

• приоритеты и цели государственной политики в сфере реализации Государственной программы связаны с развитием социально-экономического, транзитного потенциала арктических регионов, повышением качества жизни населения.

Структурные элементы Государственной программы:

• федеральный проект «Развитие международного экономического сотрудничества в Арктической зоне Российской Федерации» (срок реализации 2022–2030 гг.);

• федеральный проект «Государственная поддержка реализации на территории Арктической зоны Российской Федерации инвестиционных проектов» (срок реализации 2022–2030 гг.).

Инвестиционная деятельность в арктических регионах сталкивается с комплексом серьезных проблем и вызовов. Ключевыми из них являются экстремальные природно-климатические условия, существенно увеличивающие стоимость реализации проектов и требующие применения специализированной техники и технологий.

Высокие транспортные издержки и удаленность от основных экономических центров создают дополнительные финансовые барьеры. Острая нехватка квалифицированных кадров и высокий уровень оттока населения затрудняют реализацию инвестиционных проектов. Строгие экологические требования и необходимость значительных вложений в природоохранные мероприятия также ограничивают инвестиционную привлекательность региона. При этом геополитическая напряженность и санкционное давление создают дополнительные риски для инвесторов и усложняют доступ к международным финансовым ресурсам.

Таблица 1. **Барьеры и ограничения инвестиционной деятельности в арктических регионах**

Экономические барьеры	Экологические ограничения
Высокие затраты на реализацию проектов	Строгие требования к природоохранным мероприятиям
Сложности с привлечением частных инвесторов	Необходимость создания систем мониторинга
Необходимость разработки специальных механизмов поддержки	Высокие затраты на экологическую безопасность
Длительный срок окупаемости проектов	Ограничения на некоторые виды деятельности

Арктические регионы России обладают значительным потенциалом для развития инвестиционной деятельности [7]. Основными факторами роста являются расширение использования цифровых технологий и автоматизации производственных процессов, что позволит снизить влияние климатических факторов и оптимизировать затраты. Особое значение приобретает развитие Северного морского пути как альтернативного транспортного коридора, что создаст новые возможности для портовых проектов и логистических инициатив. Перспективным направлением становится внедрение экологически чистых технологий и развитие возобновляемой энергетики, что привлечет инвестиции. Развитие социальной инфраструктуры и создание

комфортных условий для проживания населения поможет решить кадровый вопрос и обеспечить устойчивое развитие региона в долгосрочной перспективе [2].

Таблица 2. **Инфраструктурное и социально-экономическое развитие, инновационные направления**

Инфраструктурное развитие	Инновационные направления	Социально-экономическое развитие
Модернизация Северного морского пути	Внедрение цифровых технологий	Развитие туризма и рекреации
Создание новых транспортных узлов	Развитие робототехники	Создание новых рабочих мест
Развитие портовой инфраструктуры	Применение экологически чистых технологий	Улучшение качества жизни населения
Строительство логистических комплексов	Создание умных городов	Развитие социальной инфраструктуры

Государственная поддержка инвестиционной деятельности в арктических регионах РФ создает дополнительные стимулы для частных инвесторов и осуществляется через комплексный набор инструментов и механизмов. Ключевым элементом является предоставление налоговых льгот резидентам АЗРФ, включая возможность применения особой налоговой ставки и налоговые каникулы. Действует механизм свободной таможенной зоны на обустроенных участках, а также упрощенная процедура проверок по согласованию с профильным министерством [6].

Инвесторы получают административную поддержку: земельные участки предоставляются без торгов, проверки проводятся в сокращенные сроки и только по согласованию с уполномоченными органами. Работает механизм единой субсидии, направленный на поддержку перспективных центров экономического роста, включая административные центры, городские населенные пункты, агропромышленные и минерально-сырьевые центры.

Развивается институт арктической концессии – особый режим использования и развития территорий в виде соглашения между государственными органами и инвесторами, предоставляющий специальные права на экономическую деятельность. Дополнительно применяются энергосервисные контракты для развития смешанной генерации с использованием возобновляемых источников энергии.

Все эти меры способствуют созданию привлекательных инвестиционных условий, стимулируют приток частных инвестиций, поддерживают научно-технический прогресс и повышают качество жизни населения арктических территорий.

Таблица 3. **Меры и перспективные инструменты развития**

Существующие меры	Перспективные инструменты
Налоговые льготы	Создание инвестиционных фондов
Субсидирование процентных ставок	Развитие механизмов ГЧП
Государственные гарантии	Внедрение системы страхования рисков
Специальные инвестиционные контракты	Поддержка инновационных проектов

Таким образом, инвестиционная деятельность в арктических регионах РФ находится в стадии активного развития при существенной государственной поддержке. Несмотря на объективные сложности, связанные с суровыми климатическими условиями и удаленностью территорий, арктические регионы обладают значительным потенциалом для привлечения инвестиций и реализации масштабных проектов. Основными факторами успеха являются развитие Северного морского пути, внедрение цифровых технологий и автоматизации, реализация экологических инициатив и модернизация социальной инфраструктуры.

Перспективы развития инвестиционной деятельности в арктических регионах связаны с дальнейшим совершенствованием механизмов государственной поддержки, развитием транспортной инфраструктуры, внедрением инновационных технологий и повышением качества жизни местного населения. При сохранении текущего курса государственной политики развития Арктики можно ожидать увеличения притока инвестиций и реализацию новых масштабных проектов в регионе.

Дальнейшая активизация инвестиционной деятельности в арктических регионах станет важным фактором укрепления экономического потенциала России, обеспечения национальной безопасности и реализации стратегических интересов страны в Арктическом регионе.

Библиографический список

1. Левина А.И., Дубгорн А.С., Фадеев А.М., Калязина С.Е. (2024). Цифровая и логистическая инфраструктуры Арктической зоны: современное состояние исследований и пути развития // Арктика и Север. № 56. С. 128–145. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2024.56.128
2. Постановление Правительства Российской Федерации «Об утверждении государственной программы Российской Федерации “Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации”» от 30 марта 2021 г. № 484. URL: https://base.garant.ru/400534977/
3. Указ Президента РФ «О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности до 2035 года» от 26 октября 2020 г. № 645. URL: https://base.garant.ru/74810556/
4. Федеральный закон «О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации» от 13 июля 2020 г. № 193-ФЗ. URL: https://www.alta.ru/tamdoc/20fz0193/
5. Чапаргина А.Н., Емельянова Е.Е. (2022). Малое и среднее предпринимательство как фактор развития инвестиционной деятельности в регионах Арктики РФ // Научные труды Вольного экономического общества России. Т. 238. № 6. С. 204–225. DOI: 10.38197/2072-2060-2022-238-6-204-225
6. Янковский В.В., Кудряшов В.С. (2019). Современное положение и роль арктического региона в системе экономических интересов России // Научные труды Северо-Западного института управления РАНХиГС. Т. 10. № 4(41). С. 109–116.

Информация об авторах

Чапаргина Анастасия Николаевна – доцент кафедры экономики, управления и социологии, филиал федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Мурманский арктический университет» в г. Апатиты (Российская Федерация, 184209, г. Апатиты, ул. Лесная, д. 29; e-mail: achapargina@yandex.ru).

Шарабашева Анастасия Олеговна – студент 3-го курса, филиал федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Мурманский арктический университет» в г. Апатиты (Российская Федерация, 184209, г. Апатиты, ул. Лесная, д. 29; e-mail: anastar.2001@mail.ru); лаборант, Полярно-альпийский ботанический сад-институт им. Н.А. Авронина, обособленное подразделение федерального государственного бюджетного учреждения науки федерального исследовательского центра «Кольский научный центр Российской академии наук» (Российская Федерация, 184256, г. Кировск, ул. Ботанический сад; e-mail: anastar.2001@mail.ru).

INVESMENT ACTIVITY IN THE ARCTIC REGIONS OF THE RUSSIAN FEDERATION: CURRENT STATE AND DEVELOPMENT PROSPECTS

Abstract. *The article examines the peculiarities of investment activity in the Arctic regions of Russia, analyzes current trends and prospects for the development of this area. Particular attention is paid to public and private investments, problems and prospects for the development of the region.*

Keywords: *Arctic, investments, development, regions, economics, infrastructure, innovations.*

About the authors

Anastasia N. Chapargina – Associate Professor of the department of economics, management and sociology, Apatity branch of Murmansk Arctic University (29, Lesnaya Street, Apatity, 184209, Russian Federation; e-mail: achapargina@yandex.ru).

Anastasia Olegovna Sharabasheva – 3rd year student Apatity branch of Murmansk Arctic University (29, Lesnaya Street, Apatity, 184209, Russian Federation; e-mail: anastar.2001@mail.ru); laboratory assistant, Avronin Polar-Alpine Botanic Garden-Institute- Subdivision of the Federal Research Centre "Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciencens" (Botanical Garden Street, Kirovsk, 184256, Russian Federation; e-mail: anastar.2001@mail.ru).

References

1. Chapargina A.N., Emelyanova E.E. (2022). Small and medium-sized businesses as a factor in the development of investment activities in the Arctic regions of the Russian Federation. Scientific works of the Free Economic Society of Russia, 238(6), pp. 204–225. DOI: 10.38197/2072-2060-2022-238-6-204-225
2. Decree of the Government of the Russian Federation "On Approval of the State Program of the Russian Federation "Socioeconomic Development of the Arctic Zone of the Russian Federation" of March 30, 2021. No. 484. Available at: https://base.garant.ru/400534977/
3. Decree of the President of the Russian Federation "On the Strategy for the Development of the Arctic Zone of the Russian Federation and Ensuring National Security until 2035" of October 26, 2020, No. 645. Available at: https://base.garant.ru/74810556/
4. Federal Law No. 193-FZ of July 13, 2020, on State Support for Entrepreneurial Activity in the Arctic Zone of the Russian Federation. Available at: https://www.alta.ru/tamdoc/20fz0193/
5. Levina A.I., Dubgorn A.S., Fadeev A.M., Kalyazin S.E. (2024). Digital and logistics infrastructure of the Arctic zone: current state of research and development paths. The Arctic and the North, 56, pp. 128-145. DOI: 10.37482/issn2221- 698. 2024.56.128
6. Yankovsky V.V., Kudryashov V.S. (2019). The current situation and role of the Arctic region in the system of economic interests of Russia. Scientific works of the North-West Institute of Management RANEPA, 10, 4(41), pp. 109–116.

УДК У9(2)42 / ББК 658.71:004.9

Шабер Е.А.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СПЕЦИАЛИСТОВ ПО ЗАКУПКАМ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ И ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ

Аннотация. *В статье представлены материалы социологического исследования, касающиеся понимание того, как введение национального режима и переход на цифру сказывается на профессиональной деятельности специалистов по закупкам в современных экономических условиях России. В рамках исследования были изучены представления специалистов по закупкам в своей профессиональной деятельности, о сложностях с которыми они сталкиваются в условиях внедрения новых технологий.*

Ключевые слова: *цифровая трансформация, импортозамещение, специалисты по закупкам, компетенции, электронный документооборот, отечественная продукция.*

Цифровая трансформация в современном обществе врывается во все сферы его жизнедеятельности. Сначала первое и значимое влияние оказала пандемия COVID-19. Затем развитие цифровых технологий стало естественным процессом во всех сферах, начиная от уровня государственного сектора и заканчивая простыми потребностями гражданского общества.

Актуальность исследования определяется несколькими важными факторами.

Во-первых, особую значимость приобретает борьба с коррупцией в сфере закупок [7]. Цифровизация становится ключевым инструментом, который помогает сделать процессы более прозрачными и эффективными. Внедрение национального режима [4] и политики импортозамещения также играет важную роль в этом процессе.

Во-вторых, происходит масштабная цифровая трансформация системы государственных и муниципальных закупок [2, 3]. Современные технологии позволяют автоматизировать процессы и сделать их более эффективными.

В-третьих, появляются новые нормативные требования [1], которые требуют приспособления к ним со стороны специалистов по закупкам. Им приходится перестраиваться под национальный режим и политику импортозамещения.

Практическая значимость исследования заключается в нескольких аспектах. Прежде всего, исследование помогает сделать закупочные процедуры более прозрачными и снизить риски коррупции. Кроме того, повышается общая эффективность системы закупок благодаря внедрению цифровых технологий.

В условиях активного внедрения политики импортозамещения эта тема становится еще более значимой, поскольку требует не только цифровой трансформации процессов, но и оптимизации всей системы закупок в новых условиях работы с отечественными поставщиками и производителями.

Эффективное решение этих задач возможно только при условии системного подхода к изучению проблем и разработке практических рекомендаций по оптимизации закупочной деятельности в новых реалиях.

Цифровизация государственного управления и ключевых отраслей экономики становится одним из приоритетных направлений развития России на ближайшие годы. Как отмечается в Указе Президента от 7 мая 2018 г. № 204: «Внедрение цифровых технологий в экономику и социальную сферу определено как одна из главных национальных целей развития страны до 2024 года» [5].

В 2024 году были поставлены новые амбициозные задачи в рамках Указа о национальных целях развития до 2030 года и на перспективу до 2036 года. Как подчеркивается в документе: «Основной целью стало достижение “цифровой зрелости” государственного и муниципального управления, а также ключевых отраслей экономики и социальной сферы к 2030 году» [6].

В современном обществе происходит масштабная трансформация системы закупок, которая затрагивает интересы различных социальных групп. Цифровизация и импортозамещение создают новые условия работы для всех участников процесса, что порождает ряд серьезных проблем.

Прежде всего, меняется привычный уклад работы сотрудников, отвечающих за закупки. Им приходится одновременно осваивать новые цифровые платформы и искать надежных отечественных поставщиков, что создает дополнительную социальную напряженность. Многие специалисты испытывают стресс из-за необходимости быстро переобучаться и подстроиться к меняющимся условиям.

Кроме того, возникают новые формы взаимодействия между заказчиками и поставщиками, которые требуют времени для становления и налаживания эффективных связей. Это приводит к временной неэффективности процессов и необходимости поиска новых решений.

Особую остроту приобретает вопрос прозрачности системы и борьбы с возможными злоупотреблениями [8]. В условиях стремительных изменений появляются новые способы обхода правил, что требует разработки эффективных механизмов контроля.

Все это создает сложную социальную ситуацию, требующую комплексного решения. Необходимо найти баланс между внедрением цифровых технологий, реализацией политики импортозамещения и учетом человеческого фактора. Важно создать условия, при которых все участники процесса смогут эффективно работать в новых условиях, сохраняя прозрачность и справедливость системы закупок.

Таким образом, основная проблема исследования заключается в необходимости разработки социальных механизмов, которые помогут специалистам приспособиться к новым условиям закупок, сделав этот процесс максимально эффективным и прозрачным для всех участников.

Цель данного исследования заключается в изучении представлений о профессиональной деятельности специалистов, работающих в сфере закупок, в новых условиях цифровизации и импортозамещения.

Данная тема предполагает реализацию следующих задач:

1. Выявить основные условия, влияющие на профессиональное поведение специалистов в сфере закупок, и описать их практический опыт работы в новых условиях.

2. Определить ключевые проблемы и преимущества, с которыми сталкиваются специалисты в своей работе с отечественными поставщиками и цифровыми платформами.

3. Проанализировать перспективы развития профессиональной деятельности специалистов в сфере закупок в городе-миллионнике (на примере г. о. Самара) с учетом современных требований и тенденций.

Метод исследования. Свободное интервью, в качестве дополнительного метода – анализ документов. На данный момент проведено 6 пилотажных интервью у специалистов по закупкам, которые имеют опыт работы:

- от 3 до 5 лет – это позволит нам узнать мнение молодых специалистов, которые недавно начали свою карьеру в этой сфере. Их мнение важно для понимания начальных этапов работы и возможных трудностей, с которыми они сталкиваются;
- от 10 до 15 лет – это опытные профессионалы, которые могут поделиться своими долгосрочными наблюдениями и накопленным опытом. Их долгосрочные наблюдения помогут выявить тенденции и изменения в контрактной системе.

Рассмотрим какие получились по итогам проведения пилотажа первые результаты. Информанты в первую очередь отмечают переход от «бумажной бюрократической модели» работы к цифровой системе управления как положительное изменение.

Раньше моя работа была преимущественно бюрократической, основанной на ручном заполнении документов и личном взаимодействии с поставщиками, сейчас происходят кардинальное изменение в моей профессиональной среде и мне это нравится (м., 45 л.).

Теперь я могу видеть весь процесс закупки от начала до конца в «режиме реального времени». Это как иметь перед глазами «прозрачное окно» во все этапы работы (ж., 27 л.).

Раньше приходилось держать множество папок с документами для закупок. Сейчас все систематизировано, и любой документ находится за считанные секунды (м., 33 г.).

Информанты выделяют также и негативные аспекты цифровизации: сложности перехода к новым технологиям, особенно среди опытных сотрудников, проблемы межпоколенческого взаимодействия из-за разного уровня цифровой грамотности и практического опыта, а также организационные трудности, связанные с перестройкой рабочих процессов и возможным снижением эффективности в период перехода.

Я вынуждена привыкать к работе с большими данными, учиться просматривать статистику и прогнозировать потребности на основе цифровых данных (ж., 36 г.).

Я привык к традиционным методам и испытываю сложности с привыканием к новому. Мне кажется, молодые специалисты, выросшие в цифровой среде, быстрее осваивают новые технологии. Но опыта у молодежи нет, и именно недостаток практического опыта приводит к ошибкам. (м., 54 г.).

Самое неприятное – это штрафы за неисполнение контрактов. Но сейчас мы можем заранее отслеживать риски и принимать меры (ж., 36 л.).

Кроме того, информанты отмечают, что несмотря на появление дополнительных сложностей при поиске отечественных аналогов импортных товаров и увеличение времени на подготовку обоснований, специалисты отмечают, что цифровая система позволяет эффективно справляться с новыми требованиями по импортозамещению, автоматизируя расчеты и обеспечивая контроль над взаимодействием с поставщиками.

С импортозамещением появились и сложности – иногда сложно найти аналоги импортных товаров, приходится тщательно проверять соответствие требованиям. Но система помогает отслеживать все нюансы (м., 29 л.).

Автоматизация освободила время для действительно важных задач – анализа поставщиков, планирования закупок, работы с бюджетом. Теперь я занимаюсь тем, что приносит реальную пользу компании (ж., 27 л.).

Бывают проблемы с поставками – некоторые производители срывают сроки, приходится переигрывать весь процесс. Но благодаря цифровой системе мы можем быстро реагировать на такие ситуации (м., 45 л.).

Из-за новых требований по импортозамещению увеличилось время на подготовку обоснования. Зато теперь все расчеты и сравнения автоматизированы (м., 27 л.).

Приходится работать с новыми поставщиками, проверять их надежность. Но система позволяет вести полную историю взаимодействия с каждым из них (м., 33 л.).

В заключение следует отметить, что процесс трансформации профессиональной деятельности специалистов по закупкам, обусловленный введением национального режима и цифровизацией, демонстрирует противоречивую динамику. С одной стороны, внедрение новых технологий и правил создает определенные сложности в профессиональной деятельности, требующие существенного переосмысления. С другой стороны, эти изменения открывают новые возможности для развития профессионального потенциала и повышения эффективности закупочной деятельности.

Исследование показало, что специалисты по закупкам успешно осваивают новые цифровые инструменты, что способствует трансформации их профессиональной деятельности и формированию нового набора компетенций. При этом процесс оптимизации закупок сопровождается определенными трудностями, связанными с необходимостью поиска аналогов импортных товаров и увеличением времени на подготовку обоснований.

Перспективы дальнейшего развития профессионального сообщества специалистов по закупкам связаны с углублением процессов цифровизации, что позволит автоматизировать рутинные операции и освободить время для более сложных аналитических задач. Важно продолжать работу по совершенствованию механизмов поддержки специалистов, включая развитие системы профессионального обучения и повышения квалификации, что будет способствовать формированию нового типа профессионала в сфере закупок, способного эффективно работать в условиях цифровой экономики.

Библиографический список

1. Письмо Минтруда России «О Методических рекомендациях по выявлению и минимизации коррупционных рисков при осуществлении закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд от 30 сентября 2020 г. № 18-2/10/П-9716. URL: https://legalacts.ru/doc/pismo-mintruda-rossii-ot-30092020-n-18-210p-9716-o-metodicheskikh/
2. Распоряжение Правительства РФ «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации государственного управления» от 16 марта 2024 г. № 637 р. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408634367/
3. Распоряжение Правительства РФ «Об утверждении Концепции совершенствования закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд малого объема на период до 2027 года» от 26 июня 2024 г. № 1636-р. URL: https://legalacts.ru/doc/rasporjazhenie-pravitelstva-rf-ot-26062024-n-1636-r-ob-utverzhdenii/
4. Постановление Правительства РФ «О мерах по предоставлению национального режима при осуществлении закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, закупок товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» от 23 декабря 2024 г. № 1875 (ред. От 18 февраля 2025 г.). URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/411097 447/
5. Указ Президента РФ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» от 7 мая 2018 г. № 204 (ред. от 21 июля 2020 г.). URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027
6. Указ Президента РФ «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» от 7 мая 2024 г. № 309. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/50542
7. Федеральный закон «О противодействии коррупции» от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/28623
8. Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144624/

Информация об авторе

Шабер Елена Алексеевна – магистрант, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева» (Российская Федерация, 443086, г. Самара, Московское шоссе, д. 34); главный специалист по закупкам отдела учета результатов закупочной деятельности и отчетности.

Shaber E.A.

UNDERSTANDING THE PROFESSIONAL ACTIVITIES OF PURCHASE SPECIALISTS IN THE CONTEXT OF DIGITAL TRANSFORMATION AND IMPORT SUBSTITUTION

Abstract. *The article presents the materials of a sociological study concerning the understanding of how the introduction of the national regime and the transition to digital technology affects the professional activities of procurement specialists in the current economic conditions of Russia. The study examined the ideas of procurement specialists about their professional activities, about the difficulties they face in the context of the introduction of new technologies.*

Keywords: *digital transformation, import substitution, procurement specialists, competencies, electronic document management, domestic products.*

About the author

Elena A. Shaber – Student, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Samara National Research University named after Academician S.P. Korolev" (34, Moskovskoe shosse, Samara, 443086, Russian Federation); chief procurement specialist of the department of accounting for the results of procurement activities and reporting.

References

1. Letter of the Ministry of Labor of Russia "On Methodological Recommendations for Identifying and Minimizing Corruption Risks in the Procurement of Goods, Works, and Services to Meet State or Municipal Needs" of September 30, 2020. No. 18-2/10/P-9716. Available at: https://legalacts.ru/doc/pismo-mintruda-rossii-ot-30092020-n-18-210p-9716-o-metodicheskikh/
2. Resolution of the Government of the Russian Federation "On measures to provide national treatment in the procurement of goods, works, services to meet state and municipal needs, procurement of goods, works, services by certain types of legal entities" of December 23, 2024. No. 1875 (as amended on February 18, 2025) Available at: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/411097447/
3. Federal Law "On Combating Corruption" of December 25, 2008. No. 273-FZ. Available at: http://www.kremlin.ru/acts/bank/28623
4. Federal Law "On the Contract System in the Sphere of Procurement of Goods, Works, and Services to Meet State and Municipal Needs" of April 5, 2013. No. 44-FZ. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144624/
5. Decree of the President of the Russian Federation "On the national goals and strategic objectives of the development of the Russian Federation for the period up to 2024" of May 7, 2018. No. 204 (as amended on July 21, 2020). Available at: http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027
6. Decree of the President of the Russian Federation "On the national goals of the development of the Russian Federation for the period up to 2030 and for the future up to 2036" of May 7, 2024. No. 309. Available at: http://www.kremlin.ru/acts/ bank/50542
7. Order of the Government of the Russian Federation "On approval of the Concept for improving the procurement of goods, works, services to meet state and municipal needs of small volumes for the period up to 2027" of July 26, 2024. No. 1636-r. Available at: https://legalacts.ru/doc/rasporjazhenie-pravitelstva-rf-ot-26062024-n-1636-r-ob-utverzhdenii/
8. Order of the Government of the Russian Federation "On Approval of the Strategic Direction in the Field of Digital Transformation of Public Administration" of March 16, 2024. No. 637-r. Available at: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408634367/

УДК 332.1 / ББК 65.9

Широкова Е.Ю.

РОЛЬ ОБРАБАТЫВАЮЩЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКЕ

Аннотация. *В настоящем исследовании выделены проблемы и принципы развития региона в условиях турбулентности и неопределенности. Обоснована ключевая роль обрабатывающей промышленности региона для его устойчивого развития и преодоления негативного влияния внешних факторов.*

Ключевые слова: *регион, обрабатывающая промышленность, проблемы, принципы, фактор, устойчивое развитие.*

Благодарность

Исследование выполнено в рамках НИР № FMGZ-2025-0012 «Структурно-технологическая трансформация региональной экономики в условиях обеспечения национальной безопасности Российской Федерации: мониторинг, регулирование и прогноз».

Постоянное усиление санкционного давления на Россию в условиях проведения специальной военной операции способствует сохранению актуальности задачи поиска факторов нивелирования негативного воздействия внешних факторов. В новом ежегодном прогнозе «Россия и мир»[1] Институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова назвал неопределенность основной мировой проблемой. Усиление с начала года неопределенности ближайшего будущего практически по всем направлениям мировой политики и экономики, по мнению ученых Института, сопровождается «сопутствующей неопределенностью», которая «порождается в результате нестабильного политико-психологического состояния обществ и элит», переживших различные кризисы. Основное внимание эксперты уделили изменениям в американской политике, но состояние экономики и политики в России также вызывает опасения. Последние исследования деловой активности [1] методом наукастинга позволяют отразить позитивные и негативные шоки ожиданий и степень чувствительности к внешним угрозам. В данном исследовании на основе выделенных проблем для развития экономики в условиях неопределенности будут выделены базовые принципы, помогающие справиться с вызовами, и отмечена роль обрабатывающих производств в стабилизации региональной экономики.

Развитие экономики и территорий в условиях турбулентности и неопределенности сталкивается с рядом серьезных проблем [2]. Эти вызовы могут быть как внешними (глобальные кризисы, санкции, пандемии), так и внутренними (институциональные слабости, недостаток ресурсов). Рассмотрим основные проблемы и их последствия.

1. Нестабильность глобальной экономики приводит к колебаниям цен на сырье, валютным кризисам, торговым войнам, санкциям. Вследствие этого происходит снижение экспортных доходов, ухудшение инвестиционного климата, нестабильность финансовых рынков.

2. Неопределенность и риски не позволяют уверенно прогнозировать экономическую ситуацию, что снижает инвестиционную активность, замораживает долгосрочные проекты.

3. Недостаток инвестиций является следствием низкого уровня доверия инвесторов в условиях нестабильности и приводит к замедлению темпов экономического роста, недостатку финансирования инфраструктурных проектов.

4. Зависимость от сырьевого сектора появляется из-за высокой доли сырьевого экспорта в экономике и указывает на наличие уязвимости к колебаниям цен на сырье, недостаточного развития обрабатывающих отраслей.

[1] Прогноз на 2025 год: напряженное ожидание негативного развития событий. Интерфакс. URL: https://www.interfax.ru/world/1002583

5. О слабости институтов свидетельствует неэффективное управление, наличие коррупции и бюрократия. Следствием проблемы является снижение доверия бизнеса и населения, замедление реформ.

6. Несоответствие навыков работников требованиям рынка ведет к дефициту квалифицированных кадров и низкой производительности труда, что ограничивает возможности для внедрения инноваций.

7. Изношенность инфраструктуры появляется из-за недостатка современных транспортных, энергетических и цифровых инфраструктур и несет высокие издержки для бизнеса, ограничение доступности удаленных территорий.

8. Социальное неравенство появляется вследствие неравномерного распределения доходов и ресурсов между регионами. Оно приводит к росту социальной напряженности и миграции населения из депрессивных регионов.

9. Экологические вызовы (загрязнение окружающей среды, изменение климата) являются причинами дополнительных затрат на экологические мероприятия и ухудшения качества жизни.

10. Демографические проблемы, такие как старение населения, низкая рождаемость и миграция вызывают дефицит рабочей силы и увеличение нагрузки на социальную систему.

Основные проблемы развития экономики и территорий в условиях турбулентности и неопределенности связаны с нестабильностью глобальной экономики, недостатком инвестиций, слабостью институтов и технологическим отставанием. Для их преодоления необходимы: стратегическое планирование; диверсификация экономики; инвестиции в человеческий капитал и инфраструктуру; внедрение инноваций; укрепление институтов и повышение прозрачности управления. Решение этих проблем требует комплексного подхода и взаимодействия государства, бизнеса и общества.

Развитие экономики и территорий в условиях турбулентности и неопределенности требует гибкости, адаптивности и стратегического планирования. Рассмотрим основные принципы, которые могут помочь справиться с вызовами.

1. Диверсификация экономики для снижения зависимости от одной отрасли или рынка. Для этого необходимо развитие различных секторов экономики (промышленность, сельское хозяйство, услуги, IT), чтобы минимизировать риски, связанные с колебаниями спроса или внешними шоками.

2. Устойчивость к внешним шокам, т. е. создание подушки безопасности для экономики. Требуется формирование резервных фондов, развитие местного производства и снижение зависимости от импорта.

3. Инновации и цифровизация – использование технологий для повышения эффективности и конкурентоспособности. Для этого внедряют цифровые решения в управление, производство и логистику, вводится поддержка стартапов и технологических компаний.

4. Гибкость и адаптивность, т. е. способность быстро реагировать на изменения. Необходимо создание гибких бизнес-моделей, пересмотр стратегий в реальном времени, обучение сотрудников новым навыкам.

5. Инвестиции в человеческий капитал нужны для развития навыков и компетенций населения. Поэтому важна поддержка образования, переподготовка кадров и создание программ повышения квалификации.

6. Устойчивое развитие – это баланс между экономическим ростом, социальной справедливостью и экологической ответственностью. Для его достижения внедряют зеленые технологии, снижают углеродный след и развивают возобновляемую энергетику.

7. Поддержка малого и среднего бизнеса (МСБ) как драйвера экономического роста и занятости. Осуществляется путем упрощения регуляторных процедур, предоставления льготных кредитов и создания бизнес-инкубаторов.

8. Развитие инфраструктуры, поскольку инфраструктура является основой экономического роста. Следует инвестировать в транспорт, энергетику, цифровую инфраструктуру и коммуникации.

9. Межрегиональное и международное сотрудничество для интеграции в глобальные и региональные цепочки создания стоимости. Для этого надо развивать торговые связи, участвовать в международных проектах, создавать кластеры.

10. Социальная стабильность для снижения социальной напряженности. Для этого целесообразно поддерживать уязвимые группы населения, создавать новые рабочие места, развивать социальную инфраструктуру.

11. Государственная поддержка по принципу обеспечения активной роли государства в стабилизации экономики. Введение антикризисных мер, субсидий, налоговых льгот, поддержка ключевых отраслей.

12. Долгосрочное стратегическое планирование с ориентацией на долгосрочные цели – разработка стратегий развития с учетом возможных рисков и сценариев.

13. Управление рисками по принципу прогнозирования и минимизации рисков. Для чего создаются системы мониторинга, проводится анализ сценариев, разрабатываются планы действий в кризисных ситуациях.

14. Локализация производства для снижения зависимости от глобальных цепочек поставок. Требуется развитие местного производства, импортозамещение, поддержка отечественных производителей.

15. Эффективное управление ресурсами, т. е. увеличение рациональности их использования. Необходимо внедрение ресурсосберегающих технологий, оптимизация производственных процессов.

16. Прозрачность и открытость, доверие как основа устойчивого развития. Для чего обеспечивается прозрачность в управлении, ведется борьба с коррупцией, граждане вовлекаются в процессы принятия решений.

17. Фокус на внутренний рынок для развития внутреннего спроса. Целесообразна поддержка потребительского спроса, развитие местных брендов, стимулирование внутреннего туризма.

18. Экспортная ориентация (диверсификация экспорта), т. е. поддержка экспортеров, развитие новых рынков сбыта, повышение конкурентоспособности продукции.

19. Кластерный подход для объединения усилий в целях повышения конкурентоспособности. Необходимо создание промышленных, технологических и сельскохозяйственных кластеров.

20. Экологическая ответственность и минимизация негативного воздействия на окружающую среду. Для чего внедряют экологические стандартов, развивают зеленую экономику.

Отметим, что в условиях турбулентности и неопределенности ключевыми принципами развития экономики и территорий являются гибкость, адаптивность и стратегическое планирование. Важно сочетать краткосрочные антикризисные меры с долгосрочными стратегиями, направленными на устойчивое развитие, инновации и социальную стабильность.

Обрабатывающая промышленность играет ключевую роль в стабилизации и развитии экономики регионов, особенно в условиях турбулентности и неопределенности. Она может стать драйвером роста, обеспечивая устойчивость, создавая рабочие места и стимулируя смежные отрасли. Рассмотрим, как обрабатывающая промышленность может помочь регионам в сложных условиях.

1. Создание добавленной стоимости, поскольку переработка сырья в готовую продукцию увеличивает добавленную стоимость, что способствует росту валового регионального продукта. Например, переработка сельскохозяйственной продукции в пищевой промышленности или производство товаров народного потребления.

2. Диверсификация экономики – развитие обрабатывающей промышленности снижает зависимость регионов от сырьевого сектора, делая экономику более устойчивой к внешним шокам. Так, регионы, зависящие от добычи нефти, могут развивать нефтехимическую промышленность.

3. Создание рабочих мест – обрабатывающая промышленность требует значительного количества кадров, что снижает уровень безработицы и повышает доходы населения. Для примера, открытие текстильного производства обеспечивает работой местное население.

4. Стимулирование смежных отраслей, так как развитие промышленности способствует росту транспортной, логистической, энергетической и строительной отраслей. Пример: строительство завода стимулирует развитие транспортной инфраструктуры и поставки оборудования.

5. Импортозамещение – локализация производства снижает зависимость от импорта, что особенно важно в условиях санкций или сбоях в глобальных цепочках поставок. Например, производство электроники, лекарств или оборудования внутри страны.

6. Инновации и технологическое развитие, так как обрабатывающая промышленность стимулирует внедрение новых технологий, что повышает конкурентоспособность региона. Например, использование роботизированных линий в машиностроении или внедрение энергосберегающих технологий.

7. Экспортный потенциал – развитие промышленности позволяет регионам увеличивать экспорт готовой продукции, привлекая иностранную валюту и инвестиции. Пример: производство автомобилей, станков или химической продукции для экспорта.

8. Устойчивость к кризисам – обрабатывающая промышленность менее подвержена колебаниям цен на сырье, чем добывающий сектор. Так, в условиях падения цен на нефть регионы с развитой нефтехимией страдают меньше, чем те, которые зависят только от добычи.

9. Развитие человеческого капитала – промышленные предприятия инвестируют в обучение и повышение квалификации сотрудников, что способствует развитию человеческого капитала. Пример: создание учебных центров при заводах или сотрудничество с местными вузами.

10. Улучшение инфраструктуры – развитие промышленности требует модернизации транспортной, энергетической и коммуникационной инфраструктуры. Например, строительство новых дорог, железнодорожных веток или энергетических мощностей для обеспечения работы заводов.

11. Социальная стабильность – создание рабочих мест и повышение доходов населения снижает социальную напряженность. Так, в моногородах, где градообразующие предприятия являются основой экономики, развитие промышленности критически важно для социальной стабильности.

12. Экологическая устойчивость – современные технологии позволяют минимизировать негативное воздействие промышленности на окружающую среду. Например, внедрение зеленых технологий в производственные процессы.

13. Кластерный подход – создание промышленных кластеров способствует синергии между предприятиями, научными учреждениями и властями. Примерами могут служить кластеры в области машиностроения, химической промышленности или IT.

14. Поддержка малого и среднего бизнеса – обрабатывающая промышленность стимулирует развитие малых и средних предприятий, которые становятся поставщиками или подрядчиками. Пример: малые предприятия, производящие комплектующие для крупных заводов.

15. Снижение зависимости от глобальных цепочек поставок – локализация производства снижает риски, связанные со сбоями в глобальных цепочках поставок. Например, производство медицинского оборудования или лекарств внутри страны.

16. Увеличение налоговых поступлений – промышленные предприятия платят налоги, что увеличивает доходы региональных бюджетов. Пример: налоговые поступления от крупных заводов могут быть направлены на развитие социальной инфраструктуры.

17. Развитие внутреннего рынка – обрабатывающая промышленность способствует насыщению внутреннего рынка качественными товарами. Пример: производство строительных материалов, мебели или бытовой техники.

18. Создание инновационных экосистем – промышленные предприятия часто становятся центрами инноваций, привлекая стартапы и исследовательские организации. Пример: технопарки и инновационные центры при крупных заводах.

19. Укрепление экономической безопасности – локализация критически важных производств (например, лекарств, продуктов питания) повышает устойчивость региона к внешним угрозам. Пример: производство вакцин или медицинского оборудования.

20. Поддержка экспорта – обрабатывающая промышленность способствует увеличению экспорта готовой продукции, что улучшает торговый баланс региона. Пример: экспорт автомобилей, станков или химической продукции.

Таким образом, обрабатывающая промышленность может стать ключевым фактором устойчивого развития регионов в условиях турбулентности и неопределенности. Она способствует: созданию добавленной стоимости, диверсификации экономики, созданию рабочих мест, развитию инфраструктуры, повышению инновационного потенциала. Для успешного развития промышленности необходима поддержка со стороны региональных властей, включая инвестиции в инфраструктуру, образование и создание благоприятного инвестиционного климата.

Библиографический список

1. Федюнина А.А., Юревич М.А., Городный Н.А. (2024). Пандемия, санкции и беспокойство в регионах России: наукастинг ожиданий деловой активности // Вопросы экономики. № 3. С. 96–119. DOI: 10.32609/0042-8736-2024-3-96-119
2. Широв А.А. (2023). Развитие российской экономики в среднесрочной перспективе: риски и возможности // Проблемы прогнозирования. № 2(197). С. 6–17. DOI: 10.47711/0868-6351-197-6-17

Информация об авторе

Широкова Елена Юрьевна – младший научный сотрудник, ФГБУН ВолНЦ РАН (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: shir11@bk.ru).

Shirokova E.Y.

THE ROLE OF THE MANUFACTURING INDUSTRY IN THE REGIONAL ECONOMY

Abstract. *This study highlights the problems and principles of the region's development in conditions of turbulence and uncertainty. The key role of the region's manufacturing industry for its sustainable development and overcoming the negative impact of external factors is substantiated.*

Keywords: *region, manufacturing industry, problems, principles, factor, sustainable development.*

About the author

Elena Y. Shirokova – Junior Researcher, VolRC RAS (56a, Gorky Street, 160014, Vologda, Russian Federation; e-mail: shir11@bk.ru).

References

1. Fedyunina A.A., Yurevich M.A., Gorodny N.A. (2024). The pandemic, sanctions and anxiety in the regions of Russia: the science of business activity expectations. Voprosy ekonomiki, 3, pp. 96–119. DOI: 10.32609/0042-8736-2024-3-96-119
2. Shirov A.A. (2023). Development of the Russian economy in the medium term: risks and opportunities. Problems of forecasting, 2(197), pp. 6–17. DOI: 10.47711/0868-6351-197-6-17

Электронное научное издание

ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ
И РЕГИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ
В ЗЕРКАЛЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИЗМЕРЕНИЙ

Материалы X международной научно-практической интернет-конференции
г. Вологда, 24 – 28 марта 2025 г.

Редакционная подготовка	И.А. Кукушкина
Оригинал-макет	О.Я. Байрамов

Материалы публикуются в авторской редакции
Подписано к использованию 21.11.2025. Тираж 500 экз. Усл. печ. л. 50,1. Заказ № 43.
Электронный текст. дан. (5,6 Мб).

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук»
(ФГБУН ВолНЦ РАН)
160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а, ВолНЦ РАН
Тел. (8172) 59-78-10, e-mail: common@volnc.ru

ISBN 978-5-93299-637-9